КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

А. М. СЕЛИЩЕВ

ТРУДЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

А. М. СЕЛИЩЕВ

ТРУДЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Том 1

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

© Языки славянской культуры. Электронная версия книги. 2007

ББК 81.2Рус-2
С 29

Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Русский язык» в 2002 году

Селищев А. М.

С 29 Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 632 с., ил. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-94457-136-5

В книгу включены наиболее значительные труды по социолингвистике, этнологии и ономастике классика отечественной филологии, члена-корреспондента АН СССР А. М. Селищева (1886—1942). В издание вошли также неизвестные ранее архивные материалы, осуществлена републикация редких монографических работ, актуальных для современной науки и учебной практики: «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926» и «Забайкальские старообрядцы. Семейские». Они содержат базовые положения для основных курсов лингвистических дисциплин в вузе, раскрывают ключевые понятия языкознания: русский национальный язык, его формы, функционирование письменного языка, русские диалекты, русский язык в иноязычной среде и др.

Для филологов-русистов и славистов, студентов вузов, обучающихся по специальностям «Русский язык», «Теория языка», аспирантов и докторантов, широкого круга педагогов-словесников и научных работников, историков языкознания. Книга может использоваться в качестве *практического* учебного пособия при обучении социо- и этнолингвистике, лингвокраеведению, историческим циклам предметов регулярных курсов, а также спецкурсов и спецсеминаров по широкому кругу проблем русского языка.

ББК 81.2Рус-2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-136-5 © Б. А. Успенский, О. В. Никитин. Составление, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей *(О. В. Никитин, Б. А. Успенский)* 7

Афанасий Матвеевич Селищев: Очерк жизни и деятельности *(О. В. Никитин)* 10

А. М. Селищев — славист-балканист: Жизненный путь *(С. Б. Бернштейн)* 22

Язык и революция

Из наблюдений над русским языком последних лет (тезисы доклада) 45

Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926) 47

I. Введение 49

II. Общий характер языковой деятельности революционного времени 65

III. Коммуникативная функция речи 69

IV. Эмоционально-экспрессивная функция речи 156

V. Номинативная функция 189

VI. Изменение значения слов 222

VII. Языковые новшества на фабрике и заводе 227

VIII. В деревне 238

IX. Руссизмы в языках национальных меньшинств 246

Дополнения 251

Библиография 253

Словарный указатель 254

Революция и язык 280

Выразительность и образность языка революционной эпохи 287

Из «Очерков по русскому языку современной эпохи» 300
О языке современной деревни 320

Ономастика

Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ 387
Смена фамилий и личных имен 423
Из старой и новой топонимии 436

Забайкальские старообрядцы. Семейские 495

Иллюстрации из архива 619

От составителей

Научное наследие Афанасия Матвеевича Селищева обширно и разнообразно. Он являлся не только крупным специалистом по славянским языкам и диалектам, но и выпустил ряд содержательных трудов по истории русского языка, этнологии, топонимике, социолингвистике и другим областям. Причем в каждое из названных направлений его вклад оригинален и самостоятелен. А. М. Селищев как наблюдательный и тонкий лингвист одинаково хорошо разбирался и в подборе и комментировании материала, и в технике написания работы, всякий раз являя научному миру редкие образцы скрупулезного анализа весьма непростых вопросов языкознания.

Труды А. М. Селищева стали известны широкой читательской аудитории более 30 лет тому назад, когда издательство «Просвещение» впервые после долгого перерыва выпустило том «Избранных трудов» (М., 1968) ученого по истории русского языка, диалектологии и несколько статей по славянским проблемам. Составитель (ученица А. М. Селищева Е. А. Василевская) и издатели проделали большую изыскательскую работу: прокомментировали помещенные в книгу работы, собрали и опубликовали список печатных трудов ученого, обнародовали его архив (ныне хранится в РГАЛИ). Но и они объективно не смогли вместить в объемный том все значительные произведения А. М. Селищева.

Настоящее издание призвано восполнить имеющийся пробел.

В первый том «Трудов по русскому языку» мы отобрали работы по социолингвистике, как знакомые читателям по прежнему изданию, так и новые, издававшиеся лишь при жизни ученого или неопубликованные вовсе.

В первый раздел включены работы собственно по социолингвистике 1920—1930-х гг.: «Революция и язык», «Выразительность и

образность языка революционной эпохи», «О языке современной деревни». Из архивных материалов сюда вошли тезисы доклада А. М. Селищева «Из наблюдений над русским языком последних лет» и фрагменты неоконченной книги «Очерки по русскому языку современной эпохи», представляющие немалый интерес в том числе и для современных социолингвистических исследований.

В нашем издании впервые полностью публикуется забытая книга А. М. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926», имевшая в свое время большой резонанс как один из первых опытов научного исследования языка советской эпохи. В силу понятных обстоятельств, эта книга долгие годы находилась в «специальных» фондах библиотек, и доступ к ней был ограничен. Многие, бесспорно, интересные и точные наблюдения ученого над составом русского языка тех лет, представленные в ней, и сейчас являются образцом исследований такого типа, ставших столь популярными в последние годы.

Второй раздел «Ономастика» содержит три работы А. М. Селищева: «Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ», «Смена фамилий и личных имен» и «Из старой и новой топонимии».

Наконец, в третий раздел включена забытая книга А. М. Селищева «Забайкальские старообрядцы» — выразительный опыт этно- и социолингвистического исследования представителей малоизвестной конфессиональной группы.

В наше издание впервые в таком объеме вошли не публиковавшиеся ранее иллюстративные материалы — фотографии А. М. Селищева и рисунок, дополняющие его облик и придающие ему неподражаемый «селищевский» колорит.

При подготовке материалов мы избегали радикальной правки авторского текста. Наши изменения коснулись, главным образом, отдельных излишних пунктуационных знаков и унификации технического оформления издания. Наибольший разнобой в этом отношении встречается в «Языке революционной эпохи», который, по-видимому, из-за типографских просчетов того времени не всегда последовательно реализует авторскую концепцию. При подготовке к публикации названной выше книги мы дали курсивом все необходимые смысловые выделения слов и отдельных фраз в примерах, заключив цитируемые фрагменты в кавычки (в первом издании они даются вразнобой), исправили также очевидные орфографические погрешности и привели их в соответствие с современными нормами. Отдельные устаревшие написания слов (напр.: *руссизмы* и др.), характеризующие авторский стиль сохранены. Во всех конкретных при-

мерах наши изменения комментируются в примечаниях. В случае необходимых вставок составители помещают свой текст в квадратные скобки. Эти же принципы применяются и к воспроизведению других работ А. М. Селищева.

При работе над текстом исследования ученого «Забайкальские старообрядцы» мы посчитали целесообразным максимально сохранить архивную орнаментику книги, фиксирующую многие источники рукописного свойства и потому требующую буквальной (не упрощенной) передачи графических знаков.

Издание предназначено для филологов-русистов и славистов, студентов вузов, обучающихся по специальностям «Русский язык», «Теория языка», аспирантов и докторантов, широкого круга педагогов-практиков и научных работников, историков языкознания. Книга может использоваться в качестве *практического* учебного пособия при обучении историческим циклам предметов регулярных курсов, а также спецкурсов и спецсеминаров по широкому спектру проблем русского языка, диалектологии, этнологии и социолингвистики. Помещенные в издание труды ученого содержат базовые положения для основных курсов лингвистических дисциплин в вузе, раскрывают многие ключевые проблемы диахронического и современного языкознания: русский национальный язык, его формы, происхождение; функционирование письменного языка; русский язык в иноязычной среде; формирование подъязыковых групп и др.

Составители и издательство выражают благодарность Российскому государственному архиву литературы и искусства и Архиву РАН за предоставленные материалы.

О. В. Никитин, Б. А. Успенский
Ноябрь 2002 г.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ СЕЛИЩЕВ:
Очерк жизни и деятельности

К ученым такого масштаба, как А. М. Селищев, трудно подступать сразу, представляя читателю жизненный путь и труды, овеянные десятилетиями непрестанной, напряженной работы, нелегкой личной жизни, полной тягот и лишений. О А. М. Селищеве уже немало написано и сказано, но в основном это были либо статьи и книги, созданные коллегами под впечатлением его трудов, либо воспоминания. До сих пор мы не имеем сколько-нибудь полного собрания его наиболее важных работ и биографической статьи, вобравшей бы в себя *новые* архивные материалы и документальные свидетельства, раскрывающие его жизнь и научную деятельность без того хрестоматийного глянца и налета «устарелости», который почти всегда возникает по отношению к таким величинам, укрывая от нас живой облик самого ученого, этапы его «неофициальной» творческой биографии, о которых не было принято говорить ранее, а сейчас, с уходом его немногочисленных учеников, и вовсе многое предано забвению. Кроме того, для современного читателя, быть может, впервые берущего в руки эту книгу, окажется небесполезным самому оценить и понять сделанное А. М. Селищевым. Отчасти еще и потому мы решили предварить этот том кратким биографическим очерком, не претендующим на всю полноту известных нам сведений, но вносящим новое в одну из самых потаенных, неизведанных и в то же время исключительно благородных страниц истории отечественного славяноведения и русской филологической науки в целом.

Афанасий Матвеевич Селищев принадлежит к тому редкому типу самоучек и первопроходцев, которые, возникнув ниоткуда, ушли в вечность. И действительно, нелегко было пробиваться в жизни кре-

стьянскому сыну из российской глубинки. А родился он 11 января 1886 г. в селе Волове Ливенского уезда Орловской губернии (ныне — Липецкая область). Привыкший с раннего возраста к труду и имевший огромную тягу к знаниям, он благодаря своим природным качествам, усердию и просто невероятному упорству смог получить среднее образование и выдержал экзамены в Ливенское реальное училище. Е. А. Василевская по его воспоминаниям воспроизвела этот колоритный эпизод в начинавшейся уже тогда ученой деятельности юного Афанасия Селищева. И он весьма показателен:

> А. М. Селищев рассказывал, как с запыленной котомкой за плечами, босиком он прошагал десятки верст от Волова до Ливен. Мальчик очень торопился и все-таки опоздал на экзамены, потому что узнал о них слишком поздно.
>
> А. М. Селищев направился к инспектору. Его пустили не сразу, пришлось долго ждать. С отчаянием в душе стоял он в приемной. И случилось невероятное. Инспектор принял его и во время беседы с мальчиком был поражен его смышленостью и любовью к науке. ⟨…⟩ Инспектор пошел наперекор сложившимся традициям. Он собрал экзаменационную комиссию только для того, чтобы принять экзамен у одного крестьянского паренька. А. М. Селищев блестяще выдержал экзамены и стал учеником реального училища[1].

После его окончания он вновь держал экзамены в Курской гимназии и в 1906 г. был принят на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета, который тогда славился своей особой школой, воспитавшей не одно поколение талантливых, самобытно мыслящих филологов. Так А. М. Селищев оказался в подлинно ученом кругу выдающихся лингвистов, гуманитариев и просто ярких личностей — И. А. Бодуэна де Куртенэ[2], Е. Ф. Будде, В. А. Богородицкого, Н. М. Покровского, А. И. Александрова. Двух последних профессоров, с которыми А. М. Селищеву приходилось тесно работать, он называл своими учителями. Его одаренность, редкие лингвистические способности и прежде всего знания языков и диалектов открыли ему путь в классическую науку. И после окончания регулярного курса с дипломом первой степени в 1911 г. молодого специалиста оставляют при университете по ка-

[1] Василевская Е. А. Афанасий Матвеевич Селищев: (Биографический очерк) // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 5.

[2] И. А. Бодуэн де Куртенэ к тому времени уже не работал в Казани, но есть письменные свидетельства контактов двух ученых в 1910-е гг. (РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 74).

федре славянской филологии для подготовки к профессорскому званию. В 1913 г. он успешно сдал магистерские экзамены и был принят приват-доцентом по той же кафедре[3]. Тогда же А. М. Селищев публикует свои первые работы, посвященные широкому кругу славистической проблематики: «Карл Гавличек о русской литературе и “Славяно-православной партии”» (1912), «Взгляды К. Гавличка на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX века» (1913), а также переводы, рецензии на учебные труды и хрестоматии С. М. Кульбакина, Н. М. Каринского, Е. Ф. Карского (1914).

Находясь в Казани, А. М. Селищев ведет большую общественную работу на ниве просвещения. Он принимает активное участие в деятельности Педагогического общества Императорского Казанского университета (он был избран в его действительные члены в 1911 г.), немало времени и сил уделяет работе в библиотеке славянской филологии. Наконец, начинает читать лекционные курсы и ведет практические занятия по широкому кругу весьма сложных и ответственных дисциплин: сравнительная грамматика славянских языков, старославянский и болгарский языки, введение в славянскую филологию и др. С. Б. Бернштейн в своей книжке приводит такие воспоминания историка Н. П. Грацианского об этом периоде университетской деятельности А. М. Селищева: «*Я как-то попал на его лекцию, посвященную истории ѣ. Сюжет от моих интересов весьма далекий. Однако во время лекции мне, как и всем слушателям, казалось, что важнее вопроса об ѣ в жизни ничего нет*»[4].

Первый большой литографированный курс лекций А. М. Селищева «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (вып. 1, Казань, 1914) определил приоритеты ученого и выразил уже тогда четко сформировавшееся научное кредо. С выходом этого труда А. М. Селищева заметили в столице, и сам И. А. Бодуэн де Куртенэ в феврале 1915 г. обращается к нему с просьбой «ознакомиться основательно» с книгой, «на которую мне было указано, и которая, вероятно, пригодна как пособие для готовящихся к экзамену по этому предмету»[5], а также просит еще один экземпляр для Л. В. Щербы. По получении он пишет ее автору: «Я прочол[6] 〈…〉

[3] Ученые записки Императорского Казанского университета, год LXXXI, кн. 11, ноябрь, 1914. С. 13.

[4] Бернштейн С. Б. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 13. Подробнее о казанском периоде жизни А. М. Селищева см. в публикуемом далее фрагменте указанной книги С. Б. Бернштейна.

[5] РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 74. Л. 1.

[6] Так в автографе.

Вашу книгу и могу с чистой совестью рекомендовать ее своим слушателям на В⟨ысших⟩ ж⟨енских⟩ к⟨урсах⟩»[7].

В русской дореволюционной школе существовала замечательная традиция молодых талантливых исследователей отправлять на практику в Европу, преимущественно в славянские страны (но не только) для ознакомления на месте с диалектами и языками, культурой, бытом, местными памятниками, которыми были знамениты монастыри балканских государств. И такая счастливая возможность представилась А. М. Селищеву (счастливая еще и потому, что уже больше ему никогда не удалось побывать в славянских странах). Такую поездку он совершил в 1914 г., находясь преимущественно в Македонии и изучая ее богатую и сложную историю, а главное — он обратился к исследованию межславянских лингвистических связей, определению того культурно-языкового феномена, который и представляет собой славянский мир. И делал он это с исключительной тщательностью, радением и любовью[8]. Начавшаяся империалистическая война помешала дальнейшим планам ученого: пробыв на Балканах два с половиной месяца, он возвратился в Россию, остановился на некоторое время в Петрограде с целью поработать в архивах и библиотеках для сбора материалов по македонским говорам, а затем вернулся в Казань и продолжил учебные занятия.

В этот период его деятельность была в основном сконцентрирована на обработке полученных во время поездки материалов для будущей диссертации. Тогда же он пишет рецензии на книги Н. С. Державина «Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос» (1915) и А. В. Миртова «Учебник по истории русского языка» (1916), публикует программу по истории русского языка в средней школе и указатель учебных пособий по данному предмету.

В 1918 г. А. М. Селищев издает свою диссертацию «Очерки по македонской диалектологии» (т. 1, Казань). В том же году состоялась ее блестящая защита, и его удостаивают ученой степени магистра славянской филологии.

Вскоре А. М. Селищев покидает Казань и прибывает в Иркутск, где открылся первый в Восточной Сибири университет. Ученый стал заведовать кафедрой русского языка и ближайшие годы посвятил изучению наречий и культуры местного населения. С целью озна-

[7] Там же. Л. 2.

[8] О своей поездке он рассказал в «Отчете о занятиях за границей в летнее вакационное время 1914 года» (Ученые записки Казанского университета, 1915, года 82-го кн. 6—7).

комления с коренными говорами того края А. М. Селищев участвовал в диалектологических экспедициях. И главный его труд этого периода как раз и был посвящен исследованию необычной в языковом отношении этносоциальной группы, которая на фоне местных северновеликорусских говоров сохраняла черты «южновеликорусскости». Он назывался «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1920). Автор исследовал полученные им в результате поездок редкие документальные свидетельства, рукописи из местных архивов, богатые личные наблюдения, сумел опубликовать даже фотографии «семейских». Эта книга, известная в общем-то небольшому кругу специалистов, только теперь обретает второе дыхание.

Другой крупный труд иркутского периода деятельности ученого — «Диалектологический очерк Сибири» (вып. 1, Иркутск, 1921), посвященный памяти академика А. А. Шахматова, содержит анализ фонетики и морфологии русских диалектных групп Сибири, а также Камчатки. Автор обоснованно говорит, что «изучение говоров Сибири представляет глубокий интерес» и называет такие главные проблемы в этой области:

> 1) Русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойствен говорам их метрополии в XVI, XVII вв. Сравнительное изучение говоров Сибири и европейской России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в XVI и XVII столетиях. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими поселенцами в Сибири в течение последних 300—200 лет.
>
> 2) Сравнительное изучение говоров Сибири и европейской России определит путь освоения Сибири.
>
> 3) Русские выходцы из разных местностей России, поселившись в Сибири, оказывали влияние одни на других. Ассимиляция происходила и в отношении языка. Влияние шло преимущественно со стороны носителей северновеликорусских говоров. От средневеликорусов, или от языка общерусского, усвоено в некоторых местностях аканье и иканье.
>
> 4) Русские поселенцы в Сибири и народы Сибири приходили в различные взаимоотношения. Следы этих взаимоотношений отражаются также в языке и русского населения, и народов Сибири[9].

Находясь в Сибири, в этом отдаленном и заброшенном в научном отношении крае, в период Гражданской войны, голода и смены

[9] Цит. по изд.: С е л и щ е в А. М. Диалектологический очерк Сибири // С е л и щ е в А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 225.

идеологических приоритетов А. М. Селищеву стоило немалого личного мужества заниматься сбором диалектологических данных. В то же время он сохранил научные контакты и с крупнейшими представителями столичной науки, которые в меру своих, теперь уже скудных, сил и возможностей, помогали ученому. Так, исполнявший обязанности председательствующего в Отделении русского языка и словесности АН академик В. М. Истрин в письме А. М. Селищеву 1920-х гг. сообщает: «Многоуважаемый Афанасий Матвеевич! Отделение ассигновало Вам на поездку в Сибирь 100 тысяч. Но получить их Вам, по теперешним советским мудрым правилам, пожалуй, будет более чем затруднительно. Не будет удивительным, если получите их уже осенью. Мы бессильны ускорить»[10].

А. М. Селищев проработал в Иркутске с осени 1918 до лета 1920 г. Затем ученый на некоторое время возвращается в Казанский университет, где его избирают профессором, но там ему не пришлось работать с полной отдачей. «После преждевременной смерти Н. М. Петровского, — пишет биограф и ученик А. М. Селищева С. Б. Бернштейн, — 6 февраля 1921 г. он возглавил преподавание славяноведческих дисциплин в Казанском университете. Однако педагогическая нагрузка была незначительной, так как весь цикл славистических дисциплин подвергся в это время здесь значительному сокращению»[11]. Но все же А. М. Селищеву и здесь удалось сделать интересные открытия в области бытования русского языка в неславянской среде. Позже, по результатам поездки ученого в Чувашию, им были изданы статьи: «Русский язык у инородцев Поволжья» (1925), «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье» (1927) и «Культурно-общественные взаимоотношения чуваш с соседними народами» (1927). На этом завершился еще один этап в научной биографии А. М. Селищева.

К концу 1921 г. ученый получает приглашение из столицы возглавить оставшуюся вакантной после смерти В. Н. Щепкина кафедру славянской филологии в Московском университете. С начала 1922 г. начинается, пожалуй, самый плодотворный и в то же время самый трагический период в его жизни. А. М. Селищев много публикуется по проблемам балканского языкознания (в частности, по болгарско-

[10] РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 93. Л. 8.

[11] Бернштейн С. Б. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 20.

му языку и албанистике), пишет рецензии, занимается преподавательской деятельностью.

Еще в 1921 г. его избирают действительным членом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), куда позднее, с закрытием МГУ, он переходит работать в Лингвистическую секцию, возглавлявшуюся Д. Н. Ушаковым[12]. Уже на одном из первых заседаний, 8 июня 1923 г., А. М. Селищев делает доклад «К вопросу о культурно-языковых отношениях на Балканах. Один из ранних балканизмов в болгарском языке»[13]. Надо сказать, что ученый попал в среду, где мог реализовать и свои способности, и успешно работать как педагог среди таких крупных ученых, как М. Н. Петерсон, Р. О. Шор, А. И. Соболевский, М. В. Сергиевский, Н. Н. Дурново и другие. По протоколам заседаний Лингвистической секции видно, что в 1923/24 учебном году он вел семинарии по старославянскому языку и сравнительной грамматике, по южно- и западнославянским языкам. Кроме собственных (и притом неоднократных выступлений) там обсуждались очень разные доклады. Например, на заседании 16 ноября 1923 г. слушали сообщение Р. О. Шор «О некоторых стилистических фигурах в Ригведе», 30 ноября того же года — Б. И. Ярхо «Рифмованные секвенции X в.», 14 декабря — М. Н. Петерсона «Синтаксис Лермонтова»[14]. 22 февраля 1924 г. А. М. Селищев произнес речь на тему «К изучению процесса языковых взаимосвязей», в которой, в частности, сказал (по записям Д. Н. Ушакова): «Нет оснований признать смешение яз⟨ыков⟩ единств⟨енной⟩ причиной языковых изменений, но отвергать совсем его нельзя»[15]. Снова он выступил с докладом 15 февраля 1926 г., с критическими замечаниями к «Очерку истории русского языка» Н. Н. Дурново, и, наконец, 22 ноября 1926 г. представил слушателям результаты своих наблюдений «за последние 3 года»: «Из наблюдений над русским языком последних лет» — так назывался его доклад, который затем был продолжен на следующем заседании 6 декабря[16]. В июне 1927 г. состоялось последнее заседание Лингвистической секции, и А. М. Селищев продолжает свои исследования уже в стенах других научных и учебных заведений.

[12] По имеющимся у нас протоколам, она просуществовала с 1923 по 1927 г.

[13] Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 93. Л. 4 об.

[14] Там же. Л. 8.

[15] Там же. Л. 12.

[16] Там же. Л. 53—53 об.

В 1926 г. А. М. Селищева избирают членом-корреспондентом Академического финно-угорского общества в Гельсингфорсе. В 1929 г. он становится членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1930-м — членом-корреспондентом Болгарской академии наук и почетным членом Македонского научного института. Плодотворную ученую деятельность он совмещает с преподаванием, работая одновременно и в МГУ, и в РАНИИОНе, и в ряде областных пединститутов (например, в Ярославле, где один из его учеников, С. А. Копорский, стал впоследствии известным лингвистом). В 1930 г. был открыт Научно-исследовательский институт языкознания (НИЯЗ), сотрудником которого он также состоял.

В эти годы А. М. Селищев издает свои многочисленные труды по славяноведению, в числе которых такие крупные и до сих пор почитаемые многими лингвистами работы, как «Полог и его болгарское население» (1929), «Славянское население в Албании» (1931), «Македонские кодики XVI—XVIII вв.» и другие[17].

Тогда же, как мы могли заметить из его выступления на Лингвистической секции РАНИИОН, его увлекла совершенно другая область, называемая теперь социолингвистикой. Он выпускает ряд статей посвященных анализу лексики и в целом языка конца 1910-х — начала 1920-х гг., а позднее издает обобщающий труд «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1927)» (М., 1928), остававшийся по причине цитирования произведений «врагов народа» в фондах спецхрана вплоть до начала 1990-х и теперь также, впервые с того времени в России, увидевший свет на страницах этого издания.

Судьба, казалось, благоволила А. М. Селищеву: он много и плодотворно трудился и получил заслуженное признание не только в родной стране, но и далеко за ее пределами. Однако наступали страшные времена гонений на славистику. Этой участи не избежал и А. М. Селищев. В начале февраля 1934 г. его арестовали по московскому делу «Российская национальная партия» и осудили на пять лет лагерей. Находился он в так называемом Карлаге[18]. По счастью, ему удалось избежать «высшей меры», и досрочно, с подорванным

[17] Подробнее о славистической проблематике в трудах А. М. Селищева см.: Бернштейн С. Б. Селищев-балкановед // МГУ им. М. В. Ломоносова: Доклады и сообщения филологического факультета. Вып. 4. 1947. С. 11—30; Он же. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 61 и далее.

[18] Подробнее о жизни А. М. Селищева в ГУЛАГе и его скитаниях после см.: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 149—164.

здоровьем, он был освобожден в январе 1937 г., а в апреле 1939 г. получил разрешение жить в Москве.

Последние годы жизни А. М. Селищева были наполнены не только оригинальными и глубокими идеями и проектами, но и новыми испытаниями, которые, как можно полагать, приближали его скорый уход. По возвращении из ссылки он вынужден был покинуть МИФЛИ, где на кафедре Д. Н. Ушакова, казалось бы, ученый мог работать относительно свободно и плодотворно в научном отношении, но постоянно ощущал в целом чуждый ему дух, иную атмосферу. В этом он однажды признался Д. Н. Ушакову, уговаривавшему его остаться в МИФЛИ. «Ваша настойчивость по отношению к моим занятиям в ИФЛИ меня смущает, — писал он 11 августа 1939 г. — Мне казалось, что для Вас не подлежит сомнению обоснованность моего отказа от ИФЛИ. До сих пор мне тяжело вспомнить о некоторых обстоятельствах моей работы там. ИФЛИ — это НИЯЗ[19] с несколько утонченными манерами. Когда, бывало, подходишь к этому Ростокинскому[20] заведению, невольно задаешь вопрос: не ждет ли тебя там какая-нибудь записка на стене. Нет, я не могу больше быть там. (Скрытые махинации там производятся по отношению и к другим лицам). Я не понимаю Вашего беспокойства. Кафедра не несет ответственности за безответственность руководителей института»[21]. Кроме прочего, славистические исследования в стране были тогда практически свернуты, а в учебном процессе таким предметам находилось все меньше и меньше места. А. М. Селищев без славистики жить не мог. В этом же письме он говорит: «Аспирантам необходимо побольше уделить внимания истории русского языка. Им нужен систематический курс истории этого языка, а не только разработка отдельных вопросов. Чтобы найти время для занятий по курсу истории русского языка, можно ограничиться курсом одного южного или западного славянского языка. Один язык (болг⟨арский⟩) у них пройден. И пока достаточно. А студенты будущего V-го курса сами выражали сожаление, что они не знают основного предмета — ст⟨аро⟩сл⟨авянского⟩ языка. Им нужна не сравнит⟨ельная⟩ грам⟨матика⟩ сл⟨авянских⟩ язы-

[19] Речь идет о Научно-исследовательском институте языкознания при Наркомпросе, где в начале 30-х годов постоянно работал А. Н. Селищев. О травле ученого в этом институте см.: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Материалы к биографии А. М. Селищева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Реферативный журнал. Сер. 11. Языкознание. 1994. № 4. с. 7—16.

[20] Здание ИФЛИ находилось в Ростокинском переулке в Москве.

[21] Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 34. Л. 1—2.

ков, а систематический курс ст⟨аро⟩сл⟨авянского⟩ языка. Поэтому не лучше ли было бы, если бы им дан был курс «Ст⟨аро⟩сл⟨авянский⟩ язык сравнительно с русским». Такой курс может идти и под рубрикой сравнит⟨ельной⟩ грамматики слав⟨янских⟩ языков»[22]. Наконец, здесь же, в заключительных строках письма, А. М. Селищев снова называет, по-видимому, основную причину, не позволяющую ему работать далее в МИФЛИ: «Прошу Вас: не пеняйте на меня. Ведь я оправдал Вашу рекомендацию. Студенты и аспиранты были удовлетворены моими занятиями. В общественном отношении я также безупречен. Но меня обессиливала институтская атмосфера, в особенности после постановки вопроса о продолжении (о прекращении) моей работы в институте. Если Виноградову ставилось в вину что-то новое, то у меня ничего нового не было. Нет, не могу я работать в такой атмосфере»[23]. Тогда же он направляет и письмо А. С. Карповой (директору МИФЛИ), где в более деликатной форме пишет: «К моему прискорбию, я не имею возможности продолжать работу в ИФЛИ» И далее: «Работа над учебными пособиями по моей специальности и лекции в Городском пед. институте будут у меня все время»[24].

С 1939 г. А. М. Селищев преподает в Московском государственном педагогическом институте, но и тогда «охота» за ним и неблагожелательные отзывы не прекращались. В Архиве РАН мы нашли яркое тому свидетельство: протокол № 7 заседания Института языка и письменности АН СССР от 1 июля 1942 г., где сотрудники этого учреждения неоднозначно оценивали «поведение» А. М. Селищева. Так, П. И. Лебедев-Полянский прямо заявил: «О проф. Селищеве, который занимал и продолжает занимать неправильную *политическую* (курсив наш. — *О. Н.*) позицию. Проф. Селищев должен интересоваться наукой, а не ставить в первую очередь вопрос своего самолюбия. Если предан науке, вернись в систему Академии Наук и постарайся вызвать доверие, а тогда можно будет и поднять тот вопрос в Президиуме, который его интересует[25]. Но для этого нужно

[22] Там же. Л. 2.

[23] Там же. Л. 2—3.

[24] Там же. Л. 4.

[25] Речь идет, по-видимому, об исключении ученого из состава АН СССР и лишении звания члена-корреспондента в 1938 г. в связи с «делом славистов», по которому проходил А. М. Селищев (еще до этих событий, в 1929 г., его избрали членом-корреспондентом АН СССР) (см. подробнее: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»… С. 158—160).

прежде всего работать в системе АН»[26]. Другой участник заседания, Г. О. Винокур, выступил в более положительном ключе: «Я считаю высказанное здесь мнение о необходимости расширить сферу деятельности славянского сектора и усилить его состав — абсолютно верно. Кроме [этого], желательно было бы привлечь к работе ⟨…⟩ проф. Селищева, выдающегося знатока славянских языков»[27].

Ни в МИФЛИ, которого к тому времени уже не существовало, ни в Академию наук А. М. Селищев уже не вернулся, продолжая преподавать в пединституте.

За два месяца до смерти, 6 октября 1942 г., он составил план предстоящей работы, который выглядел так (цитируем собственноручный автограф ученого):

> Проф. Селищев в 1942—1943 учебном году занят будет следующими работами:
>
> 1) Славянское языкознание. Том III. Восточнославянские языки[28]. История и диалектология ру<сско>го, украинского и белорусского языков. Намечаю закончить к 1 мая введение в это изучение, обозрение процессов древнейшей эпохи, общих всем восточнославянским группам, и фонетику русской группы.
>
> 2) Славяноведение в борьбе с гитлеризмом[29]. Эту работу предполагаю закончить к 1 декабря 1942.
>
> 3) Статьи по славяноведению в связи с запросами современности[30].

Незадолго до смерти А. М. Селищеву удается издать свой последний прижизненный капитальный труд «Славянское языкознание. Т. 1. Западнославянские языки» (М., 1941), а через десять лет выйдет подготовленный им к печати, но так и не изданный при его жизни по политическим (!) причинам[31] учебник «Старославянский язык» (ч. 1—2, М., 1951—1952).

---

[26] Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. Ед. хр. № 189. Л. 7 об.

[27] Там же. Л. 14.

[28] Ученый успел издать только 1-й том, см.: С е л и щ е в А. М. Славянское языкознание. Т. 1. Западнославянские языки. М., 1941.

[29] См.: С е л и щ е в А. М. Извечная борьба славян против немецких варваров // Славяне. 1942. № 4. С. 23—25; е г о ж е. Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру // Славяне. 1943. № 3. С. 29—32.

[30] Архив РАН. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. № 209. Л. 5 (на л. 5 об. того же дела приписано: Проф. Петерсону).

[31] В конце 1940-х гг., в период идеологической кампании в языкознании, А. М. Селищев, которого к тому времени уже не было в живых, снова оказался в опале, а «задержавшееся из-за войны издание учебника старославянского языка вновь было отложено, уже по идейным причинам» (см.: А ш н и н Ф. Д., А л п а т о в В. М. «Дело славистов»… С. 164).

А. М. Селищева не стало 6 декабря 1942 г. Он похоронен на Даниловском кладбище Москвы. Полный сил, новых идей и живой веры в торжество славянского языкознания и русской филологии, он ушел из жизни, оставив потомкам действительно фундаментальные, не устаревающие со временем труды * и глубокое осознание непреходящей ценности гуманитарного образования.

О. В. Никитин

* Исследователям А. М. Селищева будет небезынтересно ознакомиться с редким изданием: Памяти Афанасия Матвеевича Селищева: Сб. ст. и документов. Елец, 2003. В него вошли обзоры, воспоминания, документальные и архивные материалы, а также самая полная библиография трудов ученого и публикаций его научного наследия.

А. М. СЕЛИЩЕВ — СЛАВИСТ-БАЛКАНИСТ: Жизненный путь*

Перед глазами стоит мощная фигура учителя. Он внимательно, чуть насмешливо смотрит через дымчатые очки. Знаю, что его взгляд будет сопровождать меня все время, пока я работаю над книгой. Это поможет мне не отдаляться от подлинных фактов, поможет избежать преувеличений, столь характерных для подобного рода сочинений. В течение длительного времени я имел возможность близко наблюдать жизнь учителя. Были годы, когда Афанасий Матвеевич Селищев был для меня не только учителем, но и самым близким человеком. Думаю, что в те годы и я не был безразличен ему. Многое нас связывало, особенно в 1930—1933 гг. Память хранит много эпизодов и событий, говорящих о том, что для Селищева я был не только студентом и аспирантом, которому он передавал секреты своего мастерства. Только этим можно объяснить, что человек замкнутого характера в разные годы наших встреч и бесед рассказывал мне о своем детстве, о матери, о людях, с которыми он встречался на своем жизненном пути. К тому времени относятся записи этих бесед. Теперь, через 50 лет, они очень помогли мне в работе над книгой.

Самые ранние впечатления детства у Афанасия Матвеевича были связаны с привольными степями Орловщины, с сильным и независимым ее народом. Кругом было много разного бродячего и шумного люда. Предки Селищева не знали крепостного права. Щедрая земля хорошо одаривала тяжелый труд землепашца.

---

* Публикуется по изданию: Бернштейн С. Б. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 5—27.

Родился Селищев 11 января 1886 г. в богатом и хорошо известном на юге России селе Волове Ливенского уезда Орловской губернии. По современному административному делению село находится в Липецкой области РСФСР. Семья принадлежала к «казенным», т. е. к государственным крестьянам, которые составляли основное население села. Кроме «казенных», жили здесь и так называемые цуканы, в прошлом помещичьи крестьяне, поселившиеся здесь во второй половине XVIII в. Очень рано мальчик должен был выполнять разнообразные обязанности сельского подростка: помогать по хозяйству, ездить в ночное, скирдовать сено… Раньше своих сверстников он начал косить и пахать, так как не по летам был высок и силен.

Афанасий Матвеевич пронес через всю свою жизнь светлый образ матери. Мальчик был очень привязан к ней. И мать, кажется, любила Афоню больше других детей. Он выделялся среди них своим физическим и умственным развитием. Уже будучи профессором, Афанасий Матвеевич, человек отнюдь не сентиментальной складки, вспоминал свою мать всегда с чувством глубокого волнения.

В положенное время после завершения летних полевых работ Селищев начал посещать местное земское четырехклассное училище. Уже в первом классе он обратил на себя внимание учителя: хорошо и бегло читал, быстро и легко все запоминал, по всем предметам в классе был первым. Поражала страстная жажда знаний. Со второго класса учитель начал заниматься с мальчиком сверх программы, руководил его домашним чтением. После окончания училища, по ходатайству учителя и инспектора народных училищ, Селищев получил земскую стипендию, которая давала возможность продолжать обучение. Речь шла о реальном училище в уездном городе Ливны. Неожиданно возникло препятствие. Отец и слышать не хотел о дальнейшем учении. «*Он уже и теперь знает больше моего. Его знаний для крестьянского дела достаточно*». Лишь активное и решительное вмешательство матери помогло учителю преодолеть сопротивление отца. Однако задержка привела к тому, что в Ливны Селищев пришел уже после завершения вступительных экзаменов. Шел в свой уездный город сельский паренек 50 верст пешком, босиком, за плечами болталась котомка, на палке через плечо нес новые сапоги. Встреча была холодной. Директор отказался даже выслушать мальчика. Помощь пришла от инспектора училищ. Вопреки правилам был проведен экзамен, на котором Селищев по всем предметам получил высший балл.

Началась новая и необычная для мальчика городская жизнь. Он снял угол в семье местного ремесленника. За жилье и еду платил по-

ловину своей стипендии, другую регулярно отсылал домой. Все каникулы проводил в родном селе. Уже в пятом классе начал преподавать ливенским недорослям русский язык и литературу. Это давало дополнительный заработок и воспитывало навыки будущего педагога. Именно в пятом классе реального училища Селищев принял решение продолжать образование в университете на историко-филологическом факультете. Только теперь он узнал, что для поступления в университет нужно иметь аттестат гимназии. Его можно было получить только после сдачи дополнительных экзаменов при гимназии по латинскому, по античной, западноевропейской и русской литературам. Прошедшая недавно реформа министра Ванновского освобождала от сдачи экзамена по греческому языку.

Нелегко молодой Селищев входил в новую для него социальную среду. Его диалектное произношение вызывало насмешки товарищей, иронические замечания учителей. Особенно раздражало фрикативное *г*, яканье, мягкий *т* в 3 л. ед. ч. настоящего времени глаголов — *идёть*. Здесь на помощь пришел учитель словесности, который много сделал для исправления произношения орловского крестьянского мальчика. Уже в третьем классе речь Селищева не отличалась от речи учеников из интеллигентных семей. Изменение произношения, новый книжный склад речи не прошли незамеченными в родном селе. У отца Афанасий Матвеевич заметил новые черточки, обычные при его общении с горожанами. Заметно изменилось отношение к нему бывших товарищей, с которыми вместе рос. Эти отношения теперь утратили естественность и простоту. Совсем нередко пожилые мужики при встрече теперь первыми снимали картуз.

Афанасий Матвеевич реально и на первых порах болезненно ощущал свою отчужденность от родной среды, свой переход из крестьянского сословия в интеллигенцию. Однако духовная связь Селищева с породившей его социальной средой никогда не прерывалась. Это особенно отчетливо проявляется в его описаниях русских диалектов. В них перед нами проходит целая галерея людей с их индивидуальными особенностями, заботами и надеждами, а не безликие информаторы обычных работ по диалектологии, где все ограничивается краткими сообщениями о поле, возрасте и уровне образования. Всегда чувствуется человек, отлично и близко знакомый с крестьянским трудом и бытом. Не так часто в диалектологических описаниях мы можем встретить такие места: «Прежде всего в каждом селе от каждого собеседника я слышал неизбежную жалобу на недостаток земли. От старика и старухи до парнишки все в один голос вопили: земли ма-

ло, земли дайте, хлеба недостает, сена не хватает... Земство должно скорее прийти на помощь молодому поколению старообрядцев и, учитывая особенности их быта и настроения, открыть хорошие образовательные школы и курсы… Невежественные руководители старообрядцев, их отцы и наставники, как страшного греха боятся отступлений от мельчайших преданий старины» [Селищев 1920, 14].

Книга переполнена глубоким сочувствием к крестьянству. В молодом старообрядце Антамоне, стремящемся получить образование, Селищев видел самого себя. «Во что бы то ни стало нужно обуздать мракобесие уставщиков: они губят народную жизнь» [Там же]. А вот другой пример из более поздней публикации: «Порой лес прерывался, и показывались поля с яровым хлебом: ячменем, пшеницей, овсом. Яровые хлеба в этом году чрезвычайно хорошо уродились бы в этой местности, если бы холода и дожди не помешали наливу. Ячмень кое-где, может быть, и удастся дождать. Но овес, высокий, густой, ветвистый, безнадежен: холода сгубят его» [Селищев 1927, 41].

Сценка из заседания суда в чувашском селе Б. Сундырь 24 сентября 1921 г.: «Много времени взяло разбирательство дела о краже 1 пуда ржи и 3 пудов 10 фунтов ячменя у чувашина из деревни Вурман-касы. Кража была учинена женщиной-чувашкой из деревни Кузькиной. Украденными семенами она засеяла свою полосу. Земля же потерпевшего осталась незасеянной. В краже эта женщина еще до суда созналась. Уличенная и в других кражах, она была страшно избита в деревне. На суде она сидела жалкая, какая-то вся обгрызанная, едва подававшая голос. Раньше же она в воровстве не была замешана. Что побудило ее к воровству теперь, ни обвинители, ни свидетели не объяснили судьям. Разобрав дело, судьи вынесли такой приговор: урожай с полосы, засеянной украденными семенами, передать пострадавшему, а виновную в воровстве в наказание заключить в тюрьму на 3 месяца. Не только для наблюдений лингвистических, но и этнографических и социальных судебный разбор этого дела представлял богатый материал, а вне научных наблюдений он тяжелым гнетом ложился на душу» [Там же, 45]. В. В. Виноградов имел все основания написать: «Любовь к крестьянству, к простому народу, свою социальную связь с которым Селищев всегда чувствовал, бьет горячей волной в его диалектологических изысканиях и этнографических описаниях» [Виноградов 1947, 47]. Со своей стороны крестьяне относились к ученому диалектологу с полным доверием и симпатией.

Сразу же после завершения обучения в Ливенском реальном училище Селищев при Курской гимназии в 1905 г. успешно сдал все необходимые экзамены и осенью того же года поступил на историко-

филологический факультет Московского университета. Выбор университета был случайным, не случайным был выбор факультета. В 1905/06 учебном году в Московском университете по известным политическим причинам занятий фактически не было. Весь учебный год Селищев упорно занимался изучением древнегреческого языка. Летом 1906 г. Селищев перевелся в Казанский университет, в котором прошел полный курс. В Казани он не только получил высшее образование, но и начал свою научную и педагогическую деятельность. С этим волжским городом восточного колорита было связано много событий, он стал ему родным. Селищев любил называть себя казанцем. Над его письменным столом висел снимок дорогого ему университета. Уже позже, в Москве, среди его посетителей можно было встретить казанцев (Н. П. Грацианского, С. П. Шестакова, молодого в те годы В. М. Хвостова и др.).

Впервые в Казани Селищев столкнулся с многоязычным населением. И это, конечно, не прошло бесследно для формирования специальных лингвистических интересов студента. «Кругом татарская речь, татарские типы, а в университете, где с самого начала его возникновения были представлены и востоковедные науки, еще сильна традиция тюркологов Казембека и Березина, монголистов Ковалевского и Бобровникова, знаменитого краеведа Фукса… Востоковедные интересы ярко выражены в уставе “Общества археологии, этнографии и естествознания при Казанском университете”... Первым местом соприкосновения А. М. Селищева с татарским миром была Казань» [Дмитриев 1947, 67]. Селищев не стал тюркологом. Он избрал себе специальность слависта. Однако тюркологическая (в меньшей степени угро-финская и монгольская) проблематика мощно вошла в круг его специальных занятий и определила его постоянный интерес к проблемам языковых контактов. К концу жизни в автобиографии Селищев писал: «Основной мотив моих изучений — это исследование разноязычных связей в свете общественных отношений» [Аванесов 1947, 76].

Подготовку в области славяноведения на факультете Селищев проходил под руководством проф. Н. М. Петровского, потомственного казанского слависта. Автор многих работ по истории славянской филологии, по истории славянских литератур, славянской библиографии, Петровский, однако, был далек от проблем языкознания. Селищев так определил основное содержание трудов своего учителя: «Его многочисленные труды посвящены истории культуры славянских народов, преимущественно истории их литератур» [Селищев 1921а, 12].

Непосредственно под влиянием руководителя свои первые шаги в науке Селищев сделал именно в области историко-культурных и педагогических проблем. В 1912 г. вышел из печати первый труд молодого ученого. Это была статья в сборнике в честь профессора Д. А. Корсакова «Карл Гавличек о русской литературе и “Славяно-православной партии”». Через год была опубликована первая книга Селищева «Взгляды К. Гавличка на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX века». Влияние руководителя сказалось в особом внимании молодого ученого к Чехии, к чешской культуре и в выборе темы из истории русско-чешских культурных контактов, которым Петровский придавал большое значение.

Однако этот период длился недолго. Ко времени сдачи магистерских экзаменов научные интересы Селищева определились не только в общих чертах в смысле направления и метода, но и в отношении конкретных проблем. Получив под руководством Петровского отличную филологическую подготовку, Селищев в дальнейшем не стал в собственном смысле слова филологом. В списке его опубликованных работ отсутствуют темы текстологического характера, он не изучал и не издавал древних славянских памятников письменности, был далек от кирилло-мефодиевской проблематики. Лишь в 1939 г. он издал с учебными целями «Образцы древнерусского письма XI—XVII вв.». Других трудов аналогичного характера в списке публикаций профессора нет.

Уже к 1914 г. окончательно победили лингвистические интересы с явным уклоном в диалектологию, в изучение проблем языковых контактов. Вот почему никак нельзя согласиться с С. П. Обнорским, который в статье «Памяти А. М. Селищева» писал: «А. М. Селищев как славист, можно сказать, не был лингвистом, — он был филологом в широком смысле слова» [Обнорский 1947, 7]. Это утверждение ошибочно. В отличие от большинства современных ему славистов Селищев был прежде всего лингвистом, изучавшим живую речь, фонетические процессы, взаимодействие между языками, многие вопросы из праславянской фонетики. Уже в начале своего творческого пути он наметил четкую программу чисто лингвистических исследований. Филологические труды в списке его работ занимают весьма скромное место. Большой интерес с молодых лет Селищев проявлял к этнографии. Исследований и наблюдений этнографического характера у него много. Однако они обычно связаны с собственно лингвистическими вопросами.

Лингвистические взгляды молодого ученого формировались преимущественно под влиянием проф. А. И. Александрова, ученика

И. А. Бодуэна де Куртенэ казанского периода. От профессора Селищев воспринял некоторые характерные признаки бодуэновской школы, в частности, особый интерес к проблеме языковых контактов. Селищев был крупным специалистом в области физиологии речи. Его многочисленные исследования по диалектологии, по исторической фонетике показывают это наилучшим образом. Этим он обязан крупному казанскому фонетисту проф. В. А. Богородицкому. В одной важной для Селищева области он на факультете не имел опытного руководителя. Речь идет о диалектологии, о методах и приемах диалектологических описаний. Диалектологию на факультете представлял проф. Е. Ф. Будде. Селищев не разделял общетеоретических и методических воззрений профессора, его приемов описаний диалектов. Селищев еще в молодые годы стал превосходным полевым диалектологом, опытным интерпретатором диалектных данных. Этим он был обязан только самому себе. Большое влияние на формирование общелингвистических взглядов Селищева оказал его старший товарищ А. Н. Боголюбов, сам испытавший сильное воздействие многих идей Н. В. Крушевского. В беседах со мной Селищев неоднократно вспоминал своего друга, горько сожалел о его ранней смерти. Мне известна лишь одна публикация Боголюбова — «Об изучении литературных языков. Методологический очерк» (Учен. зап. Казан. ун-та, 1914).

Еще в студенческие годы Селищев принимал деятельное участие в работе Педагогического общества при Казанском университете, позже в деятельности Общества археологии, этнографии и естествознания. В газете «Камско-Волжская речь» (3 декабря 1908 г.) появилась заметка Селищева «Славяне в Австрии». «Эта заметка возникла как отклик на лекцию проф. А. Л. Погодина, опубликованную в “Московском еженедельнике”. Автор не только давал информацию о содержании лекции, но и высказывал по этому поводу свои суждения, заслуживающие внимания» [Злыднев 1968, 91].

В своем фундаментальном анализе диссертации Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров» Селищев свидетельствует, что еще в студенческие годы (в 1908—1910 гг.) он всесторонне изучал свой родной говор. К этому времени относятся его наблюдения над бытом так называемых «казенных» крестьян и цуканов.

В 1910 г. Селищев блестяще закончил университет и был оставлен при факультете для подготовки к профессорскому званию, по современной терминологии — был оставлен в аспирантуре. Одновременно его избирают преподавателем Высших женских курсов в

Казани. Плодом его деятельности на женских курсах явилась его небольшая книжка «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (вып. 1. Казань, 1914). Селищев предполагал позже издать второй выпуск, в котором обещал показать отражение главных праславянских звуковых явлений в отдельных славянских языках. Однако своего обещания он не выполнил. К концу 1913 г. Селищев успешно сдает все предусмотренные планом экзамены и 20 декабря 1913 г. утверждается в должности доцента кафедры славянской филологии университета. 20 декабря, единственный день в году, Селищев ежегодно специально отмечал. Его близкие ученики неизменно посещали его в этот день.

Начался новый этап в жизни Селищева. На первых порах Н. М. Петровский поручил молодому доценту чтение лекций по курсу введения в славянскую филологию и по болгарскому языку. С самого начала лекции Селищева стали пользоваться на факультете большой популярностью. Они покоряли слушателей не только оригинальностью и глубиной содержания, но и внешней формой. Вспоминает об этом периоде его университетский товарищ историк Н. П. Грацианский: «*Я как-то попал на его лекцию, посвященную истории ѣ. Сюжет от моих интересов весьма далекий. Однако во время лекции мне, как и всем слушателям, казалось, что важнее вопроса об ѣ в жизни ничего нет*». В первый же год своего преподавания Селищев опубликовал пособие по болгарскому языку — «Сборниче за език» (Казань, 1914). В него вошли тексты из произведений Каравелова, Ботева, Вазова, Михайловского, Елина-Пелина, Тодорова, Церковского, Яворова, Кунева, мало известного в те годы писателя Чилингирова, с которым позже, во время пребывания в Болгарии, у Селищева установились дружеские отношения. Кроме того, были опубликованы отрывки из диалектологических текстов. Книжка «Сборниче за език» была опубликована без указания фамилии составителя.

Одновременно шла работа над будущей магистерской диссертацией. Еще студентом III курса Селищев в своей записной книжке писал, что основной темой его будущих научных изысканий будет Македония. Так оно и стало. Для своей первой диссертации он избрал описание северо-западных говоров Македонии. Южным говорам была посвящена известная монография В. Облака «Macedonische Studien» (Wien, 1896). Кроме того, к южным говорам часто обращались в связи с изучением истории старославянского языка. Северные говоры, очень важные для изучения истории македонских говоров, были почти не известны. Однако в дальнейшем планы пришлось изменить. Для этого были свои причины.

Летом 1914 г. Селищев получил возможность провести на Балканах около двух месяцев. Это была лишь предварительная поездка, после которой предполагалась длительная командировка. Война и последующие события не дали возможности вновь побывать ученому на Балканах. Итак, все свои силы он посвятил изучению района, где ему удалось быть всего один раз, да и то совсем недолго. Однако редкое упорство и настойчивость дали возможность Селищеву так глубоко проникнуть во все стороны жизни, быта и языка местного населения, привлечь такое количество самого разнообразного и неизвестного материала, обнаружить такую глубокую эрудицию в области балкановедения, что многие сторонние исследователи были убеждены, что Селищев не только много раз посещал Балканы, но и что он там живет.

Уже в 1915 г. из печати вышел труд Селищева «Отчет о занятиях за границей в летнее вакационное время 1914 г.». Здесь подробно сообщается о маршруте, о задачах, о новых обнаруженных материалах. В начале 1915 г. Селищев получил годичную командировку на Балканы, которой он из-за мировой войны не смог воспользоваться. По совету Петровского он уехал в Петроград, где провел целый год. Даже богатейшие книжные и рукописные собрания Петрограда не дали возможности выполнить первоначальный план. Селищев решил до исследования северных говоров дать общую картину состояния македонских говоров. Так возникла книга «Очерки по македонской диалектологии» (Казань, 1918), большая часть которой была написана в Петрограде во время войны. На титуле книги стоит: первый том. Второй том должен был быть посвящен говорам северо-западной Македонии.

Вспоминая о своем годичном пребывании в Петрограде, Селищев обычно упоминал о многочисленных встречах и беседах с акад. А. А. Шахматовым. Впечатление от этих бесед было ярким, хотя Селищев и не разделял многих воззрений великого русского ученого. Он не принимал сложных фонетических построений Шахматова, относящихся к праславянскому периоду, стремление возвести современные диалектные особенности к периоду существования праславянских диалектов, обращал внимание на недооценку Шахматовым морфологических и лексических факторов. Однако Селищев увез с собой из Петрограда воспоминание о необыкновенной личности петроградского академика. В некрологе Шахматова Селищев писал: «Благодарная, светлая память о великом мыслителе и высокогуманном человеке акад. А. А. Шахматове останется вечно у всех тружеников на ниве славянской филологии» [Селищев 1921б, 70].

Во время пребывания Селищева в Петрограде в 1915 г. в русском обществе шли горячие споры о последствиях второй Балканской войны (лето 1913 г.), в результате которой отношения между Болгарией и Сербией приняли весьма резкие формы. В основном речь шла о так называемом македонском вопросе. Публиковались книги, брошюры, статьи различных политических деятелей, публицистов. Не стояли в стороне и некоторые русские и зарубежные слависты. В 1913 г. в Петрограде на русском языке была опубликована книга известного сербского лингвиста А. Белича «Сербы и болгары в Балканском союзе», в 1915 г. его же доклад «Взаимоотношения балканских союзников», опубликованный в книге «Сербо-болгарский спор за обладание Македонией». Здесь все события освещались с позиций официальной сербской стороны. Официальная болгарская позиция нашла своего защитника в лице Н. С. Державина, опубликовавшего книгу «Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос» (СПб., 1914). Официозный характер книги Державина был откровенно подчеркнут тем, что она позже была издана на французском языке болгарским генеральным штабом.

В этой сложной обстановке Селищев, работавший над капитальной монографией по македонской диалектологии, естественно, должен был определить свою позицию. Взгляды Белича и его соратников не находили поддержки у Селищева. Детальный анализ лингвистической аргументации Белича Селищев осуществил значительно позже в монографии «Македонская диалектология и сербские лингвисты» (1933). Однако Селищев не разделял и взглядов Державина. По мнению Селищева, книга Державина принесла большой вред, так как дезориентировала неподготовленного читателя в сложной проблеме языковых и этнических отношений на Балканах. Здесь русский автор выступил не как лингвист, а как политик, взявший на себя смелость решать вопросы государственных границ. Селищев посвятил книге Державина большую рецензию, которая имеет принципиальное значение для понимания позиции Селищева в македонском вопросе. Она была опубликована в «Ученых записках Казанского университета» (кн. 6—7, 1915). В ней Селищев ясно и определенно изложил свое отношение к так называемому македонскому вопросу. Оно сохранилось неизменным до конца жизни ученого.

В книге Державина Селищев обнаружил много фактических ошибок. Однако, по мнению рецензента, вредная сторона книги проявляется не только и не столько в этом. Задача добросовестного лингвиста состоит в тщательном и всестороннем анализе современных

языковых фактов, в изучении их истории, в их объективном сопоставлении с фактами соседних языков. Достаточно ли все это для решения вопроса о политических границах современных государств? Можно ли только на основе языковых данных решать вопрос о границах между государствами? Селищев дает на это отрицательный ответ. Лингвист не имеет права переходить границу своих специальных проблем. Для этого у него нет ни профессиональных знаний, ни морального права. «Подошел ли г. Державин к “всестороннему освещению” македонского вопроса? Конечно, нет! Но беда была бы еще не так велика, если бы не общий характер его книги, не крайне резкий тон ее. Не обладая достаточными данными, г. Державин смело, безапелляционно разрешает необыкновенно сложный вопрос. Если мы упрекаем некоторых болгарских и в особенности сербских ученых и политиков в необоснованности их положений, то тот же упрек они, в данном случае сербы, вправе направить и по адресу русского ученого. В этом вредная сторона книги г. Державина» [Селищев 1915, 14—15]. Позже не раз Селищеву приходилось в той или иной форме высказывать свое отношение к нелингвистическим аспектам македонского вопроса.

Расскажу об одном случае. В 1928 г. в серии «Малка Енциклопедическа Библиотека» (№ 61 и 62) в переводе на болгарский язык была опубликована небольшая книжка Селищева «Езикът като социално явление». Книжка открывалась предисловием болгарского писателя Ст. Чилингирова, выполнившего перевод ее на болгарский язык. «Предлагаемая книжка, — писал Чилингиров, — вышедшая из под пера знаменитого русского слависта А. М. Селищева, одного из самых авторитетных защитников болгарских прав на Македонию, написана специально для “Малой Энциклопедической Библиотеки”». До сих пор помню реакцию учителя на это утверждение болгарского писателя. Она была очень резкой и бурной. В те годы Селищев руководил на историко-этнологическом факультете Московского университета комплексным семинарием, посвященным Македонии. Перед началом заседания Селищев счел необходимым высказать свое отношение к утверждению Чилингирова. В общих чертах оно сводилось к следующему. «*Македонские говоры пережили сложную и во многом запутанную историю. В своей основе они восходят вместе с говорами Мизии, Фракии и Родоп к тем южнославянским говорам, которые принято в науке называть болгарскими. К иной южнославянской группе относились те диалекты, которые дали основу сербохорватскому и словенскому языкам. На стыке этих двух групп возникли различные переходные говоры. Все это является предме-*

том моих специальных занятий. К сожалению, часть времени я вынужден уделять анализу разного рода извращений и искажений. Я переходил границу языкознания только в области изучения народного быта, этнографии. Для решения вопросов политической и государственной жизни современных балканских народов необходимы такие запасы знаний и собственных наблюдений, которыми я не располагал и не располагаю. Вмешиваться в решение этих вопросов считаю безнравственным. Убежден, что русские ученые должны здесь держать нейтралитет. Слишком много фактов, говорящих о несовпадении языковых и государственных границ. Слишком много известно случаев, когда языковые признаки не совпадают с национальной принадлежностью. Что произошло бы с границами современных европейских государств, если бы они устанавливалась только по языковым признакам?» — спрашивает Селищев.

Позже Селищев писал: «Что же касается моего личного отношения к македонскому вопросу в общественно-политическом отношении, то я далек от сочувствия тенденциям политического империализма, с какой бы стороны они ни исходили» [Селищев 1934, 28].

Работая вдалеке от сложных международных проблем Балканского полуострова, Селищев имел возможность в своих исследованиях полностью игнорировать те политические и национальные требования, с которыми вынуждены были считаться С. М. Кульбакин, М. Г. Попруженко и другие русские слависты на чужбине.

Острая критика А. Белича, его учеников и последователей носила чисто научный (лингвистический) характер. Вопросы политического устройства балканских государств, границ между ними Селищев не затрагивал. Это отнюдь не значит, что русского слависта не волновала судьба славянских народов на Балканах. В. И. Злыднев в газете «Камско-Волжская речь» (от 17 мая 1916 г.) обнаружил заметку Селищева под названием «Помогите сербам». Автор поднял голос в защиту мирного сербского населения от австро-германских оккупантов. «С огнем и мечом, — писал Селищев, — прошли вражеские войска по сербской земле. Проникли они и в орлиное гнездо — в Черную Гору... Цель австро-германских вандалов — истребление сербского народа» [Злыднев 1968, 91—92]. Глубокое сочувствие у Селищева вызывали горестные судьбы болгарского населения.

В 1918 г. небольшим тиражом в Казани вышла из печати капитальная монография Селищева «Очерки по македонской диалектологии» (т. 1). В том же году в Казанском университете состоялся публичный диспут. Селищев единогласно был удостоен ученой степени магистра славянской филологии.

В 1918 г. произошло еще одно важное событие в жизни Селищева. Еще в начале XX в. иркутяне начали хлопотать об открытии в их родном городе университета, первого университета в Восточной Сибири. Начавшаяся война задержала положительное решение вопроса. Торжественное открытие университета состоялось лишь осенью 1918 г. На Казанский университет была возложена забота о формировании педагогического персонала и комплектовании библиотеки. В сентябре в Иркутск прибыла первая группа молодых преподавателей Казанского университета, среди которых находился и А. М. Селищев. Афанасий Матвеевич без всяких колебаний принял предложение возглавить кафедру русского языка в первом восточносибирском университете. Еще в Казани он заинтересовался процессами языковых контактов сибиряков с местными коренными жителями Сибири. Некоторые сведения об этом он получил в Казани от обучавшихся здесь иркутян. Конечно, не в меньшей степени его интересовали сибирские русские говоры сами по себе, их история. «С осени 1918 г. до лета 1920 г. А. М. Селищев работал в Иркутске, где он возглавлял кафедру русского языка в только что открывшемся тогда университете. Не будет преувеличением сказать, что буквально с первых дней своего пребывания в “столице” Восточной Сибири он приступил к собиранию материалов по сибирско-русской диалектологии, к подготовке будущих диалектологических экспедиций, к собиранию и воспитанию кадров диалектологов» [Черных 1947, 60]. Так писал ученик Селищева иркутянин П. Я. Черных, после отъезда Селищева из Иркутска продолжавший изучение сибирских говоров.

Первый учебный год (1918/19) Селищев посвятил изучению разного рода материалов (опубликованных и неопубликованных), часто встречался со знатоками местного края, краеведами и путешественниками. Вскоре после приезда в Иркутск он принял самое деятельное участие в работе Средне-Сибирского отделения Института исследования Сибири. Здесь он познакомился с крупными знатоками Восточной Сибири, ее экономики, демографии, этнографии. Все это очень помогло ему составить обширную диалектологическую программу, наметить план своих будущих исследований. Своей главной задачей Селищев считал написание монографии, посвященной общей характеристике восточносибирских говоров. Неожиданно уже здесь в Иркутске он узнал о существовании в Сибири так называемых «семейских» — изолированной группы старообрядцев, язык которых из-за своей южновеликорусской основы резко выделялся на фоне местных северновеликорусских говоров. Свое непосредствен-

ное знакомство с сибирскими говорами Селищев начал весной 1919 г. с посещения «семейских». Не следует забывать, что эта поездка проходила в условиях гражданской войны, которая в это время бушевала в Забайкалье. Он посетил Верхнеудинский район по реке Селенге, села Тарбогатай, прославленное поэтом Некрасовым, Купалой, Мухоршибир, Новый Заган, Хонхолой и др. К сожалению, из-за условий войны ему не удалось побывать у «семейских» на Хилке и на Чакое. «Пришлось бы ехать в сопровождении милиции, так как, по ее сведениям, в Заганском хребте, через который лежал путь, забились банды разбойников» [Селищев 1920, 2]. По возвращении в Иркутск Селищев в короткий срок завершил свою монографию «Забайкальские старообрядцы. Семейские». Книга вышла из печати в 1920 г. в издании Иркутского университета. Кроме самого текста были опубликованы многочисленные фотографии «семейских» и снимки с древних рукописей, обнаруженных у них.

После завершения монографии о «семейских» Селищев приступил к работе над «Диалектологическим очерком Сибири». Времени было достаточно, так как педагогические обязанности много времени не отнимали. В 1918/19 уч. году Селищев читал студентам первого курса введение в языкознание и введение в славянскую филологию, в 1919/20 уч. году к этому прибавилось еще чтение на втором курсе старославянского языка и истории русского языка. Работа над «Очерком» шла напряженно всю зиму 1919—1920 гг. Весной рукопись была готова. Из печати книга вышла в 1921 г. в издании Иркутского университета уже после возвращения Селищева в Казань. Автор не читал корректуры второй половины книги. Отсюда большое количество опечаток. Свою новую книгу Селищев посвятил памяти акад. А. А. Шахматова. Ко времени выхода книги все ученые степени в стране были отменены. Однако неофициально она считалась докторской диссертацией. По этому поводу рецензент книги проф. Е. Ф. Будде писал: «Если бы я мог держаться теперь нашего старого академического порядка, то я охотно присудил бы А. М. Селищеву высшую ученую степень — доктора славяно-русской филологии» [Будде 1921].

Неизвестно, по какой причине Селищев в 1920 г. вернулся в Казань. Причина должна была быть основательной, так как прервалась очень важная деятельность Селищева в области сибирской диалектологии. На обложке «Очерка» стоит «Выпуск первый». Второй выпуск Селищев предполагал посвятить полному описанию русских диалектных групп в Сибири. В связи с этим планировалась даже поездка в Обдорский и Туруханский края.

В 1920/21 уч. году Селищев был профессором Казанского университета. После преждевременной смерти Н. М. Петровского 6 февраля 1921 г. он возглавил преподавание славяноведческих дисциплин в Казанском университете. Однако педагогическая нагрузка была незначительной, так как весь цикл славистических дисциплин подвергся в это время здесь значительному сокращению. Осенью 1921 г. Селищев предпринял поездку в Чувашию, «посетил ряд пунктов в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах с целью ознакомления с состоянием русского языка среди чуваш и их близких соседей горных черемис» [Селищев 1927, 39]. На основе собранных материалов были подготовлены и опубликованы статьи «Русский язык у инородцев Поволжья» (1925), «Культурно-общественные взаимоотношения чуваш с соседними народами» и «Русские говоры Казанского края» (1927).

В конце 1921 г. А. М. Селищев получил приглашение из Московского университета возглавить здесь преподавание славянской филологии. Он охотно принял приглашение, так как в Казанском университете в это время почти отсутствовало преподавание славяноведческих предметов. После смерти Р. Ф. Брандта и В. Н. Щепкина в 1920 г. Московский университет остался без славистов. Первоначально руководство факультета предполагало привлечь молодого и талантливого лингвиста Н. Ф. Яковлева, но он в это время резко повернул в сторону кавказского языкознания.

С начала 1922 г. начинается московский, самый плодотворный период научной, педагогической и организационной деятельности Селищева. Она выходит за рамки университета. Его избирают действительным членом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН). В те годы научная работа в области гуманитарных наук шла не в университете, а в РАНИИОНе. Ассоциация ни административно, ни в финансовом отношении не подчинялась университету. Здесь же шла и подготовка научной смены. В состав действительных членов РАНИИОНа входили не только москвичи, но и наиболее известные ученые периферийных вузов. Селищев стал членом Института языка и литературы РАНИИОНа, на заседаниях лингвистической секции Института выступал с докладами «К изучению культурно-языковых отношений на Балканах (один из ранних балканизмов в болгарском языке)», «К изучению процесса языковых взаимодействий», «Славяно-албанские языковые и этнические контакты», «Роль эмоционально-экспрессивной функции в развитии современного русского языка» и др. Сразу же по переезде в Москву Селищев становится членом

Московской диалектологической комиссии при Академии наук, которая в это время официально называлась «Постоянная Комиссия по диалектологии русского языка». Председателем комиссии был Д. Н. Ушаков.

После Октябрьской революции в Московском университете были произведены коренные реформы. В ходе реформ «было допущено немало ошибок и левацких перегибов в создании советской высшей школы, в том числе и в Московском университете» (Московский университет за пятьдесят лет Советской власти. М., 1967, с. 17). После окончания гражданской войны создались условия для более продуманного плана организационной структуры университета и его факультетов. В декабре 1921 г. Наркомпрос утвердил новый состав правления университета из пяти человек. Во главе университета был поставлен историк В. П. Волгин, связанный с университетом еще в дореволюционные годы. По инициативе Волгина на факультетах были созданы комиссии по пересмотру прежних решений, включающие авторитетных ученых. В одну из комиссий был включен Селищев, который принимал очень активное участие в ее работе.

К 1925 г. была проделана большая работа. В университете восстановили кафедры, которые в 1918 г. были заменены так называемыми предметными комиссиями, в состав которых входили преподаватели соответствующих дисциплин и представители студенческих организаций. Деятельностью вновь созданных комиссий было подготовлено постановление СНК РСФСР от 17 мая 1925 г. Факультет общественных наук (ФОН) был реорганизован. На его основе созданы два факультета — этнологический (позже он стал называться историко-этнологическим) и советского права. Этнологический факультет включал отделения историческое, литературное, этнографическое и изобразительных искусств. План этнографического отделения был подготовлен А. М. Селищевым и Б. М. Соколовым. Отделение распадалось на циклы восточных славян (руководитель Б. М. Соколов), западных и южных славян (руководитель А. М. Селищев), тюркский цикл (руководитель В. А. Гордлевский), кавказский (руководитель Н. Ф. Яковлев) и иранский (руководитель Л. И. Жирков).

По своему характеру циклы существенно различались. Так, цикл восточных славян был чисто этнографическим, тогда как цикл западных и южных славян носил подчеркнуто лингвистический характер. Даже специализирующиеся по истории или этнографии зарубежных славянских народов должны были прослушать и сдать заче-

ты по истории соответствующих славянских языков, по старославянскому языку. В свою очередь и будущие лингвисты обязаны были пройти подготовку по истории и этнографии. Незначительное место занимали курсы по истории славянских литератур. Один раз Селищев читал общий курс истории болгарской литературы. Проф. Г. А. Ильинский читал небольшой курс истории сербской литературы. За все время существования славянского отделения МГУ не читались курсы по истории литератур западных славян.

В прошлом славистические дисциплины читались будущим специалистам по русской словесности и русской истории. Самостоятельной подготовки славистов в русских университетах не существовало. Теперь впервые подготовка славистов и русистов проводилась раздельно. Подготовкой специалистов по русской филологии ведало литературное отделение факультета. На цикле западных и южных славян были созданы условия не только для теоретического, но и для практического изучения живых зарубежных славянских языков. Практические занятия вели обычно представители зарубежной славянской эмиграции. Лекции читали и руководили семинариями и просеминариями А. М. Селищев, Г. А. Ильинский, Н. Л. Туницкий, П. А. Расторгуев, П. П. Свешников, историки М. К. Любавский, Ю. В. Готье, С. Д. Сказкин.

Яркий и самобытный талант А. М. Селищева в полную силу раскрылся в 20-е годы, когда он создал свои лучшие труды, когда он с большим успехом читал в университете разнообразные курсы и умело руководил семинарскими занятиями. Основными дисциплинами, которые преподавал Селищев, были введение в славянскую филологию и старославянский язык — для студентов I курса, история болгарского или сербохорватского языков — для студентов II курса, сравнительная грамматика славянских языков — для студентов III курса. Любил он вести семинарий по польской диалектологии, ежегодно руководил комплексным семинарием по Македонии. Этот семинарий пользовался большим успехом. В нем принимали участие студенты не только этнографического, но и литературного и исторического отделений.

Селищев был необыкновенным лектором. Опубликованные лекционные курсы не дают полного представления о его лекциях. Наибольшим успехом пользовались лекции по праславянской фонетике. В них он страстно полемизировал с уже покойным А. А. Шахматовым, со своими современниками А. Беличем, Н. Н. Дурново, Н. С. Трубецким, Л. А. Булаховским и др. Селищев обладал большим даром полемиста. Аргументация его была безукоризненной во

всех отношениях. Нельзя забыть его лекций о праславянских диалектах, о праславянском *ѣ*, о времени появления фарингального *г* и мн. др. Лекции Селищева были всегда насыщены полемикой, часто язвительной и иронической. Он превосходно владел студенческой аудиторией. В лекциях он обычно не сообщал готовых результатов своих исследований и раздумий, а умело, как подлинный мастер, показывал путь их решений. Нередко он предлагал и как будто защищал определенный взгляд на тот или иной вопрос, но затем умело и совершенно неожиданно показывал его противоречивость. И вдруг оказывалось верным то решение частного вопроса или большой проблемы, которое поначалу как будто не находило поддержки у профессора. Не раз не без лукавства Афанасий Матвеевич готовил студентам такие сюрпризы и искренне радовался, когда замечал на их лицах неподдельное удивление.

К студентам Селищев предъявлял повышенные требования. Он был очень строг на экзаменах и на практических занятиях по чтению древних текстов или диалектных записей. Отвечать всегда нужно было быстро и точно. В то же время он никогда не обижал студентов, не относился к ним высокомерно. Среди студентов он пользовался большим уважением, а многие платили ему даже любовью. Особенно строго Селищев экзаменовал студентов по курсу старославянского языка, в котором основное внимание отводилось характеристике праславянского периода. «*Здесь,* — говорил профессор, — *мы закладываем фундамент, на котором будет строиться все здание специальной подготовки.* Он мечтал написать учебник старославянского языка, однако осуществить это ему удалось только перед самой войной. Полностью он успел завершить лишь первую часть, содержащую введение и фонетику. Селищев передал в издательство рукопись в мае 1941 г. Вторая часть, которая должна была содержать полное изложение морфологии, основных особенностей синтаксиса, лексики, в издательство не поступила. В виде второй части были изданы подготовленные Селищевым тексты со словарем и краткие замечания из словообразования и морфологии. Начавшаяся война задержала издание труда. Он был опубликован лишь в 1951 г., через девять лет после кончины автора. К сожалению, при подготовке рукописи к печати и чтении корректуры не было проявлено необходимой заботы о точности авторского текста. Особенно много опечаток в примерах.

В 1925 г. Селищев подготовил к печати книгу «Введение в изучение славянских языков», содержащую очерки истории зарубежных славянских языков. Были неудачные попытки опубликовать ее в Че-

хословакии и в Болгарии. Лишь в 1938 г. возникла возможность ее публикации в учебно-педагогическом издательстве Москвы. Однако теперь рукопись нуждалась в серьезной доработке. Автор решил значительно расширить объем и издать труд в трех книгах. Быстро была подготовлена первая книга «Западнославянские языки», которая увидела свет в начале 1941 г. Переработать и дополнить рукопись второй книги «Южнославянские языки» автор не успел.

Селищев находил время для чтения лекций в иногородних педагогических институтах. Особенно тесно он был связан с Ярославским педагогическим институтом. Из его ярославской аудитории вышли С. А. Копорский, В. К. Чичагов и А. М. Иорданский.

К московскому периоду жизни и деятельности Селищева относится публикация таких его капитальных монографий, как «Язык революционной эпохи» (1928), «Полог и его болгарское население» (1929), «Славянское население в Албании» (1931), «Македонские кодики XVI—XVIII вв.» (1933) и др. К этому времени к Селищеву пришло широкое признание. Профессора факультета всех возрастов относились к Селищеву с большим уважением и даже с пиететом. При обсуждении различных организационных вопросов на Ученом совете факультета часто принимались предложения Афанасия Матвеевича. В 1929 г. он единогласно был избран членом-корреспондентом Академии наук. Пришло и международное признание. В 1926 г. Селищев был избран членом-корреспондентом Академического финно-угорского общества в Хельсинки, в 1930 г. — членом-корреспондентом Болгарской академии наук и в том же году — почетным членом Македонского научного института в Софии.

В 1930 г. при НКП РСФСР был открыт Научно-исследовательский институт языкознания (НИЯЗ), который просуществовал около трех лет. Селищев состоял действительным членом института.

В 1931 г. гуманитарные факультеты МГУ были выделены из университета и начали существовать самостоятельно. Историко-этнологический факультет (к 1931 г. он стал уже именоваться историко-философским факультетом), претерпев ряд преобразований и наименований, с 1936 г. стал именоваться Институтом истории, философии и литературы (ИФЛИ). Здесь самостоятельной подготовки славистов уже не было. Кафедра славяно-русского языкознания (руководителем ее был Д. Н. Ушаков) обеспечивала славистический аспект подготовки русистов. С 1936 по 1938 гг. Селищев состоял профессором ИФЛИ. Он и обеспечивал эту подготовку. С 1939 г. и до конца жизни Афанасий Матвеевич работал в Педагогическом институте имени В. И. Ленина.

Природа наделила Селищева могучим здоровьем. Его рабочий режим дня (14 часов за письменным столом ежедневно, включая праздники) мог выдержать только очень сильный человек. В поведении Селищева, во всем его жизненном укладе было много необычного. Все свои жизненные силы, все время он целиком отдавал науке и преподавательской деятельности. Личной жизни в обычном смысле у него не было. Отдыхом для него были встречи и беседы с коллегами и учениками, но всегда только на специальные темы. Он вел спартанский образ жизни, был совершенно безразличен к пище, к вещам. Он был настоящим подвижником в науке и в жизни.

Великая Отечественная война нарушила обычный ритм жизни Селищева. Беседы на научные темы как-то незаметно прекратились сами собой. Его очень волновала судьба племянника Гоши, учеников, сражавшихся на поле брани. В июле 1941 г. я привел к Селищеву Т. П. Ломтева, который только что бежал из горящего Минска и с большим трудом добрался до Москвы. Афанасий Матвеевич подробно расспрашивал его обо всем, что в эти дни он пережил. Тимофей Петрович находился в страшно подавленном состоянии. События его просто раздавили. Никогда не забуду слов учителя: *Большое горе на нас свалилось, но не надо предаваться унынию. Немцы опасные враги, но даже они победить нас не смогут.* Сказано это было со спокойной и глубокой уверенностью.

В эти тяжелые дни Селищев потянулся к публицистике. В журнале «Славяне» появились его статьи — «Извечная борьба славян против немецких варваров», «Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру». Он начал усиленно хлопотать о возобновлении в Московском университете специальной славистической подготовки, указывая на острую необходимость в людях, хорошо знающих зарубежные славянские языки, культуру славянских народов. Это возымело свое действие. Уже в 1943 г. в Московском университете было открыто отделение западных и южных славян. К великому горю нашему, Селищева уже не было в живых. Он скончался от тяжкого недуга 6 декабря 1942 г., не дожив до 57 лет.

Последний раз мы виделись 5 октября 1942 г., за два месяца до кончины учителя. Он сильно похудел, но ничто не предвещало скорого конца. В этот день в Педагогическом институте состоялась защита кандидатской диссертации П. П. Свешникова на тему «Балканский конъюнктив». Официальными оппонентами выступали А. М. Селищев и М. В. Сергиевский. «*Думали ли мы год тому назад, что в Москве возможно будет проводить защиты диссертаций!* — сказал Афанасий Матвеевич. — *Еще будет много испытаний, многие сло-*

жат свои головы, но уже ясно теперь, что победа приближается». Это сказано было в канун великой Сталинградской победы. «Верой в русский народ, в его творческие силы, глубоким демократичным сочувствием народу полна вся жизнь, вся научно-общественная деятельность А. М. Селищева» [Виноградов 1947, 49].

С. Б. Бернштейн

Литература

Аванесов 1947 — А в а н е с о в Р. И. Афанасий Матвеевич Селищев (1886—1942) // Бюл. диалектол. сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. 1947. Вып. I.

Будде 1921 — Б у д д е Е. Ф. Рец.: Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Т. 1 // Казан. библиофил. 1921. № 2.

Виноградов 1947 — В и н о г р а д о в В. В. Проф. А. М. Селищев как историк русского языка // Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ. 1947. Вып. 4.

Дмитриев 1947 — Д м и т р и е в Н. К. А. М. Селищев и тюркская филология // Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ. 1947. Вып. 4.

Злыднев 1968 — З л ы д н е в В. И. А. М. Селищев и его болгарские связи // Сов. славяноведение. 1968. № 4.

Обнорский 1947 — О б н о р с к и й С. П. Памяти А. М. Селищева // Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ. 1947. Вып. 4.

Селищев 1915 — С е л и щ е в А. М. Рец.: Державин Н. С. Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос // Учен. зап. Казан. ун-та. 1915. Кн. 6—7.

Селищев 1920 — С е л и щ е в А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Гос. Иркут. ун-т, 1920.

Селищев 1921а — С е л и щ е в А. М. Памяти профессора Нестора Мемноновича Петровского // Казан. библиофил. 1921. № 1.

Селищев 1921б — С е л и щ е в А. М. Памяти академика Алексея Александровича Шахматова // Казан. библиофил. 1921. № 2.

Селищев 1927 — С е л и щ е в А. М. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис // Учен. зап. РАНИИОНа. Ин-т яз. и лит. (Лингв. секция). М., 1927. Т. 1.

Селищев 1934 — С е л и щ е в А. М. Македонская диалектология и сербские лингвисты // Македонски преглед. 1934. Кн. 3—4.

Черных 1947 — Ч е р н ы х П. Я. Труды А. М. Селищева по сибирско-русской диалектологии // Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ. 1947. Вып. 4.

ЯЗЫК И РЕВОЛЮЦИЯ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУССКИМ ЯЗЫКОМ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

(Тезисы к докладу)

Издается впервые по авторизованной машинописной копии без подписи (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 93. Л. 55—56). В публикуемом документе орфография и пунктуация подлинника приведены в соответствие с современными нормами.

* * *

I. Усиленная речевая деятельность последних лет, находящаяся в связи с весьма интенсивными отношениями в населении страны. Преимущественная форма этого времени — ораторская или ораторско-диалогическая.

II. Связь языковых явлений революционной среды начала 900-х годов и последующего времени.

III. Значение коммуникативной функции речи. Элементы речи революционных деятелей и широкое распространение этих элементов в процессе общения разного вида: а) элементы речи интеллигенции; б) элементы иноязычные; в) западнорусские, южнорусские и диалектические великорусские черты; г) роль канцелярии и ее языка; д) наличие книжных архаизмов и славянизмов; е) элементы «опрощения» речи в связи с общественно-бытовым характером деятельности революционеров. Крайние формы этой тенденции. Распространение слов «воровского жаргона». Общественно-лингвистический протест против отклонения от норм общекультурного (литературного) языка. Социальное значение этого протеста; ж) элементы речи военного обихода, находящиеся в связи с программой революционной деятельности и с об-

стоятельствами 1918-го и последующих годов («военный коммунизм»); з) партия и ее речевые черты; и) сохранение прежней формы речи и ее элементов в сношении с представителями других государств.

IV. Весьма важная роль эмоциональной функции речи в революционные годы. Сильная жестикуляция и выразительная мимика сопровождают эмоционально-насыщенную речь. Быстрота распространения языковых черт революционного времени и неизменно происходящее при этом распространении ослабление и утрата их эмоциональной значимости. Формы и способы выражения эмоциональности.

V. Сильные изменения в области номинативной деятельности языка: а) утрата ряда терминов, изменение значения некоторых прежних слов и появление новых названий. Обстоятельства и условия этих явлений (утраты, изменения значения, возникновения новообразований); б) средства, какими пользуется язык при выполнении номинативной функции: 1) слова иноязычного происхождения. Русские термины общественно-экономического и политического содержания; 2) прежние слова с измененным значением, вызванным по большей части эмоциональной функцией; 3) сочетания прежних терминов с прилагательными и наречиями, соответствующие революционным обстоятельствам, требованиям, вкусам; 4) новообразования: а) сокращения разных способов; б) образования посредством сложения; в) образования при помощи прежних суффиксов и префиксов. Типы этих образований.

Образования от имен личных.

VI. Изменения значения слов в связи с происходящими событиями. Быстрота изменения значения слов и забвение их находится в связи с быстротой темпа общественной жизни страны.

VII. Новшества в языке деревни. Новые слова. На их звуковом виде и значении отражается фонетическая и формальная система русского языка и реальная обстановка восприятия новых терминов.

IX. Процесс «самоопределения народности», стремление к «чистоте» своего языка и обилие русизмов в речи деятелей национальных меньшинств СССР, — обилие, вызванное единством социальных переживаний и общественно-политическим и культурным воздействием центра.

X. Общность и различие в языковых процессах времени Великой французской революции и процессов, пережитых русским языком в последние годы.

(подписал) А. СЕЛИЩЕВ

Вступление и публикация О. В. Никитина

ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ:
Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)*

Предлагаемая работа представляет собою результаты моих наблюдений над языковой деятельностью в связи с событиями и обстоятельствами периода 1917—1926 гг. Главным же образом эти наблюдения относятся к последним 3—4 годам. Цель работы — осветить различные стороны языковых переживаний последних лет. Кроме общелингвистического значения, представляемые результаты моих изучений могут иметь значение и практическое: они указывают на различные отклонения от норм общерусского литературного языка и на условия, обстоятельства и последствия этих отклонений. Для целесообразного и умелого пользования этим языком необходимо принять во внимание указанные отклонения, в особенности те, которые не являются необходимыми или важными ни для одной языковой функции: ни для общения, ни для выражения эмоциональности, ни для называния.

Работа выполнялась при содействии московского Института языка и литературы при Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

А. Селищев

---

* 1-е изд.: М.: Работник просвещения, 1928. — *Примеч. сост.*

С о к р а щ е н и я

«Бедн.» — «Беднота» (М., газ.).
Б-ка «Крокод.» — Библиотека «Крокодила» (М., отдельные выпуски).
«Буз.» — «Бузотер» (М., сатирический журнал).
Б у х а р. На подступ.— Н. Б у х а р и н. На подступах к Октябрю. М., 1926.
«Вест. Просвещ.»
«Веч. Москва»
«Журн.» — «Журналист» (М., журн.).
«Изв.» — «Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР» (М.).
«К. Пр.» — «Комсомольская Правда» (М., газ.).
«Кр. Пр.»
«Кр. Газ.» — «Крестьянская Газета» (М.).
«Кр. Мол.» — «Красная Молодежь» (М., журн.).
«Кр. Нива» — «Красная Нива» (М., журн.).
«Кр. Новь» — «Красная Новь» (М., журн.).
«Кр. Татар.», «Кр. Тат.» — «Красная Татария» (Казань, газ.).
«Кр. Флот.»
Л е н. XV. — Н. Л е н и н (В. И. Ульянов). Собрание сочинений. Т. XV. 1917—1918. М., 1922.
Л е н. Такт. — Н. Л е н и н. Тактика большевизма. М., 1923.
«Ленинград. пр.»
«Леф.»
«Лит. газ.»
Mazon — A n d r é M a z o n. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). Paris, 1920.
Маркс., Маркс. и ликвид., Маркс и ликв. — Н. Л е н и н, Г. З и н о в ь е в, Ю. К а м е н е в. Марксизм и ликвидаторство. Л., 1924.
«Мол. Большевик»
«М. Лен.» — «Молодой Ленинец» (М., газ.).
«Ниж. Ком.» — «Нижегородская Коммуна» (Н.-Новгород, газ.).
«Окт.» — «Октябрь» (М., журн.).
«Пион.» — «Пионер» (М., журн.).
«П. Пр.» — «Пионерская Правда» (М., журн.).
«Пр.» — «Правда». Орган Центрального Комитета и Московского Комитета ВКП(б).
«Проклам.» — Прокламации 1914 г. Памятники агитационной литературы Росс. Соц.-Демократ. Раб. партии. Т. VI, вып. 1. М., 1923.
«Раб. Москва» — «Рабочая Москва» (М., газ.).
«С. Ком.», «С. Комс.» — «Северный Комсомолец» (Ярославль, газ.).
«Смех.» — «Смехач» (М., сатирический журнал).
«Студ.-Пролет.» — «Студент-Пролетарий» (Пермь, журн.).
«Унив. Пр.» — «Университетская Правда» (М., газ.).

П р и м е ч а н и е. Курсивом в тексте отмечены слова, характерные в том или ином отношении для революционного времени.

I. Введение

Речевой процесс. Языковая система. Язык как социальное явление. Изменения, переживаемые языком. Французский язык XVII—XVIII вв. Языковые явления периода Великой французской революции. Общие черты в языке деятелей французской революции и в языке революционеров в России. Черты различия.

1. Процесс речи представляет следующие стороны. Во-первых, он является процессом артикуляционно-акустическим. Производится работа органов речи: голосовые связки принимают спокойное или напряженное положение, язык и губы укладываются так или иначе, выдыхается струя воздуха. При этой артикуляции происходят колебания воздушных частиц, колебания, передающиеся органу слуха говорящего и слушающего. Это — фонетическая сторона речи. Каждый язык представляет свою фонетическую систему, заключающую в себе определенные фонетические элементы (στοιχεῖον — «простейшая часть чего-нибудь», «элемент» — по терминологии греческих грамматистов), или фонемы (по терминологии проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ). Каждый из этих элементов (фонем) имеет свою индивидуальную характеристику, несколько колеблющуюся в тех или иных случаях и в речи отдельных лиц.

Во-вторых, речь является как формально-стилистическая языковая техника передачи событий и явлений действительности. В этом отношении речь представляет формальные сочетания в виде фраз и частей фраз, а также сочетания элементов речи. Это — формально-грамматическая сторона речи.

В-третьих, слова и фразы являются знаками явлений действительности: словам, а также фразам как знакам соответствуют те или иные предметы и процессы действительности. То же значение имеют иногда и элементы речи — тогда, когда они употребляются как междометные образования. Это — сторона речи семантическая (семантика, греч. τὸ σῆμα — «знак», σημαντικός — «обозначающий»), сторона, определяющая значение речи.

2. Относительно производства речевого процесса заметим следующее. Речь отдельного лица представляет собою систему бессознательных ассоциаций между движениями органов речи и ощущениями. Обнаруживая эту систему, говорящий имеет представления двух видов: представление звукового вида слова и сочетания и представление значения этого слова и сочетания. Такие же речевые явления свойственны и другим лицам данной общественной среды. Речь отдельных членов ее представляет сходные артикуляции и

сходные представления значений речевых знаков (звуков, пауз, звуковых сочетаний, интонаций, слов, фраз). Речь этих говорящих образует одну языковую систему, один язык. Эта создавшаяся в течение времени система подчиняет себе все индивидуальные говорения. Они производятся в рамках определенной общей языковой системы, существующей в этом обществе в данный момент времени. Отклонения в индивидуальном проявлении речи происходят, но именно это — о т к л о н е н и я от общей существующей нормы, обязательной для всей социальной среды. Такие отклонения обусловливаются вмешательством творчества индивидуума, пользующегося данной языковой системой. Но в спокойные периоды социальной жизни мало бывает лиц с ярко выраженными индивидуальными чертами говорения. Речевое однообразие объясняется тем, что «язык является в высокой степени готовым, выработанным и очень сложным орудием, так что уже самое достижение полного умения пользоваться им требует много усилия и времени, и большинство людей бывает удовлетворено, если достигнет этого; [объясняется], наконец, общим характером языка как общеобязательной нормы речи. Как безотчетно отдельное лицо поддается моде; как прямо-таки без исключения женщины то выворачивают себе ноги на высоких каблуках, то снова шлепают ими, то заметают пыль и грязь подолами платий, а то иногда, как по команде, показывают ноги — часто кривые, слишком тонкие или слишком толстые — до самых колен и выше; как мужчины совсем рабски отдаются госпоже моде в костюме, в способе кланяться, подавать руку и т. д., без конца, — так тиранически господствует над нами норма — иногда также мода — языковая»[1]. Тем не менее норма в течение времени подвергается изменению. Некоторые из отклонений от нормы, представляемые группою лиц, обычно лиц молодого поколения, — группою, выдающеюся своими новшествами, — привлекают к себе внимание их сверстников, и эти социальные новшества с течением времени входят в норму. Языковые новшества нередко вызывают протест со стороны лиц, не приемлющих их, чувствующих их чуждыми общей языковой норме. Сущность протеста заключается в коллективном чувстве помехи для культурного и социального бытия — помехи, создаваемой социальной дифференциацией, отклонением от общего социально-языкового направления. «Мы вступили в поток данной литературной речи и культурной жизни для того, чтобы спокойно плыть и этом потоке, а потому, конечно, заинтересованы в том, чтобы этот поток не дробился на отдельные мелкие течения; всякое уклонение от

[1] J a n R o z w a d o w s k i. См. «Język Polski». VII (1922). № 2. С. 51—52.

общего течения болезненно чувствуется нами как покушение на наше культурное бытие, и мы протестуем против таких отклонений путем высмеиванья, осужденья, лишения прав… В этом случае образованные люди обнаруживают такую же нетерпимость, как и необразованные… В обоих случаях людей увлекает одинаковый социальный поток, одинаковое коллективное чувство, разница только в том, что необразованный человек руководится при этом только непосредственным чутьем своего, привычного, правильного (в смысле направления), а образованный, кроме того, оглядывается еще на авторитет других, смотрит на поставленные этими авторитетными людьми вехи и маяки». Так говорил об этом явлении безвременно погибший казанский лингвист А. Н. Б о г о л ю б о в[2].

Те же индивидуальные речевые особенности, которые не находят себе сочувственного отклика ни в одной из групп данного общества, минуют бесследно вместе с их носителями.

3. Речь — одно из существеннейших я в л е н и й с о ц и а л ь н о й ж и з н и. Речь, как и прочие образы действий, мыслей, чувствований социального характера, представляет продукт деятельности социальной среды — среды взаимодействующих индивидуумов. Социальные факты или явления получили в социальной среде определенную форму, систему, норму. Представление этих норм в речи, в обычаях, праве, вкусах и общественной организации свойственно всем отдельным членам данного общества. Эти нормы, возникшие в социальной среде и существующие в представлении отдельных взаимодействующих членов ее, являются в то же время как нормы, находящиеся как бы вне отдельных индивидуумов. Социальные факты «не только не являются продуктами нашей воли, а сами определяют ее извне; они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия», — пишет французский социолог Э. Д ю р к г е й м[3]. «Социальный факт узнается лишь по внешней принудительной власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами, а присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции, или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида разойтись с ним». Так определяет социальный факт Э. Д ю р к г е й м[4]. Вот

[2] А. Н. Б о г о л ю б о в. Об изучении литературных языков. Методологический очерк. Казань, 1914. (Оттиск из «Ученых Записок Казан. университета», 1914 г.)

[3] Э. Д ю р к г е й м. Метод социологии. Перевод с франц. Киев, 1899. С. 34 и в других местах.

[4] Д ю р к г е й м. Там же. С. 16.

две основные черты, характеризующие социальное явление: внешность социальных норм по отношению к отдельным членам общества и принудительность воздействия этих норм на индивидуума. (Но внешность существования социальных фактов мы не понимаем так, что они существуют как реальности совсем независимо от индивидуумов: социальные факты происходят в обществе взаимодействующих индивидуумов, но они отличны от процессов, переживаемых изолированными индивидуумами[5].) Те же черты характеризуют и языковую норму. Она не подвергается произвольным изменениям. Она воздействует на индивидуальное говорение. Она общеобязательна для отдельных членов общества, пользующегося одним языком.

Проявление социальных образов действий (в области обычаев, вкусов и др.) у отдельных индивидуумов представляет иногда все же некоторые отклонения от коллективной нормы, от коллективной модели. Те же индивидуальные отклонения представляет и речь. В течение времени при благоприятных социальных обстоятельствах, при наличии соответствующих тенденций эти новшества входят в состав нормы для всей общественной группы или для части ее.

4. «Ф у н к ц и я социального факта может быть лишь социальной, т. е. она заключается лишь в произведении социально полезных результатов. Конечно, может случиться и действительно случается, что отраженным путем он служит также и индивидууму… Функции социального факта надо искать в его отношении к какой-нибудь цели»[6]. Функции речевого процесса различны.

1) Основной функцией является функция общения, коммуникации. Речь служит главнейшим проводником, передающим акции и реакции взаимодействующих лиц. Там, где нет энергичного речевого взаимодействия, там слабы или вовсе отсутствуют и другие социальные связи.

2) Другая функция — выражение экспрессии, эмоций. В употреблении речи с этою целью индивидуальные черты говорящего могут отражаться ярче, чем в других случаях пользования речью. Индивидуальные особенности, направленные к наиболее целесообразному использованию языковых данных при выражении экспрессии, могут привлечь к себе внимание других членов общества, могут войти в состав речи их и получить широкое распространение. Вследствие частого употребления этих эмоционально-экспрессивных элементов они с течением времени понижают и совсем утрачивают в речи общественной группы свою эмоциональную значимость.

---

[5] Подробнее см. у П. С о р о к и н а. Система социологии. Т. I. Птгр., 1920. С. 244—247.

[6] Д ю р к г е й м. Там же. С. 97.

3) Речь выполняет также функцию номинативную, служа для называния предметов, явлений и событий окружающей жизни и личных переживаний.

4) Наконец, речь может быть направлена к цели эстетической, к цели коллективного развлечения. Таково значение речи поэтической. Это — эстетическая функция[7].

5. В социальной жизни огромное значение принадлежит процессу подражания, взаимного внушения, — процессу, действующему в среде лиц, находящихся в пространственной близости друг к другу. Подражанием распространяются те или иные новшества, соответствующие тенденциям, переживаемым общественной группой в данное время[8]. То же значение принадлежит процессу подражания и в языковой деятельности. Отдельные лица усваивают речь и речевые тенденции окружающей среды, с которой они связаны общими житейскими интересами. Процесс воздействия, с одной стороны, и процесс подражания, заимствования, усвоения, с другой — сопровождают языковую деятельность человека в течение всей его жизни. Малютка, развивающий у себя навыки речи, старается воспроизводить звуки и звуковые сочетания, связанные с известным значением, подражая речи окружающих его старших — речи матери, няньки — тех, кто имеет к нему ближайшее отношение. Подросток, проводящий лучшее время среди своих сверстников, стремится говорить так же, как и его товарищи; особенности языка матери, если они значительно отклоняются от языка друзей подростка, так полно охвативших содержание его жизни, изменяются: вместо этих особенностей он усваивает черты говорения своих сверстников, преимущественно те черты этого говорения, которые особенно привлекают в данное время внимание подрастающего поколения. Взрослый человек в своем общении с другими членами общества приноравливает более или менее свою форму общения и речевой экспрессии к речи окружающих — приноравливает, коррегирует и в отношении сохранения старого и в отношении усвоения новшеств, характеризующих данное время в области языковых и прочих социальных проявлений.

В особенности велико значение молодого поколения в усвоении и распространении языковых новшеств своего времени. Энергичность и интенсивность сношений с носителями новшеств, обостренная восприимчивость новых веяний, переживаемых в данное время, спо-

[7] О функциях речевого процесса см. в статье М. Н. П е т е р с о н а «Язык как социальное явление» (Ученые Записки Лингвистической секции Института языка и литературы. 1927).

[8] G. T a r d e. Les lois de l'imitation. Paris. 1-е изд. вышло в 1890 г.

собность приспособления органов речи к производству новых звуков, свойственная юношескому и в особенности детскому возрасту, — всё это обусловливает усвоение новшеств в языковой деятельности. При благоприятных обстоятельствах новые языковые явления распространяются среди более широкого круга, распространяются при наличии расположений к восприятию этих новшеств. Бывают периоды, когда в особенности интенсивно переживаются различные новшества в культурно-общественной и языковой жизни.

Процесс воздействия-подражания бывает тем значительнее, чем сильнее испытывают отдельные лица или группы влияние в прочих культурно-общественных отношениях — влияние, идущее от других лиц или групп, которым принадлежит преимущественное значение в социальной жизни.

6. Население крупного и небольшого района, города и деревни не представляет вполне одинакового социального строения, а является сложным социальным агрегатом, в состав которого входит ряд особых социальных групп. Эти группы находятся между собою в тех или иных отношениях и связях. Такая структура социального состава населения отражается и в языке этого населения. Каждая группа имеет свои языковые особенности. То или иное объединение с другими группами отражается и в языке объединяющихся групп. В каждом классе, в каждой профессиональной среде вырабатываются свои характерные черты и в образе жизни, и в языке. В качестве профессионального языка является также воровской жаргон, «блатная музыка» (фр. argot). Цель этого языка — общение с товарищами по профессии, с одной стороны, и стремление скрыть свои высказывания от посторонних лиц, с другой.

7. Если отдельные группы объединяются вокруг одного центра — объединяются в отношении государственном, экономическом, культурном, то они объединяются и в отношении языковом: язык представителей центра, иногда с чертами диалектическими, усваивается отдельными представителями других диалектических групп — представителями, принимающими деятельное участие в государственной и культурной жизни страны. Некоторые же черты этого общегосударственного и общекультурного или литературного языка проникают и в речь народной среды на далеких окраинах. И чем интенсивнее и интимнее связи культурного центра с окраиной, тем значительнее отражается влияние общекультурного языка на народные говоры.

8. Внутри каждой социальной группы представлена дифференциация в возрастном отношении: «отцы и дети» расходятся в разных проявлениях социальной жизни. Это расхождение бывает в некото-

рые периоды жизни общественной группы весьма сильно; интересы, стремления, вкусы, взгляды молодого поколения в эти переходные периоды отличаются во многих отношениях от интересов и идеалов старшего поколения. Значительные новшества представляет тогда молодежь и в своем языке.

9. Внутри отдельной группы может быть социальная дифференциация и в половом отношении: одни социальные явления свойственны мужчине, другие женщине. Эта дифференциация отражается и в языке: одни языковые черты принадлежат языку мужчины, другие — языку женщины. Так в языках сибирских народов: бурят, якутов, юкагиров, чукчей, — язык женщины имеет некоторые черты, отличные от языка мужчин, хотя бы они принадлежали и к одной этнографической и лингвистической группе. У юкагиров и чукчей, напр., женщины в своей речи представляют сочетания с *ц*, а мужчинам полагается говорить соответствующие сочетания с *ч* и др. У североамериканских индейцев, дакотов, повелительным наклонением пользуются только мужчины, а речи женщин и детей свойственно только «просящее наклонение»[9].

10. Язык с течением времени подвергается изменениям в отношении всех своих сторон. В некоторые периоды языковые переживания бывают весьма интенсивны; происходящие языковые процессы значительно изменяют прежнее языковое состояние. В такие периоды происходят сильные изменения и в прочих явлениях социальной жизни. Результаты этих изменений предстанут отчетливо, если сравнить состояние более раннего времени с позднейшим. Ср., напр., русский язык XVII века с языком конца XIX века. Отметим еще черты языка французского общества в XVII—XVIII вв. и явления, пережитые в период такой социальной ломки, какая произведена была Великой французской революцией.

11. Париж и Версаль, королевский двор, были средоточием французской знати. Там вырабатывались особенности той утонченности быта, обстановки, манер, какая стала обязательной для французского дворянина. При дворе короля и в салонах знатных дам создается в

[9] О социальном значении языковой деятельности см. в следующих работах: F. d e S a u s s u r e. Cours de linguistique générale. 2-e édition. Paris, 1922. J. V e n d r y e s. Le langage. Paris, 1921. A. M e i l l e t. Linguistique générale et linguistique historique. Paris, 1921. K. A p p e l. Język i spoleczeństwo. Warszawa, 1908. М. Н. П е т е р с о н. Язык как социальное явление (Ученые записки Лингвист. секции Научно-исследоват. института языка и литературы. 1927 г.). Там же можно найти библиографические указания на другие работы. Р. Ш о р. Язык и общество. М., 1926.

XVII—XVIII вв. особый стиль языка, с особыми выражениями и лексическим составом. Были исключены все слова и выражения, которые казались грубыми, фамильярными, вульгарными и могли возбудить представление, не соответствовавшее изящности салона и гостиной, ruelle, где, лежа в постели, с милой улыбкой принимала гостей знатная дама. Précieuses — дорогие, изысканно-изящные дамы — положили немало усилий на своеобразную утонченность и изысканность речи. В особенности великое значение в этом отношении принадлежало салону madame de Rambouillet. Нельзя, напр., было сказать j'aime le melon («я люблю дыню»), потому что это «унизило бы» слово aimer; поэтому лучше сказать так: j'estime le melon (estimer — «ценить», «уважать»).

Образные выражения, гармонирующие с общей изысканностью стиля, входят в речь высшего общества. Говорят не le soleil («солнце»), a le flambeau du jour («светильник дня»), не les yeux («глаза»), но les miroirs de l'âme («зерцала души») или le paradis de l'âme («рай души»), не le nez («нос»), но la porte du cerveau («врата в мозг»), не la chemise («рубашка»), a la compagne perpétuelle des morts et des vivants («вечная подруга мертвых и живых») и др. О чистоте языка должна была заботиться и французская Академия, открытая в 1635 г.: составление словаря, который должен был узаконить словарный состав этого изящного аристократического языка, было главнейшей обязанностью членов Академии. В 1694 г. вышло 1-е издание словаря: Dictionnaire de l'Académie française. Словарь был весьма неполон. Сюда вошли лишь слова, которые нашли академики в произведениях образцовых писателей того времени. Наиболее полно была составлена группа слов, относящихся к геральдике. Полнота этого отдела служила отражением главных интересов и занятий высшего французского общества. Слова по отношению к другим родам специальных занятий отсутствуют в словаре. Не названы и многие другие явления повседневной жизни. Боязнь опростить язык удержала академиков от помещения слов обыденной речи в своем Dictionnaire'e. В общем результате стремления к чистоте и изысканности языка, к точности и полноте высказывания получился «язык благородный и возвышенный, которым говорят Буало, Расин и Боссюэт, язык редкой точности, превосходной ясности и в то же время гармонии и благородства манер»[10].

12. Философское движение XVIII в. также оставило сильные следы в языке. Тенденция образованных людей к психологическому

[10] Kr. N y r o p. Grammaire historique de la langue française. I. Copenhague, 1899. Гл. IV. P. 56—57.

анализу и к отвлеченным вопросам отразилась в языке в виде многочисленных терминов и сочетаний для передачи отвлеченных представлений и тонких аналитических нюансов[11].

13. Блеск версальского двора при Людовике XIV (le Roi-Soleil), а также и в последующее время, мощь аристократии, сплоченной вокруг короля, развитие французской литературы в XVII—XVIII вв. — все это привлекало внимание Европы и вызывало подражание культуре и манерам высшего французского общества. Вместе с ним повсюду в Европе среди дворянских классов распространяется усвоение французского языка как языка, на котором приличествовало изъясняться дворянину и в особенности прекрасному полу.

14. В XVIII в. экономическое положение Франции было тяжелое: войны и налоги разоряли страну, расстраивали финансы государства и материальное благосостояние аристократии. Приходилось обращаться за помощью к буржуазии, к богатым представителям городского населения. А вместе с этим буржуа стали находить себе доступ в блестящие салоны французской знати. Входя в общение деловое и интимное с аристократической средой, парижская буржуазия вводила в речь среды аристократов элементы своего городского языка. С течением времени все сильнее и сильнее отражались эти элементы на аристократическом языке. С ужасом констатировали присутствие этих вульгаризмов писатели аристократического стиля: утрачивается вкус, распространяются варварские слова и словесные сочетания из речи черни. Так с горечью замечал Вольтер (Dictionnaire philosophique. «Goût»).

15. В революционные 1789—1794 гг. вместе с коренным изменением социальных отношений были пережиты и изменения в языке. Изящный стиль языка салонов, канонизированный состав благородных слов и выражений не соответствовал времени. Показательно в этом отношении предисловие к 5-му изданию академического словаря (1797—[17]98). В предисловии представлена, между прочим, сравнительная оценка языка аристократии и языка в его повседневном употреблении в устах народа. «Положено было за лучшее не ссылаться на язык изящного общества, как на высший, решительный авторитет, так как изящный свет думает и говорит плохо [!]… и, наконец, чрезвычайно велико различие между изящным языком, который соответствует весьма странным фантазиям изящного мира, и хорошим языком, состоящим из естественных отношений слов и по-

[11] F. C o h i n. Les transformations de la langue française pendant la deuxième moitié du XVIII-e siècle (1740—1789). Paris, 1903.

нятий». Общественное и государственное значение приобрели широкие слои французского общества. Те, кому нужна была поддержка этих общественных слоев, обязаны были считаться с мнением их, говорить и писать на языке, им понятном, говорить в форме экспрессивной и убедительной. Появился длинный ряд журналов, газет, листовок, брошюр с громкими вульгаризованными названиями — изданий, предназначенных для широкой публики: «La bouche de fer»; «Le Rocambol des journaux ou Histoire aristo-capucino-comique de la Révolution»; «Le journal de l'autre monde ou Conversation vraiment fraternelle du diable avec saint Pierre»; «Bon Dieu! qu'ils sont donc bêtes, ces Français»; «Lettres bougrement patriotiques du père Duchêne» и др.[12]. Обращаясь к широким массам населения, журналисты употребляли простые, но сильные и крепкие выражения, чтобы заклеймить своих противников. Одной из форм фамильярности является «тыканье» в обращении ко 2-му лицу. Многие революционные деятели, в том числе и ораторы, говорили *ты* вм. *вы.*

Преимущественное значение народных элементов отразилось и на фонетике: вошли в общее употребление *оа* вместо державшегося до тех пор в аристократической речи *ое* (oi): roa (roi), moa (moi).

Не только в речи, но и в костюме некоторые революционные деятели хотели приблизиться к народной среде: они надевали красный колпак и сабо (sabots — башмаки из дерева или с деревянными подметками).

16. Сильная эмоциональность, вызванная переживавшимися событиями, свойственна речи многих ораторов. Вот, напр., выдержки из речи независимого жирондиста Иснара. «Они [эмигранты] хотят восстановить парламенты, которые продавали правосудие; они хотят восстановить дворянство, которое, в своей наглой и дикой гордости, не признает граждан людьми. Они хотят восстановить дворянство! Но с высоты этой трибуны мы воспламеним всех французов! Все, бросая одной рукой свое золото и держа меч в другой, будут бороться против этого кичливого племени и заставят его терпеть муку равенства… [Аплодисменты.] Скажем Европе, что если министерства

[12] «Железный рот»; «Рокамболь [комическая театральная фигура] газет или аристо-капуцино-комическая история революции»; «Газета с того света или подлинная братская беседа черта со св. Петром»; «Боже мой! Ну, что это за звери, эти французы!»; «Чертовски патриотические письма отца Дюшена» и др. — О французской журналистике периода революции см. в книге К у н о в а (H. C u n u w). Die revolutionäre Zeitungsliteratur Frankreichs während der Jahre 1789—1794. Berlin, 1903. Русский перевод 1920: «Французская пресса…».

вовлекут королей в войну против народов, то мы вызовем народы на войну против королей. [Аплодисменты.] Скажем ей, что все битвы, которые произойдут между народами по приказу деспотов… [Аплодисменты продолжаются.] Не аплодируйте, не аплодируйте, имейте уважение к моему энтузиазму, внушенному свободой. — Скажем ей, что все битвы, которые происходят между народами по приказу деспотов, похожи на удары, которые два друга, возбужденные коварным подстрекательством, наносят друг другу в темноте; стоит дневному свету показаться, и они бросают оружие, обнимаются и наказывают того, кто их обманывал; точно так же, если в момент, когда неприятельские войска будут сражаться с нашими, их озарит свет философии, народы обнимутся перед лицом свергнутых тиранов умиротворенной земли и удовлетворенного неба. Скажем ей, наконец, что десять миллионов французов, охваченные пламенем свободы, вооруженные мечом разума, красноречия, смогут сами, если их разъярят, изменить лицо мира и заставить всех тиранов дрожать на их непрочных тронах»[13].

Одной из форм передачи эмоций в речах ораторов революции было повторение. В особенности широко пользовался этим приемом Верньо. «Робеспьер, наконец, обвиняет нас в том, что мы вдруг стали у м е р е н н ы м и, фельянами. Мы — умеренные! Я не был им 10 августа, когда ты, Робеспьер, прятался в своем погребе! нет, [и т. д.] Мы — умеренные! В чью пользу проявили мы великую умеренность? [и т. д.]… Мы — умеренные! Пусть нас благодарят за ту умеренность, которую нам вменяют в преступление…»[14].

17. Действуя в горячее время, полное треволнений, не все революционные деятели и писатели заботились о строгой выдержанности своего стиля и соблюдении грамматических требований. Немало было и таких деятелей, которые, кроме того, недостаточно осведомлены были в этих правилах. Среди революционных деятелей были лица разных профессий, уроженцы и жители разных местностей. Их речь представляла иногда черты местные, диалектические, а также слова и выражения, которые были связаны с их профессией.

18. В революционные годы весьма сильно проявлялась языковая деятельность. Многочисленные речи произносились не только в учредительном и законодательном собраниях и в конвенте, но и во многих других местах. «Кто не является оратором? Кто не надеется стать оратором? — писал один из современников. — В клубах, в патриотических обществах и даже в литературных кабачках все упраж-

[13] А. О л а р. Ораторы революции. Т. II. Перев. с фр. М., 1908. С. 355—356.
[14] А. О л а р. Там же. С. 233—235.

няются в искусстве говорить; при этом подражают заседаниям законодательного собрания, выбирают председателя и секретарей, просят слова, вносят предложения и поправки, голосуют»[15].

19. Новые явления, возникшие в революционную эпоху, вызывали и новые термины. Для этой цели были образованы новые слова или прежние слова стали употребляться с иным значением. Революционные деятели стремились к краткости речи, стремились избежать описательной передачи одного предмета или действия посредством нескольких слов, как это было в языке аристократической эпохи. Поэтому каждое новообразование представляло собою обычно одно слово и в немногих случаях сочетание двух или трех слов. Новообразования и прежние слова с измененным значением относятся к разным сторонам жизни Франции — преимущественно к обстоятельствам революционного времени, к конституционной и общественной жизни. В этих новообразованиях и изменениях ярко отражаются бурные переживания общества, революционная борьба сторонников «нового режима» (le nouveau régime) со сторонниками и явлениями «старого режима» (l'ancien régime), разрушение старого и поиски и строительство нового, партийная, парламентарная и административная жизнь страны. Несколько примеров.

Революция. От прежнего слова «révolution» появились образования: révolutionnaire — «революционер», révolutionner (глаг.), révolutionisme — «революционная система, доктрина», antirévolutionnaire, contre-révolution, contre-révolutionnaire, ultra-révolutionnaire и др.

Некоторые явления революционного времени. Воодушевление, пафос: volcaniser — «воодушевлять», «экзальтировать»; получило новое значение électriser — «экзальтировать», «возбуждать энтузиазм» (в XVIII в. — имело собственное значение, употреблялось как термин физики): le peuple est électrisé par les nouvelles des victoires de la République — «народ воодушевлен известиями о победах Республики».

Королевская власть: détrôniser — «лишать трона».

Террор. Hors (de) la loi, mettre hors de la loi — «поставить вне закона»; guillotine — «гильотина» и производные образования (от имени медика Guillotin, изобретшего или усовершенствовавшего это орудие казни); fusillade, mitraillade — «расстрел», noyade — «утопление зараз нескольких лиц»; boire à la grande tasse — «быть утопленным» (собств. «пить большой чашкой»).

Национализировать: nationaliser, напр.: nationaliser les terres du royaume = les approprier à la République par confiscation — «по-

[15] А. Олар. Там же. С. 28.

средством конфискации передать земли в собственность республики»; nationalisation — «национализация».

Э к с п р о п р и а ц и я: expropriation.

П р о п а г а н д а: propagande — до революции это — термин католической церкви, организация, ведущая распространение католицизма (Congregatio de propaganda fide); в революционные годы это — термин политический, относящийся к организации для распространения революционного движения; propagandiste — «пропагандист»; propagandisme.

Широкое распространение получили слова: insurgé, insurgent — «восставший», «инсургент», insurgence — «восстание»; fraterniser — «жить по-братски» и производные образования. Часто пишут и говорят о «красном знамени» — drapeau rouge, как о знамени восстания.

Изменилось значение слов в связи с настроениями и переживаниями общества:

masse — это не физическая масса чего-ниб., а народная масса, о которой так много говорилось в прокламациях;

peuple — это теперь не «чернь», а «народ» (вернулось первоначальное значение);

classe — кроме обычного значения — широко распространяется значение социальное: класс населения.

Характерны для времени и следующие н о в ы е з н а ч е н и я п р е ж н и х с л о в:

Égaliser — «делать равными в политическом отношении».

Niveler — «делать равными в социальном отношении».

Démocratie — «революционный и республиканский режим».

Citoyen — «гражданин» в обращении к собеседнику вм. «monsieur» — «господин», которое было одиозным и запретным для называния; monsieur — «господин» говорили в ироническом значении по отношению к противникам революции.

Travailler — это не только «обрабатывать», напр., дерево, камни, железо, но и — народ, толпу, публичное мнение, войска и т. д.

Réquisition — «реквизиция» (до революции — «просьба»).

П а р т и я. О б щ е с т в е н н ы е г р у п п ы. Л и ц а.

Monarchiste.

Aristocrate — «сторонник аристократического правления», в глазах республиканцев — «враг демократической республики».

Sans-culotte (и производные) — «республиканец», т. е. не носящий коротких штанов (их носили при «старом режиме»); поэтому лучшим знаком республиканства считалось ходить в длинных штанах; позднее (после 1794 г.) этот термин был дискредитирован.

Anarchiste.

Démocrate и производные.

Les hommes du 14 juillet — «люди 14-го июля» (взятие Бастилии); juilletiser — «действовать, как люди 14 июля 1789 г.».

Nihiliste или rienniste.

Это все новые образования, возникшие в революционное время.

Изменили значение слова spéculateur, spéculation. До революции эти термины употреблялись в физике, в философии: «исследующий, наблюдающий, рассмотрение, созерцание»; во время революции стали производиться «спекуляции» (spéculations) и в банках, в торговле, при этом были и недобросовестные «спекуляции»; участник спекуляции — spéculateur.

Стало часто употребляться прежнее слово vampire — «тот, кто пользуется народными бедствиями и сосет кровь народа», — ажиотёр (agioteur) (с тем же значением vampire говорили, хотя не так часто, и до революции).

П а р л а м е н т а р и з м.

Mandate — до революции термин папской канцелярии; в революционное время — «наказ депутатам», «мандат»; convention — «конвент»; ordre du jour — «порядок дня»; la gauche — «левая», la droite — «правая»; interpellation — «запрос»; par acclamation — «единогласно»; décret — «законодательный акт» (до революции — «постановление церкви, собора, судьи»); pétition — «петиция» (до революции это был термин дидактический) и др.

А д м и н и с т р а ц и я. С у д.

Commune — «коммуна», section — «секция» (административная часть города); bureaucratie — «бюрократия»; bureaucrate — «бюрократ»; chargé d’affaires — «полномочный представитель правительства за границей»; tribunal, tribunal révolutionnaire — «революционный трибунал»; commissaire de police — «комиссар полиции» («частный пристав»), commissaire de section — «комиссар секции» и др.

А н т и р е л и г и о з н а я д е я т е л ь н о с т ь.

Antireligieux — «антирелигиозный»; décatholiser = athéiser — «сделать атеистом».

20. Состав терминов, характерных для времени французской революции, представляет много философских терминов, много элементов латинского и греческого языка. Деятели революции унаследовали эти элементы от предшествующей эпохи — от «века просвещения». Наличие латинских слов и суффиксов могло появиться также под воздействием латинского языка и римской литературы.

Явления, институты и лица римской республики бывали иногда образцами для деятельности французских революционеров.

21. Некоторые явления времени революции связывались с именами лиц. Представлением этой связи вызвано много названий, образованных от имени лиц. (Та же тенденция действует и среди русских революционеров.)

Brissotin — «сторонник Бриссо» (Brissot — член конвента, воинственный журналист, один из шефов жирондистов, казненный на гильотине в 1793 г.), brissoter — «брис[с]отствовать» (в языке противников Бриссо — «воровать»), brissotique (прилаг.), brissotisme — «политика Бриссо», brissotiste — «сторонник Бриссо»; dantonisme — «идеи Дантона», dantoniste и др.

22. В образованиях новых слов продуктивными были следующие суффиксы: *-isme*, *-iste* — суффиксы латинского происхождения, употреблявшиеся и в предшествующую эпоху: brissotisme, babouvisme, dantonisme, robespierrisme, rolandisme, démagogisme, girondisme, jacobinisme, revolutionnisme, sans-culottisme и мн. др.; brissotiste, babouviste, dantoniste, clubiste, économiste, séparatiste и мн. др.

От имен на *-isme* и на *-iste*, а также и от других имен образованы глаголы на *-iser*: brissotiser, girondiser, robespierriser, sans-culottiser, révolutionnairiser, utiliser и др.

Суф. *-isation* для имен, производных от глаголов на *-iser*: fraternisation, sans-culottisation, utilisation и др.

Из других суффиксов отметим *-at*: tribunat, dictatoriat и др.; *-erie*: babouverie, brissotinerie, sans-culotterie; соответствует по значению русскому суффиксу *-щина*, тоже весьма продуктивному. Как в период французской, так и русской революции такие имена образовывались преимущественно от имен лиц (Babeuf, Brissot и др.).

Из префиксов *anti-*, *contre-*, *ultra-*, *archi-*: antibrissotin, anticlubiste, antisocial, contre-révolution, contre-mouvement, ultra-révolutionnaire, archi-ministériel, archi-aristocrate и др.

23. Образование имен посредством сочетания двух основ, с окончанием *-o* первой основы по латинскому образцу: aristocratico-royaliste, democrato-despote, fanatico-royalisme и др.[16].

[16] Th. R a n f t. Der Einfluss der französischen Revolution auf den Wortschatz der französischen Sprache. Darmstadt, 1908. M. F r e y. Les transformations du vocabulaire français à l'époque de la révolution (1789—1800). Paris, 1925. P. L a f a r g u e. Die französische Sprache vor und nach der Revolution. Uebersetzt von K. Kautsky jun. Stuttgart. (Ergänzungshefte zur «Neuen Zeit» № 15, 1912—1913).

24. В отмеченных выше языковых явлениях периода Великой французской революции мы находим такие, которым имеются соответствия в языковой жизни периода русской революции. Сходные социальные явления связываются с одинаковыми языковыми фактами. Сравните, напр., тожественное изменение в значении слов: фр. citoyen — рус. *гражданин*, фр. monsieur — рус. *господин*, фр. travailler — рус. *обраба́тывать* (не только что-либо, но и кого-нибудь).

Некоторые термины были заимствованы русскими революционерами и общественными деятелями у французских. Напр.: *старый режим*, *петиция* (1905), *декрет*, *экспроприация*, *национализация*, *коммуна*, *комиссар*, *трибунал*, *порядок дня*, *объявить вне закона*…

Эмоциональность речи, вызванная пережитыми событиями и обстоятельствами, является общей у французских и русских революционеров. Некоторые формы выражения эмоциональности тоже являются общими у них. Напр., повторение в речи одних и тех же слов и сочетаний. Эмоциональное значение выражалось и в образовании слов тоже в некоторых случаях одинаковыми средствами.

Такое значение имел суффикс *-erie* = *-щина* в образованиях от имен собственных и немногих других — в образованиях, имевших значение ироническое, отрицательное: brissoterie — *красновщина*, *махновщина.*

Действовала одинаковая тенденция производить словарные новообразования от имени лиц, характерных участников передаваемых в речи явлений: *ленинизм*, *ленинец*, *ленинский*, *троцкизм*, *троцкист*, *троцкистский* и др.

Общим является также отношение революционеров к предшествующему культурному наследию. Авторитетные французские и русские революционеры вышли из среды образованных, интеллигентных людей. Они воспользовались результатами культуры предшествующего времени и языком ее. Речь французских и русских революционных деятелей представляет много элементов книжного, философско-теоретического происхождения. Это отражается в отдельных терминах и в образовании форм. Ср. образования с суффиксами: -isme — рус. *-изм*, -iste — *-ист*, -iser — *-изировать*, -isation — *-изация*, -at — *-ат*, рус. *-ада* (*кереиада*, *растратиада*); с префиксами anti- — *анти-*, contre- — *контр-*, ultra- — *ультра-*, archi- — *архи-* (*архитяжкий*…); сложные образования с первой основой на *-о* типа: fanatico-royalisme, anarchico-despotique…

25. Но в общем характере отношения к языку предшествующего времени имеется и значительное различие. Французских револю-

ционеров не удовлетворяла изящно-изысканная речь аристократической эпохи: чувствовалось сильно ее несоответствие действительности революционного времени. Такого резкого расхождения между языком русской интеллигенции дореволюционного времени и языком революционных деятелей на русской почве не было. Русский литературный язык в течение XIX в. был приспособлен для передачи различных самых тонких и сложных социальных и индивидуальных явлений. Те русские революционеры, которые не утратили чутья русского литературного языка, горячо восстают против неумелого пользования этим языком.

II. Общий характер языковой деятельности революционного времени

26. Революция вызвала сильнейшее движение в русской общественной жизни, в различных слоях населения России. В эти годы в силу разнообразных общественных условий происходят весьма интенсивные отношения среди населения, преимущественно в городах. А в связи с этими движениями и отношениями происходит весьма энергичная языковая деятельность: выразить свое отношение к происходящим событиям, поделиться с близкими лицами своими переживаниями, обсудить те или иные вопросы, подействовать на чувство и волю отдельных лиц и целых групп — всё это вызывало усиленную речевую деятельность в среде населения, охваченного революционным движением. Форма речи, связанная с революционными явлениями, чаще всего является в виде о р а т о р с к о й или о р а т о р с к о - д и а л о г и ч е с к о й речи. Митинги, *массовки*, различные собрания, агитационные пункты — вот где обычно раздается она. Реплики слушателей вносят некоторые элементы диалога в речь оратора, отвечающего нередко на отдельные замечания, раздающиеся из среды собравшихся. Происходят *съезды*, заседают *конференции*, *пленумы*, *коллегии*, *бюро*, *ячейки*[17] — и тут говорятся речи по текущим вопросам, в связи с очередными *кампаниями*, — речи не только интеллектуального значения, но и эмоционально-экспрессивного. Эти речи с их характерными чертами служат образцами для прочих революционных деятелей. Сильные централизованные связи, преимущественное значение центра, его авторитет, строгость дисци-

[17] Курсивом отмечаются повсюду те слова, которые характерны в том или ином отношении для революционного времени.

плины, требующей *безоговорочного* выполнения *директив*, идущих из центра, от *верхушки*, — все это отражается на форме общественно-политической деятельности, на ее единообразии. Иногда это единообразие ведет к отрицательным результатам. Так, «бич нашей *культработы* — это *штамп*» («Пр.» № 86. 1926). Вместе с этим происходит весьма энергичное распространение и языковых черт авторитетных представителей *командных высот.* Некоторые особенности лексики, синтаксиса, словообразования быстро распространяются в *партийной* и *советской* среде. Произносятся речи, ведутся беседы и разговоры на темы по текущим вопросам, — ведутся в духе выставленных центром *тезисов* и *лозунгов*, с употреблением некоторых одинаковых слов и словесных сочетаний. «3—4 года назад в наших газетах свирепствовал Ллойд-Джордж. Он был популярнее в нашей прессе, чем все самые популярные из советских вождей. Ллойд-Джордж — это было не собственное, а собирательное имя существительное. Это был — и Мильеран, и Вильсон, и Носке, и Муссолини, и Пилсудский, — одним словом, "*хищники империализма*"... Затем была объявлена война Ллойд-Джорджу во имя сельхозналога, во имя борьбы с неграмотностью, во имя кооперации и во имя… курицы» («Пр.» № 101. 1926). «*...Даешь повышение производительности труда!* — прогремела Москва, и этот клич покатился по всей Эс-эс-эс-эрии. Зашевелились все, начиная с фабзавкомов, месткомов и кончая редколлегиями стенных газет» («Студ.-Пролет.» № 6—7, 70. 1924). «Сейчас у нас модное слово — *диспропорция*» («Пр.» № 81. 1926). «Теперь все больше насчет *режима экономии*» («Пр.» № 89. 1926).

На заводах у станков
Песнь поют знакомую,
И мотив везде таков:
Жми на *экономию*!
Эх, зажаривай, трехрядка,
Песенку знакомую.
Нынче новые порядки —
Все за *экономию*.
(«С. Комс.» № 22. 1926).

«"Доносчики! Ябеды! Нет на вас режима *экономии*", — сердито ворчит рабочий» («К. Пр.» № 117. 1926).

«В каждый данный момент наша пресса с особой яркостью выдвигает основные лозунги, узловые пункты, ударные точки и бьет в них настойчиво, упорно, систематически — "надоедливо", — говорят наши враги. Да, наши книжки, газеты, листовки "вбивают" в го-

ловы массы немногие, но основные “узловые” формулы и лозунги» (В а р д и н. «Пр.» № 56. 1923).

27. Быстро создаются речевые шаблоны, изменяются или утрачиваются те или иные специфические оттенки значения слов и конструкций, распространяющихся в широкой партийной и советской среде. «Козуткину совсем не до этого. В голове не выдохлось вчерашнее: в ячейке все перебесились. Говорили шесть часов подряд, а о чем — и понять нельзя… — Здесь, мол, без разговоров обойтись нельзя, вопросы государственные, и во всем, значит, *увязка* нужна… Ох, уж эта увязка Тихону! Дело не к делу, а везде увязку примажут. Совсем еще недавно *смычкой* уши прожужжали, а теперь за увязку взялись, а поближе посмотришь, как раз ни смычки, ни увязки не сыщешь» (К о р о б о в, Террор и Революция. «Окт.» № 1. 1925).

Необходимой темой собраний в последние годы были сообщения о *международном положении.* Речи докладчиков на эту тему представляют много слов и словесных сочетаний, типичных для времени и переживаемых обстоятельств. «У нас бывает так, что все доклады, которые делает *активист* — будь то о белом терроре в Болгарии или о предстоящей конференции, — как две капли похожи друг на друга» («С. Комс.» № 4. 1926). «До сих пор еще у многих работников не вывелась привычка созывать большие собрания (в деревне) и проводить митинги. “Конек” на всех таких собраниях — доклады о *международном* и *внутреннем положении*. Для докладчика говорить с чужого голоса хоть целые часы — прием самый удобный, особенно у кого память хорошая. Да оно и казисто… А на самом деле заезженные, пустозвонные и высокопарные фразы о буржуазии и пролетариате, об империализме, социал-предателях, коммунизме, об обманщиках-попах и т. п. крестьянам уже надоели» («Студ.-Пролет.» № 4. 1924). Речь многих таких докладчиков не воздействует ни на ум, ни на чувство слушателей. «Сколько шуму, сколько трескотни, сколько пустоты было. Выступают 15 ораторов, загибают получасовые речи, приветствия, а рабочая молодежь слушает и засыпает или говорит: “Пойти лучше, а то завтра рано вставать”» («С. Комс.» № 4. 1926). В последнее время из центра стали раздаваться голоса осуждений бесплодной словесной *трескотни.* «Чтобы руководить нынче, надо уметь хозяйничать, надо знать и понимать хозяйство. На одной лишь *трескотне* о “мировой политике”, о Чемберлене и Макдональде теперь далеко не уедешь» (С т а л и н. «Изв.» № 107. 1925). «Поменьше шума, поменьше *трескотни*, поменьше словоблудия, побольше дела» (Б у х а р и н. «Пр.» № 34. 1926). Даже пионеры жалуются на эту *говорильню.* «Ребята пришли (из Москвы в деревню),

поели, поговорили о “международном положении”, сфотографировались с крестьянскими ребятами и… ушли. А где же литература для крестьян, где работа в клубе, в избе-читальне и т. д.? Ничего этого нет. И получилась *говорильня* вместо работы» («П. Пр.» № 13. 1925). Такие осуждения повторяются и *на местах*... «Масса выросла. Нельзя кормить ее сейчас одними словами. Сколько шуму, сколько *треску*, сколько пустоты было» (в докладах и речах), — пишет «Северный Комсомолец» (№ 4. 1926).

28. Революционное движение в России, завершившееся *Октябрем 1917 г.*, развивалось в течение ряда предшествующих лет. Тайные организации социалистических групп, их подпольная деятельность по пропаганде, агитации, по изданию, организации и их деятельность в легальных формах готовили существенные изменения социального строя страны. Некоторые реформы государственного строя, произведенные в 1905—1906 гг., открытие Государственной Думы благоприятствовали развитию общественно-политической деятельности в среде прогрессивных кругов русского общества. В состав активных революционных и просто демократических деятелей входили представители русской интеллигенции. После 1905 г. много членов нелегальных партий вынуждены были покинуть пределы России. Живя за границей, они продолжали обсуждать и развивать программы своих организаций. Связи с местными, заграничными, единомышленниками, пользование их языком, преимущественно немецким, отражалось и на русском языке русских революционеров. Необходимо также отметить, что в среде революционных деятелей немало было лиц, связанных по своему происхождению с юго-западным краем прежней России. На русском языке их отражались некоторые черты речи тех местностей.

29. В период 1905-го и последующих годов устанавливаются в революционной среде многие черты в отношении форм, лексики и словесных сочетаний с их эмоциональностью и особыми значениями, обусловленными средой, происходящими событиями и индивидуальным творчеством, — те черты, которые получают весьма широкое распространение после 1917 г. И в устной речи революционеров начала 900-х гг., и в языке их произведений представлены те же черты, которые характеризуют собою и язык революционных деятелей 1917-го и последующих годов. Распространение черт речи авторитетных деятелей революции — распространение в широкой революционной среде, роль одних и тех же лиц в период 1905—1906-го и в последующие годы, одинаковые социальные переживания — все это обусловливало одинаковость черт речи революционных деятелей

1905—1926 гг. Из индивидуальных воздействий отразилось сильное влияние особенностей речи В. И. Ленина, главным образом в эмоциональном отношении. Различие между языком революционного времени до 1917 г. и языком после *Октября* заключается в степени интенсивности и широте распространения языковых особенностей. Интенсивность усвоения этих черт до 1917 г. была гораздо слабее, чем после 1917 г. После революции 1917 г. языковые черты речи революционеров стали распространяться весьма интенсивно, проникая в широкие слои населения городского, фабрично-заводского и отчасти деревенского. Вместе с этим пережиты изменения в значении и в содержании тех или иных терминов. Значительное отличие языка революционного времени после 1917 г. от языка более раннего времени заключается еще в том, что появились новые термины, новые значения в связи с новыми явлениями, предметами, относящимися к 1917 и последующим годам.

Имея в виду связь языка революционного времени 1905—1926 гг., мы в характеристике языковых явлений последних лет будем отмечать также и явления более раннего времени, 1905—1917 гг.

В дальнейшем мы сделаем обозрение главнейших явлений языковой деятельности по ее функциям — коммуникативной, эмоционально-экспрессивной и номинативной, — по функциям, имевшим весьма большое значение в революционные годы.

III. Коммуникативная функция речи

Распространение особенностей речи деятелей революционной эпохи в условиях общения

1. Иноязычные элементы

30. Как интеллигенты, революционные деятели при обсуждении тех или иных вопросов общественно-политической жизни вводят в речь много терминов, имевших до того времени ограниченный круг своего распространения, вращавшихся в среде книжной, философской, в среде политико-экономистов и социологов. Среди этих терминов большое количество приходится на заимствованные слова. Много заимствований введено было уже в 90-х и в начале 900-х гг. и широко распространилось в 1905—1906 гг.: *аграрный*, *аграрник* — «осужденный за участие в аграрных беспорядках», *баррикады*, *бастовать*, *забастовка*, *бойкот*, *бойкотировать*, *демонстрация*, *директивы* (даваемые партийными центрами), *дискуссия*, *ин-*

тернационал (организация, гимн), *кампания* (избирательная и др.), *курия* (избирательная — при выборе в Государственную Думу), *мандат*, *манифестация*, *марксизм*, *марсельеза*, *митинг*, *партия* (политическая), *петиция*, *провокатор*, *прокламация*, *пролетариат*, *пропаганда* (политическая), *социализм*, *социалист*, *социаль-демократия* или *социал-демократия*, *социаль-демократ* или *социал-демократ*, *социал-революционер*, *фракция*, *экспроприация* и др.

Некоторые слова приобрели особое значение, иногда в связи с соответствующим термином иноязычным. Появился «*организованный и сознательный рабочий*» = фр. ouvrier organisé et conscient; *наказ* — в значении политическом.

«*Организуйтесь*, товарищи! Пусть крепнет и растет *организованный* пролетариат» («Проклам.»). «Проект *наказа* социал-демократическим депутатам Государственной Думы…»

За это время произошла дифференциация между значениями слов *рабочий* и *работник*: *рабочий* сохранил прежнее значение, а *работником* стали называть партийного активного члена, позднее вообще деятеля на каком-нибудь общественном поприще.

Большое значение приобрели *массы*, *массовая работа* (работа в массе), *массовки*. «Наши рабочие *массовки* часто конспиративны». «Рабочие в наших кружках и на наших *массовках*» (Л е н. 1905. Такт., с. 82). «Устраивайте митинги, *массовки*» («Проклам.», с. 181). «Да здравствует *массовая* политическая трехдневная стачка протеста!!!» («Проклам.», с. 77).

31. Еще большее значение термины книжного, философского, экономического и политического происхождения заимствованные слова получили позднее, во время революции 1917 г. и в последующие годы. Условия их появления те же, какие были указаны выше. Слова иноязычного происхождения испещряют речь революционных деятелей иногда без необходимости, при наличии соответствующих русских терминов. На помощь читателям газет и популярных брошюр появился с 1906 г. ряд словарей с объяснениями «политических, социально-экономических и некоторых других слов». Напр.: «Толкователь политических слов и терминов» А. В о л г и н а и С. А ш и н а (М., 1906); «Политический словарь, — популярная энциклопедия социалистических и политических сведений, — и словоистолкователь политических и парламентарных сведений» Б. Л и н с к о г о (СПб., 1906); «Словарь по рабочему вопросу», т. 4 (М., 1906); «Словарь по аграрному вопросу» (М., 1906) и др. Та же потребность в толковых пособиях ощущается и после 1917 г. Из словарей последнего времени отметим: Э л ь ц и н. Популярный по-

литический словарь (М., 1922); карманный словарь «Помощь читателю газеты» (2-е изд., Свердловск, 1924); «Полит-словарь» (приложение к газете «Коммуна», Самара, 1925); В а й с б л и т. Полный иллюстрированный словарь иностранных слов (М.; Лг., 1926); Л е в - б е р г. Политический словарь (5-е изд. 1926).

Списки иностранных слов и их толкования стали прилагаться к календарям-справочникам для рабочих и крестьян; напр., в «Спутнике рабочего» (1925), в «Крестьянском календаре» (Свердловск, 1925) и в др. Иногда в самом тексте газеты, журнала, книги рядом с иностранным словом употребляется соответствующее или близкое по значению русское или обрусевшее слово и сочетание из русских слов. Напр.: «Непрямые выборы в нелокальные, неместные советы» (Л е н., XV, с. 462). «Гегемон (руководитель) всей демократии» (З и н о в ь е в. 1913. Маркс., с. 78). «Антиномия» (неразрешимое противоречие) (З и н о в ь е в. 1913. Маркс., с. 160). «Уменье ориентироваться (разбираться)» (З и н о в ь е в. 1913. Маркс., с. 102). «Эта модификация, это изменение тактики» («Пр.» 29 мая 1924). «Мы с вами ведем агрессивную, наступательную политику» («Ленинград. Пр.» 16 апр. 1924). «Так началась фронда (бессильный протест против правительства)» (Б у х а р. На подступах. 24). «Стимул (побуждение) к борьбе» («Изв.» № 295. 1924). «Она еще в эмбрионе, в зародыше» («Изв.» № 119. 1926). «Сбалансировка (уравновешивание) бюджета» («Пр.» № 65. 1926). «Превентивная (предупредительная) война против Союза ССР» («Изв.» № 118. 1925). «О медиаторских (посреднических) судах спрашивают» («Пр.» № 130. 1925). «Ребята, бросавшие камни в проходящие трамваи с штрейкбрехерами (люди, которые замещают забастовщиков)» («П. Пр.» № 23. 1925). Иногда эти объяснения не точны. Напр.: «17—18 июля выехали из Швеции в СССР две *экскурсии* (*партии*) шведских рабочих» («Кр. Газ.» 22 июля 1925).

32. Ограничимся немногими примерами употребления иностранных слов.

Авуалированный. «Политическая комбинация, *авуалированная* локарнской голубой дымкой» («Изв.» № 267. 1925).

Ажиотаж. «Товарный голод благоприятствует развитию *ажиотажа* и спекуляции» («Изв.» № 260. 1925). «Идет борьба с *ажиотажем* и спекуляцией» («Изв.» № 268. 1925).

Альянс. «1 мая в Антверпене открываются заседания исполкома международного кооперативного *альянса*... Большие прения должен вызвать в исполкоме вопрос о намеченном изменении устава *альянса*, особенно пункт о праве республик СССР иметь своих представителей в ЦК *альянса*» («Пр.» № 96. 1926). «Вернувшийся вчера в Мо-

скву с заседаний исполнительного и центрального комитетов *альянса* тов. Хинчук…» («Изв.» № 244. 1926).

Бургфриден, феодальный *бургфриден* («На посту». № 2—3. 82).

Гарант. «Совет Лиги Наций, который в этом договоре выступает как верховный *гарант* и арбитр, является по смыслу всего договора не чем иным, как псевдонимом Англии» («Изв.» № 24. 1925). «Поручительство кредитоспособных германских *гарантов*» («Изв.» № 253. 1925).

Гегемон, класс-гегемон, гегемон демократии, гегемон революции. Это слово применялось к пролетариату и до 1917 г. «Должен ли и может ли пролетариат оставаться на своей прежней непримиримой позиции, продолжая играть роль *гегемона* (руководителя) всей демократии?» (З и н о в ь е в. 1913. Маркс., с. 78). «Класс-гегемон» («Изв.» № 119. 1925). «Непосредственно решает зачинщик, руководитель, *гегемон*-пролетариат» («Изв.» № 118. 1925). В последние годы это слово широко распространилось в коммунистической среде. На устах оно и у деревенских комсомольцев. «Ну, долго ли, коротко ли, приходит дело к собранию ячейки. И на собрании на том встает дорогой наш товарищ Никанор Кудыкин и говорит свое веское слово: “Довольно, товарищи, будет. Попропагандили у попа под крыльцом, погуляли в свое удовольствие и хватит. Кончай!” — “Как такое, — кричим, — кончай? Не ты ли первый насчет пропаганды наворачивал, не ты ли, гад, всему делу голова?!” — “Верно, — говорит, — не отрекаюсь, а только, что было, то прошло. Теперь наша задача на другой фронт поворачивается. Наше дело теперь авторитет поднимать при помощи практической работы. Потому, — говорит, — знаете, мы кем являемся?” — “Знаем, — кричим, — мы есть комсомольцы!” — “Нет, братва, подымай выше; мы не только комсомольцы, мы есть *гегемон революции*, — вот мы кто такие”» («К. Пр.» № 162. 1925).

Генеральные договоры, линии. «Избегать посредничества, культивировать *генеральные* договоры…» («Пр.» № 27. 1925). «Я говорил в докладе о двух основных, руководящих *генеральных* линиях по построению нашего хозяйства» (С т а л и н. «Пр.» № 296. 1925).

Дауэсизация. В 1925—1926 гг. много говорилось и писалось о плане Дауэса — о *дауэсизации.* «Тов. Сокольников выступает, по сути дела, сторонником *дауэсизации* нашей страны» (С т а л и н. «Пр.» № 296. 1925).

Дезавуировать. «Ленинградская делегация *дезавуируется* ленинградскими рабочими-коммунистами» («Пр.» № 11. 1926).

Деклассированный элемент («Изв.» № 295. 1924).

Дискредитация. «Уже теперь есть опасность *дискредитации* этими худшими элементами госаппарата самой идеи рационализации»

(«Пр.» № 289. 1925). «Мы самым решительным образом протестуем против этой провокации, помогающей заправилам европейского империализма, обеспечивающей их задачу в *дискредитации* мирных условий и мирной политики СССР» («Изв.» № 7. 1920).

Диспропорция. Это был модный термин в последние годы. «*Диспропорция* развития промышленности и потребностей сельского хозяйства…» («Пр.» № 283. 1925).

Кантон. В автономных республиках (Татарской, Башкирской) введено административное деление на *кантоны.*

Картель. «Целый ряд местных профессиональных союзов и *картелей*» («Пр.» № 283. 1925).

Коммюнике. «Социал-демократы забили тревогу, и их орган "Право Лиду" от 11 марта публикует *коммюнике* о заседании исполкома с сенатской и депутатской фракциями социал-демократов. *Коммюнике* утверждает, что…» («Изв.» № 64. 1926).

Констатировать. В особенности часто *констатируют.* При этом весьма широко распространилось это сочетание с *н* после *конста-*: *констан-тировать. Константируют* не только рабочие и другие лица, недостаточно осведомленные в точности произношения иностранных слов, но и многие из студенческой среды. Приходилось наблюдать такое же произношение и в университетских заседаниях, в речи некоторых лаборантов и ассистентов медицинского факультета (*медфака*)[18].

Лаборизация. «В настоящее время проблема *лаборизации* местечкового еврейства встала во всесоюзном масштабе» («Изв.» № 295. 1925).

Лимит, лимитный. Немало говорилось и писалось о лимитах и лимитных ценах в 1925 г. в связи с *хлебозаготовительной кампанией.* «*Лимитам* был придан жесткий характер; *...лимитная* цена давалась одна на каждую культуру» («Пр.» № 136. 1925).

Лимитрофы. «Только СССР гарантирует *лимитрофам* их независимость» («Изв.» № 109. 1925).

Люмпен или *лумпен.* «Мы должны преодолевать растущие на почве *люмпен-пролетарства*, лодырничества, "иждивенства" анархические течения» («Пр.» № 296. 1925). «Что это — не *люмпен* ли *пролетариат*? Не напирают ли это те самые *деклассированные* элементы, которые…» («Пр.» № 279. 1925). «Различные осколки, которые образовались в результате специального распада — деклассированных, *лумпенов* и т. д.» («Пр.» № 144. 1926).

[18] Так произносили это слово и раньше в недостаточно интеллигентной среде, преимущественно на юге. В. Д о л о п ч е в. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. 2-е изд. Варшава, 1909. С. 107.

Модус. «Несмотря на то, что *модус* представительства на конференции был очень урезан, в зале конференции присутствовало более 2.500 человек» («Изв.» № 264. 1926).

Монолитность, монолитный. «Основная цель партии: подлинная большевистская *монолитность*, единая *монолитная* большевистская организация» (из речей). Применяется и в других случаях. «Цельная *монолитная* организация евреев-крестьян» («Изв.» № 295. 1925).

Ориентироваться. Постоянно в речи коммунистических и советских деятелей. «Кулак и крупный *середняк ориентируются* на первичное капиталистическое накопление, на индивидуальное хозяйство» («Кр. Мол.» [№] 1. 55).

Пакт. В 1925 г. много писалось и говорилось о *гарантийном пакте.* Совсем редко он назывался *гарантийным договором*. «Выступая с предложением *гарантийного пакта*, Германия хотела обеспечить себе вступление в Лигу Наций» («Изв.» № 131. 1925).

Партейтаг — называется партийный съезд в Германии.

Рационализация. Много речи бывает о *рационализации*, о *рациональных* системах, о *рационализаторских* мероприятиях. См., напр., в «Пр.» (№ 289. 1925) о роли ЦКК РКИ.

Ревизия. Она имеет большое значение в жизни партии. Это не ревизия контролера, обследующего какое-нибудь учреждение, а пересмотр устава партии. В таком значении — значении теоретическом, о *ревизии* спорили и до 1917 г. Тут нет ревизоров, а находятся *ревизионисты*, к ним относится партия весьма отрицательно. Строго осуждаются попытки *ревизии ленинизма.* «*Ревизионисты* уничтожают весь план строительства социализма, указанный нам тов. Лениным» («Изв.» № 291. 1925). *Ревизионизм* не допустим.

Рентабельность, *рентабельный.* Вопросы экономической жизни заставляют нередко говорить о доходности и убыточности предприятий — о *рентабельности*, о *рентабельных* и *нерентабельных* предприятиях (напр., «Пр.» № 137, 141. 1926). «Экспорт нашего хлеба не выгоден, *не рентабелен*» («Пр.» № 89. 1926).

Ревю. Театральные обозреватели находят нужным употреблять термин revue. «Живым газетам, *рэвю* в роде “Синей Блузы”, следует чутко вслушиваться в песни крестьянского хора» («Изв.» № 16. 1926).

Солдафонство. «Врожденное *головотяпство*, *солдафонство* или неизжитая “крепкая рука” времен военного коммунизма — все равно, им нет места среди нас» («Пр.» № 136. 1925).

Солидаризация, *солидаризироваться* с кем-либо. «Варшавское правительство *солидаризируется* с полицейским “патриотизмом” подлых убийц» («Пр.» № 74, 1925). (Употребляется в обыденной речи.)

Стабилизация. В 1925—1926 гг. очень много говорилось о *стабилизации.* «Равновесие капиталистического мира никак не поддается прочной *стабилизации*» («Пр.» № 93. 1925). «*Стабилизация* капитализма»; «закрепить и *стабилизировать* нашу власть» («Изв.» № 101. 1925).

Стандартизация, *стандартизованный.* «Главпрофобру совместно с Институтом труда и Наркомздравом следует выработать примерный *стандартизованный* план суточного распределения времени вузовцев» («Пр.» № 61. 1926).

Стационарка. «Товарищи из тех ячеек, в которые не предполагалось послать школы-передвижки, обижались и здесь же изъявили желание открыть *стационарки*» («Изв.» № 253. 1925).

Стимулировать. «Всемерно содействовать развитию советской местной промышленности, всячески *стимулируя* местную инициативу» («Пр.» № 295. 1925).

Термидор, *термидорианцы*, *термидорианство.* На XIV партийном съезде вспомнил об этом. «Из-за "*термидора*" ленинградский комитет вынужден был снять тов. Залуцкого — это факт» («Изв.» № 291. 1925). «Если ее [ошибку Зиновьева и Каменева] взять в свете рассуждений т. Залуцкого о перерождении ЦК и *термидорианцах*, тогда идеология ликвидаторского безверия становится во весь рост» («Изв.» № 291. 1925). «Он, поддавшись с рядом других товарищей устряловско-меньшевистской идеологии, обвинял ЦК партии в перерождении и в *термидорианстве,* т. е. в политике восстановления буржуазных порядков» («Изв.» № 291. 1925).

Филиал. Напр., «*филиалы* синдикатов».

Финиш. «Чей конь, капиталистический или наш, придет к *финишу*» («Пр.» № 137. 1925).

Флуктуация. «*Флуктуация* членского состава» («Пр.» № 57. 1926).

Фордизация. «В первую очередь *фордизация* будет введена в телефонном цехе "Красная Заря"». «Для *фордизации* производства на электровакуумном заводе из Америки выписываются 15 *фордовских* станций и автоматов» («Пр.» № 254. 1925).

Функционер. «Трудностями работы в американском комсомоле являются: отсутствие традиций политической работы и недостаток хороших *функционеров*» («Изв.» № 83. 1925).

Шеф, *шефирование*, *шефирующий*, *шефствовать.* «*Шефство* рабочих организаций над крестьянством является одной из крупных форм нашей общественности» («Изв.» № 288. 1924). «Средствами *шефа* была отремонтирована изба-читальня» («Изв.» № 276. 1924). «В целях устранения разбросанности наиболее целесообразно *ше-*

фирование деревень 2—3 кантонов. Необходимо как в Казани, так и в кантонах вовлечь в *шефство* организации, до сих пор не *шефирующие*, а также укрепить уже существующие *шефские* организации» («Кр. Тат.» № 19. 1925). Подробнее «о *шефстве* города над деревней» см. в «Изв.» № 276. 1924. *Шефство* существует и в других областях и учреждениях.

Еще несколько примеров. «Путем окружения главных держав их *сателлитами*, вместо общества народов, получилась *экспозитура* двух министерств иностранных дел, английского и французского» («Изв.» № 218. 1924). «Извращение на́чал Богушевский и т. д., а общую форму, объединяющую то, что немцы называют "*заммельруф*", — эту самую форму дал тов. Бухарин своим лозунгом "обогащайтесь"» (С а ф а р о в. «Пр.» № 297. 1925). «На всех перекрестках трубят они о том, что ими в пух и прах развеяна, наконец, "der Traum der Weltrevolution" — "мечта мировой революции"» («Пр.» № 100. 1926). «И тот, конечно, кто считает, что наша промышленность — государственный капитализм, для того, конечно, все это, как говорят немцы, "Wurst"» (Б у х а р. «Пр.» № 2. 1926). «И если прожженные *шарфмахеры* и волки спекулянтской биржи становятся вдруг щедрыми, как Бармат, — "социалисты" с чувством собственного достоинства берут мзду: не потому что "non olet" ("не пахнет"). Помилуйте, ведь это заработанные деньги!» (Б у х а р. «Пр.» № 145. 1925). «Немцы называют это — Unfug treiben (проделывать безобразие). Очень нередко можно видеть, как такой "Unfug" производится с именем Ленина и с его работами» (Б у х а р. «Пр.» № 17. 1926). «И в то время как китайский народ поливают свинцовым дождем из пулеметов во славу человечества, христианства, цивилизации и — last but not least — высокого курса колониальных акций…» (Б у х а р. «Пр.» № 145. 1925). «Наконец, last but not least, перенести революционный пожар в Европу» (Л е н. 1905. Такт., с. 72). «Наконец, last but not least (последний по счету, но не по важности)»… (Л е н. 1917. Такт., с. 317). «Pour la bonne bouche (для хорошего окончания) мы не могли бы и выдумать лучшего материала» (Л е н. 1905. Такт., с. 101). «Совершенно ошибочно автор говорит tout court (просто-напросто) о "воле всей буржуазии"» (Л е н. 1905. Такт., с. 10). «Есть соглашения и соглашения, есть fagots et fagots, как говорят французы» (Л е н. XV, с. 407).

Ученые термины употребляют в своей речи и представители рабочих. Напр., работница фабрики «Работница», приветствуя XIV партийный съезд, говорит, что *коммунары* этой фабрики «следят самым серьезнейшим образом» за работой съезда. «Выступление тов. Бухарина они обдумали, обсудили, — *проштудировали*» («Пр.» № 292. 1925).

33. Иноязычное влияние отразилось также на образовании некоторых слов из русских основ, на изменении значения русских слов и на возникновении некоторых словесных сочетаний.

1) Образование сложных слов, составленных из двух имен, из которых первое представляет форму именит. пад. ед. ч. в полном или сокращенном виде. — *Волховстрой*, *Невастрой*, *пионердвижение*, *пионеротряд*, *детдвижение*, *дензнак*, *культшефство*, *партзанятия*, *партработник*, *политграмота*, *политкружок*, *политэкономия*, *просветработа*, *спецставка*, *твородежда*, *прозодежда* («производственная одежда»), *цехбюро*, *экономкомиссия*, *экономработа* и многие другие. На этих образованиях отразилось влияние немецкого языка, его принципа образования сложных имен. По-немецки: Pionierbewegung, Geldkasse — «денежная касса»…

2) Образования с *сверх-* — соответствующие немецким образованиям с über- или ober-. Напр.: *сверх-левый* коммунист (Л е н. XV, с. 187), *сверх-левый* с.-р. (Л е н. XV, с. 182), «большинство партии обвиняется *сверх-развязным* оппозиционером в том, что…» («Пр.» № 295. 1925). «Его громадная инертность исходит прежде всего от явно излишнего *сверхцентрализма*» («Пр.» № 141. 1926). «*Сверхглупость*, проявленная эмиграцией» («Изв.» № 7. 1926). Бывают сочетания и с *обер-*: «*обер-предатель* Макдональд заявил…» («Пр.» № 109. 1926). Ср. немецкие образования: Ueberbildung, Uebermensch, Oberamt, Oberarzt, Oberlehrer и др.

3) Сочетания с *от*, соответствующие немецкому von. Эти сочетания с *от* указывают не на пункт отправления, а на с в о й с т в о предмета, на его отношение к другому предмету. Ein Mensch von Verstand, ein Arbeiter von Erde и т. п. — «Спецы *от* литературы» («Изв.» № 214. 1922). «Лиходеи *от* оппортунизма» («Пр.» № 100. 1926). «Ренегаты *от* коммунизма» («Изв.» № 273. 1925). «Филистеры *от* соц.-демократии» («Изв.» № 273. 1925). Ветеран *от* революции. «Кто сделал революцию в феврале? Ее сделали не “живые силы” *от* кадетщины, не пресмыкающиеся “прогрессивного блока”, не живые мертвецы Государственной Думы» («Пр.» № 59. 1926); ср. сочетания с род. пад. в двух последних случаях, хотя грамматическое значение конструкций одно и то же. «Этот “тон” ничего общего с коммунизмом не имеет, это тоже *от* наплевизма» («К. Пр.» № 162. 1925). Рабочий *от* станка. «Оставаясь рабочим *от* станка, перебрасываясь из одного промышленного центра в другой, пропагандист, агитатор, организатор носил на своих плечах громадную долю работы» («Пр.» № 65. 1926). «Рабочий *от* производства» («Кр. Мол.» № 1. 11). «Не хочу, говорит, быть крестьянином *от* сохи, хочу, гово-

рит, называться крестьянином *от* трактора» («Изв.» № 43. 1926). «Появился крестьянин *от* сохи — активист» («Изв.» № 101. 1925). «Следует еще длинный ряд приветствий, среди которых выделяются выступления беспартийных крестьян и крестьянок *от* сохи» («Изв.» № 101. 1925). Состав МКК РКП(б): Антипов (крестьянин *от* сохи), Будник (работница *от* станка) и др.

Дайте мне за рупь с полтиной
Папу о т станка,
Маму о т сохи…

— песенка, распевавшаяся в 1924 г. в Москве и в провинции в связи с *чисткой*, с проверкой состава учащихся в *вузах* («Кр. Мол.» № 2. 153). «Стихотворения *от* современности» («На посту» № 2—3. 225). «Слабонервные гувернантки *от* литературы» («На посту» № 4—5). «Большевицкие либералы *от* литературы» («На посту» № 4—12). «Сейфуллина — вся *от* революции, *от* современности» (там же, 191). Он — «доктор *от* библиотеки» (М и т н и ц к и й. Политработник). «Неверов глубоко и цепко врос корнями в деревенский суглинок. Он весь *от* деревни, *от* мучительной крестьянской среды, *от* политых потом ржей, *от* всей темной и тяжелой мужицкой жизни» («Изв.» № 31. 1926).

Немецкого (немецко-французского) происхождения были прежние названия: «генералы от кавалерии», «генералы от инфантерии» (с конца XVIII в.)[19]. На возникновение позднейших сочетаний с *от* (рабочий *от* станка, ветеран *от* революции и др.) сочетания «генерал от кавалерии, от инфантерии» едва ли оказали влияние: социальное значение этих терминов было одиозным для революционных деятелей. Если же появлялись по образцу этих сочетаний новые, то они имели ироническое значение. Напр.: «адмиралы *от* перин» (Б-ка «Крокод.» № 6—7. 1923). В прочих позднейших сочетаниях с *от* такое значение отсутствует.

4) Сочетание «в *общем и целом*» — в соответствии немецкому — «im grossen und ganzen». — «Разнообразие деталей и комбинаций… сводится, *в общем и целом*, именно к тому или иному из этих двух

[19] Такого же происхождения были сочетания с *от* и *до* в языке образованных сербов Австро-Венгрии в XVIII веке. «Комесаръ генералъ *де кавалеріе* господинъ господинъ грофъ *отъ Хадікъ*», — отмечено в одной записи 1769 года. (Л ю б. С т о ј а н о в и ч. Стари српски записи и натписи. Кн. V. Ср. Карловци, 1925. С. 171). — *де* — фр. de (de cavalerie) употреблялось без перевода в этих названиях немцами, а от них перешло и к сербам; *от Хадик* — нем. von Hadik.

исходов» (Л е н., VI, с. 334). «*В общем и целом* это была величайшая историческая задача» (Л е н., XV, с. 237). «Мне кажется, что в *общем и целом* мы провели эту борьбу не так плохо» (З и н о в ь е в. «Пр.» № 67. 1926). «*В общем и целом*, это, конечно, верно» (К р у п с к а я. «Пр.» № 130. 1925). «В Польше имеются *в общем и целом*, можно сказать, два основных течения» (Ч и ч е р и н. «Изв.». № 110. 1925). «*В общем и целом* работа шефа становится на правильный путь» («Пр.» № 272. 1925). «Съезд постановляет: одобрить *в общем и целом* деятельность делегации РКП(б) в ИККИ» («Пр.» № 296. 1925). «А *в общем и целом* — как пишется в резолюциях [!] — Главметаллу надо предусмотреть в перспективных планах…» («Пр.» № 58. 1926). «*В общем и целом* она [пролетарская литература] твердо шла по ленинскому пути» («Окт.» № 1. 1925). «*В общем и целом* по работе с газетой должно быть усилено внимание» («М. Лен.» № 100. 1925).

5) Сочетание «*целиком и полностью*» или «*полностью и целиком*» (реже) — в соответствии немецкому «*ganz und voll*» («*voll und ganz*»), «*ganz und gar*». — «Нет ни одной меры, облегчающей их работу, которая бы *целиком и полностью* не была поддержана советской властью» (Л е н., XV, с. 85). «Мы читали резолюцию съезда и мы заявляем, что мы за нее *целиком и полностью*» («Пр.» № 297. 1925). «Коренные интересы основной массы крестьянства *целиком и полностью* совпадают с интересами пролетариата» (С т а л и н. «Пр.» № 141. 1925). «Собрания бедноты… *целиком и полностью* оправдали себя» («Пр.» № 57. 1926). «Октябрьская революция *целиком и полностью* воспитала следующее поколение» («К. Пр.» № 140. 1925). «*Целиком и полностью* отмежевываюсь [!] от линии, взятой оппозицией» («Пр.» № 10. 1926). «Жена *целиком и полностью* [!] на моем иждивении» («Пр.» № 123. 1926).

«Съезд *полностью и целиком* одобрил решительную политику большинства ЦК комсомола» («Пр.» № 67. 1926). «Еще очень далеко от того, чтобы они [мероприятия] были *полностью и целиком* проведены» («Пр.» № 1. 1925).

Модификация: «Мы должны воспользоваться буржуазной культурой *полностью и до конца*» («Изв.» № 255. 1925). «Все решения съезда мы *до конца и полностью выполним*» («Пр.» № 2. 1926).

6) «*Сегодняшний день*» — нем. «*der heutige Tag*». «Указание *сегодняшнего дня*» (К а м е н е в. 1911. Маркс., 25). «Лозунг *сегодняшнего дня*» (Л е н., 1922. Такт., с. 532). «Это очередная работа *сегодняшнего дня*» («Пр.» № 123. 1925). «Тщательно смотреть за тем, чтобы не захлебнуться *сегодняшним днем*» («К. Пр.» № 71. 1926). «Отдать остатки сил борьбе *сегодняшнего дня*» («Пр.» № 90. 1926).

«Изображение рабочего быта является одной из важнейших задач *сегодняшнего дня*» («Изв.» № 14. 1926). «Общественные взаимоотношения деревенских групп *сегодняшнего дня*» («Изв.» № 98. 1925). «Молодежь *сегодняшнего дня* организует сегодняшний день» («Леф.» № 2. 72). «С точки зрения *сегодняшнего дня*» (часто в р е ч и).

7) «*Пара*» в значении «несколько» — в соответствии немецкому «*ein Paar*»; ein Paar Jahre — «несколько лет», ein Paar Monate — «несколько месяцев» и др. Может быть, распространению сочетаний с «*пара*» благоприятствовало польское посредство: в польском языке (под немецким влиянием) в обычном употреблении сочетания с para в значении «несколько»: para godzin — «несколько часов», ten przykład jest ciekawy z paru względów — «этот пример любопытен в нескольких отношениях» и др. — «Разве не пытались мы еще за *пару дней* перед съездом договориться по-товарищески?» (Т о м с к и й. «Пр.» № 296. 1925). «Английский империализм *пару лет* тому назад принужден был… сделать…» (С т е к л о в. «Изв.» № 271. 1924). «Мы задерживали в течение *пары лет* приток в партию крестьян» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 274. 1924).

…Через п а р у л е т мы
Журналом свяжем, я клянусь,
Всемирный… Что?! Междупланетный
Всемолодеженский союз!
(Б е з ы м е н с к и й. «Журн.» № 11. 1924).

«Кризис, который пройдет через *пару месяцев*» («Пр.» № 67. 1926). «*Пара* распространенных иллюстраций» («К. Пр.» № 1. 1925). «Необходимо сделать *пару* замечаний» («Изв.» № 100. 1925). «Во французской палате депутатов *пару дней* тому назад обсуждался доклад по законопроекту…» («Изв.» № 288. 1924). «Через *пару дней* пришлось отказаться от барыша» («П. Пр.» № 39. 1925). Сравн. считавшееся «одесским» выражение «*пара пустяков*», употреблявшееся раньше в ироническом значении, иногда с добавлением «как говорят в Одессе». Теперь это выражение говорится и без иронии, в значении «пустое», «пустяки», «дело легкое».

8) Конструкции с «*ибо*» в начале фразы — соответствие немецким сочетаниям с «denn», что переводилось раньше посредством «ведь»… Впрочем возможно, что такие конструкции возникли не прямо под немецким влиянием, а через польское посредство: в польском языке такие конструкции начинаются с bo (вм. ibo), bowiem, boć. Bo skąd ten przykład? — «Ведь (Ибо) откуда этот пример?» — «*Ибо* в чем корень зла? В проклятом наследии прошлого — в нашей

некультурности» («Пр.» № 139. 1925). «Тут она [оппозиция на XIV съезде] показала свое настоящее лицо. *Ибо* что предлагалось содокладчиками?» («Пр.» № 295. 1925). «Этот орган называется “Ленинградской Правдой”. *Ибо* что такое состряпанный недавно в Ленинграде термин “середняцкий большевизм”» («Пр.» № 2. 1926) и др.

9) Значение сочетания: «*я хочу свистеть на это*». Это — перевод немецкого: ich will darauf pfeifen (M a z o n, c. 53). Соответствует вульгарному «мне на это наплевать».

Указанные в этих пунктах слова и сочетания, в особенности *пара*, *сегодняшний день*, *в общем и целом*, *целиком и полностью*, получили весьма широкое распространение: они испещряют речь советских партийных и непартийных людей. Частота употребления и шаблонность этих слов и сочетаний вызывает упреки и сатирические замечания. «Когда у нас говорят теперь, — и даже пишут! — “пара недель”, “пара месяцев” (вместо: несколько недель, несколько месяцев), то это безобразно, нелепо, не обогащает язык, а делает его беднее, так как слово “пара” лишается при этом своего необходимого значения (в смысле: пара сапог). У нас употребляется теперь вкривь и вкось слово “выявить” вместо десятка других, гораздо более точных русских слов: обнаружить, вскрыть, проявить, обозначить и пр.», — жалуется Л. Д. T р о ц к и й[20]. «О н а. Вчера был ужасный ветер. О н. М-да. *В общем и целом*, погода *невыявленного* характера. Я *целиком и полностью горячо протестую против гнусных выпадов* ветра. Но, безусловно, *революционная* летняя *волна победит* весенние мелкобуржуазные *шатания*» («Смех.» № 24. 1926). Последние слова (*горячо протестую* и др.) представляют примеры выветривания эмоциональной значимости этих слов (см. в отделе об эмоциональности речи в революционные годы). «Да, товарищи! Главная причина смерти от катания состоит в лодках. Поэтому я позволю себе разобрать лодку *целиком и полностью*... Одним словом, так бы я и утоп *целиком и полностью*, если бы не помощь с берега» («Смех.» № 26. 1926).

34. Как было указано выше, многие деятели русской революции происходили из Польши и с юго-запада России. Черты польского языка отражаются значительно в речи многих лиц, действующих на общественном, политическом и экономическом поприщах Союза. Эти черты приходится наблюдать в устной речи. Некоторые из этих черт лексических, формальных и синтаксических проникают и в печать и получают широкое распространение среди граждан Союза.

[20] Л. T р о ц к и й. Вопросы быта. М., 1923. С. 56—57.

1) Может быть, польскому посредству обязаны сочетания с «ибо» в начале фразы, а также «пара» в значении «несколько».

2) Тому же влиянию обязано сочетание с *пол-* вм. «половина» при счете времени в *пол-второго, пол-пятого, пол-десятого* и др. «Слово для доклада имел представитель центра тов. К., затянувший доклад до *пол-второго* ночи» («Пр.» № 4. 1926). Так говорят теперь и в Москве и в других городах. Ср. польские: pół do szóstej (godziny), pół do dziewiątej и т. д. Может быть, имело значение западнорусское, белорусское посредство: белор. пол-пъятага, дзесятага…

3) Со времени войны (1914 г.) в России вошел в широкое употребление словесный знак вежливости — извинения «*извиняюсь*» (*извиняюс*). По основе и по форме это образование употреблялось и раньше. «Опять тысячу раз *извиняюсь*, что сбиваюсь с прямой дороги в сторону», — писал Гончаров. «*Извиняюсь*, что не ответил никому до сих пор» — в «Дневнике писателя» Достоевского[21]. Отличие от теперешнего *извиняюсь* заключалось в том, что *извиняюсь* в речи Гончарова, Достоевского и других находилось в сочетании с другими словами в предложении и имело обычное реальное значение, — значение выражения извинения, искреннего, иногда глубокого раскаяния, что подчеркивалось словами «1000 раз» и т. п. Посредством этой формы извиняется и взволнованный чеховский дядя Ваня. «Ну, моя радость, простите, *извиняюсь*». Совсем не то по своему реальному и формальному значению теперешнее *извиняюсь*: оно употребляется отрывочно, вне сочетания с другими словами, служит формальным словесным знаком, произносимым при определенных обстоятельствах, — знаком, мало соответствующим этим обстоятельствам: полного значения просьбы об извинении здесь не выражается. «Если вам в трамвае говорят *извиняюсь*, то это значит только, что, толкнув вас однажды, вас толкнут дважды и трижды… Слово произнесено, но смысл в него не вложен»[22]. У некоторых лиц с этим вводно-формальным *извиняюсь* связаны неприятные эмоции. Одних коробит «бессмысленность» *извиняюсь*: «слово произнесено, но смысл в него не вложен. Как же не протестовать против него?»[23]. Для других *извиняюсь* неприятно тем, что оно связано с речью лиц, к которым они не питают симпатий, относятся свысока. Третьи недовольны декларативностью *извиняюсь*. «Один из друзей моих литераторов, — со-

[21] См. [Г.] В и н о к у р. Культура языка. М., 1925. С. 30—40.

[22] А. Г. Г о р н ф е л ь д. Новые словечки и старые слова. Петербург, 1922. С. 61.

[23] А. Г. Г о р н ф е л ь д. Там же. С. 61.

общает Г. В и н о к у р, — пробовал объяснить мне свое отвращение к слову *извиняюсь* весьма грамматически. Неприятно это слово, оказывается, потому, что свидетельствует о невежливости говорящего. Свою просьбу извинить он излагает не в повелительном наклонении (имеющем также смысл просительный), а в форме декларативной: я, мол, извиняюсь, и баста, а вы уже как хотите»[24]. Такое же отношение к *извиняюсь* приходилось наблюдать и мне.

Распространению *извиняюсь* как формального знака вежливости много содействовали лица из Польши и с юго-запада России. Вслед за А. М а з о н о м[25], полагаем, что такое употребление *извиняюсь* вызвано воздействием польского przepraszam (1 л. ед. глагола przeprosić, przepraszać — «просить прощение»). В произношении некоторых лиц отражается и в фонетическом отношении черта юго-западной речи: *звиняюсь* (*з-* вм. *из-*). «Он подошел к черноусому и, приподнимая кепку, заговорил: — *Звиняюсь*, гражданин. Вы не в Покровское изволите ехать?..» («Буз.» № 18. 1926).

4) Воздействие польской речи обнаружилось также в немедленном употреблении в соответствующих случаях имени на *-чик*, польск. *-czyk*, — имени, производного от названия лица: *Пилсудчики* — «сторонники Пилсудского». «Переворот *пилсудчиков* в Польше» («Пр.» № 109. 1926). «*Пилсудчики* опасаются новых выборов» («Пр.» № 141. 1926). О *пилсудчиках* стали писать в советской России на первый же или второй день по получении известий о выступлении Пилсудского.

5) С 90-х гг. в Польше и сопредельных краях на юго-западе России происходила усиленная деятельность социалистических групп. Здесь создается ряд общественно-политических терминов, новых по происхождению или новых по применению. В течение времени кое-что из этой терминологии было усвоено и деятелями революции в прочих краях России. Некоторые из этих терминов и особенности их образования нашли себе широкое распространение в революционной России.

Штрейкбрехер. В польском языке революционеров употреблялся партийный термин strejk или sztrejk (англ. strike): strejk ekonomiczny — «экономическая забастовка», strejk głodowy — «голодовка», strejk polityczny — «политическая забастовка». В терминологии Бунда появилось образование sztrejk в сочетании с Brecher — с име-

[24] Г. В и н о к у р. Культура речи. С. 42—43.

[25] A. M a z o n. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. Paris, 1920. P. 54.

нем, производным от немецкого глагола brechen — «ломать»: sztrejkbrecher.

Массовка — польск. masówka; *массовковец* — польск. masówkowiec (в начале 900-х гг.).

6) Сочетание *агитировать* с формою винит. пад. имени. — «Предлагаю *агитировать мужиков* Высоцкого района не везти к Васенкову на мельницу ни пуда зерна» («Пр.» № 18. 1926). «Побежали *агитировать баб*» («Пр.» № 199. 1925). «Не *агитируйте нас*, по существу нужно говорить — отвечало собрание на речи оппозиции» («Пр.» № 18. 1926). «Я не хочу *агитировать вас*» (из разговора двух рабфаковцев). — Польское партийное: a g i t o w a ć k o g o ś na coś: a g i t o w a ł g o na pójście na masówkę — «*агитировал его* идти на массовку».

7) Подпольная деятельность вынуждала социалистов употреблять в речи особые слова, непонятные для других лиц. К партийному жаргону (argot) прибегали и польско-русские революционеры. Из таких польских терминов отметим, напр.: babcia (бабця) или buda — «тайная типография», babka (бабка) — «бомба», ciepło (цепло) — «динамит», czysty (чысты) — «не находящийся под подозрением у шпиков», lewy — «фальшивый» (как в воровском жаргоне), paczka (пачка) — «группа лиц», pokwitować — «сообщать в письме о выполнении партией какого-нибудь акта (акта террористического, конфискации и др.)», pomarańcza — «бомба» (собств. «апельсин»), sypać, wsypać, zasypać — «выдавать», «выдать» (как в воровском жаргоне).

8) Условия подпольной деятельности отразились еще иначе на терминологии революционеров: они прибегали к употреблению терминов, образованных по названию начальных букв тех слов, которые входят в состав сочетания, служащего названием того или иного предмета или явления. Употребляются и другие виды сокращений — по произношению начального слога. Такие сокращенные термины были многочисленны в речи революционеров, действовавших в Польше и соседних юго-западных русских краях в 90-х и в начале 900-х гг. Впрочем, продуктивность таких образований была обусловлена не только конспиративностью деятельности революционеров, но и другими обстоятельствами. Одно из них — стремление к краткости терминов для предметов и явлений, и з в е с т н ы х членам данной организации, ч а с т о упоминаемых в речи. Так, члены «Польской социалистической партии» вместо того, чтобы называть ее «Polska partja socjalistyczna», в обыденной своей речи пользуются названием, составленным по произношению начальных букв P.P.S. Такая передача была в письме, а затем буквенное произношение ее

перешло и в устную речь: pereés (пэпээ́с). Вероятно, такое сокращение имело и значение конспиративности. Frakcja Rewolucyjna Polskiej Partji socjalistycznej в письменном сокращении передавалась F.R. В обычном произношении — efér (эфэ́р) и т. п.

Другое обстоятельство, благоприятствовавшее возникновению и продуктивности таких образований, находилось в связи с тем, что многие революционные деятели Польши и Юго-Западного края происходили из еврейской среды. А в еврейской среде издавна употребляются образования названий по начальным буквам слов. Еврейские аббревиатуры восходят к первой поре еврейской письменности. Следы их имеются в библейских книгах (напр., в Книге Сираха). По мнению некоторых экзегетов (Эйхгорна, Рейфмана и др.), многие слова в Библии представляют собою аббревиатуры. В начале нашей эры и в особенности в Средние века пользование аббревиатурами получило весьма широкое распространение. Авторы сочинений нередко передавали свои имена посредством этого приема (посредством начальных согласных тех слов, которые входили в сложные названия). Давались личные имена, образованные посредством сочетания основных согласных из имен известных ученых, писателей или их сочинений[26]. Способ аббревиатур весьма часто применялся и в позднее время. В конце XVIII и в XIX в. много еврейских прозвищ и фамилий было образовано посредством начальных согласных имен, входивших в состав названия лица. Получались слова, созвучные в ряде случаев с немецкими. Напр.: Schön — Scheliach Neeman, Schatz — Scheliach Zibhur, Sack — Sera Kodesch, Bril — Ben rabbi Judah Löb и др. Лет 17 тому назад один из моих друзей-евреев объяснял мне свою фамилию «*Стам*» таким образом. Его дедушка знал хорошо три книги (— забыл я их название); по начальным согласным названий этих книг и дали ему прозвище СТаМ[27].

Такой способ образования слов мог отразиться (в той или иной степени) и на языке партийных деятелей.

---

[26] Dalman. Talmudisches Wörterbuch. (Список имен.) M. Sablozki. Lexikon Pseudonimim. Бердичев, 1902.

[27] Об аббревиатурах см. W. Gesenius. Hebräische Grammatik, völlig umgearbeitet von E. Kautzsch. Leipzig, 1902. С. 27. Там и библиографические указания. См. также статью J. Jacobs'a: «Names» в «The Jewish Encyclopedia», IX, 152—160; статьи в русском издании «Еврейской энциклопедии», VIII, 144—148, XIII, 101—102, XIV, 435—437. — Появился ряд словарей с толкованиями аббревиатур. Наиболее полным из них является обширный словарь Меира Гальперна, изданный в Вильне в 1911 г. (содержит около 10 000 слов).

Вот несколько примеров сокращенных терминов языка революционных деятелей Польши и соседних областей.

1) Cekaér (цекаэр) (C. K. R.) — Centralny Komitet Robotniczy (с 1893—1894 гг.); padają niezrozumiałe dla Jasia wyrazy: cekaér… — «непонятные для Яся раздаются слова: цекаэр…» Производные образования от cekaér: cekaerowiec — «член C. K. R.», cekaerówka — «женщина, член C. K. R.», cekaerowy — «относящийся к C. K. R.»).

2) Elesdé (L. S. D.) — Litewska Socjalna Demokracja (1896—[18]97 гг.), elesdek — «член L. S. D.».

3) Elkaér (L. K. R.) — Lokalny Komitet Robotniczy.

По произношению начального слога: dru — drukarnia tajna — «подпольная типография»; eks — eksproprjacja и др.[28].

Такая манера образования названий была воспринята революционными деятелями и в других местностях России. На первенство польских (польских в географическом значении) революционеров в этом отношении указывает и самая продуктивность там таких названий, а также и звуковой вид некоторых терминов, употреблявшихся в России. В этом отношении показательно название члена социал-демократической партии: *эсдэк*. Ср. такую же передачу в терминологии польских социал-демократов: esdek, esdeczka (есдэчка), esdecki (эсдэцки — прилаг.)… Польское образование представляет суффикс *-ek*, как в ряде древних образований: snopek — «снопок», kwiatek — «цветок», smiałek — «смельчак», kochanek — «возлюбленный» и т. п. Это *-ек* вм. *-ъкъ*: snopъkъ… В русском языке в этих случаях находится суффикс *-ок*.

В России в 90-х и в начале 900-х гг. было не много терминов, образованных посредством названия начальных букв: *эсдэ* или *эсдэк* и производные, *эсэр* и производные, *цэка* (ЦК — центральный комитет партии). Сокращенное название усваивается и легальной партией конституционалистов-демократов: *кадэ* или *кад'ém*.

В ряде случаев такие сокращения применялись в России (как в других странах) ради краткости, в деловых письменных и телеграфных сообщениях. Некоторые из этих сокращений входили и в устную речь. *Продамет* — Общество для продажи русских металлических изделий (основано в 1901 г.), *Продуголь* (с 1903 г.), *Юротат* — Южнорусское общество торговли аптекарскими товарами, *Лензото* — Ленское золотопромышленное товарищество и некоторые другие.

[28] L. W a s i l e w s k i. Slowniczek gwary partyjnej w Królewstwie Polskiem (Materyaly i prace Komisyi językowej Akademii Umiejętności w Krakowie. T. V, 1912).

Этот способ образования терминов стал часто применяться в годы войны: *главковерх* — верховный главнокомандующий армией, *дарм* — действующая армия, *военмин* — военное министерство, *земгор* — земский и городской союзы и др.

Еще сильнее такое образование стало применяться после революции 1917 г. И в политической, и в общественной, и в экономической жизни стали усердно прибегать к таким сокращениям. (О способах сокращения см. ниже, в отделе об образовании новых терминов.) В последние 2—3 года к таким сокращениям стали обращаться реже. Раздаются голоса партийных и общественных деятелей против произвола в образовании и употреблении таких названий.

35. Деятели русской революции вышли из среды интеллигенции. Выше отмечены иноязычные элементы, вошедшие в состав их языка. Кроме деятельности практической, организационной, авторитетным представителям революционного движения приходилось много работать по теоретической разработке, выяснению, защите, утверждению социалистической программы своей партии. Приходилось оперировать с терминами отвлеченного, философского, политико-экономического значения. Для этого они пользовались часто терминами иноязычными (см. выше), а также и русскими терминами, существовавшими уже в русской философской и общественно-политической литературе, но употреблявшимися редко. В течение времени некоторые из этих слов с распространением в широких кругах становились терминами обиходной речи, равнозначащими с прежними словами, близкими к ним по значению. Вот несколько примеров таких слов, наиболее часто употребляемых в речи советских деятелей.

Предпосылки — условия. «Какие предпосылки для этого?» (из разговоров). — «В руках пролетариата налицо все *предпосылки* к переделке крестьянина-собственника в кооператора-общественника» («Пр.» № 93. 1926). «Строительство социализма в деревне, создание *предпосылок* к нему» (там же).

Мыслить — думать. — «Я не *мыслю*, чтобы это было так» (из разговоров). «Ассоциация не *мыслит* ограничивать свою деятельность рамками местной Балтфлотской организации» («Окт.» № 2. 238). «Докладывает только о международном положении… не *мысля* опуститься до своего положения» — о кооперации, зарплате и т. д. («С. Комс.» № 2. 1926).

Осмыслить — показать, обнаружить смысл, значение. — «Надо *осмыслить* перед массами события Октября» («Изв.» № 237. 1925).

Сознательный — фр. conscient; *сознать — сознательный* и марксистски организованный (organisé) пролетариат России («Про-

клам.» 45). «Пролетарии, *сознавшие* уже свое классовое положение» («Проклам.» 180). В речи рабочих: *сознаться* — стать сознательным (Пресня).

Осозна́ть, осозна́ние. — «Пока он не *осозна́ет* значения совершающихся событий, его роль пассивна. Только занявши определенную, вполне *осознанную* позицию…» («Проклам.» 151). «И вся наша задача… — *осознать* этот перелом» (Л е н. XV, с. 219). «И если наши местные организации усвоят, *осознают* это, — перевыборная кампания обеспечит…» («Пр.» № 28. 1925). «Само крестьянство еще не *осознало* пользы ликвидации неграмотности» («Пр.» № 93. 1925). «Массы поняли свою силу, *осознали* свою мощь» («Изв.» № 59. 1925). «Ошибочность тактики Бордиги уже *осознана* большим числом товарищей, ранее разделявших его позицию» («Пр.» № 93. 1925). «До тех пор, пока ребята не *осознают* своих ошибок» («Унив. Пр.» № 1. 1925). «Все это вы, товарищи просвещенцы, должны ясно *осознать*» («Ниж. Ком.» № 173. 1925). «*Осознать* свое место в развертывающихся событиях» («Кр. Мол.» № 4. 57). «Петьке, неожиданно *осознавшему* всю важность физкультуры» («Смена». № 13. 1925). «Развитие *осознания* рабочего класса» («Проклам.» 135). «Пребывание у станка без *осознания* интересов и задач класса» («Кр. Мол.» № 4. 84). «В татарской организации до сих пор нельзя отметить решительного поворота в смысле *осознания* серьезного значения шефства» («Кр. Тат.» № 19. 1925).

Выявить, *выявлять* — употребляется весьма часто в значении не только «выявить», но и «обнаружить», «выразить», «изъявить», «показать». Существительные: *выявление*, *выявленность*. — «Обследование профсоюзных организаций одного из крупных заводов *выявило* ряд недочетов» («Пр.» № 188. 1925). «При проведении у нас кампании реорганизации КНС *выявилось*, что 50 проц. членов КНС не приняли нового устава» («Пр.» № 61. 1926). «Первый опыт агитпромуполномоченных при цехъячейках дал положительные результаты, но наряду с этим он *выявил* ряд недостатков» («Пр.» № 188. 1925). «Звеновой организатор *выявляет* новых работников как среди партийной части звена, так и беспартийной» («Пр.» № 142. 1925). «Он особенно ревностно вылавливает самогонщиков и *выявлял* тот скот, который кулак скрывал от обложения» («Пр.» № 57. 1926). «Студентов *выявляли* с общественной стороны, чтобы знать, какими они выйдут в жизнь» («Кр. Мол.» № 2. 129). «У волисполкома есть контрольные цифры и предписание *выявить* не меньше такого-то количества десятин» («Пр.» № 283. 1924). «Она почему-то *выявила* его [сообщила о нем] (школа). Меры для *выявления* беспартийного кре-

стьянского актива» («Изв.» № 91. 1925). «Еще слишком много бесхозяйственности и уродливости сохраняется, несмотря на ее *выявленность*» («Пр.» № 141. 1926).

Устремление — стремление. — «Комсомол должен бороться… против “колупаевских” и “разуваевских” *устремлений* деревенских капиталистов» («К. Пр.» № 1. 1925).

Метод — прием, образ действий. Ср. такой пример из обиходной жизни: «Посмотри, какие *методы* обнаруживает Виленочка», — говорит молодая жена своему мужу, указывая на ребенка в колыбели, что-то просящего. Другие примеры см. ниже.

Достижение.

Задание. «Потрудитесь исполнить те или другие *задания*» (Л е н. XV, с. 579).

Изжить. «Пока это наследие не *изжито*» (З и н о в ь е в. Маркс. 1911, с. 81). «Прежние методы должны быть *изжиты*» («Пр.» № 38. 1925).

Сочетание двух имен посредством слова *плюс* — сочетание, которое любил употреблять В. И. Ленин. — «А что такое это давление пролетариата *плюс* крестьянства на верхи общества?» (Л е н. 1905. Такт., с. 11). «Мелкая буржуазия *плюс* частнохозяйственный капитализм борются вместе, за одно» (Л е н., XV, с. 264). «Коммунизм — это советская власть *плюс* электрификация» (Л е н.). «Владимир Ильич в записке т. Бухарину так характеризует наш современный строй: “Это капитализм *плюс* социализм”» («Пр.» № 294. 1925). «Демократический централизм есть не только дисциплина, но дисциплина *плюс* подлинная выборность руководящих органов, *плюс* свобода обсуждения внутри партии всех вопросов, *плюс* подлинная самодеятельность рядовых членов партии» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 64. 1926). «Присутствуют члены ЦК, *плюс* представители ленинградского комитета, *плюс* представители военной организации» («Изв.» № 270. 1924). «Все — от рядовых рабочих до вождей *плюс* еще самые широкие круги крестьянства» («Изв.» № 107. 1926). «Был один завком, а стало — завком *плюс* парикмахерская, *плюс* столовая, *плюс* ясли и *плюс* жилплощадь» («Пр.» № 227. 1925). «Будучи сильно заинтересован поведением фашиста *плюс* отсутствие Когана, он решил пойти вслед за ними» («П. Пр.» № 9. 1925). Иззябшая женщина хочет войти в вагон трамвая с передней площадки. «Нельзя, — говорит некто в кожаной куртке. — Сюда вход разрешается бесплатным, больным *плюс* с детями» (и з р а з г о в о р о в). Как видно из последних примеров, *плюс* имеет значение союза *и*; никакого эмоционально-экспрессивного оттенка он (*плюс*) теперь уже не под-

черкивает. А это подчеркивание было свойственно ему раньше, в речи Ленина и других деятелей.

Книжного происхождения конструкции с *суть* (нем. sind, польск. są). — «Процессы, происходящие на бреславльском съезде, не *суть* отражение действительных процессов, происходящих в рабочих массах» («Пр.» № 199. 1925). «Ибо газеты *суть* сейчас очень крупные организующие центры партийного влияния» («Пр.» № 295. 1924). — В некоторых случаях употребление *суть* является как стилистическая манерность, находясь там, где оно не могло бы быть. «Но *сие* не *суть* для Карильского важно» («Кр. Пр.» № 23. 1925).

Суть — сущность, смысл. Разные формы этого имени весьма часто употребляются в речи революционных деятелей и близких к ним лиц — гораздо чаще, чем употреблялось оно раньше. — «Вся *суть* в том, что…» (Л е н. 1912. Маркс., с. 43). «Действительная *суть* Коммуны не в том…» (Л е н. 1917. Такт., с. 282). «Ленинградские рабочие поняли действительную *суть* вещей» («Пр.» № 296. 1925). «Не в этом *суть*» («Пр.» № 254. 1925). «Это *сути* дела не изменяет» (З и н о в ь е в. 1913. Маркс., с. 40). «Это выступление не улучшает *сути* дела» («Пр.» № 296. 1926). «По *сути* дела» (Л е н. 1915. Такт., с. 255). «По *сути* своей» (Л е н. 1915. Такт., с. 221). «Сборник по *сути* своей не только не заслуживает своего названия, но и…» («Пр.» № 65. 1926). «По *сути* тут расходились в деталях» («Пр.» № 279. 1925). «Искусство вообще и поэзия в частности, по *сути*, всегда было и есть агитационно» («К. Пр.» № 77. 1926). «Вопрос о *сути* ликвидаторства» (Маркс., с. 187).

Конструкции с *поскольку* в значении не только «в какой мере» («в какой степени»), но и «потому что», «так как». В таком значении *поскольку* теперь весьма употребительно в России, среди всех слоев населения.

— «*Поскольку* импортный план составляется на долгий срок, в процессе его выполнения всегда неизбежны те или иные единичные отступления» («Пр.» № 251. 1925). «*Поскольку* середняк является центральной фигурой в деревне, необходимо еще и еще усилить работу» («Пр.» № 283. 1925). «*Поскольку* опыта работы групп бедноты еще нет, трудно говорить об организационных деталях этой работы» («Пр.» 109. 1926). «Русским кооперативам есть чему поучиться у Дании, *поскольку* техника переработки продуктов сельского хозяйства стоит здесь на чрезвычайно высоком уровне» («Изв.» № 201. 1925). «*Поскольку* ящик был абонирован, казалось легкомысленным не использовать его до конца» («Пр.» № 242. 1925) «*Поскольку* мы берем курс на расширение организации, перед союзом особо остро

встает вопрос об обслуживании нужд рабочей и крестьянской молодежи» («Кр. Мол.» № 1. 63). «После доклада секретарь спешно заявляет: “*Поскольку* доклад агитационный, то собрание объявляю закрытым”» («Пр.» № 175. 1925). «*Поскольку* этот курс не ведется, *то* на практике студент кое-что извлечет» (из студенческих речей). «*Поскольку* докладчика нет, надо что-то делать» (из речей). «Мы еще не знаем, *поскольку* (= потому что) секретарь отсутствует» (из речи рабфаковца). «Я его знаю, *поскольку* я живу здесь» (из разговоров на базаре в Городце, Нижегор. г.).

36. Сравнения, образы, представленные в речах коммунистических и советских деятелей, указывают на принадлежность этих лиц к образованным кругам русского общества. С другой стороны, убедительность или экспрессивность этих образов рассчитана на слушателей тех же кругов: для простого человека, не вкусившего книжной мудрости (напр., исторической, хотя бы в пределах старых учебников Иловайского), эти образы и сравнения не показательны. Нужно иметь некоторую осведомленность о культурно-общественной жизни европейских народов, чтобы откликнуться на эти образы и сравнения. — «Здесь Родос, здесь прыгай» («Изв.» № 295. 1924). «Мы должны организовать *крестовые походы* в военно-коммунистическом духе» («Пр.» № 293. 1925). «Это было тогда, когда мы впервые формировали продотряды, объявили *крестовый поход* против кулака за хлеб» («Пр.» № 293. 1925). «*Крестовый поход* против коммунизма» (загл., «Пр.» № 295. 1924). «Вполне вероятно, что английским коммунистам придется *скрестить шпаги* в этом вопросе с некоторыми так называемыми левыми вождями тред-юнионов» («Пр.» № 67. 1926).

Весьма широко применяется средневековое астрологическое выражение *под знаком* (какой-нибудь планеты). Только вместо планет фигурируют те или иные явления современной жизни. — «Мы рождены Октябрьской революцией *под знаком* Октября!» («Изв.» № 16. 1926). «Съезд предлагает ЦК и впредь всемерно укреплять узлы международной солидарности, *под знаком* которой родилась, билась за свое господство и окрепла диктатура пролетариата» («Пр.» № 295. 1925). «Под этим *знаком* подъема и единства заканчиваются прения» («Пр.» № 293. 1925). «Расширенный пленум ИККИ пойдет *под знаком* освещения нынешнего периода, как периода “колеблющейся стабилизации капитализма”» («Пр.» № 67. 1926). «*Под знаком* роста и оживления» (заглав. «С. Комс.» № 26. 1925). «*Под знаком* режима экономии» (загл.). «Истекающая неделя во внутренней жизни советских республик прошла *под знаком* углубленной работы в области

практического осуществления режима экономии» («Пр.» № 94. 1926). «В деревне кампания “за режим экономии” должна проводиться *под знаком* решительной борьбы за бережливое отношение к советскому добру» («С. Комс.» № 22. 1926). «[Мы] живем *под знаком* интернационала» (С а к у л и н. Социологический метод в литературоведении. 1925, с. 43). «Возрождение язычества проходит, конечно, *под знаком* революции» (Т а н - Б о г о р а з. Старый и новый быт. 1924, с. 16).

Теперь чрезвычайно редко можно встретить человека в сюртуке (вероятно, донашивает прежнее, за неимением другого костюма). *Толстовка* — наиболее распространенный вид одежды советского работника. Однако в большой, ответственной речи на XIV партийном съезде один из главных представителей оппозиции говорил между прочим так: «Я считаю здесь неуместным и глубоко вредным попытки цепляться в *полы сюртука* того или иного товарища…» («Пр.» № 67. 1926).

37. Принадлежность деятелей революции к образованным, книжным людям отражается и в образовании новых слов. В их речи, как и в речи деятелей Великой французской революции, весьма продуктивными являются суффиксы *-изм*, *-ист*, отвлеченные от иноязычных слов с такими суффиксами. — *Большевизм*, *ленинизм*, *троцкизм*, *отзовизм*, *наплевизм*…; *троцкист*, *отзовист*, *хвостист*, *активист*… Также весьма продуктивны суффиксы *-изировать* в глаголах, *-изация* в именах существительных. Соответствующие суффиксы французские -iser, -isation тоже были очень продуктивны в эпоху Великой французской революции. — *Большевизировать*, *советизировать*, *политизировать*…; *большевизация*, *советизация*, *индустриализация*…

Нелишне будет отметить, что такие суффиксы были продуктивны и в польской революционной среде. — Esizm = socjalizm (образовано от s=es), bundysta — «член бунда», frondysta, walkoklasista — сторонник «Борьбы классов», rewizjonista…

Из других суффиксов иноязычного происхождения укажем на *-абельн-*: «*министериабельные* черновско-церетелевские партии Западной Европы» (Л е н. XV, с. 88), *рентабельный*.

Из русских суффиксов сравните *-ство* для образования имен отвлеченных представлений. — *Пораженчество*, *соглашательство*, *приспособленчество*, *ликвидаторство*, *мешочничество*, *брандлерианство*…

38. Из префиксов отметим *анти-*, *архи-*. В особенности часто употребляется *архи-*. Образования с *архи-* в особенности часто

встречаются в языке Ленина. — *Антинародный*, *антисоветский*…; *архитяжкий*, *архисуверенный*, *архиневерно*…

Книжность революционных деятелей отражается и на некоторых новообразованиях. Напр. — *болтология:* «это всё *болтология*»; по образцу «фразеология» («получается чистейшая фразеология». «Изв.» № 198. 1925). «Были прения по одному из вопросов повестки собрания. Высказался один из участников, взял слово другой. Речь другого начиналась буквально так: — Товарищ В-н *болтолог*, всем известный. Он треплет своим языком, как пустой лопатой» («Студ.-Пролет.» № 6—7. 1924).

Ерундистика, а также *глупистика*: «Это — *глупистика*!» — говорит одна работница в собрании. См. еще пример в комсомольском ругательстве, § 48.

О других образованиях см. в отделе о формах.

39. В области фонетики также отражаются черты образованной речи революционных и советских деятелей. Такой чертой является произношение с мягким *ц* перед *и* в иностранных словах: революц’ия, конституц’ия, конфэрэнц’ия, дисц’иплина…

Некоторые лица даже утрируют иноязычными элементами. Так, некоторые из таких лиц говорят *спэц* — с твердым *п*, как в иностранном слове. Но с*п*’ецыальность или с*п*’е*ц*’иальность, с*п*’ециальный — с мягким *п.*

40. Употребление терминов иностранного, книжного, а также канцелярского (см. в следующем отделе) происхождения свойственно и письменной и устной речи. Манера испещрять речь такими терминами очень широко распространена среди коммунистических деятелей. С такой речью обращаются не только к лицам, в достаточной степени владеющим книжным языком, но и к рабочим, а иногда и к крестьянам.

Докладчики бывают тоже!
Эх, ты, губкомовец в пенснах!
Как будто лезет он из кожи,
Чтоб «измами» стереть нас в прах.
Слова, что не взбредут на ум нам,
Он так и жарит, так и прет…
(Пока он быть стремится умным,
Позевки раздерут нам рот)…
(Б е з ы м е н с к и й. На посту. № 1, 1924, с. 183).

«Трудно говорить с племяшем [старику, пришедшему в город к племяннику, занимающему важную административную должность]. Хочется рассказать про комиссара, не берегущего советскую власть.

Мухин [племянник] сбивает городскими словами. Не понятно, что говорит». (Н е в е р о в. Портфель). «Устраиваются открытые собрания, но какой в них толк? Попробуй зайти на собрание крестьянин или рабочий. Что он поймет? Ровно ничего. Только и слышны выкрики докладчиков: либералы, консерваторы, соглашатели, Керзоны, Ллойд-Джорджи. Ну, что тут поймет беспартийный рабочий или крестьянин? Тут и партийные-то многие не понимают, в чем дело» («Пр.» № 288. 1924). «Наши докладчики, выступая на общих собраниях, все время говорят о массах, но говорить просто с рабочей массой не научились. Совершенно забывают, что они сидят не на какой-нибудь международной конференции, а на низовом рабочем собрании. На конференции фабзавместкомов Замоскворецкого района, где все-таки присутствовали товарищи, читающие газеты и набившие слух на счет всяких иностранных словечек, и то писали в президиум: “Поменьше непонятных слов. Мы еще не больно грамотны… Такой доклад в английском парламенте делают, а не рабочим”. — А между тем доклад делал не какой-нибудь иностранец или спец из кабинета, а рабочий железнодорожник, работающий сейчас в профсоюзе. Остается или дремать, слушая доклад, или ежеминутно слать записки, требуя объяснения, “что такое периферия”, “квинтэссенция”, “тенденция”? “Как можно рассмотреть через призму?” и т. д., и т. д. Английские события особенно дали богатый материал нашим докладчикам. Рабочие хотят как можно проще и глубже понять, что делается сейчас в Англии. Засыпают записками, а наши докладчики “стараются” вовсю. “Политическая атмосфера”, “кунктаторская тактика”, “перспективы” и т. д. … Недаром некоторые поговаривают: — Говорит непонятно — значит, большевик…» («Раб. Москва» № 113. 1926).

Те же малодоступные для широких кругов населения языковые элементы представляет и газета. Они находятся и в тех отделах газеты, которые посвящены деревне.

Ведь там, о, словесный лес!
О, буераки и кочки!
И «синтез» зачем-то влез
И «вотум» повис на строчке.
(Н е з н а м о в. «Деревня в газете».
«Журналист», № 14. 1924).

В результате: «Наши газеты еще недоступны полностью для понимания широких рабочих масс», — докладывал тов. Варейкис в секции работников печати («Пр.» № 288. 1924). На то же указывалось и указывается и другими лицами.

«Группа красноармейцев в буденовках, кубанках и папахах обступила красноармейца, развернувшего газету. — Тише! — Слушай… — …Отлагая в перспективу будущего общую характеристику шовинистического выступления… — Непонятно! — бормочут слушатели. — Да я и сам! — смущается читающий… — не того… чорт же его знает!» (М и т н и ц к и й. На агитпункте).

В изобилии употребляются иностранные и книжные слова в канцелярских бумагах, в том числе и таких, которые посылаются по деревням. «Пишутся циркуляры “допотопным языком”. Один из хуторов показал циркуляр ОКРЗУ, в котором предлагалось: “Вести рентабельным способом сельское хозяйство до оптимальных размеров”» («Пр.» № 292. 1924).

41. Отношение к иноязычным, книжным элементам речи со стороны рабочих обнаруживается разное. Некоторым из них, преимущественно молодежи, эта манера кажется признаком образованности, учености, и они стремятся вводить в свою речь эти термины. «За последнее время все старался Петька слово каждое, которое позаковыристей, на ус наматывать. Держал в башке, чтобы при случае лицом в грязь не ударить. Обидно, тоже, дураком слыть» (К о л о с о в. Стенгаз.). «Наш [замоскворецкий] низовой партактив хотя, быть может, и сам против этих слов, но тоже не прочь щегольнуть иностранщиной. Уж есть факты, что речь секретаря ячейки приходится иногда переводить» («Раб. Москва» № 113. 1926). «Учеными» словами, неуместно употребляемыми, наполняют некоторые из этих секретарей свои протоколы. Вот, напр., выдержка из протокола доклада, сделанного на собрании граждан Введенской слободы Свияжской волости, в Татреспублике: «Слушали: Реформа, реорганизация, обновление школы и воспитание юношества. Тов. Шеронов пояснил, регулярно выяснил об инициативе молодежи во всех видах, и выяснено следующая резолюция и принципиального исполнения. Постановили: Заслушав доклад тов. Шеронова о настоящей (2 пов. дня) мы молодежь, принимая во внимание, все эти серьезные тенденции и проекты, хоть минимум, но направлены стремиться серьезно обдумывая к сему интенсивно преодолевая старые, закоренелые виды, должны идти принципиально вперед, пробуждаясь от вечной спячки и апатичности, форсируя влияние в крови, ярко отражающей добрые прогрессы и инициативы хоть медленно шаг за шагом удаляясь от старых и хотя гнилых отрыжков и отраслей… [и т. д. еще много подобного плетения]» («Изв.» № 62. 1925).

42. Но чаще раздаются голоса осуждений этой языковой невразумительности. Протесты исходят от коммунистических деятелей и

от рабочих и крестьян. «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить “дефекты”, когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы? Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности и коверканию русского языка?» (В. И. Ленин).

«Мы будем всегда благодарны русскому дворянству в лице его лучших революционных представителей, русской революционной буржуазии, в лице ее лучших представителей, за то, что они выработали великий русский язык. Нам нужны хорошие издания наших классиков, чтобы рабочий класс мог усвоить себе это великое наследие… Мы разучились говорить на хорошем ядреном русском языке. Мы до сих пор еще злоупотребляем советским птичьим языком» (из речи Д. Рязанова. Сборник «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе». М., 1924. С. 89, 90).

«Надо выправить речь, — пишет пермский “Студент-Пролетарий”» (заглавие статьи в № 6—7, 1924). — Необходимо начать решительную борьбу за культурность речи, — ее чистоплотность, четкость, грамотность» (с. 67).

«Крестьяне и сельсоветы называют циркулярный дождь да еще с “китайскими” словами — волокитой-матушкой и просят повести с ней борьбу» («Пр.» № 292. 1926).

«Молодой Большевик» (№ 15—16, 1926) призывает рабочую молодежь к борьбе «за культуру речи» (статья Н. Марковского, с. 73—74). Для этого необходимо избавиться от слов воровского жаргона, испещряющего речь молодежи. «Всякий комсомолец, всякий молодой рабочий должен говорить на своем, на культурном языке, а не на каком-то блатном. Наш язык — наше достижение, наша культура»… Другая вредная манера речи — это стремление пощеголять иностранными и книжными словечками, хотя и без толку. «Чтобы определить какую-нибудь вещь, активист насыплет целую гору таких слов, как: “конкретно”, “целесообразно”, “увязать”, “связать”, “углубить”, “заострить” и т. д. Этот язык не живой язык, язык бюрократический. Он очень сухой, протокольный. А ведь наш активист на таком языке говорит везде и всюду. У него число слов очень ограничено. Он оперирует только такими словами, какие имеются только в тезисах».

Немало и сатирических заметок на тему об употреблении иностранных слов. Вот, напр., вполне соответствующий действительности рассказ М. Зощенка «Обезьяний язык». Два простых человека на каком-то собрании ведут оживленную беседу между собою, пересы-

пая ее словами, значение которых для них остается темным или своеобразно воспринято ими.

…Началось дело с пустяков. Мой сосед, не старый еще мужчина с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

— А что, товарищ, это заседание пленарное будет, али как?

— Пленарное, — небрежно ответил сосед.

— Ишь ты, — удивился первый, — то-то я и гляжу, что такое? — как будто оно и пленарное.

— Да, уж будьте покойны, — строго ответил второй. — Сегодня сильно пленарное, и кворум такой подобрался — только держись.

— Да ну? — спросил сосед. — Неужели и кворум подобрался?

— Ей-богу, — сказал второй.

— И что же он, кворум-то этот?

— Да ничего, — ответил сосед, несколько растерявшись. — Подобрался и все тут.

— Скажи на милость, — с огорчением покачал головой первый сосед. — С чего бы это он, а?

Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

— Вот вы, товарищ, небось, не одобряете эти пленарные заседания… А мне они как-то ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня… Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

— Не всегда это, — возразил первый. — Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и оттеда, с точки зрения, то да — индустрия конкретно.

— Конкретно фактически, — строго поправил второй.

— Пожалуй, — согласился собеседник. — Это я тоже допущаю. Конкретно фактически. Хотя как когда…

— Всегда, — коротко отрезал второй. — Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься…

На трибуну взошел человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед снова наклонился ко второму и тихо спросил:

— Это кто ж там такой вышедши?

— Это? Да это президиум вышедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руку вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причем второй

сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

Мы подробно, словами действующих лиц, охарактеризовали отношение революционных и советских деятелей, а также представителей рабочей среды к общерусскому, общекультурному (литературному) языку. «Наш язык — наше достижение, наша культура» («Мол. Большевик» № 15—16. 1926). Это — основной и жизненный клич. Элементы, без необходимости для разных речевых функций внесенные в общерусский (литературный) язык в последние годы, плохое владение этим языком вызывают резкие протесты со стороны тех деятелей, которые не утратили чутья норм общерусского, литературного языка. Манерные отступления от этих норм или неумелое пользование языком — это то же в культурно-общественной жизни, что̀ *уклоны* в партийной жизни.

2. Канцеляризмы и архаизмы

А

43. Кроме книжных элементов в речи коммунистических и советских деятелей представлено много элементов языка канцелярского с его архаизмами. Обстоятельства внедрения в современную речь этих элементов были такие. 1) Воздействие всевозможных многочисленных канцелярий. В первые годы утверждения советской власти канцеляриям принадлежало огромное значение в деле учета и распределения всех ресурсов страны, в деле регулирования всей деятельности ее обитателей. 2) Влияние многочисленных деятелей прежних канцелярий, занявших руководящие должности в стране. 3) Стремление к выражению эмоционального содержания, некоторой повышенности настроения или к выражению иронии.

Из элементов канцелярского языка отметим следующее.

1) Получило весьма широкое распространение местоимение *коего*, *коему*, *кои*... — «Мы изозлились до неврастении из-за полного безлюдья для организационного комитета, для *коего* нужны подвижные, летающие, свободные и нелегальные люди» (писал Ленин в саратовское бюро «Искры». «Пр.» № 17. 1920). «В настоящее время части ВВС ЛВО стоят перед кропотливым периодом зимней учебы, успешное проведение *коей* требует исключительного напряжения» («Изв.» № 273. 1924). «Субъект, *коему* пришла в голову идея…» (Винокур. Культура языка, с. 110). «Культработа — это

как раз путь “убеждения”, *коим* политпросветы и культотделы и ведают» («Пр.» № 130. 1925). «Объединение военно-научных кружков разрабатывает ряд тем, *кои* будут проработаны в частях» («Изв.» № 273. 1924). «Защита интересов тех слоев в деревне, *кои* являются опорой советской власти» («Изв.» № 90. 1925). «Вот в основном ряд недостатков, *кои* были предметом суждения пленума» («Ниж. Ком.» № 182. 1926). «Задача каждого партийца, каждого общественного работника, к числу *коих* относитесь и вы» («Ниж. Ком.» № 173. 1925). «Последние два месяца, в течение *коих* вопросы режима экономии не сходили со страниц периодической военной печати» («Пр.» № 141. 1926). «Товарищи, *коим* партия поручила ответственное дело» («Пр.» № 288. 1924). «Союз уже выработал образцы, по *коим* должна равняться вся союзная пресса» («М. Лен.» № 100. 1925).

Кои проникает и в речь пригородного населения. — «Капитошка, что в Черкизове шпули матери мотает “для ради куска хлеба, для шамовки”, говорит: “[я] у Тараканових, у *коих* дядя в прошлом году померши, контахт по всей системе проводки сделал”» (К а р п о в. Спец Капитошка).

2) В частом употреблении и *каковой*, *таковой*. — «Я предлагаю поставить вопрос об исключении И-й, *каковая*, баловшись в райкоме, оросила пол» («Пр.» № 108. 1925). «Некоторые губисполкомы не вполне усвоили положение о местных фондах имени В. И. Ленина и допустили от *такового* отступления» («Изв.» № 125. 1925). «Рекомендовать женщинам устраивать литературные вечера для того, чтобы познакомить *таковую* со всеми видами рабства» («Изв.» № 162. 1925). — То же явление представлено и в устной речи.

3) *Сей*. Обычно в сочетаниях *до сего времени*, *по сие время*, *по сей день*, *на сей предмет*. — «*До сего времени, по сие время*» («Бедн.» № 832. 1921). «*До сего времени* на деревне процветают кулачные бои, пьянка…» («Пр.» № 123. 1925). «У нас на фабрике до сего *времени* молодежь посещает общие собрания очень слабо» («Пр.» № 31. 1926).

В других случаях это местоимение употребляется в выражениях иронического значения. — «*Сей струвист*» (Л е н. 1915. Такт., с. 222). «*Сей* доблестный вершитель литературных судеб [ироническое замечание о Воронском]» («На посту» № 2—3, с. 62). «Только что скажут на *сей* проект рабочие массы» («Пр.» № 120. 1925). «*Сей* фактец сообщил нам военкор Хр.» («К. Пр.» № 23. 1925). «*Сие*, может быть, и очень “символично”… но *сие* есть отъявленная реакционная белиберда» («Пр.» № 297. 1924). «А мало ли матросских жизней на совести у *сей* овцы» («Кр. Флот», Б-ка «Крокод.» № 6—7. 1923).

Оттенок эмоциональности представляет сочетание на *сей раз*, *на сей счет*. — «Дипломаты империалистических держав надеются, что китайское движение скоро закончится. Возможно, что *на сей раз* оно прекратится» («Изв.» № 138. 1925). «*На сей раз* “кумушек считать” мы не будем… Мы не обольщаемся *на сей счет*» («Изв.» № 18. 1926).

4) Сочетания с союзом *дабы* стали в большом ходу. — «За практическими задачами ни в какой мере нельзя забывать и общеполитической работы, *дабы* у крестьянина создавалась известная революционная перспектива» («Пр.» № 287. 1924). «К чему сводились за последний год ваши намерения, *дабы* действительно удержать единство в руководящем коллективе?» («Пр.» № 279. 1925). «Сделать эту часть молодежи целиком комсомольской, *дабы* ослабить на нее идеологическое давление со стороны» («Кр. Мол.» № 1. 63). «*Дабы* ясно понять настоящее, пожалуй, будет не вредно заглянуть в недавнее прошлое» («Ниж. Ком.» № 173. 1925). «…*дабы* не шаманились ночами» (П и л ь н я к. Голый год, с. 17).

5) Чрезвычайно редко в речи советских деятелей сочетание с союзами *так как*, *потому что*: вместо этих союзов служит *ибо*. Сочетания с *ибо* употреблялись и раньше, в особенности в речи лиц, вышедших из духовной среды (см., напр., сочинения Г л е б а У с п е н с к о г о), но не так широко. Теперь нет советского деятеля без *ибо*. *Ибо* — один из элементов книжных, церковнославянских. Воздействие канцелярского языка и языка авторитетных деятелей способствовало распространению сочетаний с *ибо*. — «Нам необходимы усиленный контроль и распределение имеющегося хлеба, *ибо* голод погубит и нас и вас» (Л е н. XV, с. 98). «Нельзя натягивать до бесконечности струну, *ибо* она может лопнуть» («Изв.» № 262. 1924). «Социал-демократия может теперь искать себе помощь у Хаармановв, шпиков, убийц, подозрительных сутенеров, *ибо* сама демократия все последние годы “обслуживает” буржуазию с отвратительной угодливостью» («Пр.» № 279. 1924). — *Ибо* и в «Бедноте».

6) Сочетания с формой родит. пад. после *согласно*. Эти сочетания употребляются и в официальных документах. Иногда, почти рядом, находятся сочетания с родит. и сочетания литературного языка с дательным пад. Другого вида сочетание, свойственное литературному языку — *согласно с* + форма творит. пад. (*согласно с указом*... или *согласно указу*…), — совсем не употребляется в языке советских деятелей. Раньше сочетание *согласно* + форма родит. пад. характеризовало канцелярскую речь невысокого ранга канцелярских чинов (напр., военных писарей). — «Согласно заявления» («Пр.» № 296. 1926). «Согласно предложения правительства» («М. Лен.» № 110.

1925). «Согласно постановления Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР» («Пр.» № 32. 1926). «Согласно плану». [Через несколько строчек ниже] «согласно плана» («Пр.» № 11. 1926). «На другой день небритый младший милиционер вывел многострадальное животное за село. Прозвучал одинокий выстрел, а милицейский завхоз списал в расход один патрон, “страченный на сапную лошадь, *согласно ветеринарного врача*”» («Изв.» № 244. 1926).

Параллельно с этим в печати и в речи приходится наблюдать сочетания с род. п. после *благодаря*, *вопреки*. — «В 1919 г. Европа была накануне соввласти, но *благодаря* социал-предательск*их* парт*ий* (вм. литературного *-им партиям*) это не осуществилось» («Ниж. Ком.» № 173. 1925). «Вопреки его *воли*» («Пр.» № 295. 1924).

Форма родит. вм. дат. употребляется также после «*содействие*», «*угода*». — «Комитет *содействия сельского хозяйства*» («Кр. Татар.» № 26. 1925). «В *угоду старых пережитков*» («Изв.» № 128. 1925).

7) Нередко употребляется канцелярское сочетание *имеет быть*. — «На пленуме ВАПП *имеют быть* представители всех провинциальных групп пролетарских писателей» («Окт.» № 1. 1924, с. 205).

8) Воздействие канцелярий и административной централизации отразилось на распространении терминов *согласовать*, *согласование*, *согласовано*. *О согласовании* постоянно идет речь во всех учреждениях. — «Постановление волисполкома, *согласованное* с волмилицией» («Изв.» № 37. 1926). «Бесконечное количество комиссий, отвлекающих людей в рабочее время иногда для вырешения таких вопросов, для которых достаточно телефонного *согласования*» («Пр.» № 89. 1926). «Страховой кассе нужно *согласовывать* свою работу с заводоуправлением и завкомом» («Пр.» № 61. 1926). «Киевское отделение Сахаротреста, напр., без *согласования* с профсоюзом уволило шесть инженеров» («Пр.» № 94. 1926). «Комсомольцы, работающие в сельсоветах, должны каждый вопрос *согласовывать* с уездным комитетом и ячейкой партии» («С. Комс.» № 1. 1925). «Завтра, к утречку составьте предварительные предложеньица о количестве саранчи в 1928 году в средне-черноземной области… Да, с губстатбюро-то не забудьте *согласовать*! Слышите? С губстатбюро *согласуйте*!» («Буз.» № 18. 1926).

Есть и *согласители*, занятые *согласованием* разных планов, распоряжений.

Б

44. В среде русских революционеров, в особенности в студенческой части ее, было немало лиц, прошедших духовную школу. В

своей речи они представляли ряд черт, свойственных языку людей этого круга. Среди этих черт были слова и сочетания старой славянской письменности. После революции 1917 г. количество лиц, вышедших из духовной среды, стало весьма значительным в рядах революционных и советских деятелей на самых различных поприщах, не исключая и антирелигиозной пропаганды. Благодаря воздействию этих лиц проникали в широкие круги советской общественности некоторые черты языка этих деятелей — некоторые слова и сочетания церковнославянского происхождения. Необходимо также отметить, что употребление «славянизмов» связывалось у говорящего с особой значимостью, выразительностью, с той или иной эмоцией. В этом значении церковнославянизмы могли проникнуть в речь отдельных лиц и независимо от непосредственного воздействия представителей духовного сословия. Канцелярии также содействовали распространению некоторых церковнославянских элементов. В результате приходится наблюдать широкое распространение в речи советских деятелей церковнославянских элементов в виде отдельных слов, а также в виде сочетаний и словесных образов и сравнений, связанных с церковнославянской письменностью.

Сугубый, *сугубо*. В речи каждого советского деятеля — *сугубая* осторожность, *сугубое* внимание, *сугубо* важно и т. п. Раньше это прилагательное и наречие любил употреблять В. И. Ленин. — «Энгельс показывает как раз *сугубую* нелепость этого принципа» (Л е н. 1905. Такт., с. 38). «Авторы зашли в дебри *сугубой* путаницы» (Л е н. 1918. Такт., с. 408). «*Сугубо* держать дисциплину» (Л е н. 1922. Такт., с. 521). «*Сугубое* внимание обратить на города мелкие и средние» («Изв.» № 59. 1925). «Надо обратить *сугубое* внимание на промысловую кооперацию» («Изв.» № 99. 1925). «Такое решение приобретает сугубую важность» («Пр.» № 105. 1925). «Здесь требуется *сугубая* осторожность» («Кр. Мол.» № 1, с. 127). «Вопрос *сугубого* проведения режима экономии» («Пр.» № 141. 1926). «Политическая учеба в текущем периоде приобретает *особо-сугубое* значение» («Изв.» № 44. 1925). «Свидание было *сугубо* секретным» («Пр.» № 242. 1925). «*Сугубо* важный вопрос» («К. Пр.» № 140. 1925). «*Сугубо* партийный журнал “Под знаменем марксизма”» («На посту» № 4. 25). «Тов. Ленин на XI съезде партии *сугубо* подчеркивал…» («Кр. Мол.» № 3, с. 12). «Освежение и упрощение методов массового политвоспитания *сугубо* подчеркивается…» («Изв.» № 111. 1926). «Успокоившаяся было аудитория сразу насторожилась от его полемически *сугубо* задорного тона» («Пр.» № 293. 1925). «Мера вещей *сугубо* необходима и в данный момент» («Пр.» № 89. 1926). «Автор

сугубо архиосторожен в своих определениях» («Журн.» № 3. 1925, с. 72).

Некий вытесняет собою некоторый. — «До места настоящего возвращения остался еще *некий* путь» («Изв.» № 279. 1925). «В деревне произошел за последнее время *некий* сдвиг в пользу кулака» («Изв.» № 141. 1925). «Он употребляет *некое* насилие над ними» («Изв.» № 261. 1925). «Штампованность эта, шаблон… потенциально скрывает в себе все же *некую* культурную опасность» (Винокур. Культура языка, с. 113). «Сошлись на *некоем* условии; проделана *некая* работа» (из речей членов месткома Ассоциации исследовательских институтов).

Иже с ним. — «Г-н Кулишер и *иже с ним*» («Пр.» № 183. 1925). «При отказе Цингиссер и *иже с ним* подняли такой тарарам» («Пр.» № 79. 1925). «Вронский и *иже с ним*» («На посту» № 2—3, с. 18).

Иже с ним (*с ним!*) воспринимается некоторыми как неизменяемое сочетание, которое можно употребить и в таких случаях: «Маевские [!] и *иже с ним* [!] вот два года кричат со всех крыш» (Каменев, 1913. Маркс., с. 91).

Имярек. — «Троцкого или какого-нибудь другого (“нефракционного” *имярека*) пригласят…» (Маркс., с. 191). «Но только я, *имярек*, не ультра-левый» («Пр.» № 67. 1926). — Это слово внесено в словарь политических терминов и иностранных слов.

Гордыня. — «Вы помните, как ваши комсомольцы возгорелись *гордыней*» («Пр.» № 294. 1925).

Стезя коммунизма. — «Не забудем, что из числа правых некоторые сумели сознать свои ошибки и искренно вернуться на *стезю* коммунизма» («Пр.» № 67. 1926).

Шуйца, *десница.* — «Партийный Пришибеев с билетом в *шуйце* и дубиной в *деснице*» («Пр.» № 136. 1925).

Грядет. — «Поднимается красная заря, грядет пролетарская революция» (Лен. 1906. Такт., с. 166). «Мировая революция *грядет*» (3 раза в одной речи; «Пр.» № 100. 1926).

Зиждется. — «И *зиждется* последний завет Воровского» («Пр.» № 105. 1925).

Уготовить. — «Иностранная буржуазия, очевидно, намерена извлечь из-за пазухи камень, который она *уготовила* против СССР» («Пр.» № 119. 1926).

Узреть. — «Высунув нос из-за угла, он *узрел* Когана» («П. Пр.» № 9. 1925).

Воздать. — *Воздай* ему — «дай ему» = «поколоти его» (из языка школьников). «*Воздам* сегодня ее Женьке! — решил возмущенный Сашка» (Карпов. Грызики-хозяйчики).

Приемлет, *приемля*. — «Кто не готовится к этому нападению, кто не проповедует его, — тот всуе *приемлет* имя сторонника революции» (Л е н. 1905. Такт., с. 82). «Всуе *приемля* имя Маркса, они на деле составляют тактические резолюции совершенно в духе франкфуртских буржуазных говорунов» (Л е н. 1905. Такт., с. 103). «*Приемля* руководительство капиталистов, он [сознательный рабочий] знает, что стремится научиться практике организации» (Л е н. XV, с. 240).

Всуе. [См. вышеприведенные примеры из соч. Ленина.] «Клянутся впустую и *всуе* употребляют большие слова» (Б у х а р. «Пр.» № 17. 1926). «“Ленинградская Правда” имеет полное право перед съездом на основании письма пленума ЦК партии высказаться по основным вопросам, которые поставлены в порядке дня. Иначе *всуе* было бы об этом и говорить» («Пр.» № 279. 1925).

Вотще. — «И все это — *вотще*!» («Изв.» № 261. 1925).

Вкупе, *вкупе и влюбе*. — «Пусть [фабрикант] не забывает о каре народной, которая обрушится на него *вкупе* с царем и его правительством» («Проклам.», с. 193). «Выражение сочувствия петербургским рабочим, сотнями отправляемым буржуями *вкупе* с правительством» («Проклам.», 220). «Предвик Бирюков, *вкупе* с финагентом и милиционером, пьянствует» («Пр.» № 87. 1925). «Советский бухгалтер во много раз значительнее, выше и умнее всех деятелей международной буржуазии, взятых *вкупе*» («К. Пр.» № 6. 1925). «Палач китайского парода, маршал Чжан-Цзо-лин, *вкупе и влюбе* с русскими белогвардейцами» («Пр.» № 19. 1926). «Администрация лукояновского кинотеатра *вкупе* с губагентством “Совкино” решила испытать прочность нервов нашей публики» («Ниж. Ком.» № 154. 1926).

Тем паче. — «*Тем паче*, что, ведь, преобразовываться-то нечему» (Маркс., 1911, с. 25). «К сожалению, ни уземотделы, ни, *тем паче*, заведующие хозяйствами» («Бедн.» № 833. 1921). «Это хорошо было бы, *тем паче*, что тов. Залуцкий говорит…» («Пр.» № 294. 1925).

Доколе. — «Это ли не издевательство над революционными чувствами мужика! И *доколе* это будет?!» («Пр.» № 6. 1925). «*Доколе?!*» (заглавие, — «Изв.» № 7. 1926).

Паки и паки. — «Господа Струве, признавая революцию, тут же высовывают *паки и паки* свои ослиные уши» (Л е н. 1905. Такт., с. 27). «*Паки и паки* не сомневаемся» («На посту» № 2—3, 24).

Якобы вм. б у д т о б ы. Сочетания с б у д т о б ы встречаются теперь чрезвычайно редко. Сочетания с я к о б ы весьма часто встречаются в языке В. И. Л е н и н а. — «О том, как “освобожденцы” прикрывают *якобы* демократическими фразами свою половинчатую политику» (Л е н. 1905. Такт., с. 45). «Ученые или *якобы*-ученые люди

кивали головою» (Л е н. XV, с. 84). «*Якобы* “экономические” доводы… сводятся к тому же безысходному пессимизму» (Л е н. XV, с. 114). «Не отмахиваемся от этого *якобы* новыми фразами» (Л е н. XV, с. 321). «Оно ухватилось за ничтожную причину, чтобы вызвать *якобы* “неотвратимую” европейскую войну» («Проклам.» 84). «И творит она это бесчинство *якобы* во имя единения всех» («Проклам.» 111). «Полным извращением правды является утверждение буржуазной прессы о том, что эта война ведется *якобы* во имя высших интересов культуры и прогресса» («Проклам.» 217). «Марксисты должны были уделять, уделяли и уделяют должное внимание и *якобы* “серой” и “будничной” (на взгляд фразеров) борьбе за “копейку на рубль”» (З и н. 1911. Маркс., с. 84). «Критика губисполкомов, *якобы* препятствующих развитию местной промышленности» («Пр.» № 11. 1926). «В Киото (Япония) арестовано свыше 30 студентов юридического факультета университета, *якобы* за их участие в социалистическом движении» («К. Пр.» № 162. 1925). «Обсудив выпад тов. Зиновьева в его заключительном слове против тов. Угланова, что *якобы* нападки на ленинградскую организацию усилились…» («Пр.» № 296. 1925). «Позиция т. Сокольникова, этого присяжного *будто бы* защитника бедноты» (С т а л и н. «Пр.» 296. 1925).

Ибо. Об этом говорилось в отделе о канцелярских элементах.

Во главу угла — в частом употреблении. — «Съезд поручает ЦК: а) *во главу угла* поставить задачу всемерного обеспечения социалистических хозяйственных форм» («Пр.» № 295. 1925). «В резолюции по отчету ЦК *во главу угла* положен “курс на развитие и победу международной пролетарской революции”» («Пр.» № 11. 1926).

Все и вся (*все-и-вся* — местоим. единств. ч.). Это сочетание стало очень употребительным. — «*Все и вся* склонно было пойти на удочку» (Л е н. 1907. Такт., с. 189). «Милюков призывает *всех и вся* обратить особое внимание» («Изв.» № 225. 1925). «Передовая весьма красочно обрисовывает перед читателями многочисленные задачи журнала, призванного, очевидно, осветить “*все и вся*”» («К. Пр.» № 23. 1925). «*Все и вся* вне конкуренции» («С. Комс.» № 1. 1925). «*Все и вся* мы были вынуждены бросать на фронт, дабы защитить завоевания Октября» («Ниж. Ком.» № 173. 1925). «Суммировать *все и вся*» («Ниж. Ком.»). «*Все и вся* сливается в единое целое» («Ниж. Ком.»). [— три последних примера из одной речи Финковского на учительских губкурсах в Новгороде]. «Нет, Роза, “Синяя Блуза” не сможет представить *все и вся*» (из разговора). «Значит, ты сегодня будешь на собрании крыть *всех и вся*» (из разговора). «Они на *все и на вся* готовы, лишь подмигни» («Смех.» № 34. 1926).

45. Образы, сравнения, словесные выражения церковно-книжного происхождения. — *Евангелие коммунизма*, *апостол коммунизма*, *социализма*. «Запевалой в этой грязной подготовке выступает теперь… Карл Каутский, который диалектически превратился из сносного *апостола социализма* в положительно несносного *апостола контрреволюции*» («Пр.» № 145. 1925). Несколько других примеров. — «Социалистические резонеры с *каиновой* печатью на челе» («Пр.» № 100. 1926). «Никакие угрозы и *скрежет зубовный* против Югославии Цанкову и его шайке не помогут» («Изв.» № 116. 1925). «Стиннесовская газета становится в позу пророка Исаии и кричит: *беда*, *беда тебе*, *Иерусалим!*» (Р а д е к. «Пр.» № 293. 1924). «*Довлеет дневи злоба его*» («Пр.» № 19. 1925). «*Врачу, исцелися сам*» («Изв.» № 288. 1924). «Социалистические фарисеи, "*воздев очи горе*", произносят молитвенно: "*ныне отпущаеши*", ибо сбылась, "наконец", мечта "международного социализма"» («Изв.» № 279. 1925). «Когда наступит переломный момент, когда мы сможем сказать "*ныне отпущаеши*"» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 119. 1926). «*Иудушка* Каутский» (Л е н. XV, с. 488). «Вот нагляднейшее доказательство того, как "левые" попали в ловушку, поддались на провокацию Исувов и других *иуд* капитализма» (Л е н. XV, с. 275). «*Иуда* Меньшиков» (З и н о в ь е в. 1913. Маркс., с. 117). «Если какой-нибудь крестьянин обратится к партийцу за советом или справкой, то вместо того, чтобы растолковать или разрешить вопрос на месте, его посылают *от Понтия к Пилату*: в сельсовет, оттуда — в райвик, а из райвика обратно в сельсовет» («Пр.» № 293. 1924). (Ср. и немецкое соответствие: er ging von Pontius zu Pilatus.) «Но им не удастся долго щеголять в роли *Понтия Пилата, умывающего руки*» (С т е к л о в. «Изв.» № 38. 1925). «А вся разношерстная компания капиталистических газетчиков, депутатских пройдох, квалифицированной лакейской братии, матовых социалистов и просто патриотических горлодеров улюлюкает в тон крупным биржевым пиратам и кричит на французскую компартию: *распни* ее! *распни* ее!» («Пр.» № 130. 1925). «Буржуазия и вожди социалистов-меньшевиков в один голос кричат против коммунистов: "*Распни* их"» («Пр.» № 145. 1925). «Скорее всего они *умоют руки* и станут в сторонке» («Пр.» № 272. 1925). «Либкнехт был арестован, избит, замучен. На *голгофе* пролетарской революции буржуазия *распяла* еще одного *мученика*-революционера!» (Воззвание к раб.-крест. молодежи Татреспублики. 1921). «*Голгофа* ребенка. Беспризорность и дети улицы» (заглавие брошюры Л. В а с и л е в с к о г о. Л., 1924). «Социалисты типа де-Брукера, как и социалисты типа Отто Бауэра, мазаны одним и тем же антибольшеви-

стским *миром*» («Изв.» № 209. 1925). «Имя мое — *легион.* Имя мое — комсомолец» (Жаров).

3. Вульгаризмы. «Блатная музыка». Стремление к «опрощению» языка. «Заезжательство»

46. Российские революционеры, как в свое время и французские, не стесняются употреблять в своей речи слова и выражения, считавшиеся фамильярными и грубыми. В устной и письменной речи последних лет в изобилии встречаются такие особенности. Эта манера находит себе широкое распространение в советской общественности, в особенности в молодом поколении. Обстоятельства и условия возникновения этой манеры, полагаем, были следующие. В революционных кружках прежнего времени действовало значительное количество студенческой молодежи, среди которой распространены бывают некоторые черты независимости от общих норм и форм бытового уклада и общепринятого этикета. (Так бывает в студенческой среде и других стран.) Бытовому буршеству соответствовали и языковые явления: некоторая грубоватость и откровенный реализм значения слов и словесных сочетаний. Эта бытовая и языковая манера еще значительнее отражается в революционной среде. Протест против условности бытовых приличий и соответствующие языковые переживания вели к упрощению языковых передач, к более реальным по значению терминам, к более откровенной, непосредственной передаче настроения, без стеснения в выражениях, — если нужно было выразить гнев или презрение по отношению к противнику или раздражение *уклонами* своих товарищей. Самый характер некоторых авторитетных представителей коммунистической партии утверждает грубоватость языковой манеры. «Когда тов. Молотов прислал мне эту статью … я ответил грубой и резкой критикой. Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю», — говорил И. В. Сталин на XIV партийном съезде («Пр.» № 296. 1925).

Вращаясь в среде широких масс населения, революционеры употребляют крепкие словечки и выразительные сочетания языка деревни, фабрики, низших слоев населения города.

Склонность коммунистических деятелей к крепким словам и выражениям получила у их противников название «заезжательства». Представители коммунистов согласны с этим определением. Показательна в этом отношении статья Б. В о л и н а: «Большевики-заезжатели» («На посту» № 4). Тут же дано несколько образцов этого

словесного заезжательства со стороны видных большевиков. «Приведенные цитаты доказывают достаточно убедительно, что резкость тона вполне была всегда характерной особенностью большевиков» (с. 27).

Вот пример — стихотворение [!], которое хорошо отражает форму речи молодого поколения.

К о м с о м о л ь с к а я л ю б о в ь

Небес бездонных вышина
Полна торжественного смысла.
В морозном воздухе повисла
Серпом серебряным луна.
[По бульвару идет комсомолец с комсомолкой].
К нему прижавшись на ходу
И руку сжав ему до боли,
Она сказала: «Толя, Толя!
Смотри-ка, видишь вон звезду?
Да ты совсем и не глядишь…
Довольно, Т о л ь к а, не морочь!
Ну, право, как тебе не стыдно:
Молчит и дуется… Обидно…
Ну, брось! Взгляни — какая ночь!..»
— Ни звездной ночью, ни луной
Уж я не в силах любоваться…
Представь, не подписался я
На комсомольскую газету…
Ведь послезавтра новый год,
А я без гроша… Вот в чем дело…
И так мне все о с т о ч е р т е л о!..
— Да ты и вправду — и д и о т!
Давно бы так и говорил…
Совсем с у м а т ы с п я т и л, Т о л ь к а…
Ты подписаться-то насколько,
Б е з м о з г л ы й д у р а л е й, решил?
— Да ну… хотя бы на полгода…
— Рубль двадцать, значит… вот — б а л д а!
Видал ли кто-нибудь когда
Такого глупого у р о д а.
Ведь у меня же деньги есть…
Возьми… отдашь потом, и только…
Да не к а р я ч ь с я, полно, Т о л ь к а!..
Оставь г л у п е й ш у ю спесь.
И знаешь что: ч е г о у ж т а м!
Давай-ка выпишем вскладчину!

Согласен? То-то, д у р а ч и н а…
Ну значит, — б а с т а! По рукам?
— Послушай, А н ь к а! Ч о р т в о з ь м и!
Ну, что же ты за молодчина!
Конечно выпишем вскладчину.
Ты — гений. А н ь к а! Ты пойми!..
Бегу я завтра же на почту
И посылаю перевод…
(«С. Комс.» № 27. 1926).

Описание комсомольского собрания. «Есть у нас такой секретарь нашей организации Свистякин. Прическа у него буйная, а кепка кожаная и всегда она у него на затылке торчит… Свистякин чуждые элементы в составе какой-то девчонки в союз протаскивает. Вот попробуйте *голоснуть* против или высказаться — попробуйте: так *покроет*, что своих не узнате. — Вы, — кричит, — *бузу* разводить! *Склоки* подымать!.. и как пойдет *чесать*: — *Шпана*, *трепачи*, *бузотеры*, *на легком катере*... — Два часа мог так *крыть* и без единой передышки, все равно как машина… («К. Пр.» № 41. 1926). Характерен еще в этом отношении рассказ М. К о л о с о в а «Буза».

47. Слова языка деревни, фабрики, низших городских слоев — слова, вошедшие в состав речи партийной и вообще советской среды. — Парень (вм. прежнего «молодой человек»), ребята (вм. прежнего «молодые люди», «ребята»), девчата, выжига, богатей, буржуй, латрыга, Питер, склока, склочник, бузá, бузотёр, бузу тереть, — затирать, сволочь, трепач, потребилка или потребиловка, нехватка, пьянка, пивнушка, балешник (бал), танцулька (танцы), лодырничанье, учеба, лимон (миллион — «дензнак»), червяк (червонец), хабар (взятка), хабарник (взяточник), афёра (афера), похабный, питерский, зряшный, бузить, бузовать, брякнуть, ляпнуть (оба эти глагола в значении — «сказать что-нибудь неуместное, необдуманное»), хаить, выпирать (= выгонять, выступать), подстегнуть (= дать побудительные толчки), сдюжить, смазать, просадить, объегорить (= обмануть), жульничать, съездить в ухо, околеть, хорохориться, катиться (= уходить), одергивать кого-нибудь, растранжиривать (= растрачивать), разбазаривать (= распродавать, растрачивать на пустяки), глотничать (кричать в собрании), наплевать (не обращать внимания), лодырничать, гнать деньги, деньгу, гнать монету, зря, пешедралом, ничего (= терпимо).

Все эти слова употребительны и в устной и в письменной речи. Ограничимся немногими примерами. — «До тех пор, пока *ребята* не осознают своих ошибок, не переменят своего отношения к *девча-*

там — мы ничего не добьемся и не вовлечем *девчат* в наши ряды» («Унив. Пр.» № 1. 1925). «Часть *девчат* [в одной студенческой коммуне] стала относиться к одному *парню* более внимательно, чем к другим… Часть *ребят* вышла из состава коммуны» («Кр. Мол.» № 3. 118). «*Ребята*, присылайте очерки, воспоминания, рассказы, стихи ко 2-й годовщине смерти В. И. Ленина» («П. Пр.» № 30. 1925). «Выписали журнал “Лапоть” беспартийные *ребята*... Дело, *ребята*!» («С. Комс.» № 23. 1925). «Стыдно не выписывать своей родной газеты. Подтянитесь, *ребята*!» («С. Комс.» № 23. 1925). «*Ребята*, китайские студенты в Китае, живут, сильно сжимаясь» («Кр. Мол.» № 1. 1925). «*Деляка* и *выжига* использует рабочих» (Л е н. XV, с. 238). «*Нехватка* руководящего состава» («С. Комс.» № 1. 1926). «Призывник, выскочивший из *потребилки*» («Изв.» № 24. 1925). «Открыть в деревне *потребиловку*» («Пр.» № 265. 1925). «Выгода *богатеям* большая от такого землепользования» («Пр.» № 66. 1926). «Отвлек рабочих от *пивнушки*» («Пр.» № 66. 1926). «Туда ездят на *пьянку*» («Изв.» № 132. 1925). «*Пьянку* разводить» (Ф и л и п п о в. У станка. «Окт.» № 2). «Каждый день открывая газету, / Читаешь про фабрику ту или *эту*: / — На “Заре Социализма” — *гулянка*. / На “Красном Перекопе” — *пьянка* /» (Дем. Б е д н ы й. «Пр.» № 83. 1926). «Нужно повести самую серьезную борьбу с *пьянкой* среди детей» («К. Пр.» № 95. 1926). «Это они, *сволочи*, прожрали 95 руб.» («Кр. Нива» № 4. 1906). (В газетах нередко говорится о «белогвардейской *сволочи*».) «Потом я в Малаховскую пионер-коммуну попал, / Что же там я услыхал? / Ребята там / *Сволочью* ругаются по всяким пустякам» («Пр.» № 10. 1925). «— *Сволочь!*.. Узнаешь, как щурить / Глаз на *девчат* чужих» (Г в о з д е в. Боевые отрывки. «Окт.» № 2. 1924). «Лекция, потом — *балешник*, как полагается, а после — кино» («К. Пр.» № 68. 1926). «Можно привести немало примеров, когда в “клубах им. Ленина” царствует *танцулька*» («Пр.» № 117. 1925). «Своих дожидаюсь с *танцульки*! — зазвенел голосок» («С. Комс.» № 22. 1926). «*Латрыга*» (Н и к и ф о р о в. Две смены. «Окт.» № 2). «Революция показала Бабелю свою “*заднюю*”» («Пр.» № 145. 1920). «Все там *склока*» (Л е н. 1912. Маркс. и ликв., с. 47). «*Склоки*, ругань, грызня, скандал сопутствует ее [ВАПП] деятельность» («Пр.» № 136. 1925). «Опровержение, которое превращает его из честного борца в жалкого *склочника* и клеветника» («Пр.» № 31. 1926). «Да он, Валандин-то, не то, что шкурник, — *склочник* он!» («Пр.» № 79. 1925). «Рабочие у завода толкуют о том, что в партии опять *буза*» («Пр.» № 297. 1925). «Никаких слухов, никакой *бузы*» («Смена». № 6. 1924). «Только сидели — да *бузу бузили*» («Унив. Пр.» № 1.

1925). «— Приедем, дома *бузу затрем*, право. *Даешь*, мол, хорошие столовые, — говорила работница» [из Костромы], прощаясь с ивановцами («Пр.» № 142. 1925). «Мне кажется, в это дело надо внести ясность, иначе очень многим будет не особенно интересно получить незаслуженную кличку “*бузотер*”, а еще хуже “*склочника*” и совсем неинтересно попасть под “организационный вывод”» («Раб. Москва». № 113. 1926). «Друз — в ячейке первый *бузотер*» (К о л о с о в. Буза). «Она [ячейка] не потерпит *бузы* и *трепачей*» (К о л о с о в. Буза). «Этот в шумном вертепе “Бавария” ставит боком последний *лимон*» («Пятачок погубил». Б-ка «Крокод.», 1923). «За тридцать *червяков*, говорит, могу вас, *братишка*, устроить в ванной комнате» (З о щ е н к о. Кризис). «Работа и *учеба* студенческих организаций» («Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 110). «Повышение качества *учебы* студенчества» («Пр.» № 18. 1926). «Ребята в *хай*» (поднимают крик; «Смена» № 4. 1924). «О *хабарнике* Николаеве не раз писалось в губернской газете» («Пр.» № 6. 1925).

«Подписывали *похабные* и *похабнейшие* мирные договоры» (Л е н. XV, с. 114). «*Зряшная* суетливость» (Л е н. XV, с. 213). «Какая организация лучше: *питерская* или московская» («Изв.» № 285. 1925).

«Тов. Залуцкий так и *брякнул*» («Пр.» № 293). «Кто-нибудь из молодых или чересчур горячих товарищей что-нибудь *ляпнет*» («Изв.» № 285. 1925). «По всякому поводу и без всякого повода *охаивать* советского служащего» («Изв.» № 100. 1925). «*Выпереть* из армии» («Пр.» № 144. 1926). «В докладе не *перло* крестьянским, мужицким духом» («Изв.» № 56. 1925). «Эта идея сама собою *выпирает*» (доклады в Наркомпросе). «*Подстегнуть* весь союз в проведении решений партийного и комсомольского съездов» («К. Пр.» № 140. 1920). «Надо, значит, не *сдюжать* и на деревянной палке» («Пр.» № 100. 1926). «А как же с заявлением тов. Наумова в бюро губкома, что ЦК кулацкий уклон *смазал*» («Пр.» № 295. 1925). «Представительство *просадило* безвозвратно на подрядчиков 200 000 руб.» («Изв.» № 105. 1926). «Не дали себя *объегорить*» («Пр.» № 89. 1926). «Я говорю: вы слегка *жульничаете*» (Б у х а р., «Пр.» № 2. 1926). «Секретарь путянской ячейки РЛКСМ заспорил о чем-то с одним из знакомых и, очевидно, для “доказательности” *съездил* ему в ухо» («С. Комс.» № 26. 1925). «А без железных дорог не только социализма не будет, а просто *околеют* все с голоду, как собаки» (Л е н. XV, с. 247). «Ни *хорохориться*, ни впадать в отчаяние» (Л е н. XV, с. 166). «Не *хорохориться* зря» (Л е н. XV, с. 144). «Вик *разбазаривал* волостное имущество» («Изв.» № 37. 1926). «Московский уисполком денег не *разбазаривает*, ведет им точный учет, и если

кто желает этого *разбазаривания*, то не исполком, а сам т. Карпухин» («Пр.» 1926). «Меня удивляет, зачем допустили товарищи ленинградцы *растранжиривание* своего славного и заслуженного авторитета. Недопустимо растранжиривать ваш авторитет так, как *растранжиривают* его ваши отдельные товарищи» («Пр.» № 294. 1925). «Я начал *глотничать* по-комсомольски» (К о л о с о в. Креп. «Окт.» № 1. 1924). «Редко-редко можно начать вовремя собрание, потому что "привыкли" приходить не вовремя. "*Наплевать* — успеем". Многие вовсе не приходят: "*Наплевать*, без нас обойдется"» («К. Пр.» № 162. 1926). «Дайте *вкатиться*-то!» (войти) («К. Пр.» № 68. 1926). «Ну и *катись*» (уходи, убирайся) (Ф и л и п п о в. У станка. «Окт.» № 2). «Ты домой *катишься?*» — спрашивает один парень другого (разговор). «*Катись колбасой!* — Хозяйничай экономно, не *лодырничай*, не воруй» (Л е н. XV, с. 197). «Все, не занятые общественно-полезным трудом, *лодырничающие* или спекулирующие ставятся на работу» («Бедн.» № 832. 1921). «Имеется много фактов, когда комсомольцы *лодырничают*» («К. Пр.» № 23. 1925). «В Европе *гонят* деньги на кон. И белые берут не *зря*» («Кр. Флот», Б-ка «Крокод.» № 6—7. 1923). «Трясущимися руками *погнал* Перегрузкин 120 руб.» («Смех.» № 24. 1926). *Гони*, *гони деньгу* (разговор).

«Первую неделю после получки живут *ничего*, а потом кладут зубы на полку» («К. Пр.» № 1. 1925). «В начале будто и *ничего*, устав выполнял, потом забузил, закуралесил, ну и…» («К. Пр.» № 4. 1925). «В Офелии пробовалась Черная Зоя — и Никпетож сказал, что *ничего*» (О г н е в. Дневник К. Рябцева. «Кр. Новь», X. 1926). «Итти *пешедралом* за десятки верст» («Изв.» № 91. 1925).

Весьма широко распространено во всех слоях общества «*пока*» в значении «до свидания» (вм. «пока до свидания»). — Ну, *пока,* Саня! Звони! Ну, ладно, в общем *пока*! (Из разговоров в городе). «Марья встала. — Ну, *покедова*! В обед заходи!» («Пр.» № 140. 1925. Из рабочей среды).

48. В особенности сильно распространилась циничная ругань, так называемый *мат* и другие *выражения.* Вот комната *рабфаковцев.* «Весь день в комнате шум, разговоры, ругань, балалайка. — *Мать-перемать* твою душу, веру, тах-тарарах…» («Кр. Мол.» № 1. 133). «У нас с тобой, можно сказать, по-шутейному и вышло-то все. Можно сказать, по-товарищески. Ты — меня *матом*, я — тебя» (В о л ь н о в. Плановая работа. «Кр. Нива» № 4. 1926). «Чудак!.. Напишет!! Не ругнись!!! / Да коли… *мат* дают в догонку, / Насквозь пронижут селезенку! / Попробуй тут не *матюгнись*» («С. Комс.» № 1. 1925). «Долю злую *материт*» (Б е з ы м е н с к и й. Война этажей. «Окт.»

№ 2). «Молчать! Мать, мать, мать!.. загремела “власть”» («Пр.» № 297. 1924). «Докторша больная, ямщик *материт*, ой, кругом плохо» («Пр.» № 13. 1926). «Ну и *мать же твою так*, будешь здесь *шанить*. *Распромать* твою в кровь, веру, в печенку и т. д. — дисциплины не знаешь, *хер моржовый*, — а еще марксомолец… Я те покажу *хурдачить*. Я говорю: “Ни *хера* подобного”» (К о л о с о в. Креп. «Окт.» № 1. 1924). «Да ладно, *хер моржовый*, я к тебе, чорту, с добром» (Н и к и ф о р о в. Две смены. «Окт.» № 2). «Конечно, им что — *кляп с ним*, если своя душа недорога» (К о р о б о в. Террор и Революция. «Окт.» № 1). «Он говорит: *мудистику* не разводи» (К о л о с о в. Буза).

Раздаются голоса осуждения против общей бытовой распущенности. Такова, напр., статья Е. Ярославского в «К. Пр.» № 162. 1925: «другое, на что надо обратить внимание, это на некоторый цинизм, распущенность в языке… Мы должны решительно бороться против того, что среди нашей молодежи некоммунистичным, некомсомольским объявляется отвращение к циничным выражениям, к распущенности в языке, к похабщине».

49. За последние годы получили широкое распространение слова из «жаргона преступников». Эти слова переняты были сперва лицами низших, а затем средних слоев городского населения и лицами фабрично-заводской среды. С улицы эти слова проникли в *пивнушку*, в *кинушку*, в семью рабочего, в *клуб*, на *собрание*, в школу. В беллетристических произведениях, касающихся быта рабочих и низших городских классов, а также в газетные статьях на те же темы представлены в изобилии эти слова преимущественно в речи действующих лиц. Вот несколько примеров.

1) Из сборничка М. К о л о с о в а: «Комсомольские рассказы». — Спи вот лучше, нечего *арапа заливать* («Тринадцать»). Думаешь, наш брат необтесанный — *вола вертеть* с ним можно («Стенгаз»). Так и хорошую *затырить* можно («Буза»). *Закройсь* [замолчи], товарищ Шилов («Буза»). Курс, взятый на Федичкина, оказался *липовым* («Буза»). Не *мазирует* [не ухаживает] за девчатами. А про *мазы* твое дело? («Буза»). Будет вам, ребята, *спудились* [сцепились в ругани], как на базаре («Буза»). *Шалай* [иди] сюда («Буза»). У ворот домишек собиралась *шаломыжить* («Тринадцать»). *Шаманаемся* [бродим] это мы с Танечкой по Савинке («Стенгаз»).

2) Из сборничка Н. К а р п о в а: «Грызики-хозяйчики». — *Баки* мне не заколачивай [не отвлекай мое внимание] («По рабкредиту»). Хозяйке *не бухти* [не болтай], что тебе калитку отпер («Страшная месть»). Успеешь *увинтить* [убежать] («Ковбой Барабанов»). Чтоб беспременно домой и никаких *гаек* («По рабкредиту»). Подсел ко

мне и все по сторонам *зекает* [смотрит] («Шишка»). *Зекайте* — идет! («Ковбой Барабанов»). Слыхал я, *огольцы* [мальчишки] калякали («Спец Капитошка»). Хотите сделаться ковбоями? — А каким это *пером*? («Ковбой Барабанов»). На *фиг* [пустяки!] мне эти новые порядки! («Грызик»). Насчет выпивки совсем *фигово*: сразу вставят *перо* («Шишка»). Да мы же, дяденька, — смущенно забормотали мастерицы, — *пошамать* (поесть) захотели («Грызик»). Шпули мотаю для ради куска хлеба, для *шамовки* («Спец Капитошка»). — Пару! — вдохновенно кричит он бойкому *шестерке* [половому], пятнадцатилетнему Тимошке («Калиф на час»). Я в моей тужурке на какого-то *шпингалета* [мальчишку] похож («Шишка»). У нас, ведь, ни *шпаллеров* [револьверов], ни лошадей («Ковбой Барабанов»).

3) Из рассказа Никифорова: «Две смены» («Окт.» № 2. 1924). — Ты мне, Андрей Фомич, *вальта не заправляй*, а объясни. *Засыпался* [попался] Гришка и Нинка тоже: какого-то гостя, нэпмана, очистила. Не накроет, я *зорю* [смотрю]. Вот, *лярва* [проститутка], прилипла. А там уж твое дело, *стремь* [смотри]. Атанде-с, а *перо* [нож] видал? Федор в *пузырь лез* [из себя вон выходил]: — Да я если… *Фартонуло* Федьке [удача выпала Федьке]. Гришка такой *ферт* стал. Что я, *фраер* по-твоему? Это тебе не *шмара* [развратная женщина] какая-нибудь.

4) Из рассказа М. Колосова: «Креп» («Окт.» № 1. 1924). Действующие лица — «военморы» (матросы). — *Бамбер* (часы), *Дзэт* [берегись]. Павлик. *Канай* [уходи], а то расшибу, сука шпареная, *халамидер* жеваный. Хочется *кимарить* [спать]. Ты есть шкурная *хамила* в комсомоле и, видно, *взошел на арапа*. *Хурдачить*. *Шанить*.

Очень много слов воровского жаргона в речи ребят, торгующих на улицах, находится в главах XV и XVII книги С. Григорьева «С мешком за смертью» (1924).

50. Много слов и сочетаний этого жаргона нашли себе широкое распространение в России, — не только к городской фабрично-заводской среде, но кое-что попало и в деревню. Из наиболее распространенных воровских слов и сочетаний отметим следующие.

Арапа заправлять (обманывать, дурачить): ну, брось *арапа заправлять*; мы не *арапа заправляем* — это факт.

Волá крутить или *вертеть*: *будет волá крутить*!

Винта дать (убежать).

Забуреть (возгордиться).

Засыпаться (попасться). — «Засыпался Хрящ» («К. Пр.» № 4. 1925). «От нашего зава подписку о невыезде взяли. — *Засыпался*?» («Смех.» № 34. 1926).

Затыриться (скрыться).

Зекс (*зэкс*) (тише! предостережение об опасности).

На-зэкс (хорошо): моя теща *на-зэкс* (из студенческих разговоров).

Крыть (возражать, бить). — «*Кроют* самыми последними словами» («Пр.» № 144. 1926). «Докладчика *крыли* по всем вопросам» («Пр.» № 272. 1925). Он решил *крыть всех и вся* (студент). «Хочешь, например, одного по харе смазать — троих *кроешь*» (З о щ е н к о. Нервные люди).

Клеить (врать). — «Ну, *клеишь*» («Пр.» № 68. 1926).

Липовый (фальшивый). — «Похождения *липового* рабкора» (рабочего корреспондента) («Пр.» № 81. 1926). «Положение *липовое*» («Унив. Пр.» № 1. 1925).

Маруха (возлюбленная). В деревнях Самарской губ. парень и девушка *марушатся* (любят друг друга); там любимая девушка для парня — *маруха*, а он для нее — *марушонок.*

Мильтон (милиционер).

Обмишуриться (сделать не так, попасться). — «Полный жертвенного усердия, он [совдурак], при самом искреннем желании помочь делу, всегда переборщит и *обмишурится*» («К. Пр.» № 111. 1926).

Оптик (ловкий человек). — «*Оптик* один полупочтенный из налетчиков» (З о щ е н к о. Вор). «А. М. — такой *оптик*»,— лестно отзывался об одном «просвещенце» мой знакомый в Ярославле.

Перо (нож).

Просыпался (попался, не выдержал экзамена).

В пузырёк загнать (довести до неистовства).

Самотёком (самовольно). Мы получили это *самотеком.*

Слабит (трусит, нехватает), *слабо́* (наречие). — В этом месте у нас *слабит*. Надо это сказать прямо и принять все меры к тому, чтобы устранить пробел («К. Пр.» № 204. 1926).

Стрелять: *стреляю* за молоком (ищу молока).

Трепач (лгун), *трепаться* (врать). — «А может ваш скрипач *филонит*, виноват, *треплется*, а?» («Смех.» № 24. 1926).

Увинтить (убежать). — «Подпилили ночью решетку и *увинтили*» («С. Комс.» № 9. 1926).

Фик, пошел на фик (убирайся!). — Это что такое? — А *фик* его знает. — *Фик-та* (пустяки!).

Финка, фомка [ломик для взламывания запоров]. — «И на маленьком экране отразился хулиган: *финка* с *фомкою* в кармане» («Смех.» № 25. 1926).

Ша (знак осторожности; кончено!). — Коля, — овраг, *ша*! (разговор в роще). «Кто *бузит* там? Довольно! *Ша*!» (Стихотвор., «К. Пр.»

№ 87. 1925). С тех пор *ша*! (кончено! — разговор). *Ша* [смотри!], а то я… (Городец, Нижегор. губ.). В газетах «Молодой Ленинец» и «Правда» встречаются подписи корреспондентов с окончанием на *-ша*: *Алеша-ша* (напр., «Пр.» № 105. 1925). Это под влиянием кафешантанной песенки: «*Алеша-ша*, возьми полтоном ниже, брось *арапа заправлять*»…

Шамать (есть). — «Все деньги вносятся в общий котел, вместе *шамают*» («М. Лен.» № 100. 1925). «Пионер должен вообще повести борьбу против ругательств и всяких выражений в роде: *шамать*, *на фиг* и др.» («П. Пр.» № 16. 1925). *Шамóвка* (столовая, пища).

Шкет (мальчик-оборванец; в жаргоне преступников — пассивная жертва педерастии). — «Вспомнил: Мы — такие *шкеты* / бегали толпой от городовых» (Стихотв. Малахова, «Пион.» № 8. 1924). «Шкет» — отдел стихотворений в сборнике Безыменского «Иное солнце» (1-е изд.).

Шмара (развратная женщина).

Шпанá, *шпанка*; *шпана* ты! (так ругаются; раньше — каторжник-бродяга). «Много по Москве *шпаны*, а воровством жить не легко» («Пион.» № 1. 1924). «Наш молодой писатель перенимает у охвостьев старорежимной писательской *шпанки* их богемскую манеру беспутного поведения» («Пр.» № 102. 1926).

51. Не знаю, такого ли происхождения или школьно-учительского обихода наречие *на-ять* = хорошо, прекрасно. — «Работа сделана *на-ять*». Это наречие теперь в большом ходу среди всех слоев городского и фабрично-заводского населения. Так говорят и рабочие, и школьники, и некоторые профессора. Употребляется оно и в письменном языке. — «Клавдия Смирнова — «девчонка *на-ять*»: стройная, чуть-чуть напудренная» («М. Лен.» № 102. 1925). «Наша надежда, что летом работу кружка поставим *на-ять*» («М. Лен.» № 113. 1925). «А то бы ясно, повели работу *на-ять*» («М. Лен.» № 105. 1925). «Социал-демократические фальсификаторы германского рабочего движения работали *на-ять*» («Пр.» № 199. 1925). «Революция обидела ижицу. Она изгнала ее не только из азбуки, но и из жизни. Упразднив ее подругу — ять, мы все же оставили для нее некоторое место в нашем быту. У нас больше не прописывают ижицу, но многое мы делаем *на-ять*. Обходясь без ятя в правописании, мы расколошматили *на-ять* белые армии, мы строим *на-ять* наше хозяйство, мы делаем *на-ять* нашу внешнюю политику. Про всякое наше достижение мы говорим: “*Сделано на-ять*”» («К. Пр.» № 68. 1926).

52. Слова воровского жаргона, «блатной музыки», в особенности сильно распространяются в молодом поколении фабрично-заводской

среды (примеры сообщены были выше, из рассказов К о л о с о в а) и среди учащихся в школах I и II ступени. Учащиеся воспринимают эти слова от окружающей среды дома и вне его. За стенами дома в значительной степени воздействуют на отдельных учащихся *беспризорные.* Некоторые школьники младшего возраста дружат с ними и перенимают их речевую манеру, жаргонные слова, которые воспринимаются ими (школьниками) как слова особой эмоциональной значимости. Это термины, относящиеся главным образом к драке, бегству, обману, воровству, к просьбе, к деньгам, к милиционеру, к ругани. Ассистент Ярославского Педагогического института С. А. Копорский собрал по школам Ярославля эти жаргонные слова. По моим наблюдениям, очень многие из этих слов употребляются и в Москве и в Казани. Некоторые из этих слов: — *арап*, *арапа заправлять*; *ба́лчик* (базар, толкучка), *бо́г* (рубль), *бухте́ть, -ить* (болтать, говорить пустяки), *вале́т* (мальчик), *винта́ дать*, *нарезать*, *увинтить* (убежать), *воробышки* (денежки), *втыкать* (драться), *выпеть* (выпросить): не *пой*, а то свистну! *гво́зди* (деньги), *голуби* (воришки белья), *гуза* (трус), *гузить* (трусить), *забуре́ть* (зазнаться), *завалиться* (попасться), *загнуться* (заболеть), *закройся* (замолчи), *заливало* (врун), *зарыться* (попасть в безысходное положение), *засохни* (замолчи), *засыпаться*, *просыпаться* (попасть в беду, провалиться при ответе)[29], *заткнись* (молчи), *за шесть* (знак, что надо убегать), *зашиться* (попасться), *зе́кать* (смотреть), *зекс, зексно, на-зекс* (хорошо), *зюга*, *зюжка* (2 копейки), *кант, -ик* (1 копейка), *кима́рить* (спать), *конвертик* (тюрьма), *ко́ни* (сапоги), *коханочка* (девочка), *крыть* (бить, напасть), *курятник* (рот), *кута́к* (5 копеек; penis), *лягавый* (ябеда, милиционер), *мильтон* (милиционер), *мура* (мелочь), *огале́ц — агале́ц — пацан* (мальчишка), *перо́* (нож), *писто́ны* (карманы), *настрелять*, *подстрелить* (выпросить), *припаять* (присудить), *пушка* (револьвер, обман), *раковая шейка* (милиционер), *сак*, *сачок* (франт), *сара*, *сармак* (деньги), *свеча* (винтовка), *семе́н* (дежурный милиционер), *смола* (табак), *сне́гирь* (милиционер), *советская чечотка* (милиционер), *стре́мить* (смотреть, караулить), *темнить* (бить по голове), *файно* (хорошо), *швай* (компания), *ширмач* (карманщик), *шиться*[30], *шкет — огалец*, *шманаться*, *шаманаться* (бродить без дела), *шмара* (в воровском жаргоне — «проститут-

[29] «Будешь реветь, нас всех *засыплешь*» (О г н е в. Дневник Кости Рябцева. «Кр. Новь», X. 1926).

[30] «Гамлет *шьется* с этой Офелией и вроде как в нее втюрился» (О г н е в. Дневник Кости Рябцева. «Кр. Новь», X. 1926).

ка»)[31], *шпана* (воры, хулиганы), *шухарь*, *шухорить*, *шухариться* (воришка, воровать с ножом)[32].

53. Фабрично-заводская молодежь стала считать слова и сочетания воровского жаргона такими чертами, которые отличают ее от интеллигенции. Это — «пролетарский язык». Но такое отношение к «блатной музыке» вызывает в последнее время решительное осуждение со стороны *партийных* деятелей. Характерна в этом отношении статья Н. Марковского: «За культуру комсомольского языка» («Молодой Большевик» № 15—16. 1926). «Загляните на любой крупный завод или фабрику… Можно встретить многих комсомольцев, которых нельзя понять, на каком языке они говорят. Во всяком случае очень легко отличить разговорный язык такого комсомольца от русского языка. “Я надел клифт и колеса и пошел на малину к корешку”[33]… В переводе на русский язык фраза эта будет значить: “Я надел пальто и ботинки и пошел на квартиру к товарищу”. Можно привести целый ряд таких фраз и слов из так называемого “рабочего” “комсомольского” языка. Когда же товарищей, говорящих на таком лексиконе, упрекали, так те прямо-таки взъерепенились. «Дескать, как это так, нас заставляют говорить на языке

[31] Сравн., напр., в сочинении ученика 8-й группы Рославской школы: «Жили были две *шмары*: Татьяна и Ольга. У их были два ухажеры Ленский и Онегин»… («Учительская Газета». № 42. 1926).

[32] См. еще список таких слов в статье М. Рыбниковой «Об искажении и огрубении речи учащихся» («Родной язык в школе». Сборник I. М., 1927. С. 243—249).

[33] См. словари воровского жаргона: В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка. СПб., 1908. В. М. Попов. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912. Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. Изд. Управления уголовн. розыска республики. М., 1923. Краткий словарь сибирского воровского жаргона. Пособник (!) Агентам Уголовного розыска. 1921. Н. Хандзинский. Блатная поэзия («Сибирская Живая Старина». Т. I (V). 1926). В. Петров. З фольклору правопорушників («Етнографичний Вісник». Кн. 2. Київ, 1926).

Основной фонд этой «музыки» занесен с Юго-запада. Поэтому см. еще польские словари преступников: A. Kurka. Słownik mowy złodziejskiej 2 wyd. Lwów. 1899. A. Landau. Zur polnischen Gaunersprache. (Archiv für Slav. Philologie. Bd. XXIV. 1902). K. Estreicher. Szwargot więzienny. Kraków — Warszawa. 1903. (Здесь дан и библиографический указатель других словарей.)

Ср. процесс распространения слов воровского жаргона среди французского общества. См. об этом в книге L. Sainéan. La langage parisien au XIX-e siècle. Paris, 1920.

“интеллигентном”, ничего общего не имеющем вот с нашим комсомольским языком». Упрекнувшие их сразу же были обвинены в уклоне, в отрыве от масс, всячески игнорировались подобным рабочим комсомольцем. Приходилось смириться и внести в свой же язык такие “ценные” поправки, как “клифт”, “колеса”, “корешок” и “когти рвать” — значит удирать. Вот с этим-то “рабочим” языком надо повести беспощадную войну. Всякий комсомолец, всякий молодой рабочий должен говорить на своем, на культурном языке, а не на какомто блатном. Наш язык — наше достижение, наша культура. Не нужно бояться образованности, не нужно бояться интеллигентности» (с. 73).

«Блатная» манера речи осуждается и в административных сферах[34].

54. Стремление к опрощению личных взаимоотношений и языка отражается также в том, что популярных, авторитетных деятелей называют по отчеству. *Ильич*, *Калинин*. — Кто говорит сегодня? — Михал Иванч [Калинин] (из москов. афиш). «За перепиской *Калиныча* с рабочими и крестьянами следят миллионы глаз» («К. Пр.» № 204. 1926). — «Свое личное отношение коммунистические деятели находят возможным так выражать на партийном съезде: “Бухарин один из лучших теоретиков, наш дорогой *Бухарчик*”» («Пр.» № 295. 1925).

55. Стремление «опростить» язык, сообщить ему простонародный колорит побуждает некоторых писателей намеренно вводить в свой письменный язык некоторые формы народных говоров. Напр., местоимение *ихний* вм. *их*: органы *ихнего* союза («Бедн.» № 838. 1921); *чего* вм. *что*; такие формы именит. пад.: *кулачьё* вм. *кулаки* («К. Пр.» № 17. 1925), *матросня* вм. *матросы*: «Всегда не по своей охоте тянула лямку матросня» («Красный флот». Б-ка «Крокод.» № 6—7. 1923).

У торговца-кулака
Опустела к а с с ы я.
Почему же в ЦРК
Народищу м а с с ы я?

— объявляет саратовский *Церабкоп* (ЦРК — центральный рабочий кооператив. «Пр.» № 81. 1926).

Поэт Б е з ы м е н с к и й любит употреблять в своих стихах форму родит. мн. на *-ов* для имени *дело*:

Своих д е л о в ему довольно.
Он у д е л о в своих в плену…
Увидеть о т д е л о в своих…
(«Война этажей». «Окт.» № 2.)

[34] С. Н. К р е н е в. По блату («Административный Вестник». 1926. № 4. С. 34—37).

У него же встречается нередко форма сравнительной степени *хужéе*, *хужéй.*

У него же *нужóн* вм. нужен: «Натиск на этих *нужон*» («Война этажей»).

Другие писатели также прибегают к формам народной речи.

Руку, товарищ! Враг, н е з а м а й!
(Третьяков. 1-е мая. «Лев» № 2.)

Все до тонкости взяли и взвесили…
Как женился: в деревне ли, з д е с я ли.
(Фролов. «Пятачек погубил». Б-ка «Крокод.» № 14.)

…надо инспекции
Обо всем повестить о д н о в а.
(Там же.)

и др.

56. Отметим еще слово, употреблявшееся раньше в разговорной речи с р е д н и х и низших слоев читателей газет в Москве и Петербурге — *вечорка* — вечерний выпуск газеты. Теперь это слово почти во всеобщем употреблении в Москве. Раньше только в устной речи отдельных лиц употреблялось существительное *заграница.* Теперь и в письменном языке находится это существительное. — «Текстильная промышленность СССР и сырьевая эмансипация ее от *заграницы*» («Изв.» № 222. 1926).

Раньше в газетах были «передовые статьи». В разговорном же языке называли их и *передовицами.* Теперь и в письменной и устной речи обычно — *передовицы*, реже — *передовая.* — «Комментируя в *передовице* это заявление, либеральная “Дейли Ньюс” говорит…» («Изв.»). «Эта же мысль повторена в *передовице* “Правды”» («Пр.» № 279. 1925). «Читаем мы в *передовой* “Харьк. Пролетария”» («Пр.» № 297. 1925).

57. Некоторые широко распространенные слова, находящиеся в связи с некоторой грубоватостью стиля революционных деятелей, с их стремлением к откровенному реализму:

Выхолащивание. Напр., «*выхолащивание* марксизма» (К а м е н., 194, Маркс. и ликвид., с. 26), «критика попыток ревизии и *выхолащивания* ленинизма» («Изв.» № 291. 1925).

Головотяпы, *головотяпство.* — «Как часто в практической работе приходится встречаться с изумительным *головотяпством*. Борьба с *головотяпством* нужна большая» («Изв.» № 141. 1925). — Много писалось о *головотяпах* и *головотяпстве* в 1924 г. при ревизии советских организаций *на местах* (в провинции).

Похабный, *похабщина*, *похабство*.

Расхлябанность, *расхлебанность*. — «Как бороться с *расхлябанностью*?» («Пр.» № 95. 1926). «Никакой *расхлебанности*, никакой небрежности, никакого *разгильдяйства*» («Бедн.» № 832. 1921).

Совдурак. — «У *совдурака* мозги устроены иначе, чем у обыкновенных людей» («К. Пр.» № 111. 1926).

58. Большевицкое «заезжательство» в особенности резко выражается по отношению к противникам коммунистической партии и к лицам своей среды, нарушающим партийное единство. Три врага у русских коммунистов: активные представители других социалистических и демократических партий — «соглашатели», русская эмиграция и дипломатия других государств. По их адресу направлены самые «крепкие» словечки коммунистических деятелей — словечки, вызванные теми или иными выступлениями противника. Эти слова должны были выразить с особой силой всю непосредственность настроения коммуниста. Но вследствие частого употребления эмоциональная значимость некоторых из этих слов и выражений утрачена: они стали употребляться как обычные термины по отношению к тем или иным лицам и явлениям. Напр., если речь заходит о русской эмиграции, то она называется обычно *белогвардейская сволочь*; если говорят о социалистах-меньшевиках, то это говорят о *социал-изменниках*, *социал-предателях*; противо-коммунистические мероприятия того или иного правительства это — *махровая реакция империалистической клики*.

— «Фантазия *сладенького дурачка* Каутского» (Л е н. XV, с. 467). «Каутский с ученостью ученейшего кабинетного *дурака*… вопрошает» (Л е н. XV, с. 465). «Каутскому приходится буквально *мошенничать* на каждом шагу, чтобы прикрыть свое ренегатство… Он показал здесь нечаянно свои *ослиные* уши» (Л е н. XV, с. 454). «Подобно *слепому щенку*, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону, Каутский нечаянно наткнулся здесь на одну верную мысль» (Л е н. XV, с. 451). «Но довольно! Надо бы написать особую брошюру, чтобы перебрать все перлы ренегатства у *подлого* ренегата Каутского» (Л е н. XV, с. 427). «*Мерзавцы* герои и вожди II Интернационала» (Л е н. XV, с. 421). «Чем объяснить это? Тем *духом лакейства*, которым пропитаны вожди II Интернационала, ставшие *презренными сикофантами* на службе у буржуазии» (Л е н. XV, с. 452). «Теперь даже самые темные поймут, какую *безмерно подлую* измену социализму совершали меньшевики и с.-р.» (Л е н. XV, с. 420). [Они —] «*сторожевые псы* империализма» (Л е н. XV, с. 406). «Иностранные рабочие делегации [в СССР], воочию убедившиеся в

беспримерной низости Каутского» («Пр.» № 274. 1925). «*Выжившая из ума* социал-демократическая *пифия* Каутский» («Пр.» № 2. 1926). «Такое сочетание *предательства* и *лицемерия* в одном естестве можно найти только у Томасов, этих блестяще-*выдрессированных псов* британского империализма» («К. Пр.» № 111. 1926). «Социалистический Вестник» меньшевиков называется обычно «Социалистическим *Сплетником*», напр., в «Пр.» № 91. 1926; «*блудливым Сплетником*» («Пр.» № 5. 1926). «*Мерзавцы* болгарской социал-демократии» («Пр.» № 139. 1925). «Аксельрод печатает свои начиненные *предательством* статейки» («Пр.» № 274. 1925). «Вся черносотенно-кадетская *сволочь* со своими право-меньшевистскими и право-эсеровскими *лакеями* и *наймитами*» («Кр. Мол.» № 3. 1922). [«Руль Гессена» переименован во «Вруль», напр., «Изв.» № 245. 1924]. «Ученые *лоботрясы* из "Руля"» («Пр.» № 91. 1926). «Теперь они [«Дни»] спят в Германии, хотя *гадят* и во сне. Придет время, потрясут их немножечко и там. И все увидят, как из розового халатца выпадет только *жалкий комок слизи*» («Пр.» № 139. 1925). «Всё это завтра станет достоянием всего мира и среди всей *белогвардейской сволочи*…» («Пр.» № 295. 1925). «Всякая *белогвардейская сволочь* потянулась на запах жареного» («Изв.» № 21. 1925). «Пробовала какая-то английская газета *сбрехнуть* насчет того… Выскочил в палате какой-то истерический джентльмен и *завизжал*» («Изв.» № 107. 1926). «Мы довольно хладнокровно взирали на беснование буржуазной печати, хотя моментами нас *тошнило* при виде *бесшабашной клеветы* и *злобного воя разнузданных псов*, напущенных на Советскую Республику» («Изв.» № 94. 1925). «Румынское правительство *самое подлое* из всех существующих» («Изв.» № 110. 1925). «Если бы товарищи спросили меня, почему Япония держит свои войска на Северном Сахалине, то, отвечая на *политическом* языке, я не нашел бы слов для ответа [!]. Отвечая на *простом* языке, я бы сказал, что Япония держит на Северном Сахалине свои войска потому, что ведет *разбойничью* политику» (К а м е н е в. «Изв.» № 279. 1924). «Бенеш… заболел видом *запора*. Извините за выражение, "советским запором"». («Пр.» № 289. 1924). «Тов. Каменев в своей речи задал еще вопрос о том, что такое передышка, на какой срок и т. д. Есть одно изречение, — оно невежливо и грубо, но слова из песни не выкинешь; оно говорит *один дурак* может больше спрашивать, чем десять умных отвечать» (Л е н. XV, с. 181). «Дошло до того, что какой-нибудь *сопляк* хочет ее поставить ниже себя» (из речей на XIV парт. съезде. «Пр.» № 2. 1926).

Гад, *паразит*, а в малограмотной среде — *элемент* — применяются к неугодным, противоречащим партии лицам. — «*Гады*, — гово-

рим, — *элементы*» («К. Пр.» № 162. 1925). «Тут какой-то *паразит* за милицией кинулся. Является *мильтон*» (З о щ е н к о. Нервные люди).

4. Борьба, война и язык

59. В языке революционных и советских деятелей очень много терминов военного происхождения. Эти термины обусловлены самым характером программной деятельности революционеров: борьба за освобождение трудящихся от эксплуататоров, от гнета правительственного режима. «Борьба», «беспощадная борьба», «решительный бой», «армия», «авангард», «линии», «ряды», «смотр», «знамя» («красное») и др. испещряют речь революционных деятелей 1905 и последующих годов. Несколько примеров. Из прокламаций 1914 г.: — Да здравствует классовая *борьба* пролетариата (с. 248). Мы должны упорно и *беспощадно бороться* за отмену сверхурочных работ (с. 88). Пролетариат, связанный полной общностью интересов и единством задач *классовой борьбы* в единую международную *армию* (с. 143). Товарищи рабочие! В этой грядущей революционной *борьбе* за счастье и свободу народа нам надлежит занять место *вождя* революции… Организуя свои силы для грядущих битв, сплачивая вокруг нашего *знамени* деревенскую и городскую бедноту, мы во главе их бросимся на *решительный* штурм царской монархии и в открытом революционном *бою* победим ее (с. 216). *Бой* царизму (с. 77). [Рабочий класс России] в своей непрестанной и неизбежной *войне* с противниками всегда следовал за своим сознательным рабочим *боевым авангардом* — организованной социал-демократией (с. 180). Наш клич — да здравствует *беспощадная борьба* с царским правительством и капиталистами (с. 79). Год от года растет и все теснее сплачивается могучая пролетарская *армия* (с. 195). *Авангард* рабочего класса — сознательный петербургский пролетариат (с. 4). В день 1-го мая пролетариат делает *смотр* своим силам, подсчитывает новые *батальоны*, ставшие под *красное знамя* социал-демократии… (с. 178).

Из сборника «Марксизм и ликвидаторство»: Пора *сомкнуть ряды* (с. 43). Передовой *авангард* и рядовая рабочая масса (с. 91). Металлисты — *авангард* (передовой *отряд*) всего пролетариата России (с. 177). *Страховая кампания* (с. 178). *Главный штаб* (с. 17). Беспощадная *война* с теми идеями… (с. 192).

О *решительной борьбе*, *о решительной победе* много говорил и писал и Ленин (1905. Такт., с. 73).

60. Еще более значительное и более широкое распространение получили военные термины после 1917 г. Кроме указанного выше

характера программной деятельности революционеров, благоприятствовали введению в речь и широкому распространению этих терминов обстоятельства времени после 1917 г. Годы ожесточенной вооруженной борьбы, годы *военного коммунизма* утвердили преимущественное значение в жизни разных элементов военного содержания. «Эпоха *военного коммунизма* наложила на нас не только печать революционной решительности, боевого духа, энергии и ненависти к контрреволюции. Она связала нас некоторыми традициями, привычками, излишней нажимостостью, повадками военного периода…» («К. Пр.» № 17. 1925). Кроме вооруженного столкновения с противником на фронте, самое осуществление *диктатуры пролетариата* было связано с упорной борьбой. «На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностью. А что такое *диктатура пролетариата*? Это есть война и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда бы то ни было войн. Здесь опасность грозит каждому нашему шагу» (Л е н. 1921, Такт., с. 493). Военные элементы соответствующим образом отразились и в языке. Термины военной жизни, военного строя, режима стали употребляться часто не только для явлений военного значения, но и для явлении партийной, общественной и культурной жизни. Эти термины нашли себе широкое применение за пределами военщины. Часто говорится о *решительных боях*, о *решительной борьбе*. — «Рабочий класс вступил в *последний решительный бой* с проклятой разрухой» («Бедн.». № 832. 1921). «Не нужно притягивать за уши этот вопрос. Мы на этом вопросе *боя не дадим* и *не примем*» («Пр.» № 294. 1925).

Есть не только *красная армия*, но и рабочая *армия* (= рабочие). Говорится не только о военной гвардии (*красной*), но и гвардии *большевицкой*: — Руководство старой *гвардии* (= старых членов ком. партии, «М. Лен.» № 102. 1925). «Харьковский комсомол выполнит задачу — выковать из рабоче-крестьянской молодежи надежную, крепкую *гвардию* ленинцев» («М. Лен.» № 101. 1925).

Высшие должности, посты — это *командные высоты*. О командных высотах говорит, напр., резолюция XIV парт. съезда («Пр.» № 295. 1925). «Советское хозяйство окрепло. *Командные высоты* его — наша госпромышленность» («Изв.» № 281. 1925). «Отличать *командные высоты* в производстве от мелочей» (Ц ы п е р о в и ч. Главки, с. 11). «Крепить и усиливать нашу *генеральную командную высоту* — социалистическую промышленность» («Пр.» № 123. 1927).

Командир нашей промышленности; *командир* сельского хозяйства (из речей).

Коммунистический интернационал — это *штаб* мировой революции (обычное выражение). — «Да здравствует *штаб* мировой революции — Коммунистический Интернационал!» («Пр.» № 100. 1926). *Генеральный штаб* мировой революции III Коммунистический Интернационал. — [Применяется и в других случаях эпитет *штаб*]: — «Да здравствует *штаб* ленинизма — ЦК РКП(б)» («Пр.» № 293. 1925). «Пленум ЦК ВЛКСМ выражает свое доверие испытанному *штабу* старой большевистской гвардии — ленинскому ЦК РКП(б)» («Пр.» № 289. 1925).

Коммунистическая партия — «*авангард* и *вождь* пролетариата» (обычное выражение). — «Товарищи, разрешите мне, по поручению Выборгского района, передать *авангарду* мирового рабочего класса — XIV съезду партии — горячий товарищеский привет» («Пр.» № 2. 1926). «Великие события в Китае показывают наглядно *авангарду* европейского пролетариата…» («Пр.» № 145. 1925).

Происходят *смотры* партии деревням и селам (заглавие отделов в газетах). — «На происходящем теперь всесоюзном *смотре* производственных комсомольских стенных газет» («К. Пр.» № 111. 1926). «Ячейка комсомола должна производить *смотр выпускникам*» («М. Лен.» № 116. 1925).

Раздается нередко формула команды: *равнение на…* Напр., в последнее время одним из лозунгов было *равнение на XIV съезд*. Говорят о *равнении* и в других случаях: — «Союз уже выработал образцы, по коим должна *равняться* вся союзная пресса» («М. Лен.» № 100. 1925). «Ленинградская организация, по которой мы привыкли *равняться*, оказалась в одиночестве» («Пр.» № 297. 1925).

Многочисленные *фронты* являются в области общественно-культурной жизни. — *Боевой фронт* труда, хозяйственный *фронт*, продовольственный *фронт*, *фронт* просвещения, *фронт* учебы [о них много говорится и пишется]. — «С *фронта* огня и крови на *фронт* плуга и нивы» («Бедн.» № 825. 1921).

Имеются разные *форпосты*, *базы*. Хозяйственные *форпосты* («Бедн.» № 833. 1926). Пионерские *форпосты*. — «Надо чаще практиковать совещания вожатых *форпостов*» («Кр. Пр.» № 162. 1925). «*Форпосты* в школах “Красного Перекопа”» («С. Комс.» № 26. 1925). «Страна советов является *базой* мирового пролетарского движения» («К. Пр.» № 100. 1926). [Пионерские *базы*]: устраивались общие сборы *отряда* и *базы* (пионеров) («С. Комс.» № 23. 1925). «Пойдут слухи, что у меня “родственная *база*”, а не штат» («Смех.» № 4. 1927).

Линия. — «Им просто политически невозможно иначе, как под этим флагом обстреливать ту *линию*, которую в лице своего боль-

шинства ведут теперь марксисты» (З и н о в ь е в. 1910. Маркс. и ликвид., с. 51).

Даются сигналы, *сигнализируют*. — «Еще два года тому назад т. Рыков *сигнализировал*, что мы можем споткнуться на недостатке квалифицированных сил… Это испытывается болезненно просвещенцами, и они, *сигнализируя* свое собственное недовольство, указывают на возможность срыва нашего плана индустриализации» (Л у н а ч а р с к и й. «Изв.» № 252. 1926).

Разные *отряды*, напр., *продотряды* (продовольственные отряды), *пионеротряды* выполняют возложенные на них обязанности. «*Продотряды* должны нести свет деревне» («Бедн.» 6 янв. 1921). *Отряды* пионеров.

Прикрепляют отдельных лиц к тем или иным группам для руководства. — «К каждой деревне наша ячейка *прикрепила* двух или трех товарищей» («Пр.» № 117. 1925). «Ячейки нашей волости *прикрепили* к селам партийцев» («Пр.» № 117. 1925). «Работа *прикрепленных* товарищей» («Пр.» № 66. 1926).

В каждом предприятии, институте должна быть *целева́я установка*. О ней постоянно идет речь при обсуждении *планового* вопроса. — «Сейчас уточнена *целевая установка* ФЗС» [фабрично-заводских семилеток, школ] («Изв.» № 234. 1926). — «Стенгазета не имеет *целевой установки*» («К. Пр.» № 111. 1926). «Соотношение классов не оправдывает *установки той цели* для нашего огня, которую здесь наметил т. Сталин» («Пр.» № 296. 1925).

Разные группы, организации стремятся к тому, чтобы *связаться*, установить между собою связь. — «В целях углубления и расширения работы в деревне волком *связался* с учительством, приглашает его на пленумы» («Пр.» № 285. 1924). «Мы *связались* с одним отрядом» [пионерским] («К. Пр.» № 4. 1923).

В кассе железной дороги, на фабрике, в вузе и и других местах имеются *брони*, *забронированные* места, пайки и др. — «При заполнении *брони* на предприятиях биржи труда посылают в общем числе подростков определенный процент воспитанников детдомов» («Изв.» № 260. 1925). *Броня*, *забронированный* паек, *забронирование* семян льна («Бедн. № 832. 1921). «Чем объясняется *недобронирование* подростков?» («К. Пр.» № 23. 1925).

Весьма часто являются в партийной и культурно-общественной жизни *ударные* группы, вопросы, программы, выполняются задачи в порядке ударности… — «Губсовет намечает выделить *ударную* группу для быстрого выполнения задач». *Ударная* программа, задача, работа («Бедн.», янв. 1926). «Это не какая-нибудь *ударная* агита-

ционная кампания» («Изв.» № 114. 1926). «Борьба с контрабандой приобретает *ударный* характер» («Пр.» № 65. 1926). «Наиболее *ударными* были вопросы восстановления промышленности» («Пр.» № 11. 1926). «В нашей работе очень часто еще сейчас дают себя знать пережитки военно-коммунистического периода. Одним из этих пережитков является *ударность* в работе» («К. Пр.» № 4. 1925).

Постоянно происходят *кампании.* Их бесчисленное количество. — Сельскохозяйственная *кампания* («Бедн.» № 827. 1921). Провести *кампании* для проводов, сопровождения и встречи товарищей («Бедн.» № 825. 1921). Проведение *кампании* выборов в селькомы («Бедн.» № 827. 1921). «Будет проведена *кампания* по вопросу о ремонте помещения» («Бедн.» № 5. янв. 1921). «Мы сейчас провели ряд *кампаний* (перевыборы фабзавместкомов, перевыборы бюро ячеек, производственные конференции, перезаключение колдоговоров)» («Пр.» № 251. 1925). «Не все товарищи изжили отношение к шефству, как к одной из бесчисленных обычных *кампаний*» («Кр. Татар.» № 19. 1925). «Сейчас по всей стране идет имеющая огромное политическое значение *кампания* оживления советов» («Изв.» № 100. 1925). «Мы намечаем и проводим какую-нибудь политическую *кампанию* — перевыборы в совет, в фабком и т. д.» («Пр.» № 139. 1925). «*Кампании* втягивания в активную работу девушек» («К. Пр.» 1925). «Сейчас в разгаре отчетная *кампания*» («Изв.» № 285. 1925). «*Кампания* по выписке военно-морской печати» («М. Лен.» № 108. 1925). «Начать *кампанию* разъяснения сберкасс» («С. Комс.» № 22. 1926). «Разъяснительная *кампания* о решениях съезда» («Пр.» № 89. 1926). Объявить *кампанию* по защите университетской сметы в Наркомфине (из речи члена правления МГУ).

«В последнее время предпринимаются меры для иного образа действий. — И главное, что необходимо, добиться во что бы то ни стало — это перейти от *методов кампаний* к плановой упорной работе» («К. Пр.» № 100. 1926).

Не только в военно-морских делах, но и в политической и общественной жизни *берут*, *ставят*, *держат курс на* что-либо или *на* кого-нибудь. Такие сочетания (*держать*, *брать курс на*...) входят в обиходную речь населения. — «*Взять курс на* еще более широкое вовлечение их в составы советов» («Изв.» № 268. 1925). «*Курс на* крестьянку» («Изв.» № 92. 1925). «Взятый еще свыше года тому назад коллегией НКЗ *курс на* крестьянина-опытника» («Пр.» № 137. 1926). «*Держать курс на* индустриализацию страны» («Пр.» № 295. 1925). «Мы должны *брать курс на* крупные предприятия» («К. Пр.» № 68. 1926). «Нужно *взять курс на* изжитие всего, что мешает в

школе» («М. Лен.» № 104. 1925). «*Курс на* демократию» («С. Комс.» № 25. 1925). «Вся партия взяла решительный *курс на* вовлечение новых слоев рабочих в партийные организации» («Кр. Мол.» № 1. 1925). «Определенный *курс на* откол от беспартийных» («Кр. Мол.» № 1. 1925. 115). «Надо *поставить курс на* "натравливание" потребителя на свой кооператив» («Пр.» № 283. 1925). «*Курс, взятый на* Федичкина, оказался липовым» (К о л о с о в. Буза). — Сочетание «*держать курс на* что-либо» вошло и в словари-толкователи, напр., в «Карманный словарь», изд. «Урал-книга» (1924).

Сюда относится и такое выражение. — *Держать крепче руль!* (заглавие. «К. Пр.» № 68. 1926). *Держать крепче руль* партийного и пролетарского руководства! (там же).

В общественной и партийной жизни бывают обстоятельства, когда говорят об *открытии* или *усилении боевого огня*. Так было на XIV партийном съезде. — «Собравшись на съезде, определяя будущую политику, мы именно хотели узнать, куда должен быть *направлен* большевистский *огонь*» («Пр.» № 296. 1925). «Мы должны принять все меры, чтобы партия была особенно подготовлена к борьбе с этим уклоном, который силен, который сложен и против которого надо *сосредоточить огонь*» («Пр.» № 296. 1925). «Здесь тов. Каменев говорил — *не открывайте огня по сигнализаторам*, я говорю — надо *открыть огонь по капитулянтам*» («Пр.» № 296. 1925). «*Усильте огонь* по этому сектору» («Пр.» № 297. 1926).

61. Из военно-морского обихода вошло не только *держать курс на..*, но и некоторые слова из матросского языка. Распространению этих слов способствовала та значительная роль, которую играли матросы в первые годы революции. Чрезвычайно интенсивным оказался флотский командный термин *даёшь*! Он стал употребляться по всей России в разных слоях населения. Изменилось и значение этого восклицания. *Даёшь*! не только выражает настойчивое желание, но и результат в достижении: «хорошо». В состав лозунгов весьма часто входит *даёшь*! — «Ветер крепчал. Волны седели, и бились свирепо плашкоуты (баржи) о борта парохода. Еще несколько минут. Ветер обрывками несет команду: — *Крепить* тросы! Чаль к берегу! Карбас, карбас *даешь*!» («Пр.» № 183. 1925). «*Даешь*!» И тут такое было… «Топи их, братцы… Всё одно!..» (Н и к у л и н. Красный флот. Б-ка «Крокод.» № 6—7). Рабочий, *даешь* паровоз! Крестьянин, *даешь* фронту хлеб! (из лозунгов 1919—1921 гг.). Рожь *даешь* фронту! (Б е з ы м е н с к и й. Комсомолия). «Забормотали ребята: не дезертиры мы, *даешь* занятия, а то в город *даешь*, не сидеть приехали, хлопочи» («Смена». № 6. 1924). «Ребята опять в хай: Что за чорт: мос-

ковской комиссии хороши были, а тут — на тебе. *Даешь* представителя комсомола в комиссию» («Смена». № 6. 1924). «Ребята! — крикнул вожатый звена “Льва Троцкого”, заходя в комнату. — Вышел первый номер “Пионера”. — Ура! *Даешь*! — крикнули разом ребята и бросились к вожатому» («Пион.» № 2. 1924). «*Даешь* смычку с красноармейцами» («Изв.» № 44. 1925). *Даешь* рабоче-крестьянского стрелка. *Даешь* комсомольца-стрелка (заглавия; «Изв.» № 115. 1925). *Даешь* сто процентов попадания в цель («Изв.» № 135. 1925). *Даешь* мировой Октябрь! (из лозунгов на знаменах). *Даешь* восстание («С. Комс.» № 23. 1925). Долой учебу — *даешь* работу или производство («Кр. Мол.» № 2. 1925. 123). Эй, молодежь! Учебу *даешь*! (из лозунгов на знаменах). *Даешь* науку массам! (Стенгазета Ассоц. исследов. ин-тов). *Даешь* избу-читальню! («С. Комс.» № 1. 1925). *Даешь* грамоту. *Даешь* букварь («Изв.» № 295. 1924). *Даешь* технику («Изв.» № 44. 1925). *Даешь* плуг и культиватор! («Пр.» № 86. 1926). — «И, показывая на широкий плакат у входа и фабрику, она [работница] повторила написанный там лозунг: “*Даешь* 14 тысяч пудов пряжи в месяц!”. А от себя прибавила: — *Даешь* повышение производительности труда! — первомайский лозунг всех рабочих СССР. — Правильно!.. *Даешь*!.. — загудела тысячная толпа первомайцев» («Изв.» № 101. 1925). «*Даешь* хорошее, первосортное масло! Таков у нас лозунг дня» («Пр.» № 122. 1926). «*Даешь* новый быт» («Кр. Мол.» № 1. 1925. 103). «Долой назначенство, *даешь* выборных от народа» (Ф и л и п п о в. У станков. «Окт.» № 2). *Даешь* девчат (заглавие, «Унив. Пр.» № 1. 1925). *Даешь* девчат в комсомол (там же). «Казармы хороши зимою. А летом… — *Даешь* палатку? *Даешь* поле! *Даешь* реку!» («Изв.» № 135. 1925). «Наш летний лозунг: “*Даешь* здоровье”» («П. Пр.» № 11. 1925). «*Даешь* здоровую смену» («П. Пр.» № 11. 1925). У дверей ресторана быв. «Прага» вывешен плакат: «Моссельпром — *даешь* обед за 40 коп.». *Даешь* сюда! (= иди сюда. Из разговоров). Мальчик видит хлеб у другого мальчика. — А-а, *даешь!* (= А-а, дай!) (в школе). *Даешь* Москву! (Хочу в Москву! Стихотв. В а с и л е н к о. «Изв.» № 1. 1925). «Он нынче вузовец, студент. Штурмует знание. Такие ли препоны брать приходится? А это что! *Да-ёшь*!!» (Д. Б е д н ы й. «Пр.» № 100. 1926). Вот это — *даёшь!* — замечает удовлетворительно один ученик школы (лет 16). В театре Мейерхольда идет пьеса: «Д. Е. (Даешь Европу)». «Армия комсомолят — это *даешь и больше ничего*» (Ж а р о в).

Вероятно, военно-морского происхождения популярный термин *крепи́ть*. — «Эти рабочие массы *крепят* братский союз между всеми слоями трудящихся» («Пр.» № 150. 1925). «Для Финляндии целесо-

образнее было бы *крепить* добрососедские отношения с Союзом советских республик, *крепить* экономические связи между двумя этими странами» («Пр.» № 82. 1925). «Роль нашей партии как международной силы, которая должна всемерно *крепить* связи с революционной молодежью пролетариата всех стран» («Пр.» № 271. 1925). «Пионеры, *крепите* смычку! *Крепите* шефство над деревней» («П. Пр.» № 13. 1925). «Пионер, *крепи* связь с женотделом» («Унив. Пр.» № 1. 1925). «Юные пионеры должны помогать *крепить* смычку с подшефными судами и морскими командами» («П. Пр.» № 11. 1925). «*Крепилась* связь юнсекции с правлением клуба» («К. Пр.» № 68. 1926). «*Крепи*, юнкор, связь с девушкой. *Крепи связь* с флотом» («М. Лен.» № 114. 1925). Чтобы к банкирам Европы в кабалу не попасть, *крепите* советскую власть (из плакатов, расклеенных на улицах Москвы во время выборов в Московский Совет 1925 г.). [В особенности часто глагол *крепить* употребляется в лозунгах.]

Из среды матросов распространилось название *братáн*, *братишечка*, *братвá* (мн.) у солдат, комсомольцев и рабочих. — «*Братва*, слепца с гармошкой возьмете? — *Даешь*, но только, чтобы вовсю играл!» (М и т н и ц к и й. Инвалиды). — «Нет, *братва*, подымай выше; мы не только комсомольцы, мы есть [!] гегемон революции» («К. Пр.» № 162. 1925). «Тьма *братвы* отовсюду наехало» (М и т я н и н. Даешь вуз. «Кр. Мол.» № 4. 1924. 61). «Эх, *братва!* Коммунизму добудь!» (Б е з ы м е н с к и й. «На посту». № 1. 1924. 182). «*Братишечка*, говорю, да на что мне в Москву-то ехать?» [говорит один рабочий другому] (З о щ е н к о. Пассажир).

Восклицание *есть*, как знак согласия, одобрения, пошло тоже от моряков. В их речи — это передача английского yes — «да». — «Товарищи, бюро ячейки выдвигает Солодкову А., 19 лет, и Назаренко М., 17. Ребятки, кажется, всем известные, а свое согласие изъявили. Голоса в ответ пчелиным гудом: — *Есть*… знаем… поддерживаем» (К о л о с о в. Тринадцать).

Из военно-морского словаря занесен глагол *дрейфить*, *дрефить*, *сдрейфить*, *сдрефить*[35]. Его значение в обыденной речи — «трусить». Это слово в таком значении употреблялось и раньше, в фамильярно-товарищеском разговоре и и воровском жаргоне. Теперь оно часто употребляется и в речи видных партийных и государст-

[35] Судно дрейфует — швед. Skeppet drifver af (Карманный морской словарь. М., 1881. С. 188). Дрейф — отклонение движущегося корабля от намеченного пути под влиянием ветра, течения, сильной воды (Л у к а ш е в и ч. Краткий словарь морских выражений. Ленингр., 1925. С. 23).

венных деятелей. — «Троцкий лишь ищет «вождей», которые бы не *сдрейфили* в момент своего Октября» («Изв.» № 290. 1924). «Если мы с социально-экономической точки к этому вопросу подойдем, разве можно сказать, что товарищи тогда *сдрейфили* и т. д. Ничего подобного» (Б у х а р. «Пр.» № 293. 1925). «Эй, ребятушки, *не дрефь*!» (Б е з ы м е н с к и й. Война этажей. «Окт.» № 2).

62. Теперь выдаются *путевки* не только военным лицам и железнодорожным служащим, но и во всех других учреждениях. Это — сопроводительная бумажка. С *путевкой* отправляются и члены КУБУ («Комиссии улучшения быта ученых») в санаторий Узкое («в Санузию») или в Болшево. — «Пришли в страхкассу, а там говорят: — Так вы, товарищи, с первого берите отпуск и приходите за *путевками*» («Пр.» № 137. 1926). «Студкоры будут направляться на эту работу *путевками* через общества культурной смычки города с деревней» («Кр. Мол.» № 1. 195, с. 122). «Единого слова не было сказано об этом, о необутых просвещенских ногах, о зверином числе *путевок*, вконец загоняющих терпеливого деревенского агитпропщика» («Пр.» № 101. 1925). «Наверно, *путевку* из Цека получил по партийной линии» («Пр.» № 274. 1925).

Давно работающие на партийном поприще ждут себе *смену*. О *смене* в значении «коммунистическое молодое поколение» много говорят и пишут в последние годы. — «Пусть помнит *смена*, что славное, овеянное порохом и кровью, знамя революции должно быть в надежных руках. Пусть не забывает *смена*, что она должна быть помогой партии» («С. Комс.» № 2. 1926). «*Даешь* здоровую *смену*!» («П. Пр.» № 11. 1925).

63. Вероятно, под влиянием строгих распоряжений военного времени, под влиянием военной команды «раз, два» стало употребляться сочетание *в два счета* в значении «очень скоро», «живо». — Я сделал это *в два счета.* Я свое дело кончаю в *два счета* (из разговоров). «Если бы это было верно, партии не удалось бы *в два счета* ликвидировать эту ошибку» (С т а л и н. «Изв.» № 270. 1924). «От-то здорово! *В два счета* все делается, — похваливали и Степан и Василий» («Пр.» № 137. 1926). «Пускай там, кто сплошал, разводит вавилоны о страшных трудностях при нашей нищете и не рассеянной *в два счета* темноте» (Д. Б е д н ы й. «Пр.» № 100. 1926). «Вас по суду *в два счета* аннулировать можно» (А р д о в. Роковой аванс). «Я, говорит, не какая-нибудь канцелярская крыса, чтобы ее *в два счета* затравить» («Смех.» № 4. 1927).

Пережиток горячей поры военных действий, «военного коммунизма» представляют такие выражения: *приказ есть приказ*

(Ф р у н з е. «Изв.» № 276. 1924); *борьба есть борьба* (К а м е н е в. «Изв.» № 274. 1924). Ибо *революция есть революция* («Пр.» № 134. 1925).

Того же происхождения выражение *во что бы то ни стало*. Часто употребляясь в речи, оно подверглось ослаблению в своей эмоциональной значимости.

Очень часто говорят: «*довести дело до победного конца*».

Шеф заботится о *подшефных*. Эти заботы экономические и «политпросветительные». В тяжелые годы экономической разрухи к шефству прибегали преимущественно из-за экономической помощи.

Военного происхождения и такие слова: *наступление* (*наступление капитала*), *оборона*, *маскировка*, *обстрел*, *колонна*, *удар с фронта*, *вылазка*, *глубокая разведка* (изучение вопроса) и др.

64. От периода войны и военного коммунизма идет тенденция к частому употреблению категорически утверждающих слов: *определенно*, *ясно*, *факт*, *ничего подобного*. Вместе с тем ослабела и значимость этих слов: они уж не утверждают или не отрицают так решительно, как раньше. — Ты это знаешь? [Следует ответ] *Определенно* (= да). Я это *определенно* знаю. «Эти кружки *определенно* процветают» («Изв.» № 60. 1926). «Партийцам и кандидатам он дал задание: раз ты партиец, то ты *определенно* должен завербовать несколько человек в актив» («Пр.» № 117. 1925). «Печати нашей нужно *определенно* заняться этим делом более серьезно» («Пр.» № 139. 1925). «Нам нужно вокруг этого поднять *определенный* шум» («С. Комс.» № 2. 1926). Мне *определенно* кажется [!], что… (из разговоров). Вследствие частого употребления «определенно» это слово в речи некоторых лиц является ослабленным и в артикуляционном отношении. А вследствие этого ослабления вм. долгого *н* (*нн*) произносится обычное *н*: *определёно*.

«Я не мог этого сделать. (Другой «поддакивает»:) — *Ясно*. — Начал рассказывать, как это началось. Первухин махнул рукой. — Ерунда! Само собой образуется. — Неужто нет ни одного человека, который может понять оскорбление, нанесенное партии? Странно. Где же тогда партийная дисциплина!? *Ясно.* Сегодня Гаврилов назвал Кармалова «милостивым государем», а завтра Кармалов назовет весь союз пищевиков, весь губком, весь губпрофсовет. К чему это приведет. *Ясно.* Идейного коммунизма больше не существует… я смотрю с точки партийной дисциплины, а у нас, к сожалению, ее нет. Это же *факт*» (Н е в е р о в. Милостивый государь). В речи некоторых лиц широкого круга населения произошло объединение *ясно* и *определенно* в одно слово: «это *ясно-определенно*».

Весьма часто употребляется повсюду в России, среди и великоруссов, и украинцев, и финских, и татарских, и чувашских деятелей сочетание *ничего подобного*. Оно тоже обычно не имеет прежнего решительного заявления: оно равносильно отрицанию «нет», без особого подчеркивания отрицания. «— Нынче какого-то “мальчика со смертью” на трамвае поймали. — *Ничего подобного*, — возражал кто-нибудь из домашних, — не на трамвае, а на вокзальной площади. — *Определенно* на трамвае» (Г р и г о р ь е в. С мешком за смертью, с. 79). «— Обвиняемый! Вы действительно грозили дать Сидорову по лицу? — *Ничего подобного*! Я сказал, что дам ему в морду» («Бузот.» № 21. 1926).

65. Условия, благоприятствующие употреблению военных терминов, действуют до сих пор. Навыки «военного коммунизма» пустили сильные корни в коммунистической среде. «Методы военного коммунизма не изжиты. Партийцы не могут отвыкнуть от командования» («Пр.» № 9. 1925). Кроме того, этим навыкам и соответствующим явлениям в языке благоприятствует то обстоятельство, что с 1925 г. стали приниматься меры для общей *военизации* страны. — «Нам нужно население *военизировать*» (К а л и н и н. «Пр.» № 58. 1926). «Задача *военизации* страны — задача колоссальнейшей важности. Нам необходимо, товарищи, *военизацию* страны начать сейчас же и самым энергичным образом» (В о р о ш и л о в. «Пр.» № 58. 1926). «Развитие техники и современная механизация в военном деле требует со всей настойчивостью *военизации* страны» («Изв.» № 106. 1925). «Современное военное строительство и характер будущих войн выдвигает задачу *военизации* широкой массы населения СССР» («С. Комс.» № 9. 1926). «Лицом к Красной армии!» призывает читателя и «Брянский Рабочий».

5. Партия. Отражение ее программы и деятельности в языке

66. Одним из видов социальной группировки является п о л и т и ч е с к а я п а р т и я. Партия имеет свои законы, которые регламентируют деятельность членов ее (программа). Личные отступления от этих норм недопустимы. Недопустима и критика их. Блюсти интересы партии, партийную дисциплину — основная, безусловная обязанность отдельного члена. Членов партии объединяет солидарность во взглядах на общественно-политические отношения. Возникновение этой солидарности происходит в одних случаях независимо от членов, уже находящихся в партии, а в других в зависимости от агитации, пропаганды, обработки непартийных лиц со

стороны членов партии. Партия имеет свою верховную власть и ряд властей и агентов, зависимых от *верхушки*, выполняющих строго определенные им функции. Антагонизм между партиями, расходящимися в основных пунктах их законодательств (программ), следует из обязанности их членов, которые должны стремиться к утверждению преимущественного значения своей партии. Партия обусловливает поведение своих членов. Чем организованнее партия, тем глубже и всестороннее она охватывает деятельность своих членов. Но кроме того, партия оказывает воздействие и на членов других партий и на лиц непартийных данной страны. Партийная агитация, пропаганда устная и печатная воздействует в той или иной степени на население. В особенности значительно бывает это воздействие тогда, когда партии принадлежит власть в стране и она располагает хорошим *аппаратом*.

Различные стороны партийной деятельности отражаются и в языке. Особенности партийной речи распространяются не только в среде партийной, но и в прочем населении страны. Отметим некоторые языковые явления, связанные с коммунистической партией СССР, и распространение этих явлений за пределами партии.

67. «Наша партия — правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей Республики» (Л е н., 1921. Такт., с. 473). «Наша партия есть господствующая партия в стране… наша форма власти есть форма диктаторской власти». Так определяет некоторые стороны коммунистической партии один из ее авторитетных деятелей и теоретиков (Б у х а р и н. «Пр.» № 65. 1926). «Мы — партия, правящая страной, — не забывайте этого», — напоминает некоторым коммунистическим деятелям С т а л и н («Пр.» № 296. 1925). «С открытой арены политической жизни в нашей стране исчезли меньшевики, эсеры, анархисты и т. п. группы… Для успешного проведения диктатуры пролетариата победивший рабочий класс, возглавляемый нашей партией, не мог не лишить легальности эсеров, меньшевиков, анархистов (антисоветского направления) и других группировок, являвшихся враждебными самой идее диктатуры пролетариата. На легальной арене действует только РКП» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 274. 1924). Термины *партия*, *партийный*, *партиец*, *партийка* (женщина — член партии) приобрели значение, синонимическое с *коммунистическая партия*, *коммунистический*, *коммунист*, *-ка*. В таком значении *партия* и производные образования употребляются по всей стране.

Другие партии, находящиеся за пределами СССР, враждебно относящиеся к программе действий коммунистов, клеймятся послед-

ними самыми «крепкими», наиболее эмоционально-насыщенными словами и выражениями: ренегаты, соглашатели, социал-предатели, социал-изменники, обнаглевшая шайка слуг капитализма, лакеи буржуазии, прихвостни, Иуды и др., напр.: «Меньшевизм был всегда гнусным подголоском, подпевалой в буржуазном хору. То, что басом кричит банкир-хозяин, то голосом кастрата повторяет меньшевик, эта презренная разновидность политического услужающего и лакея» («Пр.» № 81. 1925). Другие примеры были отмечены выше. Кличка *меньшевик* — это ругательная кличка, наносящая оскорбление. «Свидетель-рабочий Шеметов говорит: — И чего Баландин оскорбляется?! Разве один Ульянов его обозвал? Баландина на общих собраниях величали не иначе, как *меньшевиком* и *шкурником*!» («Пр.» № 79. 1925).

Слова *соглашатель*, *социал-предатель* широко распространены в партийной и непартийной среде.

68. «Я должен вам сказать, что до сих пор у нас всегда считалось, что наша партия — в этом одна из составных частей ленинизма — есть единая, монолитная, организационная крепость, вырабатывающая совершенное единство воли и т. д. Это мы доказывали в полемике с троцкистами до хрипоты наших голосов» (Бухарин. «Пр.» № 2. 1926). «Верховным истолкователем ленинской линии может быть только ЦК и партийный съезд» («Изв.» № 291. 1925). «Высочайшее учреждение партии — ЦК» (Бухарин. «Пр.» № 293. 1925). Отсюда, с этих *командных высот* и от их блюстителей — от *верхушки*, исходят руководящие указания, *диктуются директивы*. Многочисленные представители партийных организаций, *партаппарат*, *низовые* организации проводят в жизнь те или иные указания, идущие из центра. Руководящие указания центра внимательно изучаются, *прорабатываются на местах*. «*Прорабатываем* постановления XIV съезда», — так сообщалось часто в печатных органах начала 1926 г.

При *проработке* тех или иных *директив центра* деятельное участие должен принимать местный *аппарат*. Вопросы обсуждаются во многотысячных *ячейках*, *на бюро*, *на пленумах*. Термины *директивы*, *аппарат*, *бюро*, *пленум* («он сейчас на бюро, на пленуме» — он сейчас на заседании бюро, на заседании пленума) в общем употреблении и в непартийной среде. — «Одной из характерных черт наших *аппаратов*… является метод работы посредством созыва комиссий, совещаний, заседаний» («Пр.» № 141. 1926). «На одном из *пленумов* райкома ВЛКСМ было решено приступить к организации стенных газет по цехам» («С. Комс.» № 2. 1926). «*Директивы* укома, *прора-*

ботанные в волкоме, *не прорабатываются* уже на *бюро* ячейки» («Пр.» № 65. 1926). «Овечкину *на бюро* [в заседание бюро] вызывали, не пришла» («С. Комс.» № 25. 1925).

69. Единство партии — сущность ее. Это единство должно быть *твердым*, *железным*, *стальным*. Сравнение со сталью весьма часто употребляется по отношению к партии. Одним из популярных эпитетов партии — *монолитная*, *монолитность*. — «*Тяга* к *железному* сплочению всех рядов авангарда пролетариата живет в каждом большевике-ленинце» («Пр.» № 297. 1925). «Наша коммунистическая партия должна быть *твердой*, *железной*, ленинской партией» («Пр.» № 298. 1925). «Под знаменем ленинской партии, под правильным руководством *твердокаменного* ЦК РКП(б) мы строим и построим социализм. Пусть будет крепка, как наша *сталь*, любимая нами и славная коммунистическая партия!» («Пр.» № 298. 1925). «Да здравствует сплоченность *стальных* ленинских рядов! Да здравствует *стальное* единство нашей партии!» («Пр.» № 5. 1926). «Оппозиция… подкапывается под идейную *монолитность* коммунистического авангарда пролетариата» («Пр.» № 294. 1925).

Монолитность, *монолитный* стали применяться в советской среде и к другим явлениям. — «Ассоциация пролетписателей… представляет собой организацию *монолитную*, спаянную единством идеологических и художественных устремлений» («Окт.» № 1. 1924, с. 204). «О н. Нужно ликвидировать всякие возможности к хозяйственному *обрастанию*. О н а. Но, ведь, ребенок. О н. Эх, отстань. У тебя нет *монолитной* идеологии» («Смех.» № 24. 1926).

«*Фракционность* не терпима в партии. *Фракционеры* должны быть исключены из рядов РКП» («Пр.» № 79. 1925). «В Готе и Ремшейде *фракционеры* противопоставляли свою резолюцию резолюции ЦК КПГ» («Пр.» № 79. 1925).

Фракции и фракцийки вызывают решительное осуждение со стороны партии.

Наиболее распространенными терминами в этих случаях являются *уклон*, *уклончик* (в ироническом значении), *уклонист*. Особенно много говорилось и писалось об *уклонах* осенью 1924 г. и связи с *троцкизмом*. Из сфер партийных этот термин (*уклон*) перешел и в другие области. Значение этого термина: уклонение в сторону от чего-либо, но уклонение вредное; это — ошибка. — «В политике замечается право-большевистский *уклон*» (Л е н. XV, с. 235). «Левые коммунисты упрекали нас в том, что у нас замечается *уклон* в сторону государственного капитализма» (Л е н. XV, с. 244). «До сих пор КИМ был опорой Коминтерна против всех *уклонов* и ш а т а н и й»

(«Изв.» № 83. 1925). «Стабилизация капитализма создает благодарную почву для всяческих шатаний и *уклонов*» («Изв.» № 83. 1925). «Но у нас в практике деревенской работы имеется целый ряд недостатков, целый ряд ошибок и *уклонов*» («К. Пр.» № 23. 1925). «— Что-с? *Уклончики* обнаруживаете? Железное единство подрываете? Ревизию активизма производите?» («К. Пр.» № 41. 1926). «Тяжелые ошибки и *уклоны*» («На посту» № 2—3, с. 26). «Эта работа будет вредна, это будет неправильный *уклон*» («Пр.» № 288. 1924). «Сплоченность между членами ассоциации [пролетписателей]… закреплена борьбою с извращениями, *уклонами* и ошибками» («Окт.» № 1. 1924. 124). «Никогда никакие *уклоны или «уклончики»* в партии не назывались настоящими именами *уклонистами*» («Кр. Мол.» № 4. 83).

Изредка *уклон* не имеет отрицательного значения: «вредное отклонение», а употребляется в значении вообще «направления». — «Сейчас в партии по вопросу о крестьянстве имеются два *уклона*» («Изв.» № 99. 1925).

В собраниях профессиональных групп допускаются при основном *докладе* еще *содоклады*. — «А почему нет *содоклада* ревизкома? Я сейчас могу сделать *содоклад*» («Пр.» № 183. 1925). — Но в партийной среде *содоклад*, представляющий иные положения сравнительно с основным докладом центральной организации, недопустим. Много порицаний вызвал *содоклад*, представленный на XIV партийном съезде. — «Что такое выступление с *содокладом*, как не первая попытка оформить идейные разногласия?» («Пр.» № 297. 1925). «Вот здесь говорят и писалось в газетах, шум поднят относительно *содоклада*: не было ни разу в истории партии *содоклада*» («Пр.» № 2. 1926).

70. Партия стремится пропагандировать свои положения. *Агитация*, *пропаганда* занимают весьма важное место в деятельности коммунистической партии. *Агитация*, *агитировать*, *агитатор*, *агитпропаганда*, *агитпропщик*, *пропаганда*, *пропагандист*, *агитатор-пропагандист*, *политпросвет*, *политпросветчик* и другие термины относятся к этой деятельности. Устраиваются особые *агитпункты*. — «Коллегия *агитаторов и пропагандистов*» (Лен. 1917. Такт., с. 336). «Воспитание *низового агитатора*» (заглавие, «Пр.» № 66. 1926). Курсы *агитаторов*. *Агитпропщики.* Этот слой работников призван руководить коммунистическим просвещением внутри партии и среди широких трудящихся масс («К. Пр.» № 1. 1925). «Надо на курсах разработать целую систему мероприятий *пропагандистского* и организационного характера» («К. Пр.» № 1. 1925).

«Каждый партийный работник должен быть *политпросветчиком*. Каждый *политпросветчик* должен прежде всего уметь работать с массами» («Пр.» № 30. 1926). «*Агитпункты*, культурные центры в эпоху военного коммунизма, не потеряли своего значения и до настоящего времени» («Изв.» № 277. 1925).

В первые годы революции были в большом ходу *агитки* — краткие агитационные произведения, напр., *агитки* Маяковского. «Это была пора, когда в литературном житейском обиходе господствовал паек, а в самой литературе — *агитка*» («На посту» № 1 (5), с. 152). Теперь говорят об *агитках* как о пережитке.

Пропаганда идей партии происходит во многоразличных видах. Один из этих видов, который стал применяться года три тому назад, — это *индивидуальная* обработка. Лица, ведущие такую пропаганду, называются *иидивидуалами* или *индивидуалистами* (реже). Одной из форм этой обработки является *партийное крестничество — парткрестничество*: к члену РКП *прикрепляются* два-три беспартийных для обработки их в коммунистическом духе. О других формах см. в «Пр.» № 134. 1925. Указано (иронически) и на такую форму. «Соберутся в комнату парочки и занимаются взаимной *обработкой*... Тут один у нас парнишка романсы Вяльцевой поет. *Индивидуалисты* слушают. Это, говорят, нам не мешает» («К. Пр.» № 68. 1926).

Термины для проведения пропаганды: *обрабатывать* к.-н., *обработка* к.-н., *втягивать*, *вовлечение*, *открыть глаза* кому-нибудь, *развернуть*, *разворачивать* работу по пропаганде. — «Задача использования политического сдвига в широких кругах рабочей и беднейшей крестьянской молодежи в целях коммунистической *обработки ее.* Методы и содержание внутрисоюзной работы, которая должна обеспечить нам успешность коммунистической *обработки* массы новых членов» («Кр. Мол.» № 1. 63). «Мало сделано в смысле их [новых членов] воспитания и *обработки*» («Кр. Мол.» № 2. 124). «Имеются желающие вступить в партию — 25 человек. Ячейки относятся к ним осторожно, предварительно изучают их, *обрабатывают*, *втягивают* в практическую работу» («Пр.» № 292. 1924). [Термин *обработать* применяется и несколько шире.] «Труднее обстояло дело с преподавателями… Кой с кем пришлось распроститься, кой-кого *обработать* соответствующим образом» («Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 85). «Проводить работу по *втягиванию* девушку [!] в комсомол» («С. Комс.» № 4. 1926). «Мы должны держать курс на *вовлечение* в нашу работу беспартийных» («Пр.» № 295. 1924). «*Вовлечение* батрацкой молодежи в комсомол» («К. Пр.» № 23. 1925).

«Мы *открыли глаза* узбечкам» (из речи работницы). «*Развертывание* в деревне работы комсомола» («Изв.» № 122. 1925). «*Разворачивание* большевистского лозунга, *разворачивание*, сообразное во времени и темпе с ходом революции» («Изв.» № 270. 1924).

Термины *вовлечение*, *втягивать*, *развертывать*, *разворачивать* широко применяются и в других областях. — «*Вовлечение* девушек в работу общественных организаций» («Пр.» № 9. 1925). «Вопрос о *вовлечении* семейной женщины в клубную работу» («Пр.» № 290. 1924). «*Втягивать* батраков в профсоюз» («К. Пр.» № 23. 1925). «Мы знаем великолепно, в каких условиях приходится нам *разворачивать* всю нашу работу» («Пр.» № 297. 1925). «*Разворачивать* широкую массовую деятельность» («К. Пр.» № 68. 1926). «Рождество используется для *разворачивания* пропаганды по естествознанию» («С. Комс.» № 23. 1925). «Торговля только *разворачивалась*» («П. Пр.» № 39. 1925). «*Разворачивание* промышленности» («Пр.» № 271. 1925). «*Разворачивание* производства. В виду *разворачивания* техникума мы добились *дотации*» (из речи заведующего одной школой).

«*Разворот* работы» («Студ.-Пролет.» № 5. 1924).

71. Очередная работа *партийца* и *партийки* — это их *нагрузка.* Уменьшение задаваемой работы — это *разгрузка.* Недостаточная степень нагруженности работой — *недогрузка.* Эти термины вошли в общее употребление. — «На вопрос о *нагрузке* вожатого форпоста надо обратить самое серьезное внимание» («К. Пр.» № 162. 1925). «Даешь *разгрузку*!» («П. Пр.» № 10. 1925). «Должна быть взята более решительная линия в деле *догрузки* работающих заводов» («Изв.» № 96. 1925).

Члены партии не все одинаково заняты выполнением партийной программы. Особое значение представляют активные члены, осуществляющие активно текущую партийную работу. Это — *активисты*, *актив.* Другие члены — *рядовики*, *рядовые*, или *пассив.* — «Присутствовало от 10 до 30 партийцев (*актив* — это цех-организаторы, сменорги, группорги, женорги, старшие индивидуалы, профуполномоченные и т. д.)» («Пр.» № 238. 1925). «*Актив* должен следить и изучать, что интересно и что важно для массы выдвинуть в газете. *Актив* должен втягивать массы в участие в газете. *Актив* должен помочь *рядовому* разобраться в газете. *Актив* должен организационно поставить газету на крепкие ноги. *Актив* должен сам участвовать в газете» («М. Лен.» № 100. 1925). «Комсомолец Давыдов — член бюро волкома и вообще *активист.* Но взгляды у этого *активиста не активистовские*» («С. Комс.» № 23. 1925). «От *активиста* до *ря-*

довика все комсомольцы должны понять, что…» («С. Комс.» № 25. 1925).

Говорится о необходимости *активизировать* партию, об *активизации* рабочего класса. — «Нужно прежде всего *активизировать* самую партию… Без этого нечего и говорить об *активизации* рабочего класса» (С т а л и н. «Пр.» № 89. 1926).

Часто в партийной и общественной жизни говорят о тех или иных задачах или явлениях *актуального* значения. — «Проработать все вопросы, которые являются *актуальными* и для союза в целом, и для его отдельных организаций» («К. Пр.» № 1. 1925). Активные члены партии делают отчеты в возложенных на них поручениях; они — *отчитываются.* Этот термин широко применяется и не в коммунистической среде. Выступая в том или ином собрании, делающий *отчет* заявляет обычно: «Я, товарищи, должен *отчитаться* перед вами». — «Перед теми, кто избирает, и нужно в первую очередь *отчитываться*» («Пр.» № 11. 1926). «Профуполномоченный влез на ящик и начал *отчитываться*» («Пр.» № 236. 1925). «Ваш организатор дал подпись. — За это он, когда придет к нам, *отчитается*» («Пр.» № 297. 1925).

72. Иногда у членов партии создается кичливая уверенность в своем величии. Такое настроение свойственно и некоторым членам *компартии.* Оно вызвало резкое осуждение со стороны Ленина: он требовал настойчивой борьбы с *комчванством.* Это и другие соответствующие названия (*зазнайство*, *самобахвальство*) широко распространены в коммунистической среде. — «Тут осталось коммунистическое чванство — *комчванство*» (Л е н. 1922. Такт., с. 503). «В предыдущие годы одной из главных опасностей была опасность *комчванства*, переоценка своих сил, переоценка достигнутых результатов и т. д.» (Б у х а р и н. «Пр.» № 271. 1925). «Надо покончить с остатками *комчванства*, что нам, коммунистам, море по колено, перейдем его и т. д.» (Д з е р ж и н., «М. Лен.» № 100. 1925). «Случаи командования и *зазнайства* ячеек РЛКСМ и отдельных комсомольцев» (из постановления оргбюро ЦК РКП. 1925). «Если коммунист страдает *комчванством,* то его партия стегает хворостиной» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 19. 1925). «Это язвы. *Самобахвальство*, *комчванство* отталкивает беспартийную молодежь от организации» («С. Комс.» № 2. 1926). «Конференция [пролетарских писателей] была одинаково далека и от *чистоплюйского комчванства* и от троцкистского ликвидаторства» («Окт.» № 4. 1925. 7).

73. Не терпимо в партийной среде безверие в плодотворность деятельности партии, в конечную победу ее. У таких колеблющихся,

неверящих лиц *упадочное* настроение, *упадочность*. Они охвачены *ликвидаторством* или же *хвостистским* настроением; они *хвостисты*.

74. Партия стремится привлечь к себе *массы*, *самые широкие массы*. Во многих отношениях приходится иметь в виду *массовость*, *массовика*, *массовую* работу. В связи с этим в коммунистической среде, а также и за пределами ее в ходу термины, производные, от «*масса*»: *массовость*, *массовый* (*массовая работа* = работа среди массы), *массовая* печатная и устная коммунистическая пропаганда («Изв.» № 122. 1925), *массовик*: *читатель-массовик* = читатель из массы; *массовик-корреспондент* = корреспондент из массы; *крестьянин-массовик*. — «*Массовости* КИМ еще не достиг. Стать *массовой* организацией рабочей молодежи — вот основная задача наших союзов» («Изв.» № 83. 1925).

75. Огромное значение, согласно своей программе, коммунистические деятели придают классовым отношениям. Во многих отношениях проводится *классовый принцип*. Часто приходится говорить и о *деклассировании*, о *деклассированных группах*. — «*Деклассированная* мелкобуржуазная интеллигенция» (Л е н. XV, с. 239). «Если говорить о *деклассированном* элементе, то именно *деклассированная* интеллигенция была против мира» (Л е н. XV, с. 231). «Это состояние экономики породило хаос и в социальных отношениях: масса *деклассированных*, *безработных*, масса потерявших свое резко выраженное классовое обличие, масса социальных осколков» («Пр.» № 144. 1926). «Он *деклассированный* мещанин; он *деклассированный* бедняк» («Кр. Мол.» № 4, с. 57).

Процесс *расслоения* общества (напр., в деревне), разные *прослойки* (— *слои*) его учитываются в партийной коммунистической работе. Термин *прослойки* весьма часто употребляется в речи советских деятелей. — «*Прослойки* общественных классов» (Л е н. XV, с. 585). «Отдельные *прослойки* рабочих» (Л е н. XV, с. 265). «Если мы посмотрим на тех деревенских работников, которыми мы в настоящее время располагаем, мы должны будем констатировать прежде всего их удручающую слабость как партийной *прослойки*» («Изв.» № 96. 1925). «Партийная *прослойка* в них [в волостных организациях] слабая» («К. Пр.» № 1. 1925). «Кулацкая *прослойка* деревни» («Пр.» № 57. 1926). «Выдвинулся новый, свежий кадр низового актива. Это крепкая *прослойка* массовиков» («Кр. Мол.» № 1, с. 66). «В производство вовлекаются новые *прослойки* молодежи» («Пр.» № 271. 1925). «Большая газета обслуживает многие и различные читательские *прослойки*» («Пр.» № 288. 1924). «Стенная газета организует жизнь в самых фундаментальных ее *прослойках*. Она готовит нам

новые кадры рабкоров и селькоров, выдвигая на общественную арену новые культурные *слои*» («Пр.» № 288. 1924). «…чтобы теория ленинизма не сделалась монополией *прослойки* вождей» («Пр.» № 74. 1925).

В связи со значением рабочего класса происходит в разных областях культурной, общественной и экономической жизни *орабочение*, напр., *орабочение аппарата*, *орабочение* высшей школы («Кр. Мол.» № 2, с. 89) и др.

76. Каждая партия имеет среди своих членов не только лиц, солидарных во взглядах, но и лиц, вошедших в состав партии ради каких-нибудь выгод. Это — *примазавшиеся. Примазывались* многие и к коммунистической партии, входя в состав ее или становясь *сочувствующими* ей. «После революции он *примазывается* к партии» («Пр.» № 285. 1924). В первые годы после *Октября* часто говорили: *примазываться*, *примазавшийся*…

77. Одна из главных задач коммунистической партии — сблизить, «сомкнуть» далеко стоявшие один от другого классы, рабочий и деревенский — вызвала частое употребление слова *смычка.* Это слово утратило уже свое прежнее, техническое значение. Противоположное явление, разъединение — это *размычка. — Смычка рабочих и крестьян*, [или просто] *смычки* (обычный лозунг]. «Пионеры, крепите *смычку*!» («П. Пр.» № 13. 1925). «Поднимаем производство и крепим *смычку*» (заглав., «Пр.» № 137. 1925). «Эта политика подводит фундамент под *смычку* пролетариата с крестьянством» («Изв.» № 122. 1925). *Размычка* («Пр.» № 188. 1925).

Вместо слова *смычка* говорят иногда *увязка.* Но этот термин, чрезвычайно часто употребляющийся, применяется по отношению к другим, не классовым явлениям. — «Нужна не *размычка* в области культработы между рабочими и крестьянами, а *смычка*, тесная *увязка*» («Пр.» № 130. 1925).

О *смычке* и *размычке* говорится и в других отношениях общественной жизни. — «Следует отметить прежде всего явление некоторой *размычки* авангардных организаций трех поколений, сказывающейся отрицательно и на пионердвижении. Комсомол в целом ряде звеньев "*размыкается*" с пионерорганизациями» («Пр.» № 271. 1925).

78. *Экономика* представляет для коммунистических деятелей одну из самых существенных задач в практике общественной жизни. Об *экономике* страны весьма часто говорят и пишут. Многочисленные *планы* и *планирования*, *плановые* комиссии с центральным учреждением *Госпланом*, их участники — *планировщики*, стремление к *плановости* в работе — все это направлено к улучшению условий

экономической жизни. Для той же цели учреждения, организации составляют планы своих занятий на определенный период времени — *календарные планы*, *календари* работ. *Конъюнктурные съезды* обсуждают экономические перспективы, составляют *перспективные планы*. Целесообразно распределенной работе противополагается *беспланость*, разбросанность в работе. Но бывают и *просчеты*. Это слово тоже в большом распространении в речи партийных и советских деятелей. — «Колоссальный рост нашей *экономики*» («Изв.» № 116. 1925). «Все эти бедствия не могли не отразиться на *экономике* страны» («Изв.» № 116. 1925). «Нас (тресты) ругают за отступление от программ *финпланов*, которые нам утверждают в половине операционного года, в то время, как при всем желании работать по этим *планам* нельзя. Это — большой недостаток нашего *планирования*, который надо изжить» («Пр.» № 134. 1925). «Успехи *плановой* работы — подлинная барометрическая скала социалистических достижений» («Пр.» № 57. 1926). «Экономия, *плановость*, инициатива» (заглав., «Пр.» № 90. 1926). «*Плановых* ячеек у нас хоть пруд пруди» («Пр.» № 141. 1926). *Планировщик* («Пр.» № 89. 1926). «Вопросы, занимающие правительственные органы: Госплан, наркоматы и др. *планирующие* центральные и местные учреждения [должны служить источниками для дипломных студенческих работ. Распоряжение Главпрофобра]. А в общем и целом, — как пишется в резолюциях, — Главметаллу надо предусмотреть в *перспективных* планах металлопромышленности изготовление…» («Пр.» № 58. 1926). «Предлагается выработать *календарное* распределение заседаний» («Пр.» № 139. 1925). «Кроме такого (годового) *плана*, т. Федоров предлагает еще составлять *календарные планы* на более короткие сроки, а на более длинный период — *перспективный план*» («Пр.» № 89. 1926). «“*Планотворчество*” — одна из упорнейших советских болезней, которыми девятый год страдает СССР. В особенности тяжелые случаи “планотворчества” наблюдаются в провинции» («Смех.» № 25. 1926).

В связи с расчетом, с плановым распределением работы и времени находится выражение: *бюджет времени*. Этим выражением пользуются часто в речи многие лица в разных местностях СССР. — *Бюджет времени* студентов («Пр.» № 58. 1926). «Работа т. Струмилина является первым опытом статистического подхода к изучению рабочего быта в разрезе *бюджета времени* рабочего. Материалами для книги послужили обследования *бюджета времени* и описаний инвентарей рабочих и служащих в конце 1923 г.» («Пр.» № 67. 1926). «*Бюджет времени* школьника» (заглавие сборника статей. 1927). Не знаю, позволит ли мне это мой *бюджет времени* (из разго-

воров). «Если подсчитать *бюджет времени* научного работника, то получатся ужасающие цифры» («Изв.» № 30. 1927).

Стремление к постоянному учету результатов деятельности вызывает собою частое употребление слов *итог*, *итоги* и в особенности *подытожить*. Эти термины стали применяться к разным видам деятельности. — «В данное время мы имеем возможность *подытожить* шестимесячную работу ВНО (Военно-научного общества)» («Пр.» № 105. 1925). «Будет *подытожен* четырехлетний опыт военно-научных организаций» («Изв.» № 106. 1925). «*Подытоживая* прошедший учебный год, видишь в прошлом ошибки» («Кр. Мол.» № 2, с. 122). «Полезно оглянуться назад, *подытожить* хотя бы суммарно основные достижения рабфаков» («Кр. Мол.» № 2, с. 89). «За восемнадцатый год один вагон выпустили — *подытожил* Тимоша» (Ф и л и п п о в. У станков. «Окт.» № 2).

79. При усилии ликвидировать экономическую разруху 1918—1919 гг. появились настойчивые *лозунги*, призывающие к подъему *производства*. Стены каждого рабочего клуба и завода увешаны подобными *лозунгами* (полотна с лозунгами). В последние годы было очень много речи на темы этих лозунгов. Действовали *производственные комиссии*, *производственные совещания*, составлялись *производственные планы*, устраивались *производственные вечера*, «ставятся *производственные пьески* и *доклады*» («Пр.» № 98. 1925) и многое другое. Нередко вместо слова *производство* говорят *продукция*. Лозунг: «улучшить качество *продукции*».

80. Для названия расхождения цен на продукты сельского хозяйства и продукты промышленности стало употребляться в последние два года слово «*ножницы*». — «За последние семь месяцев производительность труда упала на 5 проц., в то время как заработная плата увеличилась примерно на 16 проц. Таким образом, мы имеем расхождение между ростом производительности труда и ростом заработной платы. Или, выражаясь другими словами, мы имеем здесь “*ножницы*”, стригущие социалистическое накопление» («Изв.» № 43. 1926). *Ножницы* между заработной платой и производительностью труда должны быть сомкнуты (из газет). «Павлычев выпил всю бурю криков. Стоял. Молчал. Вдруг, улучив секунду молчания, холодно бросает: — Не для того я встал на арену. Вам известны *ножницы*? — Мужиков разом как срезало. Тишина — слышно, как за версту речка точит берег. — Известны, говорю, *ножницы*?.. Тишина. Передний упавшим голосом спросил: — Для овец и… как бы… для бабьей пошивки? — Нет! — отвергает Павлычев. — *Ножницы* экономичны, неестественны… невидимы… Известно?! — Тишина — затаенность, —

что это еще за беда на мужичью голову?.. — Но над жизнью! — рвет Павлычев. — Но одна лизвия — к облакам, другая лизвия — в бучило! Но мужик посередке! Рез-зать?!» («Пр.» № 294. 1924). — О *ножницах* часто говорится и в устной речи. Они применяются к расхождению и в других отношениях. Так, говорят о расхождении *комсомольских ножниц* — о расхождении между формой, методами и содержанием союзной работы в области комсомольских организаций («Пр.» № 67, 71. 1926). *Выборные ножницы* («Изв.» № 59. 1925).

В связи с заботой о подъеме производства находятся термины *тэйлоризм*, *тэйлоризация*, *фордизация*, *стандартизация*, *НОТ* (научная организация труда), *ЦИТ* (Центральный институт труда).

81. По отношению к деревне намечается *кооперирование*, *коллективизация*, *обобществление*, *индустриализация*, *машинизация*, *тракторизация*, *кинофикация*; предлагается *радиофицировать* деревню. Об этом много пишется и говорится. Обсуждаются меры для «развития *товарности* крестьянского хозяйства» («Пр.» № 19. 1926), *товаризации* его («Изв.» № 95. 1925).

В период военного коммунизма действовали по деревням комитеты бедноты — комбеды. Происходило *раскулачивание* в деревне.

В последние годы политика партии и советской власти направлена в сторону не только деревенской *бедноты*, но и среднего по своему имущественному состоянию крестьянина, — в сторону *середняка*, *середняка*. О *середняке* очень много говорят и спорят в партии. *Середняк* стали применять в последнее время и к лицам других групп. О «среднем мужике», о «среднем крестьянине», «среднем крестьянстве» писал Ленин в 1919 г. (Такт., с. 438). В 1921 г. он употребляет по отношению к этому крестьянину название «середняк», «средняк» (Такт., с. 441, 471). Другие примеры. — «Социальное производство не может расти без подъема массы крестьянских хозяйств. В этой последней наиболее многочисленным является *средняцкое* хозяйство… *средняк*, получающий возможность накоплять, будет укреплять свое производство…» («К. Пр.» № 1. 1925). «Масса *рабочего середняка* в Европе» («Изв.» № 118. 1925). «*Рабочий-середняк*» («Кр. Мол.» № 2. 94). «*Середняки-делегаты*» (1926). «*Партийный середняк* необычайно окреп» («Пр.» № 297. 1925). «*Середняцкий* большевизм» («Пр.» № 296. 1925).

82. В связи с новой экономической политикой (*нэп*) появились *частники*. — «Мы будем оттеснять *частников*, кооперировать крестьянские массы» («Пр.» № 71. 1926).

В области использования труда отметим *коллективные договоры — колдоговоры*.

В целях борьбы с туберкулезом и венерическими заболеваниями открыты *диспансе́ры* (франц. dispensaires).

Чаще, чем раньше, стали происходить групповые чтения вслух. За этими чтениями утвердился термин, взятый из актерской среды, — *читки.* [Это произведение] «читают в комсомольских кружках на *читках*» («На посту» № 4, с. 88). «С наступлением лета кружкам необходимо устраивать коллективные *читки* газет и книг на воздухе» («М. Лен.» № 100. 1925). «В отрядах нужно проводить *читку* литературы МОПР'а» («К. Пр.» № 1. 7925). «Провести в избах-читальнях громкие антирелигиозные *читки*» («С. Комс.» № 23. 1925). «*Политчитка* — такое занятие, на котором проводится совместное чтение вслух рекомендованных политических книжек» («С. Ком.» № 27. 1925).

83. Под воздействием освободительных лозунгов революции, а также под влиянием программы коммунистической партии и мероприятий советского правительства происходит обостренное пробуждение национального сознания в среде интеллигенции народов России. Прежнее название их «*инородцы*» считается оскорбительным. Вводится новый термин: *нацмены* — национальные меньшинства. Деятели среди них — это *националы*, *национальные* работники. — «В связи с вопросом о введении всеобщего обучения в условиях национальной школы особенно остро встает вопрос о подготовке необходимого кадра *педагогов-националов*, так как в настоящее время и пределах РСФСР (без автономных областей и республик) имеется всего около 6000 *национальных* педагогов» («Изв.» № 268. 1925).

84. Отрицательное отношение *компартии* к религии вызвало *антирелигиозную пропаганду.* Ее ведут *антирелигиозники.* Происходят «совещания *антирелигиозников* при ЦК ВКП(б)» («Пр.» № 104. 1926), *антирелигиозные* процессии и *читки* и др. В связи с этой пропагандой возникло *попоедство.* — «Посвятить Рождеству стенгазету, избегая при этом *попоедства*» («С. Комс.» № 25. 1925).

85. Коммунистическая партия весьма сосредоточенно относится к тактике осуществления программы своей деятельности.

«Мы должны суметь приложить ухо к земле. Наша партия, поистине, сейчас в таком положении, когда ей приходится слушать, "как трава растет", когда ей приходится вперед учитывать явления, которые в данный момент только еще зарождаются» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 118. 1925). Весьма часто приходится говорить о тактике, о *методах*. *Методы* получили значение: «приемы», «образы действий». Это слово в таком значении употребляется широко и за пределами партийной среды. — «Вопрос о формах и *методах* подготовки

ячейкового актива стоит сейчас перед нами особенно остро» («К. Пр.» № 4. 1925). «Многие, стоящие на посту какой-нибудь низовой власти, принимали собственные *методы*» («Изв.» № 256. 1925). «Имеются еще дефекты и в *методе* провоза этого багажа» («Изв.» № 256. 1925). «Нет, с какого *методу* к нашим мужикам ни подходи, ни фига не получается» («К. Пр.» № 162. 1925). «Смотри, какие *методы* выявляет Виленочка», — говорит молодая жена-коммунистка своему мужу, указывая на плачущего в колыбели ребенка.

В связи с тактикой говорится очень часто о *линиях*, *о подходе*. Эти термины постоянно употребляются в речи советских деятелей. — «О нашем *подходе* к деревне» («Пр.» № 287. 1924). «При таком *подходе* к посылаемым они не будут встречены враждебно со стороны крестьян» («Пр.» № 295. 1924). «*Методы* заготовок и *подхода* к рынку» («Пр.» № 29. 1926). «Это, товарищи, нездоровый *подход*» («Пр.» № 108. 1925). «В большинстве случаев — это молодые комсомольцы, не имеющие *подхода к* крестьянству» («Изв.» № 200. 1925). «Со стороны населения был более сознательный *подход* к делу ликвидации неграмотности» («Изв.» № 248. 1925). — О *подходе* говорят некоторые русские и за границей. «Писатель — это *подход*» (Д. Ш а х о в с к о й. Несколько мыслей о поэзии. Журн. «Благонамеренный», № 1. Брюссель. 1926. 128).

Стремление к постоянному анализу и учету обстоятельств отразилось, между прочим, на частом употреблении слова «*положение*». Часто встречается оно вообще в речи советских граждан. «Сегодняшнее *положение* такое» (из речи). «Теперь такое *положение* создалось» (создалося — в речи рабочих). «*Положение*, товарищи, таково» (такое — в речи рабочих). — «Сейчас мы наблюдаем такое *положение*, когда рабочий-рабфаковец пытается в течение трех лет усвоить и приобрести громадный запас знаний, необходимых для учобы в вузах» («Пр.» № 61. 1926). «На практике мы часто наблюдаем такое *положение*, когда работа профактива ограничивается посредничеством» («Пр.» № 188. 1925). «В настоящее время имеем такое *положение*, что агитпропская работа представляет собою относительно довольно обездоленную отрасль» («Изв. № 96. 1925). «Сплошь и рядом мы имеем такое *положение*, когда основная мысль… ясна» («Пр.» № 265. 1925). «На чей счет надо отнести такое *положение*: на счет актива или же самой ячейки» («Пр.» № 105. 1925). «Судить могу о ней [о власти] по следующим фактам. Так, напр., во время неурожайных лет, мне, как бедняку, давали в первую очередь в достаточном количестве семенной ссуды, давали фуражные деньги на прокормление лошади и коровы… Это одно *положе-*

ние. Второе —…» («Изв.» № 256. 1925). «У нас теперь создалось такое *положение*...» («Пр.» № 30. 1926).

Какая-нибудь объяснительная речь (доклад, сообщение, разъяснение) имеет обыкновенно такой зачин: «Дело, товарищи, в следующем»…

Диалектика, *диалектический* метод — основной метод, принимаемый коммунистическими деятелями. Об этом методе говорят в разных областях знания и практики. *«Диалектика* экономики» (Бухар.). «*Диалектика* в биологии» (заглавие брошюры Козо-Полянского. Ростов н/Д. 1925). «В рассказе "Любовь трех поколений" дано *диалектическое* изображение эволюции половых чувств… На фоне этой картины [она] выткала *диалектический* рисунок революции половых чувств» («На посту» № 5, с. 243, 245). «Вопрос может разрешаться только *диалектически*» («На посту» № 4, с. 31). Надо к вопросу [о замещении *жилплощади*] подходить *диалектически*, — заметил агент МУНИ [московское управление недвижимым имуществом] (из разговора).

Коммунистические деятели стремятся к отчетливому представлению того или иного дела, положения, обстоятельства. В связи с этим находится тенденция к постоянному употреблению слов *четкость*, *четкий*, *четко*. Эти слова применяются шире, чем раньше, замещая слова: четкость, ясность, отчетливость, наглядность, определенность, -ий, -ый, -о (четкий, ясный, ясно, наглядно…). О *четкости* и *четких* явлениях весьма часто говорят и вне партийных и правительственных групп. — «*Четкость* в партийном строительстве» («Изв.» № 122. 1925). «*Четкость* работы хозорганов» («Пр.» № 11. 1926). «Нужна *четкость* мысли» («Пр.» № 134. 1925). «Это надо усвоить со всей *четкостью*» («Кр. Мол.» № 3, с. 30). «Углубление линии профсоюзов, большая *четкость* в ней» («Пр.» № 95. 1926). «*Четкость* марксистского миросозерцания. Реформа вносит ясность и *четкость* оплаты труда (из речей). *Четкое* руководство» («Пр.» № 81. 1925). «Нет *четкого*, ясного понимания задачи» («Пр.» № 117. 1925). «*Четкая* и определенная линия» («Пр.» № 139. 1925). «Задачи, которые теперь поручаются партией комсомолу, требуют *четкого* осознания этой ответственности» («Пр.» № 137. 1925). «Правильная работа ленинского комсомола невозможна без *четкого* усвоения и верного понимания союзом тех общих задач, которые…» («Пр.» № 289. 1925). «Он вырисовывает *четкую* фигуру авантюриста-офицера» («На посту» № 4, с. 167). «Эти народности не дают в своих звуках *четких* индивидуальных черт» («Изв.» № 101. 1925). «Стихотворения отличаются *четкой* выдержкой тона и сильным языком»

(«Окт.» № 2, с. 218). *Четкое* выполнение задачи (из разговоров). «Лозунг “лицом к деревне”, брошенный компартией и соввластью, может быть осуществлен на 100 проц. лишь в том случае, если мы *четко* и ясно будем знать нужды деревни» («К. Пр.» № 68. 1926). «Армия свою задачу исполняет *четко* и твердо» («Изв.» № 106. 1925). Выявить *четко* принципы подхода к плану восстановления каждого факультета (из бумаг Главпрофобра).

Часты призывы и советы *уточнить* что-нибудь, к *уточнению* чего-нибудь. — «Надо *уточнить* эту работу, *увязать* ее с практикой, которую товарищи имеют *на местах*» («Пр.» № 139. 1925). «Чтобы *уточнить* смысл решений расширенного ИККИ, нужно говорить не об одной, а о двух стабилизациях» («Пр.» № 89. 1925). «Они [империалисты] вынуждены будут *уточнить* свои симпатии и антипатии по отношению к различным борющимся китайским группировкам» («Пр.» № 258. 1925). «Стремление к уточнению учета производительности труда» («Кр. Мол.» № 3, с. 20).

86. Все мероприятия и отношения коммунистических деятелей обусловлены интересами партии. Эта обусловленность отразилась в выражении, которое было модным в первые голы октябрьской революции: *постольку, поскольку*... В течение последних лет это сочетание приобрело значение одного наречия: «относительно». «Когда какая-либо отрасль промышленности дает прибыль незначительную, никакой новый предприниматель туда не сунется. Да и прежние будут работать лишь *постольку-поскольку*. Такие отрасли промышленности будут снабжать…» (М и х а л е в с к и й. Начальный курс политической экономии. 6-е изд. 1925, с. 205—206). «Школа на время стала раковиной, куда масса учителей хотела спрятать свою голову от грозной, невиданной революционной бури. Эту раковину оно приспособляло к революции *постольку-поскольку*... А там нужда…» («Пр.» № 6. 1925).

87. Партийные деятели и представители советской власти стремятся к деятельности целостной, прочно связанной во всех своих частях. Поэтому в советской среде постоянно идет речь об *увязке*, *неувязке*, *невязке*; указывается на необходимость *увязать*, *связать* что-н. — *Увязка* теории с практикой (обычно в речи). *Увязка* учебных планов с требованиями производства («Кр. Мол.» № 76. 1925). «Полная *увязка* их запросов — основная задача дня» («Пр.» № 81. 1926). «*Неувязка* между органами» («Изв.» № 81. 1925). «Делегаты отмечают *неувязку* между выпуском квалифицированных работников и потребностями полиграфической промышленности в них» («Пр.» № 292. 1924). «В работе ревизионных комиссий имеется ряд

организационных *неувязок* и недочетов» («Пр.» № 36. 1926). «С мануфактурой получилась такая *неувязка*, мягко выражаясь» (из речи). «Некоторые *неувязки* в хлебозаготовительной кампании» («Пр.» № 283. 1925). «На каждый промах, на каждую *неувязку* в работе наших партийцев болезненно реагирует середняк» («Пр.» № 105. 1925). «Бывают случаи *неувязки*, когда налог берется с того, кому еще надо помогать… Они говорят резко, прямо и деловито, указывая пленуму на все *перебои*, *невязки*, дефекты» («Изв.» № 116. 1925). «Имеется какая-то *невязка* в работе» («Изв.» № 295. 1924). «Плохо *увязываются* планы отдельных ведомств» («Пр.» № 134. 1925). «Необходимо тщательно *увязывать* устную и печатную агитацию и пропаганду с системой практических мероприятий» («Кр. Мол.» № 3, с. 20). «*Увязать* корреспондентов газет со стенными корреспондентами» («Пр.» № 285. 1924). «Работа по выдвижению актива должна быть *увязана* с общими нашими задачами» («К. Пр.» № 162. 1925). «В политико-просветительную работу комсомола нужно ввести большую плановость и систематичность, тесно *увязав* ее со всей практической общественно-политической работой союза. Вся культурная работа ячейки КСМ должна быть тесно *увязана с* работой избы-читальни» («Пр.» № 283. 1924). «Нужна *увязка*. Надо *связать* практическую работу с учебой» («Унив. Пр.» № 1. 1925).

Другой термин, который употребляется в этих случаях, — военного происхождения: *связаться*. — «Крепко *связываемся* с крестьянством» (заглав., «Пр.» № 117. 1925). «Бюро студкоров ЛГУ *связалось с* общим рабкоровским и юнкоровским движением» («Кр. Мол.» № 1. 122). «Мы *связались* с одним отрядом» («К. Пр.» № 4. 1925).

Все эти термины в изобилии встречаются и в устной речи советских граждан.

88. Мы рассмотрели обстоятельства происхождения различных терминов, характерных для последних лет, и широкое распространение и применение этих терминов в партийной и советской среде. Многие из них имели вначале эмоциональное значение. Но с распространением в широких кругах они утратили эмоциональный оттенок. Употребляясь в речи часто, некоторые из излюбленных слов и сочетаний утратили не только эмоциональную окраску, но и реальное значение, не соответствуя тем предметам и явлениям действительности, к которым относятся они в речи лиц, бессмысленно пользующихся теми или иными модными словами. Такое неумелое и бессмысленное применение терминов вызывает сатирические обличения. Вот, напр., «Искусственные люди», недавнее стихотворение Вл. Маяковского («Изв.» № 234. 1926).

… Разлад в предприятии —
грохочет адом.
буза и крик.
А этот, как сова,
Два словца изрыгает:
— Н а д о
с о г л а с о в а т ь! —
Учрежденья объяты ленью.
Заменили дело канителью длинною.
А этот
отвечает
любому заявлению:
— Н и ч е г о,
в ы р а в н и в а е м л и н и ю. —
Надо геройство,
надо умение,
чтоб выплыть
из канцелярщины вязкой,
а этот
жмет плечьми в недоумении:
— Н е у в я з к а! —
Из зава трестом
прямо в воры
лезет
пройдоха и выжига,
а этот
изрекает
со спокойствием рыб:
— П р о д в и ж к а! —
Разлазится все,
аппарат — вразброд,
а этот,
куря и позевывая,
с достоинством
мямлит
во весь свой рот:
— И с п о л ь з о̀ в ы в а е м. —
Тут надо
видеть
вражьи войска,
надо
руководить прицелом, —
а этот
про все твердит свысока:
— В о б щ е м и ц е л о м. —

Тут не приходится в кулак свистеть,
как пишется
в стенгазетных листах:
«Уничтожим это,
если не везде,
то во всех местах».

Ср. в языке самого Маяковского слова нашего времени: *буза*, *зав*, *аппарат* («аппарат — вразброд»), *стенгазетный*. Об «использовывать» см. в § 129, в пункте о глаголе.

6. Диалектические элементы: юго-западные, украинские, великорусские

89. Среди коммунистических и советских деятелей в России находится много уроженцев Полыни и юго-западных областей, белорусских и украинских. В своей устной речи они представляют длинный ряд местных, диалектических черт. Некоторые из этих особенностей распространяются среди населения Москвы и других городов центральной России. Таково образование сравнительной степени с *-éе* (*-éй*) в *хужéе* (вм. *хуже*). Несколько лет тому назад такое образование произносилось с известным ироническим оттенком. Теперь же приходится наблюдать *хужéе* как нормальную форму сравнительной степени в речи некоторых великоруссов, недостаточно осведомленных в русском литературном языке. *Хужее*, *хужей* употребляет, как колоритные формы, поэт-коммунист Безыменский.

Любой поэтокот *хужее*
Полсотни мартовских котов.
(Пролог. «Окт.» № 1)

Упорны, жестки войны мира,
Но их упорнее, *хужей*
Война враждебных этажей.
(Война этажей. «Окт.» № 2).

Отдельными лицами в центральной России может быть усвоена сравнительная степень на *-éе*, с ударением первого *е*, и для других прилагательных. Такие образования они слышат от многих советских деятелей. Так говорят и по радио: «Сама Севилья *красивéе* других городов», — передает по радио содержание одной итальянской песни руководитель концерта в Московском Доме Союзов. «Корреспонденты *прытчее* всех американских» («Смена» № 6. 1924. 30).

Распространяются отдельные слова юго-западного происхождения. В московских и провинциальных булочных продают не только калачи, сушки, пеклеванный хлеб, но и *халу* (еврейского происхождения)[36].

Замордованный — «измученный» (ю.-зап.). «Места повинны в валовом паломничестве в Москву *замордованного* безучастием к себе инвалида и отпускника» («Пр.» № 142. 1925).

Кроме как вм. «кроме». Никто *кроме как* он[37]. «Нигде *кроме как* в Моссельпроме!» (реклама).

Весьма широко распространилось сочетание «*какая разница?*», произносимое в вопросительно-индифферентном тоне. Значение такого сочетания: «это ничего не значит», «пустяки». Это сочетание представляет теперь речь разных слоев населения, в том числе и некоторых профессоров. «Прогонят меня со службы или нет — *какая мне разница*?»

Отмечено и такое значение: «какое [вам] дело?»

Это сочетание в указанном выше значении («пустяки», «ничего не значит») занесено с Юга. Давно известно ироническое выражение: «Это две большие разницы, как говорят в Одессе».

Ах — оставьте. — «Оно, конечно, соседи с непривычки обижались. — Может, говорят, оно [телефон] и ночью звонить будет, так уж это вы — *ах оставьте*» (З о щ е н к о. Телефон).

90. Черты украинской области отразились в термине *селяне*, *селянство* = крестьяне, *селянка*, *селянский.* Эти термины применялись сперва преимущественно по отношению к украинскому сельскому населению, а затем и к великорусскому. — «Тов. Калинин среди *селян Харьковщины*» («Изв.» № 282. 1925). «Больше внимания селу, больше реальной помощи *селянству*» («Пр.» № 117. 1925). *Селянство* («К. Пр.» № 17. 1925). Лечебная помощь *селянству* («Изв.» № 35. 1926). «Миколаевна — *селянка*, которую знает все село как делегатку» («Пр.» № 117. 1925). «Смычка города и села невозможна без участия работницы и *селянки*» (плакаты, расклеенные по Москве 8 марта 1925).

Агенты по сбыту —
Люди, в тонкости изучившие
Капризы *селянского* нрава…
(«Смех.» № 19. 1926).

[36] Л. В и н е р. Еврейско-немецкие слова в русских наречиях («Живая Старина», V. 1895. № 1, с. 68).

[37] Д о л о п ч е в. Опыт словаря неправильностей, с. 113.

В комсомольской среде принято называть девушку по-украински: *д'ивчина.* — «*Дивчина*, видно, дельная, — характеризуют в комсомольском собрании кандидатку в комсомол» (Пресня). «Да у нас на фабрике и вопроса-то никакого нет. Просто, если кому нравится *дивчина*, подходит и говорит: — Ты мне нравишься, Манька или Ленка…» (О г н е в. Дневник Кости Рябцева. «Кр. Новь». X, 1926).

Из Украины распространилось имя *мóлодежь* с ударением на *мо-*. Ср. укр. мóлодіж, мóлодежі…

Украинского происхождения *землерóб*, заменивший в Советской России з е м л е д е л ь ц а. Просмотрите анкеты с ответами: там будет нередко встречаться такой ответ на вопрос о занятии родителей: *землероб.*

С Юга и Юго-запада, из среды духовенства, занесено в Москву и в другие города слово *халтура.* На Юге так называют поминки, поминальный обед, даровое угощенье. Дальнейшее значение этого слова — нажива. В таком значении это слово было распространено в московской духовной среде (служить в чужом приходе). Перешло оно затем и в артистическую среду. В Советской России *халтура* — это название недоброкачественной работы ради какого-нибудь гонорара (муки, крупы, дензнаков). Производные образования: *халтурить*, *халтурничать*, *халтурничанье*, *халтурщик.*

В передаче украинских географических названий сохраняется суффикс *-щина. Харьковщина* — Харьковская область; *Полтавщина*, *Екатеринославщина* и др.

91. В речи великорусских деятелей революции также отражаются в некоторых случаях местные диалектические черты. На севере и востоке от Москвы говорят *встать* в таких сочетаниях: *река встала* (река стала, покрылась льдом), *часы встали* (часы стали, остановились) и т. п. Так и в речи многих коммунистических и советских деятелей. — «Необходимо *встать* на историческую точку зрения» (Л е н. XV, с. 175). «Империализм *встал* на путь гибели» (Л е н. XV, с. 178). «Топлива тоже крайний недостаток, *встанут* железные дороги и фабрики» (Л е н. XV, с. 298); «но и — наша политика теперь должна *стать* на те рельсы, которые…» (XV, с. 579). «Школа первой ступени *встала* на правильные рельсы» (К р у п с к а я. «Пр.» № 10. 1925). «Мы стремимся к тому, чтобы все трудящиеся *встали* на сторону нашего строительства» («Изв.» № 10. 1925). «Крестьянство само и только само не сможет *встать* на правильные рельсы» («Кр. Тат.» № 26. 1925).

Из средневеликорусской или северновеликорусской области (к северу от Москвы) происходит *флачок* (флажек). «Над ней развивал-

ся небольшой красный *флачок*» (Б е р е з о в с к и й. В стенных просторах. «Окт.» № 2). В указанной области (средне- и северновеликорусской) произносят *флак* (флаг). В параллель чередованию *мужик — мужичок*, *пятак — пятачок*... стали говорить *флак — флачок.*

Критик (Лелевич) упрекает современного певца деревни И. Доронина, что в его стихотворениях одним из видов «языковых погрешностей» являются неправильные ударения. Вот два примера: 1) Так пахнет *густою* смолой… 2) То радуги *поло́жив* друг на друга («Окт.» № 2. 197). Эти «погрешности» — отражение родного говора поэта, — говора средневеликорусского или северновеликорусского. На это указывает ударение на *-ло* — в глаголе *поло́жить*.

Южновеликорусской (к югу от Москвы) чертой является в речи отдельных лиц глагол *скоро́дить* (боронить). — «Ибо в семь лет крестьянский мальчик гоняет лошадей в ночное; в девять — *скородит*» («Пр.» № 134. 1925).

Отметим еще две черты вообще великорусских народных говоров.

«Мы *хочем* только пожелать…» («С. Комс.» № 1. 1925). — «Умывальников и полотенц*ев* мало» («Пр.» № 236. 1925).

7. Язык общения с представителями других государств

92. Вступление Советской России в общение с европейскими государствами, сохранившими прежний уклад жизни, держащимися прежних форм общения, отражается и на языке центральной советской официальной прессы, и на форме речи представителей правительства СССР: принимается форма общения тех, с кем приходится вести дело. В качестве примера отметим речь председателя ЦИК'а тов. Петровского при приеме датского посланника г. Скау. С подобающей обстоятельству изысканностью отвечая на речь посланника, тов. Петровский так говорил между прочим: «Обращаюсь к вам с просьбой о передаче его величеству нашей искренней благодарности за выражение симпатии и пожеланий, я хочу вас заверить, что Союзное Правительство питает такие же чувства по отношению к Дании» и т. п. («Изв.» № 170. 1924).

В языке дипломатических сношений сохраняет свое прежнее значение слово «господин». Так, напр., тов. Раковский в одной из своих нот английскому правительству пишет: «Поводом к настоящей переписке и к ноте *господина* Грегори от 24 октября, …послужило мнимое письмо *господина* Зиновьева на имя центрального комитета великобританской коммунистической партии. Немедленно по получении означенной ноты я сообщил *господину* Макдональду пись-

менно о своем абсолютном убеждении в подложности приписываемого *господину* Зиновьеву письма» и т. д. («Изв.» № 273. 1924). И по отношению к китайскому генералу Чжан-Цзо-Лину употребляется дипломатическая форма речи. «Я глубоко тронут телеграммой *вашего превосходительства*», — телеграфировал наркоминдел тов. Чичерин («Изв». № 17. 1925). Эта форма речи, как средство общения с представителями других государств, так же необходима, как фрак для *совпредставителя* на Генуэзской конференции.

IV. Эмоционально-экспрессивная функция речи

Эмоциональная насыщенность речи революционного времени. Быстрота распространения языковых черт эмоционального значения. Речевые шаблоны. Формы и способы выражения экспрессии

93. Эмоционально-экспрессивная функция речи имела огромное значение в революционные годы. Пафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага, категорические приказы в обстановке решительной битвы — все это вылилось в соответствующих формах речи. В сильной степени эмоционально-насыщенные речи раздавались на митингах, на собраниях, в напряженные моменты общественно-политических и партийных заседаний. — «Сердца бились, руки тряслись. Ильич сам страшно волновался, и его лицо сделалось гипсовым. Когда он стал громить социал-патриотов, когда зазвучала бичующая, гневная, настоящая марксистская речь среди патриотического паскудства и блуда, наши души точно свела судорога облегчения. Как сейчас вижу: вот сидит “Абрам” [Н. В. Крыленко], весь трясется, и слезы льются у него из глаз. Наконец-то мы снова берем в руки меч против изменников! Придет наше время, негодяи!» (Бухар. «Пр.» № 17. 1925). «Прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы… Там должны мы в *горячих*, *страстных* речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Совещанием [демократическим], либо восстание. Середины нет» (Ленин 1917, Такт., с. 352—353).

Было много обстоятельств и для таких социальных взаимодействий, когда преимущественное значение имели императивные элементы. Волевые побуждения, идущие от одних к другим, выражались в речи, изобиловавшей строгими приказами, волеизъявлениями, повелительными терминами долга, обязанности. Эмоционально-экспрессивная речь сопровождалась необходимым дополнением —

сильной жестикуляцией и выразительной мимикой. Резкая жестикуляция становится затем необходимым элементом речи каждого коммуниста, хотя бы приходилось вести беседу без особой экспрессии. «На кафедру взбирается рабочий, тоже такой же исхудалый, закопченый, весь обтрепанный, и говорит, тихо мотая руками, сгибаясь вдвое, запинаясь поминутно и сейчас же пригребая к себе руками, точно это помогает выбраться из затруднений» (Серафимович. Впечатления).

Элементы, служащие для выражения эмоциональности речи, становятся в течение времени модными и часто употребляются в среде советских граждан.

94. Характерной особенностью социально-языковой жизни последних лет является быстрота и интенсивность распространения различных языковых черт, исходящих от авторитетных коммунистических и советских деятелей. Но вместе с этим распространением происходит неизменно ослабление и утрата их эмоциональной значимости. Это ослабление и эта утрата отражаются на всех явлениях речевой эмоциональности. Быстро создаются речевые шаблоны вместо недавних форм эмоциональности. Речь с шаблонными *штампами* не возбуждает прежних настроений. Это — «трескотня». Раздаются голоса осуждения речевой трескотни. «Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы — политической трескотне» (Лен. XV, с. 482). «Не изжили мы еще митинговщины в письмах, пышных речей о братстве и солидарности» («К. Пр.» № 100. 1925). Трескотней богаты и речи комсомольца. «Вихрастый чуб, папироса в зубах — обязательно. Работу он ведет так. Докладывает только о международном положении, громя возвышенными фразами “всех хищников империализма”, не мысля опуститься до своего положения — о кооперации, зарплате и т. д.» («С. Комс.» № 2. 1926). «Поменьше шума, — поменьше трескотни, поменьше словоблудия, побольше дела» (Бухар.).

Одним из видов экспрессивно-императивного воздействия речи являются *лозунги.* Они в изобилии раздаются в коммунистической и советской среде. Необходимым украшением стен клуба, столовой, читален служат *лозунги* (плакаты с лозунгами). При процессиях, манифестациях, шествиях на развевающихся красных и бордовых знаменах тоже нашиты или вышиты лозунги. Но сущность этих лозунгов не воспринимается остро. Это — речевые знаки, приличествующие данному обстоятельству, моменту. Но иногда они применяются случайно, бессмысленно, по какой-нибудь одной сходной ассоциации, — применяются к явлениям, совсем неподходящим. «Почему

наш город до сих пор называется Новгород-Волынский? Месту, населенному честными труженниками, не пристало носить кличку, в 1793 году данную кровавым царем! За что страдали, товарищи, за что мы пролили кровь?! Предлагаю называться честному городу по образцу древней и естественной старины: Звягель! *Назад, к Островскому*!» («Пр. № 36. 1926), т. е. к старому Звягелю применен лозунг, брошенный наркомом Луначарским в своих речах и статьях по случаю столетнего юбилея Островского[38]. Торжественные речи обычно заканчиваются двух- или трехкратными *да здравствует* (то-то или такой-то). Но эта концовка представляет только формальный элемент: так надо кончить речь, а значение тут не важно. Бывавшие на торжественных собраниях рабочих знают, каким образом произносятся эти *да здравствует*..: оратор-рабочий кончает речь-высказыванье словами, находящимися перед «да здравствует». Переходя к этим последним формально-заключительным словам (*да здравствует*…), он произносит их скороговоркой, нередко в полуоборот к собранию, направляясь к выходной двери.

Такие выражения, утратившие при частом употреблении их в широкой среде свою экспрессивную и эмоциональную значимость, действуют иногда на лиц впечатлительных отталкивающим образом. «Один коммунист, искренне преданный делу рабочего класса, прекрасный знаток профессионального движения, говорил мне както, — сообщает Г. Винокур, — что когда он где-нибудь слышит или читает формулу: “наступление капитала”, то ему хочется бежать за три версты, он уже не может прочесть статьи, написанной под этим заголовком, не может дослушать речи, посвященной этой теме»[39]. Коробит от этих затасканных формул и выражений и самого Г. Винокура. «Мне, по крайней мере, — пишет он, — достаточно увидеть статью, озаглавленную: “Больше внимания сельскому хозяйству”, или: “Больше внимания Красному флоту”, чтоб статьи этой уже наверняка не прочесть»[40].

Утратили и утрачивают свою эмоциональность и другие речевые выражения ее. Большинство характерных языковых черт, отмеченных в разных пунктах предшествующего отдела (о коммуникативной функции речи, о ее распространении), связано было до распро-

[38] Может быть, это сообщение о местном блюстителе старины и несколько стилизовано. Но все же оно вполне может соответствовать действительности.

[39] Г. В и н о к у р. Культура языка. С. 80.

[40] Там же. С. 81.

странения их в широкой общественной среде с функцией эмоциональной. Быстрота этой утраты соответствует широте и интенсивности распространения этих речевых явлений.

95. Из форм и способов выражения той или иной экспрессии редко встречаются восклицательные сочетания с *О*!.. Они употребляются иногда в выражении крайнего возмущения поступками противников коммунизма. — «*О*, презренные дурачки из “Новой Жизни”!» (Л е н. 1917. Такт., с. 378). «*О*, лицемеры! *О*, негодяи, которые клевещут на рабочее правительство!» (Л е н. XV, с. 407). Другого вида восклицательные сочетания, без *О*!, употребляются нередко по разным поводам. «Вождь вождей, духовный отец и действенный основатель III Интернационала — среди нас… товарищ Ленин! Кто может спокойно произнести это имя!..» («Красная Газета». № 57. 1919). «Какой сдвиг вперед, какое достижение! Советский плуг прогулялся по умам рабочих и служащих, взрыл и создал новые воззрения, правда, по некоторым умам, более закоренелым, плуг прошел вскользь» («Унив. Пр.» № 1. 1925).

96. Излюбленными и очень популярными в речах революционных деятелей являются сочетания с повторениями какой-нибудь части сочетания. — «*Не может быть единения народа с властью, когда* она не является исполнительницей сознательной воли народа; *когда* последний порабощен властью; *когда* народная масса, на которую ложится всё бремя войны, бесправна; *когда* рабочая и крестьянская печать задушена; *когда* рабочие организации разгромлены; *когда* тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа, и *когда* мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. *Не может быть единения* с *властью* и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям» (декларация соц.-демократ. депутатов 4 Госуд. Думы, 1914. Проклам. 83). «Здесь в России, *где* царское самодержавие душит всякое проявление рабочего движения; … *где* многие годы возбуждается национальная ненависть и угроза погромов висит над угнетенными национальностями; *где* алчность помещиков и буржуазии грозит опять втянуть народ в кровавую войну; *где* только на днях, по воле черного большинства Госуд. Думы, грубые руки жандармов вывели рабочих избранников за то только, что они открыто говорили о рабочих стремлениях и нуждах, — здесь пусть особенно сильно и громко прозвучит рабочий голос!» (1914. Проклам. 195—196). «Каутский с ученостью ученейшего кабинетного дурака или с невинностью десятилетней девочки вопрошает: зачем бы это нужна была диктатура, ежели есть большинство? А

Маркс и Энгельс разъясняют: — *затем*, чтобы сломать сопротивление буржуазии. *Затем*, чтобы внушать реакционерам страх. *Затем*, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии. *Затем*, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников» (Л е н. XV, с. 465). «А это *как раз то*, чего нам недостает. Это *как раз то*, чему нам надо учиться. Это *как раз то*, чего не хватает нашей великой революции… Это *как раз то*, что требуется Российской Советской Социалистической Республике» (Л е н. XV, с. 168). «*Можно было* искусственно оттягивать, *можно было* проделать мошенничество Керенского, *можно было* отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу» (Л е н. XV, с. 131). «Мы знаем, что дело организационное, …неизбежно несет нам *массу* опытов, *массу* шагов, *массу* переделок, *массу* трудностей» (Л е н. XV, с. 305). «Эти затруднения требуют, *несомненно*, большей сплоченности, *несомненно*, большей дисциплины, *несомненно*, более дружной работы» (Л е н. 1921. Такт., с. 463). «*После того как* остатки помещиков и капиталистов, их прислужники, прихлебатели и “идеологи” были выкинуты социалистической революцией за пределы “обожаемой” и когда-то эксплоатируемой ими “родины”; *после того как* в течение восьми лет они науськивали на эту собственную “родину” Керзонов и Черчиллей; *после того как* им пришлось быть свидетелями нашего укрепления и роста; *после того как* все их “ставки” и “надежды” одна за другой полетели к черту и его бабушке, — *после* всего этого злоба белых господ против нас, разумеется, ничуть не ослабела» («Пр.» № 91. 1926). «*Вы выдвинули лозунг* группировок, *вы выдвинули лозунг* фракций, *лозунг* “свободы” дискуссий, *вы выдвинули лозунг* превращения нашей стальной партии в федерацию группочек, — вот что *вы выдвинули*» (Б у х а р. «Пр.» № 2. 1926). «*Даже* сейчас, *даже* в пролетарских, *даже* в комсомольских писательских кружках это стремление выделиться в касту с особой внешностью и ухватками неприятно режет глаз» («Пр.» № 102. 1926). «*Уже перед войной* разгорелась классовая борьба во всех странах, *уже перед войной* империалистские конфликты приводили к бряцанию оружия во всем мире, *уже перед войной* колониальные народы подымали голову» («Пр.» № 227. 1925). «*Они голосовали* за безвозмездную конфискацию, *они голосовали* за законопроект коммунистов, *они голосовали* за пролетарский единый фронт» («Пр.» № 66. 1926). «Но не слишком ли рано поют отходную мировой революции лиходеи от оппортунизма? *Ой-ли, так* тверды капиталистические “устои”? *Ой-ли, так* прочна “стабилизация”? *Ой-ли, так* спокойно могут спать банков-

ские плуты, обладатели миллиардных сокровищ, короли угля, железа, нефти, хлопка? *Ой-ли, так* всемогущ, *так* непреодолим социал-демократический обман?» («Пр.» № 100. 1926) [и мн. др.].

97. Для выражения повышенного настроения прибегают к архаизмам и церковнославянским элементам. Эти элементы представлены в отдельных словах, сочетаниях и образах (см. выше § 43—45). «Либкнехт был арестован, избит, замучен. На *голгофе* пролетарской революции буржуазия *распяла* еще одного мученика-революционера!» В § 45 отмечены и другие примеры словесных сочетаний и образы такого происхождения.

Грядет, зиждется. — «Мировая революция *грядет*… Что бы вы ни говорили, призрак мировой революции реет над миром. Мировая революция *грядет.* Она не сверкает еще миллиардом прекрасных и жутких огней, она не говорит еще о себе языком баррикадных боев, не раздается еще грохот гражданской войны… Мировая революция *грядет.* Ее путь — не прямая проторенная дорога. Этот путь долог, сложен и тернист…» («Пр.» № 100. 1926). «*И зиждется* последний завет Воровского» («Пр.» № 105. 1925). — Эти глаголы не утратили еще своего эмоционального значения. Эмоциональное значение сохраняют и наречия *доколе*, *всуе*, *вотще.* — «И *доколе* это будет?!» («Пр.» № 6. 1925). «*Доколе?!*» («Изв.» № 7. 1926). «Клянутся впустую и *всуе* употребляют большие слова» («Пр. № 17. 1926). «И всё это — *вотще*!» («Изв.» № 261. 1925). — Другие же архаизмы и церковнославянские элементы, служившие вначале для повышения стиля, употребляются теперь без эмоциональной окраски. *Коя*, *коей*, *коего*, *кои*.., *некий*, *сугубый*, *сугубо*, *все и вся*, *тем паче*, *во главу угла*, *дабы*. Примеры см. выше, § 43—44.

Некоторые архаизмы и церковнославянские элементы служат для выражения иронии. — *Сей* (кроме сочетаний с *день*, *время*, *предмет*): *сей* струвист, *сей* фактец; *иже с ним*; *вкупе*; *вкупе и влюбе*; *паки и паки* (§ 43—44).

98. Для выражения иронии, недовольства и гнева, возбуждаемого поступками противника, служат также «крепкие» слова и выражения — то, что названо было «заезжательством». Примеры см. в § 58.

99. Ирония по отношению к товарищам-коммунистам по поводу каких-нибудь разногласий часто выражается обращением: *дорогой товарищ*, *дорогие товарищи.* И в обыденной жизни стали часто употреблять это обращение с некоторым, иногда очень слабым оттенком иронии. — «Это есть издевательство над демократизмом, *дорогие товарищи*. Никто вам этого абсолютно не позволит, *дорогие товарищи*» (Бухар. «Пр.» № 2. 1926). «У вас, *дорогие товарищи*,

есть расхождение в понимании классовых соотношений в нашей стране» (К а м е н. «Пр.» № 296. 1925). «Следовательно, *дорогой товарищ*, не знаю, когда вы ставите вопрос» (К а м е н. «Пр.» № 296. 1925). «И мне показалось странным, когда здесь, на съезде, тов. Залуцкий и другие товарищи, хорошо знающие этот инцидент, кричали с мест: “неправда”, “ложь” и пр. Нет, *дорогие товарищи*, то, что написано пером, того не вырубишь топором» (В о р о ш и л о в. «Пр.» № 297. 1925). «*Дорогой товарищ*, мы должны поднять производительность, а ты не хочешь, и как же я буду тебя защищать, если тебя переведут на другую работу» («Пр.» № 258. 1925). «Голый жест и анархическое (мелкобуржуазное) непротивление злу. Видали, в каком положении вы оказываетесь, *дорогие товарищи*, воображающие себя ужасно левыми?» («К. Пр.» № 77. 1926). «— Пойдем в милицию. — Зачем же, говорю, *дорогой товарищ*, в милицию? Неуютно там, в милиции-то» («Смех.» № 19. 1926). — «Нельзя ли потише», — говорит ночью пассажир в вагоне, разбуженный слишком громким ухаживанием какого-то чиновного человека за дамой. — «Это, *дорогой товарищ*, поезд шумит».

100. Представление величия задач революции, трудностей в осуществлении их, угроз и наступлений противника — все это отражается в частом употреблении форм превосходной степени, а также эпитетов и сочетаний для величественности, колоссальности. С течением времени эти формы, эпитеты и сочетания утрачивают до некоторой степени свое эмоциональное значение и являются обычной принадлежностью речи революционного человека.

1) Превосходная степень. *Широчайшие массы*, *тягчайшие* [испытания], *самым решительным образом*, *колоссальнейший* [сдвиг], *самые гнусные* [инсинуации], *величайший…* и др. — «После трехлетней *мучительнейшей* и *реакционнейшей* из войн» (Л е н. XV, с. 257). «Кулаки знают, что тут приходит момент *самой решительной*, *самой последней*, *самой отчаянной* борьбы за социализм» (Л е н. XV, с. 342). «Ценой *величайшей и величайшей* экономии хозяйства в нашем государстве [получим мы возможность] добиться того, чтобы всякое *малейшее* сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии» (Л е н. «Пр.» № 66. 1926). «*Самые провокационные, самые гнусные и фантастические инсинуации, самую подлую клевету* против коммунистов и против Советской России всегда можно было найти прежде всего в печати социал-демократической партии» («Пр.» № 105. 1925). «Сдвиг в деревне *колоссальнейший*» («Пр.» № 93. 1925). «Это, вы, Бернард Шоу, Чемберлены и Макдональды, “полудикие”, а мы — *культурнейший* народ» (З и н о в ь е в.

«Изв.» № 19. 1925). «Ему принадлежат десятки *самых талантливых* книг, *самых бессмертных* книг по коммунизму» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 19. 1925). «Развернуть *широчайшую* кампанию по разъяснению и практическому проведению решений апрельского пленума ЦК ВКП» («Изв.» № 107. 1926). «Наша партия, опираясь на *широчайшую* поддержку трудящихся масс…» («Пр.» № 66. 1926). «Мы будем продолжать разоблачать перед *широчайшими* массами нашей страны и всего мира истинный смысл и цель Локарнской конференции» («Изв.» № 257. 1925). «Создание ежедневной руководящей газеты "Комсомольская Правда" — *колоссальнейший* шаг вперед» («К. Пр.» № 23. 1925). «Мы все заняты сейчас *колоссальнейшим* строительством, *колоссальнейшей* работой в деле строительства социализма» («Пр.» № 297. 1925). «Надо навести *строжайший*, зверский режим экономии» (С т а л и н. «Пр.» № 89. 1926). «Выступление одного из *наиответственнейших* членов этого политбюро» («Пр.» № 295. 1925). «Пусть будет признана ошибка, которая выражается в том, что товарищи, мягко [!] выражаясь, проявили *величайшую* нелойяльность по отношению к *высочайшему* учреждению нашей партии, к ЦК нашей партии» («Пр.» № 293. 1925). «Выполнение такой грандиозной исторической задачи предполагает *величайшую* сознательность широких крестьянских масс» (Ш а ф и р. Газета и деревня, с. 120). Нужна *максимальнейшая* активность (из речи) и др.

2) То же значение имеют образования с *архи-*. Они встречаются часто. В особенности любит такие образования Ленин. — «*Архиреакционер* Баррес» (Л е н. 1907. Такт., с. 216). «*Архиреволюционные* резолюции» (Л е н. 1915. Такт., с. 218). «*Архиоппортунистическая* тактика» (Л е н. 1915. Такт., с. 256). «Самые пошлые *архи-"марксистски"* звучащие отговорки от нее [от революционной борьбы]» (Л е н. 1917. Такт., с. 1917). «*Архизаконное* недовольство и возмущение масс» (Л е н. 1917. Такт., с. 317). «Эта разница довольно тонкая, но *архисущественная*» (Л е н. 1917. Такт., с. 335). «Это *архиневерно*, это беспринципность» (Л е н. 1917. Такт., с. 335). «Надо быть *архиосторожным*» (Л е н. 1917. Такт., с. 335). «Нет ничего ужаснее этого *архитяжелого* договора» (Л е н. XV, с. 177). «Вопрос о несчастном мире, *архитяжком* мире» (Л е н. XV, с. 109). «*Архиликвидаторская* "Наша Заря"» (З и н о в ь е в. 1910. Маркс. и ликв., с. 57). «Эта *архиустроенная* страна [Швейцария]» («Пр.» № 105. 1925). «Это явление… *архиестественное*» («Пр.» № 139. 1925). «Настоящий *архиконсерватор* и фашист Черчилль» («Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 14). «*Архиважная* задача» («Изв.» № 100. 1925). «Это постановление, которое ленинградцы рассматривают как *архинеправильное*» (Т о м -

с к и й. «Пр.» № 296. 1925). «*Архитонкая* догадка» («Изв.» № 7. 1926). «Дело это неимоверно сложное, *архитрудное*» (пишет МОНО. «Пр.» № 115. 1926). «*Архибуржуазный* “Таймс”» («Ниж. Ком.» № 189. 1925). Он такой *архибандит* (из разговора). *Архи как скверно* (служащий-гужоновец).

3) Эпитеты величественности, колоссальности. — *Неслыханный* (очень часто у Ленина), *небывалый*, *гигантский*, *титанический*, *чудовищный* — наиболее распространенные эпитеты грандиозности. — «Спекуляция достигла *неслыханных* размеров» (Л е н. XV, с. 339). «Капиталистический мир идет к *неслыханному* краху» (Л е н. XV, с. 332). «Мы получили новое *неслыханное* поражение» (Л е н. XV, с. 136). «Теперь мы должны перенести *неслыханный* позор» (Л е н. XV, с. 169). «*Неслыханно* тяжкий мирный договор» (Л е н. XV, с. 115). «Значение Ленина для революционного движения *неслыханно* велико» («Карманный словарь»). «На наших глазах происходит *неслыханная* политическая бесхарактерность: Радич, который еще недавно был здесь, теперь перед всем миром отрекается от Крестинтерна» («Изв.» № 83. 1925). «*Неслыханное* преступление под Ригой» («Пр.» № 31. 1926). «*Неслыханная* готовность к предательству со стороны старой парламентской и профессионалистской верхушки» («Пр.» № 106. 1926). «*Гигантская* тяжесть» (Л е н. XV, с. 371). «Нам приходится переживать *гигантские* трудности» (Л е н. XV, с. 319). «Какую *гигантскую* задачу мы на себя взяли и какое *гигантское* значение имеет то, что…» (Л е н. XV, с. 308). «Это *гигантски* трудная задача» (2 раза на одной странице, XV, с. 155). «Нам нужно иметь воловьи нервы и *титаническую* волю к победе» («С. Комс.» № 2. 1925). «“Марксист” Каутский сказал *чудовищный* вздор и неправду» (Л е н. XV, с. 450). «Каждый увидит, какое *чудовищное* извращение хода событий на съезде допускает здесь оппозиция» («Пр.» № 298. 1925). «Но чтобы нэп являлся капитализмом — это чепуха, *несусветная* чепуха» (С т а л и н. «Пр.» № 296. 1925) [и др.].

4) Сочетания для выражения величественности. — *Нигде в мире*, *нет в мире*, *весь мир* (весьма часто), *мировой масштаб*. — «*Нигде в мире* не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России» (Л е н. 1917, Такт., с. 300). «Тов. Томский особо коснулся культработы, которая ведется у нас в таких размерах, как *нигде в мире*» («Пр.» № 297. 1925). «*Нет в мире* страны, где бы сейчас была такая свобода, как в России» (Л е н., Такт., с. 301). — «Сегодня 1-е мая! В этот день у рабочих *всего мира* бьется одно сердце» («Проклам.» 156). «Пусть киевские рабочие вместе с рабочими всего *мира* подсчитают свои силы» («Проклам.» 196). «Об

этом суде народном напомнил перед лицом всего *мира* пролетариат Петербурга и Москвы» («Проклам.» 193). «Чтя память павших на Лене товарищей, мы забастовкой 4 апреля покажем *всему миру*, что рабочий класс России снова готовится к кровавой схватке с правительством виселицы и застенок» («Проклам.» 185). «Рабочие всего *мира*, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас» (Л е н. XV, с. 406). «Совершая нашу социальную работу, мы шли против империализма *всего мира*, и эта борьба становится понятнее рабочим *всего мира*» (Л е н. XV, с. 402). «Мы повернем *весь мир*» («Бедн.», 5 янв. 1921). «*Весь мир* слушает наши речи» («Бедн.», 5 янв. 1921). «С трибуны *на весь мир* говорим» («Бедн.», 5 янв. 1921). «Сумеем всю страну и рабочих *всего мира* призвать к величайшему строительству коммунизма» («Пр.» № 298. 1925). «Мы партия пролетариата, освободительница *всего мира*» («Кр. Мол.» № 2, 45). «У ребят *всего мира*» (заглавие отдела в журн. «Пионерская Правда»). «Через эти суды мы узнаем всю историю классовой борьбы *всего мира*» (пишут пионеры 60-го отряда Кр. Пр. «П. Пр.» № 10. 1925). «Начнем вторую октябрьскую революцию, но только *в мировом масштабе*» (Л е н. XV, с. 178). «Авангард международного пролетариата не может сделать весь наш класс способным к победе в *мировом масштабе* без того, чтобы не вытравить «рабочий империализм» из среды нашего собственного класса» («Пр.» № 145. 1925). [О мировом масштабе часто говорят и другие деятели].

101. Категорическая императивность в обстановке военного времени, «военного коммунизма», выражается в сочетании: *во что бы то ни стало*, — в сочетании, которое употребляется очень часто. — «Добиться *во что бы то ни стало* того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной» (Л е н. XV, с. 165). «Советская Республика *во что бы ни стало* должна перенять все ценное из завоеваний науки» (Л е н. XV, с. 210). «К этому делу необходимо привлечь *во что бы то ни стало* сам партактив» («Пр.» № 142. 1925). «Коммуну девчат *во что бы ни стало*» («М. Лен.» № 78. 1925). «В общем это зло нужно устранить *во что бы то ни стало*» («Кр. Мол.» № 4, с. 86).

Категорические утверждения и отрицания *определенно*, *ясно*, *ничего подобного* утратили свое экспрессивное значение. См. § 64.

Усиленное утверждение или отрицание передается посредством «*1000 раз*». — «*Тысячу раз* прав Парвус» (Л е н. 1905. Такт., с. 15). «Р-ков *тысячу раз* прав, конечно, когда он ставит в связь вопрос…» (Л е н. 1911. Маркс. и ликв., с. 31). «Неправда, *тысячу раз* неправда!» (Л е н. 1913. Маркс. и ликв., с. 112). «[Тов. Рязанов] сказал, и сказал *1000 раз* правильно, что…» (Л е н. 1917. Такт., с. 378).

В широкой среде и это выражение пережило ослабление категоричности. — Мне это *1000 раз* интересно = мне это очень интересно (из речи одного комсомольца на фабрике).

Широта распространения какого-нибудь явления, «всеобъемлемость» его, выражается часто посредством сочетаний *все и вся*, *все и всякие*, *везде и всюду*. Они часто встречаются в языке Ленина. Примеры с *все и вся* см. в § 44. — «Выступление *всех и всяческих* групп» (Маркс. и ликв., с. 191). «Рабочие-марксисты *всех и всяких* национальностей» (Л е н. 1913. Маркс. и ликв., с. 57). «*Все и всякие* угнетающие классы» (Л е н. 1915. Такт., с. 237). «Удесятерение агитации и устройства собраний *везде и всюду*» (Л е н. 1905. Такт., с. 142). «*Всюду и везде* нужен в укладе деревенской жизни народный учитель» («Пр.» № 6. 1925). «*Всюду и везде*, на улице, в клубе, в поле всегда мелькал серый пиджачек Грелкина» («Бузот.» № 18. 1926). — Так и в обыденной речи.

102. Со времени революции получили широкое распространение лозунги и формулы, выражавшие «основные узловые пункты, ударные точки», на которые направлена словесная атака коммунистических и советских деятелей. Ряд лозунгов формулирован был уже ранее, в период подпольной деятельности революционеров. По образцу этих формул стали изготовлять и бросать многочисленнейшие лозунги в революционные годы. Напр., к 1-му мая 1926 г. ЦК (Центральный Комитет коммунистической партии) рекомендовал 38 лозунгов (напечатаны в «Пр.» № 89. 1926). «5. Пролетарии мира! Стойте крепко на защите первой рабочей страны — Союза советских социалистических республик». «23. Каленым железом выжжем воровство, взятку, беззаконие, произвол». Из других лозунгов: «Лицом к деревне!» По образцу этого лозунга возникли: «Лицом к растратам!», «Лицом к тюрьме!», «Лицом к печати!» и др.

Много лозунгов состоит из сочетания: *да здравствует* (*да здравствуют*) [то и то]. — «*Да здравствует* Коммунистический Интернационал — вождь мирового пролетариата». «*Да здравствует* чистый воздух!» («П. Пр.» № 11. 1925).

Двух- или трехкратное *да здравствует*... является также концовкой речей. Напр.: «*Да здравствуют* трудящиеся СССР! *Да здравствует* Коминтерн! *Да здравствует* мировая революция!» — «*Да здравствует* Октябрьская революция! *Да здравствует* Красная армия! *Да здравствует* социализм!» — «*Да здравствует* наше ленинское единство! *Да здравствует* наша пролетарская сплоченность! *Да здравствует* наша стальная ленинская партия!» и т. п. Так полагается кончать речь на торжественных собраниях. Но в широкой среде

эти сочетания (*да здравствует…*) представляют только формальный элемент речи, не имеющий особого эмоционального значения.

Враждебность, а затем только недовольство и неприемлемость выражается в выкрике *долой*. — «*Долой* солому! *Долой* воров-спекулянтов!» («Бедн.», янв. 1921). «*Долой* фракционность» (заглавие брошюры. М., 1924).

103. Весьма употребительна в монологической речи партийных деятелей к а т е х и з и ч е с к а я форма, посредством которой стремятся произвести более сильную интеллектуально-эмоциональную экспрессию. Речь в значительных своих частях представляет вопросы с краткими, категорическими ответами. Такова, напр., речь М. Томского на XIV партийном съезде. — «Слушали ли вы [ленинградцы] официальных представителей съезда, от большинства съезда? Нет, вы его не слушали. Можно ли вам выносить такие резолюции, которые были вынесены, не заслушав главного — съезда, не заслушав указаний хозяина партии, вождя партии? Можно или нельзя? Нельзя, неправильно вы это сделали…» («Пр.» № 2. 1926). «Товарищи, в одной организации образовано два губкома. Допустимо это или не допустимо? Не допустимо, товарищи» («Пр.» № 2. 1926).

104. Революционные деятели по мере своих сил прибегают для выражения эмоций к о б р а з н о й речи. Образы мстителя за угнетенных, образы железа и крови, хищного зверя, гидры, гидры с миллионом щупалец, грандиозного пламени, с вихрем бушующего по всему миру, представляются в речах революционных деятелей. — «Со времени 1871 г. Европа хоронила революцию, она забыла баррикады восстаний. Но, вот, с другого, дремавшего веками, берега российский пролетариат подал Востоку и Западу сигнал к новому бою. Пролетариат скрещивал руки — становились поезда, прерывались почта, телеграф, уныло и молчаливо глядели вверх бездымные трубы, гасли огни городов, блуждали в морях восставшие пловучие крепости, демон смерти носился над Свеаборгом, Кронштадтом, шел многодневный уличный бой в Москве. Он всколыхнул Тегеран, он будил упершиеся в вечно синее небо Стамбулийские мечети, от его движения дрогнули высокие стены Китая…» (1913. «Проклам.» 21). «Царское правительство не дало нам амнистии. Мы тоже ему ее не дадим. За горло его и колено ему на грудь» («Проклам.» 98). «Пролетариат восстанет, пролетариат возьмет буржуазию за горло; он уже протягивает для этого руку» (З и н о в ь е в. «Пр.» № 67. 1926). «Оно [правительство] хотело задавить его [восстание] железом и кровью» (Л е н. XV, с. 19). «Перед нами стоял вооруженный до зубов против народа царизм, или вооруженная до зубов русская буржуа-

зия» (Л е н. XV, с. 315; часто применяется им по отношению к противнику определение: *вооруженный до зубов*: *хищник*, *империализм*, *милитаризм*). «Среди *вооруженного до зубов* мира Германия одна должна остаться вполне разоруженной» («Пр.» № 130. 1925). «Бросить вызов миру, который в это время был *до зубов вооружен* и зверел от крови» («Пр.» № 134. 1925). «Забрызганному в горячей крови алчному капиталистическому зверю противостоит молодая еще, свежая, но уже могучая сила колониального возмущения и протеста» («Пр.» № 139. 1925). «Мы боремся с контрреволюционной гидрой корниловщины» (Л е н. XV, с. 174). [«Гидра контрреволюции» отмечена и в «Карманном словаре»]. «Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих» (Л е н. XV, с. 265). «Класс бездельников-угнетателей, которые, как вампиры, пьют кровь трудящихся масс» («Бедн.» № 832. 1921). «Страна пролетарской революции растет и крепнет. А на Востоке разгорается громадное пламя, отсветы которого заглядывают в окна лондонских и парижских банков, огненные языки которого пугают господствующие классы всего мира. Крик ненависти к нам несется из-под буржуазных крыш» («Пр.» № 145. 1925).

105. Стремление к эмоциональной образности отражается на большей части слов и сочетаний, употребляющихся «в переносном значении». Но, быстро распространяясь в широкой среде, эти слова и сочетания утрачивают образность, эмоциональную силу и становятся обыкновенными названиями-терминами. Так, напр., «обратить на что-нибудь серьезное внимание» — это можно выразить не только указанным сочетанием, но и так: «обратить на что-ниб. *сугубое* внимание». Если нужно несколько подчеркнуть важность этого акта, то следует «обратить *самое сугубое* [или *особо сугубое*] внимание»; или же употребить лозунговое сочетание: «*стать лицом*» [к чему-нибудь]. Много примеров употребления слов и сочетаний «в переносном значении» указано было в разных пунктах предшествующих отделов. Напомним главные из них и присоединим новые.

Линия. По многочисленным *линиям* проходит общественная и партийная деятельность. В общественной жизни термин *линия* заменяет собою «образ действия», «направление», «курс». — «*Линию* будет определять пролетариат» (Л е н. XV, с. 579). «Основная задача, стоящая перед съездом, — наметить *линию* и способы практической работы союза» («Пр.» № 291. 1924). «Пленум одобрил *линию* ЦК в вопросах организации Совторгфлота» («Пр.» № 10. 1925). «Нэп в целом, который был отступленьем *по всей линии*...» («Изв.» № 118.

1925). «Секция КИМ выступила единогласно за *линию* ЦК РКП» («Изв.» № 83. 1925). «*Линия* союза получит еще большую четкость» («К. Пр.» № 23. 1925). «Со своей стороны, заявляем о полной солидарности с *линией*, занятой выборгским районным комитетом партии» («Пр.» № 297. 1925). «*Линия* Всеработземлеса заключается не в том, что приравнять зарплату…» («Пр.» № 10. 1925). «Проводить *линию* ликвидации старых методов администрирования и руководства в деревне, *линию* оживления советов…» («Изв.» № 107. 1925). «Наш завод все время разделял *линию* Центрального Комитета» («Пр.» № 2. 1926). «*Линия* на большевизацию» («Изв.» № 125. 1925). «*Линия* на укрепление рабоче-крестьянского блока» (постановл. Оргбюро ЦК РКП(б)). «Держать *линию на* то, что…» («Пр.» № 297. 1925). «Твердая *линия* на достаточно внимательный подбор [организаторов]» («С. Комс.» № 23. 1925). «*Линия на* ячейку ротного типа» («Изв.» № 268. 1925). [Имеются] *генеральные линии.* — «Сталин намечал две *генеральных линии*, две *линии о* строительстве нашего хозяйства» («Пр.» № 296. 1925). Ты сходи в правление, скажи там кому-то то и то, он откроет нам *линию* (из разговора).

Ударение, *акцент*. — «Здесь уже *ударение* на то, что уже от нас зависит» (Л е н. 1923. Такт., с. 506). [Так в в речи других деятелей: *ударение*, *акцент* на чем-нибудь]. «Сделать *ударение* против производственного уклона. Особый *акцент* делали студенты на жилищных условиях. В педагогических вузах *акцент* должен быть на методических предметах» (из речей и разговоров).

Четкость, *четкий*, *четко*. См. § 85.

Переплет — «сцепление, совокупность обстоятельств, условий», «обстоятельства», «условия». Как и раньше, говорят, напр.: «И попадает парень в *переплет*» («Изв.» № 223. 1925). «Вы попали в такой *переплет*, из которого вам сейчас выбраться будет чрезвычайно затруднительно» («Пр.» № 297. 1925). Но теперь это слово получило более широкое применение. Кроме того, при слове «*переплет*» имеется определяющее слово или сочетание. Поэтому яснее выступает образность слова «*переплет*». — «Молодая английская компартия… сумела достаточно разобраться в сложном и своеобразном *переплете событий*» («Пр.» № 132. 1926). «Эта попытка теснейшим образом связана со всем *социальным переплетом* в стране» («Пр.» № 279. 1925). «Она-то [промышленность] и есть основа социализма во всем нашем *хозяйственном переплете*» («Пр.» № 297. 1925). «Я думаю, что если бы у нас не было вообще ни малейших шероховатостей, …то и то в настоящее время со всем тем *переплетом*, который мы имеем, трудности все же были бы» («Пр.» № 293. 1925). «Наш

Дальний Восток в *международном переплете*» (заглавие доклада, читанного в Тимирязевском научно-исследовательском институте в 1927 г.).

Разрез. Весьма часто употребляется слово «разрез»: *в таком разрезе* = «в таком представлении», «в таком виде», «в таком освещении». — «Доклады ставились не только в *разрезе* затруднений общественного масштаба, но и в *разрезе* местных нужд» («Пр.» № 86. 1926).

Стержнизация. — В этом плане отсутствует *стержнизация* (сосредоточение около одного «стержня»).

Центрирóвка — устремление к одному центру. Термин, часто применяемый в советской среде.

Коренизация. Напр.: — *Коренизация* советского аппарата, т. е. «аппаратчиками» служат представители коренного населения (в области «национальных меньшинств»).

Сгустки. — «Павел, крестьянские бабы, — все они живые, все они истинно-художественные типы, все они конденсированные *сгустки* жизни» («Изв.» № 245. 1925). [Употребляется и в обыденной речи.]

Изжить, *изживать*, *изживание*, *изжитие* — «устранить, устранение». — «Этот кризис будет *изжит*» (Л е н. XV, с. 131). «Капитализм не сможет *изжить* себя мирно» (Л е н. XV, с. 310). «Чтобы… все иллюзии… были возможно скорее *изжиты*» (Л е н. XV, с. 586). «Все неровности и шероховатости стали медленно *изживаться*; …но и это медленно *изживалось*, отмирало» («Изв.» № 92. 1925). «Есть у нас ряд недостатков, *изжить* которые необходимо» («Пр.» № 87. 1925). «Таким путем были *изжиты* всякие уклоны» («Изв.» № 83. 1925). «Как *изжить* недоверие крестьянства к власти? Грешки нужно *изживать*» («Пр.» № 74. 1925). «В резолюции постановили: *изжить* волокиту в страхкассе» («Пр.» № 141. 1926). «Если тот или другой товарищ ошибся, то *их* [ошибки?] нужно *изжить*» («Пр.» № 2. 1926). «Частичную подмену советов комсомольскими ячейками необходимо решительным образом *изжить*» (постан. ЦК РКП. 1925). «Так *изжил* я — личным примером — б ю р о к р а т и з м с р е д и высших служащих вверенного мне учреждения» («Крокодил» № 3. 1927). «*Изживание* мелкобуржуазных иллюзий» (Л е н. XV, с. 164). «[Чешская компартия] сумела показать пример правильного *изживания* правой опасности, а итальянская компартия показала пример правильного *изживания* ультра-левых уклонов» («Изв.» № 64. 1926). «В воспитательной работе союза необходимо добиваться *изживания* старых взглядов на казачество, как на оплот контрре-

волюции» («Пр.» № 123. 1925). «*Изживание* этих недостатков — большая задача» («К. Пр.» № 23. 1925). «Пришлось столкнуться с чрезвычайно тяжелыми условиями, которые потребовали порядочного времени для их *изживания*» («Пр.» № 105. 1925). «Решительная борьба с хулиганством и *изжитие* вредных методов в своей работе» (пост. ЦК РКП. 1925). «Для скорейшего *изжития* всех недостатков и ненормальных явлений…» («С. Комс.» № 26. 1925). «Рукопожатия нужно *изжить*» («Пр.» № 296. 1924).

Очень редко употребляется теперь в этих случаях глагол «устранить». — «Эти недочеты должны быть окончательно *устранены*» («Пр.» № 67. 1926). «Ошибки н ненормальности, которые нужно *устранить*» («Кр. Мол.» № 2, с. 123).

Достижение — «достижение», «положительные результаты», «успехи». — Итоги и *достижения* (заглав. в газетах). Новые достижения (заглав.). «В Харькове на международном состязании по легкой атлетике Харьков — Закавказье достигнуты весьма высокие результаты, являющиеся по существу новыми всесоюзными *достижениями*» («Изв.» № 288. 1924). «Выставка достижений» («Пр.» № 279. 1924). «В Мензелинском кантоне имеется *достижение*...» («Пр.» № 283. 1924). «Наряду с выявлением *достижений* и ошибок в нашей повседневной жизни и работе, мы будем вовлекать все новые группы работниц в рабкоровское движение» («Пр.» № 290. 1924).

Заострить [= сосредоточить, сосредоточить внимание, выдвинуть на первое место] внимание, вопрос, речь, момент, позицию; *заострение*... — «На этом вопросе следует *заострять* внимание» («Пр.» № 95. 1926). «На собрании ячейки актива не бояться сознаться в своих ошибках, на них *заострить* внимание» («Пр.» № 139. 1925). «[На этом лозунге] мы должны *заострить* внимание партии и советской общественности» («К. Пр.» № 95. 1926). «Следует особенно *заострить* внимание наших деревенских организаций на том, что…» («С. Комс.» № 23. 1925). «Внимание присутствующих *заострено* на выступлении оппозиции» («Пр.» № 10. 1926). «Все это говорит о необходимости *заострения* внимания… на вопросе о поднятии производительности труда» («Пр.» № 68. 1926). «Конец речи А. И. Рыкова был “заострен” несколькими цитатами из прошлогодних речей и документов Г. Зиновьева» («Пр.» № 293. 1925). «Тов. Зиновьев *заострил* вопрос» («Пр.» № 298. 1925). «Этого требует тов. Зиновьев, *заостряя* вопрос в заключительном слове на Бухарине» («Пр.» № 296. 1925). «Эти вопросы еще больше *заостряются*» («Изв.» № 43. 1926). «На курсах следовало бы *заострить* вопросы комсомольской работы» («К. Пр.» № 1. 1925). «Тов. Павлович, за-

остряя политико-стратегический момент марокканского вопроса, недостаточно развивает момент экономический» («Пр.» № 31. 1926). «Их антикоммунистическая позиция еще более *заострена*» («Пр.» № 79. 1925). «Это нужно сейчас *заострить* и оттенить по отношению к комсомолу» («Пр.» № 2. 1926).

Острым образом, *самым острым образом*. — «Стабилизация капитализма в Западной Европе… делает необходимым весь фронт Коминтерна повернуть *самым острым образом* против социал-демократии» («Пр.» № 79. 1925).

Выкристаллизовать, *-ся*. — «Ячейка среди многих из нас, политически отсталых и пассивных, *выкристаллизовала* классовое самосознание» («Унив. Пр.» № 1. 1925). «Теперь, когда политическая *линия* партии… в горниле двух партийных дискуссий *выкристаллизовалась* достаточно *четко*, нам надо *заострить внимание* всей партии на втором условии…» («К. Пр.» № 95. 1926). «Развитие западноевропейского коммунистического движения требует руководящих элементов, *выкристаллизовавшихся* в идейной борьбе с социал-демократией» («Пр.» № 79. 1925).

Отпочковаться, *отпочкование* — «возникнуть», «возникновение». — «Кое-где, местами, *отпочковались* незначительные «ультралевые теченьица» («Пр.» № 79. 1925). «Теперь центр соединяется с правой, и в дальнейшем, по-видимому, пойдет медленное *отпочкование* левой» («Изв.» № 83. 1925).

Сколотить — «составить», «организовать». — Надо студенческий актив *сколотить* окончательно (из речей).

Сцементировать — «Наша задача — *сцементировать* союз пролетариата и крестьянства» («Пр.» № 36. 1926).

Вентилировать [какой-нибудь вопрос] — «обсуждать». — Пусть представители курсовых организаций *провентилируют* вопрос на курсовых собраниях (из речей).

Ставить [дело] *на рельсы*, *переносить на рельсы* — «дать делу надлежащее направление». (Часто употребляется; эмоциональности при передаче не заметно.)

Продвинуть в жизнь — «провести в жизнь» то или иное мероприятие.

Ставить работу, доклад, жалобу, отчет, агитацию, лекцию, семинар, вечер. — «Новый вожатый хорошо *поставил работу*» («Пр.» № 35. 1925). «На собраниях, кружках *ставились доклады*» («Пр.» № 105. 1925). «Нужно *поставить* на широком заседании волисполкома *один-два доклада*» («Изв.» № 116. 1925). «Иногда перед выборами *ставились* отчетные доклады» («Пр.» № 254. 1925). «На фаб-

коме БИВМ ставятся *жалобы* от “продернутых” в стенгазете» («Пр.» № 142. 1925). «*Поставить* в печати и на партийных собраниях соответствующую *агитацию* за поездку добровольцев в деревню» («Изв.» № 122. 1920). «Выяснилось, что *лекция ставится* тогда, когда по тем или иным условиям рабочие придти не могут» («Пр.» № 30. 1926). *Ставить семинар* (вести практические занятия со студентами, с учащимися). Силы *для постановки* таких *вечеров* найдутся (из речей).

Установка — «установление». — Целевая *установка* (такое установление, построение, которое направлено к определенной цели). *Установка* дипломных тем (разработка дипломных тем). Методологическая *установка* (из лекции). «Наша задача сводится к тому, чтобы дать партии ясный политический маршрут и точную *установку* в профсоюзном вопросе» («Изв.» № 64. 1926). «Практическая *установка работы*» («К. Пр.» № 162. 1925). «Уяснить, какой характер имеет правильная *установка* анти-религиозной пропаганды» («С. Комс.» № 23. 1925).

Строить социализм, *новую жизнь*. — «*Социализм*, согласно учения Ленина, *строится* иначе» («Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 13). «Надо учить бедняков и середняков *строить новую жизнь*» («К. Пр.» № 77. 1926).

Делать книгу, *газету*. Вероятно, под воздействиями языка художников: «*картина сделана* не дурно». — *Книга сделана* толково, даровито (из лекции одного профессора). «Сплошь и рядом у нас стенная газета *делается* небольшой группой в 3—5 человек» («Пр.» № 119. 1926).

Суметь — иметь возможность, быть в состоянии. — Не знаю, *сумею* ли я это сделать (=буду ли иметь возможность, смогу ли я это сделать).

Организовать, *организованный* применяются не только по отношению к группе лиц, но и к произведениям слова. — *Организованное произведение*; *организованная речь*. — «*Пишите* с соблюдением указанных правил, и ваша коллективная речь будет *организована*, правильна и эффектна» («П. Пр.» № 35. 1925). «Бывает также “*организованный* коллективный *отдых*”» («Вожатый». № 12. 1926).

Проработать, *проработка* — «обсудить, разучить», «обсуждение», «изучение». — «Необходимо городскому активу серьезно *проработать* все эти вопросы» (из постан. ЦК РКП, 1925). «Студенческая конференция *проработала* основные решения съезда» («Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 75). «Теоретическая *проработка* приобретенного опыта» («Пр.» № 93. 1925). «*Прорабатываем* решения съезда» (заглавия

в газетах). [*Прорабатывать*, *проработка* весьма часто в речи советских образованных и стремящихся к образованию граждан.]

Выпирать. — «Эти идеи сами себя *выпирают*» (из речей деятелей Наркомпроса). «В последние годы учащаяся молодежь как-то особенно *выпирает* вперед вопрос о половых отношениях» («Студ.-Пролет.» № 6—7. 1924).

Выпятить. — «Мы в этой дискуссии *выпятили* на первое место вопрос…» (Л е н. 1921. Такт., с. 457). «Эту идею надо *выпятить*» (из речей деятелей Наркомпроса).

…плюс… Некоторый эмоциональный оттенок представляют сочетания с *плюс* вместо *и* или *вместе с.* Но в речи лиц широкого круга, рабочей среды сочетания с *плюс* не имеют эмоционального значения. См. § 35.

Ножницы — экономические, комсомольские, выборные. См. § 80.

Бюджет времени. См. § 78.

[*На*] *все сто процентов.* Очень часто и в письменной и в устной речи. В речи некоторых лиц оттенка эмоциональности этого сочетания не заметно. Но в речи других лиц представлена при произношении «*на все сто процентов*» усиленная интонация, выразительность. — «Мы не можем еще утверждать, что контрольные цифры Госплана оправдаются *на все сто процентов*» («Пр.» № 236. 1925). «[План] был выполнен *на все 100 проц.*» («Изв.» № 12. 1926). «В 1925—26 учебном году дорога ставит своей целью *на все 100 процентов* охватить детей железнодорожников в своих школах» («Изв.» № 261. 1925). «Старался бы *на все 100 проц.* усвоить преподаваемое» («Изв.» № 228. 1925). «“Волки” — средняя кинолента, по зато честная советская *на все сто проц.*» («Изв.» № 98. 1925). «Созыв совещания дал возможность парторганизации сгруппировать вокруг себя лучшую активную часть депутатов и *на 100 процентов* провести решения партии» («Пр.» № 5. 1926). «И линия *на все 100 проц.* и в тезисах и в письмах одна и та же» («Пр.» № 67. 1926). «Забастовка идет *на все сто процентов*» («Изв.» № 105. 1926). «Шахты, доки, железные дороги, трамваи и автобусы прекратили работу *на все 100 проц.*» («Пр.» № 104. 1926). «Коммунары организовали коммуну *на все сто проц.*, т. е. в них ребята вносят свой заработок полностью» («К. Пр.» № 1. 1925). «Пускай я ошибался в них на все *100 проц.*» (Б у х а р. «Пр.» № 263. 1925). «Пожалуйста, *все вам 100 проц.* (как вы [Зиновьев и его сторонники — “оппозиция”] часто любите выражаться), *все 100 проц.* нашего согласия» (Бухар. «Пр.» № 293. 1925). «Не беспокойтесь *на все сто процентов*», — говорит покупателю служащий в магазине.

Стопроцентный — «полный». — «Это непревзойденное и напыщенное *стопроцентное* слабоумие» («Пр.» № 59. 1926). «Не сразу же рождается *100-процентная* истина» («Изв.» № 256. 1925). «За успех *стопроцентный* никто не ручается» (Д. Б е д н ы й. «Пр.» № 83. 1926). «Почему тов. Зиновьев претендует на *стопроцентный* ленинизм?» (Б у х а р. «Пр.» № 293. 1925). «*Стопроцентная* правоверность в отношении истолкования ленинизма» (А н д р е е в. «Пр.» № 296. l925). «Тов. Зиновьев прямо говорит — и заметьте, каким назидательным тоном, не допускающим возражений, *стопроцентным* назидательным тоном» (Б у х а р. «Пр.» № 293. 1925). «*Стопроцентный* ленинец. *Стопроцентная* оппозиция» («Пр.» № 2. 1926). «Отто Бауер становится самим собой, подлинным *стопроцентным* Бауером, когда он отвечает на вопрос…» («Пр.» № 113. 1926).

В мировом масштабе, *в государственном масштабе*, *в общесоюзном масштабе*, *в губернском*, *уездном*, *волостном масштабе*. Часто говорят и пишут о явлениях и лицах таких масштабов. — «Помогать социалистической революции *в международном масштабе*» (Л е н. XV, с. 112). «Некое лицо *уездного масштаба*, взяв слово к порядку очередных районных дел, с трибуны обратилось “в народ”» («Пр.» № 36. 1926). «Общерайонные пропагандистские конференции подвели итоги зимней учебы в *районном масштабе*» («Пр.» № 142. 1925). «Торгующие завалью в крытых тесом потребиловках *волостного масштаба*» («Смех.» № 19. 1926). Средний крестьянин в государственном *масштабе* (из разговора).

Верхушка, *верхушечный.* — «Как дальше руководить партией? Как дальше организовать *верхушку*?» («Пр.» № 297. 1925). «Управительская *верхушка*» («Бедн.» № 838. 1921). «*Верхушка* Петроградского районного комитета не занимала такой позиции, какую занимал Выборгскнй район в целом. Резолюция была вынесена самими коллективами, вопреки желанию руководящей *верхушки* района» («Пр.» № 2. 1926). «*Верхушки* западного рабочего движения» («Изв.» № 255. 1925). «Руководящая *верхушка* венгерской социал-демократии» («Изв.» № 219. 1925). «Закончено следствие по делу *верхушки* херсонской администрации» («Пр.» № 283. 1925). «Кооперативные *верхушки* убедились в совершенной неподготовленности своих организаций» («Пр.» № 182. 1925). «*Верхушка* спецов. *Верхушка* служащих» («Пр.» № 293. 1925). «Кулацкая *верхушка*» («Пр.» № 271. 1925). «*Верхушечные организации*» (Лен. 1917. Такт., с. 382). «Будьте любезны понять, хотя вы никогда этого не поймете, что многое зависит от сигнала, который дается на самой *верхушечной верхушке* рабочего движения» («Пр.» № 144. 1926). «Англо-русский комитет

действительно “аппарат”. Он является *верхушечной* организацией…» («Пр.» № 144. 1926). «Под руководством “*верхушечного*”, наиболее выдержанного, сознательного, стойкого, боевого командного состава» («К. Пр.» № 77. 1926).

Массив. — «Ленинцы образуют значительный *массив*» («Кр. Мол.» № 3. 29).

Актив. — «*Актив* городской [партийной] организации постановил присоединиться к резолюции московского *актива.* Пензенский *актив.* Собрание активных работников пензенской партийной организации приняло резолюцию…» («Изв.» № 273. 1924). «Мы должны воспитать в деревне наш беспартийный советский *актив*» («Пр.» № 287. 1924).

Пассив — неактивные члены коммунистической партии.

Молодняк — «молодежь». — Охрана здоровья *молодняка* (заглавие). «Физическое развитие нашей м о л о д е ж и продолжает улучшаться…» («Пр.» № 68. 1926). «В подготовке низовых строителей новой деревни — крестьян-общественников — приобретает исключительно важное значение работа среди крестьянского *молодняка.* Крестьянская м о л о д е ж ь представляет материал…» («Пр.» № 95. 1926).

Прослойка — «слой». См. § 75.

Попутчик — «человек беспартийный, но близкий по своей деятельности к коммунистам». О *попутчиках* много спорили в кругах пролетарских и коммунистических писателей в последние годы. Писали о *попутчиках* и раньше. «На влияние мелкобуржуазных *попутчиков*» указывал, напр., Г. Зиновьев в 1910 г. (Маркс. и ликвид., с. 56).

Аппарат, *госаппарат*, *партийный аппарат*. — «*Аппарат* должен быть связан с массами. Советская власть есть *аппарат* для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством» (Л е н. XV, с. 154). «Более тесная связь всего *аппарата* государственной власти и государственного управления» (Л е н. XV, с. 160). «Приближение советского *аппарата* к деревне» («Изв.» № 116. 1925).

Аппаратчик — «участник *аппарата*, управления государством».

Ячейка (партийная). *Звено* (часть пионерского *отряда*).

Подмена. — *Подмена* ленинизма троцкизмом и др. Нередко указывают и осуждают ту или иную *подмену* в партийной и общественной жизни.

Чистка — «исключение из партии», «из вуза»; *вычищать* — из партии, из вуза, со службы.

Зачистка. — *Зачистка* сельскохозяйственного налога. (*Зачистка* собственно означает в деревне вывоз навоза из хлева).

Подход. См. § 85.

Увязка, *неувязка*, *невязка*; *увязать* (напр., «теорию с практикой» и др.). См. § 87. — «Крепко *связываемся* с крестьянством» («Пр.» № 117. 1925).

Смычка, *размычка*. § 77.

Зажим. — «Суровые меры “организационного *зажима*”» («Пр.» № 296. 1925).

Углубление (революции).

Окружение — «entourage», «окружающая среда». — «Капиталистическое *окружение* нашей страны» («Пр.» № 139. 1925). «СССР и капиталистическое *окружение*» (заглав., «Изв.» № 107. 1925). «Нэпмановское *окружение*» («Изв.» № 119. 1926). «Мелкобуржуазное *окружение*, в котором находится пролетарское студенчество» («Кр. Мол.» № 1. 120).

Обрастание. — «Нужно ликвидировать всякие возможности к хозяйственному *обрастанию*» («Смех». № 24. 1926). [Был издан особый циркуляр по поводу *обрастания* коммунистов.]

Сползание. — Пришли к тому, когда должны дать отпор *сползанию* [коммунистических деятелей] («Пр.» № 297. 1925).

Уклон. § 69.

Нагрузка, *разгрузка*, *недогрузка*. § 71.

Местá — «провинциальные пункты», «провинция». — «Наказы с *мест*» (Л е н. 1917. Такт., с. 343). «Вы [агитаторы] должны это провести на *местах*» (Л е н. XV, с. 94). «Вся власть *на местах* должна перейти исключительно к *местным* советам» (Л е н. 1917. Такт., с. 341). «Эти люди, посланные с *мест*, завтра они будут на *местах*… Уезжая на *места*, расскажите *местным* советам и везде принимайте *местные* решения» (Л е н. XV, с. 180, 183). «ВЦИК рекомендует *местам* сделать все от них зависящее…» («Изв.» № 295. 1924). «Работа последних двух лет заставила *места* задуматься над вопросом об использовании сети приемных радиостанций» («Жизнь связи». № 10. 1923). «Теперь в *центре* и на *местах* разрабатываются мероприятия…» («Изв.» № 13. 1925). Студенты, уезжающие на *места* [на рождественский перерыв] (объявление).

Обработать, *обработка* к.-н. — «сделать к.-н. сторонником или членом коммунистической партии». — «Я прошу, чтобы *обработали* мою дочь» («Изв.» № 66. 1925). «Много внимания совещание уделило вопросу *обработки* крестьянок-общественниц» («Пр.» № 9. 1925). Индивидуальная *обработка*. См. § 70.

Открыть глаза = *обработать*. § 70.

Подковать, *-ся* — «подготовить, -ся». — «Летом должны проявить себя на практической работе сельскохозяйственные кружки

РЛКСМ и показать — насколько они *подковались* за зимнюю учебу» («К. Пр.» № 6. 1925). «Не нужно мешать ему стать кандидатом только потому, что он не совсем *подкован* теоретически» («К. Пр.» № 4. 1926). «Отсюда вытекает, что наша линия еще более подтверждена, еще более *подкована* и нашим собственным опытом» (Б у х а р. «Пр.» № 144. 1926). «“Вы еще недостаточно *подкованы* в марксизме”, — заметил на экзамене профессор студенту. — Ты в русском языке не только *не подкован*, / Но даже… не обут. /» (Д е м ь я н Б е д н ы й. «Изв.» № 299. 1926).

Отчитываться. § 71.

Развертывать, *развертывание* [к.-н. деятельности]. — «Весь темп *развертывания* социалистических элементов пришлось свернуть» (К а м е н. «Пр.» № 296. 1925). [Другие примеры см. в § 70.]

Разворачивать, *разворачивание* [к.-н. деятельности, предприятия, учреждения]; *разворот.* — Мы *разворачиваем* культурную работу воспитания населения в ленинском духе (из речи оратора). «Наши планы *разворачивания* социалистических элементов нашего хозяйства» (К а м е н. «Пр.» № 296. 1925). «Акулька, ты чего ревешь?» — Не *замай* ее: у нее ужасная драма в *мировом развороте* («Родной язык в школе». I, 245). [Другие примеры в § 70.]

Сорвать. Раньше: намеренно помешать каким-нибудь занятиям, напр., сорвать заседание. Теперь этот глагол применяется вообще к несостоявшимся занятиям, заседаниям, лекциям. Напр., в отчетах о занятиях со студентами говорится: столько-то часов было *сорвано.*

Очковтирательство, *очковтирание.* — «К чему приводит *очковтирательство*» (заглав., «Пр.» № 130. 1925). «Секретарь волъячейки до сих пор занимался *очковтиранием*» («Пр.» № 130. 1925).

Самотёком — «по собственной инициативе», «без санкции и предписания сверху». — «Надеяться на то, что юнкоровский материал будет *самотёком* притекать в стенную газету, не приходится» («К. Пр.» № 111. 1926). Мы это сделали *самотёком* (из речей членов «месткома» Ассоциации исслед. ин-тов).

Делячество. «Мелкое кружковое *делячество*» (В р о н с к и й. «Прожектор» № 22. 1923). [Говорят о *мелком делячестве* и в партийной жизни.]

Брехня, *брехнуть* — «ложь», «солгать». Говорят по отношению к противнику. «Белогвардейская *брехня*» («Пр.» № 1. 1925).

Сговор — «соглашение» (обычно отрицательного свойства). Применяется прежде всего по отношению к соглашениям, заключенным политическими противниками. Употребляется и по отношению к другим соглашениям нежелательного свойства. — «Тайные

сговоры с английскими и немецкими империалистами» (Л е н. 1917. Такт., с. 369). «Ждать нельзя, не рискуя помочь *сговору* Родзянки с Вильгельмом» (Л е н. 1917. Такт., с. 373). «Локарно — это первая попытка *сговора*, которая открыла бы для английского и французского капитализма дорогу к границам СССР через Германию» («Пр.» № 269. 1925). «Неудавшийся *сговор* "железных королей"» («Пр.» № 88. 1926). «Во время последнего свидания Чемберлена с Брианом этот вопрос служил предметом какого-то *сговора*» («Изв.» № 43. 1926). «Намечается тайный польско-прибалтийский *сговор* против СССР» («Пр.» № 119. 1926). «Они продолжают свои *сговоры* против нас, они все еще надеются задушить нас» («Изв.» № 256. 1925). «Ни о каком *сговоре* по обсуждении политической работы нашего Центрального Комитета речи быть не может» («Пр.» № 297. 1925). «Нами установлено, что некоторые палаточники всю свою работу строили на этой нелегальной агентуре, состоя в спекулятивном *сговоре* с крупными скупщиками-оптовиками» («Пр.» № 261. 1925). «Между всеми обвиняемыми существовал крепкий *сговор*» («Изв.» № 14. 1926).

Эмоциональный элемент представляли сначала в языке революционеров термины военного обихода. — *Армия* (*рабочая армия* = рабочие), *авангард*, *фронт* (*фронт труда*, *фронт просвещения*...), *форпост*, *командные высоты*, *линия* (*генеральная линия*), *главный штаб*, *кампания*, *держать курс на*.., *сигнализировать*, *крепить*, *даешь!*, *смена*, *ударность*, *ударный*, *в ударном порядке.* См. § 59—63.

106. Некоторые имена существительные получили постоянные или почти постоянные определения-прилагательные. Этими прилагательными вначале подчеркивалось особое качество или свойство предмета и явления, — свойство, находившееся в связи с соответствующим настроением говорящих — революционеров и коммунистов.

Борьба: *бешеная*, *беспощадная*, *решительная.*

Привет: *пламенный*, *интернациональный*, *коммунистический.*

Единство: *железное*, *стальное.*

Путь (партии): *верный*, *ленинский.*

Армия: *красная*, *трудовая*, *рабочая.*

— «*Беспощадная борьба* с оппортунизмом и социал-шовинизмом» (Л е н. XV, с. 163). «Предлагается провести самую *бешеную борьбу* с незаконными перепродажами» («Пр.» № 254. 1925). «Наша партия, ваш комсомол должны *бешено бороться* против этого» (Б у х а р. «Пр.» № 65. 1926). «С такого рода рассуждениями надо повести *решительную борьбу*» («Пр.» № 188. 1925). «Хулиганству и

озорству должна быть объявлена *решительная борьба*» («С. Комс.» № 2. 1926).

«Сталинский боевой отряд союза горняков шлет *пламенный привет* вождю рабочего класса — Всесоюзному партийному съезду» («Пр.» № 298. 1925). «Конференция слушателей-пропагандистов шлет *пламенный привет* XIV съезду славной ленинской РКП» («Пр.» № 295. 1925). «Товарищи, все выступавшие здесь ораторы *пламенно приветствовали* съезд. Правда, от некоторых из этих "пламенных" приветствий нервных людей в жар может бросить (смех)» (Т о м с к и й. «Пр.» № 2. 1926). «Министерский Лондон, приподымаясь на цыпочки, и мандаринский Пекин, становясь на корточки, шлют друг другу, выражаясь советским [!] языком, "*пламенный привет* через головы пролетариата"» («Пр.» № 108. 1927). «Общее собрание членов и кандидатов РКП(б) цехъячеек завода "Красный арсенал" шлет свое *пламенное коммунистическое приветствие*» («Пр.» № 2. 1926). С *интернациональным* (или с *коммунистическим*) *приветом* [— так обычно заканчивают письма].

Железное, (или) стальное ленинское единство партии.

«Повести ее [массу] по *верному пути*» (Л е н. XV, с. 219). Позднее при определении «верный» стал употребляться синоним «ленинский»]. Повести массу по *верному*, *ленинскому пути*.

107. Излюбленными эпитетами по отношению к явлениям и предметам революционного времени служат прилагательные: *решительный*, *безоговорочный*, *трудовой*, *жесткий*, *красный*, *народный*. — «*Решительная* советизация» («Изв.» № 183. 1925). *Решительные* успехи (обычно), *решительный* курс на… (обычно); «Речь должна идти только о *решительном* изменении, *решительном* улучшении нашего руководства» («Ниж. Ком.» № 164. 1925).

«Официальное признание де-юре… явилось *безоговорочным*» («Изв.» № 276. 1924); «вынесли резолюцию о полном и *безоговорочном* присоединении к резолюции МК РКП» («Изв.» № 271. 1924); «*безоговорочное* проведение в жизнь решений V конгресса Коминтерна» («Пр.» № 292. 1924); «конференция выдвигает ряд чисто политических требований: *безоговорочное* и немедленное освобождение всех политзаключенных…» («К. Пр.» № 68. 1926). «Салов отправил вторично бумажку, наиболее грозную, в которой писал: "Предлагаю срочно выдать взятый вами самовар *безоговорочно*"» («Пр.» № 293. 1924).

Трудовой народ, *трудовая* интеллигенция, *трудовое* хозяйство, *трудовое* геройство, «*Трудовая* Копейка» (газета) и др.

Жесткая борьбы с растратами («Пр.» № 29. 1926); принять по отношению к ним *жесткие* меры («К. Пр.» № 95. 1926); *жесткое*

сокращение штатов (1925 и 1926 гг.); *жесткий* режим экономии (1926 г.).

Красная армия, *красный* флот, *красный* Питер, занести на *красную* доску, *красный* профессор (Институт *красной* профессуры), «*Красная* Бавария» (пивоваренный завод «Бавария»), *красная* гулянка, *красные* посиделки и мн. др. «*Красные* сотрудники *красных* нив, *красных* огоньков, *красных* панорам и прочих крас-халтур — срочно готовят в пользу раскрасневшихся потерпевших [крушение] *красные* маршруты *красного* продовольствия и т. д.» («На посту» № 2—3, с. 65).

Народный судья (*нарсудья*), *народный дом* (*нардом*), *народный артист* и др.

Ср. еще характерные для времени эпитеты в названиях мастерских, торговых предприятий: «*Освобожденный труд*», *«Личный труд*», «*Братская помощь*».

По отношению к отрицательным сторонам партийной и профессиональной деятельности употребляют определение *неважный*, *неважно*. — «А вот отношение коммунистов к работе *неважное*» («Рабочая Москва» № 113. 1926). «Большой недостаток наш: *неважно* проходят общие собрания» («Пр.» № 254. 1925).

108. Во всех этих случаях эмоциональный элемент выражен весьма слабо, или же он совсем отсутствует. Совсем нет его в сочетаниях с эпитетами *красный*, *трудовой*, *народный*. Отсутствуют ощутительные следы особой эмоциональной значимости и в сочетаниях с другими прилагательными, указанными выше. Слабость эмоционального элемента или отсутствие его обнаруживается между прочим в следующем. Обратите внимание на интонацию, с какой произносятся сочетания с этими эпитетами: интонация ровная, спокойная, как при произношении обычных сообщений. Вот, напр., на собрании докладчик спокойным, деловитым тоном предлагает послать *пламенный привет* по такому-то адресу. «Согласны?» — Согласны, — отвечают отдельные голоса собравшихся. Иногда это отсутствие эмоциональности сознается говорящими: их уже не удовлетворяет содержание того или иного слова, когда-то эмоционально окрашенного. Напр., чтобы выразить горячий привет, пользуются превосходной степенью для прилагательного «пламенный»: «Мы шлем *самый пламенный* привет нашим дорогим зарубежным братьям» («Пр.» № 100. 1926).

109. За последние годы стали популярны некоторые сочетания, имевшие раньше эмоциональное и экспрессивное значение в речи. Но теперь они употребляются или без всякого элемента эмоцио-

нальности (под *a*) или, может быть, с очень слабой эмоциональной окраской (под *b*).

a) В первую голову = «сперва», «прежде всего», «в первую очередь». — «Партийный съезд должен в *первую голову* вырешить этот вопрос» (Л е н. 1906. Такт., с. 166). «Во всей агитации мы выдвигали тогда *в первую голову* критику и разоблачение конституционных иллюзий» (Л е н. 1906. Такт., с. 168). «Задачей социал-демократии России является в особенности и *в первую голову* беспощадная и безусловная борьба…» (Л е н. Проклам. 1914. № 6). «Для марксиста *в первую голову* ставится вопрос о той линии политической размежевки классов, которая…» (Л е н. 1911. Маркс. и ликвид., с. 30). «Социалистическая революция… решительно выдвигает *в первую голову* вопросы пролетарской дисциплины» (Л е н. XV, с. 230). «*В первую голову* необходимо лучше, гибче и планомернее использовать намеченные кредиты» («Изв.» № 282. 1924). «Улучшить свое материальное положение (вопросы зарплаты в *первую голову*)» («Пр.» № 271. 1925). «Эта устойчивость *в первую голову* создана тем союзом рабочих и крестьян, к которому…» («Изв.» № 98. 1925). «Это относится *в первую голову* и к активу комсомола в деревне. А у него в голове [!] часто идеи “удрать из деревни в город”» («Пр.» № 95. 1926). «Л. Сосновский всегда интересен. И *в первую голову* он интересен для нас, журналистов» («Журн.» № 10. 1924. 76). «Рецензируемая книга заслуживает *к первую голову* внимания журналистов…» (там же, 76). «*В первую голову* встает задача сделать газеты и журналы еще более доступными» («Изв.» № 100. 1925). «*В первую голову* почти на всех собраниях крестьянки просят…» («Изв.» № 200. 1925). «Я сам *в первую голову* буду себя ругать за то, что…» («М. Лен.» № 100. 1925). «Профсоюзы *в первую голову* должны быть заинтересованы» («Кр. Мол.» № 2. 112.). «Если взять *в первую* голову китайское рабочее движение…» (из речи). «*В первую голову* поднять деньгу» (из речи).

В последнем счете, *в конечном счете* — «в конце концов», «в результате». — «В общем и целом, *в последнем счете*, в окончательном итоге “растворение” ее [революции] в буржуазной демократии все же будет историческим фактом» (Л е н. 1905. Такт., с. 71). «Анализ объективных условий, учет которых *в последнем счете* решает окончательно эти вопросы…» (Л е н. 1906. Такт., с. 160). «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, *в последнем счете*, только сила» (Л е н. 1905. Такт., с. 52). «Это экзамен все решит *в последнем счете*» (Л е н. 1921. Такт., с. 500). «Из двух внешних фронтов решающим непосредственно является западный

фронт, а решающим *в последнем счете*, определяющим окончательно исход всей борьбы, является восточный фронт. Еще другими словами можно сказать: непосредственно решает зачинщик, руководитель, гегемон — пролетариат; решает окончательно *в последнем счете* тяжелая пехота — крестьянство» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 118. 1925). «Если он будет настаивать на ней и захочет довести ее до конца, то *в конечном счете* он от этого больше всего сам и потеряет» («Изв.» № 119. 1925). «Т. Пинкевич наметил мероприятия, которые *в конечном счете* должны дать повышение квалификации оканчивающих вузы» («Изв.» № 110. 1926).

Не годится это, товарищи = «нельзя, недопустимо это» (напр., «Пр.» № 297. 1925 и в др.).

Есть такое дело = «да» (словесный знак подтверждения чего-нибудь).

b) Может быть, некоторая степень эмоциональности передается в таких выражениях:

Всерьез и надолго (идущее от Ленина). — «*Всерьез и надолго*» (заглав., «Изв.» № 13. 1925). «Борьба за строжайшее проведение режима экономии начата нами *всерьез и надолго*» («К. Пр.» № 95. 1926). «Необходимо *всерьез и надолго* всем партийным, профессиональным и комсомольским организациям обратить самое серьезное внимание на организацию хамначитов» («Пр.» № 36. 1926). «Пугаться этой обширности не следует. Нужно только *всерьез и надолго* взяться за нее» («С. Комс.» № 22. 1926). «“Неточка, позвольте вам сделать предложение руки!” — *Всерьез и надолго?* — “Нет-с, пока на тур вальса”» (М и т н и ц к и й. Танцулька. «Красный Богатырь». Б-ка «Крокод.» 1923).

Маркс и Маркс («Изв.» № 275. 1923); *есть статьи и статьи* = «статьи бывают различные»; *есть профессора и профессора* и т. п. (часто в речи).

Дело обстоит коряво = «положение дела неудовлетворительно». Так говорят в речах о делах коммунистических и профессиональных организаций. Можно сказать и этих случаях и так: «*дело обстоит неважно*».

Об ограниченном круге зрения часто говорят: «он смотрит на дело *со своей колокольни*». (Напр., в речи Луначарского — «Изв.» № 252. 1926, и в обиходной речи многих советских деятелей.) «Теперь “местничеством” определяется местный патриотизм, интересы “*своей колокольни*”» («Журн.» № 4. 1925).

В связи с этим выражением особое значение приобрело прилагательное *колокольный* — «узкий», «ограниченный». — «Пролетарско-

му государству особенно следует преодолевать всякие цеховые, ограниченные, “*колокольные*” тенденции» («Пр.» № 123. 1927).

Нередко в речах общественного значения некоторые отрицательные явления современной жизни связываются с «*проклятым наследием прошлого*, [или] *империализма*». — «Ставлю на голосование, товарищи, резолюцию! — говорит Карякин и читает: “*Проклятое наследие* империализма в лице уличной физкультуры отсталых элементов фашизма!” — Предлагаю Чемберлена и происки акулы Антанты добавить! — раздалось в углу. — Про частника Попова, что цены вздувает!..» («Буз.» № 21. 1926).

Получило широкое распространение выражение «Коммунистического манифеста»: «Пролетариату нечего терять, кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир» (в прокламациях, у Ленина, напр., 1905, с. 68, и у других). Это изречение, в измененном виде, применяется и в других случаях. Вот из разговора пермских *рабфаковцев*:

«Идем на Каму!»

— Опять… а уроки? —

«Э-э, нам с тобой нечего терять, а приобретем мы… Козий Загон». («Студ.-Пролет.» № 4, с. 51).

110. Эмоциональность выражается также посредством формальных принадлежностей слова. Такое значение имеют уменьшительные суффиксы *-ец*, *-ок* (ж. р. *-ка*) и в особенности *-чик*, *-чка.* Образования с этими суффиксами (если воспринимается уменьшительное значение, сообщаемое этими суффиксами) выражают ироническое, вообще отрицательное отношение говорящего к предметам или явлениям, названным именами с этими суффиксами. Такое средство выражения эмоциональности часто употреблял В. И. Ленин[41]. — «Начальник с “*подходцем*” к сотрудникам» («Унив. Пр.» № 1. 1925). «Кое-где, местами, отпочковались незначительные “ультра-левые” *теченьица*» («Пр.» № 79. 1925). «Вот пишут анкеты, и никому в голову не придет *вопросец* один в анкеты вставить: “не роняла ли вас нянька в детстве?”» («Смех.» № 19. 1926). *Шопотки* (часто в речах). «Вы сеете семена недоверия, *шопотки* и *слушки*» (Томский. «Пр.» № 296. 1925). «Разве мы не видим теперь, как из *слушков*, сплетен, *разговорчиков*, речей…» («Пр.» № 2. 1926). «Среди этих кругов уже сейчас можно услышать *нотки* отношения к лозунгу экономии, как к очередному

[41] Примеры из его книги: «Материализм и эмпириокритицизм» (1-е изд. 1909. 2-е изд. 1920) указаны в работе А. Финкеля: «О языке и стиле В. И. Ленина». I. Харьков, 1925.

модному *словечку*» («Пр.» № 89. 1926). «*Программа-максимумчик* — и совсем здорово!» («Смех.» № 19. 1926). «*Группки* и *фракцийки*; они основывают свои *фракцийки*» (З и н о в ь е в. 1910. Маркс., с. 54, 51).

Хозяйчик (у Ленина, и в ранних произведениях и в позднейших). «Интересы и политика наемного рабочего и *хозяйчика* на деле разошлись» (Л е н. 1917. Такт., с. 281). «Нам с этими собственниками, с этими *хозяйчиками* придется вести самую решительную, беспощадную борьбу» (Л е н. XV, с. 242). «Мелкие *хозяйчики* — самые бессовестные и прижимистые эксплоататоры наемных рабочих» (Л е н. XV, с. 488). «Собрание обсуждает меры воздействия на Васенкова. Стачка длится уже месяц, но упрямый *хозяйчик* не сдается» («Пр.» № 18. 1926). «Некоторые коммунисты компрометируют ячейку в глазах беспартийных. Так, напр., три наиболее активных товарища систематически пьянствовали, дружили с *хозяйчиками*, ходили в церковь» («Пр.» № 8. 1920). «*Хозяйчики*, частные владельцы, со своей стороны, принимают все меры к тому, чтобы…» («Пр.» № 36. 1920). «Необходимо комиссии по охране труда и фининспектору заглянуть к этому *хозяйчику*» («Пр.» № 79. 1925). «Помню, отдали меня в ученье на шесть лет к *хозяйчику*» («Пр.» № 265. 1925). «*Грызики-хозяйчики*» (заглавие сборничка рассказов Н. К а р п о в а. «Грызик — так называют рабочие мелких хозяйчиков. Из быта Черкизова»).

Кулаков провалили (заглав.). «Несмотря на напористость *кулачков*, перевыборы прошли удачно» («Пр.» № 10. 1926).

Разговорчики (весьма часто идет о них речь). «Оставьте вы эти *разговорчики*» (Т о м с к и й на XIV съезде по отношению к оппозиции; «Пр.» № 296. 1925). «Рабочие, видя, что обсуждаемое на заседаниях производственных совещаний остается лишь «*разговорчиками*», охладевают и перестают посещать их» («Ниж. Ком.» № 154. 1926). «Начинаются *разговорчики* в стиле: Стоило ли начинать? нужно ли было браться за оружие? и т. п.» («Пр.» № 113. 1926). «Пассажиры *разговорчиками* занимаются и свои мошенничества на других сваливают» («Рабочая Москва». № 113. 1926). «Приходит пионер из отряда домой и начинает "*разговорчики*": — Ты, мама, и папа тоже — несознательные элементы» («П. Пр.» № 39. 1925). «Дюжина пластырей — *оговорочек*» (Л е н. 1912. Маркс. и ликв., с. 47). «Без всяких *уверточек*, без всяких *оговорочек* должен подчиниться» («Пр.» № 2. 1926).

Оттеночки, *группировочки*. — «Слышали об опасности "*оттеночков*", "*группировочек*"» («Пр.» № 296. 1925).

«Мы должны уберегаться от всякого *сигнальчика*, от всякого жеста» («Пр.» № 144. 1926). «*Сделочки* с буржуазией» (Л е н. 1917.

Такт., с. 318). «Думаете — *ошибочка* — экспорт битой птицы?» («Смех.» № 19. 1926).

Эмоциональный оттенок представляют образования с суффиксом *-щина*, относящиеся к явлениям отрицательного свойства. — *Корниловщина*, *керенщина*, *партизанщина*, *макдональдщина*, *дымовщина*, *фирсовщина* и мн. др.

111. Стремлением к эмоциональности в речи вызвана тенденция образования перфективных глаголов и производных имен существительных с префиксами *вы-*, *о-*, *за-*, *с-*, *у-* и с суффиксом *-ну-*. — «Партийный съезд должен в первую голову *вырешить* этот вопрос» (Л е н. 1906. Такт., с. 166). [Теперь обыкновенно говорят и пишут: «вырешить вопрос», «вырешение вопроса», «проблемы».] «*Высвобождаться из-под* царящего разгула революционной фразы» (Л е н. 1917, Такт., с. 288). «Требовать *высвобождения* трудовиков из-под гнета кадетов» (Л е н. 1906. Такт., с. 175). «*Высвобождение* пролетарской линии из “массового” оборонческого и мелкобуржуазного угара» (Л е н. 1917, Такт., с. 283). «Нужно со всей настойчивостью выдвигать лозунг завоевания полной власти советами и *высвобождения* их из-под опеки империалистской буржуазии» (Б у х а р. На подступах к Октябрю, с. 28). «Пусть кто-нибудь попробует доказать, что англо-русское профсоюзное сближение означает связь с буржуазией, а не *высвобождение* из-под буржуазного влияния» (Б у х а р. «Пр.» № 145. 1925). «*Высвобожденные* из мертвящих объятий главков» (Ц ы п е р о в и ч. Главкизм, с. 21). «*Оказенить* сельского корреспондента» (Ш а ф и р. Газета и деревня, с. 133). «*Оказенивание* работы. *Окомсомолиться. Окомсомоливание.* Как *окомсомолить* посиделки?» («С. Комс.» № 1. 1925). *Опионериться*. *Окоммунистичиться.* «Шамраевцы решили *окоммунистичиться*» («Пр.» № 289. 1924). «*Опролетиризировать. Опролетиризировать* состав выборных органов» («Пр.» № 18. 1926). *Обольшевичение. Орабочение*. «*Орабочивание* Совета» («Изв.» № 295. 1924). «Пора бы нашим хозяйственникам подобрать хороший *орабоченный* аппарат» («Пр.» № 283. 1924). «Произошло *огосударствление*, обобществление банкового дела, передача его в руки советской власти» (Лен., XV, с. 84). «Профсоюзы были *огосударствлены*» («Изв.» № 274. 1924). *Онэпиться*. «Середняк начинает крепнуть и *окулачиваться*» («Пр.» № 287. 1924). «*Обуржуазивание* некоторой части работников в связи с нэпом» («На посту» № 2—3, с. 122). *Заснять* = «снять», *засъемка.* — «*Заснятые* Культкино изображения» («Изв.» № 245. 1925). «Приступлено к *засъемке* некоторых комсомольских фильм» («С. Комс.» № 23. 1925). «Я утвер-

ждаю, что почти на все 100 проц. фильма *заснята* таким образом, что…» (Л у н а ч а р с к и й. «Изв.» № 234. 1926). *Зачитать*. «Товарищи, разрешите *зачитать* здесь наказ нашего коллектива» («Пр.» № 197. 1925). «*Зачитаю* резолюцию» («Пр.» № 2. 1926). «Я *зачитываю* здесь один отрывок» («Пр.» № 297. 1925). «Я для порядка *зачту*» («Пр.» № 55. 1926). [Так в речи всех партийных и советских деятелей.] *Сформулировать. Сцементировать. Сработаться. Сработанный* (аппарат). *Сработанность* (аппарата). «Был момент, когда мы хотели навязать наше решение руководящему коллективу. Это не называется *сработанностью* ЦК» («Пр.» № 295. 1925). *Укрупнение. Укрупненные* волости. «Крупные деревенские центры (*укрупненные* сельсоветы)» («Пр.» № 283. 1924). *Ужатие*. «*Ужатие* коснулось обслуживающего и тылового аппарата» («Изв.» № 276. 1924). *Голоснул* (Лен. 1905. Такт., с. 251). «А когда *голоснули*, за совместное воспитание поднялись все руки» («Окт.» № 1. 165). «*Голоснем*! — крикнул кто-то дико» («Пр.» № 289. 1925). «Ведь вы понимаете очень хорошо, — я не надеюсь на то, что вы после моей речи *голоснете* иначе, чем вы решили голосовать до моей речи» (К а м е н. «Пр.» № 296. 1925). «Не лучше ли просто притти на общее собрание и *голоснуть* по списку?» («Ниж. Ком.» № 164. 1925). «— Принято. Секретарь, *протокольни*... Погоди, чего ты *не голоснул*? Положи-ка перо да первоначально *голосни*!» («Смех.» № 34. 1926). «Мы попытались в этом году урегулировать результаты хорошего урожая… Но получилось то, что не мы «*регульнули*» мужика в этом году, а мужичок «*регульнул*» нас» (К а м е н. «Пр.» № 296. 1925). «Надо учиться, где их, сколько их *мобилизнуть*» (Б е з ы м е н с к и й. Война этажей). «Ну, ребятки, починились маленько, теперь — *работнем*, да так, что у Антанты из глаз искры полетят» («Пр.» № 123. 1925). «Мы как-то *экспортнули* в Финляндию…» («Пр.» № 96. 1926). «Митька, что всегда молчал, сегодня всем хвастает, что “*читанул*”» («С. Комс.» № 23. 1925). «Как же быть? Это дело надо *ликвиднуть*» (из разговора).

Во время войны и после часто говорили о спекуляции: тот *спекульнул*, другой *спекульнул*...

112. Эмоционального происхождения сложные именные образования (composita) для названия лиц, — образования, первую часть которых составляет *горе-*, выражающее иронию по отношению к называемому лицу. — *Горе-революционеры* (Л е н. 1907. Такт., с. 185. 1918. XV, с. 224). *Горе-марксист* (Л е н. 1917. Такт., с. 304). *Горе-критики* («К. Пр.» № 1. 1925). *Горе-врач* («Изв.» № 125. 1925). *Горе-профчиновник* («Пр.» № 36. 1926). *Горе-хозяйственники* («Пр.»

№ 90, 125. 1926). *Горе-докладчики* («С. Комс.» № 22. 1926). *Горе-стратеги* («Смех.» № 35. 1926).

В. И. Ленин нередко пользовался сложными образованиями и с иной первой частью, тоже подчеркивавшей ироническое и отрицательное отношение говорящего к называемому лицу. Первою частью таких образований были: *почти-*, *тоже-*, *якобы-*: поклонники истинно-русских *почти-Бисмарков* (1914. Такт., с. 552); *почти-марксисты* (Маркс. и ликв., 1912, с. 47); замена царской монархии Гучково-Милюковской *почти-республикой* (1917. Такт., с. 290); попробуйте-ка, любезные *тоже-марксисты* (1917. Такт., с. 377); Керенский, представитель трудовиков и «*тоже-социалист*» (1917. Такт., с. 285); ученые или *якобы-ученые* люди кивали головою (XV, с. 84).

В настоящее время следов таких образований (с *почти-*, *тоже-*) в речи партийных и советских лиц не обнаруживается.

113. Наконец, одно замечание относительно языка прессы, — именно относительно газетного заголовка. В заголовках газетных статей и сообщений отражается значительное новшество по сравнению с прежним видом газеты. Редакторы стремятся к более живой, действенной передаче в заголовке сущности содержания. Употребляются глагольные формы — формы наст. вр. 1 л. или 3 л., а также повелительные формы или имена и наречия, эмоционально окрашенные. «Ряд профорганов уже достиг известной стройности, гармоничности в выпуске. Хорошая печать и бумага, живой монтаж, четкий, говорящий заголовок…» («Изв.» № 100. 1924). Несколько примеров.

Строим новую жизнь. Будем крепить смычку («Пр.» № 98. 1925). Строим рабочие жилища. Бьем двух зайцев. Боремся за экономию топлива («Пр.» № 105. 1925). Ремонтируемся и готовимся к ремонту здоровья. Завод расширяется. Устраните недостатки. Выковываем актив. Вскрыли недочеты. Коммунисток в деревню! («Пр.» № 136. 1925). Усилить работу! Устранить недочеты! («Пр.» № 33. 1926). Сократите рабфаковцу рабочий день. Обеспечивают домами отдыха. Остались без медпомощи. Втягиваем в общественную жизнь («Пр.» № 93. 1925). Вандервельде договаривается с буржуазией. Моряки угрожают забастовкой. Растем («Пр.» № 87. 1925). Судим болгарских палачей («П. Пр.» № 10. 1925). Или вот еще заголовок на 3 строчках. На первой очень крупным шрифтом: «СКВЕРНО!» На другой строчке помельче: «Отрыжка гнилого мещанства». На третьей: «Издеваются над… беременностью комсомолки» («С. Комс.» № 25. 1925).

V. Номинативная функция

114. События и обстоятельства революционного времени обусловили весьма сильное изменение в области назывной, номинативной деятельности языка. С одной стороны, произошла утрата длинного ряда терминов, как ненужных: исчезли или утратили свое значение те предметы и обстоятельства, знаками которых служили эти термины. Словарная утрата отразилась преимущественно в области политических и общественных отношений, — т. е. там, где сильнее всего действовала революционная ломка. Такова судьба, напр., административных должностей и их терминологии: скрылись *губернаторы*, *исправники*, *становые пристава*, *полицейские*, *урядники* с их титулами и аттрибутами. Утратили свое значение *барин*, *барыня*, *а барышни* остались в канцеляриях, у касс. Лица, состоявшие на службе у *господ*, стали наравне со всеми другими *гражданами.* Остались только *лакеи*, но с определенными функциями по представлению коммунистов: *лакеи буржуазии*, *лакеи империализма.* К ним отнесены и «именующие себя вождями с.-д. организаций рабочего класса» (Л е н. 1915. Такт., с. 254). С другой стороны, получили значение новые явления и обстоятельства, потребовавшие и новых (новых в том или ином отношении) наименований. Новые (совсем новые или отчасти) названия даны и некоторым из тех предметов, явлений и обстоятельств, которые удержались от дореволюционного времени, но изменили в некоторых отношениях свое значение в представлении революционных деятелей.

Какими средствами пользовался язык при выполнении номинативной функции во всех этих случаях?

115. 1) Для этого служат с л о в а и н о я з ы ч н о г о п р о и с х о ж д е н и я. Многие из них были и в дореволюционное время. Но тогда они имели ограниченный круг своего распространения, употребляясь среди теоретиков общественно-экономической и политической жизни. Это были термины теоретического, философского и социального содержания. Некоторым из заимствованных слов, употреблявшимся в дореволюционное время, были соответствующие явления и в практической жизни России. Напр., в XVIII и в первой половине XIX в. были *комиссариаты* и *комиссары*; а XVIII в. были открыты морская *коллегия*, *камер-коллегия.* Но в течение времени эти термины были забыты в таком значении. Их возобновление в революционное время обязано воздействию революционной терминологии другой страны (Франции в период Великой революции). — *Декрет*, *коммуна*, *революционный трибунал*, *вне закона*, *революци-*

онный комитет, *кантоны*, *национализация* (банков…), *режим* в значении: «форма государственного строя», «форма правления», *прежний режим* (l'ancien régime), новый режим (le nouveau régime) и др. См. § 19. Возобновление тех или иных терминов вызвано основным значением их, соответствовавшим настроению времени. Напр., *коллегия*.

Часть терминов общественно-экономического и политического содержания, получивших широкое применение в языковой деятельности революционного времени, была книжного русского происхождения.

Несколько примеров иноязычных и русско-книжных терминов. — Лозунг, диктатура пролетариата, гегемон, секвестрировать и национализировать предприятия, коммунист, коммунар, саботаж, дискуссия, дискутировать, милиция, милиционер, универсализация, клика (буржуазная), экономика, индустриализация, электрификация (и электрофикация), фордизм, тэйлоризм, трест, комбинат (текстильный комбинат, сахкомбинат), дотация, алименты[42], диспансер и многие другие. О них говорилось в разных пунктах предшествующих отделов. Русские термины философско-теоретического происхождения: сознательный, осознать, предпосылки, выявить, изжить, достижение и др.

2) Слова с изменением прежнего значения, — с изменением, вызванным по большей части эмоциональной функцией. Примеры были указаны в отделе речевых выражений эмоций. — Заострить внимание, отпочковаться, нагрузка, увязка, пионер, форпост, звено (пионерского отряда), подход, изолятор (тюрьма), шеф и др.

В широких кругах городского населения некоторые сложные новые термины претерпели редукцию. Так, одним из судебных приговоров по отношению к виновному бывает лишение свободы *со строгой изоляцией*. В обычной речи лиц, причастных к изоляции, говорится о ней только в форме прилагательного. — «Протокол, конечно, составили и засадили беднягу на полгода без *строгой*» («Буз.» № 21. 1926). Редукцию испытал и термин: присудить к высшей мере наказания: «*К высшей мере* могу» (Зощенко. Свиное дело).

[42] «Уже не только юристы, а и рядовой гражданин и грамотная крестьянка употребляют в наши дни это словечко. Значительное количество судебных дел об алиментах указывает, что население широко пользуется правами, установленными законом в обеспечение малолетних, неспособных или престарелых членов семьи» («Изв.» № 1. 1926). Есть особые «алиментные вдовы» — женщины, шантажирующие в отношении «алиментов» (о них см. в «Изв.» № 200. 1926).

3) Сочетания прежних терминов с прилагательными и наречиями, которые соответствуют революционным обстоятельствам, требованиям, вкусам. Ср. сочетания имен с прилагательными: красный, народный, трудовой, революционный, советский, коммунистический, интернациональный, решительный, максимальный; сочетания глаголов с наречиями: безоговорочно, максимально, раз навсегда, всерьез и надолго…

116. 4) Новообразования. В новообразованиях представлены разные виды.

А. Сокращения разных способов

а) Названия по начальным буквам или звукам слов в сложном термине.

Буквенные названия:

АКВ — акавэ = Академия коммунистического воспитания.

ВКП — вэкапэ = Всесоюзная Коммунистическая партия.

ВСНХ — вээсэнха́ = Высший совет народного хозяйства.

ВЦСПО — вэцээспэ́о = Всероссийский центральный союз потребительных обществ.

ГПУ — гэпэу = Главное Политическое управление.

ДВР — дэвээр = Дальневосточная республика.

ДВО — дэвэо = Дальневосточная область (заменившая ДВ республику).

МГУ — эмгэу = Московский государственный университет.

МЧК — эмчека́ = Московская чрезвычайная комиссия.

ОВД — овэдэ = Откуда ветер дует («партийность» неустойчивого человека).

ОДН — одээн = Общество «Долой неграмотность».

ОДФ — одээф = Общество друзей воздушного флота.

РКИ — эркаи = Рабоче-крестьянская инспекция.

РКК — эркака́ или ракака́ = Расценочно-конфликтная комиссия.

РКП(б) — эркапэ (бэ) = Российская Коммунистическая партия (большевиков).

РЛКСМ — эрлэкаэсэм = Рос. ленинский коммунистический союз молодежи.

РСФСР — [э]рэсэфэсэр = Российская социалистическая федеративная советская республика. «По всей рэсэфэсэрэ».

СССР — эсэсэсэр = Союз советских социалистических республик.

ЦК — цэка́ = Центральный комитет.

По начальным звукам.

ВАПП — вап = Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.

ВИК — Волостной исполнительный комитет.

ВУЗ — вуз (вус) = 1) Высшее учебное заведение, 2) Военное учебное заведение.

ГВИУ — Главное Военно-инженерное управление.

ГИМН — Государственный институт музыкальной науки.

ГУВУЗ — Главное управление военно-учебными заведениями.

ГУМ — Государственный универсальный магазин.

ГУС — Государственный ученый совет.

ЕПО — Единое потребительное общество.

КИМ — Коммунистический интернационал молодежи.

КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока.

МОНО — Московский отдел народного образования.

МУНИ — Московское управление недвижимыми имуществами.

МХАТ — Московский Художественный академический театр.

МЮД — Международный юношеский день.

НОТ — Научная организация труда.

НЭП — Новая экономическая политика.

ОЛЯ — оля — Отделение литературы и языка на ФОНе.

СТО — Совет труда и обороны.

ФОН — Факультет общественных наук (закрыт).

ЦИК — Центральный исполнительный комитет.

ЦИТ — Центральный институт труда.

ЮП — Юный пионер.

b) Произношение по начальным слогам слов, входящих в сложный термин. Этот способ образования применяется весьма часто. Бывает и так, что от одного из слов входят только согласные начального слога, но без следующего за ними гласного. Нередко в состав сокращения не вводят начальные части всех слов: от некоторых слов не имеется никаких следов в сокращенном названии. — *Внешторг*, *всерабис*, *истпарт*…

Агитпро́п — агитационная пропаганда.

Батрачко́м — комитет батрачества.

Викже́ль — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников.

Внешто́рг — [управление] внешней торговли.

Военвед — военное ведомство.

Военко́м — военный комиссар. «*Военком*, военный комиссар строевой части, — должность ответственная, но секретарь *военкома*, пожалуй, должность посложнее» («К. Пр.» № 23. 1925).

Военко́р — военный корреспондент.

Военхозупр — управление военного хозяйства.

Волисполком (произн. *волысполком*) — волостной исполнительный комитет.

Всерáбис — Всероссийский [союз] работников искусства.

Всеработземлес — Всероссийский союз работников земли [и] леса.

Главпрофóбр — Главный [комитет] профессионального образования.

Главсоцвóс — Главный [отдел] социального воспитания (при Наркомпросе).

Госбанк — Государственный банк.

Госиздáт (*Госыздáт*) — Государственное издательство.

Госплáн — Государственная [обще-] плановая комиссия при СТО.

Госстрах — государственное страхование.

Губисполкóм (*губысполком*) — губернский исполнительный комитет.

Губонó — губернский отдел народного образования.

Дозáвуч — [школа] до-заводского ученичества.

Донбасс — Донецкий бассейн.

Женорг — [руководитель, -ница] женских организаций.

Женкóр — женщина-корреспондент. — «Тяжело избита *женкор* “Амурской Правды” тов. Гусева» («Пр.» № 289. 1924).

Завкóм —заводской комитет.

Загс [*закс*] — [отдел] записи актов гражданского состояния. «По случаю законного *закса*» (= брака) (А р д о в. Роковой аванс).

Исполкóм — исполнительный комитет.

Истмáт, род. *-а* — история материализма.

Истпáрт — род. *-а* — [комиссия по] истории [РК] партии.

Истмóл — [изучение] истории молодежи.

Комбéд — комитет бедноты.

Коминтерн — Коммунистический интернационал.

Комнезам — комитет незаможных (на Украине).

Комса — *комсомол.* — «На корме парохода десятка два-три “комсы”» («Пр.» № 142. 1923).

Комсомóл — Коммунистический союз молодежи.

Крестинтерн — [Международный] крестьянский [совет] — Крестьянский интернационал.

Крестком — крестьянский комитет.

Ликбез — ликвидация безграмотности.

Наркóм — народный комиссар.

Наркомзéм — Народный комиссариат земледелия.

Наркомпрóс — Народный комиссариат просвещения.

Нарпит — [профсоюз работников] народного питания.

Нацме́н — национальные меньшинства.

Нацменпрос — «в переводе на удобопонятный язык, оказывается, будет: «Трудовая кооперативная артель по просвещению национальных меньшинств» («Пр.» № 269. 1925).

Наркомпочтель — Народный комиссариат почт [и] телеграфов.

Обисполком, *облисполком* — областной исполнительный комитет.

Опояз — общество [изучения] поэтического языка.

Парторг, род. *-а* — партийный организатор.

Персимфа́нс — первый симфонический ансамбль.

Полпре́д — полномочный представитель [СССР за границей].

Пролеткульт — пролетарская культура.

Рабко́р — рабочий корреспондент[43].

Рабкрин — Рабоче-крестьянская инспекция.

Рабфа́к — рабочий факультет.

Райисполком — районный исполнит. комитет.

Ревко́м — революционный комитет.

Сельмаш — [отдел] сельскохозяйств. машин.

Совде́п — совет [рабочих, красноарм. и крестьянских] депутатов. (Перестало употребляться. Вместо этого названия служит «*совет*».)

Совнарко́м — Совет народных комиссаров.

Совнархо́з — Совет народного хозяйства.

Стенга́з, -а — стенная газета.

Торгпре́дство — торговое представительство [СССР за границей].

Учбат — учебный батальон.

Фабза́вуч — фабрично-заводское ученичество.

Физма́т — физико-математический факультет.

Шкраб — школьный работник (выходит из употребления; вм. *шкраб* говорят «*просвещенец*»).

Экосо́ — экономический совет, экономич. совещание.

Если сокращению подвергается одно слово, то вместо него представлен один слог, оканчивающийся согласным звуком. — *Зав* — заведующий, *зам* — заместитель, *спец* — специалист. — «Поехали бумаги от *зава узу* [уездного земельного управления] к *заву губзу*» («Пр.» № 20. 1925). «[Летом] десятки поездов каждый день после четырех часов мчат [из Москвы] в поля, в луга, в сосны *завов* и *замзавов*, *помбухов* [помощников бухгалтеров] и *начканцев* [начальников канцелярий], *месткомщиков* и входяще-исходящих барышень» («Изв.» № 117. 1926).

[43] «Сейчас рабкоры в моде. Растет и авторитет рабкора. Пошло деление на разных “ко̀ров”. У меня имеется до 28 названий разных “ко̀ров”» («Пр.» № 285. 1924).

с) Весьма часто применяется такой способ образования. За начальным слогом или за двумя начальными слогами первого слова следует полная форма второго слова. Если сложный термин состоит из 3 слов, то третьему слову предшествуют начальные слоги первых двух слов. Наиболее часто употребляются образования с первою частью *глав-* (главный, т. е. главное управление, главный комитет), *сов-* (совет, советский), *парт-* (партийный), *ком-* (коммунистический, комитет), *полит-* (политический), *гос-* (государственный), *губ-* (губернский), *вол-* (волостной) и некоторые другие. В особенности были многочисленны в 1919—1921 гг. сочетания с *глав-*, находившиеся (как и сочетания с *центро-*) в связи с экономической и государственной системой советского правительства[44].

В свое время (до 1922 г.) имели большое значение организации по продовольствию. В связи с этим находилось много терминов с *прод-* (продовольствие, продовольственный). Несколько примеров.

Глав-: главсахар, главбумага, главлён, главтабак, главторф, главспичка, главполитпросвет [главное управление политического просвещения — политический совет].

От обеда в главстоловке
Главжелудок бесится.
Дайте, дайте главверевку,
Чтобы главповеситься.
(Частушка)[45].

Сов-: совнарсуд [совет народных судей], совпредставитель, совпартшкола [советская партийная школа], совкино, совбуржуй [советский буржуй], совдурак.

Парт-: парторганизация, партвоспитание, партдисциплина, партнагрузка, партобязанности, партдискуссия, партстаж, парттройка, партвзыскание, партпроверка и др.

Ком-: компартия [коммунистическая партия], комъячейка [коммунистическая ячейка], комчванство [коммунистическое чванство]; комнезáм [комитет незаможных].

Гос-: госаппарат, госбюджет, госрозница, госспирт, госкинó.

Губ-: губотдел, губисполком…

Вол-: волмасштаб, волъячейка, волполитпросветорганизаторы, волпропколлектив…

[44] Ц ы п е р о в и ч. Главкизм. 1924.

[45] Z e l e n i n. Das heutige russische Schnaderhüpfl (Zeitschrift für slavische Philologie. I, 1925. C. 369).

Агит-: агитпропорганизатор [агитационно-пропагандистский организатор], агитплакат, агитпропработа, агитдекламация.

Прод-: продотряд [продовольственный отряд — отряд по собиранию продовольствия в деревне], продбюро, продразверстка, продналог.

Полит-: политэкономия, политуровень [политический уровень], политзаключенный, политуправление, политчитка.

Проф- [профессиональный]: профработа, профдвижение, профорганизация, профсоюз…

Волховстрой [строительные работы на Волхове]. Ср. того же типа образования: *Невастрой*, *Сясьстрой* [строительные работы на Неве, на Сяси].

Дензнак [денежный знак].

Детдом [детский дом].

Драмкружок [драматический кружок].

Единсельхозналог.

Женотдел.

Жил- [жилищный]: жилкооперация, жилуправление, жилстроительство.

Зарплата [заработная плата].

Кинопередвижка.

Колдо́говор [коллективный договор].

Корчванство [корреспондентское чванство].

Ленинградодежда [одежда ленинградского производства]. Сравн. того же типа: *твородежда.*

Леннабор [ленинский набор в партию].

Ликпункты [ликвидационные пункты, — пункты по ликвидации безграмотности].

Морфлот. «Красный *морской флот* — ваше детище. Нужно отдать справедливость комсомолу, оказавшему нам, военным и морским работникам, большую помощь в деле воссоздания *морфлота*» («Пр.» № 68. 1926).

Пионер-: пионердвижение, пионерруководитель, пионерсмекалка («Пр.» № 11. 1925).

Спецставка [специальная ставка, вознаграждение *спеца*].

Стенгазета [стенная газета].

Тер- [территориальный = областной]: терармеец, терсбор, терчасть. — «Возвращаясь с терсборов в села, терармейцы буквально будоражат деревню» («Изв.» № 96. 1925).

Техперсонал [технический персонал].

Угрозыск [уголовный розыск].

Хозорган [хозяйственный орган].

Экономработа [экономическая работа].

Юндвижение [юношеское движение].

Отклоняющееся образование, — с пропуском гласного звука в первой части сложения *проз-* им. *произ-*: *прозоде́жда* (производственная одежда, одежда, в которой работают на производстве)[46].

117. Сделаем несколько замечаний относительно образований посредством сокращения сложных терминов. Прежде всего о ряде *c)*. В некоторых из этих образований, в особенности в тех, в составе которых первая часть представляет собою корень или основу, чувствуется осуществление тенденции к сложению основ, развитой при пользовании н е м е ц к о й речью. В немецком языке весьма свободно происходят такие образования. — Hauptstadt, Frauenverein, Kindergarten, Oekonomieabteilung, Parteitag, Parteiführer… — *Пионердвижение* (Pionnierbewegung), *партработник* (Parteiarbeiter), *глав-* (Haupt-), *экономработа*, *политэкономия* и др. (Ср. выше, § 33.) Тенденция сокращения содействовала дальнейшему упрощению этих образований.

118. Названия, появляющиеся в результате сокращений, указанных под *a)* и *b)*, оканчиваются на согласный или на гласный. Те из них, которые оканчиваются на согласный и на *-а*, изменяются так же, как и прочие имена муж. р. (с оконч. на согл.) или жен. р. (с оконч. на *-а*): *ГУС*, *ГУСа*, *ГУСу*..; *нэп*, *нэпа*; *зава*, *заву*..; *комсомол*, *комсомола*; *чека́*, *чеки*, *чеке́*, *чеку*. Но те, которые имеют окончание *-о*, не подвергаются изменению. — МОНО (как «бюро́»). Иногда остаются неизменяемыми и названия, оканчивающиеся на согласный или на *-а* из ряда *a)* (образованные по произношению начальных букв или звуков): *ЦИК*, *ЦИКа*, *ЦИКа*, но и «Сессия ЦИК Союза ССР»; *ГУС*, *ГУСа*.., но и — «реформа ГУС»..; «метод ЦИТ» и «метод ЦИТ'а» («К. Пр.» № 71. 1926). «Клавочка служила в *эмпэка́* (МПК — московская потребительная коммуна), / Клавочка работала слегка» / (Из песенки 1919—21 гг.).

119. В отношении рода заметим следующее. Некоторые имена на твердый согласный воспринимаются как имена мужского р.: *стенгазета* (ж. р.), но *стенгаз* — м. р.: «Какой должна быть стенгазета?» и в той же статье: «Каким должен быть стенгаз?» «Вешали стенгаз вечером. Через кривой двор несли его…» (К о л о с о в. Стенгаз). «Вы-

[46] Другие примеры сокращенных образований см. в «Словаре советских терминов», составл. под ред. П. Х. С п а с с к о г о. Н.-Новгород, 1924, а также в «Кратком советском словаре общеупотребительных сокращений». Ташкент, 1924.

пуск специального стенгаза» («П. Пр.» № 10. 1925). Но бывает и так, что в отношении рода сохраняет свое значение основное слово. Напр.: ВАПП, МАПП — ж. р. «Старая ВАПП [Всероссийская ассоциация пролет. писателей] умерла».

На образованиях посредством сокращения вида *b)* (по слогам) ясно отражается в некоторых случаях сложный состав сочетания. Так бывает перед срединной частью слова, начинающеюся с *и-*: *-исполком*, *-издат*... Под влиянием твердого согласного конца предшествующего слова, именно отдельного слова (а не слога единого слова), вместо гласного *и* произносится *ы*: *губысполком* (пишется губисполком), *госыздат*, а не — *гос'издат*... (*с'* — мягкое *с*). Ср., к примеру, такое сочетание из двух слов: «брат Иван» — *братЫван.* След отдельного происхождения элементов образования, полученного в результате объединения слогов отдельных слов, представлен твердостью согласного перед *я* (*ja*): *комъячейка* (*ком-ячейка*), *волъячейка* (*вол-ячейка*).

120. Слова, образованные по названиям начальных букв и не подходящие к звуковой и формальной системе русского языка, усваиваются с большим трудом лицами, не искушенными в иноязычной фонетике. Эти слова приспособляются к местной речи. Обычно *нэ* → *н'е* (с мягким *н'*), *тэ* → *т'е*..: *н'епач*… Некоторые слова доставляют большую неприятность простому человеку. Один пожилой человек, крестьянин из деревни, хотел пригрозить одному озорнику *гэпэу*; но он произнес это слово с таким «искажением», что вызвал смех у окружающих, да и сам он смутился и скрылся.

121. Слова, образованные по названию начальных букв и по произношению начальных гласных или слогов, не воспринимаются чутьем говорящих в связи с полными словами, от которых образованы эти сокращенные термины. Значение этих терминов и отдельных частей их воспринимаются только в связи с представлением о самом предмете или явлении, о котором идет речь, т. е. воспринимается так, как слово совсем новое, как слово иноязычное. *ГУМ*, *ГУС*, *ГАУ*, *ЕПО*, *нэп — н'эп*, *истмат*, *комса*… Только после развития некоторого навыка в употреблении этих слов и в понимании их появляется в результате анализа и обобщения способность выделять сходные части и соединять с ними сходные значения. — *Комъ*ячейка, *ком*партия, *губ*оно, *губ*отдел… Процесс узнавания, понимания значения того или иного сокращенного термина бывает облегчен, если говорящий знает синонимическое и отчасти созвучное сочетание, состоящее из полных слов: *губотдел* и *губернский отдел*, *нарсуд* и *народный суд* и т. п. Но в названиях по начальным буквам или звукам

такое обобщение бывает для широких слоев населения совсем недоступно. Много примеров непонимания сокращенных названий со стороны населения деревни можно найти в книге Я. Ш а ф и р а: «Газета и деревня». См. также ниже, в отделе о деревне. Не только деревня, но и город жалуется на затруднения, причиняемые в общении этими сокращениями, остающимися неясными по своему значению. Эти сокращенные термины, своим звуковым видом необычайные для русской речи, напоминают некоторым лицам то завыванье ветра, то птичье щебетанье. «Метель. Март. Ах, какая метель, когда ветер ест снег. Шоояя, ио-ояя, шоооояя… Гвииу, гваау, гаааау… Гу-ву-зз… Гу-ву-зз… Глапбум… Ах, какая метель»… (П и л ь н я к. Голый год). «Мы до сих пор еще злоупотребляем советским птичьим языком», — говорил Д. Рязанов на совещании, посвященном вопросу о политике коммунистической партии в художественной литературе[47]. Раздаются голоса резкого осуждения крайности в употреблении сокращенных терминов. Вот, напр., заметка Ю. Я с н о п о л ь с к о г о «Борьба за язык», напечатанная в «Изв.» № 290. 1923:

> Русский язык жестоко пострадал за время революции. Ничто не подверглось у нас такому безжалостному изуродованию, такому беспощадному исковерканию, как язык.
>
> Сокращение слов носит иступленно-стихийный характер и угрожает в недалеком будущем сделать нашу речь нечленораздельной. Наши слова превращаются в отдельные междометия. Сокращения эти каждый варьирует на свой лад. Так, напр., губернский отдел народного образования одни называют «Губоно», другие — «Губнаробраз» и третьи — «Губотнароб». Рабоче-крестьянская инспекция: «РКИ» и «Рабкрин». Некоторые любители нашли, что сокращение губернского экономического совещания в губэкономсовещание слишком незначительно, и потому сократили его сначала в губэкосо, а потом в ГЭС. Сокращение губернского исполнительного комитета в губисполком показалось им непростительной роскошью, и они, ничтоже сумняшеся, сократили его в ГИК. Появились какие-то, в лучшем случае непонятные, а то и просто неудобопроизносимые слова: СУИТ, Цумор, Дорпрофсож, шкраб, СЦИК, Южопс.
>
> Между тем эти сокращения абсолютно не вызваны надобностью. Сначала пробовали ссылаться на телеграф: это, мол, телеграфный язык. Выходит дешевле. Но Наркомпочтель поспешил отмежеваться от извратителей русского языка. Наркомпочтель оказался в роли первого защитника языка: он заявил, что никаких «желдоров», «абонплат» и «госбанков» не признает. В силу необходимости он считается с некоторыми, получившими права гражданства, изуве-

[47] К вопросу о политике РКП(б) в худож. литературе. М., 1924. С. 90.

ченными словами, а все остальные искажения будут бесцеремонно расшифровываться, расчленяться и оплачиваться самостоятельно. Правда, НКП и Т действовал не без некоторой расчетливости, но нам важен факт. «Лиха беда — начало». Нужно немедленно открыть фронт борьбы с сокращениями, борьбы за язык. Надо учиться говорить по-человечески.

Какой путь к этому?

Прежде всего необходимо изгнать сокращения из лексикона официальных учреждений. Нужно потребовать, чтобы в официальных отношениях названия учреждений и наименования должностей писались полно. То же самое должны делать газеты.

Только таким образом, по истечении некоторого времени, мы отремонтируем русский язык, оздоровим его, освободим его от искажений.

Вот еще голос против сокращений. «Задача сближения между органами власти и трудящимся населением, задача их взаимного понимания выдвигает настоятельное требование частичного уничтожения приемов сокращения слов… Крестьяне, приезжающие в город по своим делам, теряются в массе этих нелепых и странных названий». Таково мнение И. Желтова, члена президиума Московского совета и члена Московского комитета РКП («Трудовая копейка» № 74. 1923). На необходимость устранения сокращений указывала и комиссия по усилению борьбы с бюрократизмом (там же).

В последние 2 года заметно охлаждение к этим сокращениям. Приходится часто отмечать в речи коммунистических и советских деятелей употребление полных терминов вместо кратких или наряду с ними. То же наблюдается и в прессе. Напр.: *зарплата* и *заработная плата*, *пионердвижение* и *пионерское движение*, *СССР* и *Союз ССР* или *Союз Советских Республик*. — «*В Совете труда и обороны. СТО* утвердил *устав*...» («Изв.» № 276. 1924). *Цека* и *Центральный Комитет*. — «Теперь он составляет незначительную часть *государственного бюджета. Госбюджет* представляет сейчас $2^1/_2$ миллиарда руб…» («Пр.» № 139. 1925).

Более или менее широкое распространение сокращенных терминов зависит от того, насколько близки, доступны и необходимы те явления и предметы, знаками которых служат новые слова (сокращения). Если с теми или иными предметами приходится сталкиваться в жизни, если они привлекают к себе внимание широких кругов населения, то и словесные знаки этих предметов, как они имеются в речи лиц, близко стоящих к ним, будут усваиваться в деревне и в пригороде, хотя бы эти знаки и были чужды, неродственны обыденной речи, — будут усваиваться с чертами фонетики и форм языковой системы усваивающих.

122. О происхождении манеры образования слов по названиям начальных букв и произношению начальных звуков и слогов говорилось выше, в § 34. Там указано было, что первые примеры подобных образований представляла политическая терминология русского революционного подполья: *с.-д.* (эс-дэ), *с.-р.* (эс-эр). Эта манера была перенята с запада России, от языка революционеров, действовавших в Польском крае. В Польше в 90-е и в начале 900-х гг. речь революционных деятелей представляла много примеров подобных сокращений (подробнее см. выше, § 34). Там и в последующее время эти сокращения приобретают большое значение, проникая и в обыденную речь. В последнее время эта манера речи нашла себе апологета на страницах лингвистического журнала «Język polski» (VII, 1922. № 1. M. C h m i e l o w i e c. «W obronie skrotów». 20—23). В России этот прием образования названий нашел себе довольно широкое применение в период войны с 1914 г. — *Главковéрх* [верховный главнокомандующий], *штабарм* [штаб армии], *военмин* [военное министерство] и др., относившиеся к фронту и военному ведомству; *Земсоюз* (Земский союз), *Земгóр* (Земский и городской союз) и др. После октябрьской революции эта манера получила чрезвычайно широкое применение. И в официальных документах, и в газетах, а со времени *нэпа* (с 1921 г.) и на торговых вывесках — всюду запестрели эти сокращения…

B. Образования посредством сложения (composita)

123. *a)* В 90-е и 900-е годы с Запада занесен был в Россию термин *социал-демократ*. Лучшим считалось тогда произношение *социаль*-демократ. По этому образцу появился *социал-революционер*. Позднее во время разногласий в среде социалистических организаций, преимущественно в период мировой войны, возник ряд названий иронического значения, — названий с *социал-*, которыми пользовались коммунисты по адресу своих противников. — *Социал-патриот*, *социал-пацифист*, *социал-шовинист*, *социал-изменник*, *социал-предатель*, *социал-соглашатель*, *социал-лакей*, *социал-саботант*, *социал-премьер*. Последние два образования возникли в первое время революции, в 1917—1918 гг. *Социал-премьер* — это Керенский.

b) Образования, в состав которых входит основа первого слова с гласным *-о* в конце. Это образования по типу: *домоуправление*, *местожительство*, *центробежный* и т. п. Таким способом образования пользуются очень широко. Рекомендуют, напр., «*англоязык* по системе Мертнера» («Изв.» № 222. 1926). Одной из кооперативных

московских организаций является *Сельскосоюз.* Многочисленны названия с *центро-*: *центропечать* [Центральный комитет по печатному делу], *Центросоюз* [центральный союз = Союз союзов потребительских обществ], *центрокнига*, *центромасло* и многие другие *центро-*.

Белобандит.

Советовластие. — Теория советовластия («Изв.» № 183. 1925).

Сахаротрест — Цукротрест.

Групповод, *кружковод* [руководитель группы, кружка].

Пустолавка. — «Наша ставка на кооперацию оправдалась, мы имеем дело не с *пустолавками*, которые существовали у нас в эпоху военного коммунизма» («Пр.» № 32. 1926).

Самоуплотнение, *кадетоедство* (Л е н. 1912. Маркс. и ликв., с. 127, 130), *спецеедство*, *попоедство*, *краснофлотец*, *красноармеец.*

Сложное образование с *-о* в первой части популярно в наше время. Им пользуются и в производстве новых фамилий. Так, напр., один из коммунистических деятелей *Гольдфарб* стал называть себя с недавнего времени *Златоцветовым*[48].

c) Для новых названий городов употребляются иногда сложные образования на *-град*; первая часть образования гласного *о* не имеет. — *Ленинград*, *Сталинград*, *Коммунград.* — «Строится новый поселок под названием "*Коммунград*", в Донской области» («Изв.» № 40. 1925).

d) Образование сложных названий, состоящих из двух имен, без гласного *-о* в конце основы первого из них. — *Изба-читальня*, *допризывник-комсомолец* [комсомолец на допризывной военной подготовке], *комсомолец-активист*, *комсомолец-выдвиженец*, *комсомолка-выдвиженец*, *комсомолец-переменник*, *концерт-митинг*, *крестьянин-выдвиженец*, *крестьяне-единоличники* («Бедн.» № 825. 1921), *крестьянин-массовик* [крестьянин из массы], *крестьянин-самоед*: «Крестьянин-самоед только проедает свое хозяйство. Долой самоедское хозяйство» («Бедн.» № 836. 1921); *массовик-корреспондент* [корреспондент из массы], *мужик-лаптевик* [мужик, носящий лапти], *партиец-подпольник*, *подпольщик-боевик*, *портной-квартирник* [мелкий портной, выполняющий заказы другого крупного портного у себя на квартире], *рабочий-массовик*, *рядовик-коммунист*, *угнетатели-империалисты*, *читатель-массовик*, *школа-передвижка* и некоторые другие.

[48] Раньше переводы фамилий делались лучше. Вот, напр., до 1914—1915 гг. некто *Süssmann.* Во время войны он стал *Сахаровым.*

С. Образования при помощи прежних суффиксов и префиксов

124. Важно отметить типы этих образований: они обнаружат, какие формальные принадлежности являются в последние годы продуктивными и каково значение, сообщаемое ими основе. Основа является прежняя или новая. Новая образована посредством сокращения (указанного выше) или взята от имен лиц (*корниловщина*, *троцкизм*, *либерданы*...).

Имена существительные

125. Суффиксы *-ец* (множ. *-цы*), *-овец* или *-евец* (*-ов-ец*, *-ев-ец*), (множ. *-овцы*, *-евцы*). Это имена действующих лиц, в частности с суф. *-овец* — имена лиц, имеющих отношение к каким-нибудь лицам, к каким-нибудь группам. Эти суффиксы являются весьма продуктивными. Образования на *-ец*, *-овец* сопровождают каждое явление революционного времени. В начале революции говорили о *роман-овцах*; затем появились *керен-цы*, действовали *корнил-овцы* (1917), *алексе-евцы*, *калед-енцы* (1917—1918); с 1918 — *дут-овцы*, *махн-овцы*, *петлюр-овцы* (*петлюр-цы*), *атаман-цы*, *красн-овцы*, *деникин-цы*, *капел-евцы*, *григорь-евцы*, *врангел-евцы* и др. Не мало спору и борьбы было с *учредил-овцами* (со сторонниками Учредительного Собрания).

Другие примеры:

-ец. — Антиснижeнцы[49], *беспартиец*, *второступенец* (учащийся в школе II ступени), *выдвиженец* (выдвинувшийся из народной среды своим знанием, опытом[50], *детдомец — детдомцы* (воспитанник, -и детского дома), *женотделец* (работающий в жен. отделе), *живцы — живоцерковники* (сторонники «Живой церкви»), *жилуправленцы* (члены жилищного управления), *завкомец* (член фабрично-заводского комитета), *известинцы* (рабочие и служащие газеты «Известия ЦИК»), *исполкомец* (член *исполкома*), *ленинец*, *лишенец* (лишенный избирательного права)[51], *назначенец* (занимающий должность по назначению), *обновленец* (сторонник «обновления» церкви), *оборонец* (1914—1915 гг., — стоящий за оборону своей страны),

[49] «Противники снижения цен — “а н т и с н и ж е н ц ы” понемногу начинают заполнять камеры нарсудов» («Изв.» № 123. 1927).

[50] «В Москву вызваны крестьяне-*выдвиженцы*» («Пр.» № 297. 1924).

[51] «При составлении списков лишенцев избиркомы неправильно лишают прав трудящихся. Проделки лишенцев. Беднота помогает избиркомам выявлять лишенцев» («Изв.» № 24. 1927).

партиец (член партии), *первомайцы* (празднующие 1 мая), *пораженец* (противники войны, 1914—1915 гг.), *правленцы* (члены правления), *прикрепленец* («прикрепленный товарищ»), *пролетарец*, *просвещенец* (деятель в области просвещения), *совкинец* (работающий в области советской кинематографии), *трудшкольцы* (ученики трудовой школы).

-овец, -евец. — Авиохимовец, *буденовец*, *веховец* (1911), *впередовцы* (сторонники газ. «Вперед»), *вузовец* (учащийся в «вузе», — в высшем учебном заведении), *гужоновец — гужоновцы* (рабочие завода б. Гужон), *кружковцы* (члены кружка), *левицовцы* (члены польской lewicy), *листопадовцы* (соучастники Листопада, 1926), *макдональдовцы*, *напостовцы* (участники журнала «На посту»), *пролеткультовец* (деятель «пролеткульта»), *рабфаковец* (учащийся на рабфаке), *сменовеховцы* (участники сборника «Смена Вех»), *спартаковцы* (члены группы «Спартак» — Spartacus; *спартакусовцы* (Л е н., XV, с. 501), *фабкомовец* (член фабрично-заводского комитета), *физматовец* (студент «физмата» — физико-математ. факультета), *шейдемановцы*, *шмералевцы…*

-овик или *-евик*, *-ник*, производные от прилагательных с суффиксами *-овый*, *-евый* (*-овой*, *-евой*), *-ный.* Это — названия действующих лиц по их обязанностям, функциям, свойствам.

Боевик («подпольщик-боевик»), *массовик* (лицо из массы, или лицо, работающее среди массы), *низовик* (работающий в «низовой» организации, на «низовых» пунктах), *передовик* (1. передовой человек, 2. автор газетной «передовицы», передовой статьи), *пищевики* (рабочие пищевых организаций), *почтовик* (почтовый служащий), *правовик* (студент правового отделения или факультета), *рядовик* (рядовой член), *страховики* (работающие по части «страхования»), *трестовик* (служащий в тресте), *фронтовик*, *центровик* (социалист центра).

Антирелигиозник (ведущий антирелигиозную пропаганду), *безнадзорник* (исправившийся *беспризорник.* — Ты беспризорник? — спрашиваю у одного… «Нет. Я “безнадзорник”!» — с гордостью отвечает он. «Пр.» № 108. 1927). *Беспризорник* («беспризорный»), *возвратники* (семьи, ушедшие во время голода в другие районы и теперь возвратившиеся на родину), *выпускник* (выпускаемый по окончании обучения, выпускник-рабфаковец), *денники* (дневные рабочие), *допризывник* (проходящий допризывную военную подготовку), *дошкольник* (работающий по дошкольному воспитанию), *индивидуальник* (работающий по «индивидуальной обработке»), *клубник* или *клубист* (работник клуба), *коммунальник* («вчера открылось всесо-

южное совещание молодежи союза рабочих коммунального хозяйства» — «союза коммунальников» («Изв.» № 116. 1925), *курортник* (отправляющийся на курорт), *наркомпросник* (работник «Наркомпроса»; «для нас, наркомпросников…» из статьи М. Н. Покровского. «Пр.» № 10. 1925), *общественник* (общественный деятель), *опытник* (производящий опыты; совещание агрономов-опытников; «…придите на совещание опытников». «Пр.» № 134. 1925), *осенник* («красноармеец-осенник 1902 г.»), *отпускник* (отправляющийся в отпуск), *подпольник* («партиец-подпольник»), *подшефник*, *производственник* («работающий на производстве), *розник — розничник* (торгующий в розницу), *саботажник*, *сезонник* (рабочий сезона), *смертник* (приговоренный к смерти; «несколько человек смертников из одной тюрьмы с Фрунзе уже выводили на виселицу». «Изв.» № 251. 1925), *стенники* (сотрудники стенной газеты), *учбатник* (солдат учебного батальона), *хозяйственник* (занимающий хозяйственную должность), *физкультурник* (занимающийся «физической культурой», физическими упражнениями для укрепления организма), *частник* (частный торговец), *шкурник* (человек личных «шкурных» интересов; со времени войны 1914 г.).

В немногих случаях с суф. *-ник* образованы названия неличные. — *Субботник*, *воскресник* (до 1922 г. суббота или воскресенье иногда отводились для какой-нибудь экстренной работы, в которой должны были принять участие все служащие данного учреждения, все члены данной организации; напр., субботник по разгрузке вагонов, воскресник по пилке дров и т. п.).

-щик, *-чик* — в именах лиц по их роду занятий. — *Агитпропщик* (агитатор-пропагандист), *аппаратчик* (член «аппарата», «госаппаратчик», «профсоюзный аппаратчик»), *волокитчик.* «Волокита бывает разная — землеустроительная, судебная и иная. Разные бывают и *волокитчики*. Одни *волокитчики* и честь знают, скажем, поволокитят дело год, два и положат его под сукно. Есть другой сорт *волокитчиков*. Эти готовы без конца тянуть, волокитить одно дело». («Крест. Газета». № 35. 1926). *Губотдельщик* (служащий в «губотделе»). *Деревенщик* («прикрепленные» к деревне рабочие, комсомольцы, студенты, ведущие там ту или иную работу; «Ярославский педфак организует конференцию студентов-*деревенщиков* для культработы в деревне»; — объявление). *Завкомщик* (член «завкома»). *Орготдельщик* (работающий в организационном отделе). *Партейщик* (народн.; «большой руки партейщик» и т. д.) («Пр.» № 11. 1926). *Подпольщик* (деятель подполья). *Политпросветчик. Режимщик* (активный деятель по проведению «режима экономии»). *Сельсоветчик*

(член сельского совета). *Синдикатчик. Студкомщик* (член студенческого комитета). *Текстильщик. Трибунальщик* (судебный деятель).

-як. — Искряк (сторонник «Искры»), *середняк* (крестьянин-середняк, партийный середняк; с *-як*, как в «бедняк»).

-ёнок, множ. *-ята. — Октябренок — октябрята* (дети моложе «пионеров». «Вышел № 1 стенгазеты “Голос Октябренка”, и пионеры со стыдом увидали там заметку, в которой октябрята протягивали пионеров». «Пр.» № 13. 1925). *Пионёрок — пионерята* (уменьшит. для «пионер». «К. Пр.» № 4. 1925). *Комсомолята. Фабзайчата* (мн.; ед. *фабзаяц* — фабрично-заводский ученик). *Дошколята* (ед. *дошкольник*).

-к. Новый суффикс для именит. ед. мужск. р. *Главк* (главное управление, центральное учреждение; «Наши главки и центры появились на другой день после октябрьской революции… Первый главк по управлению кожевенной промышленностью… На главке к социализму не доберешься». Ц ы п е р о в и ч. Главкизм, с. 3—4, 106. Производные: *главкизм*, *главкист*). *Акавек*, мн. *акавеки* (студент АКВ — Академии коммунистического воспитания. «Изв.» № 256. 1925).

-ка. Весьма продуктивный суффикс. Формы с этим суффиксом представляют теперь одно из трех значений: 1) название лиц жен. пола; соответствующее название для мужчин имеет суф. *-ец*; 2) названия некоторых явлений и предметов; 3) уменьшительные названия предметов. Эти значения имен на *-ка* характерны для языка революционного времени. Ряд образований на *-ка* был в употреблении в студенческой и близкой к ней среде еще раньше: *столовка* (столовая), *раздевалка* (раздевальная комната), *курилка* (курильная комната), *кандидатка* (кандидатская письменная работа). «“Здесь *давилка*” — надпись мелом, появлявшаяся на сарае Хамовнического отделения полиции в Москве, где производились казни» («Пр.» № 103. 1926). *Охранка* (охранное отделение). *Этапка* («гноение рабочих по Бутыркам, Таганкам, российским этапкам». «Проклам.» 124). *Александринка*, *Петропавловка* («окружить Александринку, занять Петропавловку». Л е н. 1917. Такт., с. 353).

Образования на *-ка* последних лет:

Агитка (агитационное произведение. «Мы вступаем в такую общественную полосу, когда, кроме агиток, следует подойти к серьезному художественному познаванию действительности» (В о р о н с к и й. Искусство как познание жизни. Иваново-Вознес. 1924). «Ваши стихи не поднимаются над уровнем нехудожественной агитки» («Кр. Мол.» № 1. 1925. 148). *Будёновка* (шапка кавалериста). *Де-*

журка (дежурная комната). «В дежурке ГПУ накапливается материал» («Пр.» № 68. 1926). *Ежедневка* [ежедневная газета, дореволюционного времени?]. *Зачётка* (зачетная студенческая работа; зачетная студ. книжка). *Зачитка* (чтение). *Ке́ренка* («*двадцатка*» и «*сороковка*» — денежные бумажки в 20 и 40 р., выпущенные Керенским). *Комсомо́лка. Красноармейка. Ленинка* (партийная работница). *Нормалка* («нормальная школа). «Нормалка должна являться основной формой партпросвещения» («Пр.» № 119. 1926). *Партийка* (женщина — член партии. «Больше внимания женщине-партийке». «Сев. Рабочий» № 111. 1925). *Переподготовка* (обычно «переподготовка школьных работников»). *Петровка* (бывш. Петровско-Разумовская академия). *Побудка*. *Пролетарка* (1. женщина-пролетарка; раньше было в употреблении? 2. печка из жести). *Пьянка* (пьянство; раньше?). *Рабфаковка*, реже *рабфачка* (учащаяся на «рабфаке». «Даже пресловутое прощание Гектора с Андромахой любая рабфаковка на смех подымет». «На посту». № 2—3, с. 87). *Свердловка* (университет им. Свердлова). *Семинарка* (работа в «семинаре», на практических занятиях в «вузе»; корпус I Московского университета, где происходят занятия в семинариях). *Смирновка* (спиртной напиток завода б. П. Смирнова в Москве). *Стенновка* (стенная газета). *Тимирязевка* (С.-х. академия им. Тимирязева, б. Петровско-Разумовская). *Третьяковка* (Третьяковская галлерея в Москве). *Универсалка* (серия книжечек: «Универсальная Библиотека». «Универсалка должна стать орудием борьбы ГИЗ [государств. издательства] со всей вокзальной макулатурой» («Пр.» № 89. 1926). *Учредилка* (ироническое название Учредительного Собрания). *Харчевка* (харчевня. «Питаются в харчевках». «Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 127). *Центрирóвка* (сосредоточение около центра). *Цинделевка* (фабрика бывш. Цинделя. «Цинделевка уже участвует в управлении государством». «Пр.» № 258. 1925). *Читалка* (читальная комната). *Чрезвычайка* (чрезвычайная комиссия, «чека». «Эй яблочко, куда котишься? В чрезвычайку попадешь — не воротишься», — частушка). *Шкрабка* (школьная работница. «А вон шкрабка Лариса». «С. Комс.» № 22. 1926). *Шумовка* («В коридоре какая-то возня, и шумовка, и выкрики». «Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 39).

-ушка. — Пивнушка (пивная), *кинушка* (кинематограф, кино), *стенушка* (стенная газета, «стенгазета», «стенгаз»). Всем хорошо известна *теплушка* — товарный вагон, служивший к качестве пассажирского вагона в революционные годы (до 1922 г.). Это название было в употреблении еще во время войны: в теплушке перевозили солдат.

-ач, *-иха*, *-иша.* По аналогии *силáч*, *богáч* и др. появилось образование *нэпач* (*непач*). С таким названием связана некоторая грубоватость значения. Другое название, данное Лениным, — *нэпман.* — «Нэпман» — новый буржуа, выросший в результате осуществления НЭПа (Словарь). «Слух прошел, что *нэпач* по протекции / Получил от завода дрова» (Фролов. Пятачок погубил. Б-ка «Крокод.» № 14). «Тут торговец и *нэпач*, / Тут рабочий, тут и врач» (Безыменский. Война этажей. «Окт.» № 2). «На выборах — плечо к плечу! / Отставка всюду *нэпачу*!» (Там же). «Непачи решили, что этого мало» («Пр.» № 272. 1925). «Погоди. Расшвыряем по панели / *Нэпачей. Нэпахих. Нэпачат*» (Третьяков. 1-е мая. «Леф.» № 2. 1923). В речи деловой обычно употребляется образование *нэпман.* «*Смехáч*» (назв. одного сатирического журнала). К той же категории образования относится, вероятно, *избач* — заведующий избой-читальней.

Для женщины, находящейся в связи с *нэпманом — нэпачем*, служат названия: *нэпманиха*, *нэпманша*, *нэпачиха.*

-щина, *-овщина.* 1) Названия явлений отрицательного свойства или (реже) коллектива лиц, к которым выражается отрицательное отношение. Этот суффикс весьма продуктивен. Образования на *-щина*, *-овщина* сопровождают все более или менее выдающиеся отрицательные явления в революционные годы. Эти названия образованы от имен лиц, отношение которых к называемым явлениям служит характерным признаком этих явлений. В прежнее время популярен был термин «обломовщина». Это образование («обломовщина») было экспрессивным и влиятельным. По его образцу возникают и другие имена на *-щина.* Любили пользоваться такими образованиями и революционные деятели. «Разве не преобладает везде в этих местах тоже *патриархальщина*, *обломовщина*, полудикость?» (Лен. XVIII, I, с. 221). В 900-х гг. в революционной среде возникало много имен на *-щина* в связи с современными явлениями, к которым революционеры относились отрицательно, враждебно.

Примеры новообразований на *-щина* до 1917 г. — *Акимовщина* (Акимов. — Лен. 1905. Такт., с. 44); *веховщина* (Каменев. 1912. Маркс. и ликв., с. 74); *гапоновщина*, *зубатовщина*, *кусковщина* («Проклам.». 1914, 19); *зюдекумовщина* (Лен. 1915. Такт., с. 251); «Нельзя ограничиться статьями — это и будет *кружковщина*!» (Лен. 1912. Маркс. и ликв., с. 43), *мартыновщина* (Лен. 1905. Такт., с. 16); *потресовщина* (Потресов. — Зиновьев, 1910. Маркс. и ликв., с. 54); *пуришкевичевщина* (Лен. 1912. Маркс. и ликв., с. 30, 135); *толмачевщина* (Лен. 1911. Маркс. и ликв., с. 32); *треповщина*,

дубасовщина (Л е н. 1906. Такт., с. 159); *шиповщина* (Л е н. 1905. Такт., с. 127).

Из новообразований последних лет. — *Аксельродовщина* (Аксельрод. — «Я хочу несколько остановиться на составе нашей партии в связи со ставшим теперь очень модным вопросом об “*аксельродовщине*”… Что такое Аксельрод? Аксельрод, это — меньшевик, патриарх меньшевизма. Аксельрод предлагал широкую рабочую партию п р о т и в нашей большевистской партии…» («Пр.» № 293. 1925). — «Ленинградской организации и ее руководителям бросаются обвинения в *аксельродовщине*, т. е. в меньшевизме» («Изв.» № 291. 1925). *Барматовщина* (Бармат. «На теле германской социал-демократии произрастают ядовитые лишаи *барматовщины*». — «Пр.» № 17. 1926). *Беспартийщина.* «Мы невнимательны к голосу беспартийного студенчества. Мы до сих пор смотрим на последнее, как на “*беспартийщину*”». — «Кр. Мол. № 1. 1925, с. 71). *Богдановщина* (Богданов). *Губановщина* (Губанов — провинившийся председатель волъисполкома в с. Жернове, Ливен. у., Орлов. г.). *Кореньковщина.* «Кореньков я не думаю обелять. “Кореньковщина” — это язва». —«К. Пр.» № 140. 1926). *Макдональдовщина.* «Довольно *маяковщины*» (из статьи Сосновского). *Партизанщина* («партизанщина местных работников». — «Пр.» № 6. 1925). *Разумовщина* («Оборвал он мрачную деятельность Разумова, прекратил *разумовщину* во всем административном аппарате волости. Об этой *разумовщине* много рассказывали мне в Пошехонье». — «Изв.» № 116. 1925). *Софроновщина* («Пр.» № 13. 1925). *Свистуновщина* — чрезвычайно ходкий термин на Екатеринославщине. Под этим подразумевается лодырничество, паразитизм сельских комсомольцев, уклонение от работы в хозяйстве своих родных. [Их] называет «свистунами» («К. Пр.» № 17. 1925). *Суваровщина* («Если мы хотим уберечь нашу французскую партию от “*сувариновщины*”, мы должны одолеть эту группу» [во главе с Суварин’ом] «Пр.»). «*Чжан-цзо-линовщина* продолжается» («Пр.» № 20. 1926). *Цанковщина* («Наконец Цанков получил неодобрение своей собственной партии и вынужден выйти в отставку. Означает ли его уход конец *цанковщины* — конец военной диктатуры и террористического режима в Болгарии, или это только персональная смена?» — «Пр.» № 4. 1926). «Следует остановиться на Шуршакове, но главным образом на *шуршаковщине*» («Изв.» № 295. 1924). *Эмигрантщина.* Еще 3 выдержки. — Группа московских рабкоров заявляет: «*пильняковщина*, *ахматовщина*, *серапионовщина* и пр., просачиваясь в рабочие библиотеки, безусловно туманят головы многим нашим товарищам» («На посту» № 2—3, с. 11). «Борьба с

троцкизмом, *воронщиной*, *осинщиной*» («Окт.» № 1. 1925, с. 5). «Металлистам надо отказаться от этой старой *цеховщины*, *кастовщины* в пределах рабочего класса» («Пр.» № 2. 1926).

Реже образования на *-щина* производятся от названия тех или иных явлений и совсем редко от названия местных пунктов, с которыми связано типичное отрицательное явление. — *Постепеновщина* (Л е н. XV, с. 225). *Собесовщина* (неуместное пользование «социальным обеспечением» — «собес-ом»). *Чайковщина* (подачка «на чай». «Чайковщина должна быть изжита». «Сев. Рабочий. 1925). *Дымовщина* (убийство корреспондента Малиновского в с. Дымовке, разоблачавшего злоупотребления местных деятелей). Термин получил широкое применение для обозначения злоупотреблений в сельской жизни со стороны местных властей. Вот примеры. «Борьба с *дымовщиной.* Житомир. 13 янв. Преданы суду председатель сельсовета села Якимовцы Бернацкий и председатель комнезама того же села Ставинчук, разоблаченные селькором тов. Шимчуком… Когда т. Шимчук поместил в газете свои первые заметки, Бернацкий путем угроз пытался заставить его отказаться от корреспондирования в газету» («Пр.» № 11. 1925). «*Дымовщина*. Харьков. 18 дек. Во время перевыборов правления сельского потребительского общества в селе Рубежном, вблизи Харькова, крестьяне выступили с деловой критикой работы кооператива. Вместо того, чтобы разобраться в их обвинениях, председатель ревизионной комиссии Белоусов заявил, что он “будет возражать критикующим так, что кровь потечет”, после чего категорически предложил крестьянам голосовать за предложенный им список, в который вошли исключительно родственники Белоусова» («Пр.» № 289. 1924). «Харьковским отделом ГПУ обнаружен в селе Малиновке новый очаг *дымовщины*. Выяснилось, что февральские перевыборы в сельсовет были подтасованы председателем райисполкома Волчковым. На селе расцвела спекуляция. Земли и семенные запасы разбазаривались. Материалы ГПУ рисуют вопиющие злоупотребления властей, пьянство, взяточничество, воровство. Преступность головки сельсовета вызвала возмущение и негодование крестьян» («Красный Север». Вологда. 154. 1925).

2) В литературный, общественно-политический и газетный язык России вошли географические названия украинских областей на *-щина. — Полтавщина* (Полтавский район), *Екатеринославщина*, *Черниговщина* и др.

-ины. — Октябрины, по аналогии «крестины». Если употребляется последнее слово, то в сочетании с «красные»: *красные крестины. —* «Недавно в селе состоялись первые *октябрины*. “*Октябрили*”

своих новорожденных детей незаможные селяне: Бойко и Подольский. Удивленные небывалым на селе явлением крестьяне задолго до начала *октябрин* наполнили клуб, желая посмотреть “крестины с музыкой”» («Пр.» № 287. 1924). «У председателя сельсовета родился сын. Еще до того, как ребенок появился на свет, его решили “*октябрить*” в народном доме. Так и сделали. Молодежь старательно готовилась к предстоящему торжеству. Вскладчину сшили новорожденному первоклассный “убор”. Наконец, были назначены *октябрины*. В нардом явилась молодежь, пришла сконфуженная мать, ораторы долго говорили, обращаясь к орущему ребенку, пионерки преподнесли ему “убор”, — все было так, как бывает везде и всюду» («Изв.» № 111. 1926. См. еще описание *октябрин* в «Пр.» № 139. 1925). Были также «*октябрины* Красной Молдавии» (см. описание в «Изв.» № 268. 1924).

Звездины (в том же значении). «Много *звездин* и похорон проводится организациями комнезама. В селе Халайдове провели коллективные *звездины — озвездили* 15 детей сразу» («Пр.» № 292. 1924).

-ие, *-ание*, *-ение.* Имена книжного происхождения. — *Администратирование* (управление), *администратирование* театра — «управление театром». Иногда этим термином выражается резкая, командная форма управления. «До сих пор у нас существует *администратирование* и командование секретарей цехъячеек и партколлектива, которое выражается в нажиме на выборах, в отсутствии товарищеского подхода и пр.» («Пр.» № 134. 1925). *Митингованье. Обобществление* (напр., сельского хозяйства. — «Бедн.» № 825. 1921). *Обольшевиченье* («Задача настоящего *обольшевиченья* всей партии». «Кр. Мол.» № 1, с. 12). *Орабочение*, напр., высшей школы («Кр. Мол.» № 2, с. 89), состава слушателей («Пр.» № 119. 1926). *Переадминистрирование* (излишние строгие приемы управления)… «Часто можно встретить такие явления, как грубость, “переадминистрирование”, пьянку и т. п.» («Пр.» № 293. 1924). *Разукрупнение* (сельсоветов. «Изв.» № 9. 1925). *Раскулачивание* (в деревне. «Пр.» № 295. 1925). *Революционизирование* (напр., рабочих. «Пр.» № 295. 1925). *Укрупнение* (напр., сельсоветов, сделать более широким район ведения сельсовета).

-тель. — *Соглашатель. Углубитель* (революции).

-ость. — *Беспланновость* (беспланновость, разбросанность в работе). *Массовость* («*массовость* и активность — налицо». — «Пр.» № 130. 1925). *Несработанность* (отсутствие согласованности в работе). *Плановость* (в работе). *Сработанность* (согласованность в работе). *Товарность* (сельского хозяйства. — «Изв.» № 110. 1925). *Ударность.*

-ство. Это — абстрактные названия. Значение этого суффикса такое же, как и суффикса *-изм.* Ср., напр., один из тезисов публичной лекции проф. Бочкарева: «*Декабризм* и *солдатство*». В некоторых случаях имена на *-ство* относятся к коллективным группам (*батрачество* = батраки). Этот суффикс является довольно продуктивным в речи революционеров. Много новообразований на *-ство* употреблялось в революционной среде и до 1917 г.

a) Брандлерианство («Пр.» № 79. 1925). *Бузотерство* («Рабоч. Москва». № 113. 1926). *Веховство* (Маркс. и ликв., 1911, с. 19). *Вильсонство* (Л е н.). *Впередство* («Вперед». Л е н. 1913. Маркс. и ликв., с. 8). *Делячество* (мелкое. «Мелкому *делячеству* здесь необходимо противопоставить правильную экономическую политику». — «Пр.» № 81. 1926). *Деникинство* (Л е н.). *Зазнайство* («Достигнуть наибольшей связи и взаимного понимания с населением деревенские комсомольцы смогут только тогда, когда на деле прекратят командование и *зазнайство* по отношению к крестьянству». — «Кр. Пр.» № 1, 1925). *Каутскианство* (Л е н. XV, с. 446). *Либерданство* (Л е н.). *Ликвидаторство. Мешочничество* (ездить и тайком провозить продукты, 1918—1920 гг.). *Назначенство* («Долой *назначенство*, даешь выборных от народа». Ф и л и п п о в. У станков. — «Окт.» № 2). *Наплевательство* (или *наплевизм*). *Новожизненство* (безголовое, «Новая Жизнь». — Л е н. 1917. Такт., с. 378). *Новоискровство* («Искра». Л е н. 1905. Такт., с. 44). *Оборончество* (1917, продолжение оборонительной войны с Германией). *Освобожденство* («Еще раз *освобожденство*, еще раз *новоискровство*». — Л е н. 1905. Такт., с. 117. «Освобождение». «Искра»). *Паникерство. Попоедство*. *Примиренчество* («троцкизм». З и н о в ь е в. 1913. Маркс. и ликв., с. 160). *Приспособленчество. Соглашательство* (с буржуазией). *Социал-предательство. Спецеедство. Термидорианство* («Пр.» № 5. 1926). *Упростительство* («пролетарская литература никогда не скатывалась к вульгарному упростительству». «Окт.» № 1. 1925, с. 5). *Упрощенство* («Первый уклон состоит в *упрощенстве*, в упрощении тех задач, о которых я говорил выше». С т а л и н. «Изв.» № 114. 1925. "*Упрощенство*", когда активист разговаривает с массой таким же языком и теми же приемами, которые употреблялись четыре-пять лет назад». «С. Комс.» № 4. 1926). *Ходочество* (поездки «ходоков»). Не пора ли изжить это *чаевство*? [получение на чай] («Север. Рабочий». № 112. 1925). *Эсэрство*.

b) Батрачество (батраки). — «Расширение нэпа есть расширение и оживление капиталистических элементов, т. е. *кулачества* [кулаков] и *нэпманства*» («Пр.» № 206. 1925); [защищать] «инте-

ресы бедноты против *кулачества*» (Постан. ЦК РКП. 1925). «Батраки, батрачки и *пастушество*» («Изв.» № 14. 1926). «Анцелович подробно остановился на методах работы среди *батрачества*, *пастушества*, совхозовских рабочих»… («Изв.» № 16. 1926). *Середнячество* (середняки). *Трудовичество* (трудовики. 1912. Маркс. и ликв., с. 74).

-изм. Этот суффикс, отвлеченный от заимствованных слов на *-изм*, весьма продуктивен в языке революционных деятелей. И в начале 900-х гг. и после 1917 г. появилось очень много образований на *-изм.* Многие из таких образований вскоре вышли из употребления, так как быстро утрачивали свое значение явления, обозначавшиеся этими именами на *-изм.* — «Идейному вождю ново-искровства чудится тут “захват власти”, мерещится пугало “якобинства”, *бакунизма*, *ткачевизма* и прочих странных *измов*» (Л е н. 1905. Такт., с. 7). «Смешивать *большевизм* с “бойкотизмом” — такая же ошибка, как смешивать его с “*боевизмом*”» (Л е н. 1907. Такт., с. 198). *Брандлеризм* («ликвидация *брандлеризма*, ликвидация меньшевистской политики Брандлера, Радека и Тальгеймера». — «Пр.» № 79. 1925). *Брентанизм* (Брентано. Л е н. XV, с. 446). «Всесоюзный съезд по борьбе с *венеризмом*» («Пр.» № 291. 1924). *Главкизм* (главк). *Голгофизм* (Mazon. 34). *Декабризм* («Семинарий по декабризму». 1925. Заглав. учебного пособия). *Жоресизм* (Л е н. 1905. Такт., с. 7). *Искризм* («Искра»). *Кадетизм* (Л е н. 1912. Маркс. и ликв., с. 129). *Ленинизм. Мильеранизм* (Л е н. 1915. Такт., с. 243). *Наплевизм. Отзовизм* (после 1905 г.; употребляется и в настоящее время. «Студенческий *отзовизм* и ликвидаторство. Желание отдельных товарищей ликвидировать учебу и “отозваться” из вуза [быть отозванным той организацией, которая командировала его] может превратиться в стихийное движение». «Кр. Мол.» № 2, 1925, с. 123). *Полититизм* (голый). *Правдизм* («Правда». З и н о в ь е в. 1913. Маркс. и ликв., с. 158). *Радкизм* (Радек). *Революционизм* (Л е н. 1905. Такт., с. 121). *Стачкизм* (З и н о в ь е в. 1913. Маркс. и ликв., с. 123). *Струвизм* (Л е н. XV, с. 446). *Талгенизм* (талант и гений. — «Вестн. Просвещ.» 1924. № 2—3, 9). *Трактористм* (1925). *Троцкизм. Фрейдизм* (взгляды Фрейда). *Хвостизм* (Л е н. 1905, Такт., с. 7). *Царизм* (Л е н. 1905. Такт.; проклам., с. 19). *Центризм* («Пр.» № 93. 1925). *Циммервальдизм* (Л е н. XV, с. 427).

-ист. Этот суффикс, как и следующие (*-ант*, *-изация*, *-ия*, *-ат*, *-ада*, *-иада*), отвлечены от заимствованных слов с такими суффиксами. Образования на *-ист* относится к именам лиц — сторонникам или членам той или иной организации, или этими именами указыва-

ется на род деятельности, службы. — *Активист*; *бакунисты* (Л е н. 1905. Такт., с. 38); *бойкотисты* (Л е н. 1906, с. 174); *вехисты* или *веховцы* («Вехи». К а м е н е в. 1911. Маркс. и ликв., с. 18); *главкист* (деятель, сторонник *главкизма*); *жоресист* (Л е н. 1918); *клубист* или *клубник* (деятель или работник клуба); *ленинист*; *лонгетисты* (Лонге. Л е н. XV, с. 428). «Наши рисовальщики и так называемые “*лозунгисты*”» («Пр.» № 283. 1924); *лучисты* («Луч.» Л е н. Маркс. и ликв., с. 9); *отзовисты* (после 1905 г., сторонники «отзовизма» по отношению к своим депутатам Госуд. Думы); *правдисты* («Правда». 1913—1914); *приказисты* (издающие приказы. «Изв.» № 99. 1925); *саботажисты* (Л е н. 1918); *связист* (на службе связи); *службисты* (М и т н и ц к и й. Новобранцы); *струвист* (Струве. Л е н. 1915); *тракторист*; *троцкист* (1913. Маркс. и ликв.; 1924—1925); *уклонист* («Перед настоящим [XIV] съездом опять появляются уклоны, появляются *уклонисты*, старающиеся исказить учение В. И. Ленина. Спрашивается: до каких же пор партия будет терпеть эти уклоны и уклонистов»… («Пр.» № 295. 1925); *ураристы* (кричащие «ура» на собраниях. «Буз.» № 18. 1926); *хвостист* (Л е н. 1925. Такт., с. 7); *цекисты* (член ЦК); *чекист* (служащий в ЧК, в «чеке»).

Образования с этим суффиксом приобретают широкое распространение. В речи лиц из народной среды образуются с этим суффиксом и такие имена, которые в литературном языке имеют иной вид. — «Это наш *комсомолист*». — «Из мужицких рядов вышел мальчик-пастушек, лет пятнадцати, деревенский комсомол; он ткнул подмышку треух, волченком оглядел собрание, звонким голосом выкрикнул: — Товарищи-*пролетаристы*, да как же так в Германие, в Дание человек сидит на одной десятине земли?.. Говорю, граждане-*пролетаристы*, надо нам во что бы ни стало разбиться на многополье…» («Пр.» № 297. 1924).

-ант, *-янт*. Имена действующих лиц. Со времени войны получили в жизни большое значение всякого вида *спекулянты*. В начальный период утверждения советской власти не мало речи было о *саботажниках* или о *саботантах* (эта форма употреблялась реже, чем первая). На многочисленных курсах занимаются *курсанты*. В последние два года в партийной среде не мало *дискутировали*. «У нас есть *дискутанты*» («Пр.» № 89. 1926).

-изация. Названия для процессов. — *Белоруссизация* (о ней см. «Пр.» № 236. 1925). *Большевизация* («*большевизация* всех слоев партии»; «*большевизация* женского движения», «*большевизация* комсомола»; «колеблющаяся стабилизация и крепнущая *большевизация*». — «Пр.» № 67. 1926 — *обольшевичение*). *Военизация* («военни-

зация» страны, населения, «вузов» — высших учебных заведений). *Дауэсизация* («Дауэсизация» Германии, Польши. — «Изв.» № 261. 1925). *Коллективизация* (напр., сельского хозяйства). *Машинизация. Метризация. Советизация* (напр., «*Советизация* Азербайджана». «Изв.» № 94. 1925; «предстоит громадная работа по *советизации* тифлисских вузов». «Кр. Мол.» № 2. 1925, с. 154). *Стержнизация. Татаризация. Товаризация* («*товаризация* крестьянского хозяйства — очередная задача». «Изв.» № 95. 1925). *Троцкизация* («Теоретически эта программа-платформа является первой наиболее систематизированной попыткой ревизии ленинизма и *троцкизации* большевистской партии». — «Изв.» № 271. 1924). *Фордизация* (заводов, производства. Опыты *фордизации* заводов. «Первые опыты применения методов Форда на ленинградских заводах дали хорошие результаты. На арматурном заводе “Знамя Труда” применение *фордизма* дало возможность повысить производительность труда на 30 проц. …» — «Изв.» № 129. 1926).

-ия. Это названия местностей, областей в территориальном и коллективном значениях. Они относятся или к географическим краям, или к многочисленному коллективу, представляемому в отношении занятой им территории, хотя бы и ограниченной только одним зданием. Эти названия образованы от имени главных действующих лиц или членов коллектива. Но и другого происхождения может быть основа имен на *-ия*. Некоторые из этих названий выражают эмоциональный элемент по отношению к называемому: подчеркивается важность называемого или отрицательная ирония (последнее в названиях областей господства неприятеля).

— *Скоропáдия* — украинская область господства гетмана Скоропадского (1918). *Краснóвия* — Подонье, область господства генер. Краснова (1918). *Совдéпия* — область советской власти. Так называют ее русские противники большевиков. *Чалдóния* — страна чалдонов — Сибирь[52].

Комсомолия — комсомольцы. «Деревенская комсомолия» («С. Комс.» № 22. 1926). «Вологодская комсомолия». («С. Комс.»). *Пионерия.* «*По пионерии*» — заглавие отдела в газете, посвященного обозрению пионерского движения («П. Пр.», «К. Пр.»). *Рабкория. Рабселькория. Селькория* — рабкоры, рабочие корреспонденты, селькоры, сельские корреспонденты («Пр.» № 279. 1924. «Рабоче-Крестьянский Корреспондент», № 5. 1925). *Санузия* — санаторий «Узкое». *Свердловия* — студенты университета имени Свердлова.

[52] Чалдóн — русский старожил в Сибири.

-ат. — *Наркомáт* — народный комиссариат; *военкомáт* — военный комиссариат. В дореволюционное время в высших учебных заведениях был *старостáт*.

-ада, *-иада.* — *Бернштейниада* (Л е н. 1905. Такт., с. 111; 1915. Такт., с. 243: «Не проявлял ли Каутский… бесхарактерности в вопросе о мильеранизме, в начале борьбы с *бернштейниадой* и т. д.?»). *Гапонада* (Л е н. 1915, с. 258). *Керениада.* («он пережил всю *керенаиду*, наблюдая ее». Mazon. 35). *Октябриада* («Если соглашатели не согласятся на наше участие во франкфуртской олимпиаде, то мы решили устроить к 10-летию октябрьской революции в Москве не олимпиаду, а *октябриаду*. Мы просим все союзы КИМ принять участие в строительстве Международного Красного *Стадиона*!» — «Изв.» № 83. 1925. — «15 сент. у нас была Всеармянская *Октябриада*…» — «Пионер.» № 1. 1924). *Растратиада* (эпидемия растрат. «Пр.» № 258. 1925).

-ура: *аспирантура* — «аспиранты» (соответствующие прежним оставленным при высшем учебном заведении для приготовления к профессорскому званию), — с *-ура* — как «профессура», «адвокатура».

В образовании имен отметим еще одно отдельное явление. *Фабрично-заводское ученичество* называется в сокращенной форме — *фабзáвуч. Школа фабрично-заводского ученичества* или *фабзáвуча.* Фабрично-заводские же ученики называются *фабза-йчики*, *фабзайчата*: по какой-то звуковой ассоциации всплыли в речевом представлении знакомые сочетания *зайчики*, *зайчата.* В ед. ч. стали говорить *фабзаяц*. — «*Фабзайчики* работают под руководством опытного инструктора» («Пр.» № 10. 1925). В коммуне при заводе им. Калинина живет большинство *фабзайчиков* («К. Пр.» № 1. 1925). «*Фабзаяц* Костя» («К. Пр.» № 1. 1925).

Имена прилагательные

126. В образовании форм прилагательных особенно продуктивным является суффикс *-ский*: *-ский*, *-овский*, *-истский.* Прилагательным на *-истский* соответствуют существительные на *-ист.*

-ский. — *Выдвиженческий*, *женотдельский*, *казакский* («Создать краткосрочные курсы для *казакских* работников». «Изв.» № 253. 1925). *Октябрятский* (относящийся к *октябрятам*: «*Октябрятская* работа» — отдел в журнале «Вожатый»); *режимский* (относящийся к «режиму экономии»), *учрежденский* («учрежденская бумажка». — «Пр.» № 141. 1926).

-овский. — Впередовский («Вперед»; «*впередовское* уклонение», Маркс. и ликв., с. 188); *военхозупровский* (военхозупр); *дауэсовский* (Дауэс); *докладчиковский* (докладчик; «докладчиковское разгильдяйство» — «С. Комс.» № 22. 1926); *искровский* («Искра»); *коминтерновский* (Коминтерн); *либердановский* (Либердан = Либер — Дан); *месткомовский* (местком); *мопровский* (МОПР — Международная организация помощи борцам революции); *наркомюстовский*; *нарпитовский* (народное питание); *собесовский* (*Собес* — социальное обеспечение); *съездовский* (съезд); *фрейдовский* (фрейдовская теория — теория Фрейда); *цитовский* (ЦИТ — Центральный институт труда); *юнкоровский* (юнкор — юный корреспондент).

-истский. — Бойкотистский, *отзовистский* лозунг («Пр.» № 144. 1926); *главкистский*; *каутскистский* («Пр.» № 274. 1925); *наплевистский* («наплевистская распущенность». — «Пр.» № 4. 1926. «К. Пр.» № 162. 1926); «*правдистское* поветрие» — это словечко брошено недавно сотрудником ликвидаторской «Новой Рабочей (?) Газеты» (З и н о в ь е в. 1913. Маркс. и ликв., с. 157); *хвостистский* («у них больше хвостистских настроений». — «Пр.» № 95. 1926); *цекистский.*

С суффиксом *-истский* употребляются в письменной передаче и *большевистский*, *меньшевистский*, хотя существительные не оканчиваются на *-ист*: *большевик* (прил. *большевицкий*; так произносится), *меньшевик* (прил. меньшевицкий; так произносится). Ср. существ. *бедняк*, *середняк* и прилагат. *бедняцкий*, *середняцкий.*

127. П р е ф и к с ы в о б р а з о в а н и и и м е н н ы х ф о р м. Кроме русских префиксов, употребляются часто образования с префиксами *анти-*, *обер-*, *архи-*, *ультра-*. — Антижоресистские словечки (Л е н. 1905. Такт., с. 20); антилиберальный (Л е н. 1912. Маркс. и ликв., с. 129); антидемократизм и контрреволюционность (там же. 134); антиоборонческий (Л е н. 1917. Такт., с. 275); антиликвидаторы, -ство (К а м е н., 1911. Маркс. и ликв., с. 23); антистачечный азарт (З и н о в ь е в. 1913. Маркс. и ликв., с. 125); антидемократический, антинародный («Проклам.», с. 12); антисоглашательский, антибольшевицкий, антисоветский, антикоммунистический, антикапиталистический, антиленинский, антипрофсоюзный, антирелигиозный, антипоповщина (последние годы), антисниженцы (1927 г.). Примеры с *обер-* (оберплут…) см. в § 33; примеры с *архи-* в § 38, 100; *ультра-*: ультра-левые ошибки, опасности. «Мы должны исправить ошибки как правых, так и *ультра-левых*» («Изв.» № 64, 1926). «У нас сейчас в Коммунистическом Интернационале есть и правые и *ультра-левые* опасности» («Пр.» № 65. 1926).

Глаголы

128. Наиболее продуктивны образования с основой на *-и*, *-ить*, производные от имен. — *Викжелить* (лавировать в политике подобно Викжелю в октябре 1917 г.); *землеустроиться* («облегчить положение тех из крестьян, которые хотят *землеустроиться* и обрабатывать свою землю по-новому» («Изв.» № 107. 1925); *комиссарить*; *обобществить* (напр., производство); *обольшевичить*[*ся*]; *озвездить* («В селе Халайдове провели коллективные *звездины — озвездили* 15 детей сразу». — «Пр.» № 292. 1924); *октябрить* (устраивать *октябрины*); *отроцкистить* («протестуя против попыток *отроцкистить* партию и подорвать доверие к нынешним ее руководителям, свердловцы требуют от тов. Троцкого помнить, что…» «Изв.» № 273. 1924); *предвичить* (быть *предвиком* — председателем волостного исполнит. комитета); *ревизионить* (производить ревизии); *нарежимить* («дурак способен *нарежимить* так, что сто умников потом будут почесывать затылки». «К. Пр.» № 111. 1926); *самоуплотниться* (в квартирном отношении); *уплотнить* (квартиру); *халтурить*.

В революционные годы получили большое распространение новообразования с суффиксом *-ну* в неопред. форме (*не* в наст. вр.), по образцу *крикнуть*, *свиснуть*, *пугнуть* и др. — *Голоснуть*, *ликвиднуть*, *работнуть*, *регульнуть*, *читануть*. Со времени войны 1914 г. получил большое распространение глагол *спекульнуть*.

Часто употребляются глаголы, образованные посредством *-изировать*. Из них много глаголов заимствованных. Из новообразований: *белоруссизировать* («Советский аппарат переводится на белорусский язык. Пока полностью *белоруссизированы* аппарат ЦИК со всеми комиссиями, аппарат Наркомпроса…» «Пр.» № 236. 1925); *большевизировать*; *военизировать*; *машинизировать*; *метризировать* (переводить на метры); *советизировать*.

Некоторые лица говорят с *-изировать* и глагол *ревизовать* и, может быть, некоторые другие. — «Я, милый человек, так сказать, последняя спица в колеснице. Кооператив приехал *ревизировать*» («Буз.» № 18. 1926).

-ничать. Это отыменные глаголы. — *Мешочничать* (*мешочник*), *халтурничать*, *склочничать* (*склочник*, *склока*).

-овать. — *Митинговать*, *комиссарствовать*.

129. *Испóльзовать — используют*. Образования этого глагола стали употребляться в том же видовом значении, как *торговать — торгуют*..: *использую*, *используешь*, *использует*, *используют* имеют

значение форм настоящего времени. — «Наш союз еще недостаточно *использует* и регулирует дело издания литературы для молодежи» («К. Пр.» № 23. 1925). «Агенты правительства *используют* все средства…» («Изв.» № 219. 1925). «Англичане, немцы, французы… поддерживают и *используют* ту науку, которую мы не умеем *использовать*» («М. Лен.» № 100. 1925). «Волкомы не достаточно *используют* гулянья, вечера, посиделки и т. д.» («С. Комс.» № 4. 1926). «Крепкое середнячество хорошо организуется, *используя* кутковые хаты-читальни» («Пр.» № 105. 1925). «*Используя* деревенские передовые силы в качестве агитаторов, мы сумеем протолкнуть крестьянский заем…» («Пр.» № 108. 1925). «Экономуправление ОГПУ ведет борьбу… со всеми лицами, мошеннически *использующими* эти организации» («Изв.» № 261. 1925).

Многократность стала выражаться образованием «*использóвывать*». — *Использóвываем*, товарищи *использóвывались*. «Казенная лошадь *использовывается* для поездок по личным делам» («Буз.» № 21. 1925).

Реже в том же значении употребляется образование на *-овать*. — «Они в своей работе обыкновенно *использовали* комсомольцев» («С. Комс.» № 2. 1926).

Арестую, *арестуешь*... в речи некоторых лиц имеет значение тоже наст. времени (*торговать — торгую*…). — «В 1903 г. его снова арестуют в Москве» («Пр.» № 90. 1926).

Из новых образований

130. Тем или иным из способов, указанных в предшествующих пунктах, происходит образование новых слов. Много примеров новообразований было указано выше. Здесь мы остановимся на трех пунктах в отношении новообразований: 1) новообразования, относящиеся к названиям географических пунктов, 2) собственные имена лиц, 3) новообразования с основой от имен лиц.

1) Прежние названия многих пунктов населения заменяются иными наименованиями, произведенными от фамилий революционных деятелей, или от названии тех или иных предметов или явлений, связанных с революцией. Такой мене подверглись те названия, происхождение которых находилось в связи с одиозными для революцинера явлениями и предметами. Получают новое название и те пункты, с которыми связаны были выдающиеся революционные события.

— *Ульяновск* вм. Симбирск. — родина В. И. Ульянова-Ленина. *Ленинград* вм. Петроград. *Ленинакан* вм. Александрополь. *Сверд-*

ловск вм. Екатеринбург (от фамилии Свердлова). *Зиновьевск* вм. Елизаветград (Зиновьев). *Артемовск* вм. Бахмут (тов. Артем). *Троцк* вм. Гатчина (Троцкий). *Сталинград* вм. Царицын (Сталин). *Сталино* вм. Юзовка. *Днепропетровск* вм. Екатеринослав (Петровский). *Пошехонье — Володарск. Луначарская* волость (в Моск. у.), *Люксембургская* волость (в Пошехонье. Роза Люксембург). *Урицк* вм. Царёво, Ливенского у., Орлов. г. (Урицкий). *Краснококшайск* вм. Царевококшайск Казанской губ. *Первомайск* вм. Вознесенск, Херсон, г. *Пролетарская* волость и мн. др.[53]

В городах подверглось переименованию много улиц и площадей, носивших названия церковные и другие, не соответствовавшие настроению революционных деятелей. Дают новые названия некоторым из тех улиц и площадей, которые носили нейтральное имя, но были связаны с выдающимися событиями и деятелями революции. *Проспект 25 октября* вм. Невский проспект. *Улица стачки* вм. Лиговка (в Ленинграде). *Площадь революции* вм. Воскресенская пл. (в Москве). *Площадь Свердлова* вм. Театральная пл. (в Москве) и мн. др. В особенности революционны в этом отношении переименования улиц в провинциальных городах. *Республиканская* улица, ул. *Циммервальда*, ул. *3-го Интернационала* и др. (в Ярославле и в других городах). Новые названия пунктов поселения, особенно улиц, туго усваиваются населением.

2) Как результат стремления порвать связь с прошлым, появилось желание давать новорожденным не традиционные, а новые имена. Эти имена производятся от имен и фамилий революционных деятелей, от названия революционных явлений и разных сторон жизни революционного общества, от названия ярких явлений природы, по именам античных божеств. Рекомендуются и древнерусские имена или подражания им. Несколько примеров. Широко распространены имена, произведенные от «*Влад. И. Лен.*», «*В. И. Лен.*», *Влад. Лен., Ленин.* Они даются мальчикам и девочкам. — *Владилен*, *Вилен*, *Вилена*, *Владлен*, *Нинель* (чит. с конца). «Ребенка родила, — не крестила, *Владиленом* назвала. В память, говорит, вождя нашего Владимира Ильича» («Пр.» № 66. 1926). «*Владлен*, я больше здесь не останусь ни за что. (У нас такой уговор был, что она будет звать меня *Владленом*)» (О г н е в. Дневник Кости Рябцева. «Кр. Новь», X, 1926). *Будёна* (по фамилии Будённого). *Бухарина. Сталина* (по фамилии Стали-

[53] С. И. С у л ь к е в и ч. Административно-политическое строение СССР. Ч. II. Перечень республик, областей, губерний, уездов и волостей СССР по данным на 1 мая 1924 г. Л., 1924.

на). Революция. Февралина. Октябрь. Октябрина. Декрета. Пурпур. Террор — уменьш. Терка. Коммунар. Коммунара. Смена. Смычка. Воля. Радость. Искра. Зоря. Зарница. Денница. Слава. Аквилон. Гермес. Нептун. Наяда. Лада. Рада. Любомир. Любомила. Краснослав. Доброслава и др. См. в современных отрывных календарях и в книжке: Д. Д е л е р т. Новые имена. Изд. «Советского Юга». 1924.

3) В революционные годы широко пользуются образованиями от и м е н л и ч н ы х. С одной стороны, от имен и фамилий революционных деятелей образуют названия географических пунктов (*Ульяновск*, *Свердловск*…), personalia (*Вилен*, *Сталина*…). С другой стороны, имена противников коммунистической партии и советской власти служат для образования слов, эмоционально окрашенных, выражающих отрицательное отношение коммунистов к явлениям, находящимся в какой-нибудь связи с этими лицами. Сюда относятся многочисленные образования на *-щина* (*корниловщина*, *аксельродовщина*…). Личного происхождения длинный ряд образований на *-ей — -цы*, *-овец — -овцы*, *-ист* для названия лиц (без определения эмоционального отношения к ним): *ленинцы*, *корниловцы*, *троцкисты*..; также названия процессов и явлений на *-изм*: *ленинизм*, *троцкизм*…

Кроме того, появились еще такие отдельные образования *Либердан*, *либерданы* — от фамилий меньшевицких лидеров Либера и Дана. Это — ироническое название меньшевиков. — «Вся суть политики *Либерданов* и *Черновых*, а также “левых” среди эс-эров и меньшевиков состоит в колебаниях» (Л е н. 1917, Такт., с. 371; ср. также XV, с. 274, 275). «Что поднялось на Руси! / Из щелей, как тараканы, / Вдруг полезли либерданы /» («Красный Богатырь». Б-ка «Крокод.» 1923, 12). «Танцевали Либер с Даном, / Взявшись за ручки. / Либердан! Либердан! / Счету нет коленцам» (Д. Б е д н ы й. «Либердан, подхалимный танец». См. его же «Про землю…»).

Вследствие многочисленных речей о международном положении популярным стало имя Чемберлена. — «В переносном смысле у нас Чемберленом стали крестить все, имеющее касательство к иностранной жизни. Иные халтурные и бессмысленные докладчики о “международном моменте” набили такую оскомину, от которой и лечиться-то неизвестно чем. Как неизбежная месть за это изобилие, звучит пренебрежительный окрик: — Ну, это Чемберлен. Это надоело!» («Пр.» № 10. 1926). Появился и глагол от этого имени: *чемберленить*, *чемберлениться*. — «Зачем заниматься этими Чемберленами? Вот уже третье собрание на неделе и на каждом слышишь одно и то же. — Да, они нам уже головы *прочемберленили*, а об посевной

кампании ни слова! — упрекнула вдова Михалиха» («Пр.» № 94. 1926). — «Кто идти на выборы ленится, / Значит, тот *чемберленится*» (плакаты, раскленные по стенам в Москве во время выборов в Московский совет 1925 г.).

«*Муссолинизированная* Италия» («Пр.» № 98. 1925).

VI. Изменение значения слов

131. В революционные годы много прежних слов было утрачено в связи с пережитыми событиями: утратили значение в общественной жизни те предметы и явления, к которым относились эти слова. Много слов изменило свое значение тоже в связи с обстоятельствами этого времени, с настроениями и переживаниями общественных групп. Примеры таких изменений указывались выше, преимущественно в отделе об эмоциональности речи. Сгруппируем здесь некоторые из этих примеров.

Революция. *Октябрь* — это не только название месяца, но и обозначение октябрьской революции. *«После Октября»* = «после октябрьской революции». — «Истпарт ЦК приглашает всех членов ВКП(б) — участников *Октября* и гражданской войны на Урале…» («Изв.» № 12. 1920). «У истоков *Октября* (февральский переворот 1917 года)» («Пр.» № 59. 1926). *Октябрист* — это не член партии 17 октября, а революционер-коммунист. — «Автор (Либединский) и *октябрист* и пролетарский писатель» (К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе, с. 46). *Октябрь* — это синоним вообще «революции», синоним «могучего», «лучшего». — «Даешь *Октябрь*!» — заглавие одной статьи в стенной газете «Унив. Пр.» № 7. Указаны беспорядки одной библиотеки. В заключение: «Светлый *Октябрь*! коснись этой библиотеки». — *Октябрь* земли — переворот в обработке земли («Пр.» № 134. 1925). *Октябрь* мысли (Т р е т ь я к о в). «Пусть для этой перспективы нужны *октябрьские* усилия…» («Пр.» № 134. 1925). «Дать растущему активу четкие задания, идейные вехи, *октябрьские* методы и *октябрьский* энтузиазм борьбы и работы» («Пр.» № 134. 1925).

132. Из области социальных явлений революционного времени. *Господин*. Это слово употребляется коммунистическими деятелями в ироническом значении по отношению к своим противникам. — «Но довольно! Надо бы написать особую брошюру, чтобы перебрать все перлы ренегатства у подлого ренегата Каутского. На “интернационализме” *господина* Каутского нельзя не остановиться…» (Л е н. XV,

с. 427). — «Зрелище солидарности Аксельрода с Каутским не столько “страшно”, сколько омерзительно. Пусть *господин* Аксельрод и его двое-трое друзей “готовятся” к дальнейшим изменам» («Пр.» № 274. 1925). Но в общении с представителями других государств это слово сохраняет свое прежнее значение. См. § 92.

Буржуазный, *мелко-буржуазный* имеют значение отрицательное. «Являясь решительнейшим противником феминизма в дурном, *буржуазном* смысле этого слова, т. Зиновьев указывал, что…» («Пр.» № 288. 1924). Весьма часто В. И. Ленин указывал, как на отрицательные явления, на «*мелко-буржуазные* течения», на «*мелко-буржуазные* шатания». — «Голый жест и анархическое (*мелко-буржуазное*) непротивление злу» («К. Пр.» № 77. 1926).

Товарищ. В первое время революции — это название солдата-революционера. Затем, *товарищ* — это «коммунист». (В студенческой и партийной среде слово «товарищ» употреблялось и до революции, при обращении одного к другому).

Баба. Это слово в интеллигентной среде имело в некоторых случаях оттенок презрительного отношения к называемому человеку. Теперь это слово вызывает протест со стороны революционеров-интеллигентов, знавших, вероятно, только это значение слова *баба*. (В народной среде оно не имеет отрицательного значения: баба — «взрослая, замужняя женщина»; по говорам — «бабушка»). — «Гнусное слово “баба”, не знаю, кто выдумал»[54] (из речи оратора Логинова по случаю дня женщины, 8 марта 1925 г.). «Не только бабу, скотину не следует обижать. Настало время, когда вместо слова “баба” надо сказать; “друг”, “товарищ”… Ничего, научим вас, многому научим. Наступит время, что наши мужички с женами и детьми будут проводить часы досуга в оперном театре». Так мечтательно поучает Зикс в своей брошюре о музыке и ритме («Пр.» № 182. 1925).

133. Явления партийной, общественной, административной, культурной и бытовой жизни.

Партийный — принадлежащий к коммунистической, а не к какой-нибудь иной партии.

Ячейка — партийная организационная группа.

Коммунар — не только член коммуны, но некоторые лица отождествляют коммунара с коммунистом. «Сын его, коммунист, работающий в Москве на кожзаводе, приехал на похороны. Велико было удивление крестьян, когда они увидели этого *коммунара* в церкви» («Пр.» № 258. 1925).

[54] Пошло из ласкательного языка детей. Так и в других языках.

Пионер, *юный пионер* (до революции бой-скаут).

Звено — часть пионерского отряда.

Обработка, *обработать* к.-н. — сделать к.-н. посредством пропаганды сочувствующим или членом коммунистической партии.

Индивидуалисты (или *индивидуалы*) — ведут пропаганду среди отдельных лиц, индивидуальную пропаганду.

Попутчик — беспартийный, но сочувствующий и содействующий культурной деятельности коммунистической партии.

Крестничество, *партийное крестничество* — один из видов *индивидуальной обработки* («к члену РКП прикрепляются два-три беспартийных для обработки их в коммунистическом духе». — «Пр.» № 134 1925).

Пленум — пленум и пленарное заседание; *президиум* — президиум и заседание президиума; *коллегия* — коллегия и заседание коллегии; *кружок* — кружок и заседание кружка; *фабком* — фабрично-заводский комитет и заседание этого комитета. — «Он сейчас *на пленуме*, *на коллегии*» и др. = он сейчас на заседании пленума, коллегии..; «итти *на кружок*» («К. Пр.» № 162. 1925); «на *фабкоме* БИВМ ставятся жалобы от “продернутых” в стенгазете» («Пр.» № 149. 1925). «Придется *на завком* поставить, Вась! Дело серьезное» («Буз.» № 21. 1926).

Мандат. «Мандат» получил более широкое применение. Это — канцелярская бумажка, которая выдается отдельным лицам, выполняющим те или иные поручения какой-нибудь организации или учреждения. «Мандат» представляет некоторые особые права и льготы при выполнении поручений. «Мандату» соответствует прежний канцелярский термин «удостоверение». В первые годы советской власти «мандат» имел большое практическое значение. «Не будь богат, а имей *мандат*» («Крокодил» № 3. 1927).

Администратировать, *администратирование* — управление, излишне строгое управление, управление «методами военного коммунизма». В связи с отрицательным отношением к этим «методам», отрицательное значение получает и термин «*администратирование*»; *администратор* — это уже отрицательное качество деятеля. — «Выдвинутые делегатским собранием 50 кандидатов обсуждались в цехах. Были отводы двум коммунистам. “Они *администраторы*”, — мотивировали рабочие» («Пр.» № 254. 1925).

Местничество. «Теперь *местничеством* определяется местный патриотизм, интересы своей колокольни» (Журнал. № 4. 1935).

Чистка — чистка партийная — исключение из партии неподходящих членов; чистка академическая — исключение из высш. учебн.

заведения студентов, не соответствующих социальной, политической и академической норме.

Зачистка продналога — полное взимание продовольственного налога (в народной среде — *зачистка навоза*).

Толкач — проталкивающий за дополнительную плату железнодорожные грузы, а также проводящий провинциальные дела в центральных учреждениях. Бывают *толкачи* и в других областях. Наприм.: «Отпускник — *толкач* газеты в рабоче-крестьянские массы» (заглавие статьи в журн. «Студ.-Пролет.» № 4. 1924).

Изолятор — тюрьма.

Аппарат — органы правления.

Стенка — стенная газета, *стенгазета*, *стенгаз*, *стеннушка*. «Не удовлетворяет рабочих "стенка" — мало материала помещается» («Пр.» № 102. 1926).

Печать теперь бывает и *стенная*: стенные газеты. — «Газета жалуется, что в *стенной печати* вопрос об экономии еще не нашел отражения» («Изв.» № 111. 1926).

Уголок — комната, где можно почитать газеты, поиграть в шахматы.

Лозунг — лозунг, девиз, формула; знамя, плакат с лозунгом. Имеются мастерские с такими вывесками: «*Лозунги* для клубов, избчитален и т. п. организаций».

Пролетарка — не только женщина-пролетарий, но и маленькая печка из жести, употреблявшаяся в 1918—1921 гг.; *буржуйка* — маленькая кирпичная печка, *временка*; в последних двух случаях суффикс *-ка* имеет уменьшительное значение, а в первом — он указывает на лицо женского пола: женщина-пролетарка.

Уплотнение, самоуплотнение — стало относиться к квартирам.

Разъяснить — отменить прежнее постановление.

Сократить кого-н. — уволить кого-н. со службы вследствие сокращения штатов. — «Недавно происходило сокращение штатов: администрация, воспользовавшись этим, взяла да и *сократила одного выдвиженца*, как не спеца» («Пр.» № 130. 1925). «*Их сократили со службы*» («Крокод.» № 20, 427).

Расписаться — вступить в брак (повсюду в употреблении этот термин). — «Вон сидят в красных платочках Шура и Валя — комсомолочки. С ними кузнец Володя… С Валей *расписываться* будет» («С. Комс.» № 22. 1926).

Испанка — испанская инфлуэнца, свирепствовавшая осенью 1919 года.

Лимон — миллион (в денежном счете 1921—1922 гг.).

В течение последних лет пережили изменения и некоторые новообразования. Напр.:

Шкраб — школьный работник (1919—1920 гг.). «Нечто загнанное, обиженное, стоящее в стороне от бурного революционного потока, ушедшее в свою профессию. И это слово было воспринято работниками просвещения в тот период как нормальное, в котором нет обидного смысла»… В последние годы «слово "*шкраб*" кажется обидным *учителю-общественнику*» («Пр.» № 6. 1925).

Нэп. Это слово утрачивает свое основное значение: н о в а я экономическая политика. Поэтому некоторые коммунистические деятели дают теперь иное толкование термина «нэп». — «Все мы знаем, товарищи, что под словом "нэп" мы подразумеваем н о в у ю э к о н о м и ч е с к у ю п о л и т и к у. Все мы чувствуем, что эта терминология теперь уже начинает немножко устаревать. В самом деле, мы имеем за собой более семи лет власти, из них — три года военного коммунизма и более 4 лет новой экономической политики. Почему же она все еще называется новой? Я думаю, товарищи, что теперь мы могли бы сказать уже: это есть не новая экономическая политика, это, если хотите, не — нэп. А если мы уж хотим остаться при старом словоупотреблении "нэп", тогда, по-моему, надо будет сказать, что это слово происходит от слова "необходимая" экономическая политика, "неизбежная" экономическая политика» (З и н о в ь е в. «Изв.» № 119. 1925.)

Со словом «*нэп*» стало связываться иное значение: 1) «спекуляция», 2) «новые буржуазные слои». — «Когда мы говорим *нэп*, мы часто подразумеваем под этим спекуляцию, рвачество и нэпманство» (З и н о в ь е в. «Пр.» 28 мая 1924). «Когда говорят в просторечии *нэп*, то под этим подразумевают не нашу экономическую политику в целом и даже не хозяйственный уклад в целом, а подразумевают новые буржуазные слои, новую буржуазию» (Б у х а р. «Пр.» № 2. 1926).

Длинный ряд слов революционного времени, — слов, вновь образованных или слов прежних, но с новым значением, — успел уже выйти из употребления в связи с изменением или утратой тех предметов или с ликвидацией тех явлений, знаками которых служили эти слова. Уже забыли о «*предложениях*», т. е. о бумажках, которые выдавались учреждениями и организациями с предложениями железной дороге и пароходству выдать билет предъявителю этой бумажки в счет учреждения или организации. Прошло время «*мешечников*», «*дензнаков*», «*лимонов*», «*косых*» (1 000 р.), «*комбедноты*» и др. Не стало «*помгола*» (помощи голодающим), АРА (American Relief Administration) и многого другого. Быстрота изменения значения слов и

утраты их находится в связи с чрезвычайно быстрым темпом общественной жизни страны.

Изменяют свое значение и слова воровского жаргона при распространении в широкой среде, в особенности среди школьников. Эти слова утрачивают некоторые специфические особенности в значении, — особенности, связанные с преступным миром. Сравн., напр., значение слова *шкет*, с каким оно употребляется теперь: «мальчик-оборванец», «мальчишка»; значение слова *шмара*: прежнее значение не забыто («проститутка»), но у многих лиц с этим словом связывается только вообще отрицательное свойство человека, на которого смотрят свысока.

VII. Языковые новшества на фабрике и заводе

134. Фабрики и заводы, организации рабочих и их представители принимали активное участие в революционных событиях. Рабочий класс занимал и занимает исключительно важное положение в программе революционных деятелей. Многочисленные нити экономической и политической жизни связывают фабрику с революционным центром. Интенсивность общения представителей рабочих с революционными деятелями и организациями отражается и на языке рабочих, по крайней мере активных участников в общественно-политической жизни фабрики и завода. Вместе с отдельными языковыми чертами проникает в их речь вообще тип общерусской литературной речи. Для ознакомления с этими чертами я производил свои наблюдения на фабричных собраниях рабочих бывшей Прохоровской мануфактуры на Красной Пресне, шелкоткацкой фабрики «Красная Роза» имени Розы Люксембуг (быв. Жиро), замоскворецкой обделочной фабрики и завода «Серп и Молот» (б. Гужон). Наблюдения относятся к марту, апрелю и маю месяцам 1925 г. Данные, собранные мною, характеризуют не обыденную речь рабочих, а ту речь, какой пользуются они в моменты обсуждения вопросов общественно-экономической и политической жизни. И еще одно ограничение. Эти данные относятся к речи а к т и в н ы х рабочих. Речь пассивных членов рабочей среды представляет меньше новых черт, связанных с явлениями революционного времени. Наиболее полно отражается языковое воздействие типа образованной речи вообще и черт ее, связанных с революционным временем, на представителях более интеллектуально-развитой и более экономически-обеспеченной рабочей среды — на металлистах. Речь многих рабочих-*гужоновцев*,

выступавших в собраниях, представляла хорошую речь общерусского, литературного типа. Усвоены и некоторые стилистические особенности, свойственные современной ораторско-полемической речи. Но все же от диалектических черт и эти ораторы еще не совсем освободились: остатки родной, местной речи отражаются и в звуках и в формах[55]. Слабее воспринята литературная речь в среде рабочих и работниц мануфактурных фабрик. Значительные диалектические особенности представлены там в речи и таких активных общественных деятелей-рабочих, которые более 20 лет работают на московских фабриках. Один из рабочих — член Московского совета рабочих и крестьянских депутатов, выполняет трудные обязанности, возлагаемые там на него («ума не постижимо!»), проводит много времени в общении с лицами, владеющими в достаточной степени литературной речью, — а все же речь этого деятеля-рабочего значительно пропитана диалектизмами и видоизменениями литературной речи.

Особое замечание надо сделать о молодом поколении рабочих — о фабричном *комсомоле.* Тип общерусского языка и языковые особенности времени энергично усваиваются фабрично-заводской молодежью и среди металлистов и среди *текстилей*, — усваиваются, по крайней мере, активными членами фабричных организаций.

Ниже отмечены примеры языковых явлений революционного времени, усвоенных в рабочей среде, а также примеры изменения этих явлений и примеры диалектических особенностей. В скобках указано, к каким рабочим относятся примеры: Гуж. — завод б. Гужона; Кр. Пр. — Прохоровская мануфактура на Красной Пресне; Кр. Р. — фабрика «Красная Роза» имени Розы Люксембург; Обд. — замоскворецкая обделочная фабрика; Комс. — комсомол.

135. Из формы ведения заседания. — «Слово для докла*ду* имеет товарищ Л.».

На собраниях *зачитывают* то или иное предложение, ту или иную резолюцию. Там дают выборным лицам определенный *наказ*. Выборные лица обязаны *отчитываться* перед собранием. «Разрешите *отчитаться* за 7 месяцев» (Кр. Пр.). «*Наказ* был выполнен полностью».

Президиум (или *президюм*) предлагает «*принять* заслушанную резолюцию *за основу*».

[55] Некоторые рядовые гужоновцы еще не усвоили всех современных ходких слов и выражений. Так, напр., моему соседу на одном из собраний гужоновцев непонятно, что значит «голосовать список персонально».

Выступающие с речами, излагая или объясняя какое-нибудь дело, обычно говорят: «теперь *такое положенье создается*», «*такое положенье создалося*», «*вот как обстояло дело*».

Форма митингов теперь считается не подходящей. «Мы собрались не *митинговать*, как в 17-м и 18-м году, а конкретно указать…» (Гуж.).

Если собрание слишком затягивается, то со скамей слушающих раздается крик: «*Заключительное слово даешь!*»

Многие рабочие и комсомольцы любят «конста*н*тировать». Так (*констант*-ировать) они слышали и слышат в речах ораторов центральных партийных и советских организаций.

Кроме общих собраний, заседают *пленумы*, *бюро*. «За истекшее полугодие было 8 *пленумов* фабкома» (Кр. Р.). «*Пленумы* совета были *расширенные*» (Обд.). Правление «ставило *на бюро* и *на общие собрания* вопросы…» (Комс.). Отдельных лиц «вызывают *на бюро*» (в заседание бюро).

Деятельность фабричных организаций. *Фабзавком* должен «пропорционально распределять работу» (Гуж.). «*Определенно* надо заводскому комитету производственный уклон фабзавуча…» (Гуж.). *Фабзавком* должен или в форме *агитации*, или в форме *кампании* увеличить число членов клуба (Гуж.). Дела рассматриваются «в общефабричном *масштабе*», а бывают и «в *государственном масштабе*» (Обд.).

Проводятся многочисленные *кампании.* Напр.: «была проведена *кампания* медицинского освидетельствования» (Комс.); «*кампания* производительности труда» (Комс.); «*кампания* по отчислению в пользу петроградских рабочих» (Гуж.).

Эркака́ (*ракака́, рыкака́*) — РКК (Расценочно-конфликтная комиссия) должна «быстрее *ликвидировать конфликты*» (Гуж.).

На долю некоторых активных рабочих приходится *колоссальная* работа. Напр., «сборщик ведет *колоссальную* работу» (Гуж.).

Происходит вы*явление* разных сторон фабрично-заводской жизни. — «*Выявление* квалификации *мо́лодежи*» (Гуж.). «*Выявление* активности» (Гуж.). «Мы *выявили* [обнаружили] такие требования…» (Гуж.). «Можно *выявить* много *дефектов*» (Гуж.). «Путем регулярной отметки нам удалось *выявить* таких ребят, которые не посещают собрания» (Комс.).

«Недостатки надо *изжить*». «*Изживем* безработицу» (Гуж.).

136. Комсомол. — *Активисты* ведут «*организационные* формы работы». Происходит усиленное «*вовлечение* в комсомол». «*Индивидуальной обработки* у нас [среди комсомола Кр. Пр.] пока нет».

«Мы действуем на беспартийных *коллективно*». Но «не весь *фабзавуч* у нас *окомсомóлен* и полностью входит в нашу организацию». В своей деятельности комсомол имеет в виду определенный *бáзис*. Много внимания уделено «*ячейкóвым* собраниям». Секретарь той или иной организации «*инструктируется*». Активный член имеет *нагрузку*. «Ребята *выделяются* в пионеротряды и ведут там работу». «*Выдвигались* и беспартийные ребята». Видов работы много. Напр.: *просветработа*, *клубная работа* и др. «Клубную работу *тянули* 30 процентов» (Комс. Кр. Пр.). По группам *прорабатываются* различные *вопросы*. Происходит и «*проработка* газет» (чтение газет и обсуждение прочитанного).

Нередко приходится «*сагитировать*» кого-н., напр., «девчат, чтобы они пошли на собрание».

Комсомол стремится «*организовать* ребят», «*поднять активность* ребят». Но бывает и «*несговоренность*», «*несговорица*», напр., с девчатами.

Цэкáэрлыкасэм — ЦК РЛКСМ (Центр. Комитет Рос. Ленин. Коммун. Союза молодежи).

Об изменении, претерпеваемом литературным языком в среде комсомольцев, см. ниже.

137. Другие речевые черты, проникшие в рабочую среду в течение последних лет.

Как и в речи многих партийных и советских деятелей, сочетания *согласно* с родит. пад.: «*согласно* наказа». Родит. пад. и после *благодаря*: «*благодаря того*, что…» (Гуж., Кр. Пр.).

Сочетания с *ибо*, *тем паче*.

«*Посему* я и полагаю…» (Комс.)

В общем и целом. — «Союз металлистов *в общем и целом*…» (Гуж.).

Ясно = да, это так; *определенно* = да, несомненно. «Кассу *определенно* обманывали» (Кр. Р.). «Столовую необходимо. Это — *определенно*» (Кр. Р.). В речи некоторых рабочих *ясно* и *определенно* образуют одно целое: «это — *яснoопределенно*» (Обд.).

Поскольку (*посколько*), как и в речи интеллигентных партийных и советских деятелей, имеет значение «так как», «потому что». — «Дали ему ссуду 20 руб., *посколько* у него было снято пальто на Смоленским рынке» (Кр. Р.). «*Посколько* рабочие не желают работать, не надо» (Гуж.). «*Посколько* они не вносят, надо вычитать из жалованья» (Гуж.). «*Посколько* бюро, входя [!] в положение рабочего, она давала пособия» (Кр. Р.). «Работа не проделана. *поскольку* не было инструкций» (Кр. Р.). Иногда в таком же значении употребля-

ется *постольку-поскольку*. — «Эта работа убийственная, *постольку-поскольку* проволока машины испорчена» (Гуж.).

«Это — *глупистика* одна!» (Кр. Р.).

Часто употребляется *плюс*. — «К этому прибавим *плюс* еще 70 процентов» (Гуж.). «*Плюс* к этому есть нареканья» (Кр. Р.). «Хозяйственники *плюс* ракака́» (Гуж.).

Все сто процентов. — «Товарищ не может быть использован на все 100 %» (Гуж.). Выполнить работу на все 100%.

Ставить работу, *ставить* что-н. *на рельсы*. — «Поставить работу на рельсы» (Гуж.). «Фабзавуча стали *ставить на* другие *рельсы*» (Гуж.).

Прорабатывать вопросы, газету, решения партии.

Проделать работу — выполнить работу.

«*Лозунг* нонешнего дня: давай побольше» (Гуж.; ср. р у с с к о е сочетание «*нонешний день*» вм. «*сегодняшний день*» — нем. der heutige Tag).

Сугубый, *сугубо*. — Обратить самое сугубое *внимание*. Отнестись *сугубо* внимательно (Гуж.).

Каковой, *таковой*. — «*Каковые методы работы* недостачи заводско́го комитета» (Гуж.). «Вот *таковой* список членов» (Гуж.). «*Таковой* хронический характер» (Гуж.). «Масса *таковых явленьев*» (Обд.).

Забаррикадировать, *подход*, *линия*, *курс*. — «Коллективный договор явился, чтобы *забаррикадировать* каждую сторону» (Гуж.). «Правильный *подход* к делу» (Кр. Р.). «Организационная *линия* намечена правильно» (Гуж.). «Правильная *линия* (направление) в кассе взаимопомощи» (Кр. Р.). «Надо войти в *курс дела*. Я ввел ее *в курс дела*» (Кр. Р.)

Старые работники-металлисты — старая *гвардия* (Гуж.). *Штаб* интернациональной революции — Коминтерн (Кр. Пр.).

Сочетания для выражения решительных действий: надо *во что бы то ни стало* (напр., подтянуться, открыть амбулаторию и др.).

Ножницы, чортовы *ножницы* (Гуж.).

Сочетания эмоциональной значимости: *передавать* товарищей в партию. — *Передаем* дорогой дар — работниц — в партию. Товарищи, *передаваемые* в партию (Кр. Пр.). *Полный, решительный переворот* (Кр. Пр.). Работа *колоссальная* (Кр. Р.). «*Самая ударная* задача страны — поднять производительность» (Кр. Пр.). «Сплотиться всё крепшы и крепшы» (Кр. Пр.). «По намеченному пути сплотимся крепким ядром» (Кр. Пр.). «Выполнить завет Ильича» (Кр. Пр.). Строить новую жизнь. Выкуем новую смену. «Женщина — новая строительница жизни» (Кр. Пр., 8 марта, день женщины). Женщина

в советской России должна гордиться на *весь мир*. Наши делегатки *открыли* 10 узбечкам глаза (распропагандировали).

Повторение: «Женщину угнетал мужчина, женщину угнетал царизм» (Кр. Пр., 8 марта).

Речь не деловая, а по каким-нибудь особым случаям, обычно заканчивается формулой «*да здравствует…*» Эмоциональность этой формулы совсем утрачена. Эти слова произносятся спокойно, скороговоркой, в полуоборот к слушателям или даже на ходу к двери. 8 марта 1925 г. на собрании на Кр. Пр. одна из делегаток кончает свое приветствие так: «Да здравствует наш вождь В. И. Ленин».

138. В ряде случаев усвоенные рабочими языковые элементы подверглись изменению и в отношении значения и в отношении формы. В отношении значения отметим прежде всего ослабление и утрату многими словами и сочетаниями эмоциональной экспрессии. Примеры этого изменения были указаны выше. Затем ряд слов стал употребляться в более широком значении. Напр.: *изжить* — не только «устранить», но и «избежать», «миновать». — «Стараешься *изжить* [затруднения]» (Кр. Пр.). «Вопросы в повестке дня есть такие, какие до сих пор не *изжиты*» (Обд.). Ср. еще и такое выражение: «бюджет в целом *изжит* [= наладился]» (Обд.).

Лозунги — лозунги, знамена (так и за пределами фабрики): «это рабочие скажут на своих первомайских *лозунгах*» (Кр. Пр.).

Эффекты — вообще результаты… «Мы видим *эффекты*» (Гуж.).

Результат — ответ. «Не знаю, какой *результат* дадут» (Кр. Р.).

Учреждением называют и прачечную и столовую и др. «Наказ. 4. Поддержать организацию *учреждений*, раскрепощающих работниц, как-то: прачечные, столовые и подобные им *учреждения*» (Кр. Р. Стенгаз. № 21. 1925).

Сознаться — стать сознательным: «он сознался» (Кр. Пр.); *осознанный* — сознательный.

Всеобщий пролетариат: «при помощи *всеобщего* пролетариата» (Обд.).

Особенности в формах. «*Пролетариат*» имеет форму множ. ч. «Да здравствуют все *пролетариаты*» (Кр. Пр.).

К форме *«пролетарий»* имеется форма жен. р. на *-ия*: женщина-*пролетария*. Но употребительна и обычная форма на *-ка*. «Домашняя хозяйка превратилась в *пролетарку*» (Кр. Пр.).

Задаяния — задания. «Выполнено по этим *задаяниям*» (Кр. Р.).

Сплощение — сплочение.

Нарицание — нарекание (под влиянием «порицание»). «Чтобы не было *нарицания…*» (Кр. Р.).

Экзаменовка — экзамен. «Произвели *экзаменовку*» (Гуж.).

Ответный — ответственный. «На выборного депутата падают очень и очень *ответные* задачи» (Кр. Р. Стенгаз. № 21. 1925).

Незаинтересованность *к* делу (Гуж.) вм. «незаинтересованность в деле», под влиянием сочетания «отношение *к* делу»…

Будете стоять *на порядке очереди* (Кр. Р.).

В речи некоторых рабочих объединились в одно сложное сочетание вводные слова «ясно», «определенно» и другие. — Это *ясно-определенно* (Обд.). «Конешно-вопще, именно-так-сказать»; «конешно так сказать вопще — даешь и больше ничего» (в речи женщины-делегатки, — Кр. Р.).

Некоторые рабочие любят употреблять деепричастия независимо от норм литературного языка. — «*Приступая* к работе в кассе не было ни копейки» — когда [мы] приступали к работе, в кассе не было ни копейки (Кр. Р.). «Много недостатков обрисовывалось в стенгазете, часто *прохватывая* отдельных товарищей» (Кр. Р. Стенгаз. № 17. 1925). То же явление представляют рабочие и в других местах.

139. На передаче заимствованных языковых элементов в речи рабочих отражаются диалектические особенности. Эти особенности представлены и в звуках и в формах. На звуковой стороне и передаче иноязычных слов отражаются черты русской фонетики. Эти отражения особенно значительны у лиц, не приспособившихся к передаче иноязычных звуковых сочетаний, чуждых звуковой системе русского языка. Так, у большинства ораторов-рабочих иноязычные слова с *нэ*, *тэ*, *дэ*… произносятся с м я г к и м и согласными: *н'е*, *т'е*, *д'е*..: *инт'ернацыанал*, *т'ерóр*, *Г'ин'д'енбург*… Сочетание *-ей* вм. *-ий*: *партéйный*. Трудно даются слова с двумя плавными в слове: *забронировать*, *революция*, *регулярно*, *пролетариат*. Некоторые говорят: *леворюция*, *проталериат*. (Ср. народную передачу более ранних заимствованных слов с двумя плавными: *калидор*, *кульер*…)

Диссиплина — дисциплина.

Квалисцырóванный (Гуж.) — квалифицированный.

Эскурсья — экскурсия (Гуж).

Как нас *сплаатирывали* [эксплоатировали]* (Кр. Пр.).

Дихтатура — диктатура (Кр. Р.).

На передаче заимствованных слов отражаются еще такие руссизмы. *а)* Ассимиляция гласных в неударенных слогах, — ассимиляция в сторону гласного переднего ряда. — *Пийнéры* (й — очень краткий редуцированный гласный) — пионеры (Кр. Пр.); *бирикáды* — бар-

* Такое написание в тексте первого издания. — *Примеч. сост*.

рикады (Кр. Пр.); *кипиратив* — кооператив (Гуж. и в других местах; так и в деревне). — Сравн. прежние русские такие сочетания с гласными переднего ряда в неударенных слогах: *Вилинтин — Вилинтина*, *Кистянтин*, *висилёк* (василек), *испирин* (аспирин), *визилин* (вазелин).

b) Лабиализация гласного под влиянием следующего слога с *у*. — *Призюдюм* — президиум (Кр. Пр.).

c) Конечное *-ркс* заменено посредством *-ркас*. «*Карл Ма́ркас*» (Кр. Пр.).

d) В связи с этими изменениями отметим интересное явление в деревенской передаче слова «электрофикация» (электрификация): *олектрофекац*, — с начальным *о-* («Пр.» № 290. 1924).

140. Количество окающих рабочих незначительно на московских фабриках. Рабочие, выступавшие в собраниях с речами, представляли в своей фонетике аканье. Аканье не у всех одинакового типа. Были лица с сильным аканьем-яканьем: «будитя». Только на одной фабрике выступало лицо из северно-великорусской, окающей области. Это — женщина — представитель фабрично-заводского комитета на фабрике Кр. Р. Ее речь окающая. Ассимиляционное оканье отражается и на предударном слоге: «фобко́м». (Такое явление представляют многие говоры в Поволжском крае.)

141. В формах наиболее часто приходилось наблюдать следующие диалектические черты.

Форма дат. и местн. ед. имен на *-а* имеет окончанием *ы*. — По городу Москвы, трудно было женщины, мужчина ездил верхом на женщины, равен мужчины.

-ов, *-ев* в окончании формы родит множ. средн. р. — Ряд учрежденьев, масса таковых владеньев.

Форма местного ед. муж. и средн. р. прилагательных и местоимений оканчивается на *-ым*, *-им*. — Приступить в ударным порядки (Гуж.); в общезаводским масштаби (Гуж.); в детским саду (Кр. Р.); об этим ни сумливайтесь (Кр. Р.); при кажним случае (Гуж.).

Форма глагола наст. вр. 3 л. на мягкий *-т*’, при формах на твердый *-т*. — *Ведёть*, *ведуть*…

В образовании форм ответим следующее. *a)* Как и в деревне, слова на *-изм* передаются с окончанием *-а*: *коммунизма*, *механизма*… *b) Касса*, как и раньше среди народа, называлась *кассыя*. — *Страхкассыя*.

142. Ударение. Происходит оттяжка ударения с конечного слога на предпоследний в передаче иноязычных слов. — Про́цент, 70 про́центов, кре́дит, дайте больше кре́диту, гра́вер, по́ртфель,

шо́фер и др. Но: *тер*о́*р*, он хочет подвести его под статью уголовного кодэкса, — с ударением на *-дэ-*.

От ораторов из центра и от некоторых советских деятелей усвоено «зво́нит» [по телефону]. В последние годы в советских кругах и среди лиц, близких к ним, широко распространились формы наст. вр. этого глагола с ударением на первом слоге: зво́нишь, зво́нит… (вм. литерат. звони̓шь, звони̓т…).

У многих рабочих формы причастия прош. вр. страд. зал. представляют ударение на *-ён* — во всех формах, по образцу формы именит. ед. муж. р. — введёна ордерная система (введён…); больше внимания обращёно на…; освобождёны от работы, были не включо́ны.

143. Из словаря. — *Ребята* — ребята, молодежь, служащие. — «*Ребята* (= служащие) принимали активное участие» (Кр. Р.). «Там председатели всех завкомов — лучшие *ребята*» (Гуж.).

В комсомольской среде мужская часть молодежи называется «*парни*», а женская «*девчата*» или «*девушки*» (реже). В ед. ч. получила распространение украинская форма: «*д'ивчина*». — *Дивчина* видно дельная. Эта *дивчина* может повести работу среди *девчат*, может в т я г и в а т ь беспартийных *девушек* в комсомол (Комс.).

Речь рабочих и комсомольской *братвы* представляет много слов, заимствованных из воровского жаргона. В последнее время стали указывать «смене» на нежелательность употребления «блатного» жаргона. См. статью Н. М а р к о в с к о г о: «За культуру комсомольского языка» («Молодой Большевик», № 15—16. 1926).

В рассказе М. К о л о с о в а «Буза» даны хорошие образцы речи комсомольцев. Предлагаем несколько выдержек из этого рассказа.

…Друз поворачивает голову. В глаза Друза хлещется лоснящаяся синь станков. В уши хлещет хрюканье пил, потрескивание шестерен, ржание фрезеров.

Подошел мастер. Из-под очков сказал:

— Тибе к тилифону…

Друз сквозь строй станков в контору.

— Алло… У тилифона…

В трубке шаркнули слова. Говорил Шилов.

— Алло, Друз?

— Да.

— *Шалай* сюда!

— Куда это, сюда?

— *В ячейку*...

— *Закройсь*, товарищ Шилов, нечего от работы отрывать…

[Друз в ячейке.]

— Вот что, Вань, по-дружески хочу с тобой поговорить…

— Что же, послушаем, — смелеет Друз.

— Такая *плешь*, понимаешь, — надо нам от комсомола паренька в *фабком*...

— *Экправа*, словом, — продолжал Шилов, — дык вот весь список расковырял — Гайкина только и нашел… Дык вот, Ванюшка, я тебя по-дружески прошу… не *бузи* на собрании… ты наших ребят знаешь — им покажи палец, они весь оторвут, а *работу* не так легко *ставить*.. Вот сейчас квалификация, отпуска — хороший представитель для нас первое дело, сам знаешь…

Друз многозначительно молчит. Потом, хитро улыбаясь:

— Вот, товарищ Шилов, на это могу ответить только то, — я не такой *инстанции*, чтобы меня слушались…

Шилов повышает голос…

Друз сразу свертывается.

— Я что… Я согласен… Степку Гайкина я обеими руками подпишу. Он действительно к данной *стадии* подходящий…

Шилов недоверчиво:

— Смотри, Друз, я еще раз тебе повторяю — *момент опасный*, а подыщи другого… чтоб потом *бузы* не было… Ну, кого ты считаешь?

— Ко-го-о, — тянул Друз задумчиво, — Гайкина и считаю.

— А не врешь?.. Дай честное *комсомольское* слово…

— На, мать твою так-то, даю… Я, знаешь, всегда за правду и буду резать, так и говорю, и *солидарен*, что Гайкин подходящий…

Очередному председателю — *фабзайцу* Клашкину еще в *фабзавуче* сказал Шилов:

— Ты, Клашкин, будешь *вести собрание* сам…

— А *кого выставляешь?*

— Гайкина.

— Ну, если Гайкина, то это хорошо. И Друз напротив не будет…

Шилов обиделся. — Вот *комедик*, а если бы не Гайкина, ты думаешь, я не провел бы?

Клашкин, постукивая карандашом, говорит, точно камни ворочает:

— *Ребята*, *значит*, первый вопрос, отчет *фабкома* сделает тов. Токарева *от своей любезности*, потому Федичкин болен — он не может, и *опосля* этого *выборы представителя* от *молодежи*... Значит, прошу *соблюдать полное соблюдение тишины*.

Токарева — полная, грудастая, к столу. Голоском тихим, тоненьким, с передышкой:

— *Товарищи*, *кешно*, как вы *комсомолы*, то надо вам *заслушать* доклад *фабкома*, и вот мои слова… Всего за истекший год проведено было восемьдесят *собраниев и заседаниев*, *кэшно*, разных *кампаниев* много…

Наконец, кончила. Клашкин кашлянул в руку.

— Ну, как будет *насчет высказаться?*

Нащупав тишину, сказал:

— Ну, тогда, *значит*, вопрос о выборах… *Ребяты*, *момент*, *значит*, *ужасно серьезный.* Ну, *как бы сказать*, самое что ни на есть главное, это представитель *фабкома* — для этого нужно *снестись в целом смысле.* Ну, вот, теперь кого же выбрать? У нас есть такое лицо, этот тов. Гайкин. Шилов его сейчас *выставит*, и *все как один* подадим за него голос…

— *Ребяты*, — сказал он [Шилов], — от *имени бюро ячейки РКСМ*, в виду болезни Федичкина и, прямо скажу, непригодности его к этой работе…

— «Непригодности, — подумал Друз, — а когда я говорил против, тогда *бузу затирал*».

…намечен представителем в фабком товарищ Гайкин. Кто за его кандидатуру, прошу поднять руку…

— А как же *насчет высказаться?* — спросил Друз, — что ж так и будет безо всякого обсуждения?

К сердцу Шилова прилило… Овладев собой, начал резко:

— Нет, товарищ Друз, будет… Раз навсегда надо запомнить наша ячейка готовит членов партии. Она не потерпит *бузы* и *трепачей*, срывающих ее работу… У тебя хватает *наглости* просить слова о *кандидатуре* Гайкина, которая *согласована* с *ячейкой* партии…

[Друз] обернулся к ребятам:

— Нет, ребята, это недопустимо. Пусть Гайкин мозговитый парень, он наш, я хотел *за него* сейчас *высказаться*, ну, Шилов мне не дал слова. *То раз* он под такой *шпаной* ходит, раз его нам навязывают и *угрожают*, то не надо его — сами выберем… А для *близиру* нам голосовать нет для чего. Если без обсуждения, то назначай сам, ну, не будет так, как *хатит* твоя сопливая ноздря, товарищ Шилов…

Он замахнулся кулаком.

— Товарищи, предлагаю переизбрать председателя, и почему он стал председателем, когда выбран Клашкин? Ну, он его *игнорирует*, то разве можно терпеть такое нахальство. И вот, если меня гнать, то гоните меня, ну, и его к чортовой матери, чтоб летел по своей стадии… Товарищи, и сейчас же *циркулярно* в *райком*, чтобы дали нам другого *сиклитаря.* Правильно я говорю, или нет?

— Пр-равильно… Все правильно…

— Он нас *валяет*, *как червонцы меняет*...

— Я на фронте три года отмаякал, товарищ Шилов, говорю: по какому праву Шубин мне *прозодежду* не выдает? Ты вполне можешь *над ним распорядиться*... Он говорит: *мудистику* не разводи… разве это допустимо?..

— Мы с Гришкой три раза просили — дайте нам пробу, мы сделаем, почему не охлопочешь в *Ракаке*, если твой Федичкин болен…

— Ну, ты, помалкивай…

— Кой к чорту тише, только тебе горлопанить можно? Вот и я скажу, — выбрали меня *соцоброй*, а я и не знаю, что это значит, хоть бы одну *инструктурку* дал…

— Будет вам, ребята, — *спудились*, как на базаре.

— А ты что? Тоже подымать стала… Думаешь, что Шилов за тобой *мазирует*, так выше тебя и нет…

— Кто, кто *мазирует*? Кольца-то твои сними раньше, — *комсомолка* называется…

— Это не твое дело» тоже поп выискался…

— А про *мазы* твое дело? Твое дело, товарищ Голубева?.. Во-вторых, это все враки, *мелко-буржуазное* мещанство, если хочешь знать…

(К о л о с о в. Комсомольские рассказы. М., 1926)

(См. д о п о л н е н и я на с. 251—252).

VIII. В деревне

144. Как отразились революционные годы в языке деревни? Какие языковые новшества появились там за последние годы? В какой степени произошло проникновение туда языковых элементов революционного времени вместе с соответствующими социальными явлениями? Значительно ли осуществляется в языке *смычка* города и деревни? — К прискорбию, на эти большой важности вопросы дать достаточно полный ответ пока невозможно за отсутствием надлежащих наблюдений над языком деревни. Мы располагаем только отрывочными сведениями, относящимися к некоторым из поставленных выше вопросов. Некоторый материал заключает в себе книга Я. Ш а ф и р а: «Газета и деревня» (2-е изд. М., 1924). Я. Шафир производил свои наблюдения не с точки зрения лингвиста-социолога, а с точки зрения газетного работника. «По поручению подотдела печати ЦК РКП(б) летом 1923 г. я ездил в Воронежскую губернию для обследования губернской крестьянской газеты… Прежде всего обследование установило, что в деревне в настоящее время нет ни подписчика, ни читателя», — заключает Шафир (с. 5). Один из существенных вопросов этого обследования был такой: насколько доступна газета в отношении языка пониманию крестьянина. Для выяснения этого вопроса Я. Шафир опрашивал крестьян, предлагая им для объяснения список слов и выражений и читая выдержки из газеты. Ответы крестьян были в большинстве случаев неудовлетворительны: крестьяне не понимали предлагавшихся им слов и выражений. «Ей-богу, перевод нужен» (с. 34). Вот несколько примеров. — «Не понимаю, что такое *сугубо*, а то бы рассказал» (с. 76). *Персонально* — случайно (с. 28). *Игнорировать* — ч.-н. сделать (с. 35).

Элемент — выдающийся человек (с. 48). *Наглость убийц* — это значит совсем убили, а не так, ранили там или как (с. 39). *Совнарком* — 1) советский народный комитет (с. 43), 2) это учреждение, какое — не знает (с. 34). СССР — Совет Народного Хозяйства (с. 48). РСФСР (всплескивает руками) — Россия Республика (с. 51).

Многое из словаря современного газетного языка не понятно и молодым красноармейцам. Так, многим из них неизвестен «*классовый враг*», «*показательное хозяйство*», «*официально*», «*нота*», «*ультиматум*», «*оккупация*», «*констатировать*», «*реклама*» («прокламация, газета, вроде "Правды", неправильное писание») и др.[56]

Такие же указания представляют и другие наблюдатели. «Бю… бю… буд-жет…ные э-э-ле́менты..: кре…крестьянского хо… хозяйства — во-от! [Читают крестьяне на выставочном плакате]. — Одни понимают, что «бюджетные эле́менты» — это, когда пашут в совершенстве трактором, а на соху давно плюнули; другие, что это — такая костяная мука, перегар, вместо навоза; третьи сумрачно советуют: «Ты разбери, не иначе — коровья это болезнь» («Пр.» № 297. 1925).

145. В ряде случаев понимание неизвестного слова обусловлено ассоциацией с известным словом, случайно оказавшимся отчасти созвучным с неизвестным. Напр.:

Оккупация — откупить (Ш а ф и р, с. 35); *декоративность* — дикое растение (с. 48); *инициатива* — к.-н. национальность (с. 48); *констатировать* — вычищать (кастрировать, с. 51); *элемент* — это разговор такой есть; со мной бывают такие алименты (с. 51); *павильон* — старшее лицо, которое повелевает (с. 72); *пленум* — плен (с. 43); *продфронт* — против власти (с. 73); *попустительство* — опустошение (с. 57) и др.

Иногда значение слова обусловлено ассоциацией по смежности. Напр.: *показательное хозяйство* — шкаф (шкаф, в котором находятся книги или бумаги по показательному хозяйству. С. 52).

Значение новых слов бывает обусловлено реальным содержанием того предмета или явления, к которому относится данное слово. Напр.: «*категорический* — это у нас в конторе Тихон Иванович, когда, бывало волнуется, уж всегда категорически говорит» (с. 52).

Ультиматум — либо платите деньги, либо отдайте лошадь, либо я вас убью (с. 55). *Регулярно* — срочно, окончательно (с. 73). Много примеров восприятия слов в реальной обстановке представлено ни-

[56] В названной книге Ш а ф и р а (с. 71—72) и в его статье, помещенной в «Журналисте». № 9. 1924 г.

же, в списке, относящемся к селам Рыбинского (бывш. Мышкинского) уезда, Ярославской губ.

Части слов, образованных посредством сокращения, иногда у з н а ю т с я говорящими в связи с соответствующими полными словами (см. выше, § 121); но нередко бывают и большие неточности. Так, *С* связывается с *Совет*: СССР — Совет Народного Хозяйства или Советский Народный Комитет. В *Р* узнается *Россия* или *Республика*: *РСФСР* — Россия — Республика. Но в большинстве случаев эти названия остаются непонятными говорящим. Некоторым вообще не нравятся сокращения: «слова чтобы были полные» (Ш а ф и р, с. 52).

146. Итак, представленные данные указывают, что деревне многое недоступно в понимании языка революционных и советских деятелей. Но всё же, длинный ряд терминов последних лет усвоила и деревня. Многие из этих терминов представляют значение, отличное от того значения, с каким употребляется тот или иной термин в речи партийных и советских деятелей. Об условиях изменения значения было уже сказано. Главное условие — реальное содержание предмета или явления, называемого данным термином, — содержание, как оно воспринимается деревенской средой. В этом отношении важно обратить внимание на толкования тех или иных терминов, даваемых самими крестьянами. Слова, усвоенные деревней, относятся к предметам и явлениям, с которыми деревенскому жителю приходится иметь дело, — названия властей, правительственных и общественных учреждений села, деревни и ближайшего города и некоторых связанных с ними явлений. Чаще, чем в дореволюционное время, стали бывать деревенские обитатели в городе, стали внимательно всматриваться в бойкую жизнь его и усваивать манеры, а также речь горожан.

Закручу ус колесом
Горячими щипчикам,
Да с милою во лесок,
В кружевном во лифчике.

«Верно, в жены брать новых придется, по времени. А я еще больно не узнал, какие лучше»[57].

Словарные новшества находят себе разный отклик в народной среде. Одни относятся к ним отрицательно. Это — нерусские слова, непонятные. Перевод нужен. «Эх, эти слова разные. Этим мы болеем душой. Словарь нужен. Жуешь, жуешь и ничего не поймешь». Так

[57] С. Ф е д о р ч е н к о. Народ на войне. Революция. М., 1925. С. 113.

говорил один из крестьян. Политикой он «заражен» с 1905 г. Читал раньше «Русское Слово», «Биржевые Ведомости» и др. «Надо, чтобы ближе к нашему наречию, а то головокружение одно… К русскому духу приспособляться надо», — говорил тот же крестьянин[58]. «Это все нерусские слова, уху моему не милые, только шалтай-балтай теперь разводить нечего и торговаться из-за слов времени нету»[59]. Но другие обнаруживают склонность к употреблению новых слов. «Очень я новые слова полюбил. Только по простым делам не умею я их к слову сказать. Что ни скажу, все мимо» (Ф е д о р ч е н к о, с. 126). Трудно привыкнуть к новым словам, а нужно. «Путаюсь я в новых словах, словно в бабьем платье, — не привык. А что старых слов не хватает — верно» (там же, с. 127). Тем не менее некоторые лица любят употреблять в своей речи слова и сочетания городской, «образованной» речи, — употреблять вне норм этой речи. «Язык деревенский — красочный, яркий и образный деревенский язык — портится. Поговоришь со стариком, — сердце радуется. Речь искрится, цветет, — настоящая земляная речь. Послушаешь молодого, — удивляешься. — "Постольку-поскольку", "в общем и целом", "константируем", "явный факт" и прочая ненужная бессмыслица. А как обращаются с иностранными словами! К заседанию совета учительница принарядилась. Председатель сказал: — Анн Степановна сегодня в полном бюджете! — Я долго не мог понять, что значит: — Гражданин председатель, реализуй-ка мне слово»… (в Зарайском уезде. «Изв.» № 111. 1926). «Это — *прямой факт*» (— «это верно»), — говорит старик в деревне Шишовке, Пошехоно-Володарского уезда, Яросл. г. «А это фсё одна *мара́ль* и больше ничево, а ты на деле покажи», — говорил другой обитатель той же Шишовки. А вот из письма одного старообрядческого деятеля в селе Старый Тарбагатай (Верхнеудинского уезда, в Забайкалье), от 14 марта 1925 г.: «Книги предлагаемые нужны, но дело в *следующем*: сложивается в нас голодовка..; в нас *слыхи цырклируют*»…

В числе проникших в деревню новых слов встречается в речи некоторых лиц и союз *ибо*. Один станичник-кубанец пишет в местную стенную газету: «Братва это не хорошо… так от братва нада в общественых зданях не курит и не сорит а следит за честотой *ибо* от этого заболевают люди»[60].

[58] Ш а ф и р. Газета и деревня. С. 47, 48.

[59] Ф е д о р ч е н к о. Народ на войне. С. 126.

[60] А. Б е ж к о в и ч. Стенная газета в деревне («Обновленная деревня». Сборник. Лг., 1925. С. 46).

147. Усвоенные слова, в особенности те, которые отличаются по строю и звуковому составу от норм русского языка, подвергаются значительным изменениям в звуковом и формальном отношениях. Примеры этих изменений см. в сообщаемом ниже списке новых терминов, собранных моим слушателем А. Салтыковым в Рыбинском (бывш. Мышкинском) уезде, Ярославской г., в 1925 г. Эти записи представляют ценные указания на судьбу нового языкового материала в деревенской среде. Такие слова, как *товарищ*, *гражданин*, *гражданка*, восприняты как слова-о б р а щ е н и я. «*Товариш — это* по-нынешнему зовут так». Затем в большинстве случаев произошла конкретизация того или иного термина: он относится к данному предмету в его деревенской обстановке или к той его стороне или функции, которая наиболее доступна наблюдению деревенского жителя или представляет для него преимущественное значение. — «*Пионеры (пяонеры)* — это ходят с барабаном и поют»; «*сельской совет* — это где председатель бывает»; «*фабком* — где директор бывает и деньги получают»; «*скидка* — это налогу убавляют»; «*середняк* — это состоятельный крестьянин»; «*легистрация* — это записаться жениху и невесте»; ср. еще «*камунист*», «*перитив*», «*категория*», «*инвалиды*».

Автонобиль — втонобиль — это без лошади едут.

Агент, *налоговой агент*. Раньше агенты машины продавали швейные, а теперь так зовут выбивателей налога.

Бандит — это старший в шайке.

Виклигация неграмотных — это обучают неграмотных [ликвидация неграмотных].

Горькя, *руска горькя* — это вино нынешнее.

Гражданин — это по-новому так зовут.

Гражданской брак — это не венчавшись живут.

Деклет — это правительство бумаги пишет.

Детский дом — это детям дают вспомоганье, их кормят.

Дом крестьянина — где обращаемся за делом, и трактир тут же и ночевать можно.

Елегатка — это баб на собрание выбирают [делегатка].

Емпа — так лавку зовут, в ней дешевле [ЕПО — Единое потребит. общество].

Закса — в этой заксе молодые росписываются.

Изба-читальня — это где мужики зимой читают.

Инвалиды — это лавка так называется у нас в Мышкине, у них дешевле купить.

Инструхтор — это кто осматривает машины на фабриках.

Исполком — это всё равно что *совет*.

Комиссар — это старшой у теперешней власти.

Камуна — это вместе работают.

Камунист, *каменист* — кто в бога не верует.

Кандидат — это когда выбирают лишнего.

Каператив, *копетив*, *ператив* — 1) лавка это от совета, от казны; 2) (другое лицо) это поочереди стоят в лавке; 3) (третье лицо) это на карточки дают в лавке.

Категория — это деньги нам так выдают, кому больше, кому меньше.

Кила — это хлеб вешают этим килам.

Комисарьят — где берут на военный учет и берут на войну.

Конференция — это речи говорят.

Кооператив — *каператив.*

Консомолец, *косомолец*, *косой*, *косорылы* — это тоже как камунисты.

Кредитка — это лавка казенная.

Лариводной, *радивонной*, *радивон* — это кто налог собирает и собрания устраивает [районный]; *ларивонной председатель* — это вроде старосты над большим обществом; *лариольное*, *ранённое собрание* — это собираются несколько деревень.

Леволюция — это новое право.

Легистрация — это записаться жениху и невесте.

Леквидацея — это старых учат грамоте.

Лекция — это о чем-нибудь отчитывают.

Марс, *Карло-Марс* — это как Ленин.

Мелицея, *милицея* — 1) это то же вроде красногвардейцев, только они не на войне, а в городе за порядком следят; 2) это туда заявление подают, когда о чем хлопочут.

Меншевики — они не за советскую власть.

Мильен, *мильярд* — деньга бумажная.

Митинг — это речи говорят.

Налог — это попрежнему оброк.

Народный дом — там спертакли бывают.

Облигация — это наместо денег при уплате налога.

Обновленцы — это по-большевицки вера.

Обновленческая церковь — это заодно они с коммунистами.

Оборт — это ребенка когда не хотят родить.

Обыск — 1) когда обыскивают, именья ищут; 2) это хлеб раньше обыскивали и отбирали.

Охрана труда — это труд облегчают.

Партейной — кто принадлежит к партее.

Ператив, *кооператив*, *каператив.*

Пинеры, *пяонеры*[61] — это маленькие ребята, тоже как большевики; это ходят с барабаном и поют.

Пролетарья — беднота, голь.

Протналог — это налог за землю.

Радио́, *радило*, *радион*[62] — говорун; это как граммофон слушают; слушают, что в Москве делается.

Разверска — это ково куды помещают по службе.

Расписываться — это наместо венца.

Реквизировать — это хлеб отбирать.

Республика — это новое право.

Сельской совет — это где председатель бывает.

Середняк — это состоятельный крестьянин.

Скидки — это налогу убавляют.

Совет — это где служат советские.

Советски покороны — это когда коронят [хоронят] с музыкой.

Советской ситец — это новой выработки, хлибок, как кисея.

Советской служашшой — это у власти кто служит.

Сициализм, *социализма* — 1) это по-новому жить; 2) (другое лицо) это не знаю чево, а говорю иногда, — право, что ли?

Союз — это записываются, когда на службу поступают; *в союз войти*, *через союз пройти* — тогда легче на службу поступить, скорее работу дадут.

Спектакль, *спертак*, *спертакли*[63] — это представляют; это комедии представляют.

Товариш — это по-нынешнему зовут теперь.

Толстовка — это рубашка с карманами.

Торговля; *вольня торговля* — это казенные лавки; *часна торговля* — это торгуют хозяева (купцы).

---

[61] Пинанѐры — в Воскресенском у. Москов. г. [Иа материалов Москов. Диалектологической Комиссии).

[62] радиво — в других местах.

> Задушенная *товарочка*,
> Чево бы те сказать.
> Во зеленом саду *радиво*,
> Пойдем туда гулять.

(Пошехон. у. Ярослав. губ. Сообщение С. А. Копорского).

[63] писта́кль — в Воскресенском у. Москов. г. (Из материалов Москов. Диалект. Комиссии).

Трахтор — это большой плуг, пашут паром.

Треск, *трест* — это лавки от совета.

Тышшо — бумажная деньга.

Уголок; *красный уголок* — это патреты Ленина и слова крупные написаны.

Фабком — где директор бывает и деньги получают.

Фрак — это училище такое, там на казенный счет принимают [рабфак].

Френчик — это нынешняя тужурка.

Холстовка, *толстовка.*

Хренчик, *френчик.*

Царизм, *царизма* — когда царь властвовал.

Шайка бандитов — это вроде разбойников, они грабили.

Юбка-клеш — это широкое платье.

Юрист-консул — это насчет земли дележки к нему ходят.

148. В связи с новыми обстоятельствами и явлениями возникают внутри самой деревенской среды новые словообразования. Кроме этого, некоторые сочетания слов получают новое значение. Напр.:

Дурандики — хлеб из дура́нды (из жмыхов).

Зубодер — плохой ландрин.

Подучение — это сгоняют красноармейцев подучиваться.

Кошачья свадьба — это по одной росписке когда живут (примеры из Рыбинского у.).

Власьевской — прилагательное от имени существ. *власть*, т. е. советская власть. — «У тебя *власьевска* книга-та, али стара, дай-ко почитать».

Скотовой, *скотинной*: скотовая норма, скотинной налог.

Буржуавить. — «Аратура возил; буржуй, говорит, ты, а где я *буржуавил*».

Земной или *подземельной отдел.*

Холодок на развилочках (веер)[64].

Разгруда́й — «ходящий с открытой (обнаженной) грудью».

Самово́льщина — «революция»[65].

По образцу заимствованных слов появляются и новообразования. — *Бабком* вм. «женотдел», *кульком* — по имени Акулины,

[64] Последние 5 примеров указаны С. Ереминым к его «Программе для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям» («Краеведение». Т. 3. 1926. № 2. С. 230).

[65] Последние два примера относятся к Воскресенскому у. Московской губ. (Из материалов Москов. Диалект. Комиссии).

председательницы *бабкома*[66]. Под влиянием слов на *-изм*, *-ист* говорят *комсомолизм*, *комсомолист*.

149. Влияние города отражается на распространении аканья (краткое *а* или *ы̆* — вместо *о* и *а* в неударенном слоге: *съпӑгú, въдӑвóз*...) и иканья (*и* вм. неударенных *е*, *я*: *виду*, *питёрка*...).

(См. дополнения на стр. 252—253.)

IX. Руссизмы в языках национальных меньшинств

150. Революция способствовала обострению национального сознания у представителей нерусского населения России. Эти представители составляли преимущественно кадр учительства в инородческих школах. Лозунг революции «самоопределение народов» сильнее всего отразился в языковой деятельности нерусских групп населения России. В осуществлении этого лозунга внимание ревнителей национальности останавливается главным образом на «родном языке». Происходит тот же процесс, который переживался и другими народами при «пробуждении» и «возрождении» их. «Родной» язык, как объединитель людей одинакового быта, нравов, верований, одинаковых форм мышления, представляет предмет главных забот «будителей» и «возродителей» своего народа. «Равноправие языка» с языком господствовавшего до того времени народа — вот основное требование их. «Родной» язык проводится ими в школах (прежде всего), в печати, в волостях края, населенного данной национальной группою. Деятели национального движения стремятся не только к утверждению прав своего языка, но и к «чистоте» его, — к чистоте, понимаемой нередко слишком субъективно. Всё это — общие черты национального движения пробуждающегося народа в лице его интеллигентных (в той или иной степени) представителей. Эти черты отражаются и в национальном процессе этнических групп России. Изгоняются из употребления слова «инородцы», «инородческий», относившиеся к нерусским группам страны: эти слова воспринимаются национальными деятелями как слова оскорбительного значения[67]. Входит в употребление иное название: «*национальные меньшинства*», «*нацмен*». Работники среди национальных мень-

[66] Старый и новый быт. Под ред. Тана-Богораза. Лг., 1924. С. 15.

[67] Но в восприятии русского человека эти слова не заключают в себе ничего оскорбительного по отношению к нерусским народностям России. Это — термин, лишенный эмоциональной окраски. Это — только наименование.

шинств — это *националы*. Открывается особый институт по подготовке учителей, которые вели бы просветительную работу на «*национальном языке*». Это — институт *националов.* Ревностные деятели, вышедшие из учительской среды, заняты устроением и развитием письменности на своем языке. Они стремятся к «чистоте» этого языка, изгоняя иногда русские заимствованные слова, — заимствованные в давнее время, успевшие войти в состав народного языка. Напр., мордовским *националам* не нравится «пасиба» («спасибо»): в последнее время стали вводить вместо этого слова мордовское (мокшанское) новообразование: «*сюкпре*» — собств. «наклонение головы» (*сюк* — «наклонение», *пре* — «голова»), вм. «сутки» мокшанско-мордовские деятели стали употреблять придуманное сочетание *шиве* (*ши* — «день», *ве* — «ночь»). Но несмотря на эти тенденции, язык самих *национальных* деятелей и их печатных произведений изобилует русскими заимствованиями. Эти заимствования относятся к разным сторонам жизни революционного времени. «Не хватает слов», — жалуются некоторые из них («Изв.» № 60. 1926). Но в речи этих лиц представлены не только революционные термины, но и слова обиходной русской речи. Единство процесса общественной жизни, воздействие центра неразрывно связано с языковыми переживаниями, с проникновением элементов языка центра в речь областных работников, хотя бы они и занимались вопросами чистоты своего языка и изгоняли старые руссизмы. Это проникновение в особенности сильно отражается в языках восточнофинских и чувашских деятелей. Из русского языка заимствуются ими отдельные слова (имена в форме именит. ед., наречия, междометия) или основы имен и глаголов, к которым присоединяются суффиксы языка заимствующих. Затем русское влияние отражается на изменении значения и содержания терминов местного языка, — на изменении, вызываемом приравненном к значению и содержанию русского слова. Воздействие событий и обстоятельств революционного времени вызвало также словарные н о в о о б р а з о в а н и я, в состав которых входят слова или основы с суффиксами местного языка.

Укажем несколько примеров русских элементов революционного времени в языках зырян (коми), мордвы и чуваш[68].

151. З ы р я н е. А) Слова. — Агент, агітатсіја, агітпроп, батрак, бjyджет, буржиј, выль быт (новый быт), воjенкомат, воjеннӧj служба,

[68] Более подробно об этих элементах у зырян и мордвы представлено в работах моих слушателей В. И. Лыткина (о зырянском языке) и И. Я. Бондякова (о мордовском).

волокіта, вöскресьнік, галіпе (галифе), граждана, dоговор, dрама, dраматіческöj кружок, декрет, делегат, демонстратсіja, детскej dом, детскej cad, женотdел, заседаньньö, інструктсіja, ісполком, jedinöj налог, jероплан, jерунda, кodекс, кольлектів, комінтерн, комісар, комісьсіja, комітет, коммуна, коммуніст, компартіja, крестком, марксістскöj кружок, мілітсіонер, мітінг, молоdьож, нарdом, народnöj dом, народnöj суdьdьа, натсмен, областьт, обоно, октьабріны, партіja, політ-бjуро, предвік, президіум, пропсојуз (профсоюз), рабочej, рабфак, свободa, сöветвластьт, спекульант, суботнік, селькор, сессіja, тсентр (центр, Москва), шльенскöj взнос и др.

На зырянской почве произошли некоторые новообразования из русской основы и русского суффикса. — *Новомщик* — сторонник нового, *старомщик* — сторонник старого. Не ясно, от каких образований отвлечен суффикс -*мщик* («*режимщик*»?).

Из материала, собранного В. И. Лыткиным (по данным газеты «Jугыd туj» — «Ясный путь»), видно, что из длинного ряда этих заимствований (ок. 300) 90 % относится к существительным, ок. 9% к прилагательным (с оконч. -öj: опытнöj) и только 8 примеров к глаголам. Глагол представляет основу русскую, суффикс зырянский: öбjажітны — «обязать», утвердітны — «утвердить»[69].

В) Изменение значения и содержания зырянских слов. — Вежöра — «сознательный» (в отличие от бессознательных детей) и «сознательный вообще»; jугdödна — «освещать» и «просвещать»; кyd — «лукошко» и «ящик» (пошта кyd — «почтовый ящик»), лептысьны — «подниматься» и «восставать», нуödны — «вести кого-н.» и «вести работу» (ужь); чуксавömгіжöd — «скликающее письмо» — «воззвание», шуны — «сказать» и «постановить» и др.

С) Новообразования и описательные термины. — Велödысьнуödысь — «руководитель» (собств. «учитель-вождь»); гіжысьсьылысь — «поэт», «писатель» (собств. «писатель-певец»); сьорнігіжöd — «протокол» (собств. «письмо разговора»); лöг-кыв — «протест» (собств. «сердитое слово»); öтчукöртчылöм — «конференция» («один — собрание», объединенное собрание); пемыdлун — «неграмотность», «темнота»; öткоdьавны — «уравнять»; öткоdьа олöм — «равенство» (собств. «равная жизнь»); вodзьö велödчом — «переподготовка» («дальнейшее ученье»); мырdöн босьтны — «конфисковать» («силою взять») и др.

152. Еще более значительны руссизмы в языке м о р д о в с к и х деятелей и их печати. Эта речь испещрена руссизмами. Это — не

[69] О более ранних русских словах в зырянском языке см. в книге J. К a l i m a. Die russischen Lehnwörter im syrjänischen. Helsingfors. 1910.

только термины, характерные для разных сторон жизни последних лет, но и слова обыденного употребления. Заимствованные слова передаются не только с русскою основой, но иногда и с русскими суффиксами. Несколько примеров из газеты «Якстере теште» («Красная звезда»), 1924 г. (на эрзянском наречии). — Советская властесь тесе и хочет помогамс (№ 2). Крестьятнэ жо, особенно бедной вдоват, инвалидт, ды красноармейкат ламо раз якасть сельсоветов толкун—путень кевстеме пре́миядостъ, но кодамояк толк эсть муйть (№ 4). (Крестьяне же, особенно бедные вдовы и красноармейки, много раз ходили в сельсовет спросить толк и путь относительно премий, но никакого толка не слышали.) Виресь, кона рамазь скидка марте эли получазь безплатна (стяко) миемс нельзя (№ 2). (Лес, который купили со скидкой или получили бесплатно, продавать нельзя.) Чтобу дажи кухарка маштозо правамо государства (№ 6). (Чтобы даже кухарка умела править государством.) Эх, растуды твою той тов — кройсесь меле (№ 2). (Эх, растуды твою туда сюда — кроил [вм. крыл] после.)

Несколько примеров отдельных слов. Слова, находящиеся в связи с обстоятельствами времени после 1917 г. Здесь отметим примеры только тех слов, которые употребительны среди широких слоев мордовского населения (в Чембарском уезде Пензенской губ., по сообщению И. Я. Бондякова). — Бапком, большавик, вик, волсавет, гужналок, гупсавет, женаддел, земаддел, избач, камитет, камуна — камуния, комсамол — късалома — късъма, митинга, налок, нарсут, рывалюцие, савет, сафхос, сельсавет, слово, таварищ, ячейка и мн. др. Речь же мордовских деятелей, как видно из приведенных выше примеров из газеты «Якстере теште», — это мордовско-русский жаргон.

153. Испещрена руссизмами и речь ч у в а ш с к и х деятелей. Характеристика этих многочисленных заимствований, относящихся к последним годам, будет сделана другим лицом[70]. Здесь ограничимся примерами тех русских слов, которые за последнее время распространились и в народной чувашской среде. — Акроном — акăрном (агроном), електритсă — лектристă — лектрис, инструкси, инструктăр (инструктор, проверяющий дела должностных лиц), йачейкка (ячейка, вообще группа коммунистов), кепкă — тепка (кэпи), кăмиссар — миссар (комиссар, начальник), камиççи (медицинский осмотр солдат), кăмитет (совет), комсомол, комунис (коммунист, иногда с этим словом связывается отрицательный оттенок), кăнтроль (лицо,

[70] Моим слушателем Н. Романовым.

контролирующее хлеб на мельнице), кăпират (кооператив), кулак (зажиточный крестьянин), мантат, милитси (стражник), налок — налук (налог), нормă — норăм, оплаç (область, маленькое государство), отрет (отряд солдат, собиравший хлеб), претçетаттел — пĕрçетаттĕл — преçитаттел, прочăн (процент, но в значении степени количества чего-нибудь: «много», «насколько»), ратио — ратие (радио), революцси (революция, бунт, разорение), республĕк (государство), самоконка (самогонка), санталĕ — çанталь, сйес — çес (съезд), совет — савет, сопране (собрание), çпеккулянт — çпиккулян (торговец; так и в русских народных говорах), çпектаккăль — спектактăль, справка (канцелярская справка — бумажка), тепутат — йеппутат (депутат), тих (тиф), тостăверни (удостоверение), трактăр, хассоль — квассоль (фасоль), чентăр (центр, центральное учреждение), чĕлен (член)[71].

Как и у других *нацменов*, у чуваш, в кругах их общественных деятелей, появился ряд новообразований. Напр.: ĕçхалăхĕ (трудящийся народ; ĕç — труд, работа; халăх — народ); ĕтемлĕх (человечество; етем — человек; лĕх — суфф., *-ство*); мулçă (капиталист; мул — добро, богатство); мултарçи (прислужник капитала; мул + тарçи — работник); пуйанлăх (богатство; пуайн — богатый; лăх — суф. *-ство*); çуклăх (бедность: çук — нет); тăванлăх (братство; тăван — брат), тăванлаш (брататься); танлăх (равенство; тан — ровный) и др.[72]

Некоторые чувашские новообразования воспринимаются простыми чувашами не с тем значением, какое связывается с этими словами у чувашской интеллигенции. Так, напр., в «отделе просвещения» — çутпай (çут — «свет», пай — «отдел») чувашин крестьянин искал к е р о с и н; тепсойус («центросоюз») произносится в народной среде как тĕксуйас, со значением: тĕк — «все время», суйас — «лгать»[73].

154. Многочисленные русские заимствования представляют речь деятелей и других *нацмен*, и том числе немцев Поволжья[74] и румын

[71] Характеристику более ранних русских заимствований в чувашском яз. см. в работе А. С е л и щ е в а: «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис» (Ученые Записки Лингвистической секции Научно-исследов. института. I. 1927).

[72] В последнее время стали указывать на злоупотребление новообразованиями и на смешение чувашских и русских слов в речи чувашей. См., напр., № 9, 1927 г. чувашского сатирического журнала «Капкан» (Чебоксары).

[73] Эти примеры сообщены в статье Н. Р о м а н о в а: «Новые слова в чувашском языке» (на чувашском языке) в журн. «Сунтал», № 8. 1926.

[74] Руссизмы революционного периода в языке поволжских немцев изучены Ф. П. Шиллером. Его работа на эту тему предположена к изданию во II вып. «Ученых Записок Лингвистической секции Научно-исслед. института».

Бессарабии. Вот выдержки из передовой статьи молдавской газеты «Плугарул Рош» («Красный Земледелец»). — *Коллективизаря* господэрией цэрэнешть аре маре ынсемнэтате центру *Союзул* ностру ынтрег… Цэранул невояш нумай ын *товэрэшие* ку алць сэтень невоешь щи *середнешь* поате сэ скапе де атырнаре ши де даторий ла *кулачь*... Дин *докладул Наркомземулуй тов.* Лойтер ши *содокладул директорулуй* ал *сельхозбанк* тов. Осипов с'а вэзут урмэтоареле: ын Република Молдовеняскэ ын аний дупэ *Революцие, организаря* де господэрией *колективе*, а мерс май репеде, де кыт ын алте пэрць дин *УССР* ши дин *Союз*… Дин *причина,* кэ *организация* есте *слабэ, продуктивитатя* лукрулуй се микшорязэ ши се ынтымплэ чертурь ши немулцумирь ынтре *членій колективелор.* Апой ши лукрул *културал* ый таре *слаб*…[75] (№ 119. 1926).

Дополнения

I. К отделам III, 3 и VII

Протесты против употребления слов из жаргона преступников и против сквернословия раздаются до сих пор. Недавно вышедший № 196 газеты «Молодой Ленинец» (30 авг. 1927) призывает «объявить войну коверканию русского языка». В том же номере сообщен ряд примеров «матерной словесности», «пахучих слов» и «блатной музыки». Некоторые из этих примеров.

— В стороне за столиком сидела группа молодежи. Один из них горячился. «Он с ней *чичулится*, *сахарится*, а меня заставили *смотаться*». Паренек дрожал от негодования, стучал кулаками по столу. Оказалось, что паренек говорил: «Он с ней гуляет "парой", целуется, а меня заставили убраться». Дальнейший ход разговора был совсем непонятен. Говорили на каком-то особом языке. Тут была жалоба на *стрематушек* и *фурфорсеток* (как оказалось, имели в ви-

[75] Коллективизация сельского хозяйства имеет большое значение для всего нашего Союза… Крестьянин-бедняк только в товариществе с другими селянами — бедняками и середняками может избежать угнетения и долгов у кулаков… Из доклада Наркомзема тов. Лойтера и содоклада директора сельхозбанка тов. Осипова видно следующее: в Молдавской Республике в годы после Революции организация коллективного хозяйства шла быстрей, чем в других частях Украинской ССР и Союза… По той причине, что организация слаба, продуктивность работы уменьшается и наблюдаются споры и недовольство среди членов коллектива, затем и культурная работа слаба.

ду девушек), угроза кого-то *оплетовать* (избить). Подошел третий… сморщился и сказал: «*Глот*, *дерябнул*, *брось аноху строить*». Третий оказался довольно разговорчивым и разъяснил мне смысл этих слов: «Крикун, выпил, брось дурака валять». Это были рабочие ребята («След от хулигана к фабзайцу»).

«Эй, Ванька, *фолуешь с болдохами*!» Перевод же этих слов такой: фолует — ухаживает, любезничает; болдохи — девушки. Как, например, вам понравятся такие выражения: «*Потопаем-ка шамать чуреку* (пойдем кушать черный хлеб). Ну, и *хрюкнул*. Брось губами шлепать! (Ну, и сказал; брось чепуху плести)» («Пахучие слова»).

«Пришел в *хазу*, *саракатуха* подала *шамовку*, а *саракат* устроил *шухар* — рассказывает один парень другому» [на фабрике]. Оказывается, перевод этой фразы таков: «пришел домой (хаза), мать (саракатуха) подала еду, а отец (саракат) устроил скандал (шухар)». Парень, налево и направо разбрасывающийся «саракатухами» и «шухарами», на всякое замечание всегда отвечает: «это по-нашему, по-рабочему» («Блатная музыка»).

«Слушай, *задрыга*, пойдем в сад». — Что ты *опупел*, что ли? Уже поздно. «Да брось *шлепать*-то, лучше уже так пошляемся». Так нежно «воркуют» на прядильной фабрике имени Володарского… К сожалению, еще очень много тех, кто считает русский «мат» лучшим признаком пролетарского происхождения («Матерная словесность»).

2. К отделу VIII

Повсюду говорят теперь «*ничего подобного*», — говорят и русские и нерусские граждане СССР.

> У милова поговорка: «ничево подобнова».
> Где же девушке любить такова благороднова.
> (Пошехонье)

В числе деревенских новшеств последних лет отметим еще «*дергать*», в значении «беспокоить», «100 *процентов*». «И сечас миня *дéрьгают* на сто прóцентов». (Пошехонье. Сообщ. С. А. Копорского).

Из газетных сообщений. — Мне пришлось слышать разговор двух девушек Яропольской волости, которые разговаривали таким образом: «Паня, а я сиводня *Жоржика* Егорова видела, в *пальте риклам*, сапоги хромовы, а сиводня обязательно быть хотел, а меня просил *вам* поклон передать». — Да што *вы*, Граничка? И к чему такая *ирония*... На собрании беспартийной молодежи в Волоколамском уезде девушки жаловались приехавшему из уезда докладчику на не-

верность парней так: «Да только ведь парням верить нельзя; они о любви такие *версии* поют, а как до дела дойдет, так они говорят: “Мы с такими никакого *контакта* не имеем”» («Выкрутасы говора деревни». «М. Лен.» № 196. 30 авг. 1927).

«Польку, кадриль (“кадрель”) и лансье (“ланчу”) давно уже танцуют парни и девушки в деревне. Но теперь, говорят, проникает туда и модный современный танец, что “хвост в рот” прозывается (фокс-тротт)» («Смех.» № 21. 1927).

Библиография

За последние 6 лет появилось несколько работ, касающихся новшеств в русском языке.

1. А. Баранников. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. 1. Влияние войны и революции на развитие русского языка («Ученые Записки Самарского Университета. Вып. 2-й. Самара, 1919). Критический разбор этой статьи представил А. Селищев в «Филологическом Обозрении», 1 («Казанский Библиофил». I. Казань. 1921).
2. André Mazon. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). Paris, 1920.
   Это лучшая работа из появившихся до сих пор работ по наблюдению над русскими языковыми новшествами. В ней сделаны указания на новые темы и на новые образования в период войны и революции (до 1918 г.).
3. R. Jakobson. Vliv revoluce na ruský jazyk. Praha. 1921. — По поводу работы А. Мазона.
4. А. Г. Горнфельд. Новые словечки и старые слова. Птб., 1922. Некоторые замечания о новых словах, — замечания, имеющие отдаленное отношение к лингвистике.
5. С. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923. («Всеобщая Библиотека». № 47).
6. П. Черных. О новых словах («Этнографический Бюллетень». № 3. Март. 1923. Иркутск).
7. Габо. Новые слова в русском языке («Родной язык в школе». V. 1924)
8. Статьи Л. В. Щербы, Л. Якубинского и Д. Н. Ушакова, в «Журналисте». № 2. М., 1925.
9. И. Фомин. Порча языка или болезнь роста? («Журналист». № 4. 1925).
10. А. Меромский. Язык селькора («Журналист». № 6—7. 1925).
11. А. Селищев. Революция и язык. (На путях к педагогическому самообразованию. М., 1925). — Программные замечания.
12. Ed. Mendras. Remarques sur la vocabulaire de la révolution russe (Mélanges publiés en l’honneur de M. Paul Boyer. Paris, 1925).

13. Г. В и н о к у р. a) О пуризме. b) Язык НЭП'а. c) Один из вопросов языковой политики. d) Язык нашей газеты. (В его книге «Культура языка». М., 1925.)
14. М. Г у с, Ю. З а г о р я н с к и й, Н. К а г а н о в и ч. Язык газеты. М., 1926. — Рассмотрены некоторые стороны синтаксических явлений в языке газет.
15. Е. П о л и в а н о в. О литературном (стандартном) языке современности («Родной язык в школе». Сборник I. М., 1927. С. 225—235).
16. Е г о ж е. Революция и литературные языки Союза ССР («Революционный Восток. Журнал Научно-исслед. Ассоциации при Коммунист. университете трудящихся Востока». № 1. М., 1927.).
17. Н. П р я н и ш н и к о в. Отражение революции в языке. («Красный Урал». № 96, 113, 114. 1926 г.).

Словарный указатель *
(Слова, суффиксы, префиксы)

I. Русский отдел

Авангард — 123, 125, 136, 179
авиохимовец — 204
автонобиль — 242
авуалированный — 71
агалец — 117
агент — 242
агит — 196
агитатор — 137
агитатор-пропагандист — 205
агитация — 137, 229
агитдекламация — 196
агитировать — 84, 137
агитка — 138, 206
агитплакат — 196
агитпроп — 192
агитпропаганда — 137
агитпропорганизатор — 196
агитпропработа — 196
агитпропщик — 137, 205
агитпункт —137, 138
аграрник — 69
аграрный — 69, 70
-ада — 64, 213, 216
администратирование — 211, 224
администратировать — 224
администратор — 224
ажиотаж — 71
акавек — 206
АКВ — 191
Аквилон — 221
акимовщина — 208
аксельродовщина — 208, 221
актив — 139, 176
активизация — 140
активизировать — 140
активист — 67, 92, 139, 212, 214, 229
активистовский — 139
актуальный — 140
акцент — 169
Александринка — 206
алексеевцы — 203
алиментный — 190
алименты — 190

* Слова́, отмеченные в указателе издания 1928 г. и помеченные звездочкой в настоящем издании, отсутствуют в книге. — *Примеч. сост.*

альянс — 71, 72
англоязык — 201
-ание — 211
аноха; аноху строить — 252
-ант — 213, 214
антидемократизм — 217
антидемократический — 217
*антижорестский
антилиберальный — 217
антиликвидатор — 217, -ство — 217
антинародный — 93, 217
антиоборонческий — 217
антирелигиозник — 146, 204
антирелигиозный — 146
антисниженец — 203, 217
антисоветский — 93, 217
антистачечный — 217
аппарат — 134, 135, 176, 225
аппаратчик — 176, 205
апостол — 106
АРА — 226
арап, взойти на арапа — 114, арапа заливать, заправлять — 113, 114, 116, 117
армия — 123, красная а., рабочая а. — 124, 179
Артемовск — 220
архи — 64, 163
архибандит — 164
архибуржуазный — 164
архиважный — 163
архиестественный — 163
архизаконный — 163
архи-как скверно — 164
архиконсерватор — 163
архиликвидатор[ский] — 163
архимарксистски — 163
архиневерно — 93, 163
архинеправильный — 163
архиоппортунистический — 163
архиосторожный — 163
архиреакционер — 163
архиреволюционный — 163
архисуверенный — 93
архисущественный — 163
архитонкий — 164
архитрудный — 164
архитяжелый — 163
архитяжкий — 64, 93, 163
архиустроенный — 163
аспирантура — 216
-ат — 64, 213
атаманцы — 203
афера — 109
ахматовщина — 209
ах-оставьте — 153
-ач — 208

Баба—223
бабком — 245, 246
база — 125
базис — 230
баки заколачивать — 113
бакунизм — 213
бакунист — 214
балешник — 109, 110
балчик — 117
бамбер — 114
бандит — 242, 245
барматовщина — 209
баррикады — 69
барышня — 189
бастовать — 69
батрачество — 212, 213
батрачком — 192
беднота — 145
безнадзорник — 204
безоговорочно— 180, 191, -ный — 66, 180
белобандит — 202
белогвардейский — 121, 122
белоруссизация — 214
белоруссизировать — 218
бернштейниада — 216
беспартиец — 203
беспартийщина — 209
бесплановость — 143, 211
беспризорник — 204, -ный — 117
бирикады — 233
благодаря (с родит.) — 101, 230

блат — 119, -ный — 119
бог — 117
богатей — 109, 110
богдановщина — 209
боевизм — 213
боевик — 204
бой [решительный] — 123, 124
бойкот — 69, -ировать — 69, -истский — 217
болдоха — 252
болтолог — 93
болтология — 93
большевизация — 92, 214
большевизировать — 92, 218
большевизм — 92, 213
большевистский — 217
бороться — 123
борьба — 123, 124, 179
брандлерианство — 92, 212
брандлеризм — 213
братан — 130
братва — 130, 235
братишечка — 130
братишка — 111
брентанизм — 213
брехнуть — 178
брехня — 178
броня — 126
брякнуть — 109, 111
Будёна — 220
буденовец — 204
буденовка — 95
буза — 109, 111, 236, 237
бузить — 109, 110, 236, -овать — 109, 110
бузотер — 109, 111, -ство — 212
бургфриден — 72
буржуавить — 245
буржуазный — 223
буржуй — 109, -ка — 225
Бухарина — 220
Бухарчик — 119
бухтеть, -ить — 113, 117
бюро — 65, 135, 136, 237
бюджет времени — 143, 144, 174
Валет — 117
вальт, вальта заправлять — 114
валять — 237, 252
ВАПП — 191, 198
везде и всюду — 166
венеризм — 213
вентилировать — 172
версия — 253
верхушечный — 175, 176
верхушка — 65, 134, 135, 175
весь мир — 164, 165, 232
вехисты — 214
веховец — 204, 214
веховство — 212
веховщина — 208
вечорка — 120
взойти на арапа — 114
ВИК — 191
викжелить — 218
викжель — 192
виклигация неграмотных— 242
Вилен — 220, -а — 220
вильсонство — 212
винт; винта дать — 114, 117
вкатиться — 112
ВКП —191
вкупе — 104, 161, вкупе и влюбе — 104, 161
Владилен — 221
Владлен — 221
власьевской — 245
вне закона — 64, 189
внешторг — 192
вносить [предложение] — 60
вовлечение — 138, 139, 229
военвед — 192
военизация — 133, 214
военизировать — 133, 218
военком — 192, -ат — 216
военкор — 99, 192
военмин — 87, 201
военмор — 114
военхозупр — 192, -овский — 217
военный коммунизм —124
вождь —125

возвратник — 204
воздать — 103
вол; вола вертеть — 113, ~ крутить — 114
вол- — 195
волисполком — 193
волмасштаб — 195
волокитчик — 205
волполитпросветорганизатор — 195
волпропколлектив — 195
Волховстрой — 77, 196
волъячейка — 195, 198
Воля — 221
вооруженный до зубов — 167, 168
вопреки (с родит.) — 101
воробышки — 117
воронщина — 210
воскресник — 205
вотще — 104, 161
впередовский — 217
впередовцы — 204
впередство — 212
врангелевцы — 203
временка — 225
все и вся — 105, 161, 166
все и всякие — 166
все как один — 237
всеобщий —232
всерабис — 192, 193
всеработземлес — 193,
всерьез и надолго — 183, 191
ВСНХ — 191
встать; река встала, часы встали — 154
всуе — 104, 161
втонобиль — 242
второступенец — 203
втыкать — 117
втягивание — 138, -ать — 138, 139, 235
ВУЗ, вуз — 126, 192
вузовец — 204
ВЦСПО — 191
вы- — 186
выдвигать, -ся — 230
выдвиженец — 203, 225, -нческий — 216
выделяться — 230
выжига — 109, 110
выкристаллизовать, -ся — 172
вылазка — 132
выпереть — 111
выпеть — 117
выпирать — 109, 111, 174
выпускник — 204
выпятить — 174
выравнивать — 151
выражения — 112
вырешение — 186
вырешить — 186
высвобождать, -ся — 186
высвобождение — 186
высоты [командные] — 66, 124, 135, 179
высшая [мера] — 190
выхолащивание — 120
выявить — 88, 190, 229
выявление — 88, 171
выявленность — 88, 89
выявлять — 88

Гад — 122
гайки — 113
гапонада — 216
гапоновщина — 208
гарант — 72, -ийный — 74
ГАУ — 198
гвардия [красная, большевицкая] — 124, 125
ГВИУ — 192
гвозди — 117
гегемон — 71, 72, 190
генеральный — 72
гепеу — 191, 198
Гермес — 221
гигантский — 164
ГИМН — 192
Гинденбург — 233
глав- — 195, 197
глава; во главу угла — 105, 161

главбумага — 195
главк — 206, -изм — 206, 213, -ист — 206, 214, -истский — 217
главковерх — 87
главлен — 195
главполитпросвет — 195
главпрофобр — 193
главсахар — 195
главсоцвос — 193
главспичка — 195
главтабак— 195
главторф — 195
глаза́ [открыть кому-н.] — 138, 139, 177, 232
глот — 252
глотничать— 109, 112
глупистика — 93, 231
гнать [деньги, деньгу, монету] — 109, 112
говорильня — 67, 68
годится; не годится это — 183
голгофа — 106, 161
голгофизм — 213
голова; в первую голову — 182, 186
голопотяпство — 74, 120
головотяпы — 120
голоснуть — 109, 187, 218
голуби — 117
гордыня — 103
горе- — 187
горе-врач — 187, -докладчик — 188, -критик — 187, -марксист — 187, -профчиновник — 187, -революционер — 187, -стратег — 188, -хозяйственник — 187
горькя — 242
гос- — 195, -аппарат — 72, 176, 195, -банк — 193, 199, -бюджет — 195, 200, -издат — 193, 198, -кино — 195, -спирт — 195, -план — 142, 143, 193
господин — 64, 155, 156, 222
госрозница — 195
госстрах — 193
ГПУ — 191
-град — 202
гражданин — 189, 242
гражданка — 242
григорьевцы — 203
группировочки — 185
групповод — 202
грядет — 103, 161
губ- — 195
губановщина — 209
губисполком — 195, 198, 199
губоно — 198, 199
губотдел — 195, 198, -льщик — 205
ГУВУЗ — 192
гужоновец —204, 227
гуза — 117
гузить — 117
ГУМ, гум — 192, 198
ГУС — 192, 197, 198

Дабы — 100
давилка — 206
даёшь —128, 129, 229
да здравствует, -ют — 158, 166, 167, 232
дарм — 87
дауэсизация — 72, 215
дауэсовский — 217
два; в два счета — 131
двадцатка — 207
ДВР — 191
девчата — 109, 110, 235
дежурка — 207
дезавуировать — 72
декабризм — 212, 213
деклассирование — 141, -анный — 72, 73, 141
деклет — 242
декоративность — 239
декрет — 64, 189
Декрета — 221
делать [книгу, газету] — 173
дело; вот как обстоит дело — 229; дело в следующем — 24; есть такое дело — 183
деляка — 110

делячество — 178, 212
демонстрация — 69
дензнак — 77, 196, 226
деникинство — 212, -нцы — 203
денники — 204
Денница — 221
деревенщик — 205
дерьгать — 252
дерябнуть — 252
десница — 103
детдвижение — 77
детдом — 196, -ец — 203
детский дом — 242
дзэт — 114
диалектика — 148, -ический — 148
дивчина — 154, 235
диктатура пролетариата — 124, 190
диктовать, -ся — 135
директива — 66, 69, 135
дискредитация — 72, 73
дискуссия — 69, 190
дискутант — 214
дискутировать — 190
диспансер — 146, 190
диспропорция — 73
дихтатура — 233
Днепропетровск — 220
Доброслава — 221
договор [коллективный] — 145,
догрузка — 139
дозавуч — 193
доклад — 137, -чиковский — 217
доколе — 104, 161
дом крестьянина — 242
Донбас — 193
допризывник — 204, -комсомолец — 202
дорогой товарищ — 161, 162
достижение — 89, 171, 190
дотация — 190
дошкольник — 204, 206
дошколята — 206
драмкружок — 196
дрейфить — 130
дубасовщина — 209
дурандики — 245
дутовцы — 203
дымовщина — 186, 210

Евангелие — 106
-евец — 204
-евик — 204
-евый — 204
единсельхозналог — 196
ежедневка — 207
елегатка — 242
емпа — 242
-ение — 211
-енок — 206
ЕПО — 192, 198
ерундистика — 93
есть —130; есть такое дело — 183
-ец — 184, 203, 221

Женкор — 193
женорг — 193
женотдел — 203, -ец — 203, -льский — 216
женщина-пролетария — 232
жесткий — 180, 181
живоцерковники — 203
живцы — 203
жил- — 196
жилкооперация — 196
жилуправление — 196, -нец — 203
жоресизм — 213, -ист — 214
жульничать — 109, 111

За- — 186, 187
забаррикадировать — 231
забастовка — 69
забронированный — 126
забуреть — 114, 117
зав — 152, 194, 197
завалиться — 117
завком — 193, 224, -ец — 203, -щик — 205
загнуться — 117
заграница — 120
загс — 193

задание — 89
задаяния — 232
задняя — 110
задрыга — 252
заезжатели — 107, -тельство — 107, 121
зажим — 177
зазнайство — 140, 212
заключительное слово — 229
заколачивать баки — 113
закройся, закрыться — 117, 235
закса — 242
заливало — 117
заливать [арапа] — 113
зам — 194
замай; не замай — 120
замордованный — 153
заострить — 171, 172, 190
заправлять [вальта, арапа] — 114, 116, 117
Зарница — 221
зарплата — 196, 200
зарыться — 117
заснять — 186
засохни — 117
засъемка — 186
засыпаться — 114, 117
затереть, затирать [бузу] — 109, 111, 237
заткнись — 117
затырить, -ся — 113, 115
зачётка — 207
зачистка — 176, 225
зачитать —187, -ывать — 187, 228
зачитка — 207
за-шесть — 117
зашиться — 117
звездины — 211, 218
звено — 176, 190, 224
звиняюсь — 83
здеся — 120
здравствует, -ют; да здравствует — 158, 166, 167, 232
зекать — 114, 117
зекс — 115, 117
зексно — 117
земгор — 87, 201
землероб — 154
землеустроиться — 218
земной — 245
зиждется— 103, 151
Зиновьевск — 220
знак; под знаком чего-н. — 91, 92
знамя [красное] — 123
значит — 67, 236, 237
зорить — 114
Зоря — 221
зря — 109, 111, 112, -шный — 109, 111
зубатовщина — 208
зубодер — 245
зюга — 117
зюдекумовщина — 208
зюжка — 117
зэкс — 115

-иада — 213, 216
ибо — 80, 100, 105, 230, 241
игнорировать — 237, 238
-ие — 211
иже с ним — 103, 161
-изация — 64, 213, 214
избач — 208
изба-читальня — 202, 242
известинцы — 203
извиняюсь — 82, 83
изживание — 170, 171
изживать — 170
изжитие — 170, 171
изжить — 89, 170, 171, 190, 229, 232
-изировать — 64, 218
-изм —64, 212, 213
изолятор — 190, 225
изоляция — 190
Ильич — 119
империализм — 168, -истический — 121
имярек — 103
инвалиды — 242

индивидуал — 138, 139, 224, -ист — 138, 224
индивидуальник — 204, -ная обработка — 138, 229
индустриализация — 92, 145, 190
инициатива — 239
инструктироваться — 230
инструктурка — 237
инструхтор — 242
интернационал — 69, 220, 233, -льный — 191
-ины — 210
Искра — 221
искризм — 213
искровский — 217
искряк — 206
испанка — 225
исполком — 198, 243, -ец — 203
использовать — 218, 219
использовывать — 151, 152, 219
-ист — 64, 213, 221
истмат — 193, 198
истмол — 193
истпарт — 192, 193
-истский — 217
итог — 144
-ить — 218
-иха — 208
ихний — 119
-ия — 215

-к— 206
-ка — 184206
кадет — 86, -изм — 213
кадетоедство — 202
кадэ — 86
казакский —216
каковой — 99, 231
калединцы — 203
календарный — 143
календарь — 143
Калиныч — 119
каменист — 243
кампания — 65, 70, 123, 127, 179, 229, 236
камуна — 243
камунист — 243
канай — 114
кандидат — 243, -ка—206
кант, -ик — 117
кантон — 73, 190
капелевцы — 203
каператив — 243, 244
капитулянт — 128
Карло-Марс — 243
картель — 73
кассыя — 119, 234
кастовщина — 210
категорический — 239
категория — 242, 243
катер; на легком катере — 109
катиться — 109, 112
каутскианство — 212
каутскистский — 217
квалисцырованный — 233
квалификация — 236
кереиада — 64, 216
керенка — 207
керенцы — 203
керенщина — 186
кила — 243
КИМ — 192
кимарить — 114, 117
кимиссарьят — 243
кино-передвижка — 196
кинофикация — 145
кинушка — 113, 207
класс-гегемон — 72
клеить — 115
клика — 121, 190
клифт — 118, 119
клуб — 113, -ист — 204, 214, -ник — 204, 214
кляп — 113
когти; когти рвать — 119
колдоговор — 127, 145, 196
коего, коему, коя, кои… — 98, 99, 161
колеса — 118, 119
коллегия — 65, 189, 190, 224

коллективизация — 145, 215
коллективно — 230, -ный договор — 145, 196, 231
колокольный — 183, 184
колокольня — 183, 224
колонна — 132
ком- — 195
командир — 124
командные высоты — 66, 124, 135, 179
комбед — 193
комбеднота — 226
комбинат — 190
комедик — 236
коминтерн — 193, -овский — 217
комиссар — 64, 243, -ить — 218, -ствовать — 218
комитет [революционный] — 189
коммуна — 64, 189, -льник — 204
коммунар — 76, 190, 221, 223
Коммунара — 221
Коммунград — 202
коммунист — 134, 190, -ический — 134, 191
коммюнике — 73
комнезам — 193, 195
компартия — 140, 146, 195, 198
комса — 193, 198
комсомол — 193, 197
комсомолец-активист — 202, -выдвиженец — 202, -переменник — 202
комсомолизм — 246, -ист — 214, 246
комсомолия — 215
комсомолка — 207, 238, -выдвиженец — 202
комсомольское слово — 236
комсомолы — 236
комсомолята — 129, 206
коммунизма — 234
комчванство — 140, 195
комъячейка — 195, 198
конвертик — 117
конечный; в конечном счете — 182, 183
кони — 117
консомолец — 243
константировать — 73, 229, 241
констатировать — 73, 239
контакт — 253
конференция — 65, 243
концерт-митинг — 202
конъюнктурный — 143
кооперирование — 145
кооператив — 243, 244
копетив — 243
коренизация — 170
кореньковщина — 209
корешок — 118, 119
корниловцы — 203, 221
корниловщина — 186, 221
корчванство — 196
коряво — 183
косая — 226
косой — 243
косомолец — 243
косорылы — 243
коханочка — 117
красивéе — 152
красноармеец — 202, -армейка — 207
Красновия — 215
красновцы — 203
красновщина — 64
Краснококшайск — 220
Краснослав — 221
краснофлотец — 202
красный —179, 180, 181, 191
кредитка — 243
крепить — 129, 130, 179
крестинтерн — 193
крестком — 193
крестничество [партийное] — 138, 224
крестьянин-выдвиженец — 202, -единоличник — 202, -массовик — 141, 202, -самоед — 202
кроме как — 153
кружковод — 202
кружковцы — 204

кружковщина — 208
кружок — 224
крутить (вола) — 114
крыть — 109, 115, 117
кулацкий — 141
кулачество — 212, 213
кулачье — 119
кульком — 245
культработа — 66
культшефство — 77
курилка — 206
курия — 70
курортник — 205
курс на… — 127, 128, 179
курсант — 214
курятник — 117
кусковщина — 208
кутак — 117
КУТВ — 192

Лаборизация — 73
Лада — 221
лакеи —189
лариводной — 243
лариольное [собрание] — 243
латрыга — 109, 110
левицовцы — 204
леволюция — 243
легистрация — 243
лезть [в пузырек] — 114
леквидацея — 243
лекция — 243
лензото — 86
Ленинакан — 219
Ленинград — 202, 219
ленинградодежда — 196
ленинец — 64, 203
ленинизм — 64, 92, 213, 221
ленинист — 214
ленинка — 207
ленинский — 64
леннабор — 196
либердан — 221, -овский — 217, -ство — 212
ликбез — 193
ликвидаторство — 92, 141, 212
ликвиднуть — 187, 218
ликпункт — 196
лимит — 73, -ный — 73
лимитроф — 73
лимон — 109, 111, 225, 226
линия — 123, 125, 147, 151, 168, 169, 179, 231
липовый — 113, 115
листопадовцы — 204
лицо; стать лицом к к.-н. или к ч.-н. — 168
лишенец — 203
лодырничать — 109, 112
лодырничанье — 109
лозунг — 66, 144, 190, 225, 231, лозунги — 232
лозунгист — 214
лонгетист — 214
лумпен — 73
Луначарская [волость] — 220
лучисты — 214
Любомила — 221
Любомир — 221
Люксембургская [волость] — 220
люмпен —73, -пролетариат — 73, -пролетарство — 73
лягавый — 117
ляпнуть — 109, 111
лярва — 114

Мазировать — 113, 238
мазы — 113, 238
макдональдовцы — 204, -овщина — 209
макдональдщина — 186
максимально — 191, -ный — 191
малина — 118
мандат — 70, 224
манифестация — 70
МАПП — 198
марксизм — 70
марксомолец — 113
Марс — 243
марсельеза — 70

мартыновщина — 208
маруха — 115
марушиться —115
марушонок — 115
маскировка — 132
масса — 70, 141
массив — 176
массовик — 141, 204, -корреспондент — 141, 202
массовка — 65, 70, 84
массовковец — 84
массовость — 141, 211
массовый — 70, 141
массыя — 119
масштаб — 175, 229
мат — 112
материть — 112, 113
матросня — 119
матюгнуться — 112
мать — 113, 236, 237, -перемать — 112
махновцы — 203, -овщина — 64
махровый [-ая реакция] — 121
машинизация — 145, 215, -изировать — 218
МГУ — 191
международное [положение] — 67
мелицея — 243
мелко буржуазный — 223, 238
меньшевик — 135, 243
меньшевистский — 217
мера [высшая] — 190
места — 68, 120, 177
месткомовский — 217
месткомщик — 194
местничество — 224
местный — 177
метод — 89, 146, 147
мешочник — 218
мешочничать — 218
мешочничество — 92, 212
милитаризм — 168
милицея — 243
милиционер — 190
милиция — 190
мильен — 243
мильеранизм — 213
мильтон — 115, 117, 123
мильярд — 243
министериабельный — 92
мир, весь мир — 164, 165
мировой [масштаб] — 164, 165, 175
митинг — 70, 243, -ованье — 211, -овать — 218, 229
мобилизнуть — 187
модус — 74
молодежь — 154, 229
молодняк — 176
момент (опасный, серьезный) — 236, 237
МОНО — 192, 197
монолитность — 74, 136, -ный — 74, 135, 136
мопровский — 217
моржовый — 113
Морфлот — 196
МПК — 197
мудистика — 113, 237
мужик-лаптевик — 202
МУНИ — 148, 192
мура — 117
муссолинизированный — 222
МХАТ— 192
МЧК— 191
мыслить — 87
МЮД — 192

Нагрузка — 139, 177, 190, 230
надолго; всерьез и надолго — 183, 191
назначенец — 203, -енство — 212
на-зэкс — 115, на-зе́кс — 117
наказ — 70, 228
налог — 243
наплевательство — 212
наплевать — 109, 112
наплевизм — 77, 92, 212, 213
наплевистский — 217
напостовцы — 204
нарежимить — 218

нарезать; винта нарезать — 117
нарицание — 232
нарком — 193
наркомат — 216
наркомзем — 193
наркомпочтель — 194
наркомпрос — 193, -ник — 205
наркомюстовский — 217
народный — 180, 181, 191
народный дом — 243
нарпит — 193, -овский — 217
нарсуд — 198
наследие [проклятое] — 184
настрелять — 117
наступление — 132
национал — 146, 247
национализация — 64, 190, -изировать — 190
национальный — 146
нацмен — 146, 194, 246, -прос — 194
начканц — 194
Наяда — 221
на-ять — 116
*-не-
небывалый — 164
неважно — 181, 183
Невастрой — 77, 196
невязка — 149, 150, 177
недобронирование — 126
недогрузка — 139, 177
некий — 103, 161
нелокальный — 71
непач — 208
Нептун — 221
несговоренность — 230
несговорица — 230
неслыханный — 164
несработанность — 211
неувязка — 149, 150, 151, 177
нехватка — 109, 110
низовик — 204
низовой — 135
-ник — 204, 205
Нинель — 220
-ничать — 218
ничего — 109, 112
ничего подобного — 132, 133, 252
новожизненство — 212
новоискровство — 212
новый [режим] — 190
ножницы — 144, 145, 174, 231
нормалка — 207
НОТ — 145, 192
-ну- — 186, 187, 218
-нша — 208
-ный — 204
НЭП — 145, 192, 197, 198, 226
нэпач — 208, -ата — 208
нэпачиха — 208
нэпман — 114, 208, -иха — 208, -ство — 212, 226, -ша — 208

О- — 186
обер-предатель — 77
обисполком — 194
облигация — 243
облисполком — 194
обмишуриться — 115
обновленец — 203, 243
обобществить — 218
обобществление — 145, 211
обольшевичение — 186, 211, 214
обольшевичить, -ся — 218
оборона — 132
оборонец — 203
оборончество — 212
оборт — 243
обрабатывать к-н. — 64, 138
обработать к.-н. — 138, 177, 224
обработка к.-н. — 133, 138, 177, 204, 224, 229
обрастание — 136, 177
обстоять; вот как обстоит дело — 229
обстрел — 132
обуржуазивание — 186
общественник — 205
общий, в общем и целом — 78, 79, 81, 151, 230, 241
объегорить — 109, 111
обыск — 243

-овать — 218
ОВД — 191
-овец — 204, 221
-овик — 204
-овский — 216, 217
-овщина — 208
-овый — 204
огалец — 117, оголец — 114
огонь — 128
огосударствление — 186
одергивать — 109
ОДН — 191
однова — 120
ОДФ — 191
озвездить — 211, 218
-ок — 184
оказенивание — 186
оказенить — 186
оккупация — 239
околеть — 109, 111
окоммунистичиться — 186
окомсомоливание — 186
окомсомолить, -ся — 186
окружение — 76, 177
октябренок — 206, 216
октябриада — 216
Октябрина — 221
октябрины — 210, 211
октябрист — 222
октябрить — 210, 218
Октябрь — 68, 69, 87, 91, 105, 129, 131, 142, 186, 221, 222
октябрьский — 222
октябрятский — 216
окулачиваться — 186
олектрофекац — 234
ОЛЯ — 192
онэпиться — 186
опионериться — 186
оплетовать — 252
*оползание
опояз — 194
определенно — 132, 229, 230
опролетаризировать — 186
оптик — 115
опупеть — 252
опытник — 205
орабочение — 142, 186, 211, -нный — 186
орабочивание — 186
организованный — 70, 87, 173
организовать — 173, 230
организационный — 229
орготдельщик — 205
ориентироваться — 74
освобожденство — 212
осенник — 205
осинщина — 210
осмыслить — 87
основа; принять за основу — 228
осознание — 88
осознанный — 88, 232
осознать — 88, 190
острый, острым образом — 172
-ость — 211
ответный — 233
отзовизм — 92, 213, 214, -ист — 92, 214, -истский — 217
открыть [глаза кому-н.] — 138, 139, 177, 232
отпочкование — 172
отпочковаться — 172, 184, 190
отпускник — 205
отроцкистить — 218
отряд [пионерский] — 125
отчитаться — 140, 228
отчитываться — 140, 178, 228
охаивать — 111
охрана [труда] — 243
охранка — 206
очковтирание — 178
очковтирательство — 178

Павильон — 239
паки и паки — 104, 161
пакт — 74
паникерство — 212
пара — 80, 81, 82
паразит — 122, 123
парень — 109, 110, 235

парт- — 195
партаппарат — 135
партвзыскание — 195
партвоспитание — 195
партдискуссия — 195
партдисциплина — 195
партейный — 233
партейтаг — 74
партейщик — 205
партзанятия — 77
партизанщина — 209
партиец — 134, 139, 204, -подпольщик — 202
партийка — 134, 139, 207
партийный — 66, 134
партия — 70, 134
парткрестничество — 138
партнагрузка — 195
партобязанности — 195
парторг — 194
парторганизация — 195
партпроверка — 195
партработник — 77, 197
партстаж — 195
парттройка — 195
пассив — 139, 176
пастушество — 213
пацан — 117
паче; тем паче — 104, 161, 230
педагог-национал — 146
ператив — 243, 244
Первомайск — 220
первомайцы — 204
первый; в первую голову — 182, 186
переадминистрирование — 211
передать [товарищей в партию] — 231
передовая — 120
передовик — 204
передовица — 120
переплет — 169, 170
переподготовка — 207
переть — 111
перо — 114, 115, 117
персимфанс — 194
персонально — 238
перспективный [план] — 79, 143
петиция — 64, 70
петлюровцы, петлюрцы — 203
Петровка — 207
печать (стенная) — 225
пешедралом — 109, 112
пивнушка — 109, 110, 113
пийнеры — 233
пилсудчики — 83
пильняковщина — 209
пинанеры — 244
пинеры — 244
пионер — 190, 224, 242
пионер- — 196, -движение — 77, 196, 197, 200
пионерия — 215
пионерок — 206
пионерорганизация — 142
пионеротряд — 77, 126
пионерруководитель — 196
пионерсмекалка — 196
пистакль — 244
пистоны — 117
Питер — 109
питерский — 109, 111
пищевики — 204
пламенный [привет] — 179, 180, 181
план — 142, 143
планирование — 142, 143
планировщик — 142, 143
планирующий — 143
плановость — 142, 143, 211
плановый — 142, 143
планотворчество — 143
пленум — 65, 135, 224, 229, 239
плешь — 236
плюс — 89, 174, 231
побудка — 207
подземельной [отдел] — 245
*подкопать, -ся
подмена — 176
подпольник — 205
подпольщик — 205, -боевик — 202, 204

подстегнуть — 109, 111
подстрелить — 117
подучение — 245
подытожить — 144
подход — 147, 176, 190, 231, -ец — 184
подшефник — 205, -ный — 130, 132
пока! — 112
показательное хозяйство — 239
покедова — 112
покороны [советски] —244
покрыть — 109
пол-; пол-второго, пол-пятого — 82
полит- — 195, 196, -грамота — 77, -заключенный — 196
политизировать — 92
полититизм — 213
политкружок — 77
политпросвет — 137, -чик — 137, 138, 205
политуправление — 196
политуровень — 196
политчитка — 146, 196
политэкономия — 77, 196, 197
полностью; целиком и полностью — 79, 81
положение [международное] — 67, [такое положение создалось] — 147, 148, 229
поло́жить — 155
полпред — 194
помбух — 194
помгол — 226
попоедство — 146, 202, 212
поправка — 60
попустительство — 239
попутчик — 176, 224
пораженец — 204
пораженчество — 92
портной-квартирник — 202
порядок [дня] — 64, [очереди] — 233
посему — 230
посколько — 230
поскольку — 90, 91, 230
последний; в последнем счете — 182, 183
постепеновщина — 210
постольку-поскольку — 149, 231, 241
потопать — 252
потребилка — 109, 110
потребиловка — 109, 110, 175
потресовщина — 208
похабный — 109, 111, 121
похабщина — 113, 121
похабство — 121
почти- — 188, -Бисмарк, -марксист, -республика — 188
почтовик — 204
пошамать — 114
Пошехонье-Володарск — 241
правдизм — 213, -ист — 214, -истский — 217
правленцы — 204
правовик — 204
предвик — 218
предвичить — 218
предложение — 60, 226
предпосылки — 87, 190
прежний [режим] — 190
президиум — 224, 228, президиюм — 228
приемлет — 104
призюдюм — 234
приказист — 214
прикрепленец — 204
прикрепленный — 126
прикреплять — 126, -ся — 138
примазываться — 142
примиренчество — 212
припаять — 117
приспособленчество — 92, 212
провокатор — 70
прод- — 195, 196
продамет — 86
продбюро — 196
продвижка — 151
продвинуть [в жизнь] — 172
проделать — 231
продналог — 196, 225

продотряд — 126, 196
продразверстка — 196
продуголь — 86
продукция — 144
продфронт — 239
прозодежда — 77, 197, 237
производственник — 205, -енный — 144
производство — 144
прокламация — 70
проклятое [наследие] — 184
пролетарец — 204
пролетариат — 70, 232
пролетаристы — 214
пролетария; женщина-пролетария — 232
пролетарка — 207, 225, 232
Пролетарская [волость] — 220
пролетарья — 244
пролеткульт — 194, -овцы — 204
пропаганда — 70, 137, -ист — 137, -истский — 137
прорабатываться — 135, 136, 230, 231
проработать — 173, 174
проработка — 135, 173, 174, 230
просадить — 109, 111
просветработа — 77, 230
просвещенец — 194, 204
просить [слово] — 60
прослойка — 141, 142, 176
присыпаться — 115, 117
просчет — 143
протналог — 244
протокольнуть — 187
проф- — 196, -движение — 196, -организация — 196, -работа — 196, -союз — 196
процент; на все сто процентов — 174, 231
проценты, сто процентов — 252
прытчée — 152
прямой факт — 241
пузырек; в пузырек загнать, лезть — 114, 115
пуришкевичевщина — 208
Пурпур — 221
пустолавка — 202
путевка — 131
пушка — 117
пьянка — 109, 110, 207
пяонеры — 242, 244

Рабкор — 194
рабкория — 215
рабкрин — 194
рабочая армия — 179
рабочий [организованный] — 70, -массовик — 202
работник — 70
работнуть — 187, 218
рабселькория — 215
рабфак — 194, -овец — 112, 204, -овка — 207
рабфачка — 207
равнение на… — 125
равняться — 125
Рада — 221
радиво — 244
радивон — 243
радивонной — 243
радило — 244
радио — 244
радион — 244
радиофицировать — 145
радкизм — 213
Радость — 221
раз; тысячу раз —165, 166; раз навсегда — 191
разбазаривать — 109, 111
разведка [глубокая] — 132
развернуть [работу] — 138
*разверстка
развертывание [работы] — 139, 178
развертывать — 178
развилочки; холодок на развилочках — 245
разворачивание — 139, 178
разворачивать [работу] — 138, 139, 178
разворот — 139, 178

разгильдяйство — 121
разговорчики — 184, 185
разгрудáй — 245
разгрузка — 139, 177
раздевалка — 206
размыкаться — 142
размычка — 142, 177
разница — 153
разрез — 170
разукрупнение — 211
разумовщина — 209
разъяснить — 225
райисполком — 194
ракака — 229, 237
раковый, раковая шейка — 117
ранённое [собрание] — 243
раскулачивание — 145, 211
расписаться — 225
распромать — 113
растранжиривание — 112, -ать — 109, 112
растратиада — 64, 216
расхлебанность — 121
расхлябанность — 121
расширенный — 229
рационализация — 74
рвать [когти] — 119
реакция [махровая] — 121
ребята — 109, 110, 235
ревизионизм — 74, -ист —74
ревизионить — 218
ревизировать — 218
ревизия — 74
ревком — 194
революционизирование — 211
революционизм — 213
революционный — 191
Революция — 221
регульнуть — 187, 218
регулярно — 239
режим [старый] — 64
режим экономии — 66
режимский — 216
режимщик — 205
реквизировать — 244
реклама — 239
релизовать [слово] — 241
рельсы; ставить, переводить дело на рельсы — 172
рентабельность — 74, -ный — 74, 92
республика — 244
решительный — 179, 180, 191, 231
РКИ — 191
РКК — 191
РКП(б) — 191
РЛКСМ — 191
розник — 205
розничник — 205
романовцы — 203
расписываться — 244
РСФСР — 191
руль — 128
рэвю — 74
рядовик — 139, 204, -коммунист — 202
рядовой — 139
ряды — 123

С- — 186, 187
саботаж —190, -исты —214, -ник — 205, 214
саботант — 214
сагитировать — 230
сак — 117
самобахвальство — 140
самовольщина — 245
самоед; крестьянин-самоед — 202
самоедский — 202
самотеком — 115, 178
самоуплотнение — 202, 225
самоуплотниться — 218
сара — 117
саракат — 252
саракатуха — 252
сармак — 117
сателлит — 76
сафроновщина — 209
сахариться — 152
сахаротрест — 202
сачок — 117
свадьба [кошачья] — 245

свердловия — 215
свердловка — 207
Свердловск — 219
сверхглупость — 77
сверхлевый — 77
сверхразвязный — 77
сверхцентрализм — 77
свеча — 117
свистеть — 81
свистуновщина — 209
сволочь — 109, 110, 121, 122
связаться — 126, 150
связисты — 214
связываться — 150, 177
связь — 126
сго́вор — 178, 179
сгустки — 170
сдюжать — 109, 111
сегодняшний [день] — 79, 80, 231
сезонник — 205
сей — 99, 100, 161
секвестрировать — 190
сельмаш — 194
сельской [совет] — 242, 244
сельскосоюз — 202
сельсоветчик — 205
селяне — 153
селянка — 153
селянство — 153
семен — 117
семинарка — 207
середняк — 145, 186, 206, 242, 244
середняцкий — 145
середнячество — 213
сигнализировать — 126, 179
сиклитарь — 237
синдикатчик — 206
ситец [советской] — 244
скидка — 242, 244
-ский — 216
склока — 109, 110, 218
склочник — 109, 110, 218
склочничать — 218
сколотить — 172
скородить — 155
Скоропадия — 215
скотинной — 245
скотовой — 245
слабит — 115
слабо — 115
Слава — 221
слово [просить] — 60
служашшой [советский сл.] — 244
службисты — 214
слушки — 184
смазать — 109, 111
смена — 131, 179, 221, 231
сменовеховцы — 204
смертник — 205
смехач — 208
смирновка — 207
смола — 117
смотаться — 251
смотр — 123, 125
смычка — 67, 142, 177, 221, 238
снегирь — 117
собес — 217, -овский — 217, -овщина — 210
собрание — 229
сов- — 194, 195
совбуржуй — 195
совдеп — 194
Совдепия — 215
совдурак — 121, 195
совет — 243, 244
советизация — 92, 215, -изировать — 92, 218
советовластие — 202
советский — 66, 191
совкинец — 204
совкино — 195
совнарком — 194, 239
совнарсуд — 195
совнархоз — 194
совпартшкола — 195
совпредставитель — 195
согласитель — 101
согласно (с родит. пад.) — 230
согласование — 101
согласовано — 101

согласовать — 101, 151, 237
соглашатель — 135, 211, -ство — 92, 212
содоклад — 137
сознательный — 70, 87, 190
сознать -ся — 87, 88, 232
сократить к.-н. — 225
солдатство — 212
солдафонство — 74
солидарен — 236
солидаризация — 74
солидаризироваться — 74
сорвать — 178
сороковка — 207
соха; крестьянин от сохи — 77, 78
социал- —201, -демократ — 70, 201, -демократия — 70, -изменник — 121, 201, -лакей — 201, -патриот — 201, -пацифист — 201, -предатель — 121, 135, 210, -предательство — 212, -премьер — 201, -революционер — 70, 201, -саботант — 201, -соглашатель — 210, -шовинист — 201
социализм — 70, 244
социалист — 70
социаль-демократ — 70, 201
социаль-демократия — 70
соцобра — 237
союз — 244, Союз ССР — 200
спартаковцы — 204
спартакусовцы — 204
спектакль — 244
спекульнуть — 187, 218
спекулянт — 214
спертак — 244, спертакли — 244
спецеедство — 202, 212
спецставка — 77, 196
сплаатировать — 233
сплощение — 232
спудиться — 113, 238
спэц — 94
сработанность — 187, 211, -анный — 187
сработаться — 187
средняк — 145
средняцкий — 145
СССР — 191, 200
стабилизация — 75
стабилизировать — 75
ставить [работу, доклад, лекцию…] — 172, 173, 236, [на рельсы] — 172, 231
стадион — 216
Сталина — 220
Сталинград — 220
Сталино — 220
стандартизация — 75, 145
стандартизованный — 75
станок; рабочий от станка — 77, 78
старостат — 216
стать; во что бы то ни стало — 165, 231, стать лицом к ч.-н. иль к к.-н. — 168
стационарка — 75
стачка; улица Стачки — 220
стачкизм — 213
-ство — 212
стезя — 103
стенгаз — 194, 197, 225
стенгазета — 196, 197, 225
стенка — 225
стенная печать — 225
стенники — 205
стеннушка —225, стенушка — 207
стержнизация — 170, 215
стимулировать — 75
сто; все сто процентов — 231
СТО — 192, 200
столовка — 206
стопроцентный — 175
страхкассыя — 234
страховики — 204
стрелять — 115
стрематушка — 251
стремить — 117
строгая [изоляция] — 190
строить аноху — 252
строить [новую жизнь, социализм] — 173

струвизм — 213, -ист — 214
студкомщик — 206
субботник — 205
сувариновщина — 209
сугубо — 102, 103, 161, 231, 238, -ый — 103, 161, 168, 231
суметь — 173
суть — 90
сформулировать — 187
сцементировать — 172, 187
счет; в два счета —131; в последнем счете, в конечном счете — 182, 183
съезд — 65
съездить [в ухо] — 109, 111
съездовский — 217
Сясьстрой — 196

Таковой — 99, 231
талгенизм — 213
танцулька — 109, 110
татаризация — 215
твородежда — 77, 196
тезис — 66
текстили — 228
текстильщик — 206
-тель — 211
тем паче — 104, 161, 230
темнить — 117
теплушка — 207
тер- — 196
терармеец — 196
тереть; бузу тереть—109
Терка — 221
термидор —75, -ианец —75, -ианство — 75, 212
террор — 221
терсбор — 196
терчасть — 196
техперсонал — 196
теченьице — 184
тимирязевка — 207
титанический — 164
ткачевизм — 213
товаризация — 215
товариш — 242, 244
товарищ — 223, 235, 236, 237, 242
товарность — 145, 211
тоже- — 188, -марксист — 188, -социалист — 188
толкач — 225
толмачевщина — 208
толстовка — 92, 244
торгпредство — 194
трактор; крестьянин от трактора — 78
тракторизация — 145
тракторизм — 213, -ист — 214
трахтор — 245
трепаться — 115
трепач — 109, 111, 115, 237
треповщина — 208
треск — 245
трескотня — 67
трест — 190,245, -овик — 204
третьяковка — 207
трибунал — 64, 189, -ьщик — 206
Троцк — 220
троцкизация — 215
троцкизм — 64, 92, 136, 213, 221, -ист — 64, 92, 213, 221, -истский — 64
трудовичество — 213
трудовой — 179, 180, 191
трудшкольцы — 204
тысяча; тысячу раз — 165, 166
тышшо — 245
тэйлоризация — 145, -изм — 145, 190
тянуть — 230

У- — 186, 187
увинтить — 113, 115, 117
увязать — 149, 150, 177
увязка — 67, 142, 150, 177, 190
увязывать — 150
углубитель — 211
углубление — 177
угнетатели-империалисты — 202
угол; во главу угла — 105
уголок — 225, 245

уготовать — 103
угрозыск — 196
удар [с фронта] — 132
ударение —
ударность — 127, 179, 211, -ый — 126, 127, 179
ужатие — 187
узреть — 103
уклон —136, 137, 177, -ист — 136, 137, 214, -чик — 136, 137
укрупнение — 187, 211
укрупненный — 187
ультиматум — 239
Ульяновск — 219
универсализация — 190
универсалка — 207
упадочность— 141, упадочное настроение — 141
уплотнение — 225
уплотнить — 218
упростительство — 212
упрощенство — 212
-ура — 216
ураристы — 214
Урицк — 220
установка — 126, 173
устремление — 89
уточнение — 149
уточнить — 149
учбат — 194, -ник — 205
учеба, учоба — 109, 111
учредилка — 207
учредиловцы — 203
учреждение — 232
учрежденский — 216
-ушка — 207

Фабзавком — 229
фабзавуч — 194, 216, 230, 236
фабзайчата — 206, 216
фабзайчики — 216
фабзаяц — 206, 216, 236
фабком — 224, 236, 237, 242, 245, -овец — 204
файно — 117
факт — 132, 241
фартонуть — 114
Февралина — 221
ферт — 114
фиг; на фиг — 114
фигово — 114
физкультурник — 205
физмат —194, -овец — 204
фик —115, фик-та! — 115
филиал — 75
финиш — 75
финка — 115
финплан — 143
флачок — 154, 155
флуктуация — 75
фокс-тротт — 253
фоловать, фолую — 252
ФОН — 192
фомка — 115
фордизация — 75, 145, 215, -изм — 190, 215
фордовский — 75
форпост — 125, 179, 190
фраер — 114
фрак — 245
фракцийка — 136, 185
фракционеры — 136
фракционность — 136
фракция — 70, 136
фрейдизм — 213
фрейдовский — 217
френчик — 245
фронда — 71
фронт —125, 179, -овик — 204
функционер — 75
фурфорсетка —251

Хабар — 109, -ник — 109, 111
хаза — 252
хаить — 109
хай — 111
хала — 153
халамидер — 114
халтура — 154
халтурить — 154, 218

халтурничанье — 154
халтурничать — 154, 218
халтурщик — 154
хамила — 114
харчевка — 207
хвост в рот — 253
хвостизм — 213, -ист — 92, 141, 214, -истский — 141, 217
хер — 113
хищники [империализма] — 66, 168
ходочество — 212
хозорган — 197
хозяйственник — 205
хозяйчик — 185
холодок [на развилочках] — 245
холстовка — 245
хорохориться — 109, 111
хренчик — 245
хужéе, -éй — 120, 152
хурдачить — 113, 114

Цанковищина — 209
царизм — 213, 245
цека — 200, -ист — 214, -истский — 217
целевой, -ая установка — 126
целиком; целиком и полностью — 79, 81
целый; в общем и целом — 78, 79, 81
центризм — 213
центрировка — 170, 207
центро- — 195, 202
центровик — 204
центрокнига — 202
центромасло — 202
центропечать — 202
Центросоюз — 202
церабкоп — 119
цехбюро — 77
цеховщина — 210
ЦИК — 192, 197
циммервальдизм — 213
цинделевка — 207
ЦИТ — 145, 192, 197, 217
цитовский — 217
цукротрест — 202
ЦК — 191
цыркулировать — 241
цэка — 86
цекаэрлыкасэм — 230

Чаевство — 212
чайковщина — 210
Чалдония — 215
часна торговля — 244
частник — 145, 205
чего — 119
чека — 197
чекист —214
четкий — 148, 149, 169
четко — 149, 149, 169, -сть — 148, 169
Чемберлен — 221
чемберленить -ся — 221, 222
червяк — 109, 111
чесать — 109
чечотка [советская] — 117
чжан-цзо-линовщина — 209
-чик — 184, 205
чистка — 176, 224
чистоплюйский — 140
читалка — 207
читануть — 187, 218
читатель-массовик — 202
читка — 146
чичулиться — 251
чрезвычайка — 207
что; во что бы то ни стало — 165, 231
чудовищный — 164
чурек — 252

Ша — 115, 116
шайка [бандитов] — 245
шалать — 113
шаломыжить — 113
шаманаться — 113, 117
шамать — 116, 252
шамовка — 114, 252
шанить — 113, 114

шарфмахер — 76
швай — 117
шейдермановцы — 204
шейка [раковая] — 117
шестерка — 114
шесть; за-шесть — 117
шеф — 75, 132, 190, -ирование — 75, -ирующий — 75, 76, -ство — 75, 76, 132, -ствовать — 75
шиповщина — 209
ширмач — 117
шиться — 117
шкет — 116, 117, 227
школа-передвижка — 202
шкраб — 194, 226, -ка — 207
шкурник — 135, 205
шлепать — 252
шманаться — 117
шмара — 114, 116, 117, 227
шмералевцы — 204
шопотки — 184
шпаллер — 114
шпана — 109, 116, 118, 237, -ка — 116
шпингалет — 114
штаб — 123, 179, 231
штамп — 66, 157
штрейкбрехер — 71, 83
штудировать — 76
шуйца — 103
шумовка — 207
шуршаковщина — 209
шухариться — 118
шухар — 252
шухарь — 118
шухорить — 118
-щина — 63, 186, 208, 210, 221
-щик — 205

Экзаменовка — 233
экономика — 142, 143, 190
экономкомиссия — 77
экономработа — 77, 197
экосо — 194
экправ — 236
экскурсия — 71
экспортнуть — 187
экспроприация — 64
электрификация, электрофикация — 190
элемент — 122, 123, 239
эмигрантщина — 209
эркака — 229
эсдэ — 86, эсдэк — 86
эскурсья — 233
эсэр — 86, -ство — 212
этапка — 206
эффекты — 232

Юбка-клеш — 245
юндвижение — 197
юнкор — 217, -овский — 217
юный пионер — 224
ЮП — 192
юрист-консул — 245
юротат — 86

Явный [факт] — 241
-як — 206
якобы — 104, 105
якобы-ученый — 188
-янт — 214
ясно — 132, 230, 233, ясно-определенно — 132, 230
-ята — 206
ять: на-ять — 116
ячейка — 65, 135, 176, 223, 235, 237
ячейковый — 230

II. Иноязычный отдел

1. Французские слова и суффиксы

Acclamation; par acclamation — 62
agioteur — 62
anarchico-despotique — 64
anarchiste — 62
anti- — 63, 64
antibrissotin — 63
anticlubiste — 63
antiréligieux — 62

antirévolutionaire — 60
antisocial — 63
archi- — 63, 64
archi-aristocrate — 63
archi-ministériel — 63
aristocrate — 61
aristocratico-royaliste — 63
-at — 63
athéiser — 62

Babouverie — 63
babouvisme — 63
babouviste — 63
boire [à la grande tasse] — 60
bouche; pour la bonne bouche — 76
brissoter — 63
brissoterie — 64
brissotin — 63
brissotinerie — 63
brissotique — 63
brissotiser — 63
brissotisme — 63
brissotiste — 63
bureaucrate — 62
bureaucratie — 62

Chargé d'affaires — 62
citoyen — 61, 64
classe — 61
clubiste — 63
commissaire — 62
commune — 62
conscient — 70, 87
contre- — 63, 64
contre-mouvement — 63
contre-révolution — 60, 63
contre-révolutionaire — 60
convention — 62
court; tout court — 76

Dantonisme — 63
dantoniste — 63
décatholiser — 62
décret — 62
démagogisme — 63
démocrate — 62
démacratie — 61
démocrato-despote — 63
détrôniser — 60
dictatoriat — 63
dispensaire — 146
drapeau [rouge] — 61
droite — 62

Économiste — 63
égaliser — 61
électriser — 60
entourage — 177
-eri — 63, 64
expropriation — 61

Fanatico-royalisme — 63, 64
fagots et fagots — 76
fraternisation — 63
fraterniser — 61
fusillade — 60

Gauche — 62
girondiser — 63
girondisme — 63

Guillotin — 60
guillotine — 60

Hors de la loi — 60

Insurgé — 61
insurgence — 61
insurgent — 61
interpellation — 62
-isation — 63, 64
-iser — 63, 64
-isme — 63, 64
-iste — 63, 64

Jacobinisme — 63
juilletiser — 62

Mandate — 62
masse — 61

mitraillade — 60
monarchiste — 61
monsieur — 61, 64

Nationalisation — 61
nationaliser — 60
nihiliste — 62
niveler — 61
noyade — 60

Ordre [du jour] — 62
organisé — 87
ouvrier [organisé] — 70

Peuple — 61
pétition — 62
propagande — 61
propagandisme — 61
propagandiste — 61

*Régime; le nouveau régime, l'ancien régime
révolution — 60
révolutionisme — 60, 63
révolutionnaire — 60
révolutionnairiser — 63
révolutionner — 60
réquisition — 61
rienniste — 62
robespierriser — 63
robespierrisme — 63
rolandisme — 63
rouge [drapeau] — 61

Sans-culotte — 61
sans-culoterie — 63
sans-culottisation — 63
sans-culottiser — 63
sans-culottisme — 63
section — 62
séparatiste — 63
spéculateur — 62
spéculation — 62

Travailler — 61, 64
tribunal — 62
tribunat — 63

Utilisation — 63
utiliser — 63
ultra- — 63, 64
ultra-révolutionnaire — 60, 63

Vampire — 62
volcaniser — 60

2. Немецкие слова

Denn — 80

ganz; im grossen und ganzen; ganz und gar; ganz und voll — 78, 79
gross; im grossen und ganzen — 78

Haupt — 197
heutig; der heutige Tag — 79

ober — 77

Paar, ein Paar —
Parteiarbeiter — 197
pfeifen — 81
Pionnierbewegung — 197

Sztrejkbrecher — 84 (нем.-еврейское), см. также *штрейкбрехер*

treiben; Unfug treiben — 76

über — 77
Unfug; Unfug treiben — 76

von; ein Mensch von Verstand; ein Arbeiter von Erde — 77

Wurst — 76

3. Английские слова

Strike — 83

yes — 130

4. Польские слова

Agitować — 84

babcia — 84
bo, boć, bowiem — 80
bundysta — 92

cekaér — 86
cekaerowiec — 86
cekaerówka — 86
cekaerowy — 86
ciepło — 84
czysty — 84

dru — 86

efér — 85
eks — 86
elesdé — 86
elesdek — 86
esizm — 92

frondysta — 92

lewica — 204
lewy — 84

masówka — 84
masówkowiec — 84

paczka — 84
para — 80
pepeés — 85
pokwitować — 84
pół; pół do szóstej… — 82
pomarańcza — 84
przepraszać — 83
przeprosić — 83

rewizjonista — 92

strejk, sztrejk — 83, 84
sypać — 84

walkoklasista — 92
wsypać — 84

zasypać — 84

РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК*

Язык каждой общественной группы и каждого индивидуума не остается в течение времени неизменным: он подвергается постоянным изменениям. В некоторые периоды языковые переживания бывают весьма интенсивны. В такие периоды происходят сильные изменения и в прочих явлениях социальной жизни. Такое социальное явление, как революция и революционные мероприятия, должно было отразиться сильно на разных сторонах языковой жизни общества. При этом сильнее переживают изменения те общественные группы, которые ближе стоят к революционной деятельности, охвачены ею и принимают активное участие в ней. Менее значительны изменения среди тех групп, которые не принимают непосредственного участия в происходящих событиях, не охвачены так сильно волной современных переживаний. И до них докатываются революционные волны, но следы этих волн не те, что оставляют они в крупных центрах и в активной революционной среде. Изучению языковых процессов русского революционного времени уделено весьма мало внимания. Деятели французской революции в конце XVIII века были гораздо внимательнее к такому основному явлению социальной жизни, как язык, чем русские революционеры XX века. Делу этого изучения могут оказать великие услуги школьные работники. Наметим некоторые пункты изменений, пережитых и переживаемых русским языком со времени революции.

Революция и ее освободительные лозунги, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага — все это необычайно под-

---

* Публикуется по изданию: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 141—146. — *Примеч. сост*.

нимало настроение революционных деятелей. Их энтузиазм стремился вылиться в речи огненной, которая зажгла бы миллионы сердец. Стремление к повышенной эмоциональности в речи свойственно всем революционным деятелям. У людей одаренных это стремление находит себе выражение в яркой, образной, глубоко эмоциональной речи, лишенной всяких следов надуманных риторических прикрас. У деятелей, не располагающих ни силой выразительной речи, ни глубиной понимания переживаемых событий, стремление к эмоциональности в речи выражается в искусственных формах, не вполне и не всегда соответствующих содержанию переживаемого момента. Припомните, например, речь Керенского на государственном совещании в Москве в августе 1917 г.: торжественная приподнятость стиля в духе Карамзина, словесные конструкции по тому же образцу, поэтический лиризм и малая реальная значимость ритмических периодов, усилие «найти какие-то новые, нечеловеческие слова» и безнадежность призывов и угроз — вот общий характер этой речи.

Некоторые меткие выражения той или иной революционной речи, будучи подхвачены другими лицами, утрачивают в течение времени свою эмоциональность.

Недостаток в силе словесных выражений революционные деятели стараются возместить выразительными жестами. Манера резкой жестикуляции стала затем обязательно сопровождать всякую, даже обыденную речь деятелей революции и в особенности их последователей.

Среди лиц, активно участвовавших в революционных действиях, осуществлявших революционную программу в разных житейских отношениях — в городе, на фабрике, в деревне, было много лиц, речь которых представляла немало местных, диалектических особенностей. Кроме того, входят в более или менее широкий оборот и особенности речи (слова, выражения), свойственные тому или иному классу, сословию или той или иной профессии.

Школьные работники отметят, какие элементы диалектические или классовые, цеховые представлены в речи местных деятелей и в языке местных печатных органов.

В первое время революционной деятельности язык печати — язык, доступный пониманию среднего рабочего. Малопонятные иностранные слова поясняются в скобках близкими по значению русскими словами. Позднее же язык некоторых центральных печатных органов возвращается к старому, тяжелому, официальному языку. Иностранные слова, без нужды употребляемые,

испещряют нередко руководящие, программные статьи. Такими чертами отличаются многие статьи в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета СССР…». Например: «путем окружения главных держав их *сателлитами*, вместо общества народов, получилась *экспозитура* министерств иностранных дел, английского и французского» («Известия» № 218, от 24 сентября 1924 г.) и многое другое.

Вступление Советской России в общение с европейскими государствами, сохранившими прежний уклад жизни, держащимися прежних форм общения, отражается и на языке Центральной советской официальной прессы, и на форме речи представителей правительства СССР: принимается форма общения тех, с кем приходится вести дело. В качестве яркого примера отметим речь председателя ЦИК СССР тов. Петровского при приеме датского посланника г. Скау. С подобающей обстоятельству изысканностью отвечая на речь посланника, тов. Петровский так говорил, между прочим: «Обращаясь к вам с просьбой о передаче его величеству нашей искренней благодарности за выражение симпатий и пожеланий, я хочу вас заверить, что Союзное Правительство питает такие же чувства по отношению к Дании» и т. д. («Известия», № 170, от 27 июля 1924 г.). Эта форма речи, как средство общения с представителями буржуазного общества, так же необходима, как фрак или визитка для совпредставителя на Генуэзской конференции.

Проследите, как изменялся в отношении стиля язык местных печатных органов за последние годы.

Одним из элементов революционного языка является некоторая фамильярность и грубоватость стиля. Так было в речи французских революционеров, так представлено и в речи, и в печати деятелей нашего времени: «Оголтелая буржуазия», «белогвардейская сволочь» и др.

Среди революционных деятелей было немало лиц, не владевших вполне общерусской литературной речью… Необходимо наблюдение изменений и «искажений» и исправление их. Ошибочные выражения никем не исправляются, по соображениям, очевидно, от ложного самолюбия. Это не годится: борьба за грамотность и культурность должна означать для передового слоя рабочих борьбу за овладение русским языком во всем его богатстве, во всей его гибкости и тонкости. Первым условием для этого должно быть извержение из живой повседневной речи неправильных, чужеродных слов и выражений.

За время революции многие прежние слова вышли из употребления или приобрели иное значение в свя-

зи с утратой или с изменением значений тех предметов или явлений, знаками которых служили эти слова. Так, утрате подверглись многие названия прежних административных должностей и учреждений. Для изменения значения слов сравните, например, значение *товарищ*, *партийный* (принадлежащий к Коммунистической, а не к какой-либо другой партии), *выступление* (восстание), *сократить* когонибудь (уволить со службы вследствие сокращения штата), *толкач* (проталкивающий за дополнительную плату железнодорожные грузы или провинциальные дела в центральном учреждении) и др. В широком употреблении по всей стране наречие *определенно.* Это наречие не имеет уже прежнего категорического утверждения, а употребляется в значении малоопределенного наречия «хорошо». Или сравните еще выражение *ничего подобного.* Оно на устах и у великорусов, и у украинцев, и у нерусских граждан СССР. Это выражение любят употреблять татарские и финские деятели и в своей родной, татарской или финской, речи. Это выражение тоже не имеет прежнего решительного заявления: *ничего подобного* — просто равносильно отрицанию «нет», без особого подчеркивания в таком отрицании.

Весьма важно собрать на местах материал, указывающий на изменения значения слов, и охарактеризовать направление, в каком происходит это изменение.

Изменение значения прежних слов происходит вообще в жизни социальных групп. В особенности же много таких изменений бывает в периоды бурных переживаний, при смене культур, при изменении общественного строя. То же явление представлял и язык Великой французской революции. Например, *égalité* (*эгалитэ* — до революции: согласие, паритет, отношение равных вещей; после революции: равенство прав); *spéculer* (*спэкюлé* — слово, имевшее высокое значение философское и математическое: «наблюдать», «созерцать», «размышлять»; в течение же революции оно исказило свое значение в жаргоне финансистов); *peuple* (*пёпль* — до революции это название «черни»; в период революции оно вернуло свое давнее значение — «народ»).

Ряд прежних слов, относившихся к названию должностей или учреждений, получил постоянные эпитеты (*красный*, *революционный*, *социалистический*, *пролетарский*), которые сообщали значение революционности имени существительному. «Армия» обязательно в сочетании с прилагательным «красная» (*Красная Армия*), «командир» в сочетании с эпитетом «красный» (*красный командир*), *военно-революционный суд*, *пролетарский суд* и др.

В революционные годы приобрели широкое употребление прежние иностранные слова — приобрели в силу переживавшихся обсто-

ятельств: *буржуазия*, *пролетариат*, *реквизиция*, *мандат*, *спекуляция*, *дискуссия*, *контакт*, *организация* и многие другие. Некоторые из этих слов передаются и устно и письменно со звуковыми изменениями. *Прецендент* вместо *прецедент* находится даже в «Словаре советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов», составленном под редакцией П. Х. Спасского (Н. Новгород, 1924).

Проследите, какие из иностранных слов перешли в народную среду, какое изменение в звуковом виде испытали они и какое значение получили они.

Длинный ряд слов революционного времени — слов вновь образованных или слов прежних, но с новым значением, успел уже выйти из употребления в связи с изменением или утратой тех предметов или с ликвидацией тех явлений, знаками которых служили эти слова. Уже забыли о *предложениях*, т. е. о бумажках, которые выдавались учреждениями и организациями с предложением железной дороге или пароходству выдать билет предъявителю этой бумажки в счет учреждения или организации. Прошло время *мешечников*, *дензнаков*, *комбедноты* и многого другого. Быстрота изменения значения слов и утраты их находится в связи с чрезвычайно быстрым темпом общественной жизни страны.

Пока не поздно, припомните и запишите вышедшие из употребления слова революционного времени и при каждом из них отметьте значение его. Это — важный документ для истории русской революции.

В революционные годы проявилась в крайней форме страсть к образованию слов по произношению начальных слогов или начальных букв нескольких слов: *Всеколес*, *ВЦИК*, *Главнаука*, *Главрыба*, *Главсоцвос*, *Губком*, *Гус*, *Ено*, *Ким*, *Коминтерн*, *комсомол*, *ликбез*, *шкраб*, *цус*, *цфу*, *юрт*... Эта манера не нова: она существовала задолго до революции. Загляните в прежние списки телеграфных адресов, и вы увидите длинный ряд таких сокращений. Сокращения в данных случаях вызваны были исключительно экономией энергии при телеграфной или письменной передаче определенных слов. Некоторые из этих сокращений приобрели более широкое распространение, войдя в оборот и в устной речи. Много таких сокращений вошло в речь во время войны 1914 и следующих годов: *главковерх*, *наштаверх* и др. Большую известность получил и *Земгор*. Был и другой источник происхождения подобных сокращений: подполье. Там вынуждены были ютиться *эсэры*, *эсдэки*. Позднее, уже на белом свете, появились *кадеты*. Подобные сокращения были и на Западе. Укажем на печальной памяти *гакати-*

стов. Это деятели онемечивания прусской Польши, названные по фамилиям трех главных деятелей этого движения: *Ганземан — Кенеман — Тидеман.* Но в России стремление к таким образованиям стало в революционное время крайне модным. Появились образования не только невразумительные, оторванные от других слов языка, противоречащие принципу образования слов в русском языке, но и просто трудно произносимые. Оказались нужными словари для пояснения этих новообразований (см. указанный выше словарь под редакцией Спасского). В последнее время страсть к словесным сокращениям идет на убыль. Сознается ненужность и даже вред этих словарных ковок. «Задача сближения между органами власти и трудящимся населением, задача их взаимного понимания выдвигает настоятельное требование частичного уничтожения приемов сокращения слов… Крестьяне, приезжающие в город по своим делам, теряются в массе этих нелепых и странных названий». Таково мнение И. И. Желтова, члена президиума Московского Совета и члена Московского Комитета РКП. «Комиссия по усилению борьбы с бюрократизмом, организованная при Московском Совете, на днях закончила свою работу. Одним из результатов этой работы было признание необходимости отмены сокращенных наименований» («Трудовая копейка», № 74, от 15 ноября 1923 г.). Останутся те из этих слов, которые вошли в широкий обиход, связались с тем или иным устойчивым явлением и по своей форме не противоречат принципу образования слов в русском языке.

Проследите, какие из слов нового образования употребляются в народной среде, как изменились они в отношении звукового состава и в отношении значения.

Слова, связанные с пережитыми событиями и явлениями революционного времени и с советским строем, распространяются и не в русской среде СССР. Их усвоение разным населением СССР, русским и нерусским, находится в зависимости от единства пережитых и переживаемых явлений в социальной жизни. В официальный язык народов СССР «советские» слова входят без перевода: *автономия*, *нарком*, *партия*, *продналог* и др. Например, в чувашской газете («Канаш») читаете: «*Натсионали* — сăмпа кĕрешесси»; «тьăваш *комунисĕсен* сопранийе»; «*инитсиаттивлла* ушкăн»; «Сйес Тĕп *Комиттета парттине* капаш йĕркипе *копператси* ĕсĕсене ӳстерес тĕлĕшпе *постановлени* хатĕрлеме хушать»; «*расверскă* вырăнне»; «унтан Еç çарĕсен *претставиттелесен совештьанийе* пулса иртвĕ» и многое другое.

Школьные работники среди других национальностей пусть отметят такие слова и в официальном языке, и в обиходной, народной речи. Какое значение связано с этими словами в представлении простого народа (чуваш, черемис, татар и др.)?

Огромную услугу окажут науке русской диалектологии и вместе с тем социологии школьные деятели и таким наблюдением: как изменяется речь среднего и молодого поколения в деревне в своем звуковом составе и в своих формах. Для этого сравнивайте речь ребят и молодежи с речью стариков и в особенности старух, представляющих черты старого типа местной речи. Например, если наблюдение производится в северновеликорусской области, где говорят в неударенном слоге ***о***, а не ***а*** (*в**о**дá*, *г**о**рá*, *в**о**дотéк*), то обратите внимание, не проникает ли в речь молодого поколения аканье (*в**а**дá*, *г**а**рá*). Если наблюдение производится в области южновеликорусской, где говорят ***а*** вместо неударенного ***о*** (*в**а**дá*), и ***я*** в одних случаях, ***и*** в других вместо неударенных ***е***, ***я*** (*в**я**дý*, *в**я**дú*, *с**я**стры*; *с**и**стрá*), то не заметите ли, что в речи молодого поколения яканье вытесняется посредством иканья: *в**и**дý*, *в**и**дú*, *с**и**стры* как и — *с**и**стрá* (у стариков: *в**я**дý*, *в**я**дú*, *с**я**стры*, но — *с**и**стрá*). Отметьте и другие черты расхождения речи молодежи и стариков. Это расхождение отчасти о п р е д е л и т пути дальнейшей судьбы местной речи.

Вот некоторые из пунктов изучения русского языка в связи с событиями переживаемого времени. Как видно, на долю школьных деятелей выпадает и в этом отношении очень большая и благодарная работа.

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ И ОБРАЗНОСТЬ ЯЗЫКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ*

Эмоционально-экспрессивная функция речи, формы и средства ее выражения. Эмоциональная насыщенность речи революционного времени. Быстрота распространения языковых черт эмоционального значения. Речевые шаблоны. Формы и способы выражения экспрессии.

Эмоционально-экспрессивная функция речи имела огромное значение в революционные годы. Пафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага, категорические приказы в обстановке решительной битвы — все это выливалось в соответствующих формах речи. В сильной степени эмоционально-насыщенные речи раздавались на митингах, на собраниях, в напряженные моменты общественно-политических и партийных заседаний: «Прочтя эту декларацию, призвав р е ш а т ь, а не говорить, д е й с т в о в а т ь, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию д в и н у т ь н а з а в о д ы и в к а з а р м ы… Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо п о л н о е принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет»[1] (Л е н и н).

Было много обстоятельств и для таких социальных взаимодействий, когда преимущественное значение имели императивные элементы. Волевые побуждения, идущие от одних к другим, выражались в речи, изобиловавшей строгими приказами, волеизъявлениями, повелительными терминами долга, обязанности.

---

* Публикуется по изданию: С е л и щ е в А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 147—158. — *Здесь и далее примеч. сост.*

[1] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. Т. 34. С. 247.

Эмоционально-экспрессивная речь сопровождалась необходимым дополнением — сильной жестикуляцией и выразительной мимикой. Резкая жестикуляция становится затем необходимым элементом речи каждого коммуниста, хотя бы приходилось вести беседу без особой экспрессии…

Элементы, служащие для выражения эмоциональности речи, становятся в течение времени модными и часто употребляются в среде советских граждан.

Характерной особенностью социально-языковой жизни последних лет являются б ы с т р о т а и и н т е н с и в н о с т ь распространения различных языковых черт, исходящих от авторитетных коммунистических и советских деятелей. Но вместе с этим распространением происходит неизменно ослабление и утрата их эмоциональной значимости. Это ослабление и эта утрата отражаются на всех явлениях речевой эмоциональности. Быстро создаются речевые шаблоны вместо недавних форм эмоциональности. Речь с шаблонными штампами не возбуждает прежних настроений. Это — «трескотня». Раздаются голоса осуждения речевой трескотни: «Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы — политической трескотне».

Одним из видов экспрессивно-императивного воздействия речи являются л о з у н г и. Они в изобилии раздаются в коммунистической и советской среде. Необходимым украшением стен клуба, столовой, читален служат лозунги (плакаты с лозунгами). При процессиях, манифестациях, шествиях на развевающихся красных и бордовых знаменах тоже нашиты или вышиты лозунги. Это — р е ч е в ы е з н а к и, приличествующие данному обстоятельству, моменту.

Утратили и утрачивают свою эмоциональность и другие речевые выражения ее. Большинство характерных языковых черт связано было до распространения их в широкой общественной среде с функцией эмоциональной. Быстрота этой утраты соответствует широте и интенсивности распространения этих речевых явлений. Из форм и способов выражения той или иной экспрессии редко встречаются восклицательные сочетания. Они употребляются иногда в выражении крайнего возмущения поступками противников коммунизма: «О, презренные дурачки из “Новой Жизни”!»[2] (Л е н и н); «О, лицемеры!»[3] (Л е н и н). Другого вида восклицательные сочетания, без *О*!, употребляются нередко по разным поводам. … «Какой сдвиг вперед, какое достижение! Советский плуг прогулялся по умам ра-

[2] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. С. 418.
[3] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. С. 54.

бочих и служащих, взрыл и создал новые воззрения; правда, по некоторым умам, более закоренелым, плуг прошел вскользь» («Университетская Правда», 1925, № 1).

Излюбленными и очень популярными в речах революционных деятелей являются сочетания с повторениями какой-нибудь части сочетания: «А *это как раз то*, чего нам недостает. *Это как раз то*, чему нам надо научиться. *Это как раз то*, чего не хватает нашей великой революции... *Это как раз то*, что требуется Российской Советской Социалистической республике…»[4] (Ленин); «*Даже* сейчас, *даже* в пролетарских, *даже* в комсомольских писательских кружках это стремление выделиться в касту с особой внешностью и ухватками неприятно режет глаз» («Правда», 1926, № 102).

Для выражения повышенного настроения прибегают к архаизмам, к церковнославянским элементам. Эти элементы представлены в отдельных словах, сочетаниях и образах: «Либкнехт был арестован, избит, замучен. На *голгофе* пролетарской революции буржуазия *распяла* еще одного *мученика*-революционера!»; «Мировая революция *грядет*... Что бы вы ни говорили, призрак мировой революции реет над миром. Мировая революция *грядет*».

Для выражения иронии, недовольства и гнева, возбуждаемого поступками противника, служат также «крепкие» слова и выражения.

Ирония по отношению к товарищам-коммунистам по поводу каких-нибудь разногласий часто выражается обращением: *дорогой товарищ*, *дорогие товарищи.* И в обыденной жизни стали часто употреблять это обращение с некоторым иногда очень слабым оттенком иронии: « — Пойдем в милицию. — Зачем же, говорю, *дорогой товарищ*, в милицию. Неуютно там, в милиции-то» («Смехач», 1926, № 19); «— Нельзя ли потише, — говорит ночью пассажир в вагоне, разбуженный слишком громким ухаживанием какого-то чиновного человека за дамой. — Это, *дорогой товарищ*, поезд шумит».

Представление величия задач революции, трудностей в осуществлении их, угроз и наступлений противника — все это отражается в частом употреблении форм превосходной степени, а также эпитетов и сочетаний для величественности, колоссальности. В течение времени эти формы, эпитеты и сочетания утрачивают до некоторой степени свое эмоциональное значение и являются обычной принадлежностью речи революционного человека.

[4] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. С. 82.

1) Превосходная степень. *Широчайшие* массы, *тягчайшие* (испытания), *самым решительным* образом, *колоссальнейший* (сдвиг), *самые гнусные* (инсинуации), величайший… и др. …

2) То же значение имеют образования с *архи*. Они встречаются часто. В особенности любил такие образования Ленин: «*Архиреакционер* Баррес»[5] (Ленин); «*Архиоппортунистическая* тактика» (Ленин)[6]; «Самые пошлые *архи*-“*марксистски*” звучащие отговорки от нее (от революционной борьбы)»; «*Архизаконное* недовольство и возмущение масс»[7] (Ленин); «Эта разница довольно тонкая, но *архисущественная*»[8] (Ленин); «…Наш революционный долг подписать хотя и тяжелый, *архитяжелый* и насильнический договор…»[9] (Ленин); «…Вопрос о несчастном мире, *архитяжком* мире…»[10] (Ленин); «Эта *архиустроенная* страна (Швейцария)» («Правда», 1925, № 105); «Это явление… *архиестественное*» («Правда», 1925, № 139); «*Архиважная* задача…» («Известия», 1925, № 100); «*Архитонкая* догадка…» («Известия», 1926, № 7); «Дело это неимоверно сложное, *архитрудное*…» («Правда», 1926, № 115); «*Архибуржуазный* “Таймс”…» («Нижегородский Комсомолец», 1925, № 180); «Он такой *архибандит*» (Из разговора); «*Архи* — как скверно» (Служащий гужоновец).

3) Эпитеты величественности, колоссальности: *неслыханный* (очень часто у Ленина), *небывалый*, *гигантский*, *титанический*, *чудовищный* — наиболее распространенные эпитеты грандиозности.

4) Сочетания для выражения величественности: *нигде в мире*, *нет в мире*, *весь мир* (весьма часто), *мировой масштаб*: «*Нигде в мире* не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России»[11] (Ленин); «*Нет в мире* страны, где бы сейчас была такая свобода, как в России»[12] (Ленин); «Мы повернем *весь мир*» («Беднота», 1921, 5 января); «С трибуны на *весь мир* говорим» («Беднота», 1921, 5 января).

Категорическая императивность в обстановке военного времени, «военного коммунизма» выражается в сочетании: *во что бы то ни стало*, — в сочетании, которое употребляется очень часто.

---

[5] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. С. 291.
[6] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. С. 260.
[7] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. С. 264.
[8] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. С. 120.
[9] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. С. 106.
[10] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. С. 243.
[11] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 177.
[12] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 178.

Категорические утверждения и отрицания *определенно*, *ясно*, *ничего подобного* утратили свое экспрессивное значение. Усиленное утверждение или отрицание передается посредством *тысячи раз*: «*Тысячу раз* прав Парвус»[13] (Л е н и н); «Р-ков *тысячу раз* прав, конечно, когда он ставит в связь вопрос о возможности открытой политической организации рабочих с оценкой момента…»[14] (Л е н и н); Тов. Рязанов «сказал и сказал *тысячу раз* правильно, что…»[15] (Л е н и н).

В широкой среде и это выражение пережило ослабление категоричности: «Мне это *тысячу раз* интересно — мне это очень интересно» (Из речи одного комсомольца на фабрике).

Широта распространения какого-нибудь явления, «всеобъемлемость» его выражается часто посредством сочетания *все и вся*, *всех и вся*, *всюду и везде*: «“Синяя Блуза” покажет *все и вся*...»; «Выступление *всех и всяческих* групп»; «…объединение на местах рабочих-марксистов *всех и всяких* национальностей»[16] (Л е н и н); «*Все и всякие* угнетающие классы»[17] (Л е н и н); «Удесятерение агитации, устройство собраний *везде и всюду*»[18] (Л е н и н); «*Всюду и везде* нужен в укладе деревенской жизни народный учитель» («Правда», № 6, 1925); «*Всюду и везде*, на улице, в клубе, в поле, всегда мелькал серый пиджачок Грелкина» («Бузотер», 1926, № 18). Так и в обыденной речи. …

Со времени революции получили широкое распространение лозунги и формулы, выражавшие «основные узловые пункты, ударные точки», на которые направлена … атака коммунистических и советских деятелей. Ряд лозунгов формулирован был уже ранее, в период подпольной деятельности революционеров. По образцу этих формул стали изготовлять и бросать многочисленнейшие лозунги в революционные годы. …

Много лозунгов состоит из сочетаний *да здравствует* (*да здравствуют*): «*Да здравствует* Коммунистический Интернационал — вождь мирового пролетариата!»…

Двух- или трехкратное *да здравствует*… является также концовкой речей. …

---

[13] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 10. С. 16.
[14] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 20. С. 406.
[15] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. С. 417—418.
[16] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. С. 123.
[17] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. С. 237.
[18] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 11. С. 169.

Враждебность, а затем только недовольство и неприемлемость выражаются в крике *долой*: «*Долой* солому! *Долой* воров-спекулянтов!» («Беднота», 1921, янв.); «*Долой* фракционность» (Заглавие брошюры, М., 1924).

Весьма употребительна в монологической речи деятелей катехизическая форма, посредством которой стремятся произвести более сильную интеллектуально-эмоциональную экспрессию. Речь в значительных своих частях представляет вопросы с краткими, категорическими ответами: «Товарищи, в одной организации образовано два губкома. Допустимо это или недопустимо? Недопустимо, товарищи» («Правда», 1926, № 2).

Революционные деятели … прибегают для выражения эмоций к образной речи. Образы мстителя за угнетенных, образы железа и крови, хищного зверя, гидры, гидры с миллионами щупальцев, грандиозного пламени, с вихрем бушующего по всему миру, представляются в речах революционных деятелей. …

Стремление к эмоциональной образности отразилось на большей части слов и сочетаний, употребляющихся в «переносном значении». Но, быстро распространяясь в широкой среде, эти слова и сочетания утрачивают образность, эмоциональную силу и становятся обыкновенными названиями — терминами. Так, например, *обратить на что-нибудь серьезное внимание* — это можно выразить не только указанным сочетанием, но и так: *обратить на что-нибудь* ***сугубое*** *внимание.* Если нужно несколько подчеркнуть важность этого акта, то следует обратить ***самое сугубое*** (или ***особо сугубое***) *внимание*; или же употребить лозунговое сочетание: … *стать лицом* (к чему-нибудь). Много можно привести примеров употребления слов и сочетаний в «переносном значении». Укажем некоторые:

Линия. [По многочисленным *линиям* проходит общественная и партийная деятельность. В общественной жизни *линия* заменяет собою «образ действия», «курс», «направление».] «...*Линию* будет определять пролетариат…»[19] (Л е н и н); «Пленум одобрил *линию* ЦК в вопросах организации Совторгфлота» («Правда», 1925, № 10).

Ударение, *акцент.* Так в речи: *ударение*, *акцент* на чем-нибудь: «Сделать *ударение* против производственного уклона». — «Особый *акцент* делали студенты на жилищных условиях».

Переплет — «сцепление, совокупность обстоятельств, условий», «обстоятельства», «условия»: «Вы попали в такой *переплет*, из которого вам сейчас выбраться будет чрезвычайно затруднительно»

[19] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. С. 222.

(«Правда», 1925, № 297). … «Эта попытка теснейшим образом связана со всем социальным *переплетом* в стране» («Правда», 1925, № 279).

Разрез. Это слово употребляется очень часто: *в таком разрезе* — «в таком представлении», «в таком виде», «в таком освещении».

Стержнизация. «В этом плане отсутствует *стержнизация*» (сосредоточение около одного «стержня»).

Центрирóвка — устремление к одному центру. Термин, часто применяемый.

Коренизация. Например: *коренизация* советского аппарата — т. е. «аппаратчиками» служат представители *коренного* населения (в области «национальных меньшинств»).

Сгустки. «Павел, крестьянские бабы — все они живые, все они истинно-художественные типы, все они конденсированные *сгустки* жизни» («Известия», 1925, № 245).

Изжить, *изживать*, *изживание*, *изжитие* — «устранить», «устранение».

Достижение — «достижение», «положительные результаты», «успехи».

Заострить — «сосредоточить», «сосредоточить внимание», «выдвинуть на первое место», «заострить вопрос» (речь, момент, позицию), «заострение».

Острым образом, *самым острым образом.*

Выкристаллизовать, *-ся.*

Отпочковаться, *отпочкование* — «возникнуть», «возникновение».

Сцементировать.

Вентилировать (какой-нибудь вопрос) — «обсуждать».

Ставить дело на рельсы, *переводить на рельсы* — «дать ему надлежащее направление». (Часто употребляется; эмоциональности при передаче незаметно.)

Продвинуть в жизнь — «провести в жизнь» то или иное мероприятие.

Ставить работу, доклад, отчет, жалобу, агитацию, лекцию, семинар, вечер.

Установка — «установление». — Целевая установка (такое установление, построение, которое направлено к определенной цели): *Установка* дипломных тем (разработка дипломных тем).

Строить социализм, *новую жизнь.*

Делать книгу, *газету.* Вероятно, под воздействием языка художников: «картина *сделана* недурно».

Проработать, *проработка* — «обсудить, разучить», «обсуждение», «изучение».

Выпирать. «Эти идеи сами себя *выпирают*» (Из речей деятелей Наркомпроса).

Выпятить. «Мы в этой дискуссии *выпятили* на первое место вопрос…»[20] (Л е н и н).

Бюджет времени.

На все сто процентов. Очень часто и в письменной и в устной речи. В речи некоторых лиц оттенка эмоциональности этого сочетания не заметно. Но в речи других лиц представлена в произношении «*на все сто процентов*» усиленная интонация, эмоциональность.

Стопроцентный — «полный».

В мировом масштабе, *в государственном масштабе*, *в общесоюзном*, *в губернском*, *уездном*, *волостном масштабе.* Часто говорят и пишут о явлениях и лицах таких масштабов.

Верхушка, *верхушечный.* «Как дальше руководить партией? Как дальше организовать *верхушку*?» («Правда», 1925, № 297); «Управительская *верхушка*» («Беднота», 1921, № 838).

Массив. «Ленинцы образуют значительный *массив*» («Кр. Мол.», 1926, № 3).

Молодняк — «молодежь».

Прослойка — «слой».

Попутчик — «человек беспартийный, но близкий по своей деятельности к коммунистам».

Аппарат, *госаппарат*, *партийный аппарат.*

Аппаратчик — «участник аппарата, управления государством».

Ячейка (партийная).

Звено (часть пионерского отряда).

Зачистка — зачистка сельскохозяйственного налога.

Увязка, *неувязка*, *невязка*, *увязать* (например, «теорию с практикой»).

Смычка, *размычка.*

Зажим — суровые меры «организационного зажима» («Правда», 1925; № 296).

Углубление (революции).

Окружение — «entourage», «окружающая среда».

Уклон.

Нагрузка, *разгрузка*, *недогрузка.*

Места — «провинциальные пункты» и «провинция».

Обработать, *обработка* — «сделать кого-нибудь сторонником или членом коммунистической партии».

---

[20] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. С. 15.

Открыть глаза — «обработать».

Подковать, *-ся* — «подготовить, -ся».

Отчитываться.

Развертывать, *развертывание* (какой-нибудь деятельности).

Разворачивать, *разворачивание* (какой-нибудь деятельности, предприятия, учреждения).

Очковтирательство, *очковтирание*.

Самотеком — «по собственной инициативе», «без санкции и предписания сверху».

Сго́вор — «соглашение» (обычно отрицательного свойства).

Эмоциональный элемент представляли сначала в языке революционеров термины военного обихода: *Армия* (*рабочая армия* = рабочие); *авангард*; *фронт* (*фронт труда*, *фронт просвещения*...); *форпост*; *командные высоты*; *линия* (*генеральная линия*); *главный штаб*; *кампания*; *держать курс на ...*; *сигнализировать*; *даешь*; *смена*; *ударность*; *ударный*; *в ударном порядке* и др.

Некоторые имена существительные получили постоянные или почти постоянные определения-прилагательные. Этими прилагательными вначале подчеркивалось о с о б о е к а ч е с т в о или с в о й с т в о предметов и явления, — свойство, находившееся в связи с соответствующим настроением говорящих — революционеров и коммунистов.

Б о р ь б а: *бешеная*, *беспощадная*, *решительная*.

П р и в е т: *пламенный*, *интернациональный*, *коммунистический*.

Е д и н с т в о: *железное*, *стальное*.

П у т ь (партии): *верный*, *ленинский*.

А р м и я: *красная*, *трудовая*, *рабочая*.

Излюбленными эпитетами по отношению к явлениям и предметам революционного времени служат прилагательные *решительный*, *безоговорочный*, *трудовой*, *жесткий*, *народный*: «*Решительная* советизация» («Известия», 1925, № 183); *Решительные* успехи (обычно); *Решительный* курс на … (обычно).

Трудовой народ; *трудовая* интеллигенция; *трудовое* геройство; «*Трудовая* копейка» (газета) и др.

«*Жесткая* борьба с растратами» («Правда», 1926, № 29); «Принять по-отношению к ним *жесткие* меры» («К. Пр.», 1926, № 95); «*Жесткий* режим экономии» (1926).

Красная Армия; *красный* флот; *красный* Питер; занести на *красную* доску; *красный* профессор (Институт *красной* профессуры); «*Красная* Бавария» (пивоваренный завод «Бавария»); *красная* гулянка; *красные* посиделки и многое другое.

Народный судья (*нарсудья*); *народный* дом, *нардом*; *народный* артист и др.

Ср. еще характерные для времени эпитеты в названиях мастерских торговых предприятий: «*Освобожденный труд*», «*Личный труд*», «*Братская помощь*».

По отношению к отрицательным сторонам партийной и профессиональной деятельности употребляют определение *неважный*, *неважно*: «Большой недостаток наш: *неважно* проходят общие собрания» («Правда», 1925, № 254). Во всех этих случаях эмоциональный элемент выражен весьма слабо или же он совсем отсутствует.

Чтобы выразить г о р я ч и й привет, пользуются превосходной степенью для прилагательного *пламенный*: «Мы шлем *самый пламенный* привет нашим дорогим зарубежным братьям» («Правда», 1926, № 100). Или еще пример. Часто говорят об единстве партии, что она единая, монолитная… Чтобы усилить значение высказываемого («единства»), приходится подчеркнуть его другими словами, другими элементами: «Наша партия *единая и единственная*» («Спутник агитатора», 1926, № 16).

За последние годы стали популярны некоторые сочетания, имевшие раньше эмоциональное и экспрессивное значение в речи. Но теперь они употребляются или без всякого элемента эмоциональности (под *а*), или, может быть, с очень слабой эмоциональной окраской (под *б*).

а) *В первую голову* — «сперва», «прежде всего», «в первую очередь».

В последнем счете, *в конечном счете* — «в конце концов», «в результате».

Не годится это, *товарищи*, — «нельзя, недопустимо это, товарищи» (например, «Правда», 1925, № 29, и в др.).

б) Может быть, некоторая степень эмоциональности передается в таких выражениях:

Всерьез и надолго (идущее от Ленина).

Маркс *и* Энгельс («Известия», 1923, № 275); есть статьи *и* статьи — «статьи бывают различные»; есть профессора *и* профессора и т. п. (часто в речи).

Дело обстоит коряво — «положение дела неудовлетворительно». Так говорят в речах о делах… профессиональных организаций. Можно сказать в этих случаях и так: *дело обстоит неважно*.

Об ограниченном круге зрения часто говорят: «он смотрит на дело *со своей колокольни*» (например, в речи Луначарского — «Известия», 1926, № 252, и в обиходной речи многих советских деятелей);

«…Теперь “местничеством” определяется местный патриотизм, интересы *своей* “*колокольни*”» («Журналист», 1925, № 4).

Эмоциональность выражается также посредством формальных принадлежностей слова. Такое значение имеют уменьшительные суффиксы ***-ец-***, ***-ок-*** (жен. р. ***-ка-***) и в особенности ***-чик-***, ***-чка-***. Образование с этими суффиксами (если воспринимается уменьшительное значение, сообщаемое этими суффиксами) выражает ироническое, вообще отрицательное отношение говорящего к предметам или явлениям, названным именем с этими суффиксами. Такое средство выражения эмоциональности часто употреблял В. И. Ленин.

Разговорчики. Оттеночки: «Мы должны уберегаться от всякого *сигнальчика*, от всякого жеста» («Правда», 1926, № 144); «Думаете, *ошибочка* — экспорт битой птицы?» («Смехач», 1926, № 19).

Эмоциональный оттенок представляют образования с суффиксами ***-щина***, относящиеся к явлениям отрицательного свойства: *корниловщина*, *керенщина*, *партизанщина*, *макдональщина*, *дымовщина*, *фирсовщина* и мн. др.

Стремлением к эмоциональности в речи вызвана тенденция образования перфективных глаголов и производных имен существительных с префиксами ***вы-***, ***о-***, ***за-***, ***с-***, ***у-*** и с суффиксом ***-ну-***: «Партийный съезд должен в первую голову *вырешить* этот вопрос»[21] (Ленин). (Теперь обыкновенно говорят и пишут: *вырешить вопрос*, *вырешение вопроса*, *проблемы*.) «*Высвобождаться* из-под царящего разгула революционной фразы»[22] (Ленин); «Требовать *высвобождения* трудовиков из-под ига кадетов»[23] (Ленин); «Для *высвобождения* пролетарской линии из “массового” оборонческого и мелкобуржуазного угара»[24] (Ленин); «*Оказенить* сельского корреспондента» (Шафир. Газета и деревня. С. 133); *Оказенивание* работы; *Окомсомолиться*; *Окомсомоливание*: «Как *окомсомолить* посиделки?» («Сельский комсомолец», 1925, № 1); *Опионериться*; *Окоммуничиться*: «Шамраевцы решили *окоммуничиться*» («Правда», 1924, № 289); *Опролетаризировать*: «*Опролетаризировать* состав выборных органов» («Правда», 1926, № 18); *Обольшевичение*; *Орабочение*: «*Орабочивание* Совета» («Известия», 1924, № 295); «Пора бы нашим хозяйственникам подобрать хороший *орабоченный* аппарат» («Правда», 1924, № 283); «...*Произошло огосударствление*, *обобществление*

[21] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. С. 217.
[22] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 158.
[23] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 13. С. 346.
[24] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 144.

банкового дела, передача его в руки Советской власти»[25] (Л е н и н); «Профсоюзы были *огосударствлены*» («Известия», 1924, № 274); *Онэпиться*; «Середняк начинает крепнуть и *окулачиваться*» («Правда», 1924, № 287); «*Обуржуазивание* некоторой части работников в связи с нэпом» («На посту», № 2—3. С. 122); *Заснять* — «снять»; *засъемка*: «*Заснятые* культкино изображения» («Известия», 1925, № 245); «Приступлено к *засъемке* некоторых комсомольских фильм» («Сельский комсомолец», 1925, № 23); «Я утверждаю, что почти на все 100 проц. фильма *заснята* таким образом, что…» (Л у н а ч а р с к и й, «Известия», 1926, № 234); *Зачитать*: «Товарищи, разрешите *зачитать* здесь наказ нашего коллектива» («Правда», 1925, № 197); «*Зачитываю* резолюцию» («Правда», 1926, № 2); «Я *зачитываю* здесь один отрывок» («Правда», 1925, № 297); «Я для порядка *зачту*…» («Правда», 1926, № 55) (Так в речи всех партийных и советских деятелей); *Сформулировать*; *Сцементировать*; *Сработать*; *Сработанный* (аппарат); *Сработанность* (аппарата); *Укрупнение*: *укрупнение* волости; *укрупненные* сельсоветы («Правда», 1924, № 283); *Ужатие*: «*Ужатие* коснулось обслуживающего и тылового аппарата» («Известия», 1924, № 276); «А когда *голоснули* за совместное воспитание, поднялись все руки» («Октябрь, № 1. С. 165); «*Голоснем*! — крикнул кто-то…» («Правда», 1925, № 289); «Не лучше ли просто притти на общее собрание и *голоснуть* по списку?» («Ниж. Ком.», 1925, № 164); *Принято*; «Секретарь, *протокольни*... Погоди, чего ты не *голоснул*? Положи-ка перо да первоначально *голосни*! («Смехач», 1926, № 34); «Надо учиться, где их, сколько их *мобилизнуть*» (Б е з ы м е н с к и й. Война этажей); «Ну, ребятки, починились маленько, теперь — *работнем*, да так, что у Антанты из глаз искры полетят» («Правда», 1925, № 123); «Мы как-то *экспортнули* в Финляндии…» («Правда», 1926, № 96); «Митька, что всегда молчал, сегодня всем хвастает, что “*читанул*”» («Сельский Комсомолец», 1925, № 23); «Как же быть? Это дело надо *ликвиднуть*» (Из разговора).

Во время войны и после часто говорили о спекуляции: тот *спекульнул*, другой *спекульнул*…

Эмоционального происхождения сложные именные образования (composita) для названия лиц — образования, первую часть которых составляет *горе*, выражающее иронию по отношению к так называемому лицу: «*Горе*-революционеры»[26] (Л е н и н); «*Горе-мар-*

[25] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. С. 274.

[26] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 16. С. 13. Т. 36. С. 207.

ксист»[27] (Л е н и н); «*Горе*-критики» («К. Пр.», 1925, № 1); «*Горе*-врач» («Известия», 1926, № 125); «*Горе*-профчиновник» («Правда», 1926, № 36); «*Горе*-хозяйственники» («Правда», 1926, № 125); «*Горе*-докладчики» («Сельский Комсомолец», 1926, № 22); «*Горе*-стратеги» («Смехач», 1926, № 35).

В. И. Ленин нередко пользовался сложными образованиями и с иной первой частью, тоже подчеркивавшей ироническое и отрицательное отношение говорящего к называемому лицу. Первой частью такого образования были: *почти-*, *тоже-*, *якобы-*: «Поклонники истинно русских *почти*-Бисмарков»[28] (Л е н и н); «*почти*-марксисты»[29] (Л е н и н), «замена царской монархии гучково-милюковской *почти* республикой»[30] (Л е н и н); «попробуйте-ка, любезные *тоже*-марксисты»[31] (Л е н и н); «А. Керенский, представитель трудовиков и «*тоже*-социалист» (Л е н и н)[32]; «ученые или *-якобы* ученые люди кивали головою»[33] (Л е н и н).

В настоящее время следов таких образований (с *почти-*, *тоже-*) в речах партийных и советских лиц не обнаруживается.

[27] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 181.
[28] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. С. 109.
[29] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 21. С. 418.
[30] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 159.
[31] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. С. 416.
[32] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 152.
[33] Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. С. 274.

ИЗ «ОЧЕРКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ»

Предисловие публикатора
к «Очеркам по русскому языку современной эпохи»

В настоящем издании впервые публикуются два фрагмента из неизданного труда А. М. Селищева «Очерки по русскому языку современной эпохи»: глава VI «Демократизация языка. Рабочие элементы в языке. Диалектизмы. Украинизмы. Блатной жаргон» (РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 22. Л. 97—111) и глава XII «Из фонетики, морфологии и синтаксиса» (там же. Ед. хр. № 23. Л. 197—203). Текст всей книги состоит из нескольких объемных папок с рукописными фрагментами автора, вырезками из газет и ранних трудов А. М. Селищева по социолингвистике с необходимыми исправлениями, сделанными учеными в более позднее время. Написание данного труда следует отнести к концу 1930-х гг. По-видимому, он был задуман и начат еще до его ссылки в 1934 г., а продолжен и оформлен в окончательном виде по возвращении в 1937—1939 гг. Из документальных свидетельств ясно, что в 1937 г. А. М. Селищев занимался обработкой материала по языку современной эпохи. В одном из своих писем в партийные органы того времени он упоминает книгу «Язык революционной эпохи» и говорит, что «эта книга должна быть заменена другой», содержащей *новые* главы (цит. по изд.: *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е гг. М., 1994. С. 155). Но издать в целом подготовленную к печати книгу, как можно понять из просмотра имеющихся в РГАЛИ (ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 22, 23, 24, 25) материалов, ему так и не удалось.

К I тому «Очерков» А. М. Селищев собственноручно приложил предисловие (там же. Ед. хр. № 22. Л. 2), объясняющее причины, побудившие его заняться переделкой прежних материалов. Вот его текст:

> В моих более ранних работах по изучению русского языка современной эпохи много ошибок.

Непригодна для решения проблемы происхождения языковых процессов социологическая теория Дюркгейма—Мейе: языковые факты, современной эпохи в особенности, резко противоречат формализму этой теории.

Независимо от этой теории я дал много неверных объяснений фактов современности, — неверных в лингвистическом и политическом отношениях.

В своих статьях «О языке современной деревни» (журн. «Земля Советская», № 9, 1932) и «Die [russische] Sprache der Revolutionsepoche» («Moskauer Rundschau», № [15], 1933) я внес некоторые коррективы к прежним моим работам. Но ограниченный объем статей не позволял мне подробнее остановиться на затрагиваемых там вопросах.

Предлагаемые очерки представляют собою результат моих многолетних наблюдений над языковыми процессами современной эпохи. Эти очерки — только предварительный опыт лингвистического изучения нашей великой эпохи. Но при отсутствии описательных обобщающих работ, которые основывались бы на большом конкретном материале, я решаюсь издать свои очерки: может быть, они побудят одних к дальнейшим, более глубоким и всесторонним изучениям, и помогут другим в этом изучении.

А. Селищев

При воспроизведении текстов (в нашей выборке в большинстве своем это автографы с *новыми* материалами и очень незначительными дополнениями и вырезками из работ прежних лет) мы сохранили авторскую систему орфографии и пунктуации, лишь в отдельных случаях приведя ее к необходимому упорядочиванию, а также произвели, соответственно прежним трудам А. М. Селищева, небольшую техническую правку (постановка кавычек при цитациях, выделения курсивом примеров и т. п.). Многочисленные приписки, вставки и исправления автора внесены непосредственно в текст без комментариев. Отдельные незначительные детали указываются нами в примечаниях.

О. Н.

Глава VI. Демократизация языка. Рабочие элементы в языке. Диалектизмы. Украинизмы. Блатной жаргон

105. Пролетарская революция воспользовалась культурным наследием прошлого — литературным языком в том его составе и с теми его средствами, которые выработаны были в течение предшествующего времени, в том числе с теми демократическими элементами, которые внесены были в него писателями демократическими и революционными. Пролетарская революция отбросила и отбрасыва-

ет в этом наследии все те элементы, которые связаны с отжившим прошлым, с его политической, культурно-общественной и бытовою жизнью. Она вносит свои элементы, отражающие новую эпоху и ее идеологию, — эпоху диктатуры рабочего класса и строительства социализма. Это внесение выражается в том, что вводятся многочисленные новые слова и сочетания, некоторые прежние слова получают иное значение, приобретают особое значение некоторые словообразовательные и синтаксические элементы, входят новые черты в словообразование, в синтаксис, в фонетику. О новой лексике и об изменениях прежнего словарного фонда, о новых элементах в семантике, в синтаксисе, в формах и в фонетике говорится в соответствующих отделах. Здесь мы отметим углубление и расширение тех элементов демократизации литературного языка, которые намечались уже в дореволюционное время.

106. Отбрасываются пережитки речевой условности аристократических салонов и манерности буржуазно-мещанского стиля. Свободная от этих условностей речь переходит к более реальным по значению терминам, к более откровенной, непосредственной передаче настроения, без стеснения в выражениях, — если нужно было выразить гнев или презрение по отношению к противнику или раздражение *уклонами* своих товарищей.

Вращаясь в среде широких масс населения, революционеры употребляют иногда крепкие словечки и выразительные сочетания языка деревни, фабрики, низших слоев населения города.

Несколько примеров. *Головотяпы*. *Головотяпство*. — «Как часто в практической работе приходится встречаться с изумительным *головотяпством*. Борьба с *головотяпством* нужна большая» («Изв.» № 141. 1925).

Разгильдяйство. — «Победить текучесть рабочей силы, простои, *разгильдяйство* и т. д.» («Пр.» № 278. 1930).

Мразь, *нечисть* (праволевацкая), *сволочь* (белогвардейская и черносотенно-кадетская) и др. — «Мы довольно хладнокровно взирали на *беснование* буржуазной печати, хотя моментами нас *тошнило* при виде *бесшабашной клеветы и злобного воя разнузданных псов*, напущенных на Советскую Республику» («Изв.» № 94. 1925).

В деловой рабочей обстановке не приходится блюсти правила условного буржуазного этикета. Когда знакомят кого-нибудь с другим лицом, говорят: «Познакомьтесь!» вместо прежней формулы: «Позвольте Вам представить». По-видимому, того же происхождения словесный знак извинения «извиняюсь». Он стал широко применяться еще со времени мировой войны.

107. Пролетариат отходит от своей традиционной мещанской или крестьянской речи. Он переходит к усвоению общего национального языка. Об этом процессе замечания будут сделаны в отделе «Языковые процессы на фабрике и заводе»*. Здесь необходимо указать, что в литературный язык современной эпохи входят такие элементы, которые связаны с языком рабочих, с фабрикой и заводом, с производством и его терминами. Это проникновение характерно для литературного языка эпохи диктатуры рабочего класса: оно обусловлено ею. Давно уже в СССР не «служат», а *работают*, получают за выполняемую работу не «жалованье», а *заработную плату*, *зарплату*. Слово «работа» получило значение более широкое, чем раньше. Одно из новых значений его то, какое было в рабочей среде: работа — значило не только «работа», но и «место работы». — Я получил письмо с *работы*, ⟨…⟩ с места работы (из устной обыденной речи). Прилагательное «рабочий» служит современным эпитетом для названий многих явлений и предметов: рабочее законодательство, рабочий контроль, рабочий факультет (рабфак), рабочий распределитель, рабочий корреспондент (рабкор) и др. В борьбе с бюрократизмом в административном аппарате для сближения его с населением принимаются меры *орабочить* аппарат. Термин «орабочить» с значением «усиленный рабочий элемент» применяется также к институтам. Призыв *орабочить* раздается и в литературе.

…нужно автора
орабочить
орабочить
до самых корней…
(Н. А с е е в. «Лит. Газ.» № 49. 1930)

Определение «производственный» применяется не только на фабрике и заводе, но и по отношению ко всем другим видам труда. Так, напр., в университете учебное время — *производственное* время. «Разгильдяи срывают учебное *производственное* время» (из стен. газеты раб. ф-та Моск. ун-та. 1931). Особое значение имеет прилагательное «производственное» у советских поэтов. Этим словом определяется стихотворение, посвященное производству.

Повсюду, не только на фабриках и заводах, но и в учреждениях и учебных заведениях борются с *простоями*, с *прогулами*, с *прогульщиками*. «Поднятие трудовой дисциплины, развертывание соревнования и ударничества, полное изжитие *простоев* и *прогулов* — вот

* В настоящем издании не воспроизводится. — *Примеч. сост.*

путь борьбы за максимальные темпы учебы» («Свердловия» № 3. 1930). «Не допускать *простоев* и *прогулов*» (из лозунгов газеты Моск. ун-та. 1930).

Сырье для переработки поступает не только на фабрику, но и в университет. «Мы получаем *сырье* недостаточно подготовленное» (из речи директора Моск. ун-та. 1930). «*Сырье* для кадров» (из речи декана ист.-философ. факультета Моск. ун-та. 1930). «Сырье» — студенты.

При составлении программы по университетским курсам следует иметь в виду, чтобы «материал был *грузоподъемен*». Проработка учебного материала должна быть *доброкачественная* (из ун-та).

Производится *набор* студентов и аспирантов в университеты и институты.

По образцу заводской организации в университете (в Москве) введены в 1930—1931 гг. цеха: цех хозяйственно-производственной работы, цех общественных наук, цех физмеха, цех библиотечный. Имеются *цеховые месткомы*, *цехместкомы*.

Широко распространилось выражение «*взять* (кого-нибудь) *в работу*» (= «его надо проучить»).

Технические и производственные термины *установка*, *смычка* получили широкое теоретическое и программно-политическое значение, как отмечено было выше.

Образы рабочего производства и техники пришли на смену прежним образцам из библейских книг и древней истории — образам, которые были живы не только в речи буржуазно-демократических писателей, но и революционеров. Теперь говорят о *приводных ремнях*. — «Товарищи, я останавливался на работе по преимуществу *приводных ремней* от партии к массам» (из доклада т. Кагановича на XVI партийном съезде). «Сейчас советам, правлениям колхозов, колхозному активу и другим *приводным ремням* партии и советской власти правильно разъяснить в низах те планы, которые намечаются партией и нашим правительством» («Изв.» № 78. 1931).

Воздействие среды и языка рабочих отражается не только на лексике, но и на ударении слов (отдельных слов и целых формальных групп) и на окончании форм. В среде фабрично-заводских работников слово *квартал*, как название части производственного года, произносится многими с ударением на первом слоге: *ква́ртал*. Еще шире распространяются далеко за пределами фабрики формы причастия прошедшего времени страдательного залога с ударением на *ё* не только в единственном числе мужского рода, но и в других формах: *приведёны*, *приведёна*, *принесёна*, *обращёно* внимание и др.

Весьма широко действует тенденция образовывать форму множественного числа имен муж. рода с окончанием на ударенное *а*: *договорá*, *выговорá*, студенты изучают *говорá* (народные говоры), *секторá*, *фордá* (*на фордáх* лучше ездить), *фронтá* (на фронтах), *месяцá*, *кремá* (ед. крем), воды и *квасá*, *джемперá*, *примусá*, *тазá* (в бане), *инженерá*, *авторá*, *очередя*, *текстиля* и др.

108. Другой чертой, весьма значительной для современного литературного языка, главным образом с периода реконструкции, является широкое распространение фабрично-заводских терминов в советской среде. Это явление впервые обнаруживается теперь. В дореволюционное время интересы производства и техники и соответствующая речевая тематика не выходили за пределы фабрики и завода, за пределы кабинетов инженера и капиталиста. Теперь же вся общественность следит за могущественным размахом советской техники и обсуждает условия дальнейших успехов ее. Длинный ряд технических терминов стал широко известным и близким для читателей газет. Таков, напр., рассказ машиниста-стахановца: — «Желая работать по-стахановски, я подсчитал, что если вместо двух электровозов на горизонте будет работать только один, то значительно сократятся простои у опрокида и на разминовках. Если к тому же сократить время, затрачиваемое на сцепку и теряемое из-за частого бурения вагонеток, то производительность электровоза больше чем удвоится. Мне дали вместо одного сцепщика двух сцепщиков и были приведены в порядок пути. Два электровоза вывозили 260 тонн, а один вывозит 860 тонн» («Пр.» № 19. 1936).

109. В устную обиходную речь и в бытовой жанр письменной речи входят свободнее, чем раньше, слова, а иногда и крепкие словечки и выразительные сочетания широких масс населения, фабрики, пригорода, деревни. Напр.: *богатéй*, *бузá*, *бузотёр*, *бузу тереть*, *бузу затирать*, *бузúть*, *брякнуть* или *ляпнуть* («сказать что-нибудь неуместное, необдуманное»), *выпирать* (= «выгонять, выступать»), *девчата*, *лодырничать*, *наплевать* (= «не обращать внимания»), *нехватка*, *ничего* (= «терпимо»), *объегорить* (= «обмануть»), *парень* (= вместо прежнего «молодой человек»), *переть* (= «итти»), *пивнушка*, *просадить*, *пьянка*, *растранжиривать*, *ребята* (= «молодёжь»), *склока*, *склочник*, *смазать*, *трепач*, *учеба*, *хаить* и др.

«Выгода *богатеям* большая от такого землепользования» («Пр.» № 66. 1926). «Никаких слухов, никакой *бузы*» («Смена» № 6. 1924). «Только сидели — да *бузу бузили*» («Унив. Пр.» № 1. 1925). — «Приедем, дома *бузу затрем*, право. Даешь, мол, хорошие столовые, — говорила работница [из Костромы], прощаясь с ивановцами» («Пр.»

№ 142. 1925). «Мне кажется, в это дело надо внести ясность, иначе очень многим будет не особенно интересно получить незаслуженную кличку “*бузотер*”, а еще хуже “*склочника*” и совсем неинтересно попасть под «организационный вывод» («Раб. Москва» № 113. 1926). «Друз — в ячейке первый *бузотер*» (К о л о с о в. Буза). «Она [ячейка] не потерпит *бузы* и *трепачей*» (К о л о с о в. Буза). «Тов. Залуцкий так и *брякнул*» («Пр.» № 293). «Кто-нибудь из молодых или чересчур горячих товарищей что-нибудь *ляпнет*» («Изв.» № 285. 1925). «*Выпереть* из армии» («Пр.» № 144. 1926). «Эта идея сама собою *выпирает*» (доклады в Наркомпросе). — «До тех пор, пока *ребята* не осознают своих ошибок, не переменят своего отношения к *девчатам* — мы ничего не добьемся и не вовлечем *девчат* в наши ряды» («Унив. Пр.» № 1. 1925). «Многие вовсе не приходят: “*Наплевать*, без нас обойдется”» («К. Пр.» № 162. 1926). «*Нехватка* руководящего состава» («С. Комс.» № 1. 1926). «*Нехватка* рабочей силы. Первую неделю после получки живут *ничего*, а потом кладут зубы на полку» («К. Пр.» № 1. 1925). «В начале будто и *ничего*, устав выполнял, потом *забузил*, *закуралесил*, ну и…» («К. Пр.» № 4. 1925). «В Офелии пробовалась Черная Зоя — и Никпетож сказал, что *ничего*» (О г н е в. Дневник К. Рябцева. «Кр. Новь» X. 1926). «В докладе не *перло* крестьянским, мужицким духом» («Изв.» № 56. 1925). «Это — факт, а против факта не *попрешь*» («Свердловия» № 14. 1931). «Отвлек рабочих от *пивнушки*» («Пр.» № 66. 1926). 〈…〉 «Туда ездят на *пьянку*» («Изв.» № 132. 1925). «Меня удивляет, зачем допустили товарищи ленинградцы *растранжиривание* своего славного и заслуженного авторитета. Недопустимо *растранжиривать* ваш авторитет так, как *растранжиривают* его ваши отдельные товарищи» («Пр.» № 294. 1925). «Выписали журнал “Лапоть” беспартийные *ребята*… Дело, *ребята*!» («С. Комс.» № 23. 1925). «Стыдно не выписывать своей родной газеты. Подтянитесь, *ребята*!» («С. Комс.» № 23. 1925). «*Ребята*, китайские студенты в Китае, живут, сильно сжимаясь» («Кр. Мол.» № 1. 1925). «*Склоки*, ругань, грызня, скандал сопутствует ее деятельность» («Пр.» № 136. 1925). «Опровержение, которое превращает его из честного борца в жалкого *склочника* и клеветника» («Пр.» № 31. 1926). «Да он, Валандин-то, не то, что шкурник, — *склочник* он!» («Пр.» № 79. 1925). «Работа и *учеба* студенческих организаций» («Кр. Мол.» № 1. 1925, с. 110). «Повышение качества *учебы* студенчества» («Пр.» № 18. 1926).

Отметим еще слово «*давай!*» или двойное «*давай-давай!*» в значении «иди!», или так говорит председатель собрания, давая слово желающему высказаться. — «[Предс.] Есть вопросы? — “У меня во-

прос”. — [Предс.] *Давай, давай!*» («Пр.» № 286. 1930). — «Он… басовито крикнул: — А ну, ребята, расходись! Клуб закрывается. — *Давай*, *давай*, братва! Работать мешаете! — весело подхватил Демьянюк. — А, ну, живо!» (П л а т о ш к и н. Первый. «Молод. Гвардия» № 4. 1933).

В ф а м и л ь я р н о й бытовой речи отдельных лиц находятся слова, близкие к лексике блатного жаргона. Напр.: *катись!* («уходи!») или *катись колбасой! Дай пять!* («дай руку!, здравствуй!»). *На́ пять!*

Привет ударнику
в литературе
Товарищ!
Дай пять!..
(А с е е в. «Разговор по душам». «Лит. газ.» № 49. 1930)

Но в последние годы эти слова, как и другие, близкие к «блату», почти совсем вышли из употребления.

110. В Москве и в других городах центральных областей, в среде лиц, недостаточно пока владеющих литературным языком, употребляется форма сравнительной степени *хужéе* или *хужéй*, с ударением на *е*, вместо «хýже». Несколько лет тому назад в таком виде это наречие произносилось с ироническим оттенком. Теперь же приходится наблюдать *хужéе* как нормативную форму сравнит. степени в речи многих лиц. Стилистическое значение связано с «хужéе», «хужéй» в стиховторениях Безыменского.

111. Проникновение д и а л е к т и з м о в, языковых черт деревни в современный литературный язык весьма незначительно. В дореволюционное время в языке писателей дворянской среды с их помещичьей идеологией и при их связи с бытовой традицией деревни воздействие местного диалекта было более интенсивно. Теперь же происходит обратный процесс: усвоение общенационального, литературного языка в деревне в связи с процессом уничтожения противоположности между городом и деревней. Отметим одну широко распространенную современную диалектическую черту: это глагол *встать* вместо *стать*: река *встала* (вм. «река стала, покрылась льдом»), часы *встали* («часы стали, остановились»), *встать* на точку зрения («стать на точку зрения») и др. — «Мы стремимся к тому, чтобы все трудящиеся *встали* на сторону нашего строительства» («Изв.» № 10. 1925). «Крестьянство само и только само не сможет *встать* на правильные рельсы» («Кр. Татар.» № 26. 1925).

В 1929—1933 годах в Москве и в других городах широко применялось слово «хозяин» в обращении к какому-нибудь неизвестному

лицу. Это обращение имело просторечный стиль — не тот официально-деловой, с каким связано слово «гражданин». В обращении к женщине употреблялось, но реже, слово «хозяюшка». Происхождение этих слов-обращений — из речевой практики советских работников в деревне в годы ее коллективизации. Там приходилось нередко в обращении к единоличникам пользоваться этими словообращениями. В последние годы «хозяин», «хозяюшка», как словообращения, вышли из употребления: нет условий подновлять их применение: в деревне теперь — коллективная артель трудящихся; отдельные хозяйства утратили почти совсем свое значение.

В речи отдельных лиц, в том числе и писателей, можно наблюдать и другие черты речи деревни. Так, в одном из стихотворений И. Доранина глагол «положи́ть» имеет ударение на *-ло́-*: «То радуги, поло́жив друг на друга…» («Октябрь» № 2. 197).

У Третьякова, «1-е мая»:

Руку, товарищ! Враг, не *замай*!

Проникают иногда, хотя и весьма редко, диалектизмы и в корреспонденции центральных газет. Напр., глагол «скоро́дить» вм. «боронить». — «Ибо в семь лет крестьянский мальчик гоняет лошадей в ночное; в девять — *скородит*» («Пр.» № 134. 1925), — по отношению к прошлому деревни.

Некоторые современные писатели имеют склонность значительно вводить элементы народной речи в язык своих произведений, не только в речь персонажей, но и в авторское изложение. Были высказаны и теоретические соображения в пользу диалектизмов и вообще «жаргонизации» литературного языка. Таковы взгляды С. Третьякова[1], А. Серафимовича и некоторых других. Так, в языке романа Панферова «Бруски» А. Серафимович видел выражение «корявой, здоровой мужичьей силы, — той силы, которая свойственна мужику»… «Эта сила тоже корявая, тоже с этакими штуками» («Лит. газ.» № 13. 1934). А. М. Горький дал определенное, совершенно обоснованное указание не злоупотреблять провинциализмами, диалектизмами, не вносящими ничего ценного в художественном отношении в литературный язык. В частности, на народническое замечание А. Серафимовича о «корявой здоровой мужичьей силе» он писал: «Разрешите напомнить вам… что… культурно-политическая талантливо-последовательная работа партии Ленина-Сталина направ-

[1] «На литер. посту», № 11—12, 1929. — Критические замечания см. в статье К. Федина в журн. «Звезда», № 9, 1929, с. 148—151.

лена именно к тому, чтобы вытравить из сознания мужика эту его, хвалимую всеми “силу”, ибо сила эта есть в основе своей не что иное, как инстинкт классовый, инстинкт мелкого собственника» («Лит. газ.» № 17. 1934). В другом месте Горький обращал внимание сторонников литературных диалектизмов на их несоответствие содержанию современной эпохи. — «Я спрашиваю вас, Серафимович, и единомыслящих с вами: возможно ли посредством идиотического языка изобразить героику и романтизм действительности, творимой в Союзе Советских Социалистических Республик?» («Лит. газ.» № 9. 1934).

Средства местных диалектов могут найти себе художественную о б р а б о т к у в типической речи персонажей деревни. Но вводить в общий тип литературного языка диалектизмы, ничего не дающие ни в идеологическом, ни в художественном отношении, совершенно не целесообразно. Фонд литературного языка богат. От уменья писателя зависит воспользоваться средствами этого фонда.

112. В литературный язык советской эпохи проникают языковые элементы с юга, из областей У к р а и н ы. Так, в 1920-х годах часто говорили и писали в полуофициальном и бытовом стиле о *селянстве*, *селянах*, *селянках* в отношении к крестьянам и крестьянкам. Вначале эти имена применялись к сельскому населению Украины, а затем и России. — «Тов. Калинин среди *селян Харьковщины*» («Изв.» № 282. 1925). «Больше внимания селу, больше реальной помощи *селянству*» («Пр.» № 117. 1925). «*Селянство*» («К. Пр.» № 17. 1925). «Лечебная помощь *селянству*» («Изв.» № 35. 1926). «Миколаевна — *селянка*, которую знает все село как делегатку» («Пр.» № 117. 1925). «Смычка города и села невозможна без участия работницы и *селянки*» (плакаты, расклеенные по Москве 8 марта 1925). По-видимому, при употреблении терминов «селянство», «селяне» хотели избежать классовой окраски, заключающейся в словах «крестьянство», «крестьяне»: хотели сказать вообще: «сельское население».

В те же годы часто пользовались южными словом «*землероб*» вместо «крестьянин», «земледелец». Так, напр., в студенческих анкетах, в графе «занятие родителей» многие русские студенты писали: «землероб». Так отвечали и некоторые студенты коми, мари и др. В этом случае, в применении слова «землероб», ясно обнаруживается стремление подчеркнуть трудовой элемент в значении этого имени, элемент, выступающий тут ощутительнее, чем в слове «крестьянин».

Вместо «землероб» употребляется также южного происхождения слово «*хлебороб*». — «Хороший хозяин-*хлебороб* не знает пощады сусликам» («Изв.» № 263. 1930).

-роб входит и в новообразование: *хлопкороб*. — «Говорят *хлопкоробы*. Ваш специальный корреспондент встретил делегацию среднеазиатских *хлопкоробов* в пути» («Веч. Москва» № 256. 1929).

В 1920-х годах в комсомольской среде принято было называть девушку по-украински: *дивчина*. — «*Дивчина*, видно, дельная, — характеризуют в комсомольском собрании кандидатку в комсомол» (Пресня. 1925).

В колхозных селах, не только украинских, но и русских, открыты опытные сельскохозяйственные лаборатории, в название которых входит украинское слово *хата*: *хата-лаборатория*.

В устной деловой речи в Москве и в других местах употребляется украинское наречие «*самостийно*» (= «без руководящего указания»). — «Этот вопрос мы решили *самостийно*» (из речей в Научно-исслед. ин-те. 1929 г.). «На Д. Востоке возник *самостийно* комитет по новому корейскому алфавиту» (на засед. Госуд. Уч. Совета. 1930).

С юга зашло название одного из видов белого хлеба — *хала*.

Многие из русских усвоили украинское выражение «будьте ласкавы» в значении «пожалуйста», с некоторой особой эмоциональностью не делового содержания. — «Хлеб у нас закрыт, котелки вымыты — *будьте ласкавы*. У нас нету ни одной мушки — *будьте ласкавы*» (в одном общежитии. 1934).

В официальном языке за названиями украинских областей сохраняются украинские формы на *-щина*: *Харьковщина* (Харьковская область), *Полтавщина* (Полтавская область), *Днепропетровщина* и др.

113. В годы нэпа получили широкое распространение слова и сочетания из блатного жаргона — жаргона деклассированных. Среда, в которой они распространялись, — преимущественно среда молодежи города, фабрики и завода. С улицы эти слова проникли в среду молодежи и к учащимся в школе. В беллетристических произведениях 1920-х годов на темы из быта рабочих и населения города, а также в газетных статьях на те же темы представлены в изобилии эти слова, преимущественно в речи действующих лиц. Таковы рассказы М. Колосова (сборничек «Комсомольские рассказы»), Н. Карпова («Грызики-хозяйчики»), С. Григорьева («С мешком за смертью». 1924), в «Дневнике Кости Рябцева» Огнева (1926) и др.

Некоторые слова получили более широкое распространение: ими пользуются многие и в устной бытовой речи и в газете. Из наиболее распространенных слов и выражений блатно-жаргонного происхождения отметим следующие.

Амба! («кончено! конец!»).

Арапа заправлять («обманывать, дурачить»). — Ну, брось *арапа заправлять*! Мы не *арапа заправляем* — это факт.

На бога взять («обмануть).

Винтá дать («убежать»).

На-зэкс («хорошо»). — Моя теща *на-зэкс*.

Корешóк («товарищ»).

Липовый («фальшивый», «не настоящий»). — «Борьба с «*липовыми*» рабфаками. Главпрофобр получает за последнее время сведения о неожиданно возникающих в различных местностях курсах, которые сами присваивают себе название рабфаков. Такие "*липовые*" рабфаки возникли в В. Волочке, Златоусте и т. д.» («Изв.» № 14. 1929).

Перо («нож»).

Просыпался («попался», «не выдержал экзамена»).

Стрелять. — Стреляю за молоком («ищу молоко»).

Филóнить («притворяться больным»).

Фраер («жертва карманника; человек из преступной среды»).

Ша (знак осторожности; кончено!). — «Коля, — овраг, *ша*!» (разговор в роще). «Кто бузит там? Довольно! *Ша*!» (Стихотвор., «К. Пр.» № 87. 1925). «С тех пор *ша*!» (кончено! — разговор). «*Ша* [смотри], а то я…» (Городец, Горьков. обл.).

Шамать (есть). — «Все деньги вносятся в общий котел, вместе *шамают*» («М. Лен.» № 100. 1925). «Пионер должен вообще повести борьбу против ругательств и всяких выражений в роде: *шамать*, *на фиг* и др.» («П. Пр.» № 16. 1925). *Шамóвка* (столовая, пища).

Шкет (мальчик-оборванец; в жаргоне преступников — пассивная жертва педерастии). — «Вспомнил: Мы — такие *шкеты* / бегали толпой от городовых» (Стихотв. Малахова, «Пион.» № 8. 1924). «*Шкет*» — отдел стихотворений в сборнике Безыменского: «Иное солнце» (1-е изд.).

Шмара («развратная женщина»).

Шпанá, *шпанка*; *шпана* ты! (так ругаются; раньше — каторжник-бродяга).

Того же происхождения выражение «*на большой палец*», — выражение, бывшее одно время очень популярным. — Дело *на большой палец*! — во! (показывался вытянутый и поднятый вверх большой палец) — в значении — «хорошо», «очень хорошо». В деклассированной среде это выражение имеет то же значение. Происхождение его — сексуальное. На это указывает тот жест, с которым в среде «блатных» произносится оно: рука с поднятым большим пальцем опускается вниз. На то же указывает и словесный вариант этого выражения, бытующий в среде деклассированных: в этот вариант вхо-

дит новообразованное имя существительное для полового органа: — «*дело на е…ц*».

В 1920-х годах также весьма популярным было выражение «*на-ять*» в значении «хорошо», «прекрасно». Это наречие было в большом ходу среди всех слоев городского и фабрично-заводского населения. Употреблялось оно и в печати. Несколько примеров. — «Наша надежда, что летом работу кружка поставим *на -ять*» («М. Лен.» № 113. 1925). «А то бы ясно, повели работу *на -ять*» («М. Лен.» № 105. 1925). «Это было тем более удивительно, что книги бухгалтеров Гришина и Кожухова были в остальном образцовыми, — "*на -ять*", как говорил в суде главбух Карелин» («Веч. Москва» № 106. 1927). «Вот на днях № 1 выходит, прямо *на -ять*!» («Изв.» № 30. 1930). «Революция обидела ижицу. Она изгнала ее не только из азбуки, но и из жизни. Упразднив ее подругу — ять, мы все же оставили для нее некоторое место в нашем быту. У нас больше прописывают ижицу, но многое мы делаем *на -ять*. Обходясь без ятя в правописании, мы расколошматили *на -ять* белые армии, мы строим *на -ять* наше хозяйство, мы делаем *на -ять* нашу внешнюю политику. Про всякое наше достижением мы говорим: "Сделано *на-ять*» («К. Пр.» № 68. 1926).

Надо полагать, что с профессиональным школьным языком (буква «ять») это выражение не связано. Оно того же происхождения, что и указанное выше («на большой палец» и вариант его): конструкция и значение тожественны в этих выражениях. Внесено только звуковое изменение во второе слово, внесено для эвфемистической цели.

В последние годы эти выражения почти совсем вышли из употребления.

Известные явления бытовой жизни в период нэпа, лица деклассированных групп, действовавшие на рынке и на улице, их разговоры, насыщенные элементами образности, специфической для этой среды, таинственные разговоры об авантюристических похождениях производили в то время сильное впечатление на молодежь, и она воспринимала от них слова блатного жаргона. Не специфичность содержания, свойственного деклассированными, а эмоциональная окраска обусловила эти заимствования. На эмоциональность, как на причину заимствования, указывает сама молодежь. «Конечно, выходит *красочно*, но…» — пишет один из молодых рабочих корреспондентов из Свердловска. Другой пишет из Лубен: «Теперь коснемся слов не иностранных, а новых, собственно русских, как-то: "зануда", "шамовка", "буза" и т. д. Я думаю, (исключая слова ругани), — такие слова нельзя выбрасывать из нашего языка. Ведь это слова, ко-

торые смогут заменить яркостью наши тусклые [!] старые слова». — Как видно, в последней корреспонденции отмечена не только яркость некоторых слов «блатной музыки», но и связь их с общественными явлениями.

Во многих словах блатного жаргона с переходом их в рабочую среду утрачены специфические особенности значения, которые были свойственны им в мире деклассированном, в мире преступном. Напр.: *шкет*: мальчик, жертва полового извращения в среде преступников, мальчуган — за пределами этой среды; *шмара* — проститутка в блатной среде, — девушка, девчонка за пределами ее и др.

В те годы кое-кто из рабочей молодежи стал смотреть на уснащение речи блатными словами как на признак особого «рабочего» или «пролетарского» языка, отличающегося от языка интеллигенции. Общественность сурово выступила на борьбу с блатными элементами в жизни и речи. Приняты были решительные меры для ликвидации деклассированности. Приняты воспитательные меры по отношению к беспризорным. Сосредоточенные в трудовые колонии, они перековываются в классово-сознательных тружеников. Из беспризорников становятся *безнадзорниками*. Приняты были разъяснительные меры и по отношению к рабочей молодежи с указанием на вред, какой приносят блатные элементы в жизни и в языке: они должны быть чужды рабочей среде. С мнимым «рабочим» языком, т. е. с языком, испещренным словами воровского жаргона, «надо повести беспощадную войну. Всякий комсомолец, всякий молодой рабочий должен говорить на своем, на культурном языке, а не на каком-то блатном. Наш язык — наше достижение, наша культура. Не нужно бояться образованности, не нужно бояться интеллигентности». Так писал «Молодой Большевик» в № 15—16, 1926 г., с. 73 (статья Н. Марковского «За культуру комсомольского языка»). В самой рабочей среде раздавались молодые голоса, осуждавшие слова «блата», требовавшие объявить им войну. Такие слова, употребляемые молодежью, как «штыми»[2], «мент»[3], «бубон»[4], «подначать»[5], «фраер» и др. — «создают довольно-таки варварски-воровской лексикон, который не к лицу в особенности рабочей молодежи. Варваризму в нашем языке надо объявить жесточайшую войну» (1929). В одном письме указана область, откуда идут блатные слова, и дана

[2] «жертва»
[3] «милиционер»
[4] «бутылка»
[5] «подговаривать»

оценка носителям их. «Во время моих экскурсий я новую терминологию заметил в приморских и промышленных городах». О носителях этой терминологии говорится так: «Последних можно встретить на окраинах вышеупомянутых городов. Бездельники, которых ничто не интересует, которые думают только о бутылке, о магарыче. Вот эти-то бездельники-хулиганы и являются раздувателями, носителями “новых” слов и “новых” фраз, иначе их называют “богами”». Так писал один из комсомольцев Запорожья[6].

В последние годы спрос на блатной жаргон весьма сильно упал. В широкой пролетарской среде встречаются иногда в просторечном стиле немногие из таких слов, — при том уже совсем утратившие свою блатную специфичность. Напр., *шамать*, *липовый*. В среде рабочей молодежи еще держится в обиходе много таких слов. Но они с каждым годом идут на убыль. Теперь уже не бравируют этими словами.

Не только общественное осуждение употребления блатных слов, но и углубленное овладение средствами современного литературного языка и современной культуры отбросит манеру обращаться в некоторых случаях к словам блатного жаргона. Перед советской молодежью открыт источник, откуда она может черпать средства для выражения всех оттенков своей мысли и чувства. Это современный литературный язык эпохи социалистического строительства и социалистической культуры, язык вождей трудящихся и лучших писателей. Молодежь теперь имеет возможность получить средства воспользоваться богатствами этого источника. Иное на капиталистическом западе. Там, в Германии, во Франции, во 2-ой половине XIX века и в особенности после мировой войны, среди буржуазии обнаруживается недовольство средствами литературного языка: они стали недейственны для нее. Средство заполнить идеологическую пустоту, при своем классовом надломе, она ищет в кабаре, в среде деклассированной богемы. Многочисленные слова и выражения этой среды подхватываются лицами «утонченного» буржуазного стиля и смакуются ими[7].

Словарные указатели блатного жаргона: Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. Изд. Управления Уголовного розыска. М., 1923. 2-е изд. 1927. В. Т о н к о в. Опыт исследования воровского

[6] Из писем комсомольцев, присланных в 1929 г. в редакцию «Комсом. Правды» по поводу статьи М. А л ь м и н с к о г о «Порча языка», напечатанной в «Комсом. Правде».

[7] См. в книгах: L. S a i n é a n. Le langage parisien au XIXe siècle. Paris, 1920 (о французском языке), A g. L a s c h. Berlinisch. Eine berlinische Sprachgeschichte. Berlin, 1926. C. 170—177 (о немецком языке).

языка. Казань, 1930. В. Стратен. Об арго и арготизмах («Русский язык в советской школе». М., 1929. № 5). В. Петров. З фольклору правопорушників («Етнографичний Вісник». 1926. Кн. 2. Київ).

XII. Из фонетики, морфологии и синтаксиса

180. Глубокие, соответствующие содержанию современной эпохи, изменения переживает литературный язык в отношении лексического фонда, его состава и значения. Изменения, хотя и не столь значительные, как в лексике, происходят также в отношении других сторон языковой деятельности. Революция и последующие события и обстоятельства отразились и на фонетике литературного языка. В основе ее лежало московское произношение. Московская речь, ее фонетика, формы, традиционно-бытовая лексика, представляла в своей истории сочетание элементов разных русских диалектических групп — севернорусской и южнорусской. Основу ее в давнее время составляли элементы северные. В течение времени в состав московской речи вошли элементы южнорусские (южновеликорусские) в связи со взаимоотношением московских севернорусов с населением из местностей к югу от Москвы. (Одно из характерных явлений ⟨…⟩* двух фонетических типов представ ⟨…⟩ системы неударенных относятся следующие.

1) Формы 2 лица и 3 лица единств. числа настоящего времени 1-го и 2-го спряжения (основы на *-е*, *-не*, *-и*) в речи старшего поколения имеют одинаковый гласный перед *ш* и *т* — гласный неполного образования между *ĕ* и *й*, ближе к *й*. Транскрибируем посредством знака *ь* — *бу́дьш*, *ви́дьш*…

В речи молодого поколения эти гласные не одинаковы: в глаголах 1-го спряжения — *ь*, в глаголах второго спряжения *ĭ* (*и* неполного образования) — *бу́дьш*, *ви́дьш*…, т. е. восстановлено различие гласного перед *ш*, *т* в этих глаголах, — восстановлено под воздействием орфографии.

2) Неодинаково образование неударенного гласного в именах существительных и прилагательных среднего рода единств. числа и в наречиях.

В речи старшего поколения произносится гласный неполного образования, близкий к слабому *ы̆*, но при положении языка более зад-

* Здесь и далее в рукописи часть листа с текстом оборвана. — *Примеч. сост.*

нем и более низком, чем при *ы*. Транскрибируем этот гласный знаком *ъ* — *до́бръйъ* (орфогр. «доброе»), *си́ньйъ* («синее»), *ли́с'йъ* («лисье»), *дво́йъ* («двое»), *ӳмне́йъ* («умнее»).

У младшего поколения вместо конечного *ъ* в этих формах находится гласный *ь* — *до́бръйь* («доброе»), *си́ньйь* («синее»), *двойь* («двое») или даже *ĕ* (слабое *е*): *до́бръйĕ* («доброе»).

Такое произношение окончания этих форм в речи младшего поколения вызвано орфографическим воздействием — окончанием *е*, его произношением в неударенном положении (*ь*, *ĕ*).

3) Безударное окончание формы именительного падежа единственного числа прилагательных муж. рода в речи старшего поколения — гласные неполного образования — *-ъй*, *-ьй* — *до́бръй*, *си́ньй*…

В речи младшего поколения — образование с гласным ближе к *ы*, к *ĭ*: *до́брыйĭ*, *си́нйĭ*.

После *к*, *г*, *х* в речи старшего поколения окончания *-ъй*, как после других согласных — *то́нкъй*, *ти́хъй*…

В речи младшего поколения *-йĭ* после мягких *к*, *г*, *х* — *то́нк'йĭ*, *ти́х'йĭ*…

Во всех этих случаях в речи младшего поколения ясно отражается воздействие орфографии.

4) В речи старшего поколения произносится гласный *ъ* после *к*, *г*, *х* в глаголах на *-ивать* («оплакивать», «запугивать», «спихивать»…), как и в других глаголах после твердого согласного (*-ывать*, *-овать*: «заглядывать», «советовать»…) — *ăпла́къвът'*, *зăпу́гъвът'*, *с'пи́хъвът'* (как и: *зăгля́дъвът'*, *сăве́тъвът'*…).

В речи молодого поколения и в данном случае нарушен результат аналогии, отражающийся в речи старшего поколения: молодое поколение говорит: *сăве́тъвът'*, но *ăпла́к'ĭвът', зăпу́г'ĭвът'*, — говорит так под влиянием орфографической дифференциации: «заглядывать», «оплакивать»…).

5) В речи старшего поколения давние традиционные слова, имевшие некогда *чн*, произносятся с *шн*: *нăро́шнъ* («нарочно»), *кăне́шнъ* («конечно»), *ску́шнъ* («скучно»), *гре́шньвъй* («гречневый»), *кăлашнъй рят* («калачный ряд») и др.; в суффиксах *-шник* вместо *-чник*: *ло́дъшник* («лодочник»), *ла́въшник* («лавочник») и др. Новообразования с этим суффиксом: *бу́лъшник* («булочник»). Но не мало слов в речи старшего поколения господствовавших классов было и с подновленным сочетанием *чн*: *нъчно́й* («ночной»), *свьчно́й*, *то́чнъ*, *сь^{е}рдé́чнъй*, *да́чник* и др. (В мещанской среде более последовательно выдерживаются сочетания с *шн*: *свьшно́й*, *да́шник*…)

В речи молодого поколения менее устойчивости, чем в речи старших, в отношении *чн*: преимущественное значение имеет произношение с *чн*.

Другие расхождения речи старшего и младшего поколений москвичей вызваны были иными факторами.

1) Так, фонетического значения сочетание с твердым *р* вместо мягкого *р*’ в словах *ве́рх*, *верхни́й*, *це́ркъф*’, *чёт*’*ве́рк*. У старшего поколения — *р*’: *вер*’*х*, *це́р*’*къф*’, *чётве́р*’*к*.

2) Чаще твердый *р* находится в речи младшего поколения в сочетаниях перед мягким зубным и губным согласным — *скор*’*п*’, но чаще — *скорп*’, *у́мьр*’*лй* —*у́мьрлй*, *фто́р*’*нйк* — *фто́рнйк*… В речи старшего поколения плавный *р* в этих сочетаниях произносится мягко: *р*’.

3) Непоследовательно передается в речи младшего поколения и образование согласного в предлоге и префиксе перед мягким согласным следующего слога: *-с*’*-ви́дў*, а также *с-ви́дў*, *ăб*’*йо́м* и *ăбйо́м*, *ăт-ве́тръ*… В речи старшего поколения согласный предлога и префикса в этих сочетаниях является мягким: *ăб*’*йо́м*…

4) Продолжается процесс замены фрикативного (длительного) *γ* посредством затворного (взрывного) *г*. С таким согласным (*γ*) произносились некоторые слова украинского и белорусского происхождения, — слова преимущественно церковно-книжной среды. В XVIII-м — в начале XIX-го века образованные москвичи произносили много слов с *γ*[8]. Но к концу XIX-го века — к началу XX-го слов с таким согласным осталось мало: *γóспъди!*, *γъспóт*’, *бóγъ*, *бóγў*…, *блáгъ* («благо» и производные: «благородный», «благодарю»…), *бăγáтъй.*

Иного происхождения, фонетического, — результат диссимиляции — согласный *γ* в словах *γдé* («где»), *къγдá*, *тъγдá*: *гд* > *γд,* как *кт* > *хт: кто* > *хто.* Результат ассимиляции *γ* вм. *х: хд* > *γд* — *их-дом* > *иγ-дом.*

В речи молодого поколения указанные выше слова церковно-книжной среды произносятся с взрывным *г*: *бóгў*. Но держатся эти слова и с фрикативным *γ*, в особенности в восклицательном слове «*γóспъди!*». При этом, в речи молодых всех сторон* великого Союза. Трудящиеся усвоили и усваивают ценности из наследия прошлого, перерабатывая их идеологическое содержание в применении к по-

[8] В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории рус. лит. языка. [М., 1938]. С. 91, 149.

* Так в рукописи. — *Примеч. сост*.

требностям социалистического общества. Той же переработке подвергается и литературный язык. С него снята теперь сословно-классовая, буржуазно-дворянская печать. Он становится достоянием широчайших масс трудящихся. Он энергично усваивается и в городе и в колхозной деревне. Интенсивность взаимоотношений населения, школа, всевозможные курсы, печать способствуют скорейшему усвоению литературного языка. Но в произношении его нет единообразия: в фонетике представлены в той или иной степени элементы местной, областной речи. Большое разнообразие в отношении фонетики представляет и теперешнее население Москвы. К норме старого московского произношения приспосабливаются слабо или совсем не приспосабливаются. Даже сцена московских театров, оберегавшая нормы дореволюционного московского произношения, в последние годы стала отступать от них, — отступать под воздействием живой речи современности. Некоторые черты прежних норм, бывшие не так давно обязательными, считаются на сцене теперь архаическими, свойственными старому московскому быту. Как обнаружено в интересных и важных наблюдениях С. И. Бернштейна над языком сценических деятелей, с этими чертами представлены на сцене персонажи из купеческой и мещанской среды[9]. Одной из таких отживших черт является произношение гласного ъ в таких сочетаниях как: — *како́йъ ш'ш'ас'т'йъ* («какое счастье»), *чистойъ по́л'ъ* («чистое поле»), *дво́йъ* («двое»), *тройъ* («трое») и т. п. Теперь не только в обиходной речи нестарых москвичей, но и на сцене произносят в таких сочетаниях гласный ь: *кӑко́йь ш'ш'ас'т'йь, тро́йь*…

Получают более широкое распространение и другие черты московской речи, которыми более молодое поколение москвичей отличалось от стариков. Те же черты, хотя и не последовательно, представляет и речь московской сцены. Так, взрывной согласный *г* и фрикативный *γ* в слове «бога», «богу»…; *г* и *γ* перед *д*: *кӑγда*, *фсьгда́*; твердый *р*: *карти́на*, *па́ртиийъ*, но и: *смер'т'* и *смерть'*. Твердость и мягкость согласного предлога и приставки перед мягким согласным следующего слога: *пӑдйо́м* (подъем), *в' бьду́* (в беду) (по наблюдению С. И. Бернштейна. См. в указанной выше его статье).

182. Во многих случаях происходит дальнейшее осуществление того, что наметилось уже в начале 1900-х годов или даже раньше, в особенности в речи населения другого общественно-культурного

[9] См. его статью «Назревший вопрос» в журн. «Русский язык в школе», 1936, № 5, с. 112—113.

центра прежней России — в Петербурге[10], — сближение произношения с орфографией. Это — один из принципов, которые будут применены в выработке образцового единообразного произношения для русского национального языка. В применении этого принципа будут отвергнуты те крайности в следовании орфографии, которые можно наблюдать в настоящее время: произношение *го* с *г*: *сьго́дн'ъ* («сегодня»), *сьго́ го́дъ*; *е* в таких словах как: наметка («намётка» — предварительный плановый набросок), учеба («учёба») и др. Несомненно, временного значения случаи гиперурбанизма: произношение твердых согласных перед *е* (*тэ*, *дэ*, *сэ*…) не только в словах иноязычных, но и русских или таких иностранных, которые уже вошли в звуковую систему русского языка. Так, говорят некоторые «спэц», но «сп'ециальность», «нацмэн», но «нацм'еньшинства», «Есэнин» (Есенин). Такого же, преходящего значения и неточности в произношении иноязычных слов. В 1920-х годах широко было распространено произношение «конста*н*тировать», «инци*н*дент». Теперь эта неправильность, кажется, ликвидирована. В связи с процессом ликвидации ее появилась другая неправильность, разумеется, не на долгое время: произношение «корресподент», — без *н* перед *д*: частые ошибки в произношении слов «инцидент», «констатировать», с лишним *н*, породили боязнь по отношению к *н* в передаче латинского корня — respond-ео («отвечаю»).

Стремление к точности в произношении иноязычных слов возобновит прежнюю тенденцию, существовавшую в среде русской интеллигенции: произносить мягкое *ц'* в заимствованных словах: *конституц'ия*, *конфэрэнц'ия*, *дисц'иплина*…

Полные, последовательно проведенные описания произношения разных групп населения Москвы, Ленинграда и других крупных областных городов, описание произношения сценического и радиодикторского дадут возможность наметить общие фонетические тенденции и выработать нормы современной орфоэпии. Школа должна быть более активной в развитии нормального произношения у учащихся. Еще бо́льшее значение принадлежит общественному воздействию на утверждение норм современной орфоэпии.

[10] В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории рус. лит. языка. [М., 1938] С. 236.

О ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ*

1. Революционные годы, время ломки классовых отношений и группировок предшествующего времени, перестройка социальная и бытовая отразились весьма значительно в жизни деревни. Общий результат происшедших изменений — ослабление традиции в отношении всех сторон жизни деревни и сближение с городом, с фабрикой и с заводом. В связи с изменениями социальных, экономических и культурно-бытовых процессов происходят весьма глубокие сдвиги и в языке. Усваивается длинный ряд новых терминов, обозначающих новые предметы и явления. Усваиваются и другие элементы литературного языка: слова, сочетания, некоторые черты в формах и в произношении. Интенсивнее стали связи деревни с городом и заводом. Постоянно ощущается необходимость в общении с представителями города и рабочей среды и вместе с этим необходимость пользоваться современными терминами общественного, экономического, культурного и бытового значения. Под общим воздействием городской и рабочей среды проникают и такие речевые черты современного литературного языка, которые не связаны с теми или иными конкретными новыми явлениями в жизни. Ослабление связи с общественно-бытовой традицией и полный разрыв с нею вызывают потребность и говорить по-новому. Стремление к овладению общегородским, литературным языком в революционную эпоху, в особенности в последние годы, усиливается в высокой степени и приобретает иную классовую значимость по сравнению с процессом проникновения литературного языка в широкие массы в дореволюционное время.

---

* Публикуется по изданию: С е л и щ е в А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 428—486. — *Примеч. сост*.

Не только потребности экономические, общественно-политические и культурно-бытовые побуждают к этому усвоению, но и то обстоятельство, что элементы общего городского, литературного языка не связываются более с чуждыми классами — помещиками и буржуазией. Этот язык в его современном виде, является теперь языком широкой советской общественности.

2. Усвоение элементов, прежде всего словарных, литературного языка на основе воздействия социальных и культурно-бытовых процессов современной эпохи происходило в течение всех лет после Октября. Но в первые годы оно не было таким глубоким и широким, каким оно стало с конца 1920-х годов. Но и в первые 5—7 лет в деревне усвоен был из общегородского, литературного языка длинный ряд новых слов и сочетаний. Одни из этих слов относились к предметам и явлениям современной жизни. Другие были взяты из речевого обихода лиц, пользующихся элементами современного литературного языка. Слова первой группы относятся к предметам и явлениям, с которыми деревенскому жителю приходится иметь дело. Это названия органов власти, правительственных и общественных учреждений села, деревни, ближайшего города и некоторых связанных с ними явлений. В произношении и в значении новых слов второй группы — слов речевого обихода — были представлены большие отклонения от литературного языка. Происходит одна из переходных стадий в усвоении новых языковых элементов. Это усвоение было неодинаково среди населения деревни: лица, более передовые в общественном и культурном отношении, овладевали новыми словами и сочетаниями полнее, чем консервативные. Но и у активистов много было еще недочетов в пользовании элементами литературного языка. Один ревнитель старого типа крестьянской речи и строгий судья современной переходной языковой стадии, переживаемой в деревне, так отзывался в 1926 г. о языке деревенской молодежи: «Послушаешь молодого — удивляешься: “постольку-поскольку”, “в общем и целом”, “константируем”, “явный факт”…» («Известия», № 111, 1926).

Кроме указанных примеров, отметим еще такие: *на сто процентов*; *поскольку*; *ничего подобного*; *ибо*; *дергать* (*дерьгать*) и многие другие. Один станичник-кубанец пишет в 1924 г. в местную стенную газету: «Братва это нехорошо… так от братва нада в общественных зданиях не курит и не сорит а следит за честотой *ибо* от этого заболевают люди»[1]. «И сечас меня *дерьгают на сто процентов*» (Пошехонье); «Я ево знаю, *поскольку я* живу здесь» (Городецкий район).

[1] Б е ж к о в и ч А. Стенная газета в деревне // Обновленная деревня. Л., 1925. С. 46.

Слова речевого обихода, не связанные с конкретными предметами и явлениями современности, усваиваются не только молодежью, но и пожилыми крестьянами. «Это *прямой факт*» (= это верно), — говорил старик в деревне Шишовке, Пошехоно-Володарского уезда (района); «А это фсё одна *мораль* и больше ничево, а ты на деле покажи», — говорил другой обитатель той же Шишовки. А вот из письма одного старообрядца (!) в селе Старый Тарбагатай, Верхнеудинского уезда, в Забайкалье, от 14 марта 1925 г.: «Книги предлагаемые нужны, но *дело в следующем*…; в нас слыхи *циркулируют*...» И в эту среду проникли языковые элементы современности.

В 1925 г. мой слушатель А. К. Салтыков записал в одной из деревень б. Мышкинского уезда Ярославской губ. ряд новых слов.

Отметил он и крестьянские толкования этих слов. Такие слова, как *товарищ*, *гражданин*, *гражданка*, восприняты были в деревне в качестве слов-обращений: ***Гражданин*** *— это пононешнему зовут так.* Затем в большинстве случаев произошла конкретизация того или иного термина: он относится к данному предмету в его деревенской обстановке или к той его стороне или функции, которая наиболее доступна наблюдению и восприятию деревенского жителя или представляет для него преимущественное значение: ***пионеры (пяонеры)*** *— это ходят с барабаном и поют*; ***легистрация*** *— это записываться жениху и невесте*; ***категория*** *— это деньги нам так дают*, *кому больше*, *кому меньше*; ***кила*** *— это хлеб вешают этим килам* (*этими килами*). Другие примеры:

Детский дом *— это детям дают вспомоганье*, *их кормят*.

Дом крестьянина *— где обращаемся за делом*, *тут же и ночевать можно*.

Елагатка — *это баб на собрание выбирают* (делегатка. — А. С.).

Емпа *— так лавку зовут*, *в ней дешевле* (ЕПО — единое потребительское общество. — *А. С.*).

Закса *— в этой заксе молодые расписываются*.

Изба-читальня *— это где мужики зимой читают*.

Камуна *— это вместе работают*.

Кандидат *— это когда выбирают лишнево*.

Леквидацея *— это старых учат грамоте*.

Лекция *— это о чем-нибудь отчитывают*.

Мелицея, ***милиция*** — 1) *это тоже вроде красногвардейцев*, *только они не на войне*, *а в городе за порядком следят*; 2) *это туда заявления подают*, *когда о чем хлопочут*.

Меньшевики *— они не за Советскую власть*.

Митинг *— это речи говорят.*

Народный дом *— там спектакли бывают.*

Оборт *— это робенка когда не хотят родить.*

Партейной *— кто принадлежит к партее.*

Республика *— это новое право.*

Середняк *— это состоятельный крестьянин.*

Социализма *— это по-новому жить.*

Союз *— это записываются, когда на службу поступают; в союз войти, через союз пройти.*

Спектакль, ***спертак***, ***спертакли*** *— это представляют; это комедии представляют.*

Френчик *— это нонешняя тужурка.*

Холстовка *— толстовка.*

Хренчик *— френчик.*

Юбка-клёш *— это широкое платье.*

Юрист-консул *— это насчет земли дележки к нему ходят.*

В связи с новыми обстоятельствами и явлениями возникли внутри самой деревенской среды новые слова. Некоторые прежние слова получают новое значение. Например: ***подученье*** *— это собирают красноармейцев подучиваться*; ***говорун*** *— радио* **(*радиво*)**; ***разгрудáй*** *— ходящий с открытой грудью.*

3. На некоторых новых словах, на звуковом виде и на значении их отражается речь разных групп населения деревни. Значительное изменение семантическое и звуковое потерпели слова в среде лиц старого поколения, лиц консервативной ориентации: ***виклигацея неграмотных*** (у других лиц — ***леквидацея***…), ***лариводной***, ***радивонной*** *— это кто собрания устраивает* (районный); ***ларивонной председатель*** *— это в роде старосты над большим обществом*; ***лариольное***, ***ранённое*** *собрание — это собираются несколько деревень.* От старика в застегнутой косоворотке или от старухи в длиннополой кофте пошло название *От старика в засте* (радио) — говорят пожилые неграмотные женщины. А одна старуха совсем не восприняла слово «радио», предпочтя применить в этом случае традиционное слово *говорун.*

Вот некоторые данные для суждения о языковой деятельности в деревне в первые 8 лет после Октября.

4. Процесс коллективизации сельского хозяйства производит глубочайшие изменения в социальном, культурном и бытовом облике деревни и в связи с этим в языке ее. Самые названия колхозов носят яркий отпечаток общественных и классовых процессов и тенденций современной эпохи: «*Красный Октябрь*», «*Дело Октября*»,

«*Путь к социализму*», «*Трудовик*», «*Пионер*», «*Ударник*», «*Путь Ленина*», «*Красная заря*», «*Красный пахарь*» и др.; огромное число имеет определение *новый*, *новая*: «*Новая жизнь*», «*Заря новой жизни*», «*Новый мир*», «*Новый путь*», «*Новый труд*», «*Новый быт*», «*Новая деревня*», «*Новый пахарь*», «*Новые рельсы*» и др. Колхозное строительство ломает прежний общественно-бытовой уклад, открывает новую эпоху в социальной судьбе крестьянина. Он ясно сознает происходящий перелом: идет новая жизнь. «*Новая жизнь* наступает. Ох, дяденька, страшно!» — пугливо восклицает одна колеблющаяся молодая женщина, вступая в колхоз (Тульский район). «Мы перешли на *новую жизнь* колхоза», — смело говорит колхозник-активист на севере (Мёжа). «Колхозница Матрена Алексевна — она хоть и старая, но к *новой жизни* борец. Она соседей с умолением просит вступать в колхоз и не слушать кулацких сплетней, а бороться за *новую жизнь*» (Из материалов колхозной газеты в Удомельском районе Московской обл., 1931 г.).

«В деревне создается крупное хозяйство социалистического типа, вооружаемое новой техникой. К 1 декабря 1931 г. коллективизацией было охвачено свыше 62 процентов всех крестьянских хозяйств Союза. На 1 июля 1936 г. в РСФСР было коллективизировано 90,3 % крестьянских хозяйств. Число колхозов в РСФСР составляло 173 824. Им принадлежит 98,5 % всей посевной площади республики» («Пр.» № 15. 1937).

Основное звено коллективнохозяйственной системы представляет собою объединение в форме артели. Уничтожены межи отдельных участков — создана единая колхозная земельная площадь. «Взорвем межи!» — боевой лозунг, выброшенный колхозниками в Калужском районе 1 Мая. Обобществлен весь рабочий скот (*рабскот*), весь сельскохозяйственный инвентарь, товарно-продуктовый скот, обобществлены семенные запасы, кормовые средства, необходимые для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки, необходимые для ведения артельного хозяйства, все предприятия по переработке. Если кто-нибудь из колхозников скажет по отношению к обобществленному имуществу «мой», «моя», то на это раздаются сердитые замечания: «Топерь нет ни мово, ни твово, — топерь все общее; государственно» (Городецкий район, так и в других местах). Но некоторая часть имущества остается в индивидуальном пользовании: жилые постройки, усадебная земля, корова, мелкий скот, птица.

5. Итак, в колхозе бывшие бедняк и середняк становятся на путь коллективного труда, на путь строительства социалистического хозяйства, на путь, стирающий грани между городом и деревней. Они

порывают с традиционным укладом мелкого товаропроизводителя и собственника, порывают с традиционным стремлением к частнохозяйственному накоплению. Процесс выработки из членов коллективной хозяйственной артели социалистических работников — социалистических в полной мере — занимает продолжительный период времени. Процесс социалистической переработки относительно быстрее может пройти среди бывшей бедноты, бывших сельских пролетариев и полупролетариев, по сравнению с середняками. А между тем процент середняков значительно больше бедняцкого. По данным, сообщенным на XV съезде партии, социально-экономическая группировка населения СССР на 1926—1927 гг. была выражена в процентном отношении так: середняки — 66,4 %, бедняки — 20,4 %, землед. пролетариат — 5,3 %. Середняку несколько труднее отказаться от складывавшейся веками хозяйственно-бытовой традиции и связанной с ней ориентации. Но энергичность и интенсивность процесса коллективизации, экономическое благосостояние обобществленного хозяйства, сильнейшее воздействие техники и культуры ускоряют темпы формирования работников социалистического сельского хозяйства.

С прежней классовой экономической дифференциацией связана и дифференциация в процессе становления социалистического работника и дифференциация языковая. Она отражается в следующих пунктах: а) в речи середняка-неактивиста полнее, чем у бывшего бедняка, представлены элементы традиционной речи, представлены и в семантике, и в словаре, и в формах, и в звуках; б) середняк (неактивист и не отличающийся повышенным культурным уровнем) менее активен в усвоении новых языковых элементов, чем бывший бедняк (если последний не был так сильно придавлен жизнью в прошлом); в) у некоторых, наиболее пассивных середняков значимость новых слов иная, чем у бедняков: этот середняк не связывает с таким словом той эмоциональной окраски и непосредственности, с какой представлено оно в речи бедняка (пролетария и полупролетария). Середняк не всегда считает это новое слово своим: так говорят «они», а не «мы». Так бывало в 1929—1931 гг.

6. Последние 4—5 лет произвели глубокие сдвиги в сознании середняка: он больше не противопоставляет себя прочим коллективистам: «Я — колхозник-коллективист». Коллективизация глубоко и всесторонне преобразует деревню и ее население... Процесс преобразования колхозной деревни и сознания ее населения происходит энергично в связи с интенсивностью современной техники и культуры в деревне. Деревня имеет различные сельскохозяйственные машины;

школы, клубы, радиоустановки, детские площадки, ясли обслуживают ее. Из среды населения деревни выходят многочисленные работники в области техники и в области социалистического строительства. Новые люди появились в советской деревне — люди, которые овладевают техникой, которые управляют тракторами, комбайнами, автомашинами, которые поднимаются в своем развитии, в знании техники, в своей культуре, в дисциплине труда на уровень передовых рабочих наших индустриальных центров. Свыше двух миллионов трактористов, комбайнеров подготовлено в деревне за годы первой и второй пятилеток. Свыше двух миллионов организаторов социалистических предприятий в земледелии — бригадиров, председателей колхозов и других работников — прошли всякого рода курсы.

Деревня перестраивается в социальном, экономическом и культурном отношении. Перестраивается она и в языковом отношении. Ближе стали языковые термины современности — ближе и по звуковому виду и по их значению. Например, слово «гражданин» в тех же мышкинских деревнях понимают теперь не только как словообращение, но и как название «равноправных людей в государстве» (объяснение дано в деревне). Со словом «категория» в 1929—1930 гг., время сильного социального расслоения деревни, связывается значение экономическое: «разбивка народа по состоянью» (объяснено в деревне). Теперь все знают отношение кило к фунтам. Неточности имеются, но они уже относятся не к словам общественно-политического и культурно-бытового значения, а к словам речевого обихода (см. ниже). Разными новыми языковыми элементами пользуются теперь все крестьянские группы. Степень проникновения этих элементов в речь разных слоев деревни стала глубже и шире, чем в начале 20-х годов. Идет смена главным образом лексического фонда. Но касается она и синтаксиса, и форм, и звуков.

7. Отметим несколько словарных примеров по результатам наблюдений в следующих районах: в Городецком (Горьковской обл.), в Межевском (той же области), в Буйском (Ивановской пром. обл.), Рязанском (Московской обл.). Наблюдения производили на Мёже и в Рязанском районе А. Г. Рабков (в 1931 г.), в Буйском районе В. К. Чичагов (в 1931 г.), в Городецком я (в течение ряда лет). Привлечены и другие данные.

Администрация: *Исполком. Вик. Сельсовет или совет. Рик. Милиция. Милиционер. Президиум. Власть на местах* и др.

Отзвуки административной практики и канцелярского языка: *Справка. Наводить справки. Бумажка* (документ). *Подобрать бумажки. Отношение.* «Ты куда *отнесся* с этим?». *Вырешили на суде.*

Взять на заметку. Предлагать (давать распоряжения). *Спустить* (план, расписание). «В прошлом году мясозаготовки *не спускали*». «В колхоз *спустили* по 30 пудов *с гектара* (Город. р.). *Работать в Совете.* Я знаю все *дистанции* (инстанции). *Каковой. Таковой.* Ведь у *меня было вышеупомянуто* (я уже сказал раньше). *Согласовать. Согласоваться. На сей счет. Ввиду* или *виду* (*в виду* этих причин). *Ввиду того*, *что… Биография* или *автобиография* (в значении «жизнеописание», «жизнь»): «Она свою *биографию* подала в Городец, отец тоже описал свою *биографию* и бедняки удостоверили». «Прошу колхоз обсудить мое самостоятельство и мою *автобиографию*».

О б щ е с т в е н н а я ж и з н ь: *Организация*. «У нас *организуется коллектив*». *Организованным порядком*. *Масса. Обсудить на массе. Установка. Регулировать — лигулировать* и др.

Собрание. Конференция. Совещание. Комиссия. «Этова *отвести*, а этова *ввести* в члены *ревкомиссии*». «Он идет в сельсовет на *пленум*». *Пренья* (я не была *на собраньи*; *пренья* слышала). *Проводить собранье. Подымать руки за и против.* «Все *собранья* мы *провернули*». «*Вынесли постановление* на общем *собрании*». *Собрание было сорвано.* «*Греет* товарища». *С потолка отчет составил.* «А тот идет с каким-нибудь *реприческим* словом» (с возражением — реплика). «Стращал: я тебя вызову *на правленье*». *Вопрос поставлю конкретно.* «Тебе *выговор с предупреждением*». *Вопрос был уже на правленьи* (в различных местах). *Вопрос исчерпан* (дело кончено, решено).

Гражданин, *граждане* («На общем собранье все *граждане* говорили принять в колхоз»).

Коммуна, *каммуна* («это когда все вместе работают и все у них общее» — толкование записано в одной мышкинской деревне).

Середняк, *я крестьянин-трудовик* (говорит середняк Буйского района). *Единоличник — одноличник. Индивидуал. Коллективизация. Сплошная* или *суплошная коллективизация. Коллектив. Колхоз. Колхозник. Бригада — брегада. Бригадир. Прорыв. Вредитель. Вредительство*. «Эй ты, *вредитель*!» — замечают на сенокосе одному из косцов, ставшему на вал. «На 10 минут сегодня вы не доработали: свисток дали раньше 5 часов. Что это такое, товарищ?» — «*Вредительство*», — отвечает мне один из плотников (Городецкий район).

Выявляться. Развивать темпы. План реализован полностью. Мобилизовать. Мобилизация средств. Обобществить — обсуществить. Облигация. Самообязать. Самообложенье. «У нас все *законтрактовано*…»

«Хожу на *кружок самообразования*» (Городецкий район). «*Учеба* идет по-хорошему» (Городецкий район; некоторые произносят *учеба*

с ***е***, а не с ***ё***). «Боюсь, вдруг тяжело будет даваться мне *учеба*» (ЧЦО). «Надо *ковать кадры*» (Городецкий район).

Детдом. Площадка (детская). *Ясли* (производное слово: *ясленок* — ребенок, находящийся в яслях).

День отдыха или *отдыху.*

Кооператив: *Аванец* (аванс) под обувку, одежду. *Мясозаготовка. Яйцезаготовка. Лесозаготовка. Корьезаготовка. Мешкотара. Промтовары. Вольная цена — коммерческая цена.*

Названия различных продуктов, которые раньше не были в ходу в деревне: *манка* (манная крупа), *перловка*, *компот* и др.

Быт: *Советская свадьба. Расписаться. Элементы*, *елименты* (алименты). *Октябрины*.

Много и других новых терминов, относящихся к общественной жизни, представляет современная деревня: «Идут дожди. Не знаю, как *уложимся*» (= справимся с работой, сенокосной, Городецкий район). «Поступил на курсы *без отрыву от производства*» (Городецкий район). «*На самотек* пустить нельзя» (Городецкий район). «*Масса виновата*: не политична она» (говорил молодой плотник, лет 26).

В особенности многочисленны они в речи сельских активистов и лиц, близких к ним. Активист Рязан. р.: «У нас *строится социализма*»; «*рабочая часть сельсоветы своевременно дала сигнализацию* зажиточно-кулацкой части о *сенозаготовках*»; «кулацкие *агитационные вылазки*»; «должен *возглавить коллективизацию*»...

Несколько примеров из материалов одной колхозной газеты в Удомельском районе Московской обл. (1931 г.): «Тов. Павлов, ты должен быть *застрельщиком* в каждом деле»; «Товарищ Декарев (Дикарев), я думаю, что надо себя почувствовать как *руководителя передовика* и *организовать вокруг себя актив*»; «Наш колхозник, старый революционер, деревенский *пропагандист* половина труда своего отдает *на общественность*»; «*Крепче* нужно *ударить* по этим *нытикам*, *рвачам* и *кулацким подпевалам* и совместно взяться за *общее коллективное дело*, чем самым облегчим труд *человечества* и *подымем производительность труда*».

Наибольшее количество новых терминов относится к жизни общественно-экономической, что находится в связи с соответствующими процессами, переживаемыми в деревне.

Весьма важно отметить, что некоторые слова и сочетания общественного применения стали проникать и в бытовой обиход: «*Вызываю* тебя *на соревнование* грибы собирать», — предлагает мне

в лесу один из парней в Городецком районе; «Прошлый год здесь (в лесу) так просто *суплошная коллективизация — сплошь рыжики*!» (середняк-колхозник, 48 лет. Мёжа); «За ягодам (за ягодами) целым *бригадам* ходили» (= целыми бригадами ходили) (Буйский район); «У меня *организовалась* большая семья» (там же); «Ну, девчонки, гребите *по-ударному*!» — говорит женщина при переезде через Волгу (Городецкий район); «Ты что не моешься в бане? — Я *во втором списке* (иронически) — в бане моются» (Городецкий район) и др.

Усвоено в деревне много и таких слов и сочетаний, которые не связаны с новыми явлениями в общественной и экономической жизни. Эти слова представляют собой отражение общего воздействия города, завода, а в связи с этим результат воздействия современного литературного языка — воздействия, которое в особенности сильно стало ощущаться в последние годы. Наиболее многочисленны эти заимствования у активистов. *Загружен* (занят). «Василь Иваныч, поди-ко сюда», — зовет колхозник заведующего хозяйством. «Я *загружен*», — отвечает зав. (Город. р.). *Нажимать.* «Когда я стала *нажимать* на Войкова, то он и говорит...» (Удомля Моск. обл.). *Использовать. Выявлять.* «Прошу мою фамилию *не выявлять*» (Удомля Моск. обл.). *Болтология.* «Всякие *болтологии* розводили» (Город. р.). «Она *на факте* трои сутки картошку огребала» (Город. р.). «Если хочете, *на факте* докажу» (колхоз Мёжа). «Сельсовет *заверит*, *поскольку* он знает ево» (Город. р.). «Нужно *енное* количество денег» (Город. р.). *Ничего подобного. Везде и всюду. Все и вся. Сделано на ять. На все сто. Целиком и полностью. Плюс к тому* (в разных местностях, у разных лиц, молодого и среднего поколения). *Ясно*! (= Да! Конечно). «Лошадь некормлена. — Ну? — *Ясно*, некормлена» (Город. р.). *В чем дело*? (значение вопросительного местоимения «что» или в значении «что надо?»). «Стучу в окно. Высовывается девица лет шестнадцати: «*В чем дело*?» (Город. р.). *На севодняшний день* (Буйс. р., Ряз. р., актив.-колх.). «Это *говорит за то...*» (Мёжа, актив). «У меня *не хватает силы и энергии*», — жаловался один активист (Мёжа).

В речи многих наблюдается перебой в употреблении традиционно-бытовых слов и новых: один раз употреблено старое слово, другой — вместо него новое. Бывает и так, что говорящий, сказав старое слово, рядом произносит, как бы исправляя себя, новое. Например: «Он *заскот*, *засучит штаны*» (Город. р., «скать» — сучить).

Одним из результатов влияния фабрично-заводской среды является широкое распространение слова *производство.* В разных районах, и на юге (например, в б. Ливен. у. Орлов. губ.) и на севере (на-

пример, в Буйск. р.), говорят: «он ушел на *производство*» вместо прежнего «он ушел *на заработки*». В местностях и в среде, где не ощущалось в жизни сильного воздействия завода, держались прежние термины для уходящих на работу. Отмечу, например, довольно архаическую среду плотников в Городецком районе Горьковской обл. — среду, которая до 1932 г. слабо была охвачена колхозным движением. В этой среде, с традиционным ремеслом, пользовались весьма давним, архаическим термином: «уходить *на чужу-сто́рону»*, *«он робота́т на чужо́й стороне́»*. Теперь, в 1932—1937 гг., и тут постоянно говорят о *производстве*.

Из фабрично-заводской среды отметим еще один словарный пример: *продукция*. Значение этого слова здесь более широкое, чем в городе и на фабрике: оно обозначает не только «продукцию», но и «продукты»: «Ты пишешь, что *продукция* в Городце дорога ли; *Продукцыя* яйца 1 р. 50 к., масло скоровное 2 р. 75 коп. ...» (Город. р.). Но говорят и *продукты*, *хлебные продукты*.

Весьма значительное воздействие фабрично-заводской среды отражается на колхозе. Во многих местностях колхозники называют себя *рабочими*. Организация колхоза во внешнем проявлении ее напоминает город, фабрику:

Што Суборина деревня,
Не деревня — городок:
На обед и на работу
Завсегда гудит гудок.

«Это *новый быт*», — замечают колхозники (Мёжа).

8. Одной из характерных черт языка революционных лет является эмоционально-экспрессивная насыщенность речи. Она отражается в стиле, синтаксисе, лексике и в формах слов. Получая широкое распространение, слова и сочетания с эмоциональной окраской понижают свою особую выразительность или даже совсем утрачивают ее (ср.: *возглавить*, *заострить*, *подкован* и др.). Без эмоциональной насыщенности многие из этих слов и сочетаний представлены и в деревне: «Мы имеем *кой-какие* (!) *громаднейшие* (!) *успехи*» (актив, Мёжа). Но потребность пользоваться экспрессивно-эмоциональной речью ощущается остро. Происходящие события деревню волнуют чрезвычайно, в особенности в первые годы коллективизации. Передовую часть населения возмущают противники колхозов, волнуют пережитки прошлого, трудности на пути к новой жизни, будоражат недоразумения, поднимают настроение перспективы социалистического быта. У ревнителей старины — недоволь-

ство и ропот. Все это стремится найти себе соответствующее выражение в речи — в речи обличительной, иронической, убедительной у актива, реже у рядовых середняков-колхозников, в иронии, в сентенциях у консерваторов. Активисты пользуются приемами городских и заводских ораторов: 1) вопросно-ответной речью, 2) словами образного значения, 3) формами иронического значения, 4) словами и выражениями бранной речи. Несколько примеров: 1) «*Это уравниловка? — Да*, *уравниловка. Недопустимо это? — Недопустимо*» (Город. р.). «*А вы зарядку получили? — Получили*» (Буйск. р.). «*Что это значит*? *— Это значит заниматься примиренчеством к кулацко-зажиточной части*» (Ряз. р.). 2) В числе слов образного значения находятся слова литературного языка, а также традиционные и новообразования: *аннулироваться* (= скрываться): «А вот почему-то Антону-то велит *анулироватца*» (Мёжа). *Убалансировать* (= уравновесить, удовлетворить): «Всех-то *не убалансируешь*, кто-нибудь недоволен» (Мёжа). 3) Формы с суффиксами ***-ик***, ***-очк***: *вопрос**ик***, на *заме**точк**у* взять. 4) *Ты ему заверни да подкрути*; *пробрать с дымом* и др.

Эмоциональную окраску представляет словообращение *дорогой товарищ* или *товарищ дорогой.*

9. Много новых слов, утверждающихся в деревне, передается в новой среде не с тем значением, какое им свойственно в литературном языке. В словах, относящихся к конкретным предметам и к явлениям социального содержания, такое изменение переживается редко. Если представлено отклонение в значении того или иного из этих терминов, то оно обусловлено реальным содержанием предмета или явления, называемого данным термином, — содержанием, как оно воспринимается деревенской средой. Самые предметы и явления утверждают определенное значение нового термина. У Н. Изгоева описано внедрение в колхозную среду термина *спаренная езда*, *спаренная работа*: «Пристанционный колхоз читает новые слова: *спаренная езда*… Председатель колхоза... рассказывал новые предложения колхозников. Хотят, чтобы плуг или, скажем, сеялка были не только в пользовании группы, но чтобы на каждый плуг был прикреплен отдельный плугарь, на коня — погонщик, на сеялку — посевщик и т. п. Если в две смены работать — два плугаря, два погонщика, — *спаренная работа*... Предложение оказалось простым и понятным. Даже термин *спаренная езда* как-то сразу прочно вошел в обиход, стал будничным, рабочим словом оратора»[2].

[2] Изгоев Н. Район, сплошь коллективизированный. 1931. С. 14—15.

Обычно с отклонением в значении представлены прочие слова — слова нового речевого обихода. Это изменение вызвано неточностью в понимании данного слова в контексте, эмоциональным тоном при произношении этого слова, звуковым сходством с другим новым словом иного значения. Например: *протестовать* в значении «критиковать» («они меня *протестовали*» — Мёжа); *конкретный*, *конкретно* некоторые понимают в значении «сердитый», «сердито» (слово заимствовано в обстановке собрания, конференции: после длительных общих рассуждений кто-либо сердитым тоном вносит «*конкретное* предложение»). Смешение созвучных слов разного значения: *дистанция* вместо *инстанция*, *элементы* вместо *алименты* и др.

Разумеется, такая неточность в значении новых слов — стадия переходящая. При более глубоком проникновении литературного языка в деревенскую среду значительные отклонения в значении слов будут устранены. Наблюдение же за этими отклонениями в наше время — время усвоения типа литературной речи в широких массах — важно и в методическом и в методологическом отношениях; эти отклонения следует учесть в языковой практике; они могут представить яркие, живые примеры также для лингвиста в его семантических изучениях.

10. Кроме отклонения в значении, новые слова и сочетания в деревне представляют отклонения и синтаксические, морфологические и фонетические. Например:

1) В сочетаниях с некоторыми глаголами имя или местоимение представлено с предлогом — представлено под воздействием традиционных предложных сочетаний с глаголами, близкими по значению к новым глаголам: *Верно*, ***не отрицаю от*** *этова* (Мёжа): «не отрицаю от» под влиянием прежнего «отговариваю от...». *Произвести* ***чистку с этих местов*** (Удомля Моск. обл.).

2) Имена на ***-о*** (*бюро*, *кило*, *горпо*) имеют падежные формы: *бю**ра***, *горп**а*** (род. п. ед. ч.), *2 кил**а***.

3) Окончание ***-а*** в именах, оканчивающихся на два согласных звука, из которых последний является сонорным (***м***, ***р***): на ***-зм*** (*механизма*, *социализма*), на ***-др***, ***-тр*** (*кадр**а***, *Ванька в кадр**е***, *литр**а***, *метр**а***; *две литр**ы***, *две метр**ы***).

4) Отражение местной фонетики: а) оканье в севернорусских говорах; но передаются новые слова и с ***а*** в предударном слоге: *к**а**нпанья* и др. (см. ниже); б) ***о*** вместо ***а*** во втором предударном слоге перед слогом с ***о*****:** *с**о**мотёк* (вместо *с**а**мотёк*); в) ***е*** вместо

и в предударном слоге: *бр**е**гада* (в разных районах; ср. передачу более ранних заимствованных слов: *р**е**совать*, *м**е**ндаль*, *й**е**нвалит* и др.); г) ***ц*** вместо ***ч*:** *раскула**ц**ить* и др. (в цокающих севернорусских говорах).

Отражаются и другие черты традиционной местной фонетики.

11. В годы нэпа в деревню также зашли слова блатной музыки — слова, получившие в то время широкое распространение в городе и на заводе: *буза*, *ша!*, *шкет*, *шпана*, *кот*, *зашиться* и др. Один из участников стенной колхозной газеты в Рязанском районе избрал себе псевдоним *Фраер*.

В последние годы и в деревне, как и в городе, слов блата неслышно. Держится пока *на большой палец*! (и это выражение скоро выйдет из употребления).

12. Необходимо обратить внимание на о т н о ш е н и е говорящих к новым терминам. В этом отношении отражается классовая сущность говорящего и его культурно-бытовая ориентация. В составе лексики, в формах, в фонетике может не обнаружиться прежняя социальная дифференциация. Она скажется в оценочном отношении к некоторым словам и сочетаниям классового и нового культурно-бытового значения. Одни из жителей деревни усиленно стремятся овладеть не только отдельными словами, но и другими элементами литературного языка современной эпохи, усвоить этот язык на смену традиционному. Это — активные участники социалистического строительства в деревне, идущие навстречу новой жизни.

Новые термины со стороны некоторой категории людей встречали в деревне в первые годы после революции и иное к себе отношение: они употреблялись только как необходимые в определенных условиях слова-названия. Для таких лиц эти слова не были их словами: это слова иной классовой и культурно-социальной среды. Некоторые из этих слов произносились неохотно. Заметно стремление заменять их другими. Такое отношение к новым терминам обнаруживалось в среде, пассивной в культурном и социальном отношении или отрицавшей социальные процессы современности. Это лица преимущественно из стариков. Но примыкал к ним кое-кто из среды молодежи. Чужды были новые термины, преимущественно термины общественного и классового значения, также бывшей «верхушке», кулакам и подкулачникам. В речи этих лиц могут быть в значительной степени представлены элементы литературного языка вследствие прежних связей с носителями литературного языка (связи с духовенством, с купечеством, пребывание в городе, повышенное образование). Эти общественно-политические термины ими употреб-

ляются в случае нужды при сношении с представителями власти, с колхозом, с кооперативом, с лицами из среды активистов. В этой среде не говорили слов *кулак*, *раскулачить*. Вместо них употреблялись слова *зажиточный*, *раскрестьянить* и др.

В той же среде слова старокнижного происхождения, наставительные тенденции занимали более видное место, чем в среде прочего населения деревни. Любили ссылаться на «старописанье», в противоположность современности, и некоторые старики бедняки и середняки.

13. Степень усвоения и применения новых слов, сочетаний и других элементов литературного языка неодинакова в деревенской среде. В этом отношении имеют значение дифференциация культурно-общественная и следы прежней дифференциации классовой.

Деревня в старое и новое время не представляла полного единства в классовом и культурно-бытовом отношении. Издавна тут отражались в той или иной степени различия социального значения. Эта дифференциация стала выражаться с большей определенностью и значимостью в XIX и в начале XX века. С наибольшей яркостью и обостренностью эту дифференциацию представляла деревня в 1920-х — начале 1930-х годов. В связи с социально-классовым расслоением крестьянской среды находится дифференциация и языковая. Речь деревни неодинакова у всего сельского населения данного пункта. Различие ее находится в зависимости от принадлежности к той или иной деревенской социальной прослойке, а также в зависимости от активности и пассивности в культурно-бытовом отношении, от разного темпа в усвоении содержания социальных и культурных процессов современной эпохи. Отметим речевое различие в деревне в зависимости от активности и пассивности в культурно-бытовом отношении. При этом в достаточной степени выразится и социальная среда лиц, тем или иным темпом идущих к усвоению элементов общегородского, литературного языка.

Новое в языке

14. Активность отдельных лиц в культурном и общественном отношении, интенсивность сношений с городом, с промышленным центром, общение с их представителями — все это ослабляет силу традиции и вовлекает этих лиц в общий поток социальной, культурной и языковой деятельности современной эпохи. Они

вводят в свою речь в той или иной степени элементы городского языка.

Среди этих лиц находятся представители разных возрастов: тут и молодежь (преимущественно), и лица взрослые. Встречаются тут и старики, «потершиеся» в свое время в среде, в которой употреблялся язык городского типа.

Среди языковых новаторов находятся лица разных прежних социально-культурных слоев деревни. Классовая дифференциация отражается не столько в степени усвоения элементов городского языка, сколько в значении языковых элементов современной эпохи, в пользовании этими элементами, в значимости и оценке их, как отмечено было выше.

Весьма значительны языковые новшества в речи активистов: почти все речевые черты, характерные для языка современной эпохи, представлены ими (примеры см. выше). Кроме отдельных слов и сочетаний, усвоены и некоторые стилистические черты современной речи. Например, вопросно-ответная форма и некоторые другие черты. Отметим только несколько примеров по отношению к языку активных групп населения в Городецком и Буйском районах.

Из синтаксиса. 1) Стремление к употреблению сочетаний с деепричастиями. В этих сочетаниях часты отклонения от нормы литературного языка: «Злостной прогульщик *не выйдя* на работу без уважительной притчины» (Город. р.). «Очень благодарен вами *старающим и беспокоясь* за меня сердечно благодарен» (Город. р.). «Случай: крестьянин *прикрепленной* к одной ладоне (= к одному току, гумну) молотить, был в отсутствие, без ево молотили другие; *пришеташий* он на свое гумно *увидав* небольшую неправильность, зовет бригадира, *бывшово* неподалеку» (Город. р.).

2) Придаточные предложения, начинающиеся с местоимения *который*, *которая*...: «Мужик, *который ехал* и видел, испугался» (Город. р.). В речи архаической группы иначе: «*Которой мужик ехал и видел*, *он испугался*». «И еще извиняюс, Афонасий (недавний традиционный вариант в речи того же лица: *Офонасий*) Матвеич, что я вас озаботил в приискание (!) готовальни, *которую я* уже имею здесь на производстве» (Город. р.). «Та цель, *которую* мы с тобой наметили, то осуществления нет» (Город. р.).

Из морфологии. 1) В говорах этих районов форма дательного и творительного падежа множественного числа имеет окончание одинаковое: ***-ам***: *гор**ам***, *по гор**ам***, *за гор**ам***… В таком виде эта форма держится довольно твердо и в речи активных лиц, но не без отступлений: в речи активистов встречаются, хотя и непоследователь-

но, разные формы для дательного падежа (на ***-ам*)** и для творительного (на ***-ама***) (Городецкий район).

2) Как в городе, так и в деревне выражается потребность в обобщающих отглагольных именах существительных вместо прежних описательных глагольных передач, конкретизирующих описываемое действие. В деревне эти обобщающие формы применяются обычно в передаче производственных процессов.

Раньше: *пар двоить.* Теперь: «Культивацию и *двойку паров* мы провели по всей площади. С 3 августа трактор переключился *на подъем зяби*, а второй *на подъем целины*», — пишут из колхоза «Заря социализма» Городецкого р. («Городецкая Правда» № 177. 1937). Раньше: *рожь вязать.* Теперь: *вязка ржи.* Раньше: *лен щипать.* Теперь: *щипка льна* (Городецкий район). Раньше: *лен околачивать.* Теперь: *околот льна* (Городецкий район). «Что делали сегодня?» — спрашиваю звеньевую, пожилую колхозницу Наталью Захаровну (за 50 лет). — «*Седни был до́жин ржи — рож дожинали*» (Салогуз., 1937).

Часто пользуются в таких случаях отглагольными именами на ***-ание*** (***-анье***), ***-ение***. Раньше: *картошку перепахивали.* Теперь *окучи-**вание** картофеля.* Раньше: *лен теребили.* Теперь: *тереб**ление** льна* (Городецкий район). Раньше: *копнить.* Теперь: *копн**ение**.* Теперь производят *протравлив**ание** семян.*

Имена на ***-ание*** изредка и в обиходно-бытовой речи. «Теперь вить нужно *розвив**аньё***», — говорит пожилая женщина по отношению к своей дочери, участнице драмкружка в Салогузове.

Из фонетики. 1) Говоры Городецкого и Буйского районов окающие, т. е. не изменяющие безударного гласного ***о*** в ***а***. С ***о*** произносятся и заимствованные в прежнее время слова с безударным ***а*: *о**н**ба́р!*, *б**о**за́р*, *о**п**те́ка*...** Но новые слова с ***а*** в безударном слоге произносятся двояко — по-традиционному с ***о*** и по-новому с ***а***: *о**г**рон**о**́м* и *а**г**рон**о**́м*, *к**а**мпа́нья*, *м**о**ти́вы и м**а**ти́вы*, *к**о**ми́ссия*, *р**а**вновпра́вье* и др.

Двояко произносятся в Городецком районе и слова *Двояко произ-нося*: *рабо́та*, *рабо́тать*: *р**о**бо́та* (по-прежнему) и *р**а**бо́та*, *р**о**-бота́ть*; ср. и традиционное ударение на ***та́***; употребляется преимущественно по отношению к традиционному ремеслу — к плотничеству; с аканьем и с иным ударным слогом — *рабо́тать* — применяется ко всякой работе.

2) В Буйском районе вместо давнего ѣ перед мягкими согласными находится гласный *и*: *м**и**ть* (медь), *нед**и**ля* (неделя) и др. Но слова нового значения произносятся с ***е***: *укр**е**плять*, надо *просв**е**тить*, «*Изв**е**сья*» (газета), *зд**е**льщина*, *сведе**н**ия*, но и *св**и**д**и**нья* и др.

3) Весьма глубокое отклонение от традиционной звуковой системы представляет следующее явление, которое можно наблюдать в языке деревенских активистов: твердость согласных звуков перед гласными ***е*** в таких новых словах, как *мэтэсэ́* (МТС), *сэханало́г*, *метэфэ́* (молочнотоварная ферма), *сэтэфе́* (свиноводческо-товарная ферма) и др. Культурно отсталые лица произносят не *ме*, *тэ*, а *мы*, *ты*…: *мытыфы́*, *мытысы́*.

Ряд других отклонений от традиционного языкового фонда в языке лиц, активных в общественно-политическом и культурном отношениях, отмечен будет ниже, в сравнении с архаизмами лиц отсталых и пассивных.

15. Вообще новые условия жизни в колхозной деревне побуждают усиленно пользоваться новыми словами и сочетаниями. В особенности приходится прибегать к ним в специфических колхозных обстоятельствах, например, при выражении желания вступить в колхозную организацию, с одной стороны, и при обсуждении классового облика кандидатов — с другой. В эти моменты речь устная и письменная бывает особенно насыщена общественно-политической терминологией. Степень пользования этой терминологией неодинакова у разных лиц. Но все, не исключая отсталых и малограмотных жителей, считают необходимым воспользоваться ею.

Ярко выражаются следы прежней классовой принадлежности на колхозных собраниях — по наблюдениям 1929—1931 гг. Речевое поведение актива, обусловленное содержанием его деятельности, охарактеризовано выше. Бывший бедняк выступает смело, касаясь преимущественно деятельности колхозных руководителей. Речь наполнена новыми и старыми выразительными элементами, иногда весьма резкими; последними говорящий пользуется без стеснения. Один из молодых колхозников в Городецком районе так отзывается об этих выступлениях: *Бедняк говорит прямо и ничуть не стесняется*; *все недостатки говорит и ругается*, *ругает правление — ничего не боится.*

Речь бывшего середняка сосредоточена на экономической стороне колхозной жизни. Речь размеренная, с упреками в недостаточной хозяйственной распорядительности колхозных руководителей. *Середняки — хорошие крестьяне*; *были единоличники*, *показывают на все недостатки*, *которые есть в колхозе*: *зря все распределено*; *на гумнах остается охвос*(*т*)*ьё*; *неправильно делает зав сельского хозяйства*; *не сганивают ко́ней на общий двор и корму не дают.* (Оратор принадлежал до вступления в колхоз к середнякам.) Иногда недовольство середняка выливается в горячей обличительной речи:

Котоцигом[3] *вы моé зубы рóзверли*, *и пошла я гредой на правленьё*, — говорила женщина-колхозница (50 лет), бывшая середнячка (Мёжа). Ее речь против правления была богата традиционными выразительными элементами. Речь некоторых середняков, наиболее охваченных пережитками прошлого, пестрит иногда книжными архаизмами: *Должны на путь истины наставить*, — говорит один середняк-колхозник (Ряз. р.). Но уже многие его товарищи по колхозу эту необходимость выражают иными словами: *Должны дать инструкцию.*

Не только в устно-речевом обиходе, но и в письменных заявлениях отражается общественная дифференциация деревни. Вот заявление бедной женщины, принадлежащей к группе отсталых лиц. Заявление написано простым, бытовым языком: *Управление колхоза*, *я уезжаю*, *у меня есть теплой хлев*, *я оставляю вам*, *а за его прошу маслом у вас члены управления. Затем прошу пожалуста ублатворите мою прозбу. Управления ишо прошу в том*, *отпустите мне муки с пуд или если лзя* (льзя) *да возможно*, *то прошу и поболе дайте. Я Ч-ва А. С.* (1930 г., Мёжа). Иным языком написано заявление колхозника В. из той же местности. Это человек среднего возраста, бойкий, вошедший в современность и усвоивший многое из языковых черт ее: *Прошу колхоз… отпустить меня на* ***побочные заработки*** *и прошу* ***учти мое положение*** *до тонкости и прошу колхоз* ***удовлетворить*** *мою прозбу* (1930 г.). Обращает на себя внимание и глагол *удовлетворить*: он передан без отступления в звуковом отношении. У других лиц, лиц из архаической группы, этот глагол подвергается изменению, под воздействием традиционной речи и ее словаря: *ублатворите*, *уболотворите*, *улюботворите.* Отметим еще в этом заявлении сочетание слов: *учти мое положение* — выражение, взятое из речей на собраниях. Как одно сложное целое, в качестве сложного термина это сочетание в соответствующих случаях применяется и другими лицами: *Я прошу членов правления* ***учти мое положение и отпустить*** *меня но побоичный* (на побочный) *заработок*, — пишет другой колхозник.

16. Прежняя принадлежность к той или иной социальной группе в деревне и в зависимости от этого различие в применении новых языковых элементов ярко отражаются также в языке заявления о приеме в колхоз. Вот с трудом написанное большими буквами заявление одной женщины о приеме в колхоз (1930 г., Мёжа). Она не из передовых слоев деревни. Она незадолго перед тем покинула колхоз. Теперь снова просит о приеме: *Прошу принять меня Р-ву и Р-ва*, *прошу пожалуста*, *извините за старое провиненье*, *что я вышла из*

[3] *Коточиг*, *котоциг* — шило для плетения лаптей.

кольхоза ***ввиду*** *моего незнания*, *а теперь я вижу кольхоз* ***правильная жизнь.*** *Я — Р-ва.*

Другие лица — лица среднего возраста, прошедшие в молодые годы суровую житейскую школу (батрачество), а затем в течение нескольких лет жившие в более сносных условиях, подают заявления более пространные, более пропитанные социальными и политическими элементами. Вместе с тем в этих заявлениях отражаются и другие элементы литературного языка. *Я Х-ва Александра прошу* ***правление в опшее собрание*** *колхоза разобрать* ***поданное мною заявление и дать отзыв***. *Как и Х-ва*, *прожившая двенадцать лет в батрачках и хотя проживши под зависимостью бывшего мужа кулака семь лет*, *ненапитана кулацких дугом* (духом) *и немешаю* ***строительству соцыализма****, а наоборот* ***желаю участвовать в строительстве соцыализма и защитницей советской власти***. *Еще повторяю и убедительно прошу общее собрание и* ***дать отзыв***. *К сему подписуюсь Х-ва Александра* (1930 г., Мёжа).

Современными терминами пользуется и прежний деревенский торговец С., выражая свое желание стать членом колхоза. Но его заявление по своему языку отличается от первого, скромного заявления, и от второго. Заявление бывшего торговца, написанное писарским почерком, на языке, близком к литературному, менее насыщено политическими терминами. В нем больше слов языка деловых бумаг. Из современной общественной терминологии в этом заявлении находится только *социалистическое хозяйство*: он желает быть *членом социалистического хозяйства.* Сравните мотивы вступления в представленных выше двух заявлениях: 1) «в колхозе правильная жизнь», 2) «желает принять участие в строительстве социализма и быть защитницей советской власти». С. хлопочет о восстановлении себя и членов своей семьи «в гражданских правах». Есть в его заявлении и некоторые новообразованные слова местного применения: *самостоятельство. Настоящим прошу колхоз всесторонне обсудить мое самостоятельство и мою автобиографию и дать свое веское заключение*, *каким я являюсь членом общества. Причины моего заявления являются таким* (диалектизм: вместо *такими*): *так как я желаю вступить в члены колхоза и наравне быть с другими членами социалистического хозяйства*, *что и необходимо является восстановить себя и моих членов семьи гражданския права*, *ввиду чего прошу колхоз... обсудить и дать решение в постановлении. К сему Василий С.* (1930 г., Мёжа).

Познакомимся также с обсуждением вопроса о С-ове в общем колхозном собрании (в 1930 г.). Замечания, сделанные колхозника-

ми-активистами по этому вопросу, характерны для иллюстрации языковых процессов, переживаемых современной деревней в ее передовых группах. Высказывавшиеся о С. в достаточной степени овладели новой терминологией общественно-политического и классового содержания; но языковое оформление высказывания находится еще на переходной стадии. Представляем эти высказывания, как они отразились в протокольной записи:

Слушали заявление С. В. И. о даче отклика колхозного общего собрания о его афтобиографии и является ли он член вредным общества и нашей (нашему) *советскому строительству.*

Высказался С-ов, что общим собранием надо тонко учесть, как таковой является лишенец, но индивидуально необлажен с-х налогом.

Л. А. бедняк высказался, что вредительства никакого не замечается, а является таковой труженик, ведет трудовой образ жизни. Никакой торговли в протяжении трех лет неведет.

Высказался батрак Х. А., что вредительства совершенно от С. В. И. неимеется и эксплоатации в период прекращения его торговли трех лет нету, ведет чистый трудовой образ жизни, так что с моей стороны человек достоин возвращению гражданских прав.

С. Конст. бедняк сказал, что человек выполняет свои обязанности полностью, хозяйство является ниже средним и ведет трудовой образ жизни.

Постановили: Единогласно общим собранием признать личность С. В. И. невредной. Как таковой выполняет нагрузку государственных заданий. Вредительских отношений с нашей стороны не замечается за таковым. Семейное состояние находится в плохих условиях. А почему и не имеем протеста С. В. на востановление в правах решающего голоса и даем свое заключение, что ведет чистый трудовой образ жизни с периода прекращения торговли (следуют подписи; 1930 г.).

17. Языковые процессы, происходящие в современной деревне, ярко отражаются и в колхозных корреспонденциях для стенгазеты. В особенности показательны в этом отношении оригиналы корреспонденции, как они вышли из-под карандаша или из-под пера колхозника, до редакторской правки. Здесь и старые слова, и старые языковые средства, и новый словарь, новые языковые элементы. Из традиционного фонда, например: *Меня стало лихотить в жолудке*; *примолол свой овес* (= помолол свой овес); *телица*, *драча* и др. (в районах Поволжья); *дюже не форси* (= очень не форси; Удомля); формы: род. п. ед. ч. — *время*; *10 пудов купленова семя*; дат. — *времю* (районы Поволжья). Часто применяется прямая речь. *Вопрос*,

чтобы дать ему твердое заданье. А председатель с/сов. Б. … соскочил: ***что вы***, ***разе можно ему давать твердое заданье***, ***— такова закона нет*** (Удомля, 1931 г.). Большее значение принадлежит новым языковым элементам. В письменном языке колхозников они более значительны, чем в устной речи. Часто пользуются элементами канцелярского языка — сочетаниями с *дабы*, *кои*, *таковой*, *таковые*, *согласно чего*, *благодаря чего* (так и в печатных районных газетах). Чаще, чем в устной речи, употребляются сочетания с деепричастиями. Обычными являются придаточные предложения с *что*, *который*…

18. В дополнение к этому отделу помещаем частное письмо одного из представителей деревенской молодежи. Он пишет из Красной Армии, в 1937 г.

Добрый день Афонасий Матвеивич,

Афонасий Матвеевич, *я очень рад*, *что вы приехали ко мне на родину в Салогузыво*[4], *и я вами*[5] *шлю красноармейский сердечно пламянный привет.*

Спешу сообщить в том, *что получил открытку*, *посланную вами*, *за которую я вас несколько раз благодарю.*

Я взятый в Армию 1936 году… Служу в городе… Служба проходит хорошо. Служу хорошо дисциплинарно. Взысканий не одного не имею. Имею только благодарности и почетную грамоту стахановца. Служить весело. Кино звуковое бывает часто. В город отпускают. Политзанятия бывают два раза в питидневку[6].

Наши советские пограничники охраняют социалистические Границы с честью, *и мы готовы в любую секунду ответить врагу на удар.*

У нас погода стоит пока нечево хорошая. Климат много сурове[7] *как*[8] *в нашей месности*, *в Сологузове. Река… от нас не далеко*, *не больше километра*, *так что несколько раз уже купался. Но не сменю реку… с Волгой. Природа сопки и на сопках дубняк*, *но это не во всей местности…*

И. З... 16 / VII — 37 года.

---

[4] *Салогузыво*; ***-зы,*** т. е. ***-зъ,*** вместо ***-зо*** вследствие редукции гласных **о**, ***а*** в заударном слоге.

[5] Форма на ***-ми*** (*вами* в дат. п.) — временный, переходящий результат процесса усвоения двух форм — «вами» и «вам» вместо одной, представляемой в традиционной речи: «вам», «с вами».

[6] *питидневку*; ***-пи*** вместо ***-пя*** — отражение произношения гласного ***а*** во втором предударном слоге.

[7] *сурове* — с окончанием ***-е*** по образцу форм сравнительной степени в традиционной речи.

[8] Вместо «чем».

Так пишет теперь красноармеец. До призыва в армию И. З. кончил только начальную школу в Пестове. Работал дома и плотничал по стройке барж. Он из семьи середняка. В последние годы, главным образом в армии, он далеко ушел вперед в своем развитии. Об этом ясно свидетельствует его письмо, передаваемое здесь точно, с соблюдением его орфографии. Введены только знаки препинания. В языке письма отражается кое-что и из прежней речи его автора. Но основные направляющие элементы языка письма — новые.

Уходящее. Архаика

19. Среди лиц, настроение и идеология которых определялась их привязанностью к традиционно-архаическим переживаниям, находились преимущественно пожилые лица.

Неактивисты и лица отсталые, консервативные или лица забитые и испытавшие в прежнее время сильный экономический гнет новой терминологией пользуются слабо. В ряде случаев вместо нового термина они представляют прежний, хотя содержание социальной значимости того и другого существенно различается: эти лица не оторвались еще совсем от тона прежней жизни с ее словесными знаками. Из таких пережиточных терминов отметим, к примеру, следующие (1930 г.): *подати* вместо *налог* (старик 80 лет, середняк Мёжа), *собрание* и *сходка*, *приказчик* вместо *продавец*, *мирская работа* вместо *общественная работа* и др. Членов сельсовета или колхозного правления в некоторых местностях многие не только из стариков, но и из молодежи называли *начальством* (Город. р., Ливенский р. ЦЧО).

Отметим вместе с этим и то, что в среде неактивной и культурно отсталой новые слова претерпевают наибольшее изменение в звуковом виде. Например: *голхоз — холкос — колкос — колькос — коркос* (колхоз).

На некоторых из новых слов, воспринятых в пассивной архаической группе, отражается не только местная фонетика и искажение их произношения, но и влияние церковнославянизмов, свойственных языку лиц этой группы. Например, одна женщина около Рязани часто кается: *съгряшила.* В произношение некоторых новых слов она внесла черты более близких для нее церковнославянизмов. Так, слово *трудящийся* она произносит с согласными звуками ***жд***: *труждашшый*; ***жд*** появилось под воздействием слова *труждающиеся*; *снабждение* (Город. р.).

Но в последние годы (1934—1937) и культурно отсталые лица далеко ушли вперед: они в значительной степени овладели новой общественной терминологией и отчасти новыми культурно-бытовыми словами. Несколько исправился у них и звуковой вид новых слов.

20. Представим примеры языковых черт, в ы х о д я щ и х из употребления в последние годы. Эти черты характеризуют преимущественно речь архаических слоев деревни. Некоторые из этих черт находятся и в речи передовых групп. Но тут это — утратившие свою актуальность пережитки: ясно обнаруживается тенденция отталкивания от этих черт.

Примеры представляем по говору сел и деревень Городецкого района, расположенных по правую сторону Волги, недалеко от Городца: Салогузово, Пестово, Палкина, Юг, Опалиха, Бебрюхово, Черницы, Малиново, Вершилово, Тимонькино и др. Главным же образом мои наблюдения относятся к деревням Салогузово и Пестово. Салогузово состоит из двух частей, Старого Салогузова (Старадеревня) и из Нового Салогузова. В последние 7 лет образовалась еще 3-я часть, относящаяся к Старой деревне — Притыкина. Население Салогузова было малоземельное. Зажиточных домов было немного в Старой деревне. Несколько лучше обстояло дело в отношении земельных участков в Пестове и в других селах и деревнях. Преимущественное занятие мужчин Салогузова и других недалеких сел (Пестово, Палкина, Юг, Опалиха, Бебрюхово) — плотничество. Многие работают в Городецком затоне и у лесопилки — «на лесозаводе» по современной терминологии (почти рядом со Старым Салогузовым). Там они строят баржи. Своим ремеслом они славятся по Волге. Немало уходит из Салогузова, Палкина и из других пунктов «роботстове и в других се». В своем бытовом укладе население этой местности не представляло активных новаторов. Еще в большей степени архаично было земледельческое население левой стороны Волги, в особенности в зажиточных пунктах. Большое количество тамошнего населения принадлежало к архаической старообрядческой среде. По правую сторону несколько старообрядческих семей живет в Пестове. Не обнаруживалось в массе населения этого района и энергичных темпов в языковом новаторстве. Но все же многие лица среднего и молодого возраста вошли в поток современных культурно-общественных переживаний и стремятся вводить в свою речь элементы общегородского языка нашей эпохи. В особенности в последние годы, 1934—1937, и тут стал интенсивен процесс усвоения литературного языка, в связи с успехами коллективизации в среде населения этой местности. Весьма изменились в общественном и

культурно-бытовом отношении эти деревни — Салогузово, Пестово и др., изменились в последние годы. Тут имеются клуб, детплощадки, ясли; работает радиоузел. Бородатый дядя Иван не тащится теперь с плужком и бороной к своей узенькой ленте-делянке. Трактором поднимается колхозный сплошняк. У леска за зеленой деревушкой видны большие здания *кондвора*, *мэтэфэ*, а у рощи приютилась *льнотеребилка*. Изменился и внешний вид населения. Девушки, еще года 3 тому назад покрывавшие голову в праздничные дни тяжелыми платками, туго стянутыми булавкой у подбородка, теперь ходят с открытой головой; у многих волосы подстрижены и хорошо причесаны. Старый «кафтан», который был, кажется, только у дяди Ивана, перешит на пальто, а длиннорукавная «крутка зборáм» его 80-летней Анны Васильевны износилась и заменена одежой нынешнего покроя. Никто из старух не показывается теперь на улице с покрытой «накрóмку» головой, как покрыта бабушка Прасковья Степановна, сидя за работой с веретеном в руках. Так покрываются еще некоторые старухи по вечерам, выполняя религиозный ритуал, или по утрам, возясь у печки: здесь, у очага, стремились сохранять старину.

А как глубоко отразилась коллективизация в сознании населения, может свидетельствовать такой пример. П. З. — молодой колхозник (около 30 лет) был беззаботным человеком и вызывал большую горечь у своей матери-старухи. Теперь он — сознательный работник коллектива. Его возмущает небрежность некоторых пожилых колхозников, предпочитающих иногда личные дела общественным: *Вед так нельзя*: *дело колхозное*, *— ты сам понимаешь* (1937). Работая усердно в колхозе, он поправил и свой дом, начинавший было разваливаться.

При таких общественных и культурно-бытовых обстоятельствах ускоряется процесс о т м и р а н и я старого языка и усиливается процесс у с в о е н и я нового, литературного языка. Некоторые примеры нового языка были сообщены выше. Другие отмечены будут в нижеследующих пунктах, сравнительно с отживающими языковыми чертами архаических слоев деревни.

21. Лица старого поколения, приверженцы давней традиции, прибегают в своей речи к с т а р ы м о б р а з н ы м в ы р а ж е н и я м и а р х а и ч е с к и м с о ч е т а н и я м. *Ни люди грают*, *ни ветры веют*, — говорят изредка о тишине и спокойствии. Лица среднего поколения это выражение совсем не применяют. Глагол *граять* (*гаркать*, *каркать*) в обыденной речи не употребляется в этой местности. Но в некоторых других севернорусских местностях он известен.

Открылась от чистá-сердца. Здесь архаическим является сочетание (от) *чиста-сердца*, с одним ударением, находящимся на окончании первой части (на окончании именной формы прилагательного). Ср. архаическое песенное сочетание: во чистó-поле…

Чево недодáш, *тово не дóймеш*. Глагола *дóйму*, *дóймеш*… нет в обыденной речи.

Не пользуется молодежь и такими, например, словосочетаниями, которые еще держатся среди старшего поколения:

а) *Не давать крёсу*; *ничому крёсу не дают*: *ломают*, *топчут*. В обыденной речи нет слова *крёс* («оживление», «покой»).

б) *Поставить на свой хохря́* (= настоять на своем, сделать по-своему, а не так, как предлагают или требуют другие). *Хохря́* (в значении «горб») не употребляется в обыденной речи.

Выражение по отношению задолженности: сочетание имени должника с предлогом «на»: *на мне гривенник*. У других лиц обычное сочетание с предлогом «за»: *за мной гривенник*.

Весьма редко теперь и среди стариков можно услышать такой архаизм давнего книжного происхождения: *веры поня́ть* (в значении «поверить»), *нейму веры* (в значении «не верю»); *можно веры поня́ть*; *я веры няла́ ему* (= я верила ему); *неймёт веры*.

Даже среди стариков весьма редко употребляется следующий церковнославянизм: *не вем* (= не знаю).

Церковнославянизм проник и в ругательство: *еретик*. Это — сильное ругательное слово: *Еретик ты этакой*, *чортова харя*! *Попадис ты мне*! (баба). Словом *еретик* в ругательном значении широко пользуются в этой местности — пользуются преимущественно бабы и старики. Среди лиц молодого и среднего поколения в ругани прибегают к иным словам.

Под исход израиля (в значении: нет ни продовольствия, ни денег).

Давно на сей грешной земле? — спрашивают прибывшего. Последние два выражения не применяются деревенской молодежью. Не пользуются ими и деревенские старики и старухи. Эти выражения обычно говорили в Городце, в среде бывших торговцев — в среде, в которой много было старообрядцев с их книжными церковнославянизмами. В деревне указанные выражения находились в речи некоторых молодых бойких мужиков, вращавшихся среди городецких жителей, близких к прежним торговцам. В Городце они и восприняли эти выражения, считая их, в связи с своей склонностью к мещанской ориентации, выражением повышенной значимости и более яркими, чем обычные деревенские слова и сочетания.

Из архаического словаря

Существительные

22. *Ба́ба* — бабушка. В Городце, в бывшей мещанской среде — *ба́бонька*. ***Ба́бонька*** *рас купи́ла лёща́*.

Бра́тка — старший брат.

Брила́, *за брилу́*, *брилы́ запекли́с* — обычно: «губа, губы».

В'јунишна субота — суббота на пасхальной неделе, когда «вьюн» выполняли, «молодых окликали» (см. приложение).

Во́здухи — место под грудью и ребрами; *под* ***во́здухи*** *сопогом бил.*

Во́тря, вин. п. *во́трю* — колос после молотьбы.

Гаду́ха — в значении «змея», «гадюка». Говорят и последние два слова. Еще более архаично слово *уж* в значении «гадюка». *Дефчонку уж укусил*, — говорила 83-летняя девица Матрена Тарасьевна. В речи других лиц слово *уж* имеет обычное значение: «неядовитая змея», «уж».

Гмы́за — множество.

Гнездо́ — не только «гнездо», но и «семья». *Были на свар'бе три гнезда из Бебрюхова.*

Домови́на — в значении «гроб». Только немногие старики и старухи и близкие к ним ребята говорят изредка слово *домови́на.* Давно изменился и вид этого предмета (у нестарообрядцев). Раньше домовину выдалбливали из целого ствола, как это делают старообрядцы и до сих пор. (В Городце на субботнем базаре продавали и этот предмет.) Теперь же нестарообрядцы сбивают из досок «гроб». Я только в одном доме в Салогузове видел в сарае припрятанную выдолбленную «домовину»: она ждет свою владелицу-старуху.

Дур' — гной. *Нажал на нарыф — фс'а* ***дур'*** *так-ы бры́знула.*

Жы́тница — амбар, помещение для зерна.

Живо́т — живое существо.

За́мерики или *замерки рано пошли*, — говорят старики. Обычно — *замъръски* (= заморозки).

Карава́н — толпа. ***Караван*** *детей набрала.*

Ля́гва или *холодёна* — обычно «лягушка».

Ма́тка — как словообращение одной женщины к другой. Ну, видишь ли его, ***матка***?; Я, ***матка***, так-ы ахнула.

Мизги́р или *я́бедник* — обычно «паук».

Мир — в значении «народ». *У лар'ка оугурцы получают. Уш полно* ***миру***, *полно* ***миру***! (1928). *Она сирота*, *— жнём ей* ***фсем миром*** (1928). В последние годы не слышно этого слова.

Му́л'ка — самогон.

О́бощ. Раньше в Городце покупали *обощ*, *обощу* (род. п. ед. ч.), т. е. крупу всякого вида. На лавках были вывески: «*Продажа* ***обощу***». В последние годы я ни от кого не слышал этого слова. Покупают *пшоно*, *ядрицу*, *перловку*, но об *обоще* не говорят.

На судьбе слова *о́бощ*, связанного с торговой средой, можно наблюдать, как быстро утрачивают свою актуальность слова, оказавшись вне своей социальной среды, утратившей свое значение, не поддерживаемой представителями других социальных групп.

Палести́на — площадь земли.

Па́стырь — в значении «пастух». В 1925 г. я еще слышал от старух и близких к ним ребят слово *па́стырь*. Обычно же говорили о «пастухе». В последующие годы я уже ни от кого не слыхал слова *па́стырь*.

Пес'ја́к на глазу — у других «ячмень».

Плат — обычно «платок».

Поттóржје. Ф суботу в Горотце базар, *ф пятницу бывáт* ***поттóрж'е***. Теперь нет его (сло́ва).

Пут' — жен. р. *Тепер' твоя пут'*.

Рожа — в значении «лицо». Бранного оттенка это слово не имеет. То же слово применяется и к лицевой стороне предмета. *Деремня ро́жой суды*. В речи лиц неархаических находится *лицо*. Бранное значение свойственно слову *харя*: *Бесстужа* (бесстыжая) *твоя* ***харя***!; *Вот я те набью* ***харю***-*ту!*

Пример из языка старого времени: «*и он де слышал у тех воров у бунтовщиков*, *у Ивашка Беляйка с товарыщи*, *а товарыщей его имян не ведает*, *а в* ***рожи*** *их знает… да с теми же ворами с бунтовщиками говорили солдаты Матвеева полку Кравкова*, *а имян их не ведает*, *а в* ***рожи*** *их узнает*» — доносил стрелец Данилов в 1663 г.[9]

Сва́р'ба — обычно «свадьба».

(*Сол*), *на спу́.* — Некоторые слова, имена существительные, выйдя из речевого обихода, держатся в качестве топографических названий. Такова судьба была слова *сол.* Это глубокой давности вал, насыпь со рвом ограждала Городец с севера. *На спу*, гораздо позднее (но все же, по определению специалистов, не позднее 200 лет тому назад) посажены были сосны.

Тяглó — душевой надел.

[9] Акты Московского государства, изд. Академией наук, III. СПб., 1901. С. 522.

Уш — см. «гадуха».

Хорос'во́ — веселье, раздолье. ***Хорос'во*** *топер' в лугах'*, — со вздохом говорит во время сенокоса пожилая тетка Евленья (Евгения).

Чебота́рь — чаще «сапожник».

Черемо́ха — у молодежи «черёмъха».

Шврóка субóта — суббота на масленице.

Шубе́йка — коротенькая женская безрукавка из овчины.

Я́дло — растительная сила. Если, например, рано посеять рожь, то вырастет большой стебель и вытянет все *я́дло*.

Прилагательные

23. В этой категории слов дифференциация не так значительна, как это представлено в именах существительных. Выходят из употребления такие прилагательные:

Баско́й — «красивый», «яркий», «пестрый».

Басли́вой — разговорчивый.

Бесту́жой — бесстыжий. ***Бестужа*** *харя*!

Болшо́й, с твердым ***л***. Редко слышен этот севернорусский вариант и в архаической среде. Обычно — *бол'шо́й*.

Коренно́й — в значении «настоящий, доподлинный, главный». *Вот ты-так* ***коренная*** *свинья!*; ***коренной*** *покос* (= самое подходящее время для покоса); ***коренная*** *Волга* (= фарватер); *он помощник у* ***коренного*** (= он помощник у главного).

Небáянной, молодежь говорит — «немой».

Немóй — плохо говорящий, имеющий недостатки в речи.

Пересно́й и *пресно́й*. Некоторые культурно пассивные лица, старики и ребята, говорят *пересно́й*. ***Пересно́й*** *натёртыш*; *натёртыши* ***пересны*** *— не кислы*; ***пересна́*** *лепешка*. Но многие из той же среды говорят и *пресно́й*. Прекрасное объяснение наличия вариантов *пересно́й* и *пресно́й* дал один мальчуган: ***«Пересно́й»*** *мама говорит, ковда пеко́т, у печки, а то — «****пре́сной****»*. Итак, поблизости к печке держится у архаиков бытовой пережиток. У очага полагалось быть покрытой «на кромку».

Звуковой вариант *пересно́й* до сих пор не был, кажется, отмечен в других русских говорах. В дополнение к нему обратим внимание на такой звуковой вид слова *красить*, который отмечен мною в Елатемском районе (Рязан. обл.), в архаической среде: *ка́росить*; ***акаро́ситца*** *али нет?* — недоумевает женщина, крася материю в разведенной краске. *Яйцы* ***каросим*** *в лушной ваде́* (= яйца красим в лучной воде, т. е. в отваре луковичной шелухи). Полагаем, ***ере***, ***оро*** в

этих словах появились при таких обстоятельствах: слова эти — *пресный*, *красить* (в техническом значении) — были словами, заимствованными в разное время из среды лиц с книжными чертами языка; подобно тому как ряду слов этого языка с ***ра***, ***ла***, ***ре*** (*град*, *градской*, *глава*, *вредить*...) соответствовали в обиходной народной речи слова с ***оро***, ***оло***, ***ере***, в таком же виде (с ***оро***…) передавались в разное время и некоторые другие слова (с давними ***ра***, ***рѣ***): *к**оро**сить*, *п**ере**сной.*

Роковой — обреченный. *Видно*, *он* ***роковой***, — говорят об утонувшем.

Смернъй — смирный.

Глагол

24. *Ба́ш'шитца* — красоваться, прихорашиваться. Немногие пользуются этим глаголом (от «баск-ой»).

Во́пит' — обычно *кричи́т'*.

Глуми́тца — играть. *Кот* ***глумитца*** *с мышју.*

Гости́тца — бывать в гостях друг у друга. *Мы* ***гостилис****.*

Гул'ат' — в значении «сидеть без дела». *Сел на скамейку*, — *дай*, *говори́т* (или: *дай*, *бат*), *погул'****аю***; *Сидит тётка Матрёна с Пан'кой и говори́т: иди к нам* ***гул'ат'***, *Мит'а! иди к нам в ызбу* ***гул'ат'***. Новообразованием было имя *гул'а́ночка* — в значении «скамейка».

Ку́читца — просить, клянчить.

Обозри́тца. Хотела ***обозритца*** *— шею свернула.* Обычно *огляну́тца.*

Похи́тит' — попортить, сломать. *Яблоня* ***похи́чена***; *фсе ведры* ***похи́чены*** (= попорчены).

Прове́шывают' по́лъсы — ставить тычки (вехи), чтобы не смешать одной полосы с другой.

Наречие. Частицы

25. *Баско́* — хорошо. Так же редко употребляется, как и прилагательное *баско́й.*

Л'з'а. Если ***л'з'а*** *ды можно!*; *Если* ***льзя*** *то постарайся* (из письма).

На-двоя́сах — в раздумье, в недоуменье. *В Городец ли ехать паек выкупат' или жат'*?

На кро́мку покрыва́тца.

Очун' — *с* ***у***, как во многих других севернорусских говорах. Так у немногих стариков. Обычно — *бол'но*, *о́чен'*.

Ра́йко — звучно. *Ночју зимой пойдёшь по́снегу —* ***райко*** *оддаётца*.

Чи́во — обычно «прытко», в значении «быстро». ***Чи́во*** *расту́т.*

Ясашно — ярко, ясно, отчетливо.

Характерными для архаиков являются частицы: *ну* — в значении «да», «ладно», «хорошо»; произносится с легким полувопросительным тоном; вводная частица *чу*: *Приходи вечером*! — Ответ: ***Ну***; *Пошла* ***чу***, ***в*** *омбар*; *ja*, ***чу***, *позвоа́б jово́*; *Фс'а*, ***чу***, *рош згни́ла*; *Раис'ja пошла́ домо́j.* (Другая женщина): ***Чу****! Чу* — преимущественно в речи пожилых женщин. В речи мужчин иногда выступает в этом значении вводное «слыш». *Кока*, ***слыш***, *умр'ош — саван некому буд'от шыт*'.

Вводное *буде* в значении, близком к «в случае», «если»: *а* ***буде*** *прин'осу́*; *Тон'ка*, *погл'аи* ***буде*** *за jej*; *Т'о́тка Анна* ***буде*** *топила*; ***Буде*** *приду́т — скажы́.* Говорю: завтра часов в 10 пойдем. Павел отвечает: *Ну* (да, хорошо). ***Бу́де*** *зajд'о́ш. Промеледи́ш бол'но долго*, ***чу***.

Отмеченные выше слова носят колорит явно архаический: ими пользуются преимущественно лица из консервативно-бытовой среды. Некоторые из этих слов редки и в этой среде, а иные совсем вышли из употребления вместе с обозначаемыми ими предметами и явлениями (*вьюнишна субота*, *мулька*, *тягло*) или вследствие изменения значения называемого явления. После коллективизации вышли из обихода деревни *батрак*, *бедняк*, *кулак*.

26. Вместе с прежним бытом утрачивает свое значение и прежний словарь. Помещаем ниже список слов бытового обихода. Этими словами пользуются лица разных деревенских групп. Но в речи лиц, активно усваивающих элементы литературного языка, эти слова заменяются словами литературного языка, а иногда находятся рядом то и другое слово (*заско́т*, *засу́чит*…).

Ба́ит' — говорить; вводное скороговорочное — *бат* (= говорит — в передаче речи другого лица). *Гл'ай*, ***бат***, *кака дра́ча* (= гляди, говорит, какая драка); *оба́ jу фс'у губер'у* — одержу верх в споре над всею губернией.

Бата́литца — возиться; ***баталилис*** *до вечера.*

Бесе́тка — скамейка, лавочка.

Бобы́л' — мельник.

Болина́ — значительная величина. *То́пол*' *выросла — кака́* ***болина́****!*

Болоти́на — болото.

Боты́р' — маленькая лодка, выдолбленная из ствола осины; ствол предварительно был распарен.

Буда́т' — бодать. *Корова бежыт* ***буда́т'***; *Он те* ***будысне́т'***; *Тел'о́нок бол* (бодал) *песок*.

Бу́ден' — рабочий день.

Вар — смола.

Вели́ко говен'је — великий пост.

Вети́стой, *овес* ***вети́стој****!*

Взноси́стой — высокий (о дереве). *Вер'оза* ***взноси́стаја***.

Глиба — глыба.

Гло́жетца — чешется.

Гне́зница — курица сидит в гнезнице.

Гот, *оставит'* ***в-гот*** *— впрок. Варен'јо надо беречи́ дл'а* ***го́ду***, *дл'а врем'а*.

Гус'а́к — потроха; *каша з* ***гус'а́ко́м***.

Дегот' (не: *дёготь*).

Де́душка дворно́й — домовой.

Ди́куша и *гречу́ха* — гречиха.

Д'о́нышко — уменьш. к «дно».

Доржа́т', *д'оржа́т'*, *дор'жа́т'* — держать.

Дра́ча — драка.

Дрян — сор, мелкие сухие ветки на земле, щепки.

Ежа (*је́жа*) — пища. *Т'о́тка Анна! Давај* ***је́жу-ту*** *Маше!*

Ел'а (*је́л'а*) — ель; прил. *је́левой.*

Жа́лобитца — жаловаться.

Жани́мой, *эшшо не* ***жани́мой*** — еще не женатый.

Жо́лит, например овод, — жалит.

Жо́ра — корм для скота. *Корове-то много* ***жо́ры*** *надо*: *она* ***жо́ристаја***.

Жубо́рит'. *Зајчик* ***жубо́рит*** *травку.*

Жърави́га — клюква.

Забрил'ат' бороноју.

Зау́гӑлыш — рожденный вне брака.

Зори́т' — разорять, например, гнезда.

Јадр'о́ной. Квас буд'от ***поједр'о́ней*** (получше, покрепче).

Ки́на и *ботом зоу́т* (картофельная ботва; названия *ки́та* не знает).

Ки́та, *ки́тъвина* — картофельная ботва.

Клепл'от ко́су — отбивает косу.

Ко́ка — крестная мать.

Ко́кӑфки — суставы пальцев.

Коку́ра, *кокура с рога́м* — ватрушка с загнутыми вверх краями теста.

Колга́н — обрубок дерева.

Коромы́сел — стрекоза.

Косма́той — с непокрытой головой. *В шапке али* ***косма́той****?*

Кули́га — расчищенная полоса в лесу.

Ку́ра, *ку́ру* — курица, ***-у***.

Кусо́к — ломоть ржаного хлеба.

Лза́стой — лживый. *Муш пјанистој*, ***лза́стој***.

Лу́на, *лу́нка* — ямка с водой.

Мăтери́на — не тронутая плугом земля.

Мил'ода́ — пустое препровождение времени. Глагол — *миледи́т*'; наречие — *ме́лĕдно.*

Метело́к, *метелки́* — бабочка, бабочки.

Моло́сно — скоромное.

Н'о́бо — небо (Himmel).

Ну́хрит, *кошка* ***ну́хрит*** — кошка мурлыкает.

О́блак, род. ед. *о́блăка*.

Окл'ома́тца — прийти в себя (о человеке); *ја́блон*' ***окл'ома́тца*** — яблоня оживает (о яблоне, начавшей было подсыхать).

Оле́н' *ногу купну́л*, *а вода т'о́пла* (олень ногу окунул в воду, и вода становится холодной с Ильина дня, 2 августа — 20 июля ст. стиля).

Павица упива́тца ф те́ло и софсем уп'јо́тца (пиявка).

Пиреры́скъват' — переплывать реку (Волгу) на лодке.

Пŏтрата́тца — побороться.

При́вален' — подброшенный ребенок.

Прогледя́ — в лесу вроде просеки.

Пу́хтил'а дат' — ударить кулаком.

Пы́рин, *пы́рка* — индюк, индейка.

Ра́дуга-дуга — радуга. ***Ра́дуга-дуга*** *ни дава́ј дож'ж'а*, *дај со́лнышка ис-под бр'о́внышка* (ребятишки кричат).

Раз'ин'а́т', *рот* ***ни разин'а́ј***!

Реш, *на режé* — обрывистый берег.

Ро́зной — разный.

Ро́пкой, *та́лот ро́пкој* — тальник хрупкий, ломкий; *дубец ро́пкој* — хворостина ломкая.

Роститца (*курица*) — курица кокочет; говорили и о женщине: вышла наряженная на улицу, показывает себя.

Рубе́ц — желудок телячий, говяжий.

Руса́лкины во́льсы — зеленая тина-водоросль у нижних частей кустов, находящихся у воды.

Сварúтца — ссориться; *россвари́лис* — рассорились.

Скат' — сучить.

Спет'. *Л'он спе́јут в бане — јово на моста́х сушат.*

Стен' — тень.

Стр'уче́к — стручок.

Сухва́тит', наст. *сухва́тит* — охватит.

Суцеле́т', *суцеле́јут* — уцелеют.

С’а́кнут’. *Вода* ***с’акн’от*** *ис катки* — вода течет из кадки.

Те́плина — костер.

Ти́на — ботва картофельная.

Туритца, ***тур’у́с*** *на жнитво* — спешу, бегу жать.

У́ея — место в тени.

У́вхо; *омменя́т’ лошэт’* ***у́хо на́ ухо*** — т. е. без придачи.

Уша́н — заяц; ругательное слово для лиц (парней) с большими ушами.

Хлуди́на — прут, хворостина.

Хрунит’, *кот* ***хруни́т*** — кот мурлыкает.

Шабли́вой, *шабл’а́вой*, *шабл’а́стой* — оборванный.

Шабло́ — тряпье.

Шоро́н — дурной, плохой. Есть и кличка: *Ван’ко* ***Шорон***.

Шып — шиповник.

Шыпом — без шума, неслышно.

Ядр’о́ной — см. *jадр’о́ной.*

Из синтаксиса

27. Форма именительного падежа в сочетании с *надо*: *туды доска* ***надо***; *лотка* ***надо***. Такое сочетание с именительным падежом употребляется во многих севернорусских говорах. В этой же местности оно является теперь архаизмом.

При сравнительной степени находится *не* перед *чем*: *Лотка тише подаётца* ***не чем*** *пот тем берегом.* И это здесь архаизм, употребляемый редко в среде старшего поколения и кое-кем из ребят, находящихся пока под воздействием семейной традиции. *Не чем* представлено и в других севернорусских местностях.

Сочетание *прямо* (в значении «против, насупротив») с именем в родительном падеже: *Теперь пристань* ***прямо перевоза***. (*Где стучит*?) *Тамотка стучит*, ***прямо нас***.

Предлог *за* повторяется перед отдельными частями сложного числительного: ***за*** *пиддис’а́т* ***за́*** *три.* В среде молодежи такое повторение *за* не бывает: ***за*** *пиддис’ат три.*

Архаизмом является экспираторно-интонационное объединение союза *да* (с кратким ослабленным гласным ***а***, похожим на ***ы***) с предшествующим словом. Иногда на *да* заканчивается высказывание.

Вымыть надо, *печку протопить* ***ды*** (резкое окончание, выдох).

*Привезем воз-****ды*** ||, *оммолотим-****ды*** ||.

*Репчо́нка-****дй*** ||, *щи-****дй*** («репченка да щи» т. е. репа да капуста).

*Снопы привезли-****дй*** (***ды***) ||, *эщо осталос* |.

Сколь рыбы ф плотах-те: *плотва-**дй*** ||, *эщо сом бол'шущеj.*

*Взяла подушку-**дй*** ||, *одеяло-**дй*** ||, *послала на полу-**дй*** || *так легла.*

Бывает и так, что вместо союза *да* находится союз *и*, также в объединении с предшествующим словом. Наиболее выразительны такие сочетания (с *да*) в речи 83-летней девицы Матрены Тарасьевны.

Из форм

28. В формах также происходят сдвиги: традиционная формальная система разрушается и вытесняется новыми элементами. В отношении форм наблюдаем в общем ту же дифференциацию, которая ясно представлена в отношении употребления словаря: современный актив и архаические лица. Но в отношении форм эта дифференциация пока не так значительно выражается, как в словаре.

Из именных основ отметим давние образования с суффиксом ***-ище***: *прова́лищо* (место обвала), *ре́пищо*, *пло́дищо* (место стоянки плотов), *мурав'jи́що* (муравьиная куча), *пепели́що* (куча пепла).

С суффиксом ***-ина***: *печи́на* (илистый берег), *мочежи́на* (сырая ложбина в поле), *я́мина*, *мъгери́на* (материна — не тронутая плугом земля), *карто́шына* (одна картошка), *конфе́тина* (одна конфетка), *газе́тина* (газета).

-'ага, ***-ко***, ***-шко*** в личных именах мужчин: *Вас'а́га*, *Паша́га*, *Митр'а́га.* Так и в нарицательных именах: *прост'а́га* (простой человек), *серд'а́га* (сердечный человек). *Ава́кумко*, *Васи́лко*, *Ива́нко*, *Пу́манко* («Пимен», уменьш.), *Ива́нушко.*

-'уха в личных именах женщин: *Ан'у́ха*, *Ел'у́ха* (Евгения).

Формы имен собственных на ***-'ага*** и на ***-'уха*** являются теперь устаревшими.

Обобщение основы с глухим согласным: *лотка — лоточка — лоток* (род. п. мн. ч.), *лошка — лошечка — лошек* (род. п. мн. ч.), *сотка* (уменьш. от «сода») — *соточка.*

29. Широкое применение формы род. п. ед. ч. муж. р. на ***-у***: ***смеху́*** *было*! ***смеху́*** *было*!; *от* ***Пу́реху***; *у́* ***бе́регу***; *из-за́* ***кърму***; *шол утром з* ***завóду***; *буду ждат'* ***отве́ту***. У передовых лиц также форма *ответа.* Такое окончание (***-у***) находится и в передаче нового термина — *ден'* *о́ддыху*, но и — *ден'* *оддыха.*

Форма дат. п. ед. ч. на ***-е*** в именах жен. р.: 1) *на сосне*, *г бабе*, *сестре*; 2) *черна корова не по* ***доле*** *нам* (не ко двору); ***деремне***; 3) *по* ***мы́сле*** *мне* (нравится мне), *в* ***це́лосте***, ***ф церкве***, но и с ударенным ***и***: *ф* ***церкови́***.

Местн. п. ед. ч. муж. р. ***-у́***: *на* ***островý***, *на* ***светý***, *ф* ***сопогý***.

Форма на ***-jo*** в значении им. п. мн. ч. муж. р.: ***кус'jó*** [ед. кус(*т*)], ***тъгун'jó*** (ед. *тугу́н* — одна из дуг в лодке), ***ови́н'jó*** *горя́т*, ***бо̆кон'jo*** (ед. ч. *ба́кан*, на Волге).

Одна форма для дат. и твор. п. мн. ч. с окончанием на ***-м*: ***мужикам***, *с мужыка**м***. Форма на ***-ми*** имеется в этих говорах — в основах с мягким согласным: *дет'**ми***; *нел'з'а́ во́л'у дават' дет'**ми́***; *л'уд'**ми́*** *жаловатца*; *матер**ми́*** *сказат'*.

В речи передовых людей обычно также служит одна форма для дат. и твор. п. мн. ч. Но стали пользоваться и формою на ***-м*** для дат., формою на ***-ми*** для твор. п.

30. В формах имен прилагательных есть такие, которые являются теперь слабыми элементами традиционного фонда — элементами, свойственными лицам архаической группы. Это — сложные формы поздней формации, т. е. формы, вторично распространенные местоименным окончанием: *Он был воротúлоју **стрáшныјем***; *обнесли забором высóкијем*; *в **глухóјем** углý*; *за **бéлыим** грибам*; *х **тúхиим** местáм.* И в среде лиц с архаическими элементами речи такие формы употребляются непоследовательно: говорят и формы, обычные теперь в этой местности: ***с грудны́м*** *роб'óнком*; *в **грудны́м** кармане*; *на **круты́м** берегý*; *за **бéлым** грибáм*.

Архаична и редка теперь форма род. п. ед. ч. жен. р. на ***-ы***: *2 пуда **ржаны́** мукú* (в речи ветхой старушки). Несколько чаще встречается у стариков форма род. п. ед. ч. жен. р. с окончанием ***-ы́ја*** **(*-ија*)**: *нет **худы́ја** рубахи*; ***хорóшыја*** *плошки нет*; ***сухија*** *нитки нет.* Но обычно: ***ржанóј*** *муки*; ***сухóј*** *нитки*; ***хорóшој*** *плошки нет.*

Среди всех групп населения употребляются формы прилагательных «краткие» и «полные». Чаще пользуются формами «краткими»: *Матр'óна **кривá** пособл'ат жат'*; ***сéра*** *кóшка нам не г дóле*; ***цéла*** *ли плет'óнка*? ***Цéла***. ***Болéзна*** *нога*; ***болéзну*** *ногу*; ***дворовýо***, ***пол'ов'ý*** *бан'у* («полевýю баню» — баню, находящуюся в конце усадьбы); *вода* (в Волге) *нóн'че **мáлин'ка***; *огурцы́ **жóлты***; *у кýликъв носа **долгú***; *сено **луговó***; *óз'оро **глубóкојо***; *трава **плохáја** — **нúзен'ка***; *она какáто **злýш'ш'аја***; *вода **мутнáја***; *зимл'анúга **крупнáја***; *бер'óзы **взнóсистыје***; *ночи **долгúје** — кроснá **тонкúје.***

Сравнительная степень. Архаическим элементом является окончание ***-'á***: *скор**'á***, обычно — *скоре́! Айда скоре́!* Более новое: *поскорúеје*!

31. Местоимения. Отметим сочетания дат. п. ед. ч. личных местоимений с частицею ***-ка*: *мне**-ка***, *тебе**-ка***. Эти сочетания свойственны преимущественно речи лиц архаической среды.

Род.-вин. п. ед. ч. муж. р. *јово́*, без ударения ***-ва*: *на́ши**ва***, *никако́**ва***… Род. ед. жен. р. *мојó* — ***тојó*** *дере́мни*; *с тојó стороны́*; *однојó.*

Он дороже ***ejó****.* В безударном положении ***i̯e***: *n'óc-* ***i̯e*** *védajot.* Твор. п. ед. ч. *jej* (*i̯ei̯*): *za* ***i̯ei̯*** (за ней).

Oné. Дат.-твор. ***-им***: *daj* ***-им***, *s им-э бабам*, *za-им* (за ними).

Mojé, *mojéx*, *mojém*, *s mojém.*

Nextó (никто); *neštó* (ничто).

Jédnъva jáblъka n'urodílos (= ни одного яблока не уродилось).

Odna rozjédna (= одна-единственная).

Dvójo, *dvóji*; *troi sutki*; *osmery sutki.*

Архаичной является форма в дат.-твор. на ***-мя*** или на ***-ми***: *двемя́*, *двуми́*; *тремя́ — двемя́ dajút*; *daj двуми́ бáбам*; *тремя́ robotám' nádo.*

32. Г л а г о л. До недавнего времени весьма часто применялись в речи формы глаголов с итеративным значением, основа которых оканчивалась на ***-а***, ***-ива***, ***-ыва***. Если в других формах корень не имел гласного (*брать*, *спать* — с утратой давних ***ъ***, ***ь***), то в итеративных формах в корне находится ***и***, ***ы*** — *не б****и****рáла*; *не би́рывал* (= не брал); *не ж****ы****рáла эшшó* (= не ела еще); *не с****ы****пáл фс'у ноч*; *т'ат'а пóспал, а ja эшшó не сы́пывал*; *ja эшшо не р****ы****вáла* (=не рыла); *подýч****и****вал*; *не кýп****ы****вал* (= не покупал); *трóи сутки не поли́в****ы****вала.*

В старое время такие формы употреблялись также часто. Например: Отец мой Офонасей тое земли не **давывал** (грамота 1479—1481 гг.)[10]. Мишка Сафонов сказал: Гараська дерется з дѣтьтми ево и с сосѣдми, и он де их разнимал, а не **бивал** и бить ево не **веливал**, *а никаких слов не* ***говаривал*** (XVII)[11]. Теперь в Городецком районе такие формы у т р а ч и в а ю т свою актуальность. Ими пользуются преимущественно женщины и близкие к ним подростки.

Таким же неактуальным архаизмом являются глагольные формы с префиксом ***при-*** в значении префиксов ***с-***, ***из-***, ***вы-***, ***у-***, ***по-***: *картошку-ту фс'у* ***приварила***; *дрова́-те* ***притопила***; *избу загр'азнила*; *ты — вор: игрушки-те* ***приворова́л*** (= украл); *фс'о было* ***приде́лано*** (= сделано); *дети* ***при́мерли*** (= умерли).

В давнее время глагольные образования с префиксом ***при-*** такого значения были продуктивны. «...*Которые де были на них крѣпости и с книг выписи, и тѣ крѣпости и выписи в пожар* ***пригорели***»[12] и многие другие.

33. Формы настоящего времени глаголов с прежней основой на ***-aje***, ***-eje*** представлены в двух видах: с результатом утраты *i̯*, асси-

[10] Акты юридические. СПб., 1838. С. 2.

[11] Конгурские акты XVII века. СПб., 1888. С. 17.

[12] Т а м ж е. С. 50.

миляции ***ае*** и ***аа*** и стяжения: *зна-т*, *гул'á-т*, *гре-т.* Этот результат — традиционный в Городецком районе. Глаголы местно-бытового значения, и в особенности те, которые не встречаются в речи общегородского типа, представляют основу на ***-а***: *кошка зенки* ***вы́челипат*** (= кошка глаза выцарапает); *корова* ***буда́тца***; *рот не* ***розиня́тца***; ***выде́р'гиват*** и др.

С ***-аш***, ***-ат*** и формы настоящего времени глагола стать: *што* ***сташ*** *де́лат'? он дожидатца не* ***стат*** (= не станет).

Такие формы представляют лица в с е х деревенских слоев. Имеется в этой местности и инодиалектический вариант: ***-аёт***, ***-еёт.*** Формы такого образования находятся в речи лиц также разных групп: *де́лат* и *де́лаjот*, *покупа́т* и *покупа́jо****т***, *уме́т* и *уме́jот*…

Формы настоящего и будущего времени с коренным гласным ***к***, ***г*** перед окончанием: *пе****ко́****ш*, *пе****ко́****т*, *тол****ко́****ш*, *т****к****ош*, *зас****ко́****ш* (= засучишь), *жгош*, *мо́гош*, *мо́гот*: *Как мо́гош?* (= как поживаешь?); *он лгот.*

С согласными ***к***, ***г*** представлена основа и в причастии прошедшего времени страдательного залога: *испе****к****о́на*, *подожго́на.*

Форма 2-го л. мн. ч. на ***-т'о*** (***-тё***) ударенное и неударенное: *даи****т'о́*** *ни дури́****т'о****!*; *куды вы jе́ди****т'о***; *стои****т'о́***; *уjди****т'о́****!*; *ступа́j****т'о́***!; *аjда́****т'о***! У лиц, активно усваивающих элементы литературного языка, эта форма произносится по-старому и по-новому: с окончанием ***-те.***

В ударном и безударном слоге формы 3-го л. мн. ч. настоящего времени имеют окончание ***-ут*** для глаголов с основой на ***-е*** (***-jе***, ***-не***) и окончание ***-ат*** с основой на ***-и***: *н'ос****у́т***, *ор'****у́т*** (= кричат), *суцеле́****jут*** (= уцелеют), *гнеj****у́т***, *пиш****у́т***, *па́щ****ут***; *хо́д'****ат***, *коро́н'****ат*** (= хоронят), *сва́р'****ат****ца.*

34. Только в речи отдельных лиц находятся деепричастия для некоторых глаголов: *бojа́jучи ejо́* (= боясь ее); *си́жа вы́спитца* (= сидя выспится). Производная форма *си́жо́j*: *киргизоф коро́н'ат* ***си́жых*** (= киргизов хоронят сидящими).

35. Инфинитив на ***-чи*** в глаголах: *печи́*, *помочи́*, *толчи́*, *лечи́*, *беречи́.* Реже с ***к***, ***х*** перед ***-чи***: *берек****чи́*** *— бере****хчи́***, *ле****хчи́***, *пе****хчи́.*** По деревням — на ***-ти***: *пе****кти́***, *бере****хти́.***

Прежнее новообразование инфинитивной основы: *жгат'* (= жечь), *сожга́т'* *— ру́ку* ***обожгала.***

-ти в глаголах: *се́сти*, *ле́сти* (= лезть), *вы́лести.* У одного весьма архаичного по своему содержанию мужика отмечено *jа́сти*: *м'а́со будут* ***jа́сти***.

-с' (***т'***), с утраченным ***-т'*** в инфинитиве: *плыс'* (= плыть). Основа настоящего времени для этого глагола давняя: *плов-у́*, *плов'о́ш*…

Обычное для севернорусских говоров образование инфинитива с ***é*** после шипящего: *кричéт*’, *стучéт*’, *дышéт*’, *вириш*’*ш*’*éт*’, *пиш*’*ш*’*éт*’, *виж*’*ж*’*éт*’.

Отметим еще несколько инфинитивов: на ***-ит***’: *смотри́т*’ (*смотри́ла*); на ***-а́т***’: *стемн*’*а́т*’ (*стемна́ло*); *вын*’*а́т*’; *хлеб вы́н*’*ат*’ (= вынуть); *скат*’ (= сучить); *трат*’ (= тереть).

36. Повелительное наклонение. В единственном числе оканчивается на ***-ú***, ***-j*** (***-i***) или на мягкий согласный: *не трони́*! *одгани́*! (= отгадай); *соjми́ плет*’ *о́нку-ту*! (= сними плетенку); *заскáj штаны*! (= засучи штаны); *пот*’ *суды*! (= пойди сюда); *принéс*’*!*; *затво́р*’ *воро́ты*!; *вы́зден*’ ремéн’от! (= вынь ренень).

37. Наречия. Предлоги. Частицы: *витко* (= видно); *во́сет*’ (= в следующий раз); *го́дно — го́дно жат*’ (= время жать); *тут го́дно сидéт*’ (= тут удобно сидеть); *го́жо* (= хорошо) — *пал*’*то́ сидит го́жо*; *да́ве* (= давеча); *дока́* (= пока); *до-за́фтриjа* (= до завтра); *испо́ду* (= снизу); *-ка*: *мнé-ка*; *теé-ка* (= тебе); *сеé-ка* (= себе); *туды́-ка*; *вот не зна́ju-ка*; *-ко*: *ну́ко*! *Коудá-ковдá* (= когда); *на-кукърках нес*’*от роб*’*онка* (= на спине…); *мéледно* (= медленно); *до éтих мес*’ (= до сих пор — до этого места); *наза́д*’ (= назад); *нéтутко* (= нет); *ни́кŏли*, *ни́къли* (= никогда); *ни́скол*’ (= не весть сколько); *опăсно*; *по́здо*, *до-по́зда*; *по-сех-мес*’ (= до сих пор); *пра-прă* (= право! честное слово —словоподтверждение); *пры́тко* (= очень) — *он пры́тко бо́лен*; *кошка за мухоj фпрытки́ — фпрытки́*; *смоли́т*’ *не-в-рас*: *мокро́* (= смолить неудобно: сыро); *двара́с* (= дважды, два раза; *ездил двараз* — в письме); *три-ра́с* (= трижды, три раза); *на́-ръзно* (= поразному); *сéдни* (= сегодня); *слы́шко* (= слышно); *сно́ви делат*’ (= снова делать); *на-вéр*’*хсы́т*’ (= на закуску); *тоўда*, *товда*; *у́тре*, *на у́тре* (= рано утром); *хоша́* (= хотя) — *Хоша́ он и звал мен*’*а́*, *ja ни пошла́*; *чу́тко* (= слышно); *шыпом прошла́* (= не слышно, без шуму прошла); *эско́л* (= вот сколько!); *эсли* (= если); *эш*’*ш*’*о́*, *э*^{ы}*ш*’*ш*’*о́* (= еще).

38. Сочетания с ***-от***, ***-та***, ***-ту***, ***-то***, ***-те***. В Городецком районе, как и в других севернорусских областях, часто применяются всеми жителями сочетания с частицами ***-от***, ***-та***, ***-ти***, ***-ту***, ***-те***. Эти частицы не имеют значения членных элементов, значения, свойственного болгарским ***-ът***, ***-та***, ***-то***, ***-те***; русские ***-от***, ***-та***, ***-то*** имеют эмфатическое значение, а не значение определения называемого предмета, не служат для конкретизирования его. Роль этих частиц та же, что и частицы ***-то***, которая по севернорусским и среднерусским говорам вытесняет ***-от***, ***-та***, ***-ту***, ***-те***. С этими частицами употребляются не только имена нарицательные, но и соб-

ственные, не только прилагательные и местоимения, но и наречия.

В городецких говорах, как и в других севернорусских местностях, гласный частицы ассимилируется гласному в конечном слоге существительного — именно в формах именительного и родительного, дательного падежей единственного числа мужского и среднего родов и в некоторых других сочетаниях.

Для мужского рода единственного числа ***-от***: *до́мо̆т* (*до́мът*); *потклéт-от*; *со́мот зглота́л мужыка*; *вы́зден' ремен' от*; *ъ₀репéjот* (= орепей — репейник); *Городе́ц-от*; *Гор'ко́т* (г. Горький); *Пав'ол-от дома?*

В именах прилагательных и местоимениях ***-от*** присоединяется к форме без ***j***: *новот*, *дикот*, *маленкот*, *ихот* («ихой» — их). Так же и в именах городов, представляющих форму прилагательного: *Ни́жнот*, *Гор'кот*. Некоторые говорили *Нижноj*, но с частицею ***-ту***: *поjехали в Нижноj-ту*.

В мужских именах на ***-а*** частицею служит ***-та***: *Пашката*, *Куз'мата.*

Для именительного падежа единственного числа среднего рода служит ***-то***: *с'оло́-то*, *пол'о-то.*

Родительный-винительный падежи единственного числа мужского и среднего родов ***-та*** — с ***-а*** в связи с окончанием существительного: *спроси молотца-та*; *из Ни́жнова-та.*

Дательный падеж единственного числа мужского и среднего рода ***-ту*** — с ***-у***, как в окончании существительного: *бра́ту-ту*, *двору́-ту*, *отцу́-ту*, *Григорjу-ту трудно*; *Павлу-ту*; *х по́лу́-ту.*

Реже в этих формах употребляется ***-то***.

-ту и в форме местного падежа единственного числа с окончанием на ***-у***: *но-острову́-ту* (= на острове); *но-полу́-то* (= на полу).

При форме прилагательного частица ***-те***: *в грудны́м-те*; *в Нижно́м-те.*

Творительный падеж единственного числа мужского и среднего рода ***-те***: *з братом-те*, *прого́ном-те*, *с наро́дом-те*, *с отцо́м-те*; *за с'оло́м-те.* Более новое сочетание с ***-то***.

Во множественном числе для именительного падежа мужского и среднего рода ***-те***; для других падежных форм ***-те*** и ***-ту***, ***-то***; *молоды́-те хоз'а́вы*; *запри́ сере́дни-те воро́ты*. Но для именительного падежа множественного числа среднего рода — *врем'а́* (ед. ч. *вре́м'о*) — частицей служит ***-та*** в зависимости от конечного гласного в существительном: *таки́ врема́-та.*

Другие примеры: *нареди* (= выпроводи) *мужыко́ф-те из онбара*; *дворо́ф-ту*; *снопо́ф-ту*, *ли́шних-ту нет*; *с мужика́м-то*; *в луга́х-те.*

Именительный падеж единственного числа женского рода ***-та***: *баба-та.* Винительный падеж единственного числа ***-ту***: *траý-ту*, *соймú плет'он'ку-ту*; *Пол'к*! *зовú ejo*, *Тон'ку-ту*; *пролуп'-ту*, *сол'-ту.*

Для дательного и местного падежей единственного числа женского рода ***-то***: *скажы мáме-то*; *положы́ла лóшади-то*; *в печú-то.*

Творительный падеж единственного числа ***-ту***: *башкój-ту*, *с с'острój-ту.*

Во множественном числе для форм женского рода ***-те***; в косвенных падежах ***-те*** и ***-то***: *бабы-те*, *тол'ко буквы-те нефсе розбирају. Овец-те*, *бап-те*; *рукам-те*, *снохам-те*, *офцам-те*; *на бабах-то.*

Наречия ***-от***: *попéрóг-от* (= поперек); ***-те***, ***-ту*** в наречиях — прежних формах творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода (на ***-ом***): *ýтром-те*, *вéчером-те*, *нимохóдом-те*; *вер'хóм-ту*, *р'áдом-ту.* Редко — на ***-то***: *б'огý б'огóм-то.* ***-то*** в наречии *спер'вó-то.* ***-ту*** в наречиях на ***-у***: *внизý-ту*, *ввер'хý-ту*, *срáзу-ту.* Та же частица в наречии на ***-оj*** (*домоj-ту*) и в наречиях э́*дак-ту*, *назáт'-ту.*

В сравнительной степени ***-те***, в зависимости от гласного предшествующего слога: *моложе-те не бýд'ом.*

39. У д а р е н и е. В речи женщин, и то не всех, держится старое наследие в отношении интонации: при вопросе, при зове, при сердитом окрике представлена сильно выраженная восходяще-нисходящая долгота последнего слога: *Пáн'ка! в Городец што-лӣ? Поэ́д'ош-ли*?

Хорошо копируют эту интонацию маленькие девочки, лет до 6. Позднее она многими утрачивается.

В отношении м е с т а у д а р е н и я говоры Городецкого района еще до революции испытывали воздействие литературного языка: наряду с давнетрадиционным местом ударения в некоторых формах и сочетаниях ударение ставили на ином слоге, на том, на каком оно находится в литературном языке. В последние годы количество форм, ударенных по образцу литературного языка, сильно возросло, в особенности в речи передовой молодежи, например в формах и сочетаниях с предлогами и префиксами, имевших ударение на традиционном месте.

В ряде имен формы косвенных падежей имеют ударение на том же слоге, на каком находится оно в именительном падеже: *кус*, *кýста*, *кýсту*, *кýсты* (мн.); *вор*, *вóра пымали*, *вóру*; *кóни*, *кóнej*; *ручáj*, *ручájу*; *случáj*, *по какому случájу*; *рыбáк*, *рыбáка*, *рыбáки*, *рыбáкоф*.

Ударение по формам множественного числа: *гýба*, *сóсна.*

Ударение на конце: *силá — силá не бер'óт*; *не ф силáх*; *пенá.*

Ударение на ***-а*** в *роб'áтишки*; новое: *роб'атúшки.*

Ударение на окончании в форме творительного п. ед. ч.: *гра́да*, *гра́ду — градо́м*; *ва́ла — вало́м.*

Прилагательные. Наречия. Ударение на окончании: *тихо́j*; *посно́j* (= постный, худощавый), *пересно́j*, *толсто́j*, *крупно́j*, *дишово́j*, *гр'азн'о́j*, *часто́j*, *уповод долго́j се́дни*; *ночи долги́је — кросна тонки́је.*

Ударение на гласном корня: *вы́соко*, *шы́роко*, *на-до́лго.*

Сочетания с предлогами и префиксами. Ударение на предлоге в сочетаниях, унаследованных от глубокой старины, — в тех сочетаниях, в которых начальный слог имени имел некогда нисходящую интонацию (циркумфлексное ударение): *на́ бер'ок*, *на́ бор* (ср. серб. *бо̑р*); *за́ сеном* (ср. серб. *се̑но*); *у́ сына* (ср. серб. *сӣн*), *по́јеру* (= по яру); *по́д јар* (ср. серб. *ја̑р*), но: *на-ја́р*; *жалу́етца на́ мужа* (ср. серб. *му̑ж*); *на́ лет*, *по́д лет*, *итти по́ леду* (ср. серб. *ле̑д*); *по́ сок* (= идти за еловым соком; ср. серб. *со̑к*); *је́хат' по́ тал* (= за талом); *по́ брюху* (ср. чеш. *břicho* с кратким ***i***); *по́што*, *за́-што*, *во́-што* и др.

По образцу этих сочетаний ударение находится на предлоге и в таких: *за́ Москву* (вин. *Мо́скву*), *на́ Юг* (Юг — речка и деревня у ней). Той же аналогии обязана постановка ударения на предлоге и в некоторых других сочетаниях. Например: *за́ лен* (= за лен). Но в большинстве случаев сочетаний предлога с именем, начальный слог которого не имел некогда циркумфлексного ударения, предлог является безударным: *по́јду по но́ш* (= за ножом; ср. серб. *но̑ж*, но род. ед. *но́жа*), *до ку́ста*, *под ку́стом*, *на со́сну*…

Глагол. Ударение на префиксе или на отрицании: *дат'*; *о́ддат*, *о́ддал*; *не у́далос*.

-брат': *со́бралис*, *за́брали*, *у́брал*, *у́бралис*, *ро́зобрали*, *о́тобрал*, *о́бобрали*, *не́ брал*.

-рват': *о́борвал*, *со́рвали*, *и́зорвал*, *ро́зорв'от и розо́рв'от*, *ото́рват'*, *о́торвал.*

-драт': *о́тодрала*, *ро́зъ̆дралис.*

-ждат': *по́дождат*, *подо́жд'ом.*

-ид-: *не по́јду*, *не по́јд'ом*, *до́јд'от*, *подо́јд'от*, *обо́јд'от.*

Ото́при, *о́божок* (= обжег), *на́жр'отца*, *у́плыли*, *розо́гн'отца*, *по́дн'алса*, *у́н'ал*, *по́дымут*, *во́з'мут*, *подо́шјот*, *подо́жм'от*, *на́пилса*, *на́пилис*, *розо́л'јотца*, *обо́л'ју*, *ото́бјут*, *ро́звит*, *не́спал.*

Но много и отклонений: нередки формы, в особенности в речи молодежи, с ударением на том же слоге, на каком употребляется оно в литературном языке: *поједу́*, *поjд'о́ш*, *поједу́т*...

Ударение на ***-те*** в форме 2-го лица множественного числа настоящего, будущего времени и в повелительном наклонении: *при-*

видет'о́, *бирот'о́*, *пропадит'о́*, *несит'о́!*, *донесит'о́!*, *жывит'о́*, *пройдит'о́!*, *пойдит'о́!*, *воз'мит'о́!*, *надымит'о́*, *косит'о́*, *стоит'о́*, *гледит'о́*, *б'jит'о́* (= бьете), *п'jит'о́.*

Но часты и отступления, в особенности у передовых лиц: *ку́рит'о* или *ку́рите*, *нес'о́те*…

Ударение на гласном корня: *ки́дат'*, *оддо́хнут'*.

Ударение на гласном основы: *жари́т'*, *зажари́т'*, *краси́т'* — *пол краси́ла.*

В ряде глаголов с основой на ***-i*** формы настоящего времени имеют ударение на гласном основы: *проси́т*, *полови́ш*, *коси́ш*, *коси́т*, *воз'а́т*…

Почти вышедшее из употребления: он *кстити́ца* (= крестится) *и божи́тца.*

Из других глаголов: *но́ги-те з'абут* (= зябнут), *брызга́ла*, *сталá.*

Фонетика

40. Главные черты звуковой системы в речи населения Городецкого района по правую сторону Волги в общем одинаковы у всех. Дифференциация в фонетике выражается слабо. Яснее она представлена в звуковом виде новых слов. Кое-что дифференцирующее вносит и речевая манерность, свойственная некоторым лицам.

Это — говор окающий: *Офим'jа*[13], *Офона́сеj*, *хорошо*, *Городе́ц*, *сопогú*, *жона́*...

о вместо ***а*** и в словах, заимствованных в разное время: *омба́р*, *са́хор*, *колоши.* Заимствования современные передаются и с ***о*** и с ***а***. В речи молодежи в последние годы обычно с ***а***: *кампания.*

'о: *с'остра́*, *в'оснá*, *л'огла́*, *сир'ода́*, *фчора́*, *ничово́ нету*, *в'орста́*, *п'оку́т* (пекут).

'о и в ряде слов вместо ***е*** из давнего ***ѣ***: *п'оту́х*, *с'окла́*, *б'ого́м*, *з'ова́т* (зевает).

а вместо ***о*** и ***е*** как результат фонетического процесса не представлен. Только иногда, при особом произношении — вялом и растянутом, вместо гласного ***е*** в непосредственно предударном слоге (он всегда является долгим) бывает гласный ***ӓ*** или ***а***, перед ударенным слогом с ***а***: *н'а́ зна́jу* — медленно, позевывая, говорит пожилая тетка Мысевна (Моисеевна); *хто т'а̄б'а̄*? — протяжно полуспрашивает нянька плачущего ребенка; *н'а зна́jу* или *н'ӓ зна́jу* — нередко произносят и другие лица; *н'ал'з'а́*, *л'ата́т'*, *уб'ажа́л*, *з'амл'а́*,

[13] Знаком *j* передается чаще всего неслоговой ***i***.

сáмjá, *фчарá*, *часáт*'; *а ты н*'*а лáj* («а ты не кричи»), *jа н*'*а* (*н*' *ä*) *стáну ждат*'...

Реже находится ***ä*** (***а***) перед слогом с другим ударенным гласным: *б*'*агú*, *б*'*äги* — орет девчонка; *бир*'*агú!* — кричит парень.

Это явление в произношении предударного слога не находится в непосредственной связи с аканьем языка общегородского, литературного. Образование предударного гласного в этих случаях в Городецком районе — ***ä*** или ***а***, в литературном же языке ***-е***^{i} или ***ĭ***. Местное, городецкое аканье (яканье) имеет себе параллель в ряде южнорусских (южновеликорусских) говоров с ассимилятивным яканьем. Появление отдельных случаев яканья в Городецксм районе вызвано местными условиями, которые отмечены выше. С другой стороны, это городецкое явление следует учесть как параллель при изучении аканья (яканья) южновеликорусских говоров.

Яканье в Городецком районе не проведено последовательно ни у одного представителя этого говора. Чаще оно было представлено в речи пожилых людей. Из таких лиц вспоминаю Матрену Тарасьевну, девицу 80 с лишним лет. Всю свою жизнь она провела в Салогузове. Ее предударный слог был в особенности протяжен. С сильным протяжением она произносила и предударный слог местоимения *ничāвó*. В ее речи и начальный гласный ***ъ*** во 2-м предударном слоге имел окраску не ***ъ***^{o}, а открытого ***ъ***^{a}.

Это фонетическое явление не имеет актуального значения в местной речи. Молодежь представляет выразительное оканье.

Во 2-м предударном слоге произносится гласный типа ***ъ*** вместо ***о***, ***а*** и гласный ***-е***^{i}, ***и*** вместо ***е***, ***'а.*** Ослабленность в образовании гласного и во 2-м предударном слоге незначительна: *дъчерéj*, *мъл*'*авá* («мелкая рыба»), *бътничúшка*, *пъвилúца* (растение повилика), *пъсижý*, *пъкатúли*, *на лъшадú*, *гъношыт*' (готовить что-нибудь).

Во 2-м предударном слоге гласный ***ъ*** имеет лабиализованное образование перед следующим слогом с ***о***. Иногда вместо ***ъ*** произносится ***о:*** *пъ*^{o}*рохóт* (пароход), *пъ*^{o}*солúли*, *сŏмовáр — сумовáр*, *сŏпоги*, *дaj сŏхорку!*, *сŏмострéл* (лук), *Сŏлогýзово*, *зŏробатывaт*, *зŏгон*'*ý*, *нŏгон*'*ý*, *нŏговöр*, *нŏносúл воды*, *нъ*^{o}*точúл*, *нŏдojéла*, *нŏпор*'*ý*, *зă косój*, *зŏ дровáм*, *нъ*^{o} *горé*, *нъ*^{o} *колóде*, *нŏ ночóфку*, *нŏ торéлке*, *но*^{ъ} *покóс*, *нŏ охóту*, *роботăм пŏ докý.* То же явление отражается и на передаче новых слов: *трохторá*, *сŏмот*'*óк.*

Лабиализованное образование представлено и в 3-м предударном слоге: *зŏгорожý*, *зŏгŏворúл*, *нŏ гŏловé.*

ъ^{o} (о) находится и перед ***'о*** (***е***): *зŏб*'*орýт* (заберут), *но*^{ъ}*пл*'*ŏвáт*' (наплевать), *дŏл*'*окó* (далеко).

Говоры Городецкого района, как и многие другие в Поволжье и в соседних краях, представляют во 2-м предударном слоге гласный типа **ъ** не только вместо ***а***, ***о***, но и вместо ***у***, ***ы***: *ръкави́цы*, *сындуки́*, *жъравиґа* (клюква), *прокърату́ра* (прокуратура), *въливáл* (выливал); но — *мужыки́*, с ***у***.

Начальный гласный во 2-м предударном слоге неустойчив в своем образовании: ***ъ***, ***о***, ***у***: *ъзорни́чајут*, *ъ^{у}горо́т — ўгоро́т*, *огурцы́ — ъ^{у}гурцы́*.

В 3-м предударном слоге ослабление незначительно: *ъ^{у}въ^{о}рова́л — ўвъ^{о}рова́л* (украл), *остъновúл.*

и вместо ***е***, ***'а*** во 2-м и 3-м предударном слоге: *бир'огу́*, *зимл'ани́га*, *лидохо́т*, *чижоло́*, *вириш'ш'е́л*, *дирив'а́нноj*, *сир'ода́*, *ришото́*, *де́ситина́ — диситина́* (десятина), *перигоре́ли*, *мисника́* (мясника), *питачо́к*, *jировóје*, *питиднéфка.*

41. В заударном слоге вместо ***а***, ***о***, ***у***, ***ы*** представлен гласный ***ъ:*** *до за́къту* (до заката солнца), *до́ръго* (в письме: *дорыго*), *у́ дъму* (у дома), *за́ нъгу*, *бро́съвоj*, *за́пълъски* (концы полос ржи, овса), *на́ пъл'а*, *на́ бък* (на бок), *у́тък* (род. мн. уток), из письма: 7 *картычак*; *пиперы́скъват*, *поми́лъj* (помилуй), *вы́ръчили* (в письме: *вырычыли*).

Но в конечном заударном закрытом слоге лабиализация чаще присутствует: *ко́лъп*, *ко́чът*, *во́лок* (шест с полуколесом), *тел'о́нок*, *бо́л'но ни́зок*, *ш'ш'ур'о́нок*, *Оре́хов* и др.

Особо отметим: *ло́шы́т' — лъ́шет'*.

Вместо ***е***, ***'а*** в заударном слоге находится ***и***, ***и^{е}***, ***е^{i}***: *за́пирли*, *пло́ш'ш'е^{i}ник*, *че́ре^{i}с-пъл'а* (через поле), *покуп'аит'о.*

В конечном закрытом слоге перед твердым согласным ***-'о***: *ве́т'ор*, *Па́в'ол*, *на́ бер'ок* (на берег), с *Микол'ајом.* Но в ряде случаев ***-'а***: *копе́j'ак* (род. п. мн. ч.), *де́н'ак*, *парни́шак*, *ка́ртъчак*, *пе́с'ан*, *ви́д'ал* (видел).

Изредка, при переходе от традиционной формы 2-го лица множественного числа с окончанием ***-т'о*** (***-тё***) к форме на ***-те*** произносится ***-т'а***, при ***-т'ä***: *ку́рит'ä — ку́рит'а*, *иду́т'а.*

42. *е — и*. Под ударением перед мягким согласным произносится закрытый гласный ***е*** (***е^{i}***, ***и^{е}***) вместо ***е***, ***ѣ***: *ден'*, *смер'т'* — *сми^{е}р'т'*, *е́ли*, *сти^{е}н'*, *ве́т'ор*, *ре́ч*, *пе́ли*, *приве́тил*.

У старшего поколения образование закрытого ***е*** более близко к образованию ***и***, чем у молодежи. Старуха Матрена Тарасьевна говорила с ***и*** сочетания *jис'* — «est», за *jиj* (за ней).

Здесь, как во многих других районах севернорусских и среднерусских говоров, глагол *ѣсть* представлен в виде *jис'*.

С гласным ***и*** говорят в Городецком районе *мил'* (мель) и производное *ми́лкоj* (мелкий).

’а. Между мягкими согласными под ударением находится ***ӓ*** или ***е*** вместо ***а*****:** *т’ӓт’а — т’ет’а* (*я с тетей работаю на лесозаводе* — из письма); *трéп’ки*, *к jéме* (к яме), *п’ӓт’-п’ет’*, *оп’ет’*, *пр’ӓс’ — пр’ес’* (прясть).

Но: *jáр*, *м’ал’ница* (мялка). При условиях, неясных для меня, приходилось слышать в речи отдельных лиц гласный ***’а*** и в других словах. Так, Матрена Тарасьевна говорила: *прéс’*, *к jéме*, но *т’ат’а*, *оп’ат’*. Пожилая тетка Мысевна говорила: *п’ет’*, но *пр’ас’*.

43. Ассимиляция гласных. Во 2-м предударном слоге произносят гласный переднего ряда вместо заднего, если в следующем слоге находится гласный переднего ряда: *митир’jáлы*, *сиртирóфка*, *Вилинти́на*, *Вĕренцова* (Варенцова — фамилия), *Висел’óва* (Василево — город). Такое произношение отражается на словах заимствованных, а также на личных именах, на фамилиях и на названиях местных пунктов. Это явление представлено и в других местах (*Вилинтина*, *висилек*, *испирин*, *визилин*, *билирина*).

Из традиционно-бытовых слов такая ассимиляция отразилась в передаче слова «босяком»: *бисикóм.*

44. ***ч*** — мягкая аффриката, с шипящей фрикацией. В манерном произношении бывает и свистяще-шипящая фрикация. Так говорят иногда девицы и кое-кто из близких к ним парней. Такая манерность не представляет черты будущей фонетики населения этой местности: она, шипяще-свистящая фрикация, чужда речи передовых лиц этой местности.

Долгие шипящие ***ш’ш’*** (***щ***) и ***ж’ж’***: *пуш’ш’ém’*, *ш’ш’ýка*, *ш’ш’ур’óнок*, *мож’ж’ýха* (можжевельник), *дóж’ж’ик.*

Согласные ***ш***, ***ж*** — твердые: *шыло*, *шып* (шиповник), *мужык*…

Но в говорах по левую сторону Волги согласные ***ш***, ***ж*** — мягкие: *ши́ло*, *кош’ел*, *деш’éвле*, *картóш’ки*, *ж’ивý*, *муж’и́к* (Продова, Кузнечиха и др.).

Долгий согласный ***м*** (***мм***) вместо ***бм***, долгий ***в*** (***вв***) вместо ***бв***: *оммáн*, *оммáныват’*, *оввинчáлса*.

Эта ассимиляция — явление актуальное в системе этих говоров. Она отражается и на передаче нового слова *рабфак*: *раффак* — в речи одного из парней, поступившего на рабфак. Так он говорил в 1932 г. (в его письме — *рафак*). Но вскоре он стал говорить *рапфак.*

вн вместо ***мн*** у всех: *гувно*, *не пóвн’у* (не помню), *вного*, *масло скоровно* (скоромное), *ко вне* (ко мне), *со внójу* (*со* мною).

С другой стороны, ***мн*** вместо ***вн*****:** *мнук*, *мнýка* (внучка), *дерéм’на*, *м ногу* (в ногу, нога). Но эти сочетания, с ***мн*** вместо ***вн***, в речи передовых лиц выходят из употребления.

Отсутствует ***в*** перед ***с*** в середине слова: *Петро́ски* (Петровские), *Сологу́зоска*… Так же в начале слова: *скочил* (вскочил). Но: *фса.* Также ***вз*** — в начале слова: *бер'о́за взносистаја*, *вз'ал.*

Отсутствует образование для ***в*** между гласными перед ***у:*** *траý жа́ла*, *коро́у криу́л'а*, *Ду́н'ушкој зоу́т.* Непоследовательно после предлога ***у***: *у оды́*; при переспросе: *у воды́.*

з'. Мягкий ***з'*** в слове *пол'з'а*, в глаголе *по́л'з'овалис.* Так у разных лиц. Мягкий ***з'*** подставляется и в передаче нового слова: *испо́лз'ују* (использую).

р' между согласными. Сочетания с мягким ***р'*** перед задненебным согласным: *вер'х*, *вер'ховój*, *продéр'гиват* или *прод'óр'гиват*, *четвер'к*, *росковéр'кал*, *свер'ка́т'*, *смер'ка́тца*, *грачи ка́р'гајут.* Мягкий ***р'*** и в новом слове: *должна быт' зор'кост'* (на колхозном собрании, 1937 г.).

Мягкий ***л'*** в *жел'т-*: *жел'тéт'*, *жéл'тен'коj.*

Р'ж, ***р'ш***, ***н'ж***. В речи населения Городецкого района, как и многих других севернорусских и среднерусских местностей, находятся сочетания с мягкими сонорными ***р*** или ***н*** перед ***ж***, ***ш*** (последние согласные в говорах по правую сторону Волги — тверды): *р'жанój'*, *2 пуда р'жаны́ муки* (последний пример из речи старухи Матрены Тарасьевны), *ър'жы́* (ржи), *дер'жат*, *бар'жа*, *би́р'жа* (лодочник в Городце), *ар'шын*, *гор'шок*, *стар'шój*, *стар'ше*, *Вар'ша́ва*, *мар'ш*!, *Ун'жа.* Но в речи разных лиц, преимущественно молодежи, и сочетания с твердым ***р***: *баржа́*, *марш.* А «аршин» канул в вечность: его заменил «метр».

ку-: *кур'а́га* (коряга), *кума́р* (комар).

к'г'. Выходят из фонетической системы палатальные ***т'*** (***т'$^{к'}$***), ***д'*** (*д'$^{г'}$*) вместо ***к'***, ***г'***. В Н. Салогузове эту черту представляет речь в 3-х домах, и то не всех членов семей. В одном доме живет семья бывшего бедняка, в другом — семья бывшего «крепкого» середняка, в третьем — одна женщина-вдова, тоже из середняцкой среды; владеет многими элементами литературного языка: *т$^{к'}$и́нут'*, *д'ен'д$^{г'}$и*…; в новых словах: *т'ép'ка*, *т'ино́.* Обычно: *к'и́нут'*, *д'ép'г'и*, *к'ép'ка*, *к'ино́*…

с'к: *р'ус'коj*, *моско́с'коj*… В речи молодежи утверждаются сочетания с твердым ***с:*** *рускоj*, *москофскоj*…

х. Согласный ***х*** обычного образования задненёбный фрикативный согласный. Но в говорах по левую сторону Волги образование ***х*** такое, какое представляют говоры во многих областях далее к северо-востоку, к Ярославлю: ***х*** — хриплый, близкий к гортанному, фрикативный согласный.

х* — *ɣ вместо ***к***. В результате некогда происшедшего процесса диссимиляции в группе согласных ***кт***, ***кк***, ***кд***, ***кг*** вместо ***к*** появился ***х*** (***ɣ*** перед звонким согласным). Такова судьба была предлога ***к*** перед словами, начинавшимися с согласных ***т***; ***к***, ***д***, ***г***. Затем ***х*** (***ɣ***) стал употребляться вместо предлога ***к*** и перед другими согласными: ***х*** *кому*, ***к*** *тому*, ***х*** *тебе*, ***х*** *полу*, ***ɣ*** *болоту*, ***ɣ*** *дому*, ***ɣ*** *зоре* и ***г*** *зоре*.

45. Представим образец речи тетки Евленьи (Евгении) из Н. Салогузова. Ей около 60 лет. Неграмотна. Вдова. В свои девические годы и в первые годы замужества не испытывала нужды. Ее речь не особенно архаична.

П а л’ а́ н а

На св’а́тках жгут снοп а то те́плину раскладу́т сере́д’ дере́мни. Почну́т роб’ати́шки жгат’ и кричи́т’, а пал’а́на выбега́т из-зау́лка и бежы́т зо роб’а́там, б’јот чем-попад’о́т. Пал’а́на в лапт’а́х, в бе́лој руба́хе, ф шу́бе дубл’о́ној, вы́въ°рот кве́р’ху шэрс’, ды́ потпоја́шотиа цэп’ју или вер’о́фкој, а на ро́жу утира́л’ник. Пал’а́на — мужы́к, ба́ба. Хто? Хто уме́т попры́тче бе́гат’ — Л’окса́н Оста́фич.

Пал’а́на, пал’а́на! Погре́j, погре́j, погре́j!
ја оз’а́п, оз’а́п, оз’а́п!
Наде́н’ ба́бъшкин пин’жа́к.
В о°у горо́де на кол’о́де в’азовы́јем подого́м
Што Кондра́ха[14] *жону́ б’јо́т — приgова́ривајо́т:*
Уш ты, жо́нушка-жона́, што побо́j-то прин’ала́!
Ис-пот пеш’ки-то лапт’а́м, нъ́ мосту́-ту бурака́м.
То́шки-луто́шки, зе́нки, как у ко́шки.
Погре́j нас, погрej нас
Кнутови́ш’ш’ом со́рок рас.

Эш’ш’о́ св’ато́шники[15] *хо́д’ат по деремн’а́м р’а́жёныи и парни и дефча́ты и тонну́јут л’охкие танцы* (!), *а хто уме́т — пл’а́шот.*

В’ j у н

Ковда́ молоды́х оклика́j’ут — во в’ју́нишну суб о́ту, на паске. Л’уде́j вно́го — де́сит’ и п’атна́тцът’. Им ста́в’ат вина́ и ста́в’ат јајю́ц, сла́ткој перо́к, со̆мова́р гре́јут. Оне́ пој у́т:

Аj в’ју́ница, аj молода́ја…

[14] Кондраха жил лет 50 тому назад и сильно бил свою жену. Старики еще помнят о нем.

[15] Справляющие «святки».

(Если певцов не примут, то) *хули́т*’ *почну́т*; *в клев*, *чу*, *запр*’*о́м*, *коло́м запр*’*о́м*, *пом*’*оло́м заткн*’*ом*...

Последний «вьюн» был в Салогузове лет 8 тому назад. Этот обычай в прежнее время был распространен в Поволжье и в соседних краях. Вариант, близкий к салогузовскому, см. в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (Т. XXII, вып. 1, 1922. С. 93—96).

Приложение

Из словаря колхоза

46. Уходит словарь прошлого — отживших форм производства, минувших общественных, бытовых и личных отношений. В условиях новой жизни — политической, экономической, культурной и бытовой — формируется новое сознание жителей деревни и новый язык их. Происходит процесс смычки деревни с городом в производственных и языковых отношениях. На разные стороны новых языковых явлений в деревне было указано выше. Здесь отметим часть словарного материала, относящегося к колхозу. Словарь колхоза связан со словарем литературного языка, с его специальной, сельскохозяйственной терминологией. Основные технические термины этого языка находятся в применении и в колхозе. Поэтому к данным, взятым из устной речи колхозников, мы присоединим словарные примеры из газет — центральных, районных и колхозных[16]. Имеют-

[16] «*За кол.*» — «За коллективизацию». Орган Моск. обкома ВКП(б) и Моск. Уоблисполкома.

«*Изв.*» — «Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР».

«*Колх. газ.*» — «Колхозная газета». Орган Средневолжского крайкома ВКП(б), Самара.

«*Колх. клич*» — «Колхозный клич». Орган Молвитинского райкома ВКП(б), райисполкома и райколхозсоюза. Посад Молвитин Ивановской области.

«*Красная Мордовия*» — Саранск.

«*Кр. газета*» — «Крестьянская газета», Москва.

«*Ниж. ком.*» — «Нижегородская коммуна», Н. Новг.

«*Пр.*» — «Правда».

«*Сов. дер.*» — «Советская деревня». Орган Нижегородского краевого комитета ВКП(б) и крайкома.

«*Ударн.*» — «Ударник». Орган Городецкого районного комитета ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета.

ся в колхозном словаре и новообразования. Многие из них возникли в нормах литературного языка, а не прежней традиционной речи.

Организовать колхоз. Колхоз организуется. «Вот, дорогие товарищи, у нас в Доронинском с/совете в Островенском обществе *организовался колхоз* «Красное Островно» (из материалов колхозной газеты в Удомельском районе Моск. обл., 1931 г.).

Название коллективной организации: *колхоз.* В первые годы разнобой в произношении слова *колхоз* был значительным, в особенности у лиц культурно отсталых и отрицательно относившихся к колхозу: *колкоз*, *колькоз*, *холхоз*, *холкоз.*

Другое название коллективной организации: *коллектив* (*колектив*, *колефтив*).

Промколхоз (например, *промколхоз* «Красный судостроитель» в Салогузове).

Члены колхоза: *колхозники*, *колехтивцы* (*калефтивцы*, *колефтивщики*, *колефтивные*), *взойти в колхоз*, *вливаться в колхоз*, *вступить в колхоз.* «Во время весенней посевной кампании *влилось* еще одно *хозяйство средняка* и перед началом вывозки навоза *влилось еще хозяйство* — беднячка вдова» (колхозная стенная газета в Удомле Моск. обл., 1931 г.). *Колхозить — колхозничать.*

Относящиеся к колхозу: *колхозный — колхозский*, *коллективный*, *общественный*, *общий*, *государственный.* Если кто-нибудь из колхозников, как отмечено было выше, скажет по отношению к обобществленному имуществу «мой», «моя»…, то на это раздаются сердитые замечания: «теперь нет ни мово, ни твово — теперь все *общее*, *государственно*» (Городецкий район; так и в других местах).

Обобществи́ть (*обсуществить* — 1930 г.), *обобществление.*

Срезать межи.

Сплошная (*суплошная* — 1930, 1931 гг.) *коллективизация*, *сплошная — сплошня́к.*

Составные части колхоза: *хутора*, *филиалы*, *экономии*, *десятидворки*, *стодворки*, *отрасли* или *отраслевые участки* или *цеха.*

Организация труда. Административно-технический персонал: *правленье* (*управление* в языке отсталых лиц), *управляющий очаг*, *правленцы. Председатель* или *предколхоза*, *заведующий* или *зав. Хозяйством — завхоз* или *зав. производством*, *зав. денежной частью.*

Производственное совещание. Прорабатывать план. Промфинплан.

Актив — активисты («На помочь правленью *актив*, *активисты.* — умные головы». Разъяснение молодого колхозника в Город. р.).

Производственные *бригады* (*бригады — брегады*). «Работаем все по *бригадам*». Бригады специализированные: бригады *сеятелей — севцов — посевщиков*, *плугарей*, *пахарей*, *бороноволоков — бороновщиков*, *косцов — косарей*, *метчиков*, *жнецов*, *вязальщиц*, *молотильщиков*, *копнокладчиков*, *копнильщиков*, *прополочные* бригады.

Бригадные *звенья* (группы, *маленькие бригады*). Их названия: *звено пахарей* и др.

Колонна (состоит из нескольких бригад, работающих на одном участке в районах сплошной коллективизации).

Бригады *доярок* или *доильщиц*, *дойщиц*.

Бригадир — брегадир, *большак*, *старшóй* (в речи стариков в Буйск. р., 1931 г.). «*Бригадиры-роставщики* на работу» (Город. р., 1931 г.). Групповой бригадир: *звеньевой*, *звеньевая* (руководящий, руководящая звеном).

Распределение на работу: *Расстановка сил* или *рабочей силы — рабсилы* или *людской силы*, *трудосилы* («нужна *трудосила*»; Мёжа). *Дать заданье. Дать наряд*, *дать зарядку.* «Бригаде *дают заданье* и *наряд*» (Буйск. р.). *Дана зарядка.* «Каждому колхознику *дано заданье.* Он это *заданье* в срок выполнил, выполнил хорошо, ему записывается один или два и т. д. трудодня» («Колх. газ.» № 17. 1931).

Прикреплять (к определенному делу, к определенному предмету): «Постоянный работник, *прикрепленный* к своему делу. А то гоняют с места на место, не дают постоянной работы, от Ивана к Степану ходим» (Город. р., 1931 г.). *Прикрепленный* к лошади. Лошадь *прикреплена к* такому-то.

Нарядчик, *групповод*, *учетчик* (табельщик-учетчик), *полевод*, *закупщик*, *фуражир*, *конюх*, *кладовщик*, *весовщик*, *коневозчик*, *коровник*, *свинарь — свинарник*, *свинятник*, *доярка — доильщица — дойщица*, *плугарь*, *погонщик*, *бороновальщик*, *посевщик*, *вязальщица*, *таскальщица*, *укладчик снопов*, *скирдоправ* и др.

Социалистические заказы: «Каждому активисту, каждой бригаде, организации районная конференция, пленум сельсовета или производственное совещание колхоза дает четкое задание в меру сил каждого на определенный срок» («Пр.» № 115. 1931). *Государственные*, *кооперативные заказы* («Подают *заказ* в колхоз на продукцию сельского хозяйства, на изделие колхоза». Объяснение колхозника. Город. р.). *Саморазвёрстка заказов.*

Хозрасчет.

Социалистическое соревнование (*соцсоревнованье*) и *ударничество. Ударники. Ударные бригады. Ударная работа. Ударные темпы. Работать по-ударному*: «Применение сдельщины, *соцсоревно-*

ванье и *ударничество с* каждым днем все шире и шире пробивают себе дорогу в рядах наших колхозников. Сейчас на полях колхозов [в Подольском районе] 190 *ударных бригад. Соревнуются* 68 колхозов» («За кол.» № 118. 1931). «Товарищи, рабочие электрозавода! Мы, колхозники подшефного вам района, даем вам торжественное обещание стать достойными своего шефа. В ответ на боевой призыв тульских рабочих мы встречаем вторую большевистскую весну дружными отрядами *ударных бригад*. Обещаем развернуть *социалистическое соревнование* и *ударничество*, перекрыть все задания, данные нам краем…» (от колхозников Покровского района Средневолжского края). «Актив выдвигает предложение *соревноваться* с другими бригадами и внутри своей бригады *соревноваться.* Бригада сейчас живет этим: показать лучшее качество работы, перевыполнить нормы», — пишут из колхоза «Октябрь» («Изв.» № 118. 1931). «Колхозы *соревнуют.* 30 колхозов оформили договора на *соцсоревнование* между собой», — сообщает «Красная Мордовия» (№ 690. 1931). «Растет *соцсоревнование* и *ударничество*», — утверждает городецкий «Ударник» (№ 49. 1931).

Я в колхозе бригадирша.
Сердце-то волнуется:
Моя первая бригада
С третьей *соревнуется.*

(Захарьевский сельсовет Кохомского района Иваново-Пром. области, «Известия» от 22 окт. 1935 г.).

«Мы заключили *договор-соревнованье с* колхозом “Пионер”» (Город. р.). *Соцсоревнованье* (Буйск. р.). «*Ударные бригады* — выработавшие сверх нормы; *ударничество* — высокие темпы развивать, прытче работать, перевышать план» (объяснение Городецкого колхозника). «Колхозники проводят уборку *под знаком ударных темпов*» («Ударн.» № 52. 1931). «*Ударных темпов* не сдадим. Мы, бригада колхоза “Красная волна”, Рыбинского сельсовета, работали весь сев *по-ударному.* Точно выполняли наряды Правления колхоза и все время перевыполняли норму выработки по вспашке. Я, Яков Ершов, бригадир этой бригады, объявил себя *ударником* с самого начала полевых работ. И уборочную кампанию я и наша бригада будем проводить так же *по-ударному*, как и посевную» («За кол.» № 119. 1931). «Мы *ударно* поработали, теперь *ударно* едем и отдыхать» («За кол.» № 118. 1931). «Я и мои сыновья *работаем ударно*» (из речи колхозника). «Работаем, можно сказать, *ударно*, на сто процентов» (колхозник, середняк, Буйский район).

Соцдоговор. Взять на себя обязательство: «Все пять бригад охвачены *соцдоговорами* и *взяли на себя обязательство* всю работу провести в самые сжатые сроки. *Взятые на себя обязательства* колхозники честно выполняют» (Город. р., газ., 1937). «Я заключила *соцдоговор*» (такой-то), — говорит звеньевая (Город. р., 1937 г.).

Рекорд (*лекорд*). *Рекорд ставить*: «Не знаю, какова *лекорда* добьюс» (звеньевая, пожилая колхозница, Салогузово, 1937 г.).

В 1930—1932 гг. нередко применяли *общественный буксир. Круговой буксир. Буксирники. Буксировать*: «Все кампании в колхозах ЦЧО проводятся широким применением *общественного буксира*. Бригады лучших колхозников-хозяйственников и организаторов из районов сплошной коллективизации (70—80 процентов) постоянно посылались в отстающие и слабые районы. До 18 тысяч колхозников-ударников участвовали в такой межрайонной переброске в течение нескольких месяцев. Внутри района сильные колхозы *брали на буксир* слабые и добивались выполнения всех хозяйственно-политических кампаний так же успешно, как выполняли эти кампании передовые колхозы»[17].

«Ударники кропоткинских полей *взяли на буксир* отстающих в севе Армавирский, Лагунский, Ново-Александровский и Н.-Покровский районы» («Соц. земл.» № 129. 1931). «Во время сева Рыбинский сельсовет *взял на буксир* отстающий Буденновский сельсовет и добился там ликвидации прорыва» («За кол.» № 119. 1931). «Почти весь подготовительный период к севу сельсовет *вел на общественном буксире* смежный…» («Сов. дер.» № 93. 1931). «Лучшие бригады *берут на буксир* отстающие» («Ударн.» № 50. 1931). «*Взять на буксир* колхоз “Пионер” — был такой лозунг в Райколхозсоюзе, чтобы дать помочь колхозу “Пионер” в весеннюю посевную кампанию, — ну, положим, навоз возить» (сообщение колхозника, Город. р.). «*Взять на буксир того*, кто не успел сделать вовремя своей работы» (объяснение того же колхозника). «Полностью оправдал себя и *круговой буксир*. Передовой сельсовет *берет на буксир* отсталый с тем, чтобы тот после ликвидации прорыва вместе с ним (или сам) *брал на буксир* третий сельсовет» («За кол.» № 119. 1931). «Колхозники *взяли на буксир* единоличников деревни Сгощи для выполнения плана сева льна. *Буксирники* сумели тут же на поле, во время самой работы сорганизовать сгощинских единоличников в новый колхоз и поднять на перевыполнение плана» («За кол.» № 119.

[17] Д у д а р ь П. Социалистическое соревнование и ударничество в колхозах. 1931. С. 12.

1931). «Агарманская МТС, закончив сев, *буксирует* соседний севхоз, 300 *га* огородов январского завода и 200 *га* ряда колхозов» («Соц. земл.» № 129. 1931).

В те же годы применялся, как и на заводах, *встречный план* (*встречный*). *Встречные предложения*: «Колхоз “Труженик” выдвинул *встречный план* по весеннему севу и вызвал на *соцсоревнование* соседний неклюдовский колхоз “Красный маяк”» («Пр.», № 116, 1931). «В колхоз “Социалистический труд” *встречный* увеличил производительность на 10—15 процентов» («Пр.», № 115, 1931). «*Встречной план* — перевыполнение, например, посева или снижение, когда трудней на какой-нибудь работе, где нельзя сделать насто» (объяснение колхозника, Город. р.).

Социалистическая перекличка на лучшее осуществление заданий: «*Соревнование-перекличка* началась. Равняйтесь по лучшим ударникам!» («За кол.» № 116. 1931). «*Перекличка тысячников*» («За кол.», № 124, 1931).

Проверка исполнения. *Проверочная комиссия* («проверяет по договорам социалистического соревнования, также сдельщину»; Город. р.). *Рапорты исполнения*. *Рапортовать*: «Передовики *рапортуют*: колхоз «Новый путь» убрал сена около 16 тонн…» и т. д. («Колх. клич» № 19. 1931). «Здорово, Митрич! *Отрапортировать* надо, *докладывай* вот товарищам, как отличился ты на коллективной» («За кол.» № 125. 1931). «Организовать *рапорт-отчет* об итогах второй большевистской весны!» («Колх. клич» № 10. 1931).

Смотр. Смотр сдельщины. Смотр подготовленности к хлебной уборке: «С 27 июня по 1 июля мы по примеру пробных выездов перед весенним севом организовали пробный выезд колхозников на уборку. В то же время провели *смотр сдельщины*. *Выезд-смотр* показал, что колхозы полностью готовы к уборке» («За кол.» № 135. 1931). *Смотровая комиссия*: «Во всех колхозах были созданы *смотровые комиссии*. Колхозы «Сольчино», «Буково»... *смотр* уже закончили» («За кол.» № 116. 1931).

Выполнение и перевыполнение планов, *норм*. *Выполнить и перевыполнить* или *перекрыть заданье*, *норму*. *Стопроцентное выполнение*. *Выполнить на сто процентов*: «*Заданья выполняют* и *перевыполняют*» (Мёжа, Город. р.). *Заданья перевыполняют*, только некоторые *недовыполняют* (*«недополняют»*; Буйский район, 1931 г.). «Нормы все как один *перевыполняли*», — сообщает бригадир Гусев (Город. р.).

Сила трудового подъема в колхозе — *энтузиазм*. Передовыми колхозниками это слово применяется. Отметим и замену его в Удомле. «Колхоз организовался 2-го марта. Во время ведения пле-

нума с/сов, с *великим настроением* выступали вновь вступившие группа колхозников» (из колхозной корреспонд.; Удомля, Моск. обл., 1930 г.).

Норма заданья, *норма выработки. Выработка. Ударная норма. Нагрузка* («Што сверьх рабочего дня — это *нагрузка*. Ковда косили в лугах, у нас вышло в день по 2 трудодня. Вот это — *нагрузка*»; Город. р.).

Сроки. Сжатые сроки.

Трудодень (*труддень*), как форма оплаты труда, затраченного колхозником: «*Трудодень* — выработанный по норме, установленной колхозом; по ним и урожай распределяется, по *трудоднях*» (колхозник; Город. р.). «Я работаю за *трудодень*» (из письма колхозницы ЦЧО). *Сотые*, *сотки* (сотые части трудодня).

Конедни, *конодни* (норма работы с лошадью; Город. р.).

Поденщина при оплате труда в отсталых колхозах в первые годы коллективизации. Теперь применяется при ненормированной работе (Город. р.).

Уравниловка — борьба с нею: «В том же колхозе господствует *уравниловка*» («Изв.» № 194. 1931). «Повести решительную борьбу с *уравниловкой*» («За кол.» № 123. 1931).

Сдельщина: «В работе везде применяется *сдельщина. Сдельные работы* на все отрасли» (сообщение колхозника, Город. р. Так и в других колхозах).

Обезличка. Ликвидация обезлички (в пользовании инвентарем, в обслуживании скота и др.).

Учет работы. Табели. (В некоторых колхозах *табель* женского рода: *велась табель*; Буйский район). *Табельщик-учетчик.*

Трудовые книжки — трудкнижки — трудодневные книжки: «*Трудодневные книжки* для записи трудодней за каждый день или квартал» (колхозник, Город. р.). «*Трудкнижка* — смерть уравниловке», — говорили на общем собрании колхоза («За кол.» № 146. 1931).

Премия (*преньё* — в Буйском районе, 1931 г.).

Разбазаривание трудодней: «*Не разбазаривать трудодней* — вот задача каждого колхоза» («Изв.» № 107. 1931). «Прекратить *разбазаривание трудодней. Разбазариванию трудодней* должна быть объявлена решительная борьба» («Ударн.» № 55. 1931).

Простои. Прогулы. Невыходы на работу: «Товарищи колхозники Московской области!.. За нами нет ни одного *прогула*, ни одного *простоя* инвентаря» («За кол.» № 118. 1931). «За весеннюю кампанию не было ни одного *прогула*» («Колх. клич» № 16. 1931).

Прогульщики, *злостные прогульщики* («*Злостной прогульщик* — не выйдя на работу без уважительной причины»; объяснение молодого колхозника, Город. р.).

Чужеспинники становятся на легкую работу, которой иногда совсем не бывает (Город. р.).

«*Самозванцы* — сами лезут на легкую работу» (Город. р.).

Лжеударники: «Ударить по *лжеударникам*, по *вредителям колхозного строительства*» («Колх. клич» № 16. 1931). *Лжеударники*, *симулянты* («Колх. клич» № 16. 1931).

«За отказ исполнить общественное поручение — порицание и присвоение звания “*ленилодырь*”» (из колхозной стенгазеты; Ряз. р.).

«*Летуны* — это те, кто с одново дела на другое» (Город. р.).

Рвачи: «Колхозник Семин увиливал от работы и проявил себя как *рвач*» («За кол.» № 137. 1931). «*Рвач* — который требует легкой работы и высокой платы» (Город. р.). «Изжить *рваческие* настроения» (актив; Ряз. р.).

Огуречники: «Лексикон бузулукских колхозников обогатился новым словом *огуречники*. Это слово, как презрительная кличка, прилипает здесь к каждому бездельнику, лодырю и означает, что в недалеком будущем, когда обмолотят урожай, этот лодырь будет жевать кислый огурец вместо хлеба. «Эй, *огуречники*, шевелитесь живей!» («Изв.» № 198. 1931).

Липовый руководитель: «Со стороны правления Бр-ского колхоза *нет никакого руководства*…» («Ударн.» № 52. 1931).

Узкие места в колхозе: «*Узкие места* — в том случае, где колхоз чем-нибудь обедняет иль чево не хватает» (Город. р.). Теперь редко говорят в колхозе об *узких местах*.

Красная доска. Черная доска. Повесить на доску: «Вот кто *висит на черной доске* — неприятно, обидно. *Записывают на красную доску* за передовую работу примерных работников; недавно были записаны бабы, что выполнили сверьх нормы» (Город. р.). *Доска соревнования и ударничества*.

Словарь отдельных сезонов работы: *Квартала*. «*Весенний квартал — посевной. Посевная кампания* — работа вся вместе, чтобы закончить весь сев на все сто» (Город. р.).

Сеноуборка. Сенозаготовка: «*Сенозаготовка* у нас на все сто выполнена» (Мёжа). Борьба за два *укоса*.

Ква́ртал уборочной ранний.

Уборка. Уборочная кампания или *уборочная. Косовица*: «В своем рапорте об окончании *косовицы* бузулукские организации сообща-

ют…» («Изв.» № 209. 1931). *Скирдование хлебов. Общественный обмолот.*

Ква́ртал уборочный осенний. Зяблевая вспашка, вспашка под *зябь — зябка.* «Бюро райкома с 1 по 10 сентября объявило ударник по взмету *зябки.* В течение этого времени у ударника должно быть выполнено не менее 35 процентов сентябрьского задания *зяби.* Вся тяговая сила колхозов должна быть переключена на *зябку*» («Колх. газ.» № 179. 1931). «На собрании бригадиров колхоза “Красное знамя” один из бригадиров заявил: “К чему мы вокруг *зябки* так убиваемся? Обмолотим хлеб и с *зябкой* справимся”» («Колх. газ.» № 179. 1931). *Подъем зяби. Подъем целины. Культивация и двойка паров.*

Зимний *период* (*перио́д*, *пе́риод).*

Силос (*си́лос*, *сило́с*). *Силосная кампания. Силосование. Силосовать* («*Силосуйте*!» — Ряз. р.). *Засилосовать. Силосная башня. Силосная яма*: «*Силосу* нет еще у нас — только в проекте. Будем рыть *силосную яму*, будем валять в яму киту» (молодой колхозник, Город. р.; ср. в числе новых слов: *в проекте* и наряду с ними местное традиционно-бытовое *кита* — «ботва»). *Силосошные ямы* (Буйск. р.).

Переключаться с одной работы на другую. *Включаться* в ту или иную кампанию.

Срочная работа: *Декадник* дорстроительства (Город. р.). «*Десятидневка* реализации займа по колхозам» («Ударн.» № 51. 1931). «Проводился *шестидневник* по дорожному строительству» («Колх. клич» № 19. 1931). «Зубовский сельсовет во время *6-дневника* по бездорожью вновь выстроил мост через реку Шачу» («Колх. клич» № 21. 1931). *Пятидневник* учета труда в колхозах (в июле 1931 г.). «Объявить по району *пятидневник тревоги и ликвидации прорыва* в сеноуборке. В течение *пятидневки* добиться…» («Колх. клич» № 26. 1931).

Механизация хозяйства в колхозе: *МТС — мэтэсе. Трактор.*

Трактор есть — дела не плохи.
Трактор счастье вот мое.
Эй, вы, бороны и сохи,
Вас сдают в *утиль-сырье.*

(Из материалов колхозной газеты в Удомле Моск. обл.)

Комбайны. Конвейерная система — конвейер[18].

[18] О названиях некоторых машин и их деталей в колхозах см. в книге Ф. П. Филина «Исследование о лексике русских говоров». Л., 1936. С. 199—205.

Трактористы. Комбайнеры. Рулевые трактора. Машиновожатые. Спецы.

Здания колхоза: *Кондвор. Скотдвор. Свиноферма. Мэтэфэ* (молочнотоварная ферма). *Клуб. Хата-лаборатория* и др.

Новые названия меры весов: *Центнер* (*центер*), *тонна* (*тона*).

Новые названия меры земельной площади: *Гектар* (*гектáр*, *гéктар*) *— га. Сотка. Своих полос* нет и не говорят о них: работают *по участкам.*

Раньше проводилась *хлебозаготовительная кампания.* Теперь — плановая *хлебозаготовка*, *хлебосдача.* Сдавать товарную *продукцию* государству. В 1931 г. были *красные обозы* — «везти государству хлеб, картошку и так далее с красным флагом целым обозом» (Город. р.). *Краснообозники*: «Мы — *краснообозники* Василевского агроучастка, сегодня сдаем организованно 20 тонн хлеба и 4,5 тонны овощей и заверяем районные организации, что плановые задания нами будут перевыполнены. На деле осуществим лозунг: “Ни одного центнера частнику”, при решительной борьбе с кулачеством в деле заготовительной кампании и коллективизации. По поручению митинга — Пынин» («Ударн.» № 55. 1931).

Молокозаготовка. Мясозаготовка.

Комсод — комиссия содействия.

Отгрузить. Отгрузка.

Семфонд.

Контрактация и *контрактанты. Контрактовать*: «У нас все *законтрактовано*» (Город. р.).

Сельхозналог — сэханалог — сельханолог.

Потребкооперация. Сельпо. Отгрузить товары. *Завозить* товары.

Промысловая кооперация — промкооперация: «Колхозы должны проводить в жизнь указания правительства относительно выделения для *промкооперации* постоянной и сезонной рабочей силы» («За кол.» № 144. 1931). *Промыслово-производственные артели — промартели — артели.* Название артели по производству.

Кустари-надомники, *кустари-надомницы* (1931 г.).

Временный уход рабочей силы из колхоза на работу в город, на фабрику, на завод: *Отходничество. Отходнический промысл* (*промысел*). *Отходники*: «*Отходники* — ушедшие на заработок по ведению (!) колхоза» (так объясняет молодой колхозник. Город. р.). *Передать промышленности* или *в промышленность* то или иное количество колхозников. «Общие собрания колхозников обязались *передать* 90 колхозников *промышленно-*

сти» («Изв.» № 214. 1931). «Колхозы смогут большое количество освободить рабочей силы и *передать в промышленность*» («Колх. клич» № 23. 1931). *Вербовщики вербуют* (*верьбуют*): «Колхозники *вербуются* — записываются на отходнический промысел» (Город. р.). *Завербовать. Завербоваться*: «Которы *завербовалис* совсем, не пошли на сенокос» (Город. р.). «Отпустить *на побочный заработок* — на *побочные заработки*» (Мёжа).

Члены партии в колхозе: *Партийный районщик. Боевой районщик. Парторг. Возглавить массу. Возглавить агитколонну. Возглавить борьбу за урожай. Поднять и возглавить трудовой энтузиазм* колхозных масс. *Вовлекать в стахановское движение. Следить зорко* (зорько, Город. р.) за вредителями. *Комсомол* в колхозе. *Застрельщики ударничества* и *соцсоревнования. Возглавить стенгазету. Проводить читки.*

Собрание. Слет. Суд. Собрание. Открывает общее собрание председатель колхоза. Выбирают *президиум* (*президиу́м*, *пре́зидиум*). *Принимают повестку дня* общего собрания. *Высказываются* (*высказывают*, Город. р.). *Подают вопросы* (возгласы председателя: Давай!). Бывают *пренья*: «На собранье не была, а *пренья* слышала» (Мёжа). Говорят *по существу*, а иногда кое-кто и *не по существу. Голосуют. Подымают руки.*

Критика и *самокритика* (*критика-самокритика*, *самокритика*): «*Самокритика* введена у нас на все сто» (колхозник, Город. р.). Поставить *под огонь самокритики.*

Самопроверочные собрания, посвященные *самопроверке.*

Слёты колхозников: «Созван районный *слёт* колхозников-ударников, председателей правлений колхозов…» («За кол.» № 119. 1931).

Товарищеский суд.

Культурная работа в колхозе: *Хата-лаборатория.* Была *школа колхозной молодежи — ШКМ* (*шекаем*) *и шекаемовцы*. Теперь вместо нее — *семилетка. Культурники. Культармейцы — колхозники. Чтец. Книгоноша.*

Красный уголок. Клуб. Читальня. Изба-читальня. Избач. Сцена. Сценопостановки. Драмкружок. Драмкружковцы. Кино. Кинопостановки. Агитпостановка. Затейники — живгазетчики: «Молодежная *живгазета* в колхозе «Красный хуторок» Краснодарского района имеет большие достижения в боях за выполнение планов весеннего сева. Как только становится известным, что сегодня очередное выступление *живгазеты*, все спешат посмотреть “*затейников*”» («Соц. земл.» № 123. 1931). *Радио*, *радиво* — у отсталых. *Радиоузел. Радиоустановка.*

Агитколонна. Агитповозка: «На полях сел Краснохолмского, Ново- и Верхне-Павловского, станицы Сакмарской и поселка В. Чебеньки Оренбургского района широко развернулась массовая работа. Бригады колхозников обслуживаются главным образом *агитповозками*, украшенными лозунгами, плакатами, агитирующими за большевистские темпы сева, за сдельщину, труддисциплину, за колхозы. Внутри *агитповозок* помещаются радио и киноустановки, которые в обеденный перерыв и вечером обслуживают колхозников» («Соц. земл.» № 126. 1931).

Стационарные культпалатки: «Селения Ново-Павловское и Верхне-Павловское имеют в полевых бригадах стационарные *культпалатки.* Здесь можно почитать газеты, журналы, поиграть в шашки, шахматы» («Соц. земл.» № 126. 1931).

Газета в колхозе: *Многотиражка. Стенгазета* (общеколхозная, бригадная, животноводческая и др.). В названиях газет, как и в именах колхозов, отражаются общественные, классовые и культурные процессы современной эпохи. Наиболее распространенными названиями газет являются «*Ударник*», «*Новая жизнь*», «*Новый путь*».

Подписи авторов. Часто пользуются псевдонимами: *Колхозник*, *Не отставай*, *Трудящийся*, *Пролетарий*, *Ближний*, *Свой*, *Жук*, *Пчела*, *Игла*, *Метла.*

Редколлегия. Селькоры. Селькоровская бригада. Стенкоры. Селькоровские посты. Дозорные посты. Дозорные — дозорники. Сенокоровские посты по сенокошению: «В колхозах “Красный маяк”, “9 января” и “12 Октябрей” созданы *сенокоровские посты по сенокошению*» («Ударн.» № 47. 1931). *Сигнальные посты. Селькоровские налеты. Газетные рейды. Легкая кавалерия.*

Колхозные праздники: *Праздник первой борозды*. «Первое мая — *день первой борозды*, смотр готовности к весеннему севу. Это выезжают все кони гусем, — глядят, готовы ли кони; правленье съезжается из всех *филиалов*» (Город. р.). *Праздник последней борозды. Праздник урожая.*

Шефство над колхозом. *Шеф. Подшефный* колхоз: «Рабочее *шефство* над колхозами поставить на должную высоту» («Ударн.» № 50. 1931). «Разбудите спящего *шефа*!» («Ударн.» № 153. 1931). «*Шефы* должны выполнить свои обязательства» («За кол.» № 153. 1931).

Колхозники и единоличники. До утверждения коллективизации деревня представляла такие группы: 1) бедняков (*бедняк*, *беднячка*, *бедняки*, *беднячество*, *беднота*, *единоличная беднота*),

2) середняков (*середняк*, *середнячка*, *середняки*, *средняки*, *середнячество*), 3) зажиточных лиц (*зажитошные*, *зажиточники*, *кулак*, *кулачка*, *кулачи*, *кулачьё*, *кулачество*, *кулацкая верхушка*, *верхушка*). Коллективизация ликвидировала кулаков как класс. Население деревни коллективизировано. Только ничтожная часть его стоит пока вне колхоза. Не вступившие в колхоз — *единоличники*, *одноличники* (*однолишники*), *одноличность*. Это крошечный *единоличный сектор*, *индивидуальный сектор* хозяйства. Ему противостоит окрепший *сектор социалистический. Пешеходы* (лица, которые боятся сесть на трактор, вступить в колхоз; ироническая кличка). Иногда применялось и современное бранное слово «*паразит*», «*паразиты*» (Город. р.). Так было в первые годы коллективизации. Но бывало иное отношение колхозников к единоличникам. Колхозники *берут на буксир* единоличников, организуют *буксиры над* единоличниками. «*Единоличники — завтрашние колхозники*». *Одноборозники* — единоличники, работающие не «в свою борозду», а «в одну борозду», работающие в колхозной бригаде со своей тяговой силой (*рабскот*) и со своими орудиями, но не отказывающиеся от них в общее колхозное пользование (на Кубани, 1930 г.).

Из прошлого в жизни колхоза

47. Коллективизация сельского хозяйства прошла несколько стадий, пережила немало испытаний. Бывали ошибки в деле коллективизации. *Перегибы. Загибы. Перегибщики. Загибщики.*

В первые годы основное значение имела борьба за утверждение колхоза, борьба с враждебными ему элементами — с кулаками и подкулачниками, с темной косностью прошлого. Свидетельствует об этой борьбе и язык. Кулаки *пролезают* в колхоз. «*Бедняки* всё вокруг да около колхоза хо(д)ят, а в колхозе — *подкулачники*, от твердова заданья укрылис», — жаловалась одна женщина в Городецком районе (1931 г.). *Вредители*. *Чуждые элементы* (*чуждые — чужаки*), *шкурники* (*шкурятники* — Ряз. р.), в колхозе (*шкурятники* — кулаки, пролезшие в колхоз, спасая свои шкуры). Исключение их. «В колхоз “Ударник” пролезли *вредители* в лице Касаткина и Смирнова. Таких *вредителей* нужно немедленно *вычистить*» («Колх. клич» № 10. 1931). «*Кулачье* засорило колхозные ряды. *Чуждые* вели бешеную работу за *взрыв* колхоза изнутри» («За кол.» № 118. 1931). «*Чуждого элемента* гоните» («Колх. клич» № 17. 1931). «Как *выкорчивали чуждого алимента* одново человека» (Удомля, Моск. обл.). «Колхозники *выбросили из своих рядов* 9 семейств *чужаков*,

тормозивших коллективизацию, пытавшихся разложить колхозы изнутри» («Колх. газ.» № 46. 1931). *Вычистить кулаков* из колхоза. *Вычистить шкурников и подкулачников. Разлагатель масс* разваливает колхоз: «В колхозе “Красный городок” имеются два *разлагатляя масс.* (Один из них) ведет агитацию, против председателя и считовода. Ето для тово, чтобы запутать все дила и развалить колхоз» (из материалов колхозной газеты в Удомле, Моск. обл., 1930 г.).

В борьбе с кулаками и с другими антиколхозными жителями деревни появилось много слов и сочетаний, относившихся к зажиточному населению: *кулачье*, *кулачество*, *кулачка* (женщина), *раскулачить.* Последнее слово широко применялось тогда и в ироническом значении: «Дай-ка я *раскулачу* тебя табачком» и т. п.

Лишенец — лишонец.

Твердозаданец, *твердозаданьщик*, *заданьщик*, *твердозадый* (ироническое название), *твердовик*, *твердолобой* (ироническое название, Буйск. р.), *твердосдатчик*; *твердак — твердач* (БССР) — названия по твердому заданию, которым облагали кулака, зажиточника.

Индивидуал — индуал (Буйск. р.), *надувальник* (*индивидуальник*; Ряз. р.), *индюк* (Моск. обл.), *индус* (Украина), названия по обложению налогом в индивидуальном порядке («облагают верьхушки индуальным порядком, дают твердое заданье»; Буйск. р.).

«*Ликвидировать кулацкой класс*» (Город. р.), «*ликвидировать кулака как класса*» (Буйск. р.).

Кулацкие вылазки. Кулацкая агитация. Кулаки самораскулачиваются, *прибедниваются*… (Уренский р. Нижегород. края, 1931).

Особым, враждебным тоном были проникнуты у антиколхозника слова *колхоз*, *коллектив*, *колхозник.*

Сторонники кулаков: *подкулачники*, *подпевала* (*подпевалы*), *кулацкие подголоски*, *кулацкие исполнители* (Нижне-Волж. край). Отношение к ним колхозников. Один из колхозников на юге так укорял свою сестру, агитировавшую против колхоза: «Как услыхал Кривошеенко про сестрины слова, заволновался от обиды, чуть не заплакал. Ругает сестру всякими словами: *кулацкой ошметкой*, *кликушей*, *свистухой*, *подкулачницей*» (Изгоев. Район сплошь колл., 1936).

Недосевщики (злостные).

Тогда приходилось развивать энергичную деятельность по организации колхоза, по вовлечению в него. *Привлечение* (*вовлечение*) в колхоз. *Втягивать* в колхоз. Организация *прилива*. *Приплыв* новых членов (Буйск. р.). *Вербовочные* или *инициативные* группы. *Сваты*, *свахи*, *красные сваты*, *красные свахи*, *сватовые группы*. С средней Волги, например, так писали о деятельности вербовочных групп:

«Во многих колхозах Средней Волги организованы бригады “*красных сватов*” (так там называются *вербовочные* группы), которые *вербуют* новых колхозников. Каждый колхозник “*сват*” поставил перед собой задачу вовлечь в колхоз не менее одного единоличника. “*Сват*” показывает единоличнику колхозное хозяйство, знакомит его с уставом, оформляет вступление в колхоз. В дальнейшем он поддерживает с “*сосватанным*” личную и производственную связь, помогает ему также стать “*сватом*”, т. е. в свою очередь втягивать единоличников в колхоз. В результате работы “*красных сватов*” начался новый приток единоличников в колхоз и возврат выходцев» (Ш у л ь г и н. Работа вербовочных групп, 1931. С. 9). «Сотни подвод *красных сватов* охватили весь район» («За кол.» № 119. 1931).

По вербованью новых членов действовали также *дозорные группы*, *дозорники*. «Бригада *дозорного поста*, обходя по дворам, агитируя за колхоз, выявила подпольную группу, тормозившую коллективизацию… *Дозорники* показали противников коллективизации» («Колх. газ.» № 45. 1931).

В те годы приходилось часто обращаться к неплановым ударным дням работы. Объявлялся *ударник*, *субботник*, *воскресник*, *ударный декадник — десятидневник*, *ударный шестидневник*, *ударный пятидневник*, *ударный четырехдневник*, *ударный трехдневник*: «На спешные работы организуют *субботник*» (Город. р.»). «В колхозе «Дружба» каждое воскресенье проводится “*ударник*”» («Пр.» № 238. 1931). Директива крайкома «об организации с 1 сентября *ударника* по взмету зяби» («Колх. газ.» № 176. 1931). *Ударник-субботник* (Буйский район). «Колхозники на общем собрании постановили: отработать на восстановление двора 2 *воскресника* без зачета в трудкнижки» («Ударн.» № 46. 1931). «20 июля 1931 г. был объявлен *ударный декадник* размещения займа на селе» («Изв.» № 206. 1931). «По Воловскому району широко развертывается *красный ударный десятидневник* за досрочную уборку урожая» («За кол.» № 136. 1931). «В Воловском районе 29—31 июля объявлены *ударным трехдневником* молотьбы ржи» («За кол.» № 139. 1931).

Обстоятельства того времени (1929—1931 гг.) вызывали часто потребность пользоваться военным словарем. К тому же на заводах, нажимавших на производство, чтобы скорее «догнать и перегнать», в особенности с сентября 1931 г., при ликвидации производственных *прорывов*, эти термины были звучным отзвуком трудового напряжения — отзвуком, который громко отдавался и в далеких колхозных районах. И тут, на колхозных *фронтах*, идут *бои*, *штурмуются* и ликвидируются *прорывы*. Несколько примеров. «*Сводка с фронта*

коллективизации» («За кол.» № 135. 1931, и др.). «На *фронте* укрепления колхозов» («За кол.» № 152. 1931). «Успехи на колхозном *фронте* достигались в упорной классовой борьбе» («Кр. деревня» № 28. 1931). «На *фронте сеноуборки* и *силосования*» («Колх. клич» № 23. 1931). «Работы должны быть развернуты *по всему фронту уборочной и заготовительной кампаний*» («Изв.» № 186. 1931). «*Овощезаготовительный фронт оголен*» («За кол.» № 144. 1931). «*Фронт мобилизации* средств» («Колх. клич» № 10. 1931).

«*Мобилизовать* колхозные массы на достижение высших норм выработки» («Колх. клич» № 17. 1931).

«В *поход* за здорового сильного коня» («Колх. газ.» № 179. 1931). «В *боях за корм*» («За кол.» № 154. 1931). «В *бой* за два укоса!» («За кол.» № 117, 121, 126. 1931). «В *решительный бой* за охрану колхозного урожая» («Ударн.» № 49. 1931). «Прополка льна — *боевой участок* уборочной кампании» («Сов. дер.» № 92. 1931). «В достижении этих успехов огромную роль сыграла *боевая оперативная работа* по севу, развернутая районами» («За кол.» № 134. 1931). «Сельсоветам необходимо взяться за это дело *по-боевому*» («Ударн.» № 52. 1931). «Надо *по-боевому* собрать сэхналог» (акт. колх., Ряз. р.). «Это *боевой* вопрос» (актив, Город. р.).

«Мы *мобилизовались* на уборку и будем *драться* за сокращенные сроки уборки» («За кол.» № 135. 1931).

«*Передовых позиций не сдадим*» («За кол.» № 134. 1931). «Третий *подвиг* самый блестящий, но трудный, но он сумел его *завоевать*. Это коллективизация. Первая его *позиция взята* под его настроением» (из корреспонденции одной колхозной стенгазеты в Удомельском районе, Моск. обл.).

Штурм социалистических полей: «Колхозы в порядке *штурма* засеяли новые десятки и сотни га» («За кол.» № 119. 1931). «В декадный *штурм* необходимо сделать крутой поворот в работе» («Ударн.» № 48. 1931). «*На штурм* кормового прорыва!» («За кол.» № 146. 1931). «*Штурм* сорняков» («За кол.» № 143. 1931). «Без рубах, перемазанные глиной [колхозники] *берут штурмом* 4-метровые стены плетня в силосной яме» («Колх. клич» № 19. 1931). «Бригадир приходит и говорит: “*Взять* это *на штурм* — сделать скорее во что бы то ни стало”» (сообщение колхозника; Город. р.).

Объявлялись «*штурмовые декадники*», «*штурмовые пятидневники*», «*месячники штурма*»; «*штурмуют прорыв*», «*штурмуют*» отстающие участки (по силосу, по хлебоуборке и др.). На юге действуют *штурмовые полки* колхозников и колхозниц по коллективизации, хлебозаготовкам, сбору средств и др. Появилось новое почетное

слово в одном из южных районов «*штурмичка*» для названия ударницы (И з г о е в. Район сплошь коллективизированный, 1931. С. 41—42).

Прорывы. Ликвидация прорывов: «Неповоротливость, безответственность администрации привели группу к *прорыву* в прополке» («За кол.» № 143. 1931). «Данные о ходе силосной и сеноуборочной кампании на 15 июля характеризуются *сплошным прорывом*» («Колх. клич» № 21. 1931). «Бывают *прорывы*. *Прорыв* получается от неумелой работы, от неправильного распределения рабочей силы. Получился *прорыв* — осталось что-нибудь непосеяно, не убрато вовремя» (молодой колхозник; Город. р.). «*Бросить бригаду на прорыв*».

Слет (колхозников) объявляет краевую «*тревогу о* лошади» («Изв.» № 217. 1931). «*Бьем тревогу о* кормах!» («За колх.» № 137. 1931). «*Бьем тревогу о* силосе!» («Колх. клич» № 19. 1931). «Первое, о чем необходимо *бить тревогу*, — это недооценка уборки льна» («Ударн.» № 51. 1931). «Объявляем *боевую тревогу*» («За кол.» № 118. 1931). «*Боевая тревога* должна быть услышана!» («Колх. клич» № 16. 1931).

Штаб по силосу, *штаб* по штурму, смотровый *штаб*, *штаб* сквозной бригады (следит за прохождением отдельных работ, ликвидирует прорывы, устраняет препятствия) и др.

Теперь работа в колхозе налажена, ведется планово. Но военные термины не все утратили свое значение. Происходит *посев-кампания* и др. Раздается призыв-напоминание: «*В поход*! — в поход за урожай; «*в поход за* получение 10 центнеров льноволокна», «*в поход за* получение 100 пудов урожая с гектара» и др. (Город. р., 1937 г.).

Забыто *поедоцкое* распределение дохода, забыт примитивный учет работы посредством «*палочек*». *Едоцкое* или *поедоцкое* распределение — «распределяли по едокам, а теперь нельзя; теперь по затраченному труду каждова колхозника» (Город. р., 1931 г.). «Колхоз «Земляк» единодушно вынес решение распределить доходы только по трудодням и навсегда покончить с *поедоцким* делением урожая» («За кол.» № 140. 1931).

Отошли в прошлое *палочки*, отметка рабочего времени в виде палочки[19].

[19] О колхозном словаре см. также в книге Ф. П. Ф и л и н а «Исследование о лексике русских говоров». Л., 1936. С. 173—205. Имеется еще немного слов в книге Н. М. К а р и н с к о г о «Очерки языка русских крестьян». М.; Л., 1936. С. 121—149 (среди других слов).

ОНОМАСТИКА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ, ЛИЧНЫХ ИМЕН И ПРОЗВИЩ*

1. Формирование русских фамилий происходило преимущественно в XVI—XVIII веках. Но некоторые фамилии были и более раннего происхождения, другие возникли только в XIX веке. Происхождение фамилий различно. 1) Ранние фамильно-словесные знаки вызваны были феодально-владельческой тенденцией к определению принадлежности того или иного феодала к своему роду. Среди этих фамилий было много таких, которые определяли территориально область, принадлежавшую феодалу. Окончанием формы таких фамилий был суффикс *-ский* (*-ской*) — *Елецкий* (*Елецкой*), *Звенигородский* (*Звенигородской*), *Масальский* и др. Ряд фамилий владельческих лиц на *-ский* указывал не на область их владений, а на местность, откуда вышли они: *Мещерский*, *Сибирский*, *Тюменский*, *Ширинский* и некоторые другие. Фамильные знаки, указывавшие на область владений, на вотчину, не соответствовали идеям централизации московских князей и царей. Так, Алексей Михайлович запретил князьям Ромодановским писаться общим родовым прозванием *Стародубские*: «не пристойно» для них так называть себя. Один из Ромодановских, Григорий, обратился с горячим челобитьем к царю: «Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнимать»[1]. В этом челобитье отразилось ярко настроение другой стороны, цеплявшейся за свою родовитость, за словесные знаки, которые должны

---

* Публикуется по изданию: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 97—198. — *Примеч. сост.*

[1] Карнович Е. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1866. С. 51.

были выражать ее. Такое значение придавалось родовитости в этой среде в разное время — и в раннее время феодализма, и гораздо позднее, при утверждении централизации абсолютистической монархии. В давнее время эта фамильная тенденция выражалась в именовании владельческого лица, князя, не только по отчеству, но и по именам его предков. Например, «князь Владимер Святославичь, внук Всеволожь (внук Всеволодов), правнук Ол(ь)гов, праправнук Святославль, праправнук Ярославль ⟨1176 г.⟩[2]. И в позднейшее время генеалогия, нередко вымышленная, представляет для феодалов и дворян большую ценность, как опора и документ их родовитости и спеси — документ, на который они ссылаются, утверждая свои сословные привилегии.

Этой генеалогической тенденции обязаны сложные, двойные фамилии, определявшие отношение к одному родоначальнику разных ветвей его потомства. Например: *Тучко-Морозовы*, *Брюхо-Морозовы* (потомки боярина Мороза), *Бобрищев-Пушкин*, *Мусин-Пушкин*, *Сухово-Кобылин* и многие другие. Яркий пример сословной кичливости представляет заявление Дмитриевых (1697 г.). Ссылаясь на то, что фамилия *Дмитриевы* широко распространена, просители считают для себя бесчестьем носить фамилию, одинаковую со многими другими разных чинов лицами «малородными». «Пожалуйте нас, холопей своих, для отличия от иных прозванием Дмитреевых, — велите, государи, к прозванию наших Дмитреевых прибавить старое наше прозвание по родословцу Мамоновых, чтобы нам, холопем вашим, от других Дмитреевых бесчестными не быть»[3].

В позднейшее время, в конце XVIII и в XIX веке, русские фамилии на ***-ский*** возникают преимущественно в среде церковной, как подражание фамилиям украинским и белорусским: в это время лица из Украины и Белоруссии давали тон в церковной среде: много представителей церковной администрации, а также учителей в семинариях и духовных академиях были выходцами из этих областей: *Ивановский* (русское бытовое — *Иванов*), *Ильинский* (русское бытовое — *Ильин*), *Дмитриевский*, *Писаревский*, *Сокольский*, *Сухопрутский*, *Ливанский*, *Кедро-Ливанский*, *Альбинский*, *Афинский*, *Сперанский*, *Бенеманский* и многие другие. В связи с этой тенденцией к формам фамилий на ***-ский*** появилась ироническая фамилия *Череззабор-на-девок-глядященский*.

[2] Полное собрание русских летописей, т. IX. Летописный сборник, именуемый патриаршею или никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 254.

[3] Акты Московского государства, т. II, с. 324, 660.

Среди русских фамилий имеются и такие, которые указывают на местность, на город, к которому имел отношение родоначальник фамилии. Но это не было отношение владельческо-поместное, а было указание на территориальное происхождение этого лица. Языковые средства в образовании таких прозвищ, ставших фамилиями, у русских были иные по сравнению с названиями феодалов по их владениям, — не с суффиксом ***-ский*** (***-ской***), а с суффиксами ***-ьц*** (***-ец***), ***-ин***, ***-як***, в фамильной форме осложненными суффиксами принадлежности ***-ов***, ***-ев***, ***-ин***: *Казанец — Казанцев* (***-ов***), *Муромец — Муромцев*, *Ростовец — Ростовцев*, *Мезенец — Мезенцев*, *Болховитин* (г. Волхов) — *Болховитинов*, *Веневитин* (г. Венев) — *Веневитинов*, *Тверитянин — Тверитянинов*, *Вотяк — Вотяков*, *Пермяк — Пермяков*, *Туляк — Туляков* и др. Носители этих прозвищ были лица разных общественных групп, преимущественно служилые, торговые и промышленные люди. Но были и крестьяне, осевшие в новых местах жительства: *Микитка Казанец*, туринский стрелец (1622 г.); *Дмитрок Тверитин*, крестьянин в Новгородской области (1495 г.); *Павел Зиновьев сын Каргополец*, послух (1568 г.); *Посничко Москвитин*, астраханский стрелец (1614 г.); *Кузьма Алексеев сын Москвитин*, торговый человек в Новгороде (1614 г.); *Ивашка Новгородец*, *Перфиренко Вынежанин* — гулящие люди в Иркутске в XVII веке.

Социальная значимость феодальной формы фамилии на ***-ской*** ясно обнаружится, если сопоставить такие, например, фамилии, образованные от одного и того же имени, для представителей разных классов: *Мещерской* — князь, *Мещеринов*, *Мещеринов* — стрелецкие головы; *Масальской* — князь, *Ивашка Мосалитинов* — торговый человек, *Одоевской* — князь, *Космыня Одоевцев* — осадный голова; *Ростовской* — князь, *Иван Ростовцев* — подьячий (примеры XVII века, «Акты Московского государства», т. II, III). Только в редких случаях возникали фамилии на ***-ский*** для лиц, не принадлежавших к княжеско-дворянской среде. Значение суффикса ***-ский*** в этих фамилиях то же, что и суффиксов ***-ец***, ***-ин***, ***-як*** в прозвищах, — указание на место происхождения. Например: *Стенька Берюховский*, торговый человек в Путивле; по-видимому, он родом из *Берюха*, из села в том же уезде. Такие образования бывали не только на южной окраине Московского государства, пограничной с Украинской областью, где такие прозвища (на ***-ский***) обычны, но и в других местах его.

2. Имя лица определяется отчеством или прозвищем отца. В этих случаях применяется форма прилагательного от имени или прозвища отца или сочетание «сын» с таким прилагательным. Если имя или прозвище отца было в форме прилагательного (*Дурной*, *Первой*, *Су-*

хой), то сочетание «сын» находилось с формой родительного падежа прилагательного (*Дурного*, *Первого*, *Сухого*): *Андрей Боголюбский Юрьев сын*, *Долгоруково*, 1157 г.

Суффиксы, входившие в образование прилагательного от имени или прозвища отца: ***-'ь*** (вместо давнего ***-jь***), ***-ичь*** (вместо давнего ***-itjь***, имевшего уменьшительное значение), ***-овичь*** (***-ovitjь***), ***-евичь***, ***-ов***, ***-ев***, ***-ин***, ***-'ь***. *Посадник Костянтин сын Добрынь* (т. е. Добрынин сын) (1018 г.); *Брячислав сын Изяславль* (1021 г.); *Вячеслав сын Ярославль* (1057 г.); *Вышата сын Остромирь* (т. е. сын Остромира) (1064 г.); *Юрий Володимеричь Мономашь* (1138 г.).

Суффикс ***-'ь*** (***-jь***) стал непродуктивным уже в феодальную эпоху. В XIII—XIV веках образований с таким суффиксом уже не происходило. Так обстояло дело в отношении этого суффикса и в именах топонимических. Лица книжные могли, в подражание старым формам *Ярославль* (в значении «Ярославов»), *Изяславль*, образовать и новую форму с таким суффиксальным элементом.

Суффиксы же ***-ич***, ***-ович***, ***-евич*** оставались продуктивными. Такими они остались до сих пор. В раннее время отчества, образованные с этими суффиксами, не были ограничены принадлежностью к определенной общественной группе: так зовут по отчеству не только лиц господствующих верхов, но и лиц из низов.

Съновид Изечевичь, конюх Святопълчь (1097 г.); В лъто 6614 [1106 г.]. Воеваша Половьци около Заръчьска, и посъла по них Святопълк Яня и *Иванъка Захаричча* Козарина и *Яня Вышатича* и брата его Путягу (Повесть временных лет)[4].

Та же форма, наряду с формами уменьшительного значения, применялась в названии лиц, к которым называющий относился отрицательно: убийцами кн. Бориса были «Путьша, *Тальцъ Еловичь*, Ляшько — отьць же их сотона» (Повесть временных лет)[5].

Сравните суффиксы ***-ьць*** (***-ец***), ***-ко***, ***-ичь***. С тем же суффиксом (***-овичь***) названо и имя врага — имя сына половецкого князя Итларя, — князя, убитого в Переяславле. «6603 (1095). И посъла Святопълк и Володимер к Ольгови, глаголюща сице: «се ты не шьл еси съ нама не поганыя, иже погубили суть землю русьскую, а се у тебе есть *Итларевичь* любо оубии и [или убей его], любо дай нама, тъ [он] есть ворог нама и русьстѣи земли» (Повесть временных лет)[6]. Позднее, в XVI—XVIII веках, с утверждением абсолютизма москов-

[4] Ш а х м а т о в А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916, с. 327.
[5] Т а м ж е, с. 171.
[6] Т а м ж е, с. 287.

ских князей и царей, отчествам на ***-ич***, ***-ович*** в официальном применении придано было узкосословное значение. Так полагалось именовать князей и царей и близких к ним лиц. Как проявление верховной милости рассматривалось дарованное немногим лицам право именоваться отчеством с окончанием ***-ич***, ***-ович***, ***-евич***. Прежние фамилии, получившиеся из отчества на ***-ич***, изменялись по распоряжению Москвы. Так, во Пскове, под воздействием Москвы, прежние фамилии *Строиловичей*, *Люшковичей*, *Ледовичей* и др. изменились в *Строиловых*, *Люшковых*, *Ледовых* и др. Украинские фамилии на ***-ович***, ***-евич*** приравнивались в Москве к обычным московским формам на ***-ов***, ***-ев***. *Так*, *в* конце XVII века гетмана Самойловича писали в Москве *Самойловым*, украинца Михневича — *Михневым* и т. п. Это не была только языково-формальная ассимиляция: с нею было связано определенное классово-сословное значение. Так, гетману Богдану Хмельницкому не раз московские приказные лица замечали, что он «непристойно величается» отчеством на ***-ович***[7]. При Екатерине II был составлен список тех лиц, которых в официальных документах следовало писать с отчеством на ***-ич***. В «чиновной росписи», по распоряжению Екатерины, указано, чтобы отчество особ первых пяти классов писать «полно», с окончанием ***-ич*** (***-ович***), отчества лиц 6—8 классов — с окончанием ***-ов*** или ***-ин***, а для всех прочих чиновных не указывать отчества.

Параллельно с ограничением применения отчеств на ***-ович***, ***-евич***, приобретших весьма привилегированное значение, в тех же условиях социальной жизни проходил процесс уничижительного словесного выражения личности перед великим князем и царем: и крестьяне, и бояре, и духовенство всякого ранга — не люди, а «людишки»; у них не честь, а «честишка»; они защищают иногда не животы свои, а «животишка» (имущество, скот), себя и своих близких называют именами с суффиксами уменьшительного и уничижительного значения.

3. Обычною формой отчества было сочетание «сын» с притяжательным прилагательным от имени отца. Притяжательные имена имели суффиксы ***-ь*** (вместо давнего ***-jь***), ***-ов***, ***-ев***, ***-ин***. Порядок слов в сочетаниях «сын» с притяжательным прилагательным был не одинаков. В сочетаниях с прилагательным на ***-’ь*** имя «сын» находилось перед прилагательным. Издавна имя «сын» могло и не быть тут; сама форма прилагательного определяла отношение называемого лица к лицу, от личного имени которого образовано прилагательное с суффиксом ***-jь***. Отсутствовало существительное «сын» и с отчеством

[7] К а р н о в и ч Е. П. Указ. соч., с. 33.

на ***-овичь***: см. примеры, указанные выше. Посадник Костянтин *сын Добрынь* (1018 г.); Брячислав *сын Изяславль* (1021 г.); Вышата *сын Остромирь* (1064 г.); Изослав *Ярославль* (1055 г.)[8], Иванко *Вячеславль* (1127 г.).

В сочетаниях существительного «сын» с прилагательным на ***-ов***, ***-ин*** порядок слов был вначале такой же: «сын» находился перед прилагательным с суффиксом ***-ов*** (***-ев***). Алекса *сын Лазорев* прозвутора (1125 г.). В отчествах для двух-трех сыновей употреблялось существительное «дети». В XV веке и в последующее время имя «сын» («дети») обычно находилось позади прилагательного[9]. Нередко, кроме прилагательного от имени отца, употребляли и другое имя, относившееся к отцу, — его прозвище, название должности. Это другое отцовское имя приставлялось[10] в XV—XVII веках, как и раньше, в родительном падеже. Сравните форму в отмеченном выше примере: «прозвитора». Другие примеры: Злоба *Васильев сын Львова* (1484 г.); Васюк *Кудашев сын Крекшина* (1539 г.); Верига *Иванов сын Есипова* (1523 г.); Микифорец Истома *Ивашков сын Баскакина* (1498 г.); Булгак да Иван *Олексеевы дети Комыкина* (1571 г.); Несмеян да Олексей да Иван *Матвеевы дети Гольцова* (1616 г.); Данило да Нехорошей да Григорей да Сергей *Смирнова-дети Ракова* (1613 г.).

Второе имя[11] отца употреблялось и по-другому: оно согласовывалось с именем сына или сыновей, т. е. представлено было в той же падежной форме, в какой находилось личное имя сына: Богдан *Есипов сын Панов* (1498 г.); Дружина *Олексеев сын Караулов* (1571 г.); Первой *Григорьев сын Глазов* (1627 г.); Посник *Петров сын Кологривов* (1616 г.); Верига да Семен *Панины дети Сабуровы* (1571 г.), Дмитрей и Дементей *Семѣновы Погожие* (1616 г.).

Имя «сын» или «дети» могло отсутствовать: Семен Сокол Григорьев Чертова (1512 г.); Важен Иванов (1598 г.); Воин Ушаков (1589 г.); Ждан Погожего (1611 г.); Истома Ивашкин (1624 г.); Мо-

[8] Этот пример в рукописи до половины зачеркнут. На дополнительном листке, идущем после этой страницы, он снова имеется. На этом же листке имеются еще два примера: Володимер *сын Вьсеволожь* и Ольг *сын Святославль* (1076 г.).

[9] На особом листке здесь вложен пример такого именования для более раннего времени: Варлам *Михалев сын* (Вкладная Варлаама Хутынск. м-рю).

[10] В рукописи: «представлялось». — *Примеч. сост.*

[11] После слова «имя» в рукописи вставлены карандашом слова: «прозвище (и фамилия)». — *Примеч. сост.*

роз Ширяев (1612 г.); Левко да Ивашко Васильевы Овцына (XVI—XVII века) (их отец Васько Кононов Овца); Семен да Поздей Пирожниковы (1577 г.).

Иногда лицо определялось именем матери (суффиксы ***-ичь*** и обычно ***-ин***). При этом собственно отчество (такого-то сын) указывалось или отсутствовало. Олег *Настасьич* (1187 г.) (сын Ярослава Галицкого и его любовницы Анастасии); Сенька Гридин сын *Натальин* (1495 г.); Ивашко Коровай Андреев сын *Оринин* (1498 г.); Григорий Ильин сын *Домнин* (1617 г.); Сенька *Оринин* (1495 г.); Лука *Марфин* (1499 г.); Первой *Опраксин Вердеревской* (ок. 1610 г.).

Передача отчества посредством сочетания «сын» с прилагательным от имени отца приобрела при посредстве московских приказных канцелярий официальное значение. В канцелярской практике такая передача отчества держится долго и в XIX веке. При этом «сын» относился уже не к предшествующему прилагательному, образованному от имени отца, а к следующей фамильной форме, получившейся из отчества или из прозвища. Так, например, в XV—XVII веках сочетание *Гаврило Петров сын Ушаков* произносили таким образом: *Гаврило* ***Петров сын*** *Ушаков*. В XIX веке: *Гаврило Петров* ***сын Ушаков***. Отчества на ***-ов, -ев*** в XIX и в начале XX века сохраняли официальный, приказный тон. *Иван Петров* — это совсем не то, что *Иван Петрович* или только *Петрович*.

В народной среде отчества не представляли собою обычного элемента в названии лица: оно называлось именем, которое ближе пояснялось прозвищем (*Кирюха Косой*) или формой прилагательного с притяжательным суффиксом или фамилией: *Кирюха Ваякин*, *Лучка Петрухин*, *Петруха Гавриков*, *Иван Сырых* и т. д. Здесь форма *Гавриков* и др. не имеет значения отчества, а является прилагательным со значением принадлежности. Если же в некоторых случаях приходится употреблять отчество, то оно имеет форму ***-ович*** (*Микито**вич***), ***-ич***, ***-ыч*** (*Кузьм**ич***, *Пахом**ыч***, *Павл**ыч***) или полуофициальную форму на ***-ов, -ев*** (*Пахом**ов***, *Павл**ов***).

Отчества представляли собою также сочетания «сын» с формой родительного падежа прилагательного, которым назывался или прозывался отец: *Дурной — Дурново*, *Долгой — Долгово*, *Мясной — Мясново* и другие. «Сын» и в этих сочетаниях может отсутствовать. *Ширшик* ***Первово сын*** *Кишкин*, помещик (1495 г.); *Михайло* ***Меньшего сын*** *Дурной*, московский стряпчий (1626 г.); *Богдан* ***Светлово сын*** *Скрыплев*, поручитель по боярам (1571 г.).

Если в отчество входило имя отца или его прозвище, то форма родительного падежа прилагательного, т. е. форма от прозвища отца,

ставилась после «сын» или после той части отчества, которая образована от имени отца. — Первой Семенов сын *Задворнова*, крестьянин (1621 г.); князь Михайло Всеволодович *Чермново* сын (1241 г.); Федор Семенов сын *Васильевича Великово*, послух (1509 г.); князь Иван Семейка княж Юрьев сын *Смелово*, дворянин (1564 г.); князь Василий князь Федоров сын *Голубово*, Ростовских князей (1537 г.); князь Петр княж Волхов сын *Бритово*, Ростовский сын, помещик; Жук Левшин сын *Брюхатово*, помещик (1500 г.); Васюк Стефанов сын *Высоково* (1544 г.); Иван Федоров сын *Голодново*, помещик (1539 г.); Гаврило Федоров сын *Дурного* (1577 г.); Петр Федоров сын *Зубатово*, дьяк (1547 г.); Микита Васильев сын *Мясново*, послух (1528 г.); Селянин Михайлов сын *Плохово* (1491 г.); Дрозд Михалков сын *Пьяново* (1556 г.); Федор Булгаков сын *Толстово*, станичный голова (1577 г.). «Сын» может опускаться и в этих отчествах. Так обычно при названиях лиц из среды крестьянской и низшей служилой. Во 2-й половине XVI века и в XVII веке названия без имени «сын» употребляются и для лиц господствующих классов и служилых людей высшего ранга. При этом форма на ***-во*** была во многих случаях уже не о т ч е с т в о м, а ф а м и л ь н ы м прозвищем.

Федор *Беседново*, *бояр. сын* (1613 г.); Иван *Благово*, служ. человек (XVII век); Василий *Бледново*, Воронеж, казак (1655 г.); Олексей *Второво*, слуга Суздальского монастыря (1601 г.); Иван *Высоково*, таможен. голова (1635 г.); Рахман *Житково*, дьяк (1566 г.); Елисей *Косово*, кр-н (1684 г.); Гридя *Круглово*, кр-н (1534 г.); Малыга *Лысово*, кр-н (XV век); Савошко, прозвище *Лысово*, кр-н (1620 г.); Куземко *Матерого* (1614 г.); Прокофий Семенович *Мертвого*, воевода в Юрьеве Польском (1669 г.) [но в XVI веке: Булгак Дмитриев *сын Мертвого*, поручитель по боярам (1571 г.)]; с Олексинцом с Осипом *Недоброго* (1660 г.); Минка *Ненашего*, стрелец (1623 г.); Офонасий *Плохово*, дьяк москов. (1605 г.); Богдан Степанович *Плохово*, воевода белозер. (1658 г.); Фотей *Пьяново*, бояр. сын (1677 г.); Алмаз *Чистово*, москов. дьяк (XVII век).

В ряде прозвищ-фамилий на ***-во*** ударение находилось на окончании: *Хитрово́*, *Сухово́*, *Благово́*, *Дурново́*. Но были и формы с безударным окончанием. На это указывает их передача с гласным ***-а***: Алексей Михайлов сын *Румянова*, послух (1524 г.); Первой Семенов сын *Задворнова*, кр-н (1621 г.). В этих случаях окончание приставлено то же, что и в отчествах-фамилиях с притяжательным суффиксом ***-ов***, ***-ев***: Иван Григорьев *сын Мамонова* (1516 г.); Роман Володимеров *сын Копилова* (1577 г.); Иван Юрин *сын Репехова* (1526 г.); Куземко Костянтинов *сын Деева* (1581 г.). Здесь форма на ***-ва*** является

отчеством. Так, отец Ивана *Репехова* назывался Юра *Репехов* (1478 г.) «(имя же деда или прадеда было *Репех*; того же корня *Репа*, *Репня*, *Репуй*).

Окончание прозвища-фамилии иногда представлено было в письменной передаче в виде ***-ого***, ***-аго***. Некоторые из фамилий с такой орфографической передачей перешли и в устное произношение — *Мертв**аго***…

Во второй половине XV века, в XVI—XVII веках при отчествах и фамилиях на ***-во*** употребляются формы с обычным суффиксом притяжательного значения ***-ов***, ***-ев***. В дальнейшей жизни формы на ***-ов***, ***-ев*** вытесняют собою фамильные имена в форме родительного падежа единственного числа на ***-во***. Так было в широкой среде русского населения. Только в среде лиц классовой ограниченности, оберегавших свои традиционно-сословные, родовые знаки, удержалась эта фамильная форма на ***-во*** (***-ов***) или на орфографическое ***-аго***: *Дурново*, *Хитрово*, *Мертваго*. Документы XVI—XVII веков представляют много примеров с суффиксом ***-ов***. Носители таких фамильных форм — лица по большей части из среды крестьян, служилых людей. Гораздо реже применялась эта форма вместо родительного падежа прилагательного в среде верхушечного класса: Якуш *Рябов*, крн (1495 г.) — от имени *Рябой*; Сенька *Якушов* сын *Сухов*, холоп (1498 г.); но ср.: Иван Кобыла *Олександров* сын *Сухово*, помещик (1500 г.); князь Иван княж Иванов сын Кашин *Сухово*, москов. воевода (1552 г.); ср. тенденцию нагромождать родовые признаки. Эта фамилия образована от имени *Сухой*. Например: Ивашко *Сухой* (1495 г.) и др. Афонасей Емельянов сын *Первов*, бобыль (1684 г.); но: Ширшик *Первово* сын Кишкин, помещик (1495 г.); Яков Савин *Первово*, бояр. сын (1539 г.) — от имени *Первой*. Спиридонко *Второв*, ямщик (1685 г.) — от имени *Второй*. Савелий *Дурнов*, бояр. сын (1515 г.); Микифор *Дурнов*, келарь (1660 г.); но: Михайло Захарьев сын *Дурново*, москов. дворянин (1562 г.); Гаврило Федоров сын *Дурного*, дворянин (1577 г.); Михаил Савинов сын *Дурново*, серпухов. воевода (1659 г.) — от имени *Дурной*. Например: Кузьма Остафьев *Дурной*, своеземец (1495 г.); Ондрей *Дурной*, помещик (1611 г.) и много других. Иван Михайлов сын *Зубатов*, сотенный (1697 г.). Но раньше: Петр Федоров сын *Зубатого*, москов. дьяк (1547 г.) — от имени *Зубатой*. Например: Уварова сын Иван *Зубатой* (1483 г.). Титка *Кислов*, москов. подьячий (1646 г.). Но раньше: Ивашко Кузьмин сын *Кислово*, новоторжский таможенник (1539 г.) — от имени *Кислой*. Григорий Семенов сын *Хитров*, стрелецкий голова (1632 г.). Но: Богдан Матвеевич *Хитрово*, москов. окольничий (1661 г.);

Александр Савостьянович *Хитрово*, москов. думный дворянин (1675 г.) и др. — от имени *Хитрой*. Например: Василей Семенов сын *Хитрой*, стрелецкий голова (1611 г.).

В среде, в которой цеплялись за формы фамилий на ***-во***, на последних отражаются элементы книжного языка, которым пользовались носители этих фамилий. Например, окончание ***-аго***: *Мертв**аго***; сочетание церковнославянского ***-ла-*** вместо русского ***-оло-*** — *Бла**го**во*: Иван Стефанович *Благово*, в приказе Большого дворца (1633 г.). Сравните в крестьянской среде: Еска *Боло**гаев***, кр-н (1495 г.).

При прозвищно-фамильной форме в родительном падеже единственного числа (***-во***) употреблялась форма родительного падежа множественного числа на ***-ых***, ***-их*** для лиц — членов одной большой семьи: Иван *Глух**их***, вятский целовальник (1697 г.); Марко Филипов сын *Сед**ых***, бояр. сын (1663 г.); Фирско Яковлев сын прозванием *Совян**ых*** (1684 г.). *Сухорук**ой***: Ларион Федоров *Сухорук**ой***, донской казак (1688 г.) — *Сухорук**их***. *Сыр**ой*** — *Сыр**ых***, *Сиз**ой*** — *Сиз**ых***, *Хром**ых*** [но и в других случаях, для одиночных членов семьи ***-во***: Захар Яковлев сын *Хромо**во*** (1495 г.)], *Черн**ых***, *Широк**их***. Фамилии на ***-ых***, ***-их***, относившиеся некогда к членам большой семьи, известны и на русском юге (например, в б. Орловской губ.) и на севере — в Пермском, Вятском краях, а с севера они перешли в Сибирь. Образование прозвищных форм на ***-ых*** происходило и в позднее время. Мне известен такой пример. В б. Ливенском уезде Орловской губ. есть большое село Волово. Одна из частей его — Мокрец. Там имеется несколько домов родственников, носящих фамилию *Сырых*. Там же в 1890-х годах была семья, отец которой был немой. Поэтому его сыновья известны под обыденным прозвищем *Немых*: Иван *Немых*, Сашка *Немых* и др. Из старых примеров с формой единственного числа: князь Дмитрий Иванович *Немово* (1558 г.); Федот Савельев сын *Немово*, валуйский станичный атаман (1681 г.). Родоначальник этого прозвища — *Немой*: князь Федор Иванович *Немой*; Есипко *Немой*, кр-н (1495 г.).

Отчество, образованное от личного имени или прозвища отца, могло переходить от сына к следующему поколению, т. е. оно с т а н о в и л о с ь ф а м и л и е й. При этом в основе имени и прозвища сохранялись все те суффиксальные элементы, с которыми оно употреблялось вначале. Отчество представляло собою: 1) форму в именительном падеже прилагательного или существительного, как она применялась в качестве прозвища по отношению к отцу или к более отдаленному предку: *Долгорукий*, *Плохой*, *Погорелой*, *Зубака*, *Кисель*, *Нелюб*; 2) форму родительного падежа прилагательного един-

ственного или множественного числа: *Нагово*, *Хитрово*, *Сырых*, *Сизых*; и обычно 3) форму на ***-ов***, ***-ев***, ***-ин*** от имени или прозвища[12].

Для представления о значении русских фамилий и тех процессов, которые переживаются [ими] в послереволюционное время, необходимо сделать обозрение происхождения русских личных имен и прозвищ, отметить значение корней и суффиксов этих имен и прозвищ.

В X—XI веках и в последующее время восточные славяне употребляли для личных названий имена церковные и имена мирские, бытовые. Нередко одно и то же лицо носило два имени: церковное и бытовое. Например: «в крьщении *Иосиф*, а мирьскы *Остромир*», посадник Новгородский (1056 г.); «преставися князь *Михайло*, зовомый *Святополк*» (1113 г.); «се аз князь великий *Гаврил*, нареченный *Всеволод*» (1135 г.); «имя ему крестьное *Яков*, а мирьскы *Творимир*», пономарь, писец стихираря (XII век). Для X—XI веков можно полагать, что в быту обыч-

[12] На трех листках в конце рукописи имеется следующее дополнение: «Среди русских фамилий имеются такие, которые представляют русифицированную передачу именного прозвища или фамилии иноязычного происхождения. С трудом передавались в московской Руси иноязычные имена: не только в звуках, но и в формах они приравнивались к своим, к русским. Культурно-языковая косность того времени русифицировала прозвища и фамилии лиц, оказавшихся в русской среде. Так было и в XVI—XVII веках, и позднее. Несколько примеров. Англичанин *Burness* (XVII век), писавшийся по русской буквенной передаче *Бурнес*, имел сына, получившего прозвище *Бурнесов* или *Бурнашов*. Английская фамилия *Гамильтон* была передана в виде *Гамантов*, *Гаматов* и, наконец, *Хомутов*. Немецкая фамилия *Левенштейн* изменилась в *Левштин* и далее в *Левшин*. Прозвище служилого иноземца при Петре I *Гаррах* получило вид *Горох*, *Горохов*, а улица в Петербурге, на которой он жил, стала называться *Гороховая*. Представители фамилии *Кос-фон-Дален* обратились в *Козодавлевых*. (У русских фамилия *Козодавлевы*, пошедшая от *Козодава*, была в XV—XVI веках среди крестьян, холопов, служилых людей.) В начале XVIII века в Москве жила жена доктора *Пагенкампфа*. По смерти мужа она стала артисткой *Поганковой*. В таком виде фамилию усвоили и дети ее.

В капиталистических условиях дети, рожденные вне оформленного брака, не получали фамилии отца. Лица господствующей среды своим «побочным» сыновьям давали иногда только часть своей фамилии. Так, «побочный» сын *Румянцева* назывался *Умянцевым*. Один из «побочных» сыновей гр. *Репнина* получил фамилию *Пнин*. Был гр. *Орлов-Чесменский*. Он передал своему «побочному» сыну вторую часть своей фамилии, полученную им в качестве почетной награды: *Чесменский* (Карнович Е. П. Указ. соч., с. 42—44, 63—65, 119—120). (Примеч. В. Г. Чичагова.)

но применялось мирское имя. В княжеской среде оно имело специфический оттенок княжеской принадлежности, в противоположность общецерковным именам. «Родися у Игоря сын, и нарекоша имя ему в крещеньи *Андреян*, а ***княжее*** *Святослав*» (1177 г.); «нарекоша имя во святем крещении *Полагья*, а ***княже*** *Сбыслава*» (1179 г.). Состав «княжих» имен в X—XI веках был ограничен. Это были чаще всего имена сложные, со второй частью на ***-слав***, ***-полк***, ***-волод***: *Брячислав*, *Всеслав*, *Вячеслав*, *Изяслав*, *Мьстислав*, *Ростислав*, *Святослав*, *Ярослав*, *Святополк*, *Ярополк*, *Всеволод*, а также имена *Володимер*, *Олег*, *Игорь*. Простые имена в форме бытовой речи, с суффиксами ласкательного или уменьшительного значения не применялись тут. Только к концу XI века и в удельно-княжеских семьях дают имена *Володарь*, *Василько*, *Святоша* — сын Давыда Ростиславича (*Святоша* — сокращенное имя вместо полного *Святослав* или *Святополк*). Такими бытовыми именами, как *Добрило*, *Станило*, *Волк*, *Первуша*, *Путята*, *Нежата*, *Сновид*, и им подобными не пользовались здесь. Такие имена были в применении в прочих группах населения. «Святопълк же посла *Путягу*, воеводу своего» (конец XI в.)[13]; «*Нежатина* нива» (1078 г.); *«Сновид Изечевичь*, конюх Святопълчь»[14] (конец XI века); *«Костянтин*, а мирьскы *Добрило»*, писец (1164 г.); «*Микифор*, прироком *Станило*», митрополит (1223 г.).

Позднее обычай давать лицу два имени, церковное и мирское, не применяется в княжеской среде. В XIV—XV веках этот обычай держится в прочих группах населения, преимущественно привилегированного. В XVII веке он и тут совсем редко применяется. Обычно пользуются одним именем. Это имя бывает церковное или мирское: *Есепников сын Баран*; *Безпута Сабуров*; *Нехорошей Степанов*; *Никиты Васильева сына Трегубова дети Иван да Безчастной*; *Смирной Васильев сын Угримов*; *Нечай Петров сын Княжнина*; *Пятой Зубов* и др. Имена бытового языка носят лица всех классов. Многие из этих имен служили и в качестве прозвищ. Например: *Тороп Михайлов сын Безпятого*, бояр. сын (1585 г.); *Аз Савин*, *а прозвищем Тороп Семенов сын Муханова*, землевлад. (1565 г.); *Меншик Нечаев*, кр-н (1542 г.); *Иван Микитин сын*, *а прозвище Меншик* (1568 г.); *Ждан Федоров сын* (1541 г.); *Онтон Микифоров сын*, *а прозвище Ждан* (1590 г.). Некоторые из этих «прозвищ» были собственно не прозвищами, а вторыми, мирскими именами.

[13] Шахматов А. А. Указ. соч. С. 317.
[14] Там же, с. 304.

Разнообразные слова бытового языка применялись в качестве личных имен. Еще свободнее было такое применение для прозвищ. Для них брали и такие слова, которые употреблялись для личных имен (*Всячинка*).

Издавна служили для прозвищ и сочетания слов. Так, у кн. Владимира был воевода *Волчий Хвост*. В быту иногда острили в связи с такими названиями. Владимир отправился в поход против радимичей в 984 г. «И бѣ у него воевода *Вълчии Хвост*; и посъла пред собою Володимер *Вълчия Хвоста*; и сърѣте Радимичѣ на рѣцѣ Пѣсъчанѣ; и побѣди *Вълчии Хвост* Радимичѣ. Тѣмь и Русь коряться Радимичем глаголюще: “Пѣсъчаньци вълчия хвоста бѣгають”» [= *Русь насмехается над радимичами*, *говоря*: *«песчанци от волчьего хвоста бегают*»] (Повесть временных лет)[15].

В качестве примеров отметим несколько групп личных имен и прозвищ, от которых образованы затем фамилии. В первом отделе представим группировку по значению основы, а во втором — по суффиксальным элементам.

1. 1) Обстоятельства появления нового члена семьи (найден, подкинут, взят у других). Выражение ожидания и неожиданности появления нового члена. Чувство родителей: *Найден*, *Найденко*. *Ненаш* [*Ненаш Федоров сын Шетилов* (1616 г.)]. *Краденой*. *Проданец*. *Прибыток*. *Жданка*. *Неждан*. *Нечай* (*Нечай Ряб*). *Бажен*. *Любим*. *Перемил*. *Перенег*. *Нежата*, *Милюта*, *Милюк*, *Миляй*.

2) Профилактика: *Бессон*, *Бессоной*, *Бессмертной*, *Бесчастной*, *Бесчастко*. *Горе*. *Грязной* [*Грязной Офонасьев*, *попов сын Тимофеев* (1557 г.)]. *Живой*. *Животко*. *Завид* (XII век). *Захворай*. *Злоба* [*Злоба Васильев сын Львова* (1484 г.)]. *Кручина*, ***-нка***. *Мертвой*, *Невзор*. *Негодяй*, *Негодяйко*. *Нелюб* [*Нелюб Оксенов* (XVII век)]. *Неудача*. *Нехорошей* [*Нехорошей Степанов сын* (XVII век)]. *Пепелыш*. *Смола* [*Смолко Микифоров*, кр-н (1495 г.)].

3) Семейные отношения. Порядок и время рождения: *Первой* [*Первой Мефодья сын Ерш*, кр-н (1585 г.)], *Первуня*, *Первуша*, *Первыш*. *Второй*, *Вторунка*, *Вторушка*, ***-ышка***, *Вторка*. *Третьяк*, *Третьячко*. *Четвертой*, *Четвертка*, *Четвертуня*. *Пятой*, *Пятко*, *Пятка*, *Пятунька*, *Пятуня*, *Пятух*, *Пятушка*, *Пятюшка*. *Шестой* (*Шостой*), *Шестак*, *Шестачко*, *Шесток*, *Шостан*, *Шестунька*, *Шестуня*. *Семой*, *Семик*. *Осьмой* (*Осьмой Жаков*). *Девятой* [подьячий, *Девятый Алексеев* (1628 г.)], *Девятко*, ***-ка***. *Десятой*, *Десятка*. *Одинец*. *Малец*. *Малик*, *Малыга*, *Малюта*. *Меншик* (*Меньшик*), *Мен-*

[15] Шахматов А. А. С. 102.

шак, *Меньшой*. *Годовик*. *Субота*. *Неделя*. *Вешняк*. *Поздняк*, *Поздей*, *Позник*, *Позняк*. *Внук*. *Дед*, *Дедко*, *Дедило*, *Дедилец*, *Дедун*. *Дядя*, *Дядько*. *Зять*. *Пасынок*. *Домашней* [*Микита да Домашней Елагины* (1555 г.)], *Домачневой*, *Домашня*, *Домаш*, *Домаха*, *Домой*, *Домец*.

4) Внешний вид. Физические недостатки: *Безбородой*. *Беззуб*. *Бескостой*. *Безносой*, *Безнос* (*Оська Карпов Безносой*). *Беспалой*, *Бесперстой*. *Беспятой*. *Безрукой*. *Белой*, *Беляй*, *Беляк*, *Беляна*, *Белянко*, *Беляница*, *Беляш*, *Белуха*. *Белогруд*. *Белозор*. *Белоног*, *Белоножка*. *Белотелец*. *Белоус*. *Блеклой*. *Волдырь* (выродок, ублюдок). *Большой*. *Борода*, *Бородатой*. *Бородавка*. *Брила* (губа; *Пятко Сивков Брила*). *Брюхан*, *Брюхатой*, *Брюхо*, *Брюшко*. *Бугай*. *Великан*, *Великой*. *Ветхой*. *Волосатой*, *Волос*. *Вороной*, *Воронец*. *Высокой*, *Высочан*, *Высочка*, *Вышата*. *Гладкой*, *Гладко*, *Гладун*, *Гладыш* (ровный, жирный). *Глазатой*, *Глаз*, *Глазко*, *Глазун*. *Глухой*, *Глух*, *Глухан*, *Глушко*, *Гнилозуб*. *Гнуса*, *Гнуска*. *Голобокой*. *Головач*, *Голова*, *Головнина*, *Головня*. *Гологуз*. *Голозуб* [*Ивашка Голозуб*]. *Голохребетник*. *Голочел*. *Горбатой*, *Горб*, *Горбач*, *Горбун*, *Горбыль*. *Горло*. *Грива*. *Губастой*, *Губан*, *Губаня*, *Губарь*, *Губа*. *Гугня*. *Деревяной*. *Долбленой*. *Долгой*, *Долгиня*. *Долгие руки*. *Дубонос*. *Дутая нога* [*Максим Дутая нога*]. *Желтоногой*. *Жиловатой*, *Жила*, *Жилка*. *Жирное* [помещик Радонеж, у. (1504 г.)]. *Жировой*, *Жирой* (князья). *Жирослав*. *Жироха*, *Жируха*, *Жирята*. *Зеленой*. *Зеленой — возгря*. *Зоб*. *Зубастой*, *Зубатой*, *Зубака*, *Зубаха*, *Зуб*, *Зубец*, *Зубко*, *Зубок*. *Износок* [*Износок Губастого*, дьяк (1679 г.)]. *Истома*. *Кисло* [*Ивашко Кисло*], *Кислень*, *Кисель*, *Кислица*, *Кисляк*, *Кислоквас*. *Клык* [*Митя Клык*, кр-н (1558 г.)]. *Кляпа*, *Кляпик* [*Кляпик Яропкин* (ок. 1500 г.)], *Кляпонос* (кляп — короткая палка). *Кологривой*. *Корноух*. *Коростовой*. *Короткой*, *Коротай*, ***-майко***, *Коротыга*. *Кортавой*, *Корташ*. *Коряка* (кто корячится). *Косматой*. *Косой*. *Кособрюх*. *Кощей*. *Красной*. *Кривой*. *Кривоног*, *Кривонос*, *Криворот*, *Кривошея*, *Кривощок*, *Кривые щеки* [*Губа Микифоров сын Кривые щеки*, землевлад. (1495 г.)]. *Крупной*. *Кудрявой*, *Кудрявец*, *Кудряш*. *Кулак*. *Курбат* (малорослый толстячок). *Лебяжья шея* [*Тимофей Лебяжья шея*, атаман донских казаков (XVII век)]. *Леваш*, *Левша*. *Лобан*, *Лобаш*, *Лоб*, *Лобоненок*. *Лода* (особая кость), *Лодыга*. *Лысой*. *Лытка* (часть ноги). *Мигун*. *Мокроус*. *Моргослепой* [*Андрейко Моргослепой*, кр-н (1495 г.)]. *Мясная голова*. *Невзор*. *Недомолва*. *Недорез*. *Недород*. *Недосека*. *Неклюд* (неуклюжий). *Некрас*, *Некраш*. *Нелегкой*. *Немой*, *Немта*. *Несоленой*. *Низкой*. *Новошерстной*. *Ноготь*. *Ноздря*. *Ноздреватой*. *Нос*, *Носка*, *Носко*, *Носок*. *Опухлой*. *Пест* [*Якуш Пест*, кр-н (1495 г.)]. *Пестрой*, *Пестрик*, *Пестрец*, *Пестриня*, *Пеструха*. *Песья старость* [*Карпик*

Песья старость, кр-н (1495 г.)]. *Плехан*, *Плешивой*, *Плешатой*, *Плешак*, *Плешка*, ***-ко***. *Плоской*. *Пискун*, *Пищуня*. *Пресной*. *Пузатой* [*Михайло Астафьев сын Пузатой* (1638 г.)]. *Пузан* [*Тимошка Пузан*], *Пузанец*, *Пузо*. *Пуп*, *Пупок*. *Пшенисной* (из Казан. края, XVII век). *Рогатой*, *Рогуля*. *Росляк*. *Рубец* [дьякон *Рубец Воскресенской* (ок. 1459 г.); *Ивашко Рубец*, кр-н (1495 г.)]. *Румяной* [*Никита Румяной*, дьяк (1589 г.)], *Румянец*. *Рыжей*. *Рыло*. *Рябой*, *Ряб*, *Рябуха*. *Сажа*, *Самочерной*. *Сапун*. *Серой*, *Сера*, *Серко*, ***-ка***. *Сивой*, *Сивец*, *Сивко*. *Сизой*, *Сиз*. *Слабой*. *Слепой*. *Смага* (жар, копоть). *Сморкало*. *Соломяные кудри*. *Сопля* [*Данила Сопля*, кр-н (1557 г.)]. *Старой*. *Старопуп* [*Бориско Старопупов* — торговый человек (1639 г.)]. *Стремоус*. *Сухой*, *Сухан*, *Сухонос*. *Сухие Кулаки* [вятчанин Слободского города *Онтонка Кузмин сын Сухих Кулаков* (1611 г.)]. *Сухорукой*, *Сухорук*. *Сухощек*. *Толстой*, *Толстик*. *Толстоглазой*. *Толстопят*. *Толстоух*. *Тонкой* [*Тонкой Скоморох*, кр-н (1539 г.)]. *Тупочел*. *Туча*, *Тучко* (тучный, пухлый). *Тяжелой*. *Узкой*. *Усатой*, *Ус*. *Ушатой*, *Ушак*. *Хворой*. *Хохол*. *Худой*, *Худяк*, *Худячко*, *Худяшко*, *Худоша*. *Худоног* (*Худоногов*). *Храп*. *Хрипун*. *Хромой*. *Хруль* (бабка, казан, коротыга). *Чахлой*. *Чело*. *Чермной*, *Черной*, *Чернава*, *Чернат*, *Черныш*, *Черняй*, *Чернь* [«имя ему *Чернь*» (1074г.).]. *Чернобровой*. *Черная Головка*. *Черногуб*(*ов*). *Черногуз*(*ов*). *Чубарой*, *Чубар*. *Шадра* [шадра — рябой; *Нестерик Шадра*, кр-н (1495 г.); *Шадра Башмаков*, помещик (1495 г.)]. *Шея*, *Шейка*. *Широкой*, *Ширяй*, *Ширя*. *Широконос*, *Широкое*. *Шишка*. *Шульга*. *Щека* (*Щока*). *Щербатой*, *Щербак*, *Щербач*, *Щербина*. *Щерб*. *Язык*.

5) Свойства. *Белуй*. *Баламут* (земский человек в Новгород. обл., XIV—XV век). *Безлепица*. *Безукладица*. *Беспута* [*Безпута Сабуров*, дворянин в Ростове; *Роспута да Безпута*, кр-не]. *Бесстужей*, *Бесстуж*, *Бесстужко*. *Бес*, *Беско*, *Бесок*, *Бесомыха*, *Бешеной*. *Бирюк*. *Блуд*, *Блудило*. *Борзой*. *Брага*, *Бражной*, *Бражник* (гуляка, пьяница). *Брех* (так названы холоп и воевода). *Брыкун*. *Буй*, *Буйко*. *Булгак* (беспокойный, суматошный человек). *Буня* (спесивый, чванный человек). *Бурнаш* (задира, беспокойный человек, холостяк разгульной жизни). *Быстрой*. *Валуй*, *Валуйка*, *Волуй* (человек вялый, разиня, ленивый). *Варакса* (дурно работающий, болтун). *Вареной*, *Ведун*. *Вера*, *Вереда*. *Верещага* (вздорный человек). *Вертоголов* (*Пашько Вертоголов*). *Вертячей*. *Веселой* [*Скоморох Жданко Веселой*]. *Ветреной*. *Волокита*. *Вольной* [*Федька Вольной* — москов. стрелец]. *Воропай*, *Воропан*, *Ворыпай* (вороп — налет, набег, грабеж, разбой). *Востроой*. *Всполох*. *Вязга* (придирчивый, вздорный человек). *Вялой*. *Вялец*. *Глот* (прожорливый). *Глупой*, *Глупыш*. *Гневаш*, *Гневош*. *Говор*, *Говоруха*. *Гордой*, *Гордыня*. *Горемыка*, *Горчак*. *Горячий*, *Горячка*.

Грешной. *Гуляй*, *Гуляйко*. *Дешевой*. *Дикой*, *Дик*, *Дичок*, *Дичко*. *Доброй*, *Добрило*, *Добрыня*, *Добря*. *Докука*, *Докучай*, *Докучайко*. *Домолега*. *Дорогой* [*Дорогой Одинцов*], *Дорожай*, *Дорож*. *Дулебко* (бестолковый, остолоп). *Дурной*, *Дурак*, *Дурень*, *Дурыня*. *Жаден*, *Жадко*. *Жадоба* (жажда, страсть). *Жала*. *Жегало*. *Живой*, *Животко*. *Завьял*, *Завьялов* (заспанный человек). *Загреба*. *Замарай*, *Замарайко*. *Замешайко* [*Замешайко Митрофанов* (1643 г.)]. *Замятия*, *Звяга* [брюзга, клянча; *Звяга Сафонов*]. *Злоба*. *Зык* (горлодер). *Зяблой*. *Крикун*. *Колтыря* (говорун, болтун). *Колюпан* (от глагола *колоть*). *Колупай* (вялый человек). *Корепан* (*корепать* — делать неуклюже, ломать зря). *Кривда*. *Кроткой*. *Лабута* (неуклюжий, бестолковый человек). *Ленивой*. *Лихач*, *Лихой*. *Ломака*, *Ломаш*. *Любовник*. *Ляд* [*Ивашко Ляд*, кр-н]. *Ляпа*, *Ляпун*, *Ляпушка* (от глагола *ляпать* — шлепать, делать грубо, как ни попало, говорить что-либо некстати, грубо; *Микитка да Ляпун Тимошкины дети*). *Мичура* (угрюмый, брюзгливый). *Мокрой*, *Мокруша*. *Молчан*. *Мягкой*, *Мяка*, *Мякиш*, *Мякота*, *Мякиш*. *Надежда*, *Надей*, *Надеинко*. *Невежа* [*Невежа Нечаев сын Лопатин*]. *Невем* [*Невем Елизаров*, кр-н (1586 г.)]. *Невера*, *Невер*, *Неверка*. *Недоброй*. *Недорез*. *Недород*. *Недосека*. *Незамайко*. *Незнай*. *Неломай* [*Неломай Остафьев сын Олферьева Дурново* (1565 г.)]. *Нелюб*. *Немир*. *Немятой* [*Немятой Андреев сын Тишков*]. *Ненадобной*. *Непея*. *Непитущей*. *Непогодко*. *Непролей*. *Непряха*. *Несговорка*. *Несмеян*. *Неугод* [*Неугод Федоров сын Юрьева* (1565 г.)]. *Неудача*, *Неудачка*. *Неупокой*, *Неупокойко*. *Неустрой*, ***-йко***. *Неусыпа*. *Неуча* [*Неуча Молчанов*, бояр. сын (1633 г.)]. *Нехорошей*, *Нехорошко*, *Нецветай*. *Огложеня*. *Ощеря* (сердитый, показывающий зубы). *Озяблой*. *Охлеста* (озорник, наглец). *Пареной*. *Плакса*. *Плохой*. *Плут*. *Плясун*. *Полетай*. *Полох* [*Полох Микулин*], *Полошко*. *Помогай*. *Порывай*. *Поспел*, ***-лко***. *Потеха*, *Потешка*. *Пошляк*. *Прокуда* (шалость). *Простой*. *Прыгало*. *Прыткой*. *Пустота*, *Пустоха*, *Пустошка*. *Пьяной*, *Пьянко*, ***-ка***. *Разгильдяй*. *Рассказ*. *Рахманин* [*Рахманин Тюленин*, бояр. сын (1501 г.); *рахманин* — на северо-востоке — веселый, разгульный щеголь; к югу и юго-западу от Москвы — вялый, хилый, глуповатый]. *Резвой*. *Ростейгайко*. *Рыкун*. *Рыкован*. *Рычко*. *Рюма* (плакса). *Ряха* (нарядный, аккуратный). *Севрюк* (угрюмый). *Скугор*. *Скугора* [*Скугор Боков* (1610 г.); *скугорить* — хныкать, плакать]. *Смирной*, *Смирко*, *Смиряй*, ***-яйко***. *Соленой*. *Соня*, *Спячей*. *Сувор*, ***-рко***, ***-рик*** (нелюдим). *Суета*, *Суятка*. *Суморок* [*Суморок Леонтьев сын Хихилев*, подьячий (1479 г.), *суморок* — мрачный]. *Суторьма* (суета, беспорядок). *Сутырга* (вздорный человек). *Тарара*. *Таскай*. *Тать* [*Ивашко Тать*, кр-н (1495 г.)]. *Татище* [*Александр Татище*,

помещ. (1495 г.)]. *Терпило*. *Тишина*, *Тиш*. *Торовой*. *Тороп*. *Торпище*. *Торуса* (вздор, пустяки). *Томило*, ***-лко***, ***-лка***. *Тупик* [*Васько Тупик*]. *Угрим*. *Упрямко*. *Утеш*. *Хабар* (барыш, удача). *Хвастливой*. *Хваст*. *Хитрой*. *Хлын*. *Хлыст*. *Хлюста* (обманщик). *Холуй*. *Хорошей*. *Хорош*, ***-шко***, ***-шка***. *Хруна* (плакса, нытик). *Черт*. *Шарап* (грабеж). *Шибан* (драчун, буян). *Шпынь* (колкий насмешник). *Шумливой*, *Шумляй*, *Шумята*, *Шум* [*Шум Семенов*], *Шуман*, *Шумило*, *Шу-мейка*, *Шумиха*. *Щаплыга* (щеголь). *Яровой*, *Ярой*, *Ярило*, *Ярец*, *Яруй*, *Ярун*.

6) Социальное и экономическое положение: *Селянин* [*Селянин*, боярин (1472 г.); *Селянин Максимов*, подьячий (1545 г.)], *Селя* [*Селя Иванов*, стрелец (1605 г.)]. *Холоп* [*Холоп Митин сын Лодыгина*, кр-н (XV век)]. *Боярин* [*Мишко Боярин*, кр-н (1495 г.)]. *Мещанин*. *Посадник* [кр-н (1524 г.)]. *Бобыль* [*Куземка Бобыль*, кр-н (1495 г.) и другие кр-не]. *Мироед* (*ов*) [кр-н (1524 г.)]. *Пустодом* [служилый человек в Сибири (1658 г.)]. *Богатой*, ***-тко***. *Скоробогат*. *Бездворной* [*Ивашко Бездворной*, москов. солдат (конец XVII века)]. *Гольтепа* [*Ивашко Гольтепа*, якутский казачий десятник (1684 г.)].

7) Профессия. Занятия. Должность: *Бороноволок* [*Дивей Бороноволоков*, капитан в Путивле (1659 г.)]. *Быкодер*. *Волосомоя* [*Гридя Волосомоя*, кр-н (XV век)]. *Гончар*. *Дегтярь*. *Деготь*. *Дьяк* [*Фролка Дьяк*, холоп (1491 г.); Фролка или его отец имел отношение к какому-то дьяку или к делу дьяка]. *Дудолад*. *Жемчужник*. *Жерновник*. *Звездочет*. *Зубоволок* [*Васюк Зубоволок*]. *Ищея* [*Ивашка Ищея*]. *Кожевник*. *Кожемяка*. *Козодав* (лев). *Колокольник*. *Колпачник*. *Коновал*. *Кошкодав*. *Кровопуск*. *Кузнец*. *Масленник*. *Мошенник*, *Мошон* (изготовляющий мошны — кожаные кошели). *Мукосев*. *Мыльник*. *Нишивошник*. *Овчинник*. *Ратай* [*Ратай Муратов сын*, землевлад. (1555 г.)]. *Рогозник*. *Росторгуй*. *Рудомет* (кровопускатель). *Рыболов*, *Рыбник*. *Свинолуп* [*Степанко Свинолуп*, кр-н (1628 г.)]. *Свинопас*. *Серебренник*. *Скоморох*. *Скорняк*. *Трубник*. *Холщевник*. *Черепан* (горшечник). *Шваль* (швец), *Швец*. *Ярыга*.

8) Пришельцы. Место происхождения: *Несвой*, *Ненаш*. *Чужой*, *Чужаня*. *Новожил*. *Приезжей*. *Новоприходец* [*Томилко Новоприходец* (1612 г.)]. *Зарубежанин*, *Зарубежник*. *Иноzем*. *Белевец* [*Лукьян Белевцев*, боярск. сын в Путивле (1639 г.)]. *Казанец*. *Каргополец*. *Курчанин*. *Москвитин*. *Муромец* [*Петрушка Григорьев*, *прозвище Муромец*, кр-н (XVII век)]. *Ржевитин* [*Максимко Ржевитин*, стрелец (1605 г.)]. *Ростовец* [*Тренька Ростовец*, стрелец (1605 г.)]. *Салмозерец* [*Ондронко Салмозерец*, казак (1614 г.)]. *Селенга* [*Ивашко Селенга*, казак в Сибири, с р. Селенги (1681 г.)]. *Серпуховитин* [*Ивашко Серпуховитин*, казак (1605 г.)]. *Черкаско*.

9) Церковные отношения и элементы: *Аминь* [*Федор Шубачеев Аминь*, москов. посол в Орде (1348 г.)]. *Богомаз*. *Богомил*. *Богомол*. *Богуслав*, *Бугухвал* (последние два имени традиционные, весьма давнего происхождения; имена с основой ***бого*** — позднего происхождения). *Владычка* [дьяк *Алексейка*, *нарицательный Владычька* (1377 г.)]. *Высокой глаголь* [*Семен Высокой глаголь*, псковск. иконописец (1554 г.)]. *Грешной*, *Грех*. *Двоекрещен*. *Игумен* [*Игумен Дмитриев сын Кацташов* (1565 г.)]. *Келарь*. *Кадигроб* [торг, человек (1549 г.)]. *Неупокой* [дьяк *Неупокой Кокошкин*]. *Новокрещен*, *Новокщен* (последнее образование из бытового языка — причастие прошедшего времени страдательного залога от *кстить*; *крещен* — от глагола книжно-церковного происхождения *крестить*). *Поп*. *Попко* [*Попко Труфанов*, кр-н (1495 г.)]. *Попадья* [*Василий Попадья*]. *Роздьякон*. *Роспопа* [*Роспопа Данилов*, боярин (1472 г.), *Роспопа Симонов*, кр-н (1541 г.)].

Церковнославянские языковые элементы: *Благой* и русск. *Бологой*; *Преподобов*, *Спаситель*.

10) Насмешливые клички: *Беспортошник*(*ов*) [кр-н (1623 г.)]. *Бздуньин*, *Бздячий* (1498 г.). *Болван*. *Булыга* (дубина, неотесанный человек). *Великие лапти* [*Игнатко Великие лапти*, кр-н (1495 г.)]. *Выродко*. *Высокие щи*. *Выскребенец*. *Вострой обух*. *Говно* (1495 г.). *Гузномаз* [*Ондрюшко Гузномаз*, кр-н (1669 г.)]. *Долгие поньки* (*понька* — понява). *Дурак*, *Дурень*, *Дурыня*. *Дылда* [*Васька Иванов сын*, *прозвище Дылда*, кр-н (1629 г.)]. *Кривой колпак*. *Лубяная сабля*. *Набезденежье*. *Негодяй*. *Олух*, *Олушко*. *Ончутка*. *Пердло* [*Данилко Перъдло*, кр-н (1495 г.)]. *Пердун*. *Поганой поп* [*Федька Васильев*, *прозвище Поганой поп*, кр-н (1669 г.)]. *Самоделка*. *Семихвост*. *Умойся грязью* [*Федор Умойся грязью*, псковитин (1606 г.)].

Сложения: глагольная часть на ***-и*** и имя в именительном падеже: *Варивода* [*Василей Андреев сын Вариводин*, в Костром. у. (1614 г.)]. *Взвернигуба* [*Садко повар Взвернигуба*, холоп, сев.-вост. (1477 г.)]. *Горихвост* [на сев.-вост. (1591, 1700 г.)]. *Дериглаз*. *Обернибес* (*-ов*). *Ожигибес* (*-ов*). *Падинога* [*с Ывашком с Олешковым с Падиногою*, новгор. (1498 г.)]. *Подсекикорова* [сев.-вост. (XVII век.)]. *Прожгибок* [кр-н, новгор. (1498 г.)]. *Пролейбрага* (1550 г.), *Раздуйхвост*. *Трясисолома* [*Геласея Трясисолома*, монах Кир.-Белозер. монастыря (1582 г.)]. *Урвихвост*.

Из украинских фамилий: *Варивода* [винницкий мещанин (1552 г.)]. *Омочихвост* [белоцерков. казак (1654 г.)]. *Перебейнос* [запорож. полковник (1669 г.).] *Положихвост* [кременчуг. мещанин (1563 г.)]. *Убейкобыла* [кременец. мещанин (1563 г.)] и др.

11) Животные: *Баран* [*Боран*, *Баран Филипов*]. *Барсук* [*Борсук*]. *Бобр*. *Боров*. *Бык*. *Векша*. *Вол*. *Волк* [*Волк Курицын* (1492 г.)]. *Волчий зуб* [кр-н (1650 г.)]. *Волчий Хвост* [воевода Владимира (984 г.)]. *Горностай* (бояр. кр-н). *Жеребило*. *Зай*, *Заяц*, *Зайка* [*Заяц Захарьин*]. *Кобель*. *Кобыла*, *Кобылица*. *Коза*, *Козел* [*Минька да Козел Денисовы дети* (1555 г.)]. *Конь*, *Коняк*. *Корова*, *Рыжая корова*. *Кот*, *Котенок*, *Кошка*. *Куна*, ***-нка***, *Куница*. *Лиса*, *Лиско*, *Лисица*. *Лось*. *Медведь*, *Медведка*. *Овца* [*Овца Владимиров*]. *Пес*, *Песик*, *Песко*. *Подтелок*. *Свинья* [*Лучко Свинья*, кр-н (1495 г.)]. *Собака* [*Исак Собака*, архимандрит Кир.-Белозер. монастыря; *Собака Скобельцын*, помещ. (1550 г.)]. *Соболь*. *Сука*. *Телица*. *Хомяк*. *Щеня*, *Щенко*.

12) Птицы: *Беркут* [*Беркут Блудов*]. *Воробей* [*Ефимко Воробей*, кр-н (1495 г.); *Воробей Ортемов*, кр-н (1539 г.)]. *Ворона* [*Ивашко Ворона*, кр-н (1495 г.); *старец Ворона* (XVI век)]. *Гагара*. *Галица*, *Галка*, *Галченок*. *Голубь*, *Голубчик*. *Грач*, *Грачко*, *Граченок*. *Гусь*, *Гусенок*. *Дрозд*. *Дятел*. *Жаворонок*. *Журавль*, *Журав*. *Зуй*. *Кобец*. *Кречет*. *Кулик*. *Кур*, *Курец*, *Курица*, *Курочка*. *Куропат*. *Курятина*. *Лебедь*. *Наседка*. *Орел*, *Орлик*. *Потка* [*Левоник Потка*, кр-н (1495 г.)]. *Ремез*. *Сарыч* [*Сарыч Шестаков*, в Перми (1598 г.)]. *Селезень* [*Селезень Васюков*, кр-н (1531 г.)]. *Синица*. *Снегирь*. *Сова*. *Сокол*. *Соловей*. *Сорока*. *Сыч* [*Сыч Омельянов*, кр-н (1539 г.)]. *Тетеря*. *Тетера*. *Утенок*. *Цапля*. *Чапыра* (цапля). *Ястреб*.

13) Насекомые. Пресмыкающиеся: *Блоха*. *Гадинка*. *Гнида*. *Жук*. *Змейка*. *Комар*, ***-ко***. *Муравей*, *Мураш*. *Муха*. *Паук* [*Паук Петров сын Заболоцкой*, москов. пристав (1555 г.)].

14) Рыбы: *Ерш*. *Лещ*. *Окунь*. *Линев* [помещ. (1495 г.)]. *Осетр*. *Рыба* [*Ивашко Рыба*, *Аверкиев*]. *Сом*. *Судак*. *Щука*.

15) Растения: *Арбуз*. *Береза*. *Вереско*. *Горох*. *Дуб*, *Дубяга*. *Дуброва*. *Калина*. *Капуста*. *Качан*. *Кочень*. *Колос*. *Корень*, *Коренко*. *Караган* [*Микитка Иванов Караган*, астрахан. стрелец (1614 г.); степное растение *Caragon frutex* — Киргизия, Казахстан]. *Огурец* [*пономарь*, *Огуцом зовут* (1591 г.)]. *Орех*. *Проскуряк*. *Рагоза* [*Ивашко Рогоза*; *Рагоза Булгаков*]. *Репа*, *Репня*, *Репех*, *Репуй*[16]. *Рокита*. *Стрюк*, *Хрен*, *Чеснок*. *Ячмень*.

16) Пища: *Бардук* (саламата или кисель из муки). *Блин*. *Борщ* [*Борщ Кондратьев сын Клементьева* (XVI век)]. *Говядина*. *Гуща*.

[16] Личные имена от этого корня были и у других славян: *Репная*, в Македонии XIII—XIV веков, *Репош* — один из сыновей в албанской семье Ивана Кастриота (XV век), *Репех* — в Вост. Сибири (в XIV—XV веках), *Репица* — жена Пяста, в старое время у поляков.

Каша. *Коврига*. *Кокура*. *Колоб*. *Коровой*. *Кроха*. *Лепеха*. *Оладья*. *Опара*. *Пирог*. *Простокиша*. *Сахар* [*Сахар Меньшево*, бояр. сын (1612 г.); *Ивашко Сахар*, кр-н (1495 г.)]. «На имя *Сусло*» (1643 г.). *Тюря*. *Горячие щи*.

17) Имена и прозвища по разным предметам: *Алмаз* [*Алмаз Иванов*, москов. дьяк (1646 г.)]. *Атлас*. *Базар*. *Балакирь*. *Бардак* [стакан, кувшин; *Бардак Попов*, костромск. кр-н (XV век)]. *Бархат* [*Бархат Олферьев сын Плещеев*, дворян. (1566 г.)]. *Башмак*. *Болото*. *Борозда*. *Веревка*. *Верига*. *Ветошка*. *Волынка*. *Вотря* (мякина). *Голица* (рукавица без варежки). *Гвоздь*. *Голенище*. *Горшок*. *Гроб*. «На имя *Грош*» (1522 г.). *Дерьмо*. *Дорога*. *Доска*. *Иголка*. *Кабак* [*Пахомко Кабак*, кр-н (1495 г.)]. *Калита*. *Калуга* (*Колуга*). *Камень*. *Кнут*. *Кожух*. *Корман* (*Карман*). *Кошель*. *Лапоть*. *Лопата*. *Лужа*. *Мешок*. *Морохотье* (лохмотья). *Мотовило*. *Мочала*. *Мутовка*. *Мязря*. *Огарок*. *Онуча*. *Ощепок*. *Палка*. *Пика*. *Плетень*. *Полено*. *Путило*, *Путьша* (XI век), *Путята*. *Реут* (большой колокол). *Роспута*. *Ступа*. *Чулок*. *Топорище*. *Тулуп*. *Шабала* (рвань, ветошь). *Шило*. *Шуба*.

18) Татарские имена: *Алай* [*Алай Михалков*, писец (1608 г.)]. *Ахмат* [*Ахмат Михайлов сын Козлов*, бояр. сын (1558 г.)]. *Балабан*, *Болобан*. *Казыл* [*Треня Казыл*, кр-н Сольвычегод. (1629 г.)]. *Касим* [*Яким Касим* в Ростов. у. (1657 г.)]. *Кизилбай* Самойлов сын Маринин [Ростово, дворян. (1676 г.)]. *Кипчак* [*Ивашко Кипчак*, кр-н Новгор. обл. (1495 г.)]. *Мамай*. *Мансур*. *Мурат* [*Мурат Онисимов Коротков* (XVII в.)]. *Ромозан* [*Булгак Григорьевич Ромозан*, москвич (1525 г.)]. *Станко Саадак*. *Урус Коренев* (1609 г.). *Шеремет* [*Шеремет Ондреев сын Вяткина*, бояр. сын (1565 г.)][17].

19) Имя народа: *Варяжко*. *Гречанин*. *Казарин*. *Мещерин*. *Мурин* (арап). *Немчин*. *Русин* да *Мещерин* Федоровы дети *Черемисиновы* [послухи (XV век)]. *Казарин* Перфирьев сын *Руской* (1612 г.). *Татаринко*. *Халдей*. *Черемисин* Караулов [рыболов (1461 г.)]. *Фрязин* [*Иван Фрязин*, бояр. сын (1481 г.); *Фрязин Яковль*, кр-н (1541 г.)].

Обозревая личные имена и прозвища, наблюдаем, что наибольшая часть их относится к внешнему виду, к свойствам человека. При этом прозвище чаще всего дается по физическим недостаткам и по отрицательным свойствам. В старое время не стеснялись в отношении прозвищ никакими значениями слов. Применялись и obscoena. Так было повсюду. В Далмации, например, члены одной семьи в

[17] В рукописи после каждого имени, перечисляемого в этой группе, стоит сокращенное слово «Тат» и пропущено свободное место: автор имел в виду привести соответствующие татарские слова. — *Примеч. сост*.

XI веке носили прозвище *Cacaunti* (лат. *caco*; *unti* — множественное число от *unctus* — натертый, обмазанный маслом)[18]. Внимание было устремлено на отрицательные явления объективного и субъективного значения по отношению к человеку. Кличка ему давалась чаще всего по этим явлениям. Об отношении называемого лица к даваемому имени не возникало вопроса: называемое лицо получало кличку как нормальный словесный знак своего времени.

Имена personalia (не прозвища) отрицательного значения могли быть такого происхождения.

1) По физическому недостатку новорожденного.

2) Применялось слово не по этимологическому его значению, а потому, что оно часто служило в качестве персонального имени. Оно не ассоциировалось со словами обыденной речи, и отрицательное значение его в применении в качестве личного имени не воспринималось: так зовут людей. Таково, по-видимому, было применение имен *Бестуж* (первоначально «бесстыдный»), *Беспута*, *Роспута*, *Путята*, *Блуд*, *Воропай*, *Замешай*, *Ляпун*, *Молчан*, *Невежа*, *Невзор*, *Невера*, *Нелюб*, *Смиряй*, *Тать*, *Томило*, *Истома*, *Ярило-Ярун* и др. Не все, носившие имя *Беляй*, были белыми, а *Черняи* или *Черныши* — черными.

Отрыв от семантики обыденной речи бывал и в словах топонимических; некоторые из них не переживают тех изменений, которым подвергаются слова обыденной речи, как отмечено было в предшествующей главе (о топонимии).

3) Иногда родители давали новорожденному имя с отрицательным значением в корне ради цели профилактической — чтобы предохранить ребенка от действия злых сил, уроков, недоброго глаза. Этот мотив при выборе имени для новорожденного действовал и у других народов. Такого происхождения могли быть личные имена, например, у сербов: *Гнуса*, *Грдня* (гадость), *Мркша* (сумрачный), *Злоба*, *Завид*; у качинцев: *Арк* (помет), *Кётен* (половые органы), *Ябал-ол* (худой мальчик). Эти имена должны предохранить от зависти посторонних лиц, устрашить злые силы, отогнать их: ребенок зол, паршив, гадок, грязен, невзрачен и т. п.

Верой в магическую силу слова, представлением, что имя может воздействовать на природу человека, вызваны у разных народов и такие имена, которые должны сообщить новорожденному желатель-

[18] Другие примеры см. в статье П. С к о к а. З е л е н и н Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии, т. IX. С. 128.

ное свойство: здоровье, силу. Так, распространенными именами в этих случаях служат имена волка, медведя: русск. *Волк*, серб. *Вук*, румын. *Lupul* (волк), *Ursul* (медведь). Этот мотив действовал в выборе имени для *Вука Стефановича Караджича*, как реформатор сербской письменности сам сообщал об этом. У его родителей все дети умирали. Когда родился он, то ему дали имя «волк» (*Вук*), желая сохранить его в живых: волка вещица не может съесть. У других народов применяются собачьи имена[19]. Имя *Собака* служило не только прозвищем, но и именем также у русских: *Собака Скобельцын* [помещ. (1500 г.)].

Такого же значения имя *Жив*: *Живко* (русск., серб.), турецк. *Турсун* (пусть он уцелеет), туркм. *Дурды* (остался) и др.

О таком значении имен свидетельствует смена их. Иногда обнаруживалось, что ребенку дано неладное имя: ребенок болеет, плачет. Поэтому прибегают к перемене данного имени: нарекают иное, которое должно принести здоровье и счастье человеку. Так у вотяков, калмыков, гольдов и др.[20] Русские имена *Найден*, *Продан*, *Краден*, *Куплен*, *Ненаш* в своем происхождении связаны были, по-видимому, как и у других народов, с магическим обрядом мнимой находки, продажи, кражи, купли ребенка. Если дети не выживают в семье, то для защиты новорожденного от злой силы, истребляющей детей, происходит обряд подмены новорожденного. Новорожденного выносят из избы вместе с сором. Посторонний человек, принявший ребенка, как бы уже совсем другого, приносит его в избу. У чувашей в этом случае ребенок получает имя *Sjüppi* (сор). То же бывает и у удмуртов. Поднявший ребенка с кучи сора и внесший его в избу поздравляет родителей с новорожденным. Может быть, такого происхождения было вначале и русское имя *Найден* (а также серб., болгар.). Чтобы показать злой силе, что в доме нет уже прежнего ребенка, а есть новый, производится мнимая купля или продажа ребенка. «Купленый» или «проданный» ребенок получает имя *Продан* (русск., укр., серб.). Возможно полагать, что такого значения были когда-то и имена *Ненаш*, *Прибыток*. Может быть, с тою же целью некогда давались имена птиц, так как птицы считались оберегами от болезней.

Характерной чертой в образовании личных имен феодального времени является разнообразие словообразовательных средств — суффиксов, сообщавших именам ласкательное, уменьшительное и

[19] Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 127.
[20] Там же. С. 125—126.

уничижительное значение. Одно и то же имя употреблялось с разными суффиксами без особой дифференциации в значении. Например: *Первуша*, *Первуня*; *Шумиха*, *Шумляй*, *Шуман*; *Ярец*, *Ярило*, *Яруй*, *Ярун* и др. На разнообразии суффиксов одинакового значения отражалось затемнение значения некоторых из них, утрачивавших свою эмоциональную значимость, а затем изолированность областей феодального времени: в разных местностях для имен лиц употреблялись в некоторых именах неодинаковые суффиксы. Так, в Новгородской обл. часто применялся для мужских имен суффикс ***-хно***: *Бохно*, *Вахно*, *Грихно*, *Ивахно*, *Олехно* и др.[21] В местностях Среднего Поволжья продуктивен был суффикс ***-'ага*** (***-ага***): *Васяга*, *Пашага*… К югу от Москвы ему соответствовал суффикс ***-'ака*** (***-ака***): *Вас'ака*, *Мишака.*

В своем о б р а з о в а н и и личные имена представляли с глубокой древности две группы: 1) имена сложные и 2) имена одноосновные.

Сложные имена лиц относятся к разным временам. Одни из них были весьма древнего происхождения. Это имена со второй частью *-бог*, *-бор*, *-волод*, *-гнѣв*, *-гость*; *-жир*, *-мер* или *-мир*, *-мил*, *-мысл*, *-ѣг*, *-полк* (*-пълк*), *-свѣт*, *-слав* (жен. *слава*). В первую же часть входила основа глагольная, именная и местоименная. Глагольной основой чаще других была основа на ***-i***: *брячи-* [*Брячислав* (1903 г.)], *вороти-* [*Воротислав* (985 г.)], *гори-* [*Горислав* (IX век, 1229 г.)], *городи-* [*Городислав* (XII век)], *дьржи-* [*Держикрай* (1223 г.)], *звьни-* [*Звинислава* (1142 г.)], *моли-* [*Молибог* (1228 г.)], *мьсти-* [*Мьстибог* (1202 г.), Мьстислав], *мути-* (с носовым ***о***) [*Мутижир*, в названии села в Киевской обл. 1160—1162 гг. *Мутижир*], *роди-* [*Родислав* (1164 г.)], *рати-* [*Ратибор* (1079, 1269 г.), *Ратислав* (1256 г.)], *рости-* (*Ростислав*), *суди-* (с носовым ***о***) [*Судимир* (1147 г.), *Судислав* (1155 г.)], *твьрди-* [*Твердислав* (1208 г.)], *твори-* [*Твоример*, *Творимир* (1043 г.)], *толи-* [*толити — утолити*, *Толигнѣв* (1281—1282 гг.)].

Под воздействием таких слов появились основы с ***i*** — вместо других тематических гласных: *Станимир* (1217 г.), *Станислав* (1136 г.), *Будимир*, *Жидимир* (1314 г.), *Жидислав* (1317 г.) (*жидати*, настоящее время *жьде-ши*), *Желислав* (1262 г.) (*желѣ-ти*), *Володимер*, *Володимир*, *Володислав* (*володѣ-ти*). С тематическим ***-i*** также в именных и местоименных основах: *Воислав* (1169 г.), *Воибор* (1162 г.), *Воигость* (1105 г.) (ср. «воевода»), *Моислав* (1194, 1347 г.).

[21] См. примеры в статье Н. М. П е т р о в с к о г о «О новгородских словенах» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXV, с. 386—387).

Другие глагольные основы: ***бы-*** (*бы-ти*): *Събыславъ*, *Събыслава* (1102 г.); ***я-*** (*я-ти* — брать): *Изяслав* (*из-я-слав*), *Переяслав* (*пере-я-слав*). На значение основы указывает летописное толкование: «6501 (993). Печенѣзи придоша по онои странѣ от Сулы; Володимер же поиде противу им, и сърѣте я на Трубеши, на бродѣ, къде нынѣ Переяславль… И выпустиша печенѣзи мужь свои, и бѣ превелик зѣло и страшьн. И выступи мужь Володимерь (отрок), и узьрѣ и печенѣжин и посмъяся, бѣ бо средьнии тѣлъмь… И ястася (и схватились) и почаста (и начали) ся крѣпъко дьржати, и удави печенѣжина в руку до съмьрти и удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и русь погънаша по них… Володимер же, рад быв, заложи город на бродѣ томь, и нарече и Переяславль, зане перея славу отрокъ тъ» (Повесть временных лет). Толкование обнаруживает, что личное имя *Переяслав*, от которого образовано было название города (*Переяслав — **jь** — Переяславль*) во время летописца, в начале XII века, было неизвестно составителю Повести.

Как показывают имена с глагольной основой ***бы-***, ***я-***, все глагольные основы в этих именах первоначально имели значение только как часть сложного имени. Основа на ***-i*** (*мьсти-*, *суди-*) приобрела значение, тождественное с созвучной формой 2 лица единственного числа повелительного наклонения позднее, но уже в доисторическое время. Под влиянием такого понимания основы на ***-i*** в сложных именах появилось имя *Дажьбог* — русск.; *Dadzbóg* — польск., где русск. *дажь*, польск. *dadz* представляют форму повелительного наклонения. Образования сложных имен для названия или прозвища лиц или для названия местного пункта с повелительным наклонением в первой части приобрели затем в славянских языках широкое применение. Примеры русские и украинские указаны были выше. Сравните серб.: *Газивода*, *Курикучя*, *Ломигора*, *Млатишума* (*шума* — лес), *Мутибара* (*бара* — болото), *Мутивода*, *Пушибрк* (*пушити* — курить, *брк* — ус), Пецирeп (*пеци* — пеки, *реп* — хвост), *Пожрикобила*, *Прдикобила*, *Чешибаба* и др.

В первую часть сложных имен входило также существительное, прилагательное, местоимение, с тематическим гласным ***-о***, ***-е***, наречие. Такое образование было продуктивным не только в эпоху доисторическую и феодальную, но и в позднейшее время. К давним образованиям относятся, например, такие:

1) С существительным в первой основе: *Верхослава* (1137 г.), *Витомир* (1202 г.), *Витослав* [в названии села в Новгородской обл. (XI век) *Витославичи*; *вит* — господин, имеющий власть], *Гостомысл*, *Дедослав* [в названии города вятичей *Дедославль*, (1146 г.)], *Жиро-*

слав (1078 г.), *Житомир* (в названии города *Житомир*), *Мирослав* (1134 г.), *Пирогость* (в прилагательном — названии части Киева *Пирогощь*), *Сновид* (1097 г.), *Тупочел*.

2) С прилагательными: *Беловод* (1185 г.), *Болеслав* (1167 г.), *Вышеслав* (980 г.), *Вячеслав* (1127, 1268 г.), *Добеслав* (1228 г.) (*добь*, *добль*, *добии* — лучший, славный), *Доброгость* (1204 г.), *Доброслав* (1294 г.), *Домослав* (1266 г.), *Дорогомил* (1268 г.), *Милонег* (1177 г.), *Новосил* [в названии города *Новосиль* (1155 г.)], *Остромир* (1057 г.), *Пакослав* (1211 г.) (корень *пак*, сравнительная степень *паче* — больше, скорей), *Радогость* [в названии города в Черниговской обл. *Радогощь* (1155 г.)], *Радослав* (1164 г.), *Радонег* (в названии местности в Московской обл. *Радонежь*, село *Радонежское*), *Святослав*, *Святополк*, *Серослав* (1157 г.), *Тихомир*, *Ярополк*, *Ярослав*.

3) С местоимением: *Вседобр* [в названии села в Московской обл. *Вседобричь* (1328 г.)], *Всеслав* (1187 г.).

Изредка употреблялась первая основа в виде падежной формы. Так, в разных славянских языках были представлены имена: *Богуслав*, *Богухвал*, в том числе и у восточных. Ср. польск. *Boguslaw*, *Boguchwal*, *Bogumil*, серб. *Богужив* и др.

Первая часть могла быть представлена с результатом редукции, с утратой конечного гласного. Например: *Богдан*, *Вятслав*, *Даньслав* (1117 г.), *Данслав* (1378 г.), *Людгость* (в названии улицы в Новгороде *Людгощичи*), *Ратьмир* (1128, 1240 гг. [и в названии урочища в Переяславской обл. *Ратьмиря Дуброва* (1127 г.)], *Радьслав* (1164 г.), *Радслав* (1331 г.), *Роговолод* (980, 1127 гг.).

4) С наречием — род. п. имени: *Домагость* [в названии города в области вятичей *Домагощь* (1147 г.)], *Домажир*, *Домамер* (1233 г.), *Доманег* (1176 г.).

В состав личного имени или прозвища мог входить предлог или отрицание ***не***: *Завид* (1122 г.), *Перевит* [в названии пункта в Рязанской обл. *Перевитеск*], *Перемил* [в названии города в Волынской обл. *Перемиль* (1195 г.)], *Перемысл* [в названии города *Перемышль* в Галицкой обл. (981, 1097 гг.); в Московской обл. (1328 г.)], *Перенег* (1016, 1218 гг.), *Пересвет* (1380 г.), *Переслав* (1162 г.), *Передслава* (945 г.), *Нерадьць* (1086 г.). С отрицанием ***не*** в особенности многочисленны имена более позднего времени.

Такие же образования, те же языковые элементы представляют личные имена и у других славянских народов. Некоторым из этих образований имеются близкие соответствия и в языках неславянских.

Принцип образования сложных имен получил широкое применение в более позднее время, главным образом в отношении прозвищ.

Под влиянием давних образований с глагольной основой на ***-i*** (*Мстислав*, *Держикрай*…), в которых первая часть стала восприниматься как форма повелительного наклонения, появились многочисленные прозвища, образованные из повелительного наклонения и имени (в именительном падеже, а позднее в винительном): *Варивода*, *Взвернигуба*, *Горихвост* и др.

Еще чаще применялось образование прозвища с гласным ***о*** в первой части: *Белогруд*, *Белозер*, *Белоног*, *Белоус*, *Вертоголов*, *Водорез*, *Гузномаз*, *Густомес*, *Домолега*, *Дубонос*, *Кислоквас*, *Кляпонос*, *Кривоног*, *Криворот*, *Кривошея*, *Кривощок*, *Мокроус*, *Моргослепой*, *Самоделка*, *Стремоус*, *Сухонос*, *Толстопят*, *Толстоух*, *Худоног*, *Черногуб*, *Черногус*, *Широконос* и др. (XV—XVII века).

Сложные имена давнего происхождения (*Святослав*, *Ратибор*…) уже в X—XII веках не имели широкого распространения у восточных славян. Чаще всего некоторые из них применялись в княжеской среде (см. выше). После XIV века такие имена применяются редко. Некоторые из них совсем вышли из употребления: *Святослав*, *Рогволод*, *Изяслав* и др. По-видимому, уже в начале XII века не было личного имени *Переяслав*.

У сербов, в противоположность другим славянским народам, сложные имена были более устойчивы: общественно-бытовые пережитки задружно-родовой организации укрепляли в числе общественных архаизмов и некоторые архаизмы языковые, и прежде всего формы названия лиц.

Уже с давнего времени в более широком применении были сокращения сложных имен. Сокращению подвергалась чаще всего вторая часть имени. Результаты сокращения были представлены в таком виде: 1) От второй части оставался только начальный согласный — *Бори-с* вместо *Борислав*. О связи того и другого имени свидетельствует такая передача этого имени. В Ипатьевском списке летописи под 1152 г. говорится: «Изяслав посла Петра *Борисовича*», а несколько ниже то же лицо названо по отчеству *Бориславичем*: «Изяслав посла Петра *Бориславича*».

Твори-м вместо *Творимир*, *Ради-м* вместо *Радимир*, *Вади-м* вместо *Вадимир* или *Вадимысл*, *Хвали-м* вместо *Хвалимир*, *Пути-в* (в названии города *Путивль*) вместо *Путивой* и др. Чаще употребляется только первая часть сложного имени, обычно в сочетании с суффиксом. Суффиксы имеют уменьшительное или ласкательное значение: *Борко* (1287 г.), *Борыня* (1175 г.), *Борюта* (1536 г.), *Боря* (соврем.) вместо *Борислав*, *Вышата* (1043 г.), *Вышка* (1162 г.) вместо *Вышеслав*, *Добрята* [в названии села в Смоленской обл. *Добрятино*

(1150 г.)], *Добрило* (1164 г.), *Добрыня*, *Добрыш*, *Добрянко* (1004 г.) вместо *Доброгость* или *Доброслав*, *Домаша* (1176 г.), *Домаш* (1229 г.), *Домата* вместо *Домажир*, *Домамир*, *Доманег*, *Домослав*, *Дед*, *Дедило*, *Дедилец* (1177 г.) вместо *Дедогость*, *Дедослав*, *Жид*, *Жидко*, *Жидяга* (1036 г.), *Жидило*, *Жихно* вместо *Жидимир*, *Жидислав*, *Жирох* (1257 г.), *Жирошка* (1197 г.), *Жирата* (1137 г.) вместо *Жиромир*, *Люб* (1204 г.), *Любко* (1341 г.), *Любан* (1613 г.), *Любен*, *Любим* вместо *Любомир*, *Любомысл*, *Путьша* (1015 г.), *Путята* (1097 г.), *Путило* (1217 г.) вместо *Путивой* или *Путислав* (сравните у поляков *Pecislaw*), *Радко* (1087 г.), *Радята* (1268 г.), *Радьша* (1263 г.), *Нерадьць* (1087 г.), *Радило* (1147 г.) вместо *Радогость*, *Радомысл*, *Радонег*, *Радослав*, *Ратьша* (1146 г.), *Ратишко — Ратешка* (1255 г.), *Ратько* вместо *Ратибор*, *Рати*(ь)*мир*, *Род* (1170 г.), *Родка* (1183 г.), *Родило* (1169 г.), *Родята*, *Родун*, *Родуниско* (1385 г.), *Святко*, *Святоша* (1097 г.), *Святохна* (1224 г.) вместо *Святослав*, *Святополк*, *Твердко*, *Твердило* (1263 г.), *Твердята* (1144 г.) вместо *Твердислав*, *Ярун* (1170, 1246 гг.), *Ярон* (1213 г.), *Ярей* (1410 г.), *Ярошь* (1616 г.), *Ярыш* (1224 г.) вместо *Ярослав*, *Ярополк*.

В значении персонального имени с давнего времени у славян и у других народов могла употребляться форма причастия прошедшего времени страдательного залога. В применении к названию лиц эти формы утратили значение причастия, а представляли только одну из форм личного имени *Ждан*, *Желан*, *Молчан*, *Стоян*, *Несмеян*, *Горен*, *Хотен*, *Жаден* (*жадѣти*), *Найден*. В раннее время такие формы образовывались только при именах сложных. *Желислав — Желан*, *Горислав — Горен*, *Хотьмысл — Хотен* и др. Позднее такие формы образовывались только при именах сложных. *Желислав — Желан*, *Горислав — Горен*, *Хотьмысл — Хотен* и др. Позднéе такие формы производились и для других имен: *Ждан* (*ждати*), *Молчан* (*молчати*) и др.

Для прозвищ служили имена нарицательные, существительные и прилагательные, сочетания слов, образование превосходной степени. В качестве примера последней формы отметим одно из прозвищ XVII века *Самочерной* (1505 г., XVII век, сев.-вост.).

Кроме нарицательных имен, из обиходного языка для прозвищ и для личных имен служили формы, образованные посредством определенных суффиксов. Как отмечено выше, в качестве характерного явления для феодального времени эти суффиксы были весьма разнообразны. Сделаем обозрение их.

-а: *Беспута* [*Беспута Сабуров*]. *Домолега*. *Загреба*. *Ляпа* [*Ляпун*]. *Мяка* [*Мягкой*]. *Невера*. *Недомолва*. *Недосека*. *Незаснепа*. *Немира*

[*Немир*]. *Неусыпа*. *Неуча Молчанов* (1633 г.). *Осмыга*. *Охлеста*, *Охлюста*. *Перепеча*. *Роспута* да *Беспута* [кр-не (1560 г.)]. *Ряба*. *Скугора*. *Стрига* [*Стрига Онтонов сын*].

-'а (***-я***): *Коверя*. *Коня* [*Конь*, *Коняй*]. *Миля* [М*илой*]. *Опаля*. *Петеля*. *Селя* [*Селянин*]. *Ширя* [*Ширяй*]. *Щеня*.

-й: 1) От глагольных основ: а) *Докучай*, ***-айко***. *Гуляй*, ***-яйко***. *Замарай*, ***-айко***. *Захворай*. *Колупай* [*Колупай Михайлов сын Приклонской* (1528 г.)]. *Незнай*. *Неломай* [*Неломай Остафьев сын Олферьева Дурново* (1565 г.)]. *Несвитай*. *Нецветай*. *Нечай*. *Опекай*. *Погадай*. *Покатай*. *Полетай*. *Помогай*. *Порывай*. *Путай*, ***-айко***. *Растегай*. *Сугоняй*. *Таскай*.

б) *Неумой*. *Неустрой*, *Строй*.

в) *Непролей*. *Поспей* [*Поспей Углечении* (1566 г.)].

г) *Балуй*, *Расторгуй*.

2) От прочих основ: *Воропай* (*ворop* — грабеж, набег). *Домой* [*Домец*, *Домаха*].

-'ай (***-яй***), ***-'ай-ко***, ***-ей***, ***-ей-ко***, ***-ей-ка***. Здесь суффикс был тоже ***-й*** при глагольной основе на ***-'а*** и ***-е*** (***ѣ***). От таких форм отвлечен был позднее суффикс ***-'ай***, ***-ей*** и стал входить в образование формы с другой основой.

С глагольной основой: *Наделяйко*. *Смышляй*. *Глядей* (*Гляд*). *Шумейка*.

С прочими основами: *Беляй* (*Белой*). *Коняй* (*Коня*, *Конь*). *Миляй*. *Смиряй* (*Смирной*). *Черняй*, *Ширяй* (*Широкой*, *Ширя*). *Шумляй* (*Шумливой*, *Шумило*, *Шум*). *Малей* (*Малой*, *Малец*). *Надей* (*Надежа*). *Поздней* (*Поздняк*).

-ан, ***-ован***, ***-'ана***: *Брюхан* (*Брюхо*). *Воропан* [*ворop*: «едини (из половцев) сташа у града, ратию борюще, а друзии поидоша Кыеву и пустиша на *ворop* межю Киев и Вышегород» (Пов. врем. лет, 1093 г.)]. *Высочан* (*Высочко*, *Высокой*). *Губан* (*Губа*, *Губарь*, *Губастой*). *Глухан* (*Глухой*). *Друган* (*Друг*). *Лобан* (*Лоб*). *Носан*. *Плехан*. *Пузан* (*Пузо*). *Ратман* (*Ратимир*). *Русан*, *Русой*, *Русанец*. *Сухан* (*Сухой*). *Черепан* (*Гридя Череп*). *Шостан* (*Шостой*, *Шостак*). *Шуман* (*Шумило*, *Шум*). *Милован* (*Милой*, *Миляй*). *Рыкован* (*Рыкун*). *Беляна*.

Как видно, значение этого суффикса (***-ан***) — указать на обладание чем-либо выдающимся: имеющий большое брюхо, большой нос, глухоту, белый цвет, склонный к дружбе. В немногих случаях ***-ан*** не представляет ясно выраженного значения: *Шостан — Шостак*, *Ратман — Ратмир*.

-ман: *Батман* (1504 г.) (*Батура*, *Батута*, *Батус*). *Рахман*, *Рахманин*. Прилагательное *рахманной* или *рохманной*: на юге — вялый,

хилый, на северо-востоке — веселый, щеголь. Ср. также *рахля* или *рохля* — разиня, вялый человек. В качестве имени употреблялся корень и без суффикса ***-ман***: *Рах* [сын боярский во Владимиро-Волынской обл. (1281 г.)], *Рох* — на западе (1529 г.). Суффиксом мог быть гласный ***-ь***, ***-ь-ко***: *Рашко* — украин. (1596 г.). *Рошко* — на западе (1651 г.). Ср. серб. имя *Рашман* и другие имена на ***-ман***: *Душман*, *Шишман*, *Видман*…[22]

-н'а (***-ня***): *Головня* (*Голова*). *Гугня* (*Гугнивой*). *Домашня* (*Домашней*). *Павел да Замятня Нечаевы дети Варнавина* (1566 г.). *Охотня* (*Охота*). *Пучня* (*Пучко*, *Пучок*). *Репня* (*Репа*, *Репех*). *Слабня*. *Челядня*. *Четвертня* (*Четвертой*, *Четвертка*, *Четвертуня*).

-ан', -он'а', -ин'а, -ун'а, -ын'а: *Вашаня*. *Губаня* (*Губа*, *Губарь*, *Губастой*). *Останя* (*Остан*, *Осташ*). *Ушаня* (*Ушак*, *Ушатой*). *Чеканя* (*Чехоня*). *Чужаня* (*Чужой*).

Жидченя (*Жидко*, *Жид* вместо *Жидимир*). *Новоженя*. *Огложеня*. *Козел*. *Петреня*. *Раченя* [*Рак*, *Михайло Рак*, бояр. (1481 г.)]. *Треня* (*Третьяк*).

Долгиня (*Долгой*). *Пестриня* (*Пестрой*). *Плоскиня* [*Ивашка Плоской* (1500 г.)].

Первуня (*Первой*, *Первуша*). *Пятуня* (*Пятой*, *Пятушка*). *Торшуня* (*Торх*). *Четвертуня* (*Четвертой*). *Шебуня* (*Шибай*, *Шибан*). *Шестуня* (*Шестой*, *Шестак*).

Чистюня (*Чистой*). *Гордыня* (*Гордой*). *Добрыня* (*Доброй*). *Дурыня* (*Дурень*, *Дурной*, *Дурак*). *Космыня*. *Попыня* (*Поп*, *Попко*, *Попок*).

-ен': *Гулень* (*Гуляй*). *Дурень*. *Кислены* (*Кислой*).

-та: *Немта* (*Немой*).

-ава: *Чернава* (*Черной*).

-ат: *Чернат* (*Черной*).

-ар', -ор', -ор: *Лихарь* (*Лихач*, *Лихой*). *Жихарь*, *Жихорь*, *Жихор* (*Жиха*).

-ка (***-ко***): *Бессонка* (*Бессон*). *Брилка* (*Брила*). *Валуйка* (*Валуй*). *Всячинка*. *Вторка* (*Второй*). *Вятка* (*Вят*). *Гнуска* (*Гнуса*). *Горячка — Горяшка* (*Горячей*). *Девятка* (*Девятой*). *Дутка* (*Дутой*). *Злобка* (*Злоба*). *Козка* (*Коза*). *Кунка* (*Куна*, *Куница*). *Мокрушка*. *Невежка* (*Невежа*). *Несговорка*. *Носка* (*Нос*, *Носан*). *Ныркa* (*Ныра*). *Плешка* (*Плехан*). *Плошка* (*Плохой*). *Потешка* (*Потеха*). *Пятка* (*Пятой*). *Серка* (*Сера*). *Сулятка*. *Хорошка* (*Хорошей*). *Шейка* (*Шея*) и др.

[22] Нет основания производить имя *Рахман* от восточных браминов, врахманов, как полагал А. И. Соболевский («Сборник русского языка и словесности Академии наук», т. 88, с. 245).

-ко (***-ка***): *Беляйко*, *Белянко*. *Беско* (*Бес*, *Бесомыка*). *Бестужко*. *Бесчастко*. *Брюшко* (*Брюхо*, *Брюхан*). *Выродко*. *Гладко* (*Гладкой*). *Горяинко* (*Горяин*). *Дулебко*. *Жадко*. *Животко*. *Жуйко*. *Жучко* (*Жук*). *Завьялко*. *Зубко*. *Кинжалко*. *Комарко*. *Коняшко*. *Котко*. *Лиско* (*Лиса*). *Лихачко*. *Медведко*. *Меньшичко* (*Меньшой*). *Негодяйко*. *Незамайко*. *Немко* (*Немой*). *Непогодко*. *Нехорошко*. *Нечайко* (*Нечай*). *Новинко* (*Новик*). *Носко*. *Песко* (*Пес*). *Пешко* (*Пешей*). *Плешко*. *Посничко*. *Полошко* (*Полох*). *Пьянко*. *Пятко*. *Ростегайко*. *Серко* (*Сера*). *Сивко*, *Смирко* (*Смирной*). *Смолко* (*Смола*). *Суворко*. *Тучко* (*Туча*). *Ушачко*. *Хорошко*. *Шестачко* (*Шестак*, *Шестой* …).

-ак, -’ак, -ачко (***-ашко***), ***-’ака***: *Беляк* (*Беляй*). *Голяк* (*Голой*). *Душак* (*Душан*, *Душа*). *Коняк*, *Коняшко* (*Конь*, *Коня*). *Лысак* (*Лысой*). *Меньшак* (*Меньшой*, ***-ик***). *Миляка*. *Новак*. *Паршак* (*Парша*). *Плешак* (*Плешивой*, *Плешко*). *Поздяк*, *Позняк*, *Познячко* (*Поздей*, *Позной*). *Пошляк*. *Росляк*. *Рудак Стефанов* (*Руда*, *Рудко*). *Смиряка*. *Третьяк*, *Третьячко* (*Третей*). *Худяк* (*Худой*). *Шостак*, *Шостачко* (*Шестой*). *Щербак* (*Щербатой*, *Щерб*).

-ок, -енок: *Бесок* (*Бес*, *Беско*). *Волчок*, *Волченок*. *Галченок* (*Галка*). *Голдобенок*. *Граченок* (*Грач*, *Грачка*). *Гусенок* (*Гусь*). *Жучок*, *Жученок* (*Жук*, *Жучка*). *Зубок* (*Зубатой*, *Зуб*, *Зубец*, *Зубко*). *Кисленок* (*Кислой*). *Лобоненок* (*Лоб*). *Носок* (*Носко*, *Нос*). *Останок*. *Репенок* (*Репа*, *Репех*, *Репня*).

-ик: *Карпик*. *Кляпик Яропкин* (*Кляпа*). *Малик* (*Малой*, *Малец*). *Меньшик* (*Меньшой*). *Нестерик* (*Нестер*). *Новик* (*Новой*, *Новак*). *Орлик* (*Орел*). *Песик* (*Пес*. *Песко*). *Пестрик* (*Пестрой*), *Позник* (*Позной*, *Позняк*). *Русаник* (*Русан*, *Русой*). *Семик* (*Семой*). *Суворик* (*Суворо*, *Суворко*). *Сычик* (*Сыч*). *Толстик* (*Толстой*). *Тупик* (*Тупой*).

-ица: *Безлепица*. *Беляница* (*Беляй*). *Козица* (*Коза*, *Козка*). *Омашница* (*Омачко*). *Тупица* (*Тупик*). *Черница* (*Чернь*, *Чернец*).

-ец: *Белотелец*. *Воронец* (*Вороной*). *Вялец* (*Вялой*). *Дедилец*, (*Дедило*, *Дед*). *Домец* (*Домашней*, *Домой*). *Зубец* (*Зуб*, *Зубко*). *Коренец* (*Корень*, *Коренко*). *Кудрявец* (*Кудрявой*). *Курец* (*Кур*). *Малец* (*Малой*). *Нелюбец*. *Одинец*. *Пестрец* (*Пестрой*). *Пузанец* (*Пузан*). *Румянец* (*Румяной*). *Сивец* (*Сивой*, *Сивко*). *Ширяец* (*Ширяй*). *Ярец* (*Ярило*, *Ярой*).

Суффикс ***-ец*** с давнего времени имел в этих именах уменьшительно-уничижительное значение. С таким суффиксом в «Повести временных лет» даны имена лиц, к которым составитель свода относился враждебно, отрицательно. В числе убийц Бориса «окаянных» и «законопреступных» был *Талец* (*Тальць*) (1015 г.). Убийцей кн. Ярополка был *Нерадец* (*Нерадьць*) трьклятый (1086 г.).

В такой же форме назван позднее ростовский епископ Федор, сделавший много плохого: *Федорьць* (1169 г). На значение суффикса ***-ьць*** (***-ец***) определенно указано в Прологе (1174 г.) под 28 апр.: «добре подвизався ко цьркви божий и *Феодорьца* (епископа), за у к о р и з н у т а к о н а з ы в а е м а, сего блаж. Кирилл обличи и проклят».

-л: глагольная основа с суффиксом ***-лъ-***: *Поспел*, *Поспелко* (часто, реже *Поспелой*).

-ло: *Пердло* [*Данилко Пердло*, кр-н (1495 г.)]. *Прыгало*. *Свирло* [фам. *Сверлов*; *Свирид*]. *Сморкало*. *Харло* [фам. *Харлов*; *Харлампий*]. *Юрло* [фам. *Юрлов*; *Юрьи*].

-ило: *Блудило* [*Блуд*]. *Гнездило* (*Гнездо*). *Дедило* (*Дед*). *Добрило* (1164 г.). *Дрочило* (*Дрок*). *Жеребило* [*Жеребец*, боярин костромской (1306 г.); *Нестерик Жеребец*, кр-н (1500 г.)]. *Жидило* (*Жидислав*, *Жидята*). *Нежило* [*Нежата*, *Нежатина нива* (1078 г.)]. *Нездило*. *Петрило* (*Петр*). *Путило* (*Путьша*, *Путята*, *Путивой*). *Пушило Михайлов*, дьяк [(1566 г.), *Пух*]. *Радило* [(1147 г.) *Радко*, *Радослав*]. *Седило* (*Седой*). *Селило*. *Судило Нежатич*, новгородец [(1140 г.), *Судимир* или *Судислав*]. *Твердило* (*Твердислав*). *Терпило* (*Терпил*…). *Томило* (*Томислав*). *Торшило* [*Торх*, *Торх Ондреев сын Плещеева* (1495 г.)]. *Шумило*, ***-лка*** [*Шумило Минин сын Безносой* (XVII век)]. *Явило* (1232, 1327 гг.), [*Яволод* (1209 г.)]. *Ярило* (*Ярой*, *Ярун*, *Ярополк*, *Ярослав*).

После гласного ***-йло***: *Губайло* [в названии села Московской обл. *Губайлово*], Шувайло [в названии села Московской обл. *Шувайлово*].

Имена на ***-ило*** имели уменьшительное значение.

-им: *Бутрим* (*Бутримов*). *Лаврим* (*Лавримов*; *Лавр*.). *Шалим*.

Значение этого суффикса — уменьшительное.

Ср. с тем же суффиксом нарицательные имена: *отчим* (*отъчим*), *нелюдим*, *подхалим*, *проходим* ***-ец***; *женский род — женима* (церк.-сл., древнечешск.) — *наложница*, собственно — *женишка*.

-да: *Баланда*, *Боланда* (*баланда* — шатун, болтун). *Булда* (ср. *забулдыга*), *Дурда*, *Дыдылда*.

Суффикс ***-да*** имеет презрительное значение: *дурында* — дурак, *баланда*, *шленда* — шатун и др.

-'ата: *Вышата* (1043 г.). *Жидята* [*Жидислав* (1252 г.)]. *Жирята* (*Жиромир*, *Жирой*). *Милята* (*Милой*). *Нежата* (1078 г.). *Острята* (*Остромир*). *Путята* [(XI век, 1284, 1577 гг.), *Путевой*, *Путеслав*]. *Славята* (1095 г.). *Твердята* [*Твердислав* (1206 г.), *Твердило* (1240 г.)]. *Шумята* (*Шумило*, *Шум*).

-ота: *Вахота*. *Лугота*. *Мякота* (*Мягкой*, *Мякуш*). *Пустота* (*Пустоха*).

-ута, ***-’ута***: *Батута* (см. *Бат-ман*). *Лазута* [1076, 1359 гг., бояр. 1536 г., кр-н.] *Лесута*, *Макута*. *Малюта* (*Малой*, *Малец*). *Мирута* (*Мирослав*). *Могута* (1008 г.). *Слобута* [*Ондрей Слобута*, кр-н (XV век), сев.-вост.; *Василий Слобода*, каргополец (XVI век)]. *Сманута* [*Сманута Микифоров*, кр-н (1539 г.), сев.-вост.].

-ас: *Кубас*, *Кукас* (*Кукан*). *Мордас*. *Рыкас* (*Рыкун*, *Рыкован*). *Булгас* (***-ов***, *Булгаков*). *Быкас* (***-ов***, *Быков*). *Варгас* [***-ов***, *Варган Григорьев* москов. дьяк (1537 г.)]. *Дурас* (***-ов***, *Дураков*). *Лобас* (***-ов***, *Лобанов*). *Шалдас* (***-ов***, *шаболда* — болтун, врун).

-ис: *Бабис*. *Веденис*. *Иванис*. Значение этого суффикса уменьшительное.

-ус: *Батус* (*Батура*, *Батман*). *Бобрус* (*Бобр*).

-х: *Олех* (*Олексей*).

-аха: *Зубаха* (*Зубатой*). *Домаха* (*Домой*, *Домец*, *Домашней*, *Домажир*). *Тепляха* (*Теплой*).

-са: *Букса*. *Бурса*. *Неболса* — в фамилии *Неболсин*. *Кулюкса* — в фамилии *Кулюксин* (ср. глагол *куликать* — кутить, гулять). *Чукса* — в фамилии *Чуксин*.

-ех, ***-еха***: *Репех*. *Демеха Гвоздев* (1605 г.).

-иха: *Звониха*. *Окориха*. *Чешиха*. *Шумиха*.

-оха, ***-уха***: *Жироха*. *Жируха* (*Жирой*, *Жирослав*). *Пустоха* (*Пустой*).

-хно: *Ахно* (*А-хно*; ***А*** — от какого-нибудь личного имени, начинавшегося этим гласным: *Агапий*, *Акакий*…). *Белехно*, *Белохно*. *Болтухно*. *Бохно* (*Борис?*[23]). *Братухно*. *Вахно*. *Вохно*. *Жирохно* (*Жирослав*). *Ивахно*. *Олехно*, *Остахно* (*Евстафий*). *Перъдухно* (*Пердло*). *Прохно* (*Прокофий* или *Прохор*). *Смехно* (*Семен*, *Смен*). *Трохно* (*Трофим?*[24]). *Юхно* (*Юрий*). *Яхно* (*Яков*) и многие другие из Новгородской обл.

-ух, ***-уха***: *Белуха* (*Белой*). *Глядуха* (*Гляд*, *Глядко*). *Говоруха* (*Говор*). *Дедух* (*Дед*). *Жируха* (*Жироха*, *Жирята*, *Жирослав*). *Конюх*, *Конюха* (*Конь*, *Коня*, *Коняй*). *Пеструха* (*Пестрой*). *Пятух* (*Пятой*, *Пятун*). *Рябуха* (*Рябой*).

-ша: *Кирша*. *Конша* (*Конуша*). *Левша*. *Мельша*. *Мокша* (*Мокруша*). *Парша*. *Путьша* [один из убийц Бориса (1015 г.)]. *Ратша* (*Ратай*, *Ратко*, *Ратибор*, *Ратьмир*).

-ша или ***-иша***, в именах: *Любишка* (*Любим*). *Мотиша* (945 г.) (*Мстислав*). *Мурзишка* (*Мурза*). *Новиша* (*Новик*). *Радиша* (*Радим*, *Радко*). *Ратишка* (*Ратай*, *Ратибор*). *Ступиша* (*Ступа*).

[23] Так в рукописи. — *Примеч. сост.*

[24] Так в рукописи. — *Примеч. сост.*

-шка, ***-шко***: *Богдашко*, *Глушко* (*Глухой*, *Глухарь*). *Юшка* (*Юрий*) и др.

-аш, ***-аша***, ***-ашка***, ***-ашко***: *Балаш*. *Беляш*. *Гневаш*. *Гнедаш*. *Горяш*, *Горяша*, *Горяшка*. *Домаш*. *Корташ* (*Кортавой*). *Коняшко*. *Кудряш*. *Леваш* (*Лобан*). *Ломаш* (*Ломок*, *Ломака*). *Любаш* (*Любан*, *Любомир*). *Некраш* (*Некрас*). *Новаш*. *Новаша* (*Новак*, *Новик*). *Осташ*.

-ош, ***-оша***: *Гневош* (*Гневаш*). *Торгоша*. *Худиша* (*Худой*, *Худяк*). *Ярмош*.

-уш, ***-уша***, ***-'уша***, ***-ушка***, ***-ушко***: *Вторушка*. *Конуша* (*Конша*). *Конюша* (*Конь*, *Коня*, *Конюх*). *Ляпушка* (*Ляпун*). *Мокруша* (*Мокрой*). *Мякуш* (*Мягкой*, *Мякота*). *Найдюшка* (*Найден*). *Онтуш* (*Онтон*). *Первуша* (*Первой*). *Пятушка*, *Пятюшка* (*Пятой*). *Хрипуша* (*Хрипун*).

-ыш, ***-ышка***, ***-ышко***: *Вторышка*. *Гладыш* (*Гладкой*). *Голышка* (*Голой*). *Коныш* (*Конуша*, *Конша*). *Первыш* (*Первуша*, *Первой*). *Худышко* (*Худой*, *Худяк*). *Черныш* (*Черной*, *Чернь*, *Чернец*).

-'ук: *Васюк*. *Корюк*. *Малюк* (*Малой*, *Малец*). *Милюк* (*Милой*). *Митюк*. *Паршук*.

-ище: *Бобрище*(*в*). *Братище*. *Вельтище*(*в*). *Павлище*. *Петрище*. *Псище*. *Ртище* [*Рот*; *Алешка Рот* (1672 г.)]. *Татище* [*Тать*; *Ивашко Тать* (1495 г.)]. *Торпище* (*Тороп*). *Турище — Турыще* (*Тур*).

Значение — уменьшительное. Сравните запись в спике Лествицы 1412 г. (собр. Ундольского): «послѣднѣго в грѣшницѣх чр҃нщ (= черничища). Аврмща (*Аврамища*)». В такой же уничижительной форме записал свое имя и другой переписчик Лествицы того же года: «чр҃нщ Грмнща» (= черничища *Германища* — родительный падеж, т. е. *чернец Герман*[25]). Такой формой называет себя и известный игумен Белозерского монастыря Кирилл в своих наставительных посланиях князьям. Например, в посланиях к кн. Василию Дмитриевичу, звенигородскому кн. Георгию Дмитриевичу (в начале XV века): «Господину благоверному князю Георгию Дмитриевичу, *Кирилище* черньчище… с своею братицею… много челом бьем…»[26]

-'ага, ***-'ака***: *Дубяга* (*Дуб*). *Летяга*. *Мосяга*. *Виляка*. *Васяка*.

-ыга, ***-'ыка***: *Коныга* (*Коныш*, *Конша*, *Конуша*). *Коротыга* (*Коротыш*, *Короткой*). *Котыга* (*Кот*). *Малыга* (*Малой*, *Малец*). *Ярыга* (*Ярой*, *Ярец*). *Лобыка* (*Лоб*, *Лобан*). *Худыка* (*Худой*, *Худяк*).

-уй: *Милуй*. *Репуй* (*Репа*, *Репех*, *Репня*). *Яропуй* (*Ярополк*). *Яруй* (*Ярой*, *Яровой*, *Ярило*, *Ярун*).

---

[25] Соболевский А. И. Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908. С. 33.

[26] Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 927—931.

-ул'а: *Рыкуля* (*Рыкун*, *Рык*, *Рычко*).

-улко: *Панулко* (*Пан*, *Панушко*, *Павел*).

-ун, ***-унка***: *Вторунка* (*Второй*). *Гладун* (*Гладкой*, *Гладыш*). *Глазун* (*Глаз*, *Глазатой*). *Голунка* (*Голой*, *Голыш*). *Дедун* (*Дед*). *Найдун* (*Найден*). *Пердун* (*Пердло*). *Пятунка* (*Пятой*). *Рыкун* (*Рыкован*). *Седун* (*Седой*). *Хрипун*. *Шестунка* (*Шестой*, *Шестак*). *Ярун* (*Ярой*).

Суффиксы, входившие в состав личных имен и прозвищ, были давнего происхождения. Древние памятники русского письма XI—XIV веков свидетельствуют о многих из этих суффиксов. В период московского абсолютизма, в XV—XVII веках, в особенности в частом применении был суффикс уменьшительного значения ***-ка*** в связи с абсолютистическими тенденциями великих князей и уничижением личности не только в политических, но и в классовых отношениях того времени. Бояре и прочие лица верхов были перед лицом великого князя *Юрками*, *Васьками*, *Денисками*, а по отношению к низшим классам «государями»; крестьяне же и низшего ранга служилые люди были «людишками», *Ивашками*, *Якимками*, *Первуньками* и т. д.

Тот же общественно-политического содержания стиль отражался и на именах нерусских лиц: их имена русифицируются и, сопровождаемые суффиксом ***-ка***, получают уменьшительное значение, а отчество представляется в русской форме приказного стиля, на ***-ов***. В некоторых личных именах находятся суффиксы, одинаковые с суффиксами имен нарицательных. Но значение их не совпадает. Форма личного имени представляет более позднее образование, чем соответствующее нарицательное имя, и суффикс в личном имени имеет специфически ономастическое значение, отличное от значения соответствующего суффикса в имени нарицательном. Например, имена нарицательные с суффиксом ***-ыня-*** имеют значение отвлеченное: *гордыня — гордость*, *добрыня — доброта*. Имена же личные не представляют этой отвлеченности: это названия конкретных лиц, указывающие на качество носителя имени: *Гордыня* или *Гордой*, *Добрыня* или *Доброй*, *Дурыня* или *Дурной*. По образцу этих имен образованы и такие, в которых значение качества суффикса ***-ыня*** уже ослаблено: *Попыня* (*Поп*), *Космыня*.

Различны значения и суффиксов ***-ина***, ***-ня***, ***-ица***, ***-ыш***: *Тишина* и *тишина*, *Дружина* (*Друг*, *Друган*) и *дружина*, *Тупица* (*Тупик*, *Тупой*) и *тупица*; *Голыши* и *голыш*; *Челядня* и *челядня* (помещение для челяди). *Головня* (*Голова*, *Голован*) и *головня* (головешка; ржавчина в колосе; название растения). Отличается и окончание ***-а*** в именах личных и нарицательных: в таких именах, как *Невера*, *Недомолва*, *Недосека*, *Ряба* и др., значение ***-а*** совсем не то, что в именах *вера*,

молва, *ряба*…: в первых ***-а*** указывает на форму имени конкретного лица, во вторых ***-а*** — окончание имен женского рода.

Отсутствие суффикса. Для имен и прозвищ часто служила форма бессуффиксальная. Такие формы были двоякого образования.

1) Одни из них представляют собою сложные формы, второю частью которых было имя существительное, без особого суффикса, оканчивавшееся на согласный (по утрате конечного гласного ***ъ***, ***о***)**:** *Белокопыт*, *Тупочел*, *Гнилозуб*, *Голозуб*, *Кособрюх*, *Корноух*, *Кривоног*, *Салогруз*, *Семихвост*, *Сухощек*, *Сухорук*.

Реже, употреблялись формы с окончанием прилагательных: *Долгорукой*, *Сухорукой*.

Образования прилагательных со второй именной частью, оканчивавшейся на ***-ъ*** (муж. р.), ***-а*** (жен. р.), ***-о*** (ср. р.) и образованной от имени существительного, употреблялись с давнего времени. Памятники старой славянской письменности XI—XIII веков свидетельствуют об этом: *Сухорукъ*, *Четвѣроногъ*, *милосьрдъ*…

2) В давнее время с окончанием ***-ъ***, ***-а***, ***-о*** в значении прилагательных без особых суффиксов были также формы, образованные от существительных, с префиксом: *безокъ*, *безрукъ*… Такие образования для применения в качестве прозвищ были продуктивны в русском языке и в давнее и в позднее время — *Ивашко Безмен* (1668 г.). В этом применении, в качестве прозвища определенного лица, прилагательные по своему значению переходили в категорию существительных, а употребляясь в значении последних, они приближались к существительным и по звуковому оформлению.

У русских прозвища на согласный были и в сочетании с отрицанием ***не***: *Невер* (но *Вера*), *Нелюб* (но *Любим*), *Недорез* (но *Резан*).

Такое же образование имели и прозвища от прилагательных с предлогом, а также и без предлога: *Беззуб* (ср. и прозвище *Беззубой*), *Безнос* (и — *Безносой*), *Бессон* (и — *Бессонной*).

Без префикса: *Глаз* (ср. и прозвище *Глазатой*), *Голод* (и — *Голодной*), *Горб* (и — *Горбатой*), *Неугод* (но *Угодной*), *Ус* (и — *Усатой*).

Вторичного происхождения и прилагательные в форме кратких, именных прилагательных: *Бесстуж* (ср. и прозвище *Бесстужей*), *Глух* (и — *Глухой*, *Глухарь*), *Ряб* (и — *Рябой*), *Сиз* (и — *Сизой*), *Чубар* (и — *Чубарой*), *Щерб* (и — *Щербатой*).

Иногда в таких случаях форма прозвища имела окончание на гласный, как соответствующее имя существительное. Это ясно указывает на значение прозвищ, производных от имен прилагательных, как на значение имен существительных: *Губа* (ср. прозвище *Губастой*, *Губан*) и др.

Таково было образование имен и прозвищ. Способы образования их не были ограничены только русскою областью: те же языковые элементы ономастики представляют и другие славянские языки. Одинаковые условия родового быта в давнее время у славянских народов, взаимоотношения между ними, одинаковые общественно-бытовые переживания в эпоху феодализма обусловили собою общие черты в славянской ономастике.

Одинаково было и э т и м о л о г и ч е с к о е значение многих личных [имен] и прозвищ, как одинаковы были и обстоятельства их появления.

Для восточных славян отмечено было, что давние сложные имена (*Воротислав*, *Доманег*, *Передяслав*…) стали неактуальными. Но там, где в жизни более значительны были пережитки родовой формации, там сохранилась в большей степени и архаичность в ономастических образованиях. Так, у сербов и хорватов не только в феодальное время, но и в более новое сложные образования личных имен сохранили свою актуальность.

СМЕНА ФАМИЛИЙ И ЛИЧНЫХ ИМЕН*

Революционные процессы в классовых отношениях и в общественно-бытовой жизни отразились соответствующим образом и в языке. Главнейшие из языковых явлений революционного времени отмечены, хотя и в сжатом виде, в статье «О языке современной деревни» («Земля Советская», № 9, 1932). В предлагаемой теперь статье я хочу остановить внимание читателей на процессе, происходящем в последние годы в фамилиях и в личных именах; много лиц, недовольных своими фамилиями и именами, заменяют их другими. Эта замена обусловлена разными обстоятельствами бытового обихода, идеологическим содержанием жизни в Советском Союзе, общественной и культурной ориентацией лица. Меняют фамилии и имена жители г о р о д а и с е л а. Важно изучить процесс этой перемены: он обнаруживает много явлений общественного, культурного, бытового и лингвистического значения.

1) Заявляют протесты против фамильных названий, данных в прошлом, как насмешек, оскорбительных прозвищ. Теперь, в противоположность дореволюционному времени, имеется возможность без труда освободиться от кличек прошлого.

2) Различные тенденции современной эпохи отражаются как на отказе от старых фамилий, так и на выборе новых.

3) В некоторых новых фамилиях ясно выражается культурная и обиходно-бытовая ориентация лица.

4) Для лингвиста и для языковой практики не лишним будет учесть следующие явления в процессе перемены фамилий и личных

---

* Публикуется по изданию: С е л и щ е в А. М. Смена фамилий и личных имен // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 284. Тарту, 1971. (Труды по знаковым системам. V). С. 493—500. — *Примеч. сост*.

имен: а) изменения бытового значения некоторых фамильных названий и личных имен; б) актуальность и неактуальность тех или иных форм для фамилий; в) суффиксы, продуктивные в образовании фамилий, и значение этих суффиксов; г) образование новой основы для фамильных названий.

Все это побуждает меня сообщить результаты своих наблюдений над переменами фамилий и личных имен. Данные относятся к 1930—1933 годам и извлечены из публикаций, печатающихся в «Известиях» ЦИК СССР[1].

I

Чаще всего раздаются голоса протеста против фамилий, этимологическое значение которых неприятно для носителей их — неприятно в бытовом отношении. Протестуют против фамилий, данных некогда по имени некоторых животных, в особенности по имени в назывной форме (в именительном падеже, — Бык, Козел) или в уменьшительной форме (Гадючка, Гадючкин, Курочка). Не желают больше носить фамилии, производные от таких имен: собака, собачка, сука, кобель, жеребец, мерин, кляча, кобыла, кобылка, бык, корова, коровка, баран, овечка, хряк, свинья, чушка, козел, коза, заяц, кошка, кот, крыса, суслик, курица, королек, гусь, ворона, галка, попугай, тетеря (тетерев), пичужка, зуй (кулик), таракан, козявка, блоха, гнида, вошь, гадюка, лягушка, рак. Меняют фамилии: Собакин (несколько), Собачкин, Кобелев (несколько), Кобельковы, Сукин (несколько), Жеребцов (несколько), Меринов, Кобылин (3), Рябокобыла, Клячин, Бык (2), Коровин, Коровкин, Хряков (2), Баранов (2), Овечкин, Свиньин (3), Свинкин, Чушкин (2), Козел, Козловы, Козий, Чернокоз, Зайцев, Кошкин, Кот, Котик, Крыса, Кривокрыса, Крысов (2), Крысины, Крыскин, Крысенков, Сусликов, Курицын (2), Курочка (2), Курочкин, Куркин, Корольков, Гусев (2), Гусакова, Тетерин, Пичугин, Пичужкин (2), Ворона (2), Попугаев, Зуй, Тараканов, Козявкин, Гадюкин, Гадючка, Гадючко, Гадючкин, Лягушкин, Гнида, Гнидин, Вшивых, Блоха, Блохин (несколько), Рак, Ракин.

Отвергаются также фамильные прозвища, данные по каким-нибудь отношениям к собакам, к свиньям, к козам, к жеребцам: Пса-

[1] Статистическую группировку данных относительно перемены фамилий и имен за 1925—1927 гг. см. в статье И. Н. Шпильрейна: «О перемене имен и фамилий» (журн. «Психотехника и психофизиология труда», 1929, № 4, с. 285—286).

рев, Свинарев, Свинобоев, Поросятников, Козадуев (3), Перникоза, Убейсобака, Убейкобыла, Коновалов.

От прошлого унаследовали многие семьи свои фамилии, основанные на отрицательных прозвищах, полученных когда-то их предками. Теперь носители таких фамилий отбрасывают нехорошую репутацию своих предков: Негодяев (много), Нехорошев (2), Лентяев, Разгильдяев (несколько), Трусов, Брехунов, Кляузниковы, Нахаловы, Дряневы, Блудовы, Шлюхина, Подхалимовы (2), Кривда, Плакса, Чванкин, Хайло, Дикарев, Шелопаев, Обманщиков, Живодеров, Задиралов, Подковыркин. Последняя фамилия, Подковыркин, теперь связывается с глаголом «подковыривать» в значении «придираться», «поддевать кого-нибудь». Раньше же, в иной общественно-бытовой среде значение этой фамилии было иное: носитель ее имел какое-то отношение к «подковырке», — к кривому шилу («подковырка»), которым подковыривают, плетут лапти.

В особенности много лиц, меняющих свой фамильный знак, производный от имени «дурак»: Дураков. Отказываются от своих фамилий и Дурневы, Дурновы, Дурноляпов, Дурилов, Дурняков. По той же причине меняются фамилии: Самодуров (несколько), Самодуркин, Балда, Балдаков, Балдуев, Балдашкин (2), Дубина, Шалавин.

Иронией теперь звучит и фамилия Благонадежных, образованная от прилагательного «благонадежный». Это прилагательное в дореволюционное время часто применялось в административной сфере в значении политической благонадежности лица. Теперь эта прежняя «благонадежность» одиозна. От фамилии, связанной с этим словом, отказываются.

Отказываются потомки и от таких фамилий, которые пошли от клички, вызванной невзрачным видом и физическим недостатком родоначальников этих фамилий. Та же судьба и фамилий-кличек по какой-нибудь части тела: Уродовы, Растреплин, Безобразовы, Жирный, Слюньков, Плешков, Лысый, Сопляков (несколько), Соплины, Саплев, Рылов (2), Волосатых, Ноздрачев, Курносов (несколько), Безносиковы (несколько), Трегубов, Пузанов, Пузыня, Брюшинина, Голопузов, Кособрюхов (2), Пупков (2), Пупковы, Белопупенко, Пупкин, Синепупов, Пупченко, Гузик, Гузенко, Вислобоков, Семиколенный (2), Затылкин, Кривошеев, Кривошеин, Безруков, Сухаруков, Сухоручкин, Косолапов (несколько), Худоногов, Пяткин, Кривов, Глухотко, Глухонемой, Безушко, Картавых, Скопец, Пискун, Пискунов, Чирьев, Бородавкин.

Отвергаются фамилии, производные от глаголов, обозначающих действия и явления отрицательного свойства:

Вырвихвост, Вырвихвостов, Жуйборода, Заплюйсвечка, Засыпкин, Дристушкин, Поносов, Бздулев, Бздюлев, Грабежов, Перебейнос, Тягнибеда (2), Тащилина, Теряев, Прохватилов, Подкопаев.

Отбрасываются фамилии, образованные из иронических, грубых и оскорбительных кличек. Например: Бардаков (несколько) — Бардаченко, Котяхов, Шевяков, Дырин, Дыров, Дырочкин, Белохвостиков, Шкода, Нетреба, Ковардаков, Закаблук, Шутов, Кулибаба, Лихобаба, Лихобабин, Сорокобабкин, Семидевкин, Шлюхин(а), Кощеев, Безштанько, Бесштанов, Холоша (украин. «штанина»), Подкорытов, Портянкин, Кукурекин, Легкий, Мелкий, Безфамильный, Бессмертный, Серый, Кислый, Кисляков, Квашина, Скороспелова, Варенов, Водопьянов, Лепетун, Купленный, Неизвестный, Непомнящий (2), Тряпочкин, Рюмочкин.

Некоторые фамильные имена стали восприниматься с иным значением сравнительно с значением, которое было свойственно им в более раннее время. Так, отказываются от фамилий «Буза», «Бузинник». Теперь эти имена ассоциируются с «бузой», — со склокой, явлением отрицательным в общественной жизни. Но фамилия «Буза» имела некогда отношение к напитку «буза», а «Бузинник» — фамилия по названию растения «бузинник» («бузина»). Приобрели в общежитии нехороший оттенок в значении фамилии, производные от имени зверька «куна» — Кункин (несколько), Кунников, Кунский, Кунщиков (несколько), Куницын. Эти фамилии стали ассоциироваться у многих лиц с именем «кунка» иного значения («vulva»). Не со значением растения «хрен», а со словом ругани («Эх, ты, старый хрен!») стали связываться у многих фамилии с этим корнем. Поэтому немало Хреновых меняет свои фамилии. Хренкин из Вольска также решил бросить свою фамилию и взять новую: Невский. Выше было отмечено изменение значения фамилии «Подковыркин».

Многие отказываются от фамилий, образованных от личных имен в уменьшительной форме или от таких личных имен, которые в дореволюционное время приобрели «простонародный» колорит: — Алексашкин, Машкин, Галашкин, Гаврилов, Захаров, Иванушкин, Корнеев, Малафеев, Маврин, Мирошников, Михеев, Парфенов, Сидоров, Титков, Трефилов, Федотов, Феклин, Фомин и др. Об этом мотиве отказа от таких фамилий свидетельствуют перемены «простонародных» личных имен: Мавра, Малафей, Фома, Фекла и др. Свидетельствуют о том же и новые фамилии: Корнеев Николай стал называть себя так: Берг Анатолий, Парфенов → Толстой, Захаров → Чудовский, Трефилов Федот → Седов Алек-

сандр, Федотов Ефим → Алексеев Владимир, Феклин → Февральский, Малафеев → Градов и др.

Во многих случаях перемена фамилии вызвана тем, что прежняя фамилия созвучна в той или иной мере (хотя и не родственна этимологически) со словом, значение которого не прилично для фамильного имени. Сюда относятся и русские слова, основное значение которых стало неясно, и еще больше слов нерусских, но созвучных с русскими словами — Бардаш, Бзникин, Бляшкин, Бомбрюхов, Воропаев, Восс, Дергобузов, Дурман, Епова, Епин, Зерук, Куйкин, Кук, Куква, Куць, Лапузо, Матюкова, Пиндюрин, Пипкин (2), Пшик, Серина, Серухин, Серюков, Посерюгина, Самданова, Сисин (2), Сиков, Сисяева, Срулихис, Тютюнов, Хамкин, Херов, Шиш и др.

Неприятными являются фамилии в форме именительного падежа, в особенности от имен прозаического значения, а также фамилии сложные, состоящие из глагола в повелительном наклонении и из имени существительного — Байдак (украин. «байдак» — «барка»), Блоха, Бухгалтер, Бык, Гарбуз, Глухонемой, Голод, Голуб, Гребень, Детина, Дехтяр, Дубина, Закройщик, Зуб, Картофель (2), Кисель, Козий, Колоша, Кот, Купленный, Лапа, Лев, Лепетун, Лысый, Метла, Могила, Могильный, Муховоз, Надточий, Нетреба, Новик, Половой, Портянко, Пузыня, Резник, Свистун, Середа (2), Сковорода (2), Шкода и др. На то, что эту перемену вызывает форма имени, указывают некоторые новые фамилии этих лиц: Бык → Быков, Голуб → Голубев, Кисель → Киселев, Лев → Левин, Новик → Новиков, Резник → Резников. Некоторые из этих имен отбрасываются в качестве фамильных названий и за их значение: Глухонемой, Голод, Дубина, Кот, Козий, Купленный, Лысый, Нетреба, Половой, Свистун и некоторые другие (см. предшествующие пункты).

Своей формой и своим значением вызывает отказ фамилия, образованная от глагола в повелительном наклонении и из имени: Вырвихвост, Жуйборода, Заплюйсвечка, Подыминогин (более ранняя форма — Подыминога), Перникоза, Тягнибеда (2), Убейкобыла, Убейсобака. В этом сочетании имя существительное имело значение дополнения: Убейкобыла = Убей-кобылу. Такие образования прозвищ представляют издавна также поляки, сербы, болгары.

Как указано выше, протестуют против фамилий от имен и форм уменьшительного значения, — протестуют Трубочкины, Рюмочкин, Цевочкин, Гадючка, Гадючкин, Мурашко, Карасик, Котик, Курочка, Каравашкин (новая фамилия: Караванский), Крошкин, Петеренок, Пирожков, Сметанкин, Сухарьков, Тишкин, Шубенкин

(новая фамилия: Шубин), Ярославкин. — Как видно, Шубенкин ничего не имеет против корня своего фамильного названия. Ему неприятно только уменьшительное значение формы этого названия: принадлежащий шубенке (шубенкин). Не отказываясь от корня своей фамилии, он выбросил только суффикс уменьшительного значения: *-ёнк* (*-ёнка*): Шубенкин → Шубин. Также ясно обнаруживает свое недовольство уменьшительным значением своей фамильной основы и Каравашкин. Чтобы освободиться от такой формы фамильного названия, он положил в основу новой фамилии созвучное слово «караван» и присоединил к нему суффикс *-ский* — суффикс, придающий фамильному названию: Караванский.

В дореволюционное время в мелкобуржуазной среде считались похожими на «аристократические» фамилии те, которые состояли из двух имен. Например: Ключарь-Ключарев и т. п. Это были два варианта одной и той же фамилии: Ключарь, позднее Ключарев. Паспортное объединение их дало сложную фамилию: Ключарь-Ключарев. Теперь такая тенденция не действует. Наоборот, такие формы, получившие в дореволюционное время, теперь упрощаются: Вихрова-Панюшкина → Вихрова, Езерец-Изерец → Глухарева, Громан-Духанина → Духанина, Иванов-Веткин → Веткин, Смирнов-Доброходов → Смирнов, Кучер-Кучеренко → Кучеренко, Черновы-Зельман → Черновы.

Ряд лиц, живущих в среде неукраинской, заменил свои украинские фамилии фимилиями в иной форме: Власенко → Куватов, Голобля → Кремлевский, Гропашко → Викторов, Гринченко → Добров, Дергаченко → Гриф, Деркач → Волин, Дмитриенко Василий → Руэ Жорж, Кожемяченко → Бойков, Нюнько → Победин, Холявко → Прибой и др.

Сменяют и иноязычные (нерусские и неукраинские) фамилии. Какие-то житейские неудобства и языковое значение некоторых из этих фамилий вызывают такую перемену. Эти фамилии заменяются фамилиями нерусскими или русскими. О русских заменах сказано будет ниже.

В революционные годы, при подъеме национального сознания и национальных культур среди национальностей СССР, прежние фамилии, которые были связаны с русификаторской политикой правительства, заменяются фамилиями с элементами национальными: Васильев → Парнэ (мари), Космин → Касымов.

Мы охарактеризовали фамильные перемены, вызванные тем, что значение прежних фамилий унижает, обижает, оскорбляет, обезличивает носителей их. Отказы от прежних фамилий вызываются так-

же обстоятельствами революционной эпохи, ее тенденциями общественными, культурными, бытовыми. Под воздействием тех же обстоятельств некоторые фамилии стали восприниматься с иным значением по сравнению с тем, какое они имели в дореволюционное время. Две из таких фамилий отмечены выше: Буза, Бузинник. Фамилия «Кулаков», пошедшая в ряде случаев от имени «кулак» в значении «сжатая кисть руки», теперь воспринимается в значении классовом. Ведется борьба с классом кулаков, с кулачеством; принимаются меры для ликвидации его. Поэтому носители такой фамилии (Кулаковы) отказываются от нее. Еще неудобнее стала подобная фамилия в форме именительного падежа существительного: Кулак. Один из носителей этой фамилии просит называть его Горным (Горный), другой Первомайским (Первомайский). К «Кулаку» близка стала по своему классовому значению и фамилия, производная от «богач». Поэтому «Багачук» бросил свое фамильное название и стал «Пушкиным». Совсем нехороша стала теперь и фамилия «Рвач». Теперь, когда идет усиленная борьба с рвачами, стремящимися к личной выгоде в ущерб производству, носить фамилию «Рвач» очень неприятно. Рвач Иван Ф. переменил свою фамилию на «Днепровский». Но фамилия «Рвач» может быть и не связана в прошлом с каким-то рвачом, требовавшим излишне высокую плату за свою работу, а имела иное значение: рвущий что-нибудь, напр., рабочий, взрывающий камни («рвач»).

Враждебно революционной эпохе основное значение фамилии «Жандармов». Один из носителей ее стал Эрским, другой — Стекловым.

Бросают фамилию «Салдатов», основное значение которой ассоциируется с прежним военным режимом солдатчины. С тем же режимом далекого прошлого связано было и значение фамилии «Сержантов». Но лицо, носящее такую фамилию, удерживает ее как неясный этимологически словесный знак. Сержантова Матрена Вас. переменила только свое имя: «Матрена» на «Мария».

С помещичье-буржуазной средой было связано имя существительное «кучер». Соответствующий оттенок в значении представляет это имя и в качестве фамилии. Носители такой фамилии (Кучер) отвергают ее. Один из них переменил ее на фамилию «Камский», другой на фамилию «Невский».

Пренебрежительный оттенок в социальном значении, с каким воспринимались в помещичьей и мещанской среде имена «половой» и «дворник», побудили отказаться от фамилий, образованных от этих имен, — от фамилий «Половой», «Дворников».

Происходит смена фамилий, ассоциирующихся с торговлей, с торговыми предприятиями, с барышом: Лавочников, Купцов, Барышев, Разживин, Маслов, Мясников, Хлебников, Пивоваренко, Безменов, Фунтиков.

Переменяют такие фамилии, одиозные для современной эпохи: Гапон, Гапонов, Распутин (2), Романовы, Царев.

Современностью обусловлена перемена фамилий, основное значение которых относится к церковной сфере, к церковным праздникам, к церковным лицам, к церковному быту, к вере: Архангельский (несколько), Архиреев, Благовещенский (несколько), Богов (несколько), Боголепов, Богомаз (2), Богомолов (несколько), Богорода, Богоявленский (много), Божедай, Богуш, Введенский, Воскресенский, Грехов, Грешников, Демонов, Дьяков, Дьяконов, Дьяченко, Иконописцев, Крестовоздвиженский, Кутейников, Молибога (2), Молитвословов, Монастырский, Монахов, Новокрещенных, Одигитриевский (несколько), Панафидов, Поповичевы, Поповские, Попадьины, Православнов, Просвирмов, Рождественский, Святин, Тресвятский, Церковный и др.

Того же значения и смена фамилии «Енгель».

Следует отметить фамилию «Попов». Носители этой фамилии весьма многочисленны. Но только 2 или 3 Попова за 4 года заявили о перемене своей фамилии. По-видимому, фамилия «Попов» не ярко ассоциируется с именем «поп». Более выразительна фамилия с суффиксом *-овский* («Поповский»), а также с основой «попович» («Поповичев»).

Не мало перемен фамилий вызвано какими-либо обстоятельствами в личных отношениях. Например, если Егоров переменил свою фамилию на «Яковлев», то эта перемена вызвана какими-нибудь обстоятельствами личного значения.

Мы обозрели группы переменных фамилий и причины, вызвавшие эту перемену. Теперь обратим внимание на те фамилии, которыми заменялись прежние.

Часто меняют фамилии на готовые, которые берут или случайно или — по каким-нибудь личным отношениям к носителям новой фамилии: Убей-собака → Емельянов, Балда → Богданов, Архангельский → Соловьев, Богомолов → Симонов, Дубина → Антонов и др.

Но во многих случаях выбор новой фамилии свидетельствует о политической, общественной и культурной ориентации лица, о его стремлении придать новой фамилии повышенный стиль.

Много новых фамилий имеет революционную окраску: они образованы от имен «бой», «борец», «штурм», «победа», «май», «воля», «свобода», «искра», «октябрь», «кремль». — Боев, Бойцов (2), Борцов, Штурман, Победин, Майский (много). Первомайский, Волин (несколько), Вольный (3), Вольнов, Вольский (несколько), Свободов, Искрецкий, Октябрьский, Кремлевский. К этой же группе фамилий относятся Ким, Кимский, Спартак.

В ряде случаев взяты фамилии представителей советского пролетариата и вождей его: Бубнов, Ворошилов (2), Довгалевский, Карахан, Ульянов. От фамилий Ленин, Сталин, Буденный — образованы новые: Ленинский, Сталь, Буденовец.

Революционный колорит представляет и фамилия Разин (2).

В немногих случаях новые фамилии образованы от имен, имеющих отношение к производству, к профессии: Бригадиров, Машининский, Шоферов, Комбайнов.

Ряд фамилий по своему значению имеет отношение к литературе: взяты фамилии писателей. — Белинский, Гейне, Есенин, Крылов (3), Некрасов, Островский, Пушкин (3), Толстой, Шевченко (3). Воспользовались также «Евгением Онегиным» и «Дубровским»: есть заявления о новых фамилиях «Онегин» и «Дубровский» (3). Литературного происхождения и «Печорин», эту фамилию выбрал себе С. Бордаков из Астрахани.

Артистическими тенденциями обусловлены новые фамилии «Станиславский» и некоторые из «Ленских».

Какое-то отношение к нынешней высшей школе вызвало фамилию «Вузов».

Отказ от старой фамилии и выбор новой очень часто бывает обусловлен стремлением придать повышенный стиль, поэтический колорит новой фамилии. Эта тенденция отражается в образовании фамилий от рек, гор, долины и в ряде других случаев. Ясна эта тенденция и в замене русских фамилий иноязычными, «иностранными». В этих случаях часто меняют и личное имя: Баранов Лаврентий — Гальстер Генрих (см. ниже).

Несколько фамилий образовано от имен «Нева» (с суффиксом *-ский*), «Волга» (с суффиксами *-ин, -ский*), «Днепр», «Кама»: Невский, Волгин, Волжский, Днепровский, Днепров, Камский. В особенности же много фамилий от названия далеких рек Лена и Амур: Ленский, Амурский. — Из этой группы надо исключить тех Ленских, которые образовали свою новую фамилию из старой: это часть их прежней фамилии «Богояв-ленский». Кроме того, некоторые лица

взяли новую фамилию «Ленский» в связи со своими артистическими симпатиями (фамилия артиста Ленского).

В основу ряда фамилий положены «Урал» (Уральский — несколько, Уралов, Уралец), «Кубань» (Кубанский; один из Кубанских происходит с Кубани, другой — с Дальнего Востока). Отметим еще фамилии Донской, Азовский, Свирский.

Значение новых фамилий часто окутано поэтическим колоритом гор. Много лиц взяло фамилии Горский (много), Горный (несколько). Несколько фамилий связано с далью: Даль, Дальский, Далин. Фактором эстетическим обусловлен выбор и таких фамилий: Славский (вместо Куркин), Раевский (вместо Куньщиков, Сиротинин), Полянский (вместо Поносов), Малиновский, Вишневский, Гаевский, Вронский.

Повышенное стилевое значение имеют также фамилии в форме именительного падежа 1) — имени прилагательного и 2) — реже имени существительного.

1) Боровая Галина (вместо Хлюпина Анисья), Береговая, Вольный (вместо Дурноляпов), Заречный, Мятежный (вместо Пипкин), Нагорный (вместо Гершкович), Панцерная (вместо Петеренок), Полярный (вместо Носов, Самодуров), Степная (вместо Рождественская), Южный (вместо Тресвятский; родом он из Оренбургского края; живет в Ленинграде).

2) Зоря (вместо Безменов), Журба (вместо Свинарев), Дунай (вместо Дубин).

Прозаические же обиходно-бытовые имена в именительном падеже, как отмечено было выше, считаются негодными для фамильного применения: Бык, Картофель, Закройщик, Деркач, Кислый, Жирный и др.

Стремление к повышенному стилю отражается часто и на выборе готовых фамилий. Например, С. Курочка сменил фамилию на «Орлов»: хотя эта последняя является и обычной, но все-таки она ассоциируется с «орлом», а не с «курочкой», или вот еще громкая фамилия «Громов»: ею стали пользоваться Грешников и Тороденко.

Много русских, а также украинских фамилий, заменяется и н о я з ы ч н ы м и. Почти во всех этих случаях отражается стремление заменить невыразительную или с нежелательным значением русскую или украинскую фамилию «громкой», «иностранной». Переменяется при этом нередко и личное имя: Фрам Генри (вместо Иванушкин Георгий), Мир Джон (вместо Амельченко Захар), Герц Юрий (вместо Митин Иван), Геркнер Альберт (вместо — Маслов Иван), Броуд Серж (вместо Бродский Самуил), Стэн Артур (вместо

Юферов Георгий), Штерн Роберт (вместо Митрофанов Василий), Грен Гарри (вместо Холодков Андрей), Эго (вместо Топтыгин), Эгарт (вместо Богуславский), Бард (вместо Хлебников), Ольгерт (вместо Могильный), Томлинг (вместо Никитенко), Браверман (вместо Карпизенко*), Штольц (вместо Тишин), Вольт (вместо Кобылин), Юриенштраус (вместо Васильев, из Цивильского района) и многие другие.

Ни общественно-политические, ни культурно-бытовые, ни эстетические (поэтические) тенденции не отражаются обычно на русских фамилиях, которые взяты в замену иноязычных («иностранных»). — Самойлов (вместо Тапп), Потемкин (вместо Шпонгольц), Давыдов (вместо Фильченбаум), Петров (вместо Штейн), Большаков (вместо Штельмах) и многие другие. Только в весьма немногих случаях можно было заметить общественные, культурные и эстетические тенденции в выборе русской фамилии в замену иноязычной: Майская (вместо Меерсон), Белинский (вместо Штейн), Островой (вместо Фукс), Тополь (вместо Каплан), Подгорный (вместо Ицек). Один из Штейнов заменил свою фамилию так: Кристаллов. Близких переводов не обнаружено. Отметим пример такого перевода, относящийся к 20-м гг.: Златоцветов вместо Гольдфарб.

Наконец, сделаем замечание о ф о р м е новых фамилий. Большинство их взято из запаса существующих фамилий: Большаков, Яковлев и др. Но во многих случаях взяты не готовые фамилии, а образованы новые, — образованы от какого-нибудь корня с присоединением того или иного суффикса. О значении корня (основы) в новых фамилиях говорилось выше. Теперь отметим те суффиксы, которые являются продуктивными в отношении образования фамильных имен. Для этого служат обычно суффиксы *-ов, -ее, -ин, -ский, -овский.* Суффиксы *-ов(-ев), -ин* не вносят оттенка особой значимости: Бык → Быков, Резник → Резников, Ворона → Воронов, Дехтяр → Дехтярев, Козел → Козлов, Кислый → Кислов, Свободов (вместо Сопляков), Днепров (вместо Негодяев, Богомолов), Ландышев (вместо Чеснов), Уралов, Вузов, Роялин (вместо Блохин), Далин (вместо Сытых). Но суффиксы *-ский, -овский* применяются, если не во всех случаях, то в большинстве, для повышенной стилевой значимости новой фамилии. Напр.: Орионский (вместо Кабанов), Полярский, Берегинский, Машининский, Днепровский (сравните фамилию попроще: Днепров) и др.

В одном случае употреблен суффикс *-ец:* Уралец (вместо Пузанков).

---

* Так в оригинале; может быть, «Капризенко»? — *Б. У.*

В образовании новых фамилий применены также следующие принципы:

1) Объединение сокращенных слов — фамилии и личного имени: «Васбор» вместо «Васильев Борис», «Гис» вместо «Гнусин Степан Иванович».

2) Оставляют часть фамилии, если эта часть имеет некоторое значение: «Подымин» вместо «Подыминогин», «Гельский» вместо «Архангельский», «Ленский» вместо «Богоявленский» (несколько лиц из разных мест так изменило свою фамилию).

Удерживают часть фамилии и придают этой части фамильный суффикс. — «Познов» вместо «Познофиркин», «Веденцов» вместо «Веденский».

3) Объединяют начальную и последнюю часть фамилии: «Арский» вместо «Архангельский», «Венский» вместо «Благовещенский».

4) Изменяют один или несколько звуков в прежней фамилии: «Балтин» вместо «Балдин», «Воронов» вместо «Варенов», «Гнедин» вместо «Гнидин», «Майский» вместо «Майсюк», «Миличков» вместо «Мальчиков», «Негодов» вместо «Негодяев», «Караванский» вместо «Каравашкин», «Светлов» вместо «Святин».

II

В последние годы сделаны многочисленные заявления не только о перемене фамилий, но и личных имен. Мотивы перемены личных имен вызваны общественной группировкой в дореволюционной России. Именно, отказываются по большей части от таких имен, которые в недалеком прошлом применялись обычно в среде низших классов. Отпечаток этой среды на таких именах чувствуется многими и вызывает отказ от них. — 1) Анисим, Антип, Гавриил, Ефим, Ефрем, Захар, Кузьма, Лука, Макар, Малафей, Никита, Степан или Стефан, Тит, Фома и др.

2) Агафья, Акилина или Акулина, Анисья, Аграфена, Дарья, Матрена, Меланья, Прасковья, Степанида, Феврония, Фекла и др.

Иногда отказываются от таких имен, которые являются необычными для личных названий: Агафангел, Кукша, Лупандий, Мамонт, Феопемт, Январий, Аполлинария, Келина и др.

Меняют свои имена и лица не из русской среды. Так Альфонс (Тетржевский) стал Владимиром, Мухамед-Шерифа — Михаилом, Чи-Шао-Хуан-Ши Алмазовым Михаилом. Меняют свои имена многие лица также из еврейской среды. Многочисленны перемены име-

ни Абрам (на Александр, Борис и др.). Сделаны заявления о перемене и других имен: Израиль, Мордух, Цодик, Хаим, Хая и др.

Новые личные имена взяты чаще всего из имен традиционных, не «опрощенных» и лишенных того значения, которое побуждает к перемене прежнего имени: Александр, Анатолий, Борис, Виктор, Владимир, Игорь, Леонид, Михаил, Елена, Галина, Людмила, Маргарита, Тамара и др.

Берут и такие имена, которыми раньше не пользовались в русской среде с ее традиционно-календарными именами: Джон (вместо Лаврентий), Альберт (вместо Фотей), Генрих Гальстер (вместо Лаврентий Баранов), Роберт Янковской (вместо Петр Петров), Эмилия (вместо Евдокия), Эльвира (Прасковья), Марта (Фекла), Томилла (Устинья), Матильда (Матрена), Лия (Матрена) и др.

Воспользовались и классической древностью: Евдокия (в быту Авдотья) стала Дианой (Никулиной). Наконец, отметим имя Крекинг: Конбайнов Крекинг. Так переименовал себя Назаров Константин («Крекинг» взято из технической практики нефтяного производства; напр., «крекинг-процесс» — перегонка нефти при высоком нагревании; англ. creek, creeking).

В революционные годы новорожденным дают иногда имена не традиционные, а такие, которые образованы от имен вождей и идеологов пролетариата, от названий революционных явлений и разных сторон жизни революционного общества. Из таких имен отметим широко распространенные имена Владилен, Вилен, Владлен, Нинель (значение чит. с конца), образованные от имен «Владимир Ильич Ленин». Отметим еще такие имена: Энгельсина (от «Энгельс»), Майя. Последнее имя для названия лиц применялось и раньше. Но теперь оно получило революционную окраску, ассоциируясь с весенним днем рабочей солидарности, с 1 Мая. Среди заявлений о перемене имен находятся в числе новых имен также Владилен, Владлен, Майя.

ИЗ СТАРОЙ И НОВОЙ ТОПОНИМИИ*[1]

Т о п о н и м и я представляет собою один из ценнейших источников наших сведений по исторической этнографии и для истории общественной и экономической жизни страны. Она может пролить яркий свет на историю этнических отношений в далеком прошлом, на миграцию народов и отдельных групп населения, на экономические и общественные отношения[2]. Что касается Восточной Европы, то изучение ее топонимии находится в зачаточном состоянии. Не собраны и не разобраны давние местные названия, идущие от населения, предшествовавшего водворению славян в разных местностях северо-востока. Не произведено полной собирательной и аналитической работы и с названиями славянскими.

Отметим здесь г л а в н е й ш и е черты топонимии русской.

Материал извлекаем главным образом из Московской области в составе прежних уездов Московской губ. В некоторых пунктах московский материал дополняем данными из других областей[3].

---

* Публикуется по изданию: С е л и щ е в А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 45—96. — *Примеч. сост.*

[1] Статьи «Из старой и новой топонимии» и «О языке современной деревни» представляют собой 2 главы из приготовленных к печати «Очерков по русскому языку современной эпохи». (Примеч. автора.)

[2] См., например, 4-ю главу в моей книге «Славянское население в Албании», с. 201—271.

[3] «Списки населенных мест Российской империи», XXIV. Московская губерния, Пб., 1862: *Бог*. — Богородский уезд, *Брон*., *Бр*. — Бронницкий, *Вер*. — Верейский, *Вол*. — Волоколамский, *Дм*., *Дмитр*. — Дмитровский, *Зв*., *Звен*. — Звенигородский, *Кл*., *Клин*. — Клинский, *Кол*., *Колом*. — Коломенский, *М*., *Моск*. — Московский, *Мож*. — Можайский, *Под*. — Подольский, *Руз*. — Рузский, *Серп*. — Серпуховский.

Кроме современных названий, пользуемся указаниями историческими, извлеченными из писцовых книг и из других источников[4].

В огромном большинстве случаев пункты поселений названы по и м е н и л и ц а — по личному имени или по прозвищу, по фамилии. Чаще всего это имя принадлежало владельцу деревни, или села, или пункта, на месте которого находилась деревня (пустошь, починок, враг). На владельческое значение таких названий указывают и самая форма имен (см. ниже) и исторические свидетельства. Несколько примеров и с т о р и ч е с к и х указаний.

С. *Аксаково* (М.) — раньше было «в вотчине за Леонтьем *Оксакова*» (XVI век, писцовые книги). «А прежде того было за Олександром *Верзиловым* сельцо *Верзилово*» (Колом. у., XVI век, писцовые книги). «За Нежданом да за Меншиком за Даниловыми детьми *Ворыпаева* село *Ворыпаево*» (Колом. у., XVI век). «За Игнатьем за Федоровым сыном *Желтухина* погост в *Желтухине*» (Моск. у., XVI век). «За *Иваном* за Ондреевым сыном Брехова пустошь, что

«Списки населенных мест», XXXV. Рязанская губерния, Пб., 1862.

«Географическо-статистический словарь», под ред. П. Семенова, т. I—III, 1863.

«Россия», под ред. В. П. Семенова, т. II, Пб., 1902.

М. И. С м и р н о в, Историко-географическая номенклатура Переяславль-Залесского края, Переясл.-Зал., 1929.

«Список населенных мест Новгородской губернии», новый выпуск, X, 1912.

Н. Ф. С у м ц о в, Малорусская географическая номенклатура, К., 1886 (изд. ред. «Киевской старины»).

[4] «Писцовые книги XVI века», 1. Местности губернии Московской, Владимирской и Костромской, Пб., 1872.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1846, кн. V. Источники.

«Акты Московского государства», изд. Академии наук, I—III, Пб., 1890, 1894.

В. и Г. Х о л м о г о р о в ы, Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII столетий, IV («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1885, кн. III); VII (т а м ж е, 1889, кн. I); VIII (т а м ж е, 1892, кн. I); X (т а м ж е, 1901, кн. I, II); Дмитровская десятина (т а м ж е, 1911, кн. III).

Я. К о п ь е в, О селах Рождествине, что на р. Истре… (т а м ж е, 1887, кн. III).

В. Д е б о л ь с к и й, Духовные и договорные грамоты как исторический и географический материал, 1901, 1902.

Ю. В. Г о т ь е, Замосковный край в XVII веке, М., 1906, изд. 2, М., 1937.

С. Б. В е с е л о в с к и й, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XV вв., М. — Л., 1936.

была деревня *Иванова*» (Моск. у., XVI век). «За Иваном за Дмитриевым сыном *Калитина* старая его вотчина: дер., что было село Гаврилово, пустошь *Калитина*» (Моск. у., XVI век). «За Богданом за *Пересветовым* село *Пересветово*» (Колом. у., XVI век). «За Иваном Львовичем *Салтыковым* старая их вотчина село *Салтыково*» (Колом. у., XVI век). «А преже того в вотчине было за *Семеном* за Шерефединовым дер. *Семеновская*» (Колом. у., XVI век). «А преж того в поместье было за Михайлом Григорьевым сыном *Чаплина* дер. *Чаплина*» (Колом. у., XVI век). «За Иваном за Веригиным сыном *Ярцова* старая их вотчина сельцо *Ярцово*» (Колом. у., XVI век) и др.

Личные имена и прозвища, от которых образованы топонимические названия, снабжены весьма часто (обычно) суффиксом притяжательного значения ***-ов***, ***-ин***. Бывают и другие суффиксы, замечания о которых будут сделаны ниже. Личное имя и прозвище входят в название местного пункта с теми суффиксами, с которыми употреблялось это имя или прозвище в обиходе. Например: *Иваново* (Серп.), *Ивакино* (М., Руз.), *Иванкино* (Бог.), *Ивахово* (Колом. у., XVI век), *Ивашина* (Кл.), *Ивашкина* (Дм.), *Ивашково* (М., — Вол., Зв.), *Иванцова* (Вол., Дм.), *Иванисово* (Бог.), *Иванищево* (Бог.), *Иванчищево* (Колом. у., XVI век). Это — образования от личного имени: *Иван*, *Ивака*, *Иванко*, *Ивахо*, *Иваша*, *Ивашка*, *Ивашко*, *Иванец*, *Иванис*, *Иванище*, *Иванчище*. Или еще пример: *Юрьево* (Вол.), *Юрово*, *-а* (Под., Бр.), *Юренево* (Бр.), *Юренино* (Александр. у., Владим.), *Юрятино* (Бог.), *Юрлово* или *Юрково* (М., Мож.), *Юркино*, *-а* (Вол., М.), *Юрцыно* (Моск. у., XVI век), *Юрцы* (Моск. у., XVI век), *Юшино*, *Юрово* тоже (Моск. у., XVI век), *Юшково* (Вер.), *Юрасова* (Бр.), *Юрягино* (Переясл.-Зал., XVII век), *Юрыгино* (Переясл.-Зал., XVI век), *Юрищево* (Переясл.-Зал., XVII век). Это — образования от личного имени: *Юрий*, *Юро*, *Юреня*, *Юрята*, *Юрло*, *Юрка*, *Юрец*, *Юша*, *Юшко*, *Юрас*, *Юряга*, *Юрыга*, *Юрище*.

Иногда по отношению к одному и тому же пункту употреблялось название, образованное от личного имени с разными суффиксами: д. *Гридина*, *Гридюшкина* тож (Моск. у., XVI век), пустошь *Родионцова* и *Родионова* (Моск. у., XVI век), сельцо *Рахманцово*, а *Рахманово* тож (Моск. у., XVI век), д. *Степаново*, а *Степково* тож (Моск. у., XVI век), д. *Филипцово*, *Филипково* тож (Дмитр. у., XVI век), д. *Юшино*, *Юрово* тож (Моск. у., XVI век), пустошь *Юрина*, *Юрьево* тож (Моск. у., XVI век).

Топонимические суффиксы и некоторые формальные черты иногда затемняли значение основы, от которой образовано местное название. Например: *Скородайка* (Дм.), *Скородумки* (*Кл.*), *Замарай-*

ка (Ливен. у., Орлов.), *Непейщина* (Кол.), *Чепчиха* (Кл.), *Дубоносы* и многие другие: в основах их лежат имена и прозвища лиц, имевших особое отношение к этим пунктам: *Скородай*, *Скородум*, *Замарай*, *Непей* или *Непея*, *Чепец*, *Дубонос* и др. (Русским личным именам и прозвищам феодального времени посвящена отдельная моя работа. См. также «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, 1903.)

Представим ряд примеров топонимических названий, образованных от личных имен и прозвищ.

Богатищево (Бог.). — Личное имя *Богатой*, с суффиксом уменьшительного значения ***-ище***: *Богатище*.

Борзецово (Кол.). — Личное имя *Борзой*, с суффиксом уменьшительного значения ***-ец***: *Борзец*.

Бордаково (Спас. у., Ряз.), *Бардуки* (Егорьев. у., Ряз.), *Бардуха* (Кирил. у., Новг.). — Личные имена *Бордак*, *Бардук*, *Бардуха*. Например: *Бардак* Попов, костромской крестьянин, XV век.

Борятино (Данк. у., Ряз.), *Борятивщина* (Раненб. у., Ряз.). — Личное имя *Борята*; суффикс ***-ята*** уменьшительного значения для имени *Борис*, а это вместо давнего *Борислав*.

Брехово (Зв.). — Личное имя *Брех*; например: Иван Велиаминов *Брех*, воевода московский, 1506 г.; *Брех* Семичев, московский пристав, 1539 г.

Брюхово (Моск. у., XVI век), деревня *Брюхатовская* (Колом. у., XVI век). — Личное имя и прозвище *Брюхо*, *Брюхатой*: Иван *Брюхо*, Кузьмин, сын Коробьина, 1500 г.; *Брюшко* Павлов, московский толмач, 1551 г.; Яков Афанасьевич *Брюхатой*, псковский посадник, 1495 г.

Будовское, село (XVI—XVIII вв., в Переясл.-Зал. крае), *Будьково*, *Будятино* (там же). — Личное имя *Буд*, *Будай*, *Будько*, *Будята*, давнее имя *Будислав*, *Будимир*.

Бузяты (Егорьев. у., Ряз.). — Личное имя *Бузита*, *Буза*, *Бузуй*.

Буславль (Дм., Александр. у., Переясл.-Зал.). — Личное имя *Буслав*; например, *Буслав* — один из московских вотчинников XVI века.

Быкасова (Под.). — Имя *Быкас*, уменьшительное для *Бык*.

Валуево (М., Мож., Под.), *Валуйки* (Вол.). —Имя *Валуй*, *Валуйка*. *Валуйка* кузнец, 1500 г. От нарицательного имени *валуй* — «вялый, неповоротливый, разиня».

«Село *Вешняковское*, а *Кушневское* тож» (Моск. у., XVII век). — Личные имена *Вешняк*, *Кушен* или *Кушня* (*Кучня*).

Видятино (Переясл.-Зал.). — Имя *Видята*, уменьшительная форма для *Видим* или *Видан*. Например: *Видимко* Михеев, в Новгороде, 1614 г.

Волославль (пустошь в Переясл.-Зал. крае, XVII век). — Имя *Волослав*.

Волосово (Серп.). — Имя *Волос*. Например: *Волос* Блудкинич, новгородец, 1230 г. С таким именем упоминаются лица и позднее. По-видимому, это имя представляет собою сокращение имени *Волослав*, как *Борис* вместо *Борислав*. (Подробнее об этом говорится в отдельной работе о личных именах.)

Воропаева, *-во*, *Ворыпаево*, *Вырыпаево* (Брон., Колом. и Моск. уу., XVI век, Прон. у., Ряз., Касим. у., Рязан., Петров. у., Сарат.), *Воропайка* (Переясл.-Зал.), *Вырыпаевка* (Кол.), *Воропаново* (Переясл.-Зал.), *Воропино* (Егорьев. у., Ряз.). — Имя *Воропай*, *Воропан*, *Ворона*. Такие имена давались с давнего времени. *Воропайко* Есин, 1539 г., Астафей *Ворыпай*. Гласный ***ы*** здесь вместо безударного ***о***. Имя же это происходит от нарицательного существительного *ворон* — «разбой, грабеж, насилие». (Половцы) «поидоша Кыеву и пустиша на *ворон* межю Киев и Вышегород» («Повесть временных лет», под 1093 г.). На такое значение этого имени указывают дублеты XVI века по отношению к одному и тому же пункту: пустошь *Ворыпаевская* Розбойникова (Моск. у., XVI век, писцовые книги).

Воротимехова (Колом. у., XVI век). — Имя *Воротимех*. Такие имена и прозвища, с первой частью на ***-и*** и с именем существительным в именительном падеже, употреблялись у всех славян издавна. Сравните русские: *Мсти-слав*, *Жиди-мир*, *Суди-слав*, *Держи-край*.

Всеславль (Владим. у., XV век). — Имя *Всеслав*.

Глазечня (Серп.). — Имя *Глазец*, уменьшительное от *Глаз*, *Глазатой*.

Гнилозубова (Моск. у., XVI век). — Имя (прозвище) *Гнилозуб*.

Гологузово (Кл.), *Гололобово* (Кол.), *Голопупова* (Зв. у., XVI век), *Голочелово* (Кол.). — От имен (прозвищ) *Гологуз*, *Гололоб*, *Голопуп*, *Голочел*.

Гостилово (Моск. у., XVI век). — Имя *Гостило*, уменьшительное от *Гость*.

Губайлово (М.), *Губастово* (Кол.). — Имя *Губайло*, уменьшительное от *Губа*; *Губастой*.

Гулятин стан (Переясл.-Зал., XVII век). — Имя *Гулята*, уменьшительное от *Гуляй*.

Дерибрюхова (Моск. у., XVII век, Под.). — Имя *Дерибрюхо*.

Добрейцево (Костр. у., XV век), *Добрилово* (Переясл.-Зал. у., XV век), *Доброе* (Влад. у., XV век), *Добрянка* или *Добрятина* (Спас. у., Ряз.), *Добрятино* (Под., Прон. у., Ряз.), *Добрячево* (Юрьев. у., XV век). — Имя *Доброй*, *Добрило*, *Добреец*, *Добрята*, *Добряк*. Эти имена восходят к более давнему имени *Доброслав*.

Домагощь — город в области вятичей (1147 г.). — Имя *Домагость*.

Доможирово (Бог.). — Имя *Доможир* (*Домажир*).

Доманово (Кол., Кашин. у.). — Имя *Доман*. Это имя, как и имена *Домах*, *Дамашней*, *Домашня*, *Домаш*, *Домец*, *Домой*, восходят к полным именам *Домослав* или *Домажир*. Например: *Домажир* Тырлинич, новгородец, 1224 г. *Домослав* Вѣкошкын, послух во Пскове, 1266 г.

Дулепово (Вол., Кл.). — Имя *Дулеп*; нарицательное существительное в значении «глупый», «остолоп».

Дураково, *Дурасово*, *Дурнево*. Мест поселений с такими названиями много. — Имя *Дурак*, *Дурас*, *Дурень*. Такие имена, в качестве прозвищ, применялись в прежнее время часто.

Ерютино (Моск. у., XVI век). — Имя *Ерюта*, уменьшительное к *Еремей* или *Ерофей*. Но если *Ерютино* представляет начальное ***е*** (***йе***) вместо более раннего ***йа*** (*Ярютино*), то это имя — уменьшительное к *Ярой*, *Ярослав*.

Жаворонки вместо более раннего *Жаворонкова* (М.). — Имя *Жаворонок*.

Жданское (Бр.), *Жданово* (Вол.). — Им *Ждан*.

Ждимер вместо более раннего *Жьдимерь* или *Жидимерь* (Болх. у., Орлов.). — Имя *Жидимер или Жьдимер*. *Жидиловка* (Козлов. у., Тамб.). — Имя *Жидило*, уменьшительное *от Жидимер* или *Жидимир*.

Жирятино (Трубч. у., Орлов.). — Имя *Жирята*, уменьшительное к *Жирой*, *Жиромслав*. Например: князь Иван *Жирой*, 1493 г.; *Жиромслав*, посадник новгородский, 1170 г.

Жучаты (Егорьев. у., Ряз.). — Имя *Жук*, часто употреблявшееся в прежнее время.

Завидовка (Мих. у., Ряз.). — Имя *Завид*.

Истомина (Вол.), *Истомиха* (Бр.). — Имя *Истома*.

Киево (Моск., Мож.), *Киясовка* (Серп.). — Имя *Кий*, *Кияс*.

Кляпово (Зв.), *Коротыгино* (Под.). — Имена *Кляп*, *Коротыга*.

Конев-Бор (Кол.), *Конищево* (Зв., Под.), *Коняево* (Моск. у., XVI век), *Канятино* (Кол. у., XVI век), *Коняшина* (Бр.). — Имя *Конь*, *Конище* (с суффиксом уменьшительного значения *-ище*), *Коната*, *Коняй*, *Коняша*.

Топографическое название *Конищево* могло заменить собою более раннее название *Конище*. Это последнее имеет иное значение: место стоянки коней. Такого происхождения название *Конище*(***во***) в Рязанском районе: в прежнем центре села находится место, известное под именем *Городок*, где находились государевы к о н ю ш н и.

Левчищево (Серп.). — Имя *Левчище*, уменьшительное к *Лев*, *Левонтей*, *Левко*.

Лихорадова (Моск. у., XVI век). — Имя *Лихорад*.

Любаново (Вер.), *Любановка* (Кол.), *Любятино* (Кл.), *Любохна* (Брян. у., Орлов.). — Имена *Любан*, *Любята*, *Любомир*.

Ляпунова (Моск. у., XVI век). — Имя *Ляпун*.

Могутово (Моск. у., XVI век, Бог.). — Имя *Могут*, *Могута*.

Мягкомелино (Моск. у., XVI век). — Имя *Мягкомеля*.

Насилово (Прон. у., Ряз.). — Имя *Насил*.

Негодяево (Кл.). — Имя *Негодяй*, нередко применявшееся в прежнее время.

Новосилово (Моск. у., XVI век), *Новосиль* (гор.). — Имя *Новосил*.

Оголигузово (Переясл.-Зал., XVI век). — Имя *Оголигуз*.

Одинцово (Дм.). — Имя *Одинец*.

Останкино или *Останково* (М., Дм., Серп.). — Имя *Останок*.

Остахова (Донск. обл.), *Осташева* (Брон., Мож.), *Осташков* (гор.) — Имя *Остах*, *Осташ*.

Палиносово (Александр. у.). — Имя *Палинос*.

Пашигорева (Дмитр. у., XVI век). — Имя *Пашигоре*.

Перевитеск (Ряз.), *Перевицкий* Торжок (Зарайск. у., Ряз.). — Имя *Перевит*.

Перемышль (в Моск. обл., 1328 г., гор. в Калуж. крае). — Имя *Перемысл*.

Перепечено (Мих. у., Ряз.). — Имя *Перепеча*.

Пермилово (Дм.). — Имя *Пер*[*е*]*мил*.

Переславль вместо *Переяславль* (Залесский). — Имя *Переяслав*.

Перехваль (Данк. у., Ряз.). — Имя *Перехвал*.

Перхурова (Бог., Серп.), *Першутино* (Кл.). — Имя *Перхур* (Порфирий,) уменьшительное *Першута*.

Пестрецы (Казан. у.), *Пестриково* (Кашин. у.). — Имя *Пестрец*, *Пестрик*, уменьшительное к *Пестрой*.

Пищигузово (Моск. у., XVI век). — Имя *Пищигуз*.

Полежайка, *Полежайки* (Зв.). — Имя *Полежай*.

Полетуево (Моск. у., XVI век). — Имя *Полетуй*.

Похлебайка, *Похлебайкова*, *Похлебайки* (Моск. у., XVI век, Зв.). — Имя *Похлебай*.

Путилово (Дм., М.), *Путилково* (М.), *Путятиново* (Моск. у., XVI век). — Имя *Путило*, *Путилко*, *Путята*.

Радилово (Мож. у., XVII век), *Радково* (Колом. у., XVI век), *Радутино* (Серп.). — Имя *Радило*, *Радко*, *Рудута*.

Радонеж на берегу речки Пажи, ныне Городок (Дм., Моск. обл.). — Имя *Радонег*.

Ратибор (Кирил. у., Новг.), *Ратманово* (Бог.), *Ратмирь* (Кол.) — раньше *Ратьмирь* (XVI век, писц. кн.), *Ратово* (Мож.), *Ратуево* или *Ратово* (Руз.), *Ратчино* (Кол., Раненб. у., Ряз.). — Имена *Рат*, *Ратуй*, *Ратко*, восходящие к более давним *Ратибор* или *Ратьмир* (*Ратьмер*).

Рахманово (Дм., М., Вол., Бог.), *Рахмановка* (Никол. у., Самар.), *Рахманка* (Керен. у., Пенз.). — Имя *Рахман*, *Рахманин*.

Резанова (Под., Дм., XVI век; Моск. у., XVI век), *Резанцово* (Звен. у., XVI век, Моск. у., XVI век), *Резютино*, *Резаново* тож (Звен. у., XVI век), *Рязанов* брод (Болашов. у., Сарат.), *Резань* (пишется и *Рязань*, Звен.). Вероятно, только графическое значение представляют написания с ***я*** в передаче названий *Рязанцы* (Бог., Дм.), *Рязанцова* (М.). — Имя *Резан*, уменьшительное *Резанец*.

Репехово (Дм.), *Репотино* (Мож.). — Имя *Репех*, *Репота*. Того же корня имена *Репа*, *Репня*, *Репуй*.

Рославлево (Бр.), *Рославль* (Переясл.-Зал., гор. в Смолен. обл.). — Имя *Рослав*.

Ртищево (Дм.). — Имя *Ртище*, уменьшительно-презрительное к имени *Рот*. Например: Исайко *Рот*, 1670 г.

Русаково (Руз.), *Русаново* (Серп., Кирил. у., Новг.), *Русаниха* (Кирил. у., Новг.), *Русилово* (Егорьев. у., Ряз.), *Русина* (Бог., Кл.), *Русиново* (Кл., Мож., Под.). — Имя *Русак*, *Русан*, *Русило*, *Русин*.

Светлозоры вместо *Светлозорово* (М.). — Имя *Светлозор*.

Селино (Дм.), *Селятина* (Вер.). — Имя *Селя*, *Селята*.

Синебрюхова (Моск. у., XVI век), *Синеусово* (Моск. у., XVI век). — Имена *Синебрюх*, *Синеус*.

Станиславль (Под., Переясл.-Зал., XVI век). — Имя *Станислав*.

Судиславль (Костром. у.) — Имя *Судислав*. Того же происхождения и название *Судислово* (Вол.).

Сычевки (Дм., Зв.), *Сычи* (Мож.), *Сычево* (Кол., Руз.). — Имя *Сыч*. Например: Ивашко *Сыч*, 1495 г.; *Сыч* Омельянов, 1538 г.

Тешилово (Дм.). — Имя *Тешило*, уменьшительное, как и *Тешата*, *к* имени *Техомир*.

Халдеево (Мож.). — Имя *Халдей* (пример см. ниже).

Хороброво (Мож. у., XVI—XVII вв.), позднее *Храброво* (Дм.). — Имя *Хороброй*.

Хотелово (Моск. у., XVI век), *Хотеново* (Переясл.-Зал., XVII век), *Хотилово* (Мож.). — Имя *Хотел*, *Хотен*, *Хотило*. От имен *Хот*, *Хотяй*, *Хотько* названия пунктов *Хотово* (Бог.), *Хотяинова* (Кол.),

Хотьково (Дм.). Ср. примеры с личными именами: *Хот* Станимирович, новгородский боярин, 1228 г.; *Хотен* Болобанов, дворянин, в Твери, 1585 г.

Хотимль (Кинеш. у.), *Хотимерка* — речка в Переясл.-Зал. крае, XVII век. — Личное имя *Хотим* и полная форма *Хотимер*.

Чернево (М., Мож., Под., Руз.), *Чернеево* (Дм.), *Чернищево* (Зв.), *Чернышево* (Бол., Кол., Серп.), *Чернятино* (Кл.). — Имена *Чернь*, *Черняй*, *Чернище*, *Черныш*, *Чернята*.

Яро́во (Дм.), *Яропольч* (Вол., Переясл.-Зал.), *Ярославль* (гор. и село во Владим. у., XV век), *Ярцово* (Брон., Дмитр., Под.), *Ярюхино* (Кл.). — Имена *Ярой*, *Ярец*, *Ярюха* — сокращения к именам *Ярополк*, *Ярослав*, которые также отражаются в топонимии.

В л а д е л ь ц а м и сел и деревень были князья, цари, бояре, дворяне, владыки, монастыри, воеводы, дьяки, баскаки, сотники, ордынцы.

Княжево (Мож.), *Княжьи* Горы (Вол.), *Князь*-Петрова (Вол.), *Князева* (Вер.), *Князево* Займище — село (Скопин. у., Ряз.), *Князщина* (Моск. у., XVI век).

Топонимические образования от «царь» происходили в период московский и петербургский: *Царево* (Дм.), *Царевщина* (Мокшан. у., Пенз.), *Царевичов*-Дмитриев Город или *Царев*-Дмитриев Город, *Царев*-Борисов (Мож., — село, основанное Борисом Годуновым; Изюм. у., Харьк., того же времени), *Царицыно*, до 1755 г. Черная Грязь (М.). К XIX веку относятся названия рудников, и на них простерлись имена Николая и Александра Романовых: *Царево-Александровский* (золотопромышленный рудник в Оренб. крае, в Перм. губ., в Томской губ.); *Царево-Николаевский* (золотопромышленный рудник в Оренб. крае, в Томской губ.).

Другие названия по владельцам: *Осподаревская* (Кирил. у., Новг.), *Боярская* (Кл.), *Барская* (Вол.), *Дворянское* (Мих. у., Ряз.), *Патриаршее* или Нижний Студенец (Задон. у., Ворон., принадлежавшее патриарху Филарету), Вельяминово до 1653 г., в этом году оно поступило в число сел патриарха Никона и стало называться *Владыкино* (Моск.), *Владычино* (Вол.), *Владычка* — «земля патриархова» в Борисоглебском стане Переясл.-Зал. края (конца XVI века), *Монастырщина* (Данк. у., Ряз.), *Монастырь*-Рубицкое (Касим. у., Ряз.).

Воеводино (Под.).

Баскаково (Данк. у., Ряз.), *Баскаки* (Моск., Данк. у., Ряз.).

«За *дьяком* за Михайлом за Семеновым сыном Бледново пустошь *Дьеково*» (Моск. у., XVI век), *Дьяково* (М., Дм., Зв., Мож., Руз.), *Подьяково* (Моск. у., XVII век), *Подьячево* (Моск. у., XVII век), *Писцо-*

во (Раненб. у., Ряз., Нерехт. у., Костром.), «Деревня *Скорописова* Рудокова» (Колом. у., XVI век).

Деревня *Сотникова* (Вер. у., XVI век, Колом. у., XVI век), пустошь *Сотники* (Моск. у., XVI век).

Ордынцы (Под.), до конца XVII века — *Ордынцыно*. («*Ордынцы* и делюки, а те знают своя служба по старине, а земель их не купити», 1453 г.)

При чрезвычайно разнообразном происхождении древнерусских личных имен и прозвищ не всегда возможно на основании одного только названия, без исторической справки, определить, указывает ли оно на должность или функции владельца или только на личное имя его. Например: село *Тиунцево* (М.). «Тиуном» называли не только лиц определенной должности, но это слово служило и в качестве собственного имени лица. Например: Алексейко *Тиун*, крестьянин в Новгородской обл. (1500 г.); Тимошко *Тиун* — там же (1590 г.). Имея в виду суффикс ***-ец***, полагаем, что в данном случае владелец села носил личное имя *Тиун*, уменьшительное *Тиунец*.

Среди владельцев были выходцы (или их потомки) из других городов, областей: *Муромцова* (Брон., Вол., Дм.; владельцы этих деревень были по прозвищу *Муромцы*, из Мурома), *Суздальцева* (Зв.), *Тверитинова*, *-во* (Руз., Серп.), *Ростовцево* (Зв.). Относительно последнего названия следует сделать ограничение: было и личное имя *Ростовец* — с уменьшительным суффиксом ***-ец***. Например: *Ростовец* Никитин сын Колзаков, московский пушкарь (1560 г.). Другая форма уменьшительного значения для этого имени — *Ростовко*, *Ростовка*. Например: Третьяк Борисов сын *Ростовка*, в Белозерске (1552 г.).

Не обязательно на литовца, а вообще на прибывшего из областей Литовского княжества указывает личное прозвище *Литвин* и находящееся в связи с ним название местного пункта: село *Литвиново* (Вол., М.), дер. *Литвинова* (Кол.).

Имеются села *Немчиново* (М.), *Немчиниха* (Под.), *Фрязино* (Бог.). Но на основании этих названий невозможно полагать, что владельцы их были выходцами из других стран: один — «немчин», а другой — «фрязин». Эти имена, как и имена других народов, служили у русских и для личных имен и прозвищ. Например: Ивашко *Немчин*, крестьянин на северо-востоке (XVI век); Иван *Фрязин*, боярин (1481 г.); *Фрязин* Яковль, т. е. *Фрязин* Яковлев, крестьянин на северо-востоке (1541 г.); *Татаринко* Халдей *Черемисин* Караулов, рыболов (1461 г.) и др.[5]

[5] Об этом подробнее в статье о личных именах. См. также статью А. И. Соболевского «Названия населенных мест и их значение для

Пустошь, деревня, село, слобода носили имена не только владельцев — лиц господствовавших классов того времени, но и имена лиц из крестьянской среды. Это были лица, имевшие особое значение для данного пункта поселения (первоначальный поселенец, выдающееся положение), или первоначальные владельцы участка земли с угодьями (деревня) или какого-нибудь пункта (селище, враг, ржавец). Так, например, в районе Переяславского села Зеленщина в начале XV века, незадолго до разорения Переяславщины Эдигеем, поселился Иван *Лапоть*. После нашествия Эдигея (1409 г.) *Лаптево* поместье запустело; осталось «селище *Лаптева*». На этом селище водворился *Феденя* с сыновьями Юреней и Перхуром и поставили деревню *Феденину*[6]. В Белозерском крае в конце XV века Есип Пикин, владелец деревни Колкач, «ту деревню Колкач велел разставити надвое, да посадил деда моего Ваську *Телибанова*, и дед мой на Есипа половничал». Так возникла деревня «Другой Колкач, Васьки *Телибанова* тож»[7]. А вот другие обстоятельства появления названия, которое может укрепиться за пунктом: «починок Федька Мануилова стал после письма, во дворе Федько Мануилов»; «починок Неклюдов стал ново на лесу на Диковской же земле (села Дикого) Пашковского селица, во дворе Неклюдко Иванов», и многие другие (писцовые книги XVI века).

Иногда самая форма названия указывает на крестьянскую среду. Например: *Девкино* (Вол.), *Ивашкина* (Дм.), *Матеренки* (Дм.), *Петряхина* (Руз.), *Петрухина* (Серп.), с. *Рождествено*, *Семенчино* тож, на *Сенкине* мытище, на реке Пахре (XVII век).

Не только личные имена крестьян, основателей и первых поселенцев деревни, и владельцев-вотчинников отражались в топонимии, но и имена холопов и других невладельческих лиц. Так, в начале XV века у белозерского боярина Григория Ив. Монастырева была д. Щелково, которая называлась также *Яковлей*, так как «на ней живал Григорьев холоп Яков»[8].

Пункты могли получить имя по названию той работы, которая выполнялась владельцем пункта или жителями его. Так, немало пунктов с названием *Псарево* (*Псарева*) (Кол., Мож., Моск. у., XVI век), *Псарьки — Псарки* (Бог., Мож.), *Псарня* (Звен.,

русской исторической этнографии» («Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 88, 1910, с. 226—227).

[6] Федотов-Чеховский, Акты гражданской расправы, т. I, № 30.

[7] С. Б. Веселовский, Село и деревня, с. 68.

[8] Там же, с. 67.

XVI век), пустошь *Псаровская* (Моск. у., XVI век). В Серпухове в XVI веке был *Псарев* переулок. Эти названия пошли не только от того, что тут жили псари, но и от того, что некоторые из этих пунктов принадлежали псарям. О владениях псарей имеется много указаний в писцовых книгах. Например: «за *псарем* за Григорьем за Ивановым сыном Удальцова полдеревни Долгинина» (Моск. у., XVI век); «деревня Ябедино с пустошми была за *псарем* за Федором за Белиницыным» (Моск. у., XVI век).

Сокольники и *Сокольникова* (Моск., Зв., Колом. у., XVI век, Переясл.-Зал.).

Стрельцы (Данк. у., Ряз.), *Стрелецкое* (Колом.), *Стрелецкая* слобода (Мож. и в районе других городов).

Стремянникова (Бог.).

Бортникова, *-во* (Дм., Кл., Кол.), *Бортницы* (Кл.), село *Бортное* (Моск. у., XVI век), пустошь *Бортная* или *Бортнича* (Моск. у., XVI век).

Княжеские слободы в Серпухове в XVI в.: *Сокольничья* у Нечистого Врага, *Зелейная*, *Пищальникова*, *Ключничья*.

Слободка *Затинщикова* (в Коломне, XVI век; *затинщик* — стрелок у затинной пищали), *Затинная* слобода у г. Пронска (Ряз.).

Рыбаки (М.), *Рыбаки* или *Рыбная* слобода, *Рыбацкая* слобода (в Переясл.-Зал.; жители занимаются ловлей сельдей в Плещеевом озере), *Рыбачки* (Брон., при р. Москве), *Рыбацкая* или *Рыбная* слобода (при впадении речки Славянки в Неву), *Рыбная* слобода (у Москвы-реки, Коломны, Лаишев. у., Казан.; жители — рыбаки, доставлявшие рыбу в Москву; Ярослав, губ., позднее, с 1777 г., город *Рыбинск*), *Рыболово* (Зв., Брон.), *Рыболовли* (на Москве-реке, XVI век), д. *Рыболовская* (на Москве-реке у Коломны).

«Сельцо *Ловь* на речке на Коширке» (Колом. у., XVI век), *Ловцы* (при р. Оке, Зарайск. у., Ряз.; в XVII веке — дворцовое село, обязанное доставлять ко двору рыбу; того же значения село *Ловцы* на р. Саре в Переясл.-Зал.).

Ям (Под., Егорьев. у., Ряз.), Старый *Ям* — дворцовое село на Каширской дороге (Подол. у., XVII век), *Ямщина* (Инсар. у., Пенз.), *Ямская Слобода* (Мож. и в других местностях).

Малочисленны названия сел по производственным ремеслам. Замкнутость феодальной деревни с ее укладом натурального хозяйства, домашнее производство, обслуживавшее нужды крестьянского обихода, не давали возможности развитию и обособлению ремесел в деревне. Занятия промыслами и торговлей были к тому же стесняемы правительственными мероприятиями. Но все же

в некоторых местностях население, при недостатке удобной земли для обработки, занималось частично промыслами и торговлей[9].

Слабые следы в топонимии: *Кузнецы* (Бог., Моск.), *Кузнецкая* (Серп.), *Кузнецкий мост* (в Москве). О принадлежности «деревеньки» в виде земельного участка (пахотная земля и угодья) и двора кузнецам свидетельствует, например, такое указание начала XV века: *кузнец* Михаил Пахомов и какой-то Епимах *продали* Белозерскому монастырю свою деревеньку[10]. Примеры других названий: *Котельники* (М. ., Бог., Зв.), *Гончары* (М.), *Красильники* (Спас. у., Ряз.), *Дехтяри* (Мож.), *Бочарники* (местность в Перемышльской десятине Подол. у., XVI век), *Бронницы* (в Новг. обл.; упоминается в летописи под 1268 г.), село *Бронничье* (1453 г.), позднее г. *Бронницы* (Моск.), *Плотничья* слобода (в Можайске, XVI век); в Москве:

Плотники, *Столечники* («в Белом городе на Петровке в приходе у церкви Рожества Пр. Богородицы, что в *Столечниках*, учинился пожар», XVII век), *Мыльники* («двор Исака Иванова на Кулишках в приходе у Николы чудотворца в *Мыльниках*», XVII век), *Сыромятники* (раньше *Сыромятная Слобода*: «наемные подводы наемщиков *Сыромятные слободы*», XVII век)[11], *Кожевники*, *Хамовники* (где жили мастера, изготовлявшие «белую казну» — полотна, скатерти и т. п.).

Пуков Базар (местечко, Брон.), *Перевицкий Торжок* (Зарайск. у., Ряз.).

По социально-имущественному и сословному признаку: *Бобыльская* (Дм.), *Мещанская слобода* (Бог.).

Названия в связи со служителями культа. Примеры названий от имени «владыка» указаны выше. *Протопопово* (Кол.), *Попова* (Руз., Серп.), дер. *Попово селище* (Моск. обл., XVI век), *Поповская* (Дм.), пустошь *Поповская* (Моск. у., XVI век), *Поповка — Поповки* (Брон., Вер., Дм., Зв., Клин., Серп.), *Попиха* (Дм.). Относительно многочисленные местные пункты (деревни, селища, пустоши) с такими названиями указывают не на то, что эти пункты были во владении попов, а на то, что они, эти пункты, возникли на месте, где было поместье попа: оно не всегда находилось в пределах села, а

[9] Ю. В. Готье, Замосковный край в XVI веке, М., 1906, с. 526—537; изд. 2, М., 1937, с. 353—360; Б. Н. Тихомиров, Ремесло в Московском государстве в XVI веке («Известия Академии наук СССР, Отделение Общественных наук», 1933, № 2).

[10] С. Б. Веселовский, Село и деревня, с. 67.

[11] «Акты Московского государства», т. III, с. 441, 486, 114.

нередко было в стороне от него. Ср. название: д. *Попово селище*, т. е. деревня, возникшая на селище (на бывшем когда-то местопоселении) попа. Ср. также указание на местонахождение одной из *Поповок*: «деревня *Поповка* на *Поповском враге*» (Дмитр. у., XVI век). *Дяконова* (Зв.): «пустошь, что была деревня *Дияконова*, *Дияково* тож» (Моск. у., XVI век), *Пономарево* или *Брехово* (Зв.).

Названия, находившиеся в связи с значением пункта поселения: 1) сторожевой пункт, 2) острог (укрепление), 3) город, 4) погост, 5) стан (место остановок князей, а позже их наместников, волостелей, тиунов и других приказных людей), 6) посад, 7) слобода, 8) место таможенного сбора (мыто).

1) *Сторожевая* (подгородная слобода у г. Дианкова, Ряз.).

2) *Острожки* (село при речке Северке, Серп.); *Кельич Острог* (село, Вол.).

3) *Борис-городок* или *Борисов Городок* (село, Мож.), *Городок* (дер., — Бог., Вер., Дм., Под.), *Городец* (в разных местностях), *Городня* (Моск., Кол.), *Городище* или *Городищи* (Моск., Бог., Брон., Кл., Кол., Под., Серп, и во многих других местностях).

4) Погост, т. е. пункт, где с давнего времени собирался народ, доставляя дань представителям княжеской власти. Такие погосты существовали с первых веков русского государства. В 947 г. кн. Ольга ходила в Новгородскую землю и «устави по Мсте погосты и дани». В таких пунктах происходила и торговля, отсюда и название их: по-гост. С принятием христианства на погостах строят церкви, отводят место для кладбища. С течением времени погосты утрачивают значение административно-податных и церковных центров. Погост становится местом, где находятся церковь и причт. Так было в одних местностях. В других — около погоста возникает поселок: погост становится селом, деревней. В средней и южной полосе страны погост стал только кладбищем. Много погостов совсем запустело. Название погоста чаще всего было по находящейся там церкви: *Ивановский погост* (село, Вол.), *Ильинский* (погост, Клин), *Козмодемьянский* (погост, Кол.), *Никитский Погост* (местонахождение церковного причта, — Бог.). Другие названия: *Старый погост* (пустошь, Моск. у.; XVI век), *Погост Дощатый* — название, находящееся опять-таки в связи с тамошней церковью, с внешним видом ее: другое название этого пункта — *Спас-Дощатый* (Зарайск. у., Ряз.). По месту прежнего погоста: *Погостище* (Кирил. у., Новг.).

5) *Становая* (Брон., Клин.), *Становищи* (Брон., Кл., Руз.), *Старый Стан* (Кл.), *Теплый Стан* (М.), *Красный Стан* (Руз.), *Ростуновский Стан* (Боров. у., XVII век), *Гулятин Стан* (Переясл. у., XVII век) и др.

6) *Сергиев-Посад* (ныне Загорск), *Посад* — часть старой Москвы, вне Кремля, *Посадники* (Вол.).

7) Слобода, население которой располагало разными льготами: *Слобода* (деревня, — Бог., Дм., Клин., Под.), *Слободка* (деревня, — Брон., Зв., Кл.), «п у с т о ш ь *Слободка*, что была с е л ь ц о *Слободка*» (Моск. у., XVI век). Село на месте прежней слободы: *Слободищи* (Бог.).

Названия самых слобод происходили: а) по большей части от обязанности, лежавшей на владельцах или на жителях ее, а также б) по общему характеру льготы, которой располагали жители слободы, в) по находившейся там церкви, г) по принадлежности владельцу, д) по топографическому положению, е) по личному имени.

а) «Да в Можайску ж за посадом, за Смоленскою большою дорогою по Боровской по *большой дороге* слобода *Ямская*… а в слободе *двор ямской*, да в слободе ж двор ямского приказщика да охотничих (вариант: ямских охотников) 41 двор» (писцовые книги, XVI век). Ямские слободы существовали во всех городах и в разных других пунктах: *Служная слободка* (деревня, — Егорьев. у., Ряз.), *Сторожевая Слобода* (Данк., Ряз.), *Стрелецкая Слобода* (в разных городах), *Пушкарская Слобода* (в разных городах), *Кожевничья Слобода* (в Можайске, XVI век), *Рыбная Слобода* (см. выше), *Сыромятная Слобода*, позднее *Сыромятники* (в Москве) и др.

б) *Беломестная Слобода* (Тамб. у. и в районах других городов).

в) *Спасская Слобода* (село, — Зв.), *Ильинская Слобода* (село, — Мож.).

г) *Монастырская Слободка* (село, принадлежавшее некогда монастырю, — Вер.).

д) *Красная Слобода* (село, — Ряж. у., Ряз.), *Зеленая Слобода* (Брон.).

Пункт на месте бывшей слободы: *Слободище*, *-щи* (Бог., Дмитр. у., XVI век).

е) *Теряева Слобода* (село, — Клин.); «за Елизарьем за Юреневым деревня *Слободка Юренева*» (Колом. у., XVI век).

8) *Мытищи* (Моск.).

Село. ***Сельцо***. ***Деревня***. ***Селище***. ***Усадище***. Пункт поселения получал иногда название ***Село***. Например: *Село* — деревня в Кирил. у., Новг. губ. Значение села как пункта поселения в феодальное время было следующее. Это был административно-хозяйственный центр княжего или боярского владения; в селе находились владельческий двор и жилища господских холопов; позднее в этом центре стали появляться дворы сирот и крестьян. Но и в XV—XVI вв. были такие села, в которых находился только двор владельца и его слуг, а кре-

стьяне жили по деревням в районе владений села. В то же время село было церковноприходским центром[12].

То село, которое не было церковноприходским центром, называлось ***сельцом***. Это название осталось за некоторыми селами и деревнями в качестве их собственного имени: *Сельцо* (XVI век) — позднее *Сельцы* (село, — Моск.), *Сельцы* (деревня, — Брон., 3 пункта, Руз.).

Иногда за населенным пунктом в качестве его собственного имени осталось название ***Деревни***. Давняя деревня — это пункт поселения вместе с комплексом сельскохозяйственных угодий (с полем, с сенокосом, с лесом), тянувший в податном отношении к селу или к сельцу. Обозначало слово *деревня* и просто земельные угодья, безотносительно к жилищу. Из топонимии: в районе Бронницкого у. в XVII веке было село *Деревни*, смежное с деревней, называвшейся также по значению прежнего пункта поселения (сельцо): *Сельцы* вместо *Сельцо*: «церковь Рождества Богородицы, что в *Деревнях*… а смежна та церковная земля с его (кн. Щербатова) землями деревни *Сельцы*» (XVII век), *Деревни* или *Деревници* (Егорьев. у., Ряз.), *Деревнище* (деревня, — Колом. у., XVII век), *Деревнищи* (деревня, — Муром. у.), *Деревенька* (деревня, — Кирил. у., Новг.).

Деревня иногда пустела. Запущенное место, со следами поселения, называлось ***селищем***. «Село Ознобишино, а Мирославское тож, по обе стороны реки Мочи… а *селище* старое того села Ознобишина Мирославского по другую сторону реки Мочи, на враге и на пруде… а на селище три места дворовых, а по сказке окольных людей, жил де на том *селище* прежний вотчинники, с того де он селища переселился на другую сторону реки Мочи, что ныне село Ознобишино… а старожильцы сказали, что они тому селищу имени не упомнят» (XVI век; ныне село Ознобишино в Под. районе). На запущенном месте поселения возникало новое поселение. Оно получало иногда название ***Селище***. Укреплению такого названия могло способствовать то обстоятельство, что имя прежнего поселка забылось. «Пустошь, что была деревня *Селище*» (Моск. у., XVI век); *Селище* (Костр., Твер. уу. и др.), *Селищева* (деревня, — Клин.).

Усадище — свободное место среди деревни, усадьба вотчинника со всеми находящимися там угодьями. Например: «а на *усадищи* подле вотчинникова двора два пруда» (XVI век, в с. Ознобишине, в Перемышл. десятине, Моск. края). Это название изредка переходило на все село: *Усадищи* (Брон., Под.).

[12] См.: С. Б. В е с е л о в с к и й, Село и деревня, с. 12.

Название получилось по находившимся в данном пункте постройкам (двор, сруб, избы, овины): *Большой Двор* (деревня, — Бог.), *Большедворье* (деревня, — Кирил. у., Новг.), *Великий Двор* (деревня, — Кирил. у., Новг.), *Задний Двор* (деревня, — Клин.), *Семидворье* (Вер.). На месте двора: *Дворище* (Моск. у., XVI век), *Струбище* (пустошь в Моск. у., XVI век), *Избищи* (Зв.), *Овинищи* (Руз.).

Название указывает на вновь возникший пункт поселения, в противоположность старому поселку. В этих случаях применялись такие названия:

1) *Выселок* или *Выселки* (Брон., Кол., Серп.; Кирил. у., Новг.).

2) *Новоселок* (Серп.), сельцо *Новоселка* (Моск. у., XVI век), *Новоселки* (Брон., Вол., Дм., Кол.; Моск. у., XVI век), *Новоселы* (Вер.).

3) *Новая Деревня* (Вер., Клин, и др.); *Новоселки* или *Новая Деревня* (Брон.).

4) *Новая*, *Новое* (Бог., Дм.).

5) *Новинки* (Бог., Под.).

6) Малое: *Малое Голубино* (М.), *Малое Кишнево* (Бог.), *Малоивановское* (Руз.), *Грибово Малое* (Мож.), *Малые Семенычи* (Вер.); Меньшое: *Тарасово Меньшое* (Моск. у., XVI век).

Прежнее поселение, в противоположность новому, называлось ***Старым*** или ***Большим***: *Старое*, *Старая* (Дм., Кл., Мож. и др.), *Староселье* (Под.), *Старая Деревня* (*Стара-Деревня*)… *Большое Голубино* (М.), *Грибово Большое* (Мож.) и др.

7) Старое и новое места поселений различаются также определениями ***Ближний***, ***Дальний***: *Ближний* (Вол.), *Ближнее-Беляево* (М.), *Дальний* (Вол.), *Дальнее* (Брон.), *Дальняя* или *Дальнее-Беляево* (Мож.).

Названия изредка произошли от общественно-бытовых явлений: *Братовщина* (Дм.; у села был некогда странноприимный дом, находившийся у Московско-Ярославской дороги), *Судбищи* (Тульск.), *Семибратское* (Кол.).

В немногих случаях деревня получала название по имени этнической группы, имевшей значение для данного пункта (жившей здесь). В определении этнического значения топонимического названия следует учитывать то обстоятельство, что имя народа служило в Московской Руси одним из источников для персональных имен. Примеры этого указаны выше. В таких случаях при анализе топонимических названий необходимы исторические справки. Иногда самая форма названия своими формальными элементами может дать ответ на вопрос, относится ли данное топонимическое образование к этнической группе или оно связано с именем лица. Полагаем, этническое значение представлено было названием *Меря* в Бого-

родском у. По документам XVI века 2 деревни с названием *Меря* были и в Звенигородском у.[13] В связи с *Мещерой* находится название *Мещерской* волости в Коломенском у. XVI века, деревня *Мещера* в Богородском у., а также в Нижегородском и Владимирском краях. Но без исторической справки не ясно, с мещерой или с фамилией *Мещерский* связано название села в Моск. *Мещерское*. Есть еще село *Мещерское* в Подольск. Но относительно его мы располагаем историческим указанием на связь имени этого села с кн. *Мещерским* (XVII век)[14]. Возможно полагать связь с мещерой села *Мещерино* Коломенского у. В духовной грамоте Дм. Донского это село упоминается под именем *Мещерки* (*Мещерка*). Таким образом, суффикс ***-ино***, суффикс посессивного значения в общем его применении, в этом имени, как и в некоторых других топографических названиях (см. ниже), вторичного применения: он появился тут по образцу других топографических имен с таким суффиксом.

Указание на находившуюся некогда ***голядь*** может представлять название деревни *Голяди* в Дмитровском и Клинском уу. Указаны также другие имена, образованные от *голядь*, в Московской, Калужской, Орловской обл.[15] Летопись (по Ипатьевскому списку, под 1146 г.) указывает на голядь, находившуюся «верх Поротве», т. е. на юго-западе нынешнего Московского края и соседнего района — Калужского. Возможно, что отдельные группы этого населения были и в северной части Московского края. По отношению к другим именам, производимым от имени *голядь*, в его этническом значении необходимы исторические указания. Без таких указаний возможно полагать, что значение этих имен могло быть и иное: *голядь* служило не названием населения, а представляло собою корень ***гол-*** (*голый*) с суффиксом ***-ядь***: *голядь — голь*; ср. русск. *чернядь* (черный цвет),

[13] «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 359, 365, 369.

[14] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1778, I, 73. А. И. Соболевский полагал, что имена с суффиксами ***-ский***, ***-ское***, образованные от имени народа, представляют этническое значение («Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 88, 1, 1910, с. 226, в статье «Название населенных мест»). Но и в этих случаях без исторической справки форма на ***-ский*** не показательна.

[15] Н. Барсов, Очерки русской исторической географии, изд. 2, Варшава, 1885, с. 44.

А. И. Соболевский, Где жила Литва? («Известия Академии наук», 1911, с. 1051—1054).

А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, Пг., 1919, с. 42.

рухлядь, *челядь*, ср. имя *голяда* в значении «голытьба» (например, в Новг., Ряз. обл.); ср. русское прозвище *Голядко*: *Юрко Голядко* (1651 г.); в том же значении употреблялись прозвища *Голье*, *Гольтепа*: *Ивашка Голье* (1498 г.), *Ивашко Гольтепа* (1684 г.).

В Московском крае имеется несколько сел и деревень с названием *Татариново* (Мож., Серп.), *Татарка* (Зв.), *Татаринки* (Вол.), *Татарово* (М.), *Татарское* (Под.). В XVI веке д. *Татарская* показана в Коломенском у. Некоторые из таких названий были связаны с каким-нибудь татарином, получившим землю в Московском крае. О владениях тут татар землею и разными угодьями свидетельствуют писцовые книги XVI века (например, с. 337—339). В частности, их было немало в Коломенском у. Личные имена некоторых из этих татар остались за их деревнями; деревня *Шигалеева*, деревня *Кизыклеево* (Кол.). В Московском у. село *Гиреево*, вероятно, тоже было во владении татарина *Гирея*. Но следует ограничить показательность названий «Татариново»: некоторые из них были вызваны не тем, что их поселенцем или владельцем был татарин, а тем, что они имели отношение к русскому лицу, носившему собственное имя *Татарин*. Например: *Ондрейко Татарин*, Пестриков брат, помещик в Новгородской обл. (1495 г.). Такого происхождения было название села *Татаринова* в Бронницком у.: на то, что в данном случае название было связано с личным именем, указывает вариант названия этого села: *Татаринцево*. Суффикс ***-ец*** был обычным в собственных именах лиц — суффикс уменьшительного значения, характерный для названия лиц в московский период: *Василец*, *Назарец*, *Юрец*, *Татаринец* и т. п. Другим суффиксом уменьшительного значения был ***-ко*** или ***-ка***: *Васька*, *Юрко*, *Татаринко*… Пример последнего имени был указан выше.

Примеры названий этнического происхождения, относящиеся к другим областям: *Весь* (Ленингр. обл.), *Весьегонская*, позднее город *Весьегонск*, *Корелка* (Калинин. обл.), *Корельская* (Ленингр. обл.), *Корельское* (Костр.), *Лопари* (Вят. край), *Черемисское* (Костр.), *Югорская* (Волог.).

Лишены определенного указания следующие названия.

Чудинки (Бог.). Это название может находиться в связи с личным именем *Чудин*, часто употреблявшимся в прежнее время. На связь этого названия с именем лица могут указывать названия тождественного значения, но с более показательными языковыми элементами, с суффиксом ***-ан***, часто входящим в личное имя (*Любан*, *Долган* и др.), и с суффиксом ***-ское***, часто употреблявшимся в топографических названиях, образованных от личных имен (*Ивановское*, *Мики-*

тинское): *Чуданово* (Серп.), *Чудинское* (Бог.). В некоторых местностях к северу от Московского края такие названия, как *Чудь* (Владим., Костр.), *Чудское* (Костр.), *Чудско* (Ленингр. обл., Новг.), указывали на население «чудь».

По-видимому, от личного имени пошло название *Мордвинова* (Мож.).

Халдеево (Мож.). Разумеется, тут не сидел и не владел какой-нибудь халдей. Эта деревня получила свое название от лица с именем *Халдей*. Такое имя давали в прежнее время. Пример указан выше.

В Новгородском крае имеются следы пребывания там скандинавских пришельцев — дружинников и купцов — названия от имен *rus* (швед. *rōths*, у финнов *Rōtsi* — Швеция), *vāēringer* — варяг, *kylfing*(*r*) — кълбяг > колбяг, *byringer* (*buringer*) — буряг. *Колбяги* — одна из варяжских групп. *Буряги* — «потомки Бури» (*Бури* — личное имя одного из скандинавов). Из топонимии: *Русская дорога*, *Русские Новики*, *Русское Огорово* (Новг. район), *Варяжская часть* в старом Новгороде, *Варяжский ям* недалеко от Новгорода (упоминается в XVI веке), *Колбеги*, в 170 *км* от Новгорода, *Буреги*, село на южном берегу озера Ильмень, погост *Буряги*, погост *Буряжской* (в Новгородских писцовых книгах, XV век)[16].

Давнего происхождения названия, образованные от имени *словене* в Новгородском крае: *Словенский конец* в старом Новгороде, *Волочок Словенский* в Белозерском районе в XV веке; *Словенский Погост* в Кирилловском у., деревня *Словянка* и речка *Словянка*, там же.

Кроме имен лиц, значительными источниками топонимии старого времени были имена местной церкви и ландшафт.

Церковные имена: *Архангельское* (М.), *Благовещенское* (Бог., Дм.), *Воскресенское* (Бог., М.), *Воскресенки* (Руз.), *Святые отцы* — позднее *Всесвятское* (М.), *Егорий на озере* (*Кл.*), *Знаменское* (М.), *Знаменка* (Брон.), *Николо-Сверчки* (Кл.), *Спас-Заулки* (Кл.) и многие другие.

Ландшафт[17]. Гора, холм, курган, могила: *Красная Гора* (Вол.), *Солнечная Гора* (Кл.), *Лудина Гора* (Вол.), *Жилые Горы* (Вол.), *Горки* (М.), *Пустые Горки* (Моск. у., XVI век); *Холм* (Моск. у., XVI век,

[16] R. Ekdlom, Rus- et Vareg — dans les noms des lieux de la région de Novgorod («Archives d'études orientales», II, № 1, Upsala, 1915); Его же, Buregi — Byringe («Studier i modern sprakvetenskap», VI, Upsala, 1914, с. 135—156).

[17] О видах ландшафта в топографических названиях севера и юга см. в статье В. Семенова-Тян-Шанского «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест» («Землеведение». 1924, т. XXVI, вып. I—II, с. 135—156).

Зв., Руз.), *Красный холм* (Подм.), *Холмы* (М., Кол.); *Курганье* или *Курганы* (Под.); *Могилки* (Моск. у., XVI век).

Овраг, ржавец, рытвины (язвы), ямы: *Великий Враг* — деревня (Под.), *Малый Вражек* (М.), *Сивцев Вражек* (в Москве), *Коровий Враг* (М.), *Оринин Враг* — деревня (Звен. у., XVI век), *Каменный Враг* (Бог.), *Двувражки* (Мож. у., XVI век), «у деревни *Семивра́гов*» (Под. у., XVII век) — *Семивраги* (Под.), *Завражье* или *Завраг* (М., Руз., Кирил. у., Новг.); *Ржавки* (М. ; *ржавка* — ключ, ручей в овраге), *Березовый Ржавец* (Раненб. у., Ряз.); «Деревня *Ендовище*, а Павлово тоже, на реке на Нерли» (Дмитр. у., XVI век; *яндова*, *ендова* — яма большого размера), *Яндовище* (Переясл.-Зал., XVII век), *Ендовищи* (Нижегород.), *Ендовище* (слобода в Землян. у. Воронеж.).

Ровное место, поляна, поле, суходол: *Поляна* или *Поляны* (М., Под.), *Полянки* (Звен. у., XVI век), *Красная Поляна*, *Ясная Поляна*, *Кривополянье* (Раненб. у., Ряз.), *Чистое Поле* — село на левом берегу Камы, на ровной возвышенности. В 1781 г. с переименованием этого пункта в город он стал называться *Чистополь* (в населении до последнего времени употреблялось прежнее название: *Чистое Поле*, *близ Чистова Поля*, *к Чистому Полю*). *Суходол* (М.), *Погорелая* — деревня на суходоле (Колом. у., XVI век), *Погорелка* (на суходоле; Моск.).

По долу — *Подол* — нижняя часть Большого Посада в старой Москве, по левую сторону р. Москвы. К *Подолу* примыкали Кулижки (XV—XVI века; *кулига*). *Подол* — село, позднее город *Подольск*. *Подолы* (Руз.), *Подолец* (Звен. у., XVI век), *Подольная* — деревня на речке Руте (Вер.), *Подольниха* — деревня при р. Черной (Моск.).

По берегу, по реке, по озеру, по лугу: *Берег* или *Набережная* (Вер.), *Бережки* (Зв., Кл., Под., Руз.), *Бережное* или *Берег* (Кирил. у., Новг.), *Поречье* (Руз., — при р. Москве), *Речицы* (Брон., Кол.), *Речки* (Кол.), *Верховье* (Под.), *Верховляно* (Кол.), *Озера* или *Озерки* (Кол.), *Лужки* (Брон., Кол., Под., Руз., Серп.), *Лужники* (М., Серп.), *Залуги* (Серп.).

Волок, излучина: село *Старо-Волоцкое* на р. Ламе (1613 г.), *Луки* (М.), *Прилук* (Углиц. у.), *Прилуки* (Серп.), *Свинолучье* (Кл., — при р. Ламе).

По названию рек или речек, озер: *Северское* (Кол., — по р. Северке), *Запонорье* (Бог., — по речке Поноре), *Черницына* (М., — при речке Черной), *Белозериха* (Брон., — при оз. Белом), *Святозерск* (Спас. у., Ряз., — при оз. Святозеро).

Болото, грязь, лужа: *Козье Болото* — в XVII веке патриаршее село в районе Москвы, теперь *Козихинский* переулок в Москве, *Заболоты* (М.), *Зоболотье* (М., Кл.), *Подболотная* (Моск. у., XVI век),

Черная Грязь (М., Вер.), *Верхняя Грязь* или *Верхогрязье* (Зв.), *Кобылья Лужа* (М.), *Сутопи* (Вол., — при р. Рузе).

Пруд: *Запрудинье* (Бог.), *Запрудня* (Брон., Дм.), *Прудищи* (Под.).

Песочное, глинистое, каменистое место: *Песочня* (Руз.), *Глинищи* (Под. у., XVI век), *Глиница* (Кл.), *Каменищи* (Серп.).

Много пунктов имеет в своем названии определение «красный»: *Красная Гора*, *Красная Горка*, *Красный Стан*, *Красный Холм*, *Красный Яр*, *Красное Село* и др. Значение «красный» указывает, что пункт расположен на красной, солнечной стороне. Ср. названия *Красная Гора* и *Солнечная Гора*. Указывает оно и на красивое положение, а также на привилегии населения: *Красная Слобода*. Но бывало и иное значение «красный» в этих названиях: оно вызвано красным видом почвы, где расположен пункт. Таково значение названия *Красный Яр*, позднее *Красноярск* (Сибирь): окрестности города состоят из красного мергеля. То же в названии *Красный Яр* в Астраханском крае: названный пункт находится на красноватом песчаном бугре недалеко от берега Каспийского моря.

Растительность и положение пункта в отношении ее: *Раменье* (Вол.; *раменье* — лес, граничащий с полем), *Раменки* (М.; в XIV веке в этом месте «лес многобапол бе»). По-видимому, не с «гвоздем», а с «гвоздом» в значении «лес» связано было название волости *Гвоздна* между реками Москвой и Нерской (упоминается в духовной Калиты). *Дубровка* или *Дубровки* (М., Бог., Дм., Зв., Кл., Руз., Серп.), *Дубровы* (Бог.), *Задубровье* (Спас. у., Ряз.).

Дубня (Колом. у., XVI век), *Дубешня* (Колом. у., XVI век, Серп.), *Девять Дубов* (Карачев. у., Орлов.), *Дубцы* (Зв.), *Дубовец* (Ливен. у., Орлов.), *Дубищи* (Ефрем. у., Тульск.), *Поддубы* (Брон.), *Поддубки* (Дм.), *Роскидной Дубняк* (Переясл.-Зал.).

Липовец (Моск. у., XVI век), *Липяги* (Скопин. у., Ряз.), *Липник* (Руз. у., XVI век), *Подлипичье* (Дм.), *Подлипки* (Брон.).

Березня (Серп.), *Березки* (Вер.), *Березники* (Дм.), *Березняги* (Скопин. у., Ряз.), *Березовец* (Фатеж. у., Курск.), *Подберезная* (Моск. у., XVI век), *Заберезники* (Кирил. у., Новг.).

Вязовка (М.), *Вязовое* (Ростов. у.), *Подвязная* (Бог., Дм.), *Подвязье* (Моск. у., XVI век).

Ольховец (Вол.), *Ольховик* (Дм.), *Толсты Ольхи* (Ряж. у., Ряз.).

Сосняг (Моск. у., XVI век), *Сосняжок* (Моск. у., XVI век), *Подсосенье* (Дм., Кл., Мож.), *Борок* (Егорьев. у., Ряз., Кирил. у., Новг.), *Борки* (Клин. у.), *Заборье* (Серп.), *Подборная* (Моск. у., XVI век), *Подъелки* (Вол.).

Листвянки (Дм.), *Листвяны* (М.).

Осинник (Моск. у., XVI век), *Подосинки* (Дм.).

Ивник (Моск. у., XVI век).

Ракитинка (речка в Мож.).

Орешник (Моск. у., XVI век).

Черемошье — по обе стороны Черемошского врага (Моск. у., 1633 г.) — *Черемха* (1678 г.) — ныне село *Черемошки* или *Черемушки* (М.).

Надмошье (Дм.), *Подмошье* (Дм.), *Моховая* улица в Москве (раньше у берега р. Неглимны, позднее Неглинной).

Весьма редки названия по травянистым растениям: *Папорот* (Звен. у., XVI век), *Белый Раст* (Моск.; *раст* — название растений: 1) Tulipa Gessneriana, 2) Aristolochia rotunda, 3) Primula veris или Primula officinalis).

М е с т о п о л о ж е н и е п у н к т а. На высоком или крутом, обрывистом месте: *Высокое* (часто), «*Высокое*, а *Высокуша* тоже» (Моск. у., XVI век), *Крутое* (Вол.), «Деревня *Крутая* на *Крутом* же врагу» (Колом. у., XVI век), *Крутицы* (М., Бог., Вер.), *Крутцы* (Кл.), *Крутышки* (Серп.), *Остромынь* или *Стромыни* (Бог.).

В и д п о с е л к а: *Бутырки* (Бог., Клин., Под., в Москве и в других местах, например в Кирил. у., Новг., в Александр. у., Владим., Липецк., Тамб.; *бутырки* — дома на отшибе, особняком), *Углынь* (Ряз.), *Наугольная* (Моск. у., XVI век), *Кривое Село* (Вол.), *Кривец* (Дм.), *Притыки* (Варнав. у., Нижегор.), *Притыкино* (Дм., Руз.), *Семидворье* (Вер.).

В и д и с п о с о б ы п о л у ч е н и я з е м е л ь н о г о у ч а с т к а: *Веретье* (Спас. у., Ряз.) — *Веретия* (Кирил. у., Новг.; *веретья* — возвышенная непоемная гряда), *Подрелье* — местность на р. Лососи в Можайском у., XVI век (*рель* — сухая, возвышенная полоса земли среди болота), *Репищи* (Вер.), *Дор* или *Доры* (Брон., Вол., Мож.; *дор* — роспашь, росчисть, починок), *Дорок* (Моск. у., XVI век), *Дороки* (Моск. у., XVI век), *Дорки* (Брон., Кол., Серп.), *Подор* (Моск. у., XVI век).

Поле-Корочевка (вотчина Троице-Сергиева монастыря в Переясл.-Зал. крае).

«Пустошь Хохлова, а *Пенье* тоже» (Моск. у., XVI век), *Пенья* (в районе р. Истры, XVI век).

Проруб (слобода Сумского у., Харьк., основанная в XVII веке среди леса, который приходилось расчищать).

Гари (Дм.), *Жары* (Колом. у., XVI век).

Ляды (Кл.; *ляда* — запущенная земля при подсечной системе земледелия), *Залядье* (Моск. у., XVI век), *Долголядье* (Мож.).

Долгая Пожня (Кл.), *Клин* (Вер., Егор. у., Ряз. и др.).

Починок, *Починки* (Бог., Брон. и др.; *починок* — поселок на лесной росчисти).

Названия по колодцу, студенцу, по мосту, гати, по месту для мытья (мытище): *Колодезь* (Колом. у., XVI век), *Белый Колодезь* (Колом., XVI век), *Колодези* (Вер.), *Колодещище* (Колом. у., XVI век). *Студенец* — деревня при роднике Студенце (Под.). *Мостовая* (Свердлов. обл.), деревня Немерзлое *Мостище* (Колом. у., XVI век). *Гати* (Венев. у., Тул.), *Гатище* (Ливен. у., Орлов.). *Сенкино Мытище* (Моск. у., XVI век), *Мытище* — при ручье и пруде (Вол.). «Село Борисоглебское на речке на *Мытищах*» (Моск. у., XVI век), *Мытник* (Кирилл. у., Новг.; деревня вдали от города и от станового пункта). Мытище может быть и по сбору мыта: *Мытищи* (М.).

Животный мир. Названия по животным весьма малочисленны: *Белая Колпь* (Вол.). *Колп* или *Гусь* (!) — озеро в Касимовском у., Ряз. (*колпь* — птица из разряда цапель — Platalea. Окраска перьев белая). *Граворны* (Кол.). В сложных именах в качестве определения: *Кобылья Грязь*, *Кобылья Лужа*, *Коровий Вал* и др.

Такие названия, как *Воробьево*, *Воронино*, *Волково* и др., находились в связи с личными именами и прозвищами: *Воробей*, *Ворона*, *Волк*…

Разные признаки. Названия давались по какому-нибудь признаку. Несколько примеров. Пункты на месте пожара (*Пожарище*, Колом. у., XVI век), на печище, т. е. на месте развалин печи и на месте небольшой деревушки (*Печище*, Казан, края), там, где поставлены столбы (*Столбище*, *Столбища*, Колом. у., XVI век, Под., Казан. край), где стоят кресты (*Пять Крестов*, Кол., *Кстье*, Моск. у., XVI век), где яма, в которой гонят смолу, — копоть (*Копотня*, Моск.).

Таковы в общих чертах главные группы названий для местных пунктов — названий, данных русским населением.

В названиях городов отражаются те же черты. Например: по названию реки (*Можайск*, *Москва*, *Коломна*, *Руза*); по топографическому характеру и значению местности (*Подольск* вместо более раннего села *Подол*, *Клин* — клин, у границы другой области: «и воеваша *до клина Тверского рубежа*», 1408 г.); по положению у волока у р. Ламы, «*на Волоке на Ламском*» (1637 г., *Волоколамск*[18]); по церковному имени (*Богородск*); по личному имени (*Дмитров*, на-

[18] *Волоколамск* находится при р. Городенке, притоке Ламы. Раньше поселение было у р. Ламы, откуда товары отправлялись *волоком к* Новгороду.

званный кн. Юрием Владимировичем в 1154 г. по имени своего сына Дмитрия[19]); по укреплению (*Звенигород*) и др.

Указанные выше местные названия принадлежат временам феодально-крепостническим. Общественно-экономические и культурно-бытовые условия тех времен вызвали такие и им подобные названия.

Среди этих названий нет имен с отвлеченным значением. Такие названия появились в позднейшее время, и вышли они из среды помещичьей. Например: *Благодать* (Дм., Моршан. у., Тамб.), *Благодатная* (Кол., Касим. у., Ряз.), *Отрада* (Кл., Моск., Серп., Ряж. у., Ряз. и др.), *Прихотино* (в б. Петерб. губ.), *Приютово* (Ряж. у., Ряз.), *Радость* (Раненб. у., Ряз.), *Радостное* (Бог.), *Утеха* (Ряж. у., Ряз.).

Все эти пункты представляли собою помещичьи деревни. Нет ни одной «казенной» деревни с таким названием. Даны эти названия владельцами-помещиками, имевшими там свои усадьбы — «благодатные» и «отрадные» для них. Так, *Моршанская Благодать* представляла собою огромное имение помещика. «Благодатными» были для господствующих классов того времени и рудники с богатством их запасов: *Благодать* — рудная гора в Верхотурском у., Перм., *Благодатный* — рудник в Нерчинском округе в Забайкалье, открытый в 1745 г. (Другие имена, дававшиеся рудникам в конце XVIII и в первой половине XIX века, были церковные и царские: *Трехсвятительский* в Сибири, *Златоустовский* на Урале, *Александровский*, *Николаевский* — см. выше.) *Петербургское Приютино*, основанное статс-секретарем Олениным, имело роскошную владельческую усадьбу с садом, парком, прудами. *Серпуховская Отрада*, принадлежавшая гр. Орлову-Денисову, славилась прекрасным обширным садом с прудами. Другое название (помещичье) этого пункта — *Рай*. Этот помещичий «рай» бывал «убежищем» (помещ. деревня *Убежище*, Вер.), где помещики предавались иногда сентиментальным «воздыханиям» (*Воздыхаловка*, Крапивен. у., Тульск). Свой «рай» владельцы считали «благословенным», «богохранимым»: *Благословенно-Михайловское* (помещ. деревня в Ряж. у., Ряз.), *Богохранимая*, *-ое* (Ряж. у., Раненб. у., Ряз.).

Некоторые из бар не удовольствовались сентиментально-идиллическими именами для своих «затиший» (д. *Затишье*), спокойных «убежищ» (д. *Кинь-Горе*), «приятных долин» (д. *Приятная Долина*), но именовали их по-французски. Так, в б. Роменском у. (Полтавщи-

[19] Новгородская летопись, II, 1915, с. 153.

на) одно из сел носило около 100 лет след помещичьего вкуса: оно было названо владельцем *Монплезир*.

Другим из бар нравилось называть свои деревни именем отдаленной страны, отдаленного города, мыса: *Мыс Доброй Надежды* (деревня при речке Паре, Ряж. у., Ряз., также в б. Екатериносл. г.), *Добрая Надежда* (деревня при речке Ольховке Раненб. у., Ряз.), *Персия* (село в б. Екатериносл. г.), *Дамаск* (в б. Полтавск. г.).

Некоторые из помещиков не ограничивались ролью бар, но хотели быть «герцогами». Один из них назвал свою деревню, имевшую в 1859 г. только два двора, так: *Герцогство* (Ряж. у., Ряз.).

Позднего происхождения и такие помещичьи имена, которые даны деревне в связи со способом получения ее: *Милость князя*, *Милость Куракина*, *Братьин Дар*, *Судьбодаровка*, *Царедар* (на Украине).

Характерными чертами топонимии феодально-помещичьих времен представляются такие.

1) Прежде всего характерна для времени основная группа названий, к которой относится огромное большинство имен сел и деревень: это — названия по именам лиц, обычно владельцев сел и деревень. Образование названия ясно указывает на принадлежность называемого пункта определенному лицу или на отношение к нему. Таково указание суффиксов ***-во***, ***-ва***, ***-ино***, ***-ина***, ***-ья*** (*Княжьи Горы*).

2) Ограниченность населения пункта в хозяйственно-производственном отношении самообслуживанием обусловила ничтожное количество названий на основе производственной терминологии.

3) В связи с тою же ограниченностью находилась узость кругозора у населения. Жизнь сосредоточилась где-нибудь у сосенок, липок, у дубков да осинок, у лужка, при холме, на горе, за болотом, у озерка, у колодца, ручья или пруда. Дальше раменья, болота, горки, недалекой ляды да Егорья на озере ничего не видать. «Ченцы, Лыченцы, деревня Студенец, а там и свету конец», — говорят о дальних поселениях в Переяславль-Залесском крае. Окружающий ландшафт представляет особо важное значение для насельника того времени и служит одним из источников для наименования пункта поселения. Наименование дано обычно в форме именительного падежа, без осложнения другими суффиксами (*Дуброва*, *Березки*…), или имеется приставка, указывающая на положение места поселения в отношении к основному предмету: *Заборье*, *Заболотье*, *Подосинки*, *Поддубье*, *Подсосенье*…

Топонимия ландшафтного содержания ясно обнаруживает основную цель при назывании пункта: ориентирующее значение той приметы, которая указана в имени, данном пункту: *Дуброва*, т. е.

там, где дуброва; *Березки*, т. е. там, где березки; *Девять Дубов*, т. е. там, где стоят 9 дубов; *Заборье* — за бором; *Заболотье* — за болотом; *Подсосенье* — под соснами и т. п. Это — та самая цель, которую представляют в распространенной форме межевые книги. Например: «да через Филинский враг на розвиловатую березу да на два дуба, а на дубье грани, а промеж дубьев яма, а в яме уголье, а от того дубья и от ямы прямо межою на колено…», «да по речке Чепелихе вниз по речку по Черную, да через речку Черную от старой портомои старою межою на запад по кустарю, через дорожку лугом, а за дорожкою яма…»[20].

Другой важной приметой в то время считалось указание на владельца, на принадлежность кому-нибудь (указание на личное имя, на прозвище).

4) Церковность феодального времени наложила сильный отпечаток на топографическую номенклатуру. Для названия села официальная среда пользовалась именем церкви, находившейся тут (*Знаменье*, *Спас*…). В среде населения церковные имена сел и слобод претерпевают изменения, показательные для того времени. Эти названия получают суффикс ***-ка***: *Знаменка*, *Воскресенка*… Употребляются в форме множественного числа: *Воскресенки*, *Кузьминки*. Подвергаются они и другим опрощениям: *Спас Темный* > Темня; *Иоаким и Анна Якиман-*: *Якиманское* (Клин), *Якиманка* (улица в Москве).

Население предпочитает пользоваться не церковными именами по отношению к селу, а другими, существовавшими раньше. На это ясно указывает такое пояснение дублета: «село Никольское, а по крестьянскому званию Собакино» (в Моск. у., по писцовой книге 1686 г.). Без пояснения это село названо так: «Собакино, Никольское тоже». Этот пункт поселения был назван по связи с лицом, носившим имя или прозвище *Собака*. «Собачьи имена» применялись в качестве личных имен (personalia) у русских и у многих других народов. Например: *Собака* Михайлов сын Неронова (1498 г.); *Собака* Скобельцын, помещик (1500 г.). На неупотребительность церковных имен в народной среде указывает и следующее замечание отказных книг 1690 г.: «село Никольское, что словет Пустой Вторник» (в Можайской десятине). Нередко встречаются дублеты в названиях одного и того же села: *Покровское* или *Городня* (М.), *Никольское* или *Коровий Враг* (М.), *Спасское* или *Котово* (М.), *Троицкое* или

[20] «Межевая книга 1628—1630 гг.» («Чтение в Обществе истории и древностей российских», 1887, т. III, с. 25, 26).

Черемошки (М.), *Знаменское* или *Садки* (М.), *Воскресенское* или *Грибки* (М.) и много других. В тех селах, где церковное название относится к позднему времени, оно совсем не вошло в обиход. Так, например, обстояло дело в 1890-х годах на юге Орловской губ., в бывшем Ливенском уезде: *Языково* — официальное название *Никольское*, *Хитрово — Борисоглебское* и др.

Происходило затемнение церковного элемента. Оно выражалось в изменении имени посредством суффикса ***-ка*** и посредством окончания множественного числа (*Воскресенка*, *Воскресенки*), а также посредством сочетаний с другим словом: *Николо-Сверчки*, *Никола Тители*, *Никола Сошники* и др.

Соответствующие главные черты топонимии феодального времени можно наблюдать и в областях других народов. Отметим несколько примеров из области казахского населения (Казахстан). Здесь главнейшими источниками топонимии были два: имя владельца местности или пункта и ландшафт. На имя владельца указывают весьма многочисленные названия, в состав которых входит «бай» и собственное имя этого бая: *Байчигир*, *Баймагомет*, *Шалбай-Нура* (район речки Нуры, принадлежавший Шалбаю), *Иса-Аксу* (район речки Аксу, принадлежавший баю Исе). Эти примеры относятся к Карагандинской области. *Байболат*, *Байтап*, *Баймырза*, *Байсейт*, *Бейсемыз* и др. — из Семипалатинской области. Показательны в ряде случаев и личные имена этих баев: *Тап* — сила, блеск, *Сейт* — господин, *Семыз* — жирный.

Из казахской топонимии в связи с ландшафтом: *Актюба* (белая сопка — в Актюбинске и во многих других местах Казахстана), *Караганда* (место произрастания карагана — Caragana frutex), *Эгенжал* (урожайная сопка), *Жартас* (крутокаменная стена — там находятся теперь каменоломни), *Жайма* (пологое место, заливаемое водой), *Бидаек* (один из видов степного злака), *Коктункуль* (синее озеро), *Апан* (пещера) и др. Примеры, кроме *Актюба*, относятся к Карагандинской области. Все отмеченные здесь названия точно соответствуют ландшафту, как это я знаю по своим непосредственным наблюдениям.

Как окаменевшие реликты прошлых формаций продолжают существовать, утратив свою прежнюю значимость содержания, давние топографические названия. На смену прежней номенклатуре идет новая, несущая элементы новой эпохи — эпохи социалистического строительства, мощной техники и индустрии.

Прежде чем перейти к обзору изменений в топонимии, происшедших со времени революции, остановимся на словообразовательных элементах топонимии феодального

времени: некоторые из них характерны для этого периода. Это ясно обнаруживается при сравнении их с современными средствами топонимических образований. Вместе с тем при таком сравнении обнаружится актуальное значение некоторых из этих языковых средств.

1) Для названия служит форма имени другого предмета — форма без изменения. Сюда же относятся сочетания имени с определяющим словом (прилагательное, существительное с предлогом). Такие образования применялись часто: *Городок*, *Слобода*, *Стан*, *Острожки*, *Гончары*, *Рыбаки*, *Холмы*, *Гора*, *Горы*, *Ляды*, *Поляны* и др.

По этому образцу в среде населения применялись и официальные церковные имена сел: *Благовещенье* вместо *Благовещенское*, *Успенье* вместо *Успенское*…

Сочетания: *Красный Стан*, *Лудина Гора*.

Вместо сочетаний прилагательного с именем находится одно прилагательное, если именем существительным должно быть «село», «деревня»: *Высокое*, *Крутое*, *Луговая* (деревня), *Белая*, *Черное*…

Некоторые церковные имена (*Спас*, *Никола*) и некоторые бытовые повторялись в названиях разных пунктов. Для более точного определения называемого пункта пользовались сочетанием этого церковного имени со словом, указывающим на местонахождение церкви, пункта поселения: *Спас-Верхотурье*, *Спас-Залуки*, *Спас что на Нудале*, *Николо-Березня*, *Николо-Сверчки*…

Иногда такие сочетания в народной среде претерпевали редукцию: *Спас Темный* > *Темня*.

2) Одним из характерных явлений топонимии феодального периода является применение формы именительного падежа множественного числа: *Горбуны*, *Матренки*, *Аксенки*, *Парфенки*, *Воскресенки* и др. Такие названия не обозначали, что в называемом пункте живут горбуны или девки (бабы) Матренки; эти формы заменяли собою обычные топонимические образования с суффиксом ***-ово-*** (***-ова-***), ***-ино-***(***-ина-***), ***-ка-*** или формы без топонимического суффикса. Форма множественного числа вызвана значением населенного пункта как коллектива. Ср., например, название пункта Новоселы. На то, что для употребления множественного числа имел значение коллектив населения, указывает еще следующее. Название речки сохраняется в единственном числе, а одноименный пункт поселения представляет форму множественного числа: речка *Химка*, а поселок *Химки* (М.); речка *Котел*, а поселок *Котлы* (Подм.) и др.

На то, что форма именительного падежа множественного числа не является первичной топонимической формой, а заменяет другую форму, указывает наличие этой последней нередко в отношении о д н о г о и т о г о ж е пункта.

а) *Аксеново* и *Аксенки* (Бог.), *Белозеро* и *Белозеры* (М.), *Боброво* и *Бобры* (Касим. у., Ряз.), *Бортенево* и *Бортенки* (Дм.), *Горбуново* (Вол., Дм.) — *Горбуны* (Бог.), *Егорова* (Руз.) — *Егоры* (Рязан.), *Хомутово* (Бог., Кол.) — *Хомуты* (Мож.), *Хомяково* (Руз.) — *Хомяки* (Вер.), *Сандырево* (Подм.) — *Сандыри* (Кол.), *Медведково* (М., Вер., Дм., Зв., Руз.) — *Медведки* (М., Дм., Мож.), *Старково* (Бог., Брон., Кол.) — *Старки* (Бог.), *Михалево* (М., Бог., Вол., Кл., Под.) — *Михали* (Брон.); ср. и другое народное новообразование с суффиксом ***-иха***: *Михалиха* (Брон.), *Савелково* (Под.) — *Савелки* (М.).

Кузминка и *Кузминки* (М., Бог., Вер., Руз., Серп.), *Матренкино* (Вол.) — *Матренки* (Дм.).

б) *Чудинское* и *Чудинки* (Бог.), *Воскресенское* (ряд пунктов) — *Воскресенки* (Вер., Под., Руз., Серп.), *Покровское* (ряд пунктов) — *Покровки* (Кол.).

в) Образования с суффиксом ***-ище***, указывавшим на место нахождения или действия, переходят во множественное число: *Микулино Городище* (село в Калинин. обл.) — *Городищи*; их много, например: *Числовские Городищи* (Юрьев. у.), *Городищи Старые* (Колом. у.). Определение во множественном числе ясно указывает, что существительное представляет окончание *-и* в качестве признака множественного числа: *Мытищи* (М.), но ед.: *Сенькино Мытище* (VI век), *Селищи*, *в Селищах* (Костром., Пенз.).

г) *Дубровка* и *Дубровы* (Бог.) — *Дубровки* (Моск.), *Каменка* и *Каменки* (Бог.), *Новоселок* (Серп. у.) — *Новоселки* (Вол.), *Химка* и *Химки* (М.), *Заполица* и *Заполицы* (Бог.), *Сельцо* (Брон.) — *Сельцы* (М.), *Никиты-Великое* или *Никиты-Великие* (Вол.), *Ильмень* и *Ильмяни* (Егорьев. у., Ряз.).

На основании таких форм надо полагать, что некоторые другие формы множественного числа появились вместо форм с суффиксом ***-ово*** (***-ево***), ***-ино***, ***-ское***, хотя бы более ранняя форма до нас и не дошла. Таково происхождение названий: *Жеребцы* (Бог.) вместо *Жеребцово*, *Марфутки* (М.) вместо *Марфуткино*, *Сидоренки* (Серп.) вместо *Сидоренково*, *Парфенки* вместо *Парфенково*, *Светлозоры* (М.) вместо *Светлозорово*, *Скородумки* (Кл.) вместо *Скородумка*, а это вместо *Скородумова*.

Нередко самая форма указывает на вторичность образования ее. Например: *Никиты-Великое* (Вол.): вторая часть названия, служащая

определением, представлена в единственном числе; *Семивраги* (Под.) — вместо *Семьврагов* или *Семиврагова* (XVII век), *Залуги* и др.

Форма множественного числа для названия стран и местных пунктов применялась издавна не только у русских, но и у других славян. Так, именем народа — именем во множественном числе — называются страны: древнерусские *Ляхы* (Польша), *Чехы* (Чехия); «ко всим странам дальним, рекуще к *Греком*, и *Угром*, и *Ляхом*, и *Чехом*, доньдеже и до Рима проиде [слава]» (Ипатьевский список летописи); «Половици же възвратившася опять в *Половць*» (Лаврентьевский список летописи). Польск. *Prusy* (Пруссия), *Niemcy* (Германия); чеш. *čechy* (Чехия), *Bavory* (Бавария) и др. Также во множественном числе передавались имена «восток» и «запад» в значении стран: «ко *востоком*» (Лаврентьевский список летописи); «и станом сташа на *запады* Иерихону» (Четьи-минеи, I)[21].

В XVII—XVIII веках процесс замены более ранней топонимической формы формою множественного числа еще действовал. В XVI—XVII веках формы единственного и множественного числа в этих случаях были тождественны по своему значению. Например: *Сотникова* и *Сотники* (Моск. у., писцовые книги XVI века); *Губарево* и *Губари*: «Польские люди от нас пошли отходом к селу *Губарям*; и как пришли мы в село *Губарево*, и был у нас бой с гетманом»[22]. В ряде имен в XVI—XVII веках сохранялась форма единственного числа, позднйе замененная формою множественного числа. Например: *Валуйка*. «[В 1660 г.] бьют челом бедные и до конца разоренные Валуйского города станичные атаманы и ездоки и конные и пешие стрельцы и полковые казаки… Ездили по проезжим станицам с *Валуйки* до Царева-Борисова города и до Белагорода… Да у нас же на *Валуйке* хлебной недород, помираем голодною смертью»[23]; позднее — *Валуйки*. *Сельцо* в XVI веке — *Сельцы* в XVII веке (Моск. у.). *Сыромятная Слобода* в XVII веке — *Сыромятники* в XIX веке. *Подол* в XVI веке — *Подолы* в XIX веке (Руз.). *Ясное* в XVII веке — *Ясенки* в XIX веке (Под.). *Ватутина* в XVII веке — *Ватутинки* в XIX веке (Под.). Несколько примеров из украинских областей: *Прилук* — мужского рода: *к Прилуку*; или *Прилука* — женского рода — в XI—XII веках и позднее; в XIX веке — *Прилуки*. Так и в Москов-

[21] А. А. П о т е б н я, Значения множественного числа в русском языке («Филологические записки», Воронеж, 1888, глава IV).

[22] «Акты Московского государства», III, с. 164.

[23] Т а м ж е, с. 158.

ском крае: *Прилуки* (Серп.). *Лубьно*, к *Лубьну* — в XII веке; в XIX веке — *Лубны*. «Ко *Ромну* идох» — в поучении Владимира Мономаха; в XIX веке — *Ромны*.

3) Весьма давние образования от личных имен с суффиксом ***-jь***, указывавшим на принадлежность называемого пункта тому или иному лицу: *Стан Боянь* (Мож.; *Боян-jь*, личное имя *Боянъ*), *Буславль* (Дм., *Буслав-jь*, личное имя *Буславъ*), *Жеславль* (Михаил. у., Ряз.; личное имя *Жеславъ*), *Володимерь* (город *Володимер-jь*; в XIX веке — *Владимир*; но в народной среде сохранялось до недавнего времени название в прежнем виде: *Володимерь* — с мягким ***р***), *Волославль* (пустошь в Переясл.-Зал., XVII век; *Волослав-jь*, личное имя *Волославъ*), *Всеславль* (Владим. у., XV век; личное имя *Всеславъ*), *Домагощь* (город в области вятичей, 1147 г.; *Домагост-jь*; личное имя *Домагость*), *Стан Исконь* (Мож. у.; *Искон-jь*; личное имя *Исконъ*), *Милославль* (Переясл.-Зал., XVII век; личное имя *Милославъ*), *Мирославль* (Юрьев. у., Владим.), *Новосиль* (*Новосил-jь*, личное имя *Новосилъ*), *Перемышль* (в Серпуховском уделе, XIV век, в Калуж. крае, в Галиции; *Перемысл-jь*, личное имя *Перемыслъ*), *Перехваль* (Данк. у., Ряз.; *Перехвал-jь*, личное имя *Перехвалъ*), *Путивль* (Кур., *Путив-jь*, личное имя *Путивъ* вместо полной формы *Путивой*), *Радгощь* (Севск. у., Орлов., Одоев. у., Тульск.; *Радгост-jь*, личное имя *Радгость*), *Радонеж* (*Радонѣг-jь*, личное имя *Радонѣгъ*), *Ратмир*, или более старое звуковое сочетание *Ратьмирь* (Кол.; *Ратьмир-jь*, личное имя *Ратьмиръ*), *Романь* (Брон.; *Роман-jь*), *Ростиславль* (Зарайск. у., Ряз.; личное имя *Ростиславъ*), *Станиславль* (Под., Переясл.-Зал., XVI век; личное имя *Станиславъ*), волость *Судиславль* (Костр.; *Судислав-jь*, личное имя *Судиславъ*), *Черноголовль* (Моск. край, XVII век; личное имя *Черноголовъ*), *Ярополчь* (Вол.; *Яропълк-jь*, личное имя *Яропълкъ*), *Ярославль* (*Ярослав-jь*).

Образования с таким суффиксом уже в феодальную эпоху стали н е п р о д у к т и в н ы м и. В связи с этим некоторые из прежних форм заменились другими. Например: *Милославка* вместо *Милославль* (Переясл.-Зал.), *Станиславка* вместо *Станиславль* (Переясл.-Зал.), *Ращиславо* вместо *Ростиславль* (Зарайск. у., Ряз.), *Рославлево* (Брон.) вместо *Рославль*; ср. *Рославль* в Смоленском крае.

4) Суффиксы принадлежности ***-ов***, ***-ин*** — самые продуктивные в это время суффиксы для образования местных имен: *Берсенево*, *Любимово*, *Львово*, *Юрятино*, *Ивашкино*…

Эти суффиксы указывали на отношение называемого пункта к тому или иному лицу, чаще всего на владельца. Но в течение времени посессивное значение этих суффиксов в топонимии было ослаб-

лено: они применяются и в таких названиях, которые не имели значения принадлежности.

а) *Валищево* (Под.) вместо *Валище* (т. е. место вала), «Сельцо *Мытищево*» (Колом. у., XVI век) вместо *Мытище*, *Ординово* (Дм.) вместо *Ордино* (Руз.), *Путятиново* (Моск. у., XVI век) вместо *Путятино*, *Селищева* (Кл.) вместо *Селище*, *Слободищево* (Дм.) вместо *Слободище*, *Ямищево* (Зв.) вместо *Ямище*.

б) *Высокое* или *Высоково* — со вторичным ***-во*** (М.).

в) *Загорьево* (Зв.) вместо *Загорье*.

г) *Льняниково* (Моск. у., XVI век) вместо *Льняник*.

д) *Подолино* (М., Кл.) вместо *Подол* (Руз.) или *Подольная* (Вер.), *Подольская* (Дм.).

На ослабление значения принадлежности суффиксов ***-во***, ***-ино*** в топонимических образованиях указывают также названия с другими суффиксами вместо более ранних ***-во***, ***-ино***. Например: *Милованье* (Руз.) вместо *Милованово* (ср. *Милованово* в Спас. у., Ряз.), *Репниково* и *Репки* (Моск. у., XVI век), *Соколино* и *Соколье* (Кирилл. у., Новг.).

5) ***-овск-***, ***-инск-***, ***-ск-***. То же посессивное значение, подобно суффиксам ***-во***, ***-ино***, было свойственно суффиксам ***-вск-*** (***-овской***, ***-овская***, ***-овское***), ***-инск-*** (***-инской***, ***-инская***, ***-инское***). О тождестве значения этих суффиксов свидетельствует употребление их вместо образований на ***-ов***, ***-ин*** или вместо формы родительного принадлежности. Например: «вдова Анна *Богданова*» и «вдова Анна *Богдановская* жена»; «немка Олена *Христофоровская* жена»; «за Марфою за *Семеновскою* женою Васильевича Шереметева» (из писцовых книг Моск. у., XVI век). Также в значении родительного принадлежности: *поместье Тимофея Бородавкина*; *поместье Ивана Ратманова*; *вотчина Ивана Алексеева сына Мансурова*; *поместье князя Андрея Ивановича Татева* и т. п. передавались таким образом: *Тимофеевское поместье Бородавкина*; *Ивановское поместье Ратмонова*; *Ивановская вотчина Олексеева сына Мансурова*; *княж Ондреевское поместье Ивановича Татева* (из писцовых книг Моск. у., XVI век).

Название одного и того же пункта передается иногда с суффиксом ***-ово*** или ***-овской***, ***-ино*** или ***-инской***: пустошь Захаркова на речке Рожне названа сельцом «*Захарковским*, *Захарково* тож» (Моск. у., XVII век), *Прозорово* и *Прозоровская* (М.), *Алексеево — Алексеевское* (Дм.), «деревня *Савельевское*, а *Савельево* тож» (Моск. у., XVI век), *Шуляково* и *Шуляковская* (Кирилл. у., Нов.), *Мушкино* и *Мушкинской* (Моск. у., XVI век). Несколько других примеров: *Авдотьинская* (Бог.), *Барановская* (Брон.), *Бреховская* (Моск. у.,

XVI век), *Микитинская* (Колом. у., XVI век), *Семеновское* (М.). «Деревня вверх Сямены словет *Максимовская*», «деревня на Сямине ж речке словет *Офонинская*» и др.[24]

-ск (***-ьск***). Этот суффикс некогда служил главным образом для указания на отношение к месту: *земьский*, *морьское*…

В русской топонимии он применялся нередко для имен городов. Древнерусские названия на ***-еск*** вместо ***-ьскъ***: *Кореск*, *Боровеск*, *Луческ*, *Севеск*, *Воротынеск*, *Оболенеск*, *Можаеск* и др. С окончанием на ***-еск*** (***-иск***, ***-яск***: *Куриск* или *Куряск*) произносятся также названия в народной среде некоторых местностей (в Орловском, Курском краях). Но обычно — *Курск*, *Боровск*, *Воротынск*… — с суффиксом ***-ск***, как в формах *Курска*, *Курску*…

Образование названий для городов на ***-ск*** было продуктивным и в новое время, в XVIII—XIX веках: *Подольск* вместо *Подол*, *Егорьевск* вместо *Егорье-Высокое* (XVIII век), *Змеиногорск* вместо *Змеево* и др.

Изредка ***-ск*** находится в названиях негородских поселений. Например: «сельцо *Оболенск* — пусто» (Моск. у., XVI век), *Северск* (село при р. Северке, Кол.), *Усмерск* (погост, Брон.), *Лучинск* (село, Прон. у., Ряз.), *Семенск* (село, Прон. у., Ряз.), *Воротынск* (село, Ливен. у., Орлов.). Названия на ***-ск*** были обусловлены тем, что в более раннее время эти пункты имели значение города, городца, погоста.

По отношению к селу и деревне употреблялось название на ***-ское***, ***-ская***. Обычно такое образование имеют названия от имен церковных: *Микульское* — позднее *Никольское*, *Воскресенское*, *Знаменское*, *Козьмо-Демьянское*… В обиходе они часто заменялись формами *Воскресенка* или *Воскресенки*, *Кузьминки*… Названия, в форме прилагательных, от «бояре», «бар-е», «бобыль», «брат» и некоторых других, имеющих прилагательные на ***-ский***: *Боярское* (М.), *Барская* (М.), *Бобыльская* (Дм.), *Братское* (Калинин. обл.), *Семибратское* (Кол.).

Названия слобод образованы часто с этим суффиксом: *Пушкарская Слобода*, *Стрелецкая Слобода*, *Ямская Слобода*.

Названия негородских пунктов на ***-ск-*** получают в течение времени обычную форму прилагательных на ***-ский*** (***-ской***), ***-ское***: *Усмерск* — позднее *Усмерский* (погост, Брон.), *Северск* — позднее *Северское* (Кол.). С таким окончанием получил название и город XVII века *Слободской* вместо более раннего названия *Слобода* (XVI — начало XVII века).

[24] «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.», Л., 1930, с. 190—191.

6) Весьма широко распространено в обиходе применение суффикса ***-ка***. По отношению ко многим пунктам употребляются две формы: с суффиксом ***-ов*** (***-ин***), ***-ск*** и с суффиксом ***-ка*** (***-вка***, ***-нка***). Часто форма на ***-ка*** является единственной формой имени пункта: *Берсенево — Берсеневка* (М.), *Обухово — Обуховка*, *Львово — Львовка*, *Поповка*, *Воскресенка*…

Во многих названиях этот суффикс применен в позднее время. Ср. указанные выше примеры *Станиславка*, *Милославка*. Несомненно, вторичное образование представляют такие названия, как *Скородайка* (Дм.) вместо более раннего *Скородаева*, *Полетайка*, *Полежайка* вместо *Полетаево*, *Полежаево*, *Цареборисовка* при более раннем *Царев-Борисов* (Изюм. у., Харьк.) и многие другие. Пережито и дальнейшее изменение: давние и вторичные образования на ***-ка*** заменялись формами множественного числа: *Воскресенское* (*Воскресенка*), *Воскресенки*; *Бартенево* и *Бартенки* (Дм.); но была и форма *Бартеневка*.

-ок (***-ъкъ***): *Бережок* в XVI веке, позднее *Бережки* (Зв., Кл., Под.), *Выселок*, позднее *Выселки* (Серп.), *Городок — Городки* (Бог.), *Борисов-Городок* (Мож.), *Клинок* (Ряж. у., Ряз.; ср. *Клин* — город и село, Вер.), *Новоселок* (Раненб. у., Ряз.), *Сосняжок* (Моск. у., XVI век; ср. деревня *Сосняг*, там же, XVI век), *Осинок* (Моск. у., XVI век), *Ясенок* (Ряж. у., Ряз.). Последние два примера ясно указывают на топонимическое значение суффикса ***-ок***.

7) ***-ец*** (***-ьць***), ***-овец*** (***-овьць***): *Березовец* (Моск. у., XVI век, Фатеж. у., Курск.), *Борец* (Ряж. у., Ряз.), *Городец*, при вариантах: *Городень*, *Городня* (Калинин. обл.), *Дворец* (Калуж. у.; ср. название *Двор*), *Добровец* (Динк. у., Ряз.), *Дубовец* (Ливен. у., Орл)., *Избылец* (Горбат. у., Нижегор.), *Ильинец* (Руз.), *Каменец* (Ряз. у.), *Козерец* (Клин.), *Коренец* (Егорьев. у., Ряз.), *Кривец* (Дм.; ср. *Кривое Село*, Вол.), *Липовец* (Моск. у., XVI век; Прон. у., Ряз.; Ливен. у., Орл.), *Ольховец* (Вол.; Михайл. у., Ряз.), *Осовец* (Михайл. у., Ряз.), *Островец* и *Островцы* (Брон.), *Подолец* (Моск. у., XVI век), *Равнец* (Ливен. у., Орл.), *Рославец* и *Рославцы* (Моск. у., XVI век), *Студенец* (Моск. у., XVI век), *Юрьевец* (Кол.), *Якимец* (Раненб. у., Ряз.), *Ярополец* (Вол.).

8) ***-овик***, имеющее то же значение, что и ***-овец***: *Вязовик*, *Дубовик* (Ливен. у., Орл.), *Ольховик* (Дм.).

9) ***-ник*** (***-ьникъ***), ***-ники***. К названиям на ***-ник*** относятся имена, называющие место с произрастающими деревьями. Образцом послужили имена нарицательные с таким суффиксом. На топонимическое значение таких названий указывают параллельные образования с суффиксом ***-овец***, ***-овик***: *Березовец*, *Дубовец*, *Дубовик*; *Березник*,

позднее *Березники* (Моск. у., XVI век); *Ельник* (Моск. у., XVI век), *Орешник* (Моск. у., XVI век).

Иное значение имеют названия на ***-ники***, представляющие форму множественного числа. Форма эта, по-видимому, вторичного образования и заменила собою то или иное более раннее название. Вызвана же она была тенденцией выражать коллективное значение населенного пункта, в связи с чем находится появление формы множественного числа для разных топонимических образований: *Бобровники* (Ряж. у., Ряз.) — вероятно, вместо более раннего названия *Боброво*; *Заболотники* (Ряж. у.; ср. *Заболотье* — Брон., Кл., Под.; *Заболоты* — М.), *Летники* (Ряж. у., Ряз.; ср. *Летово* — Скопин. у., Ряз.), *Луковники* (Скопин. у., Ряз.; ср. там же — *Луковня*).

10) ***-ица***. Этот суффикс был продуктивным в течение долгого времени: некоторые топонимические названия указывают на вторичное образование с таким суффиксом: *Брынница* (Прон. у., Ряз.), *Добровица*, позднее *Добровицы* (Под.), *Каменица* (Егорьев. у., Ряз.), село *Заполитское* в XV веке, ныне *Заполица* и *Заполицы* (Бог.), *Мощаница* (Кол.), *Погорелица* или *Горелое* (Моск. у., XVI век), *Радовица*, позднее *Радовицы* (Егорьев. у., Ряз.), *Раменица* (Моск. у., XVII век).

11) ***-ье***. Это — весьма продуктивный топонимический суффикс. При таком образовании имеются и формы на ***ино*** (***-ина***), ***-во*** (***-ва***) и др.: *Большедворье* (Кирилл. у., Новг.; ср. *Большой Двор*), *Великодворье* (Егорьев. у., Ряз.), *Доброводье* (Севск. у., Орл.), *Долгоглядье* (Мож.; ср. *Долгая Пожня*), *Заболотье* (Кл.; сравните *Заболоты*, М.), *Завалье* (Брон.), *Загорье* (Моск. у., XVI век), *Задубровье* (Спас. у., Ряз.), *Залесье* (Брон., Кл.), *Залядье* (Моск. у., XVI век), *Заозерье* (Брон., Бог. при оз. Данищево), *Запрудье* (Моск. у., XVI век), *Зимогорье* (Дм.), *Копорье* (Моск. у., XVI век), *Милованье* (Руз.; ср. *Милованово*, Спас. у., Ряз.), *Озерье* (Ряз. у., при оз. Белом), *Оселье* (Руз.), *Подберезье* (Моск. у., XVI век; ср. *Подберезники*, Кол.), *Подберезная* или *Подберезино* (Под.), *Подвязье* (Моск. у., XVI век; ср. *Подвязная*, *-ое*, Бог., Дм., Под.), *Подлипичье* (Дм.; ср. *Подлипки*, Брон., Вер., Кол.), *Подмошье* (Дм.), *Раменье* (Вол., Дм.), *Свинолучье* (Кл.), *Свинорье* (Зв.), но в XVI веке — *Свинороu*, *Соколье* (Кирилл. у., Новг.; ср. *Соколино*, Кирилл. у., Новг.). *Старогорье* (М.) и др.

С таким суффиксом образовано и название *Егорье*: *Егорье-Высокое* (Кол.) вместо *Егорьевское*. *Егорьев*, а официальное название *Георгиевский погост* (Вол.).

12) Характерным для топонимических образований феодального времени — образований, возникших в народной среде, — является форма с суффиксом ***-иха***. Этот суффикс входил в образования имен

для замужней женщины, называвшейся по своему мужу или по отцу: *Иваниха* (жена Ивана в одних местностях, дочь Ивана — в других, на юге, например, в б. Орловской губ.), *Павлиха*, *Василиха*… Этот суффикс в бытовой народной среде был продуктивен до самого последнего времени: *дукториха* (жена доктора), *Бйкманиха* (жена Бйкмана, в одной местности б. Орловской губ.), *завéдующиха* (жена заведующего: 1930 г., в районе Городца Горьков. обл.). Этот суффикс применялся в феодальное время — применялся в народной среде — и для названия деревень вместо имен на ***-ова***, ***-ина***, ***-ая***, ***-ка*** или вместо формы без топонимического суффикса (*Белоозеро*). По-видимому, категория рода, женского, в значении пункта (деревня) вызывала такое образование с суффиксом ***-иха***. Примеры многочисленны. Отметим немногие. *Апариха* (Брон.) — *Апарина* или *Апаринка* (Мож.), *Бабаиха* (М.) — *Бабаева* (Мож.) — *Бабайки* (Кол.), *Багаиха* и *Багаева* (Руз.), *Белозериха* (Брон., при озере Белом), *Буньчиха* (Под.) — *Буньково* (Бог., Зв.), *Долгиниха* (М.) — *Долгина* (Вер.), *Дуплиха* или *Дуплевская* (Кирилл. у., Новг.), *Истомиха* (Брон.) — *Истомина* (Вол. — личное имя *Истома*), *Киселиха* (Под.) — *Киселево* (М., Бог., Зв., Под.) — *Киселевка* (Под.), *Кузнечиха* и *Кузнецово* (Кирилл. у., Новг.), *Лобаниха* или *Лобановская* (Кирилл. у., Новг.), *Маслиха* (Дм.) — *Маслова* (Зв., Кл., Мож.), *Михалиха* (Брон.) — *Михалево* (М., Бог., Вол., Кл., Под.) — *Михали* (Брон.), *Подольниха* (М.) — *Подольная* (Вер.), *Попиха* (Дм.) — *Попова* (Руз., Серп.), *Рубчиха* (Зв., Мож., Руз.), *Чепчиха* (Кл.) — *Чепцова* (Мож.) — *Чепцы* (Вол.).

На основании этих форм объясняются и такие, которые известны только с суффиксом ***-иха***. Например, *Гнусиха* (Моск. у., XVI век) вместо *Гнусова*, *Жеребчиха* (Бог.) вместо *Жеребцова* (ср. указанную выше форму *Жеребцы*), *Холуяниха* (Руз.) вместо *Холуянова* и некоторые другие.

13) ***-уха***, ***-уша***. Применялись эти суффиксы редко: *Теплуха* (Вол.; ср. *Теплое*, Руз.), *Бологуша* (пригород в М. ; ср. *Бологое*), «*Высокое*, а *Высокуша* тоже» (Моск. у., XVI век), *Гнилуша* (М.).

14) Суффикс ***-ьня*** (***-ня***). С этим суффиксом было образовано много слов разного значения, в том числе слов, имевших значение мест: «*хлебня* да *поварня*» (XVI век), *пекарня*, *опочивальня*, *челядня*, *оплетня*, *городня*, *кузня* (кузница) и др. От этих имен отвлечен суффикс ***-ня*** и для топонимических образований. Воздействию этих образований на топонимию содействовало и нарицательное название пункта поселения — название с суффиксом ***-ня***: ***деревня***. Кроме того, некоторые из нарицательных имен на ***-ня*** служат и для топони-

мии: *Городня* (М., Зарайск. у., Ряз.), *Ельня* (Бог.). Эти топонимические образования вышли из народной среды. Некоторые из них были вариантами официальных и полуофициальных названий, как указывает на это наличие двух форм по отношению к одному и тому же пункту. В течение времени одна из форм выходила из употребления, и о ней мы можем судить по нахождению ее в другом месте: *Алешня* (Дм.) — *Алешино* (Брон., Дм., Кол., Руз.), *Безводня* (Данк. у., Ряз.), *Березня* (Серп.), *Владычня* и *Владычно* (Вол., Переясл.-Зал.), *Всходня* (XVI век) — позднее *Сходня* (речка, М.), *Вязовня* (Данк. у., Ряз.; ср. *Вязовое*, Курск.), *Вязовик* (Ливен. у., Орлов.), *Дубечня* (Серп.), *Дубня* (река в Колом. у., XVI век) — *Дубцы* (Зв.), *Запрудня* и *Запрудная* (Дм.) — *Запрудня* (Брон.), *Корытня* (Под.), *Локотня* (Зв.) — *Локтевая* (Брон.), *Луковня* (Под.), в VII веке — *Луком* (ср. *Лукова*, Кол.), *Мутня* (речка в Кашир. районе), *Озерня* (речка в Звен. у., XVI век), *Ореховня* (Можайск. у., XVII век), *Враг Осечня* и *Осеченской враг* у Коломны (XVII век), *Осоковитня* (покос у д. Нелидово, Переясл.-Зал.), *Островня* (Зв. у., XVI век), *Переволочня* (речка в Звен. у., XVI век), *Песочная* (Кол., Руз.; ср. *Пески*, Дм., Кол., Мож.), *Прудня* (Мож., Серп.) — *Пруды* (М., Кл.), *Ракитня* (Кром. у., Орлов.), *Рудня* или *Рудневский* погост при р. Рудинке (Бог.), *Селечня* (Севск. у., Орлов.) — *Сельцо*, *Сельцы* (в разных местах), *Стрельня* (Колом. у., XVI век), *Судильня* (Серп.), *Сушня* (*Кл.*), *Темня* и *Спас Темный* (Серп.), *Уклешня* (Под.), *Часовня* (М., Бог., Дм., Зв., Руз., XVI век).

15) ***-на***. Образования с суффиксом ***-на*** применялись редко: *Дубна* или *Дубны* (Кол., Серп.), *Николо-Березна* (Серп.), *Городна* (Зарайск. у., Ряз.), *Алешна* (Зарайск. у., Ряз.), *Крапивна* при р. Крапивне, *Лубьно* (XII век) — нынешние *Лубны*.

Форма эта первоначально имела значение прилагательного с суффиксом ***-ьи***, указывавшим на отношение пункта к предмету, названному в основе: *Дубьна*, т. е. *Дубьна деревня*, и т. п.

16) ***-ь***; ***-нь***. Нередко пользовались образованиями на ***-ь***, ***-нь*** женского рода.

А) «Селище *Черная Быстрь* на реке на Истре» (Моск. у., XVI век), *Заболоть* (Михайл. у., Ряз.), *Хлыбь* (Моск. у., XVI век). *Чащь* (Кл.), *Якоть* (село при речке *Якоте*, именительный *Якота*; Дм.), *Усторонь* (Спас. у., Ряз.).

В таких названиях, как *Быстрь*, *Чащь* (от *чаща*), *Якоть* (от *Якота*), *Заболоть* (ср. *Заболотье*), ясно топонимическое значение ***-ь*** (мягкости согласного).

Б) То же значение и ***-нь***.

а) ***-ань***: *Верховлянь* (Кол.); ср. название *Верховляна* (часть села Мостовая в Свердлов. обл.), *Выкопань* (Прон. у., Ряз.), *Копань* (Моск. у., XVI век), *Лебедянь* (Тамб.), *Резань — Рязань* (деревня, — Зв.), гор. *Рязань*. В раннее время, в XI—XII веках, в названии этого пункта главным образом выражалось значение города; поэтому и значение рода представлено как имени мужского рода: г о р о д *Рязань*. Например, Олег Ярославич «иде к *Рязаню*» (1096 г.). *Серебрянь* (Мих. у., Ряз.), *Страдань* (Под.), *Струмань* (Ряз. у.), *Терехань* или *Терехунь* (Серп.), *Хрипань* (Брон.), *Черепянь* (Тамб.).

б) ***-ынь***: *Белынь* (Нижнеломов. у., Пенз.), *Курынь* (Руз.), *Смердынь*, позднее *Смердыни* (Весьегон. у., Твер.).

в) ***-ень***: *Листень* (Моск. у., XVI век), *Плашень* (Зарайск. у., Ряз.), *Городень* или *Городня*, *Городец* (Твер. у.).

17) ***-ище***, ***-ища***, ***-ищи*** (множественное число). Образования с этим суффиксом указывали на местонахождение чего-нибудь: развалин города, на место прежнего погоста, деревни, на местонахождение жерновов, столбов и др. О замене формы на ***-ище*** формою множественного числа замечания сделаны выше. *Вереище* (Влад. у., XVI век); ср. *Верея* — гор. Моск. обл. *Деревници* (Муром. у., Влад.), *Деревнищи* или *Деревни* (Егорьев. у., Ряз.), *Жерновище* (Спас. у., Ряз.; так и в XIV веке), *Избища* (Моск. у., XVI век), *Избищи* (Зв.), *Каменищи* (на речке Сушке, Серп.; так и в XVII веке), *Мостищи* (Серп., Переясл.-Зал.), *Мялище* (Колом. у., XVI век), *Овинище*, *-ищи* (Кол. у., XVI век, Руз., Горохов. у., Ряз.), *Побоищи* (Ряз.), *Погостище* (Кирилл. у., Новг)., *Погостищи* (Егорьев. у., Ряз.), *Погребище* (Моск. у., XVI век), *Прудища*, *-ище*, *-ищи* (Моск. у., XVI—XVII века, Под.), *Слободищи*, *-ище* (Бог., Дм.), *Столбище* и *Столбища* (Колом. у., XVI век), *Столбищево* (Под.), *Столбище* (Руз.), *Шатрищи* (Спас. у., Ряз.), *Шатрища* (Медын. у., Калуж.).

На топонимическое значение суффикса ***-ище***, ***-ищи*** указывает и такое явление: с этим суффиксом образуется местное название б е з з н а ч е н и я м е с т о н а х о ж д е н и я, а только как и м я п у н к т а: *Малинищи* (село, Прон. у., Ряз.). Это название произошло не от «малинища», т. е. местонахождения малины: оно появилось вместо более раннего названия *Малино*; ср. *Малинки* (Мих. у., Ряз.), *Малино* (Кол., Пошехон. у., Яросл.).

Топонимического значения не было в суффиксе ***-ище*** в тех названиях, которые образованы от собственных имен лиц: *Петрищи* (Бог.) вместо более раннего *Петрищево*; ср. *Иванчищево*. Этот суффикс находился в личном имени и имел значение уничижительное.

Так называли себя, самоуничижая, при обращении к князьям. Так, известный игумен Белозерского монастыря Кирилл в своих посланиях князьям писал (в начале XV века): «*Кирилище черньчище* с своею братицею… много челом бьем». Ср. имена того времени: *Бобрище*, *Павлище*, *Петрище*, *Татище* (ср. *Тать*, фамилию *Татев*) и др.

18) ***-щина***. Образования с этим суффиксом производились от имен, прозвищ, фамилий и от названия социального положения владельцев данного пункта и обозначали не только пункт, но и всю местность, принадлежавшую владельцу. Например, в Звенигородском уезде имеется село *Полевщина*. Называется оно и *Полево*. *С* XVI века и до конца XVII века оно было местожительством бояр *Полевых*[25]. Владельцем бывал нередко и монастырь. В таких случаях название пункта и местности могло быть образовано от имени «монастырь» или собственного имени его. Например: *Монастырьщина* (Бог. у., Тульск., Данк. у., Ряз., Богучар. у., Воронеж. и др.), *Богословщина* — название восточной части Михайловского у., Ряз. — около 25 сел, некогда принадлежавших Богословскому монастырю. Другие примеры: *Апальщина* (Руз.; ср. название *Апалиха*, Зв.), *Барятовщина* (Раненб. у., Ряз.), *Васильевщина* (Моршан. у., Тамб., Раненб. у., Тульск.), *Волхонщина* (Раненб. у., *Ряз*., Нижнелом. у., Пенз.), *Дворянщина* (Кирсан. у., Тамб.), *Дмитровщина* (Переясл.-Зал.), *Дубовщина* (Острож. у., Вор.), *Дубовщина* (Ряж. у., Ряз.), *Дуровщина* (Раненб. у., Ряз.), *Ивановщина* или *Ивановское* (Данк. у., Ряз.), *Пустошь Княжщина* (Колом. у., XVI век), *Коробовщина* (Покров. у., Владим.), *Коровщина* (Бог.), *Куровщина* (Кирсан. у., Тамб.), *Лаговщина* или *Лаговичи* (Данк. у., Ряз.), *Непейщина* (Кл.; ср. *Непеино*, Дм., от личного имени *Непея*), *Масальщина*, *Милославщина*, *Мирославщина* (Скопин. у., Ряз.), *Одоевщина* (Данк. у., Ряз.), *Ромодановщина* (Тульск.), *Хитровщина* (Епиф. у., Тульск.), *Царевщина* или *Царево-Курганская Слобода* (Самар.).

Указание на более раннее значение названия с суффиксом ***-щина***, как на значение местности, представляют такие примеры: *Богословщина* — часть Михайловского у., *Климовщина* — село в Устюж. у., Новг.; в XVI веке оно называлось *Никольским в* ***Климовщине***, т. е. в местности Климова.

Иное значение таких названий, как *Ямщина* (Инсар. у., Пенз.): от имени *ямщина*, указывавшего на повинность населения этого пункта «стоять на яму», выполнять поездки, гоньбу.

[25] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1872, т. IV, отд. 5, с. 2.

Особое значение названия *Братовщина* (Дм.). Следует принять во внимание, что в прежнее время около этого села, у дороги из Москвы в Ярославль, находился странноприимный дом. Поэтому можно полагать, что название села пошло от имени «братство», «братский». Но такое объяснение не исключительно достоверное: возможно, что и этот пункт был во владении лица, носившего имя или прозвище *Брат*. Такие личные имена были в прежнее время. Уменьшительная форма для них была *Братец*, *Братей*. Ср. села: *Братцево* (М.), *Братеево* (М.).

19) ***-аны*** вместо более раннего ***-ана***, ***-ане***. Образования с этим суффиксом указывали на коллектив обитателей называемого пункта. *Верхоляна* — часть села Мостовая в Егоршинском районе Свердловской области. «В селе *Верховланех*», «полсела *Верховлян*» (Колом. у., XVI век). *Любочаны* (Под.), *Листьяны* (М.), *Новляны* (Касим. у., Ряз.).

20) ***-овцы***, ***-инцы***, ***-цы***. По происхождению — это форма именительного падежа множественного числа мужского рода для имен лиц на ***-овец***, ***-инец***, ***-ец*** в единственном числе. В этих названиях также подчеркивалось коллективное значение. *Аксенцы* (Бог. у., Тульск.), *Волославцы* (Переясл.-Зал., XVI век), *Дмитриевцы* (Егорьев. у., Ряз.), *Киевцы* (Александров. у., Тульск.), *Ниловцы* (Кирил. у., Новг.), *Нюховцы* (Михайл. у., Ряз.), *Романцы* (урочище около села Перехваль, Данк. у., Ряз.).

При названии на ***-цы*** некоторые пункты имеют название на ***-чи***: *Жилкинцы* и *Жилковичи*, *Лучкинцы* и *Лучковичи* (Зарайск. у., Ряз.).

21) ***-ичи***. По происхождению — это форма множественного числа, указывавшая на потомков лица, названного в основе этого имени, или вообще на людей, принадлежавших этому лицу. Давний суффикс здесь ***-itj-ь*** (старослав. ***-ишть***, западнослав. ***-ic***). Такое образование для названия местных пунктов применялось на севере и в центре не часто, как и образование на ***-овцы***. Чаще было применение таких имен на юго-западе и на западе: в Калужском, в западной части Орловского края. Примеры из Московской, Владимирской, Новгородской, Рязанской и Тульской областей: *Белыничи* (Зарайск. у., Ряз.), *Боровичи* (Новг.), *Витославичи* (село, Новг. обл., XI век), *Войничи* (волость, Руз. у., XVI век), *Воловичи* (село, Колом. у.), *Всегодичи* (Ковров. у., Влад.), *Галичичи* (в Боровском у., XVI век), *Городковичи* (Спас. у., Ряз.), *Городошевичи* и *Гремичи* (в районе р. Протвы, XIV век), *Гусиничи* (Влад. у., XVI век), *Дроздовичи* (в Суздальск. крае, XIV век), *Дубровичи* (Ряз. у.), *Киверничи* (Моск. у., XVI век). «Пустошь, что была деревня *Луковичи*, *Волковичи* тож» (Моск. у., XVI век), *Луховичи* (Зарайск. у., Ряз.), *Лучконичи* (Зарайск. у., Ряз.), *Любичи* (в обл. Лужи,

XV век, Зарайск. у., Ряз., Кирсан. у., Тамб.), *Людгощичи* (улица в Новгороде в XI—XII веках), *Петровичи* (Спас. у., Ряз.), *Пневичи* (Моск. у., Переясл. у., XIV век), пустошь *Поповичи* (Моск. у., XVI век, село в Прон. у., Ряз., в Ряз. у.), *Свитничи* (Влад. у., XVI век), *Семеныичи* (Вер.), *Тервиничи* (Тихвин. у., Новг., Погост Михайловский в Тервиничах, XVI век), *Угодичи* (Ростов. у., Яросл.), *Филиповичи* (Зарайск. у., Ряз.), *Шереховичи* (Боровицк. у., Новг.), *Скушевичи* (Егорьев. у., Ряз.), *Ярославичи* (погост в Лодейнопольск. у., Олонецк.).

Не все эти названия образованы от личного имени с значением, указанным выше. Некоторые из них появились как топонимические имена, с подчеркнутым значением коллектива, — появились позднее, по образцу других названий на ***-ичи***, которые уже не выражали указания на личную принадлежность владельцу. Возможно, таково происхождение названия погоста *Ярославичи* вместо *Ярославец*. Также позднего образования названия не от личного имени, например *Городковичи*.

Имеются примеры в форме единственного числа на ***-ичь*** (из ***-itj***): «Село *Вседобричь*» (Моск. обл., начало XIV века), от личного имени *Вседобр*; *Микуличь* и *Никуличи* (Ряз. у.); *Люторич* (Епиф. у., Тульск.).

Названия на ***-ичи*** были близки по значению к названиям на ***-овцы*** (***-цы***) и ***-щина*** — к названиям тоже личного происхождения, с коллективным оттенком: *Жилковичи* или *Жилкинцы* (Зарайск. у., Ряз.), *Лучковичи* или *Лучкинцы* (Зарайск. у., Ряз.), *Лаговичи* или *Лаговщина* (Данк. у., Ряз.).

22) ***-яты*** вместо более раннего ***-ята***. Образование, тоже в форме множественного числа, указывало на потомков лица, имя которого лежало в основе названия. Давнее значение этого суффикса — указание на молодое существо: ***теля*** — ед. ч., ***телята*** — мн. ч. Такие названия в русской топонимии редки: *Бузяты* (Егорьев. у., Ряз.), *Жучаты* (Егорьев. у., Ряз.), *Коробяты* (Егорьев. у., Ряз.), *Чиряты* (Ряз. у.).

Префиксы. Для образования местных названий пользовались иногда префиксами. Префиксы ***за-***, ***над-***, ***на-***, ***по-***, ***под-*** служат для определения положения называемого пункта по отношению к реке, болоту, озеру, горе, к деревьям: *Забережье* (Моск. у., XVI век), *Березник* (Кирилл. у., Новг.), *Заболоты* (М.), *Заболотье* (Брон., Кл.), *Заборье* (Серп.), *Заволинья* (Бог., за р. Вольной), *Завражье* (Руз.), *Заозерье*, *Зарамушки* (М.), *Заречная* слобода (М.), *Запонорье* (Бог., за р. Понорой), *Надмошье* (Дм.), *Наречино* (Мож., при р. Иноче), *Поречье* (Зв., Руз., при р. Москве; Мож., при речках Иноче и Перебежке; Кл., при р. Сестре), *Подберезная* (Брон.), *Подберезники* (Кол.), *Подвязная* (Бог., Дм., Под.), *Подзавалье* (Под.), *Подлипки*

(Брон.), *Подмошье* (Дм.), *Подосинки* (М., Вер., Дм., Под.), *Подсосенье* (Дм., Кл., Мож.), *Подъелки* (Вол.).

Многие из таких названий не представляют давних образований. Им предшествовала сложная передача местного названия. Например: деревня *Новое под березами* (Владим. у., XVI век), *Под девятью дубы* (Владим. у., XVI век).

В некоторых названиях с ***под-***, как и в именах нарицательных, этот префикс имеет значение префикса ***по-***. Таково значение ***под-*** в названии деревень: *Подлужная*, расположенная по лугу р. Москвы (Кол.), *Подмошье* (Дм.). Префикс ***под-*** вместо ***по-*** или в значении его давно уже входит в некоторые слова в русских говорах. Например: *подсолнух*, *подсвёкольник* — Amaranthus retroflexus — сорное растение на огороде, *по свекле*, а не под свеклой; *подорожник* — Polygonum aviculare — «птичья гречка» — трава у дороги, *подпоясываться*, *подпояска*, *подсобить* — «потцобить» вместо «пособить».

Прилагательное. Для топонимического названия служит иногда форма прилагательного в женском или среднем роде. Значение рода было связано с тем, к какому пункту относилось название: если оно относилось к деревне, то форма была женского рода, если к селу — среднего рода. Но формою среднего рода называлась и деревня и пустошь и разные другие пункты: эта форма прилагательного имела специфически топонимическое значение (см. ниже): «пустошь *Высокое*, а *Высокуша* тож» (Моск. у., XVI век), *Вязовое* (деревня, — Ростов. у., Яросл.), *Дальняя* или *Дальна* (деревня, — Бог.), *Завражное* или *Завраг* (Кирил. у., Новг.), *Замошное* или *Замох* (Кирил. у., Новг.), «Деревня *Крутая* на *Крутом* же врагу» (Колом. у., XVI век), сельцо *Новое* (Моск. у., XVI век), пустошь *Подберезная* (Моск. у., XVI век), *Подвязная* (деревня, — Бог.), пустошь *Подлесная* (Моск. у., XVI век), *Черное* и *Черная* (деревня, — Бог.), пустошь *Ямное* (Моск. у., XVI век).

Сложные названия. Сложные названия, употреблявшиеся с топонимической целью, были различны.

1) Сочетания прилагательного с существительным: *Черная Грязь* (Вер., М.), *Малые Вражки* или *Шибий Колпачок* (М.), *Красный Холм* (Под.), *Гуляева Гора* (Вер.), *Лудина Гора* (Вол.), *Сивцев Вражек* (в Москве) и др.

2) Сочетания двух имен существительных: *Бор-лес* (Подол. у., XVI век), *Поле-гусли* (вотчина Сергиева монастыря в Переясл.-Зал.).

3) Сочетание с «город», во 2-й части. В первой части находится существительное, прилагательное, наречие: *Китай-город* в Москве; *Белый-город*, или *Царев-город*, или *Иван-город*, построенный в Мо-

скве в 1586 г.; он облегал Кремль и Китай-город с западной и северо-восточной сторон. *Славгород* (Харьков; основан в конце XVII века), *Белгород*, *Буйгород* (Вол.), *Вышгород* (1. Вер., упоминается в XIV веке. 2. В Ряз. крае на Оке). С *-город* называли и Константинополь, по-южнославянски *Цесарьград* или *Царьград*. «Лета 7027 (1519) марта — послал князь велики во *Царь-город* к салтану Бориса Голохвастова»[26]. «Пришли де с моря из *Царя-города* в Гирло 45 каторг турских людей», 1660 г.[27]

4) Сочетание числительного с именем существительным: *Семиврази* (Под.). Раньше называлась иною формою: *деревня Семиврагов*, *у деревни Семиврагов* (XVII век).

5) Сочетания основы на ***-и*** с существительным в именительном падеже: речка *Вздеринога* (Моск. у., XVI век). Такие образования применялись гораздо чаще в личных именах и прозвищах. Например: имена *Воротислав*, *Мьстислав*, *Держикрай*, *Судимир*; прозвища: *Варивода*, *Горихвост*, *Дериглаз*, *Подсекикорова*, *Трясисолома* и др. Подобные формы в именах личных и в топонимии представлены и в других славянских областях, например в украинских, болгарских.

6) Сложения с гласным ***о***, ***е*** в первой части: *Белопесоцкая* (Серп.), *Большедворье* (Кирил. у., Новг.), *Верхогрязье* или *Верхняя Грязь* (Зв.), *Долгоглядье* (Мож.), *Долгомостье* (Зарайск. у., Ряз.), *Лихоборье* (М.), *Новоглебово* (Дм.), *Новгородово* (Серп.), *Старогорье* (М.), *Свинолучье* (Кол.), *Староселье* (Подол. у., XVII век), «пустошь *Черногрязная*» или *Черная Грязь* (Моск. у., XVI век), речка *Черногрязка* (там же, XVII век).

7) Сочетания описательные с местоимением *что* и далее с предлогом *на*, *в* или только с предлогом *на*, *в* (без *что*). Чаще всего такая передача применялась в отношении названий по именам церквей: наличие нескольких одноименных пунктов вызывало такую передачу: *Воздвиженское*, *что в Игрищах* (Роман. у., Яросл.), *Воскресенское*, *что на Мусоре* (Пошехон. у., Яросл.), *Воскресенское*, *что на Шоше* (Кл.), *Михалево*, *что в Рогулях* (Пошех. у., Яросл.), *Никольское*, *что на Бою* (Яросл. у.), *Никольское*, *что на Тропе* (Рыбин. у., Яросл.), *Новое*, *что на Барках или Желебовые Барки* (Ряж. у., Ряз.), *Троицкий*, *что в Чижах* (Бог., погост).

Михайловское на Пупках (Моск. у., XVI век), *Никола на Дерюзине* (XV в.; теперь Дерюзино, Переясл.-Зал.), *Ильинское на Муравлищах* (Бог.), *Спас на Кезе* (Нижегор. край) и др.

---

[26] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1846 г., т. V, 80, с. 80.

[27] «Акты», изд. Академии наук, т. III, с. 121.

В результате дальнейшей редукции получилось сочетание двух имен в именительном падеже: *Спас-Нередица* (Новг. у.), *Спас-Сетунь* (М.), *Спас-Кукса* (Суздал. у., Влад.), *Никольское-Свечки* (Кл.), *Никола-Гостунь* (Лихвин. у., Калуж.), *Никола Мокрый* (в Москве, XV век).

Варианты. В официальном употреблении названия пунктов часто передавались двумя или тремя именами, соединенными посредством «**тоже**» или «**тож**» позади второго или третьего имени или без этого соединительного словечка. Варианты в названии обусловлены были разными обстоятельствами.

1) Сменой владельцев: *Козодавлево-Траханово* (М.): в XV веке тут была вотчина Якова *Козодавля*; в средине XVI века это село перешло во владение боярина Вас. *Траханиотова*. Деревни *Гавриловская-Малышево* (Моск. у., XVI век), *Зубакина-Соколовка* (Кол.), «*Конюхово*, а *Чюбарово* тож» (Моск. у., XVI век), «Деревня *Ондреево*, *Лосево*, а *Остров* тож» (Моск. у., XVI век), «*Хвостово*, *Карпунино* тож» (Моск. у., XVI век).

2) Одно из названий было дано по топографическому положению пункта или по какому-нибудь другому признаку, а второе — по имени владельца или лица, имевшего особое значение в отношении этого пункта: «деревня *Филино*, а *Запольское* тож» (Моск. у., XVI век), *Щетишно-Запрудная* (Моск. у., XVI век), «деревня *Митова*, *Поляна* тож» (Моск. у., XVI век), «*Овчинкина*, *Липня* тоже» (Моск. у., XVI век).

3) Из двух названий пункта одно было церковное, а другое бытовое: «село *Дрозницы*, а *Покровское* тож» (Моск. у., 1704 г.), *Троицкое-Ратмоново* (Бог.), *Никольское-Ржавки* (М.), *Богоявленское-Навесное* (Ливен. у., Орлов.), «*Рожествено*, *Песье* тож» (Под.).

4) На разных названиях отражается неодинаковость значения пункта как места поселения: «деревня *Борсукова*, а *Барсуков Починок* тож» (Моск. у., XVI век), «*Пустошь Бутурлина*, что было село *Бутурлино Новое*» (Моск.. у., XVI век).

5) Разное образование личного имени, от которого произведено название пункта: «*Резютино*, *Резанова* тож» (Звен. у., XVI век), «Пустошь *Гридино*, а по мирскому названию *Гришино*» (Переясл.-Зал., XVI век), «*Гридина*, *Гридюшкина* тож» (Моск. у., XVI век), «деревня *Степанова*, а *Степково* тож» (Моск. у., XVI век), «сельцо *Рахманцово*, а *Рахманово* тож» (Моск. у., XVI век), «деревня *Филипцово*, *Филипково* тож» (Дмитр. у., XVI век), «деревня *Юшино*, *Юрово* тож» (Моск. у., XVI век), «*Юрина*, *Юрьево* тож» (Моск. у., XVI век).

6) Варианты были обусловлены разными морфологическими и фонетическими чертами: *Медведково* и *Медведки* (Дм.) и др. «Село

Никульское, оно же и *Микульское*» (М.), *Дальняя* и *Дальна* (Бог.), *Короткая* и *Коротка* (Бог.).

Окончание. В отношении окончания топонимических форм отметим следующее. Топонимическое название в форме прилагательного имеет окончание ***-а*** или ***-о***. С окончанием ***-а*** название относится к деревне, к пустоши, т. е. в данном случае представлено согласование в роде с нарицательным именем пункта: деревни *Ивашева*, *Дурова*, *Сабурова*, *Гридина*, *Ковригина*, *Черная* и т. д. «Пустошь *Марфицына* да пустошь *Кликошина*» (Моск. у., XVII век).

Но часто деревня и пустошь имеют названия с окончанием на ***-о*** (***-ово***, ***-ино***), ***-ое*** (*Высокое*…). В писцовых книгах XVI века нередко отражается колебание в употреблении окончания. Например: «дер. *Хвостово*, дер. другая *Хвостова*» (Моск. у.); «дер. *Купреянова*, …дер. *Купреяново*, *Василево* тоже» (Моск. у.). Так и в настоящее время. В письменной передаче это колебание может объясняться аканьем писавшего или произносившего, со слов которого производилась запись. Но с гласным ***-о***, а также с ***-а*** употребляются топонимические образования и на севере, в областях о к а ю щ и х. Например, деревни в Кирил. у., Новг.: *Мигачева*, *Остолопова*; но и: *Кузнецово*, *Старцево*, *Попково*, *Ладугино*, *Макутино* и др.

Форма на ***-о*** имела с п е ц и ф и ч е с к и т о п о н и м и ч е с к о е з н а ч е н и е м е с т а, не зависящее от того, называется ли село, сельцо, деревня, пустошь, лес. Примеры по отношению к названию леса, т. е. м е с т а, занятого лесом: *Воронино*, *Мутилово*, *Чередово*; ср. и прилагательное на ***-ое***: *Плоское* (Вологод. у.), *Спиридово*, *Плоскореково*, *Еговитино* (Ковров. у., Влад.)[28]. Пустоши: *Аннино*, *Присетнино*, *Погиблое* (Кадник. у., Вологод.)[29].

Мы сделали обозрение способов топонимических образований феодального времени. Это обозрение обнаруживает, как разнообразны были эти способы. Один и тот же пункт нередко назывался поразному. Исторические условия вызвали это разнообразие: отсутствовали в то время нивелирующие общественно-языковые тенденции. Но главные средства оформления названий были направлены к достижению одной из двух основных целей: в ы р а з и т ь п р и н а д л е ж н о с т ь п у н к т а т о м у и л и и н о м у л и ц у и о п р е д е л и т ь м е с т о п о л о ж е н и е п у н к т а.

[28] «Труды Комиссии по диалектологии русского языка», вып. 11, с. 85, с. 79, 40.

[29] «Труды Комиссии по диалектологии русского языка», вып. 11, с. 85.

Важное указание словообразовательных элементов феодальной топонимии заключается также в следующем. Они указывают на д в а о с н о в н ы х и с т о ч н и к а топонимических образований: на среду официально-владельческую и церковную, с одной стороны, и на среду народную — с другой. П р о и с х о д и л а б о р ь б а языковых элементов той и другой среды. Много топонимических форм из источника церковного и официально-владельческого претерпевало изменения в народной среде. Окончательный результат борьбы был неодинаков для всех форм и во всех местах: для исхода борьбы имели значение разные факторы, одним из которых была феодальная раздробленность населения. В одних случаях входила в общий обиход форма официальная, в особенности в тех случаях, когда она не представляла ясно выраженного владельческого значения (имена на ***-ова***, ***-ово***, ***-ина***, ***-ая***, ландшафтные и некоторые другие). В других — победа была на стороне народной формы. Таковы формы на ***-иха***, ***-ня***, ***-на***, ***-ка*** (в церковных именах), формы именительного множественного числа типа: *Матренки*, *Жеребцы*. В некоторых случаях весьма долго, до второй половины XIX века, держались двоякие формы по отношению к одному и тому же пункту.

Во второй половине XVIII века в связи с применением в речи о «важных материях» архаического «высокого штиля», соответствовавшего националистическим тенденциям дворянского класса, у с и л и в а ю т с я ц е р к о в н о с л а в я н с к и е э л е м е н т ы в топонимии. К прежним церковным именам присоединяется теперь и позднее много других в названиях сел и некоторых городов: *Знаменское*, *Воскресенское*, *Никольское*, *Богородск*, *Воскресенск* и др.

Теперь не применяются личные имена в русском звуковом виде, как это было в феодальное время (*Юрьев*, *Микулин*), а в церковнославянском: *Георгиевская* — крепость на Кавказе, основанная Потемкиным в 1777 г., название, позднее замененное именем *Георгиевск*.

Название феодального имени *Володимерь*, заменившееся именем лица *Володимер* (но на Клязьме сохранялось и *Володимерь*), теперь, во второй половине XVIII века, на этом имени отражается церковнославянский стиль: *Владимир* (*Владимир-на-Клязьме*, *Владимир-Волынский*). Та же архаизующе-стилистическая черта вместе с империалистической идеологией представлена в новых именах городов: *Владикавказ* (1784 г.), *Владивосток* (1861 г.).

В первой половине XIX века произошли изменения в таком же направлении и в ряде других местных названий. Например, документы XVI—XVIII веков указывают село *Хороброво* — ныне *Храброво* (Дмитр. у.). Названия с ***ж*** (вместо давнего ***dj***) (*Рожествено*)

заменились посредством *Рождествено*, *Рождественское*. Так, например, село Брон. у. *Рожествино* — в XVII веке, *Рождество* — во второй половине XIX века.

То же стилистическое значение отражается в именах городов со второй частью ***-град***, а также ***-слав***, ***-дар***. *Елизаветград* (основан в 1754 г., по повелению имп. Елизаветы), *Екатериноград*, *Павлоград* (название в честь Павла Петровича), *Константиноград* (название в честь Константина Павловича), *Екатеринослав* (1786 г.), *Екатеринодар* (при Екатерине II)[30]. Сравните образования XVII века: *Царев-Борисов город*, *Царевичев-Дмитриев город*. Как видно, второй части имен XVIII века на ***-град*** соответствует по своему значению для топонимического образования ***-слав***, ***-дар*** — соответствия, характерные по своему содержанию, вместе с основою первой части выражающие тенденции царского абсолютизма, с одной стороны, и раболепства — с другой.

В XVIII веке повышенное стилевое значение в топонимических образованиях выражалось и другими средствами: элементами иноязычными. К таким образованиям принадлежат имена на ***-бург*** (нем. *Burg*), ***-гоф*** (нем. *Hof*), ***-штадт*** (нем. *Stadt*): *Санкт-Петербург*, *Екатеринбург* (1723 г., название в честь Екатерины I), *Оренбург* (1735 г., на р. Ори), *Ораниенбург*, позднее *Раненбург* (на месте построенной Меншиковым небольшой крепости у села Слободское, Ряз.), *Шлиссельбург*, раньше *Орешек* (по распоряжению Петра I ключи от этой крепости *Орешек*, отвоеванной у шведов, были повешены на шпице главной башни и крепость переименована в *Шлиссельбург*), *Ямбург* (в 1703 г. переименован вместо *Яма*), *Екатерингоф* (загородный парк и дворец, подаренный Петром I Екатерине), *Петергоф* (в 1711 г., одна из резиденций Петра I), *Венец-город* или *Кронштадт* (1720 г.).

В XVIII веке и в первой половине XIX века пользовались также греческими элементами. Так возник ряд имен во второй части с ***-поль*** (греч. *pólis*): *Ставрополь* (*Staurópolis*), *Елизаветполь* (название в честь Елизаветы Алексеевны, жены Александра I), *Ольгополь* (в честь Ольги Павловны), *Екатеринполь* (в честь Екатерины Павловны), *Александрополь* (в честь Александры Федоровны, жены Николая I), *Григориополь* (Херсон, в 1792 г. назван в память Григория Ал. Потемкина) и др.[31] Такие образования вызваны были не

[30] Другие данные см. в статье B. Unbegaun'a «Les noms des villes russes: la mode slavonne» («Revue des études slaves», XV, № 1—2, 1936, с. 65 и след.).

[31] Другие данные см. в статье B. Unbegaun'a «Les noms des villes russes: La mode grecque» («Revue des études slaves», XVI, № 3—4, 1936, с. 214 и след.).

только воспоминаниями об античном культурном элементе греческих колоний на юге страны — элементе, который сочетают с царями, княжнами и князьями, но и империалистическими тенденциями распространить абсолютистскую власть на восток, где главный пункт носил заманчивое имя *Константинополь*.

В конце XVIII и в XIX веке появляются помещичьи названия *Отрада*, *Утеха*, *Рай*, *Воздыхаловка*, *Богохранимая*, *Монплезир*, *Мыс Доброй Надежды*, *Банкетный Бугор* (в Сызран. у.) и т. п.

После Великой Октябрьской революции топонимия прошлого должна была обновиться и отразить основные черты содержания современной эпохи, диктатуры рабочего класса, социалистического строительства, новой техники.

1) Отбрасываются топографические названия, носящие отпечаток царизма: *Гатчина*, *Царское Село*, *Царицын*, *Царево* (село), *Екатеринбург*, *Екатеринославль*, *Екатеринодар*, *Елизаветполь*, *Новониколаевск*, *Александрополь*, *Константиноград*…

2) Сбрасываются с городов и рабочих поселков названия, находившиеся в связи с господством привилегированных и эксплуататорских классов владельцев фабрик, заводов, копей: *Баронск*, *Понизовкина*, *Юзовка* и др.

3) Снимаются церковные имена некоторых городов: *Богородск*, *Воскресенск*, *Вознесенск*, *Сергиев-Посад*, *Покровск*, *Святой Крест* (Прикумск), *Ак-Мечеть* (т. е. Белая Мечеть в Казахстане) и др.

4) Отвергаются имена, находившиеся в связи с русификаторской политикой дореволюционного времени в нерусских областях. Вместо этих имен восстанавливаются местные или даются новые: *Верный* (> *Алма-Ата*), *Скобелев* (> *Фергана*), *Петровск* (> *Ак-Мечеть* > *Кзыл-Орда*), *Пржевальск* (> *Каракол*), *Петровск-Порт* (> *Махачкала*), *Петроалександровск* (> *Турткуль*), *Царевококшайск* (> *Йошкар-Ола*) и др.

Эпоха вызывает новые имена мест. Чем глубже происходящие процессы в общественно-экономической и политической жизни страны, тем сильнее сдвиги в топонимии, как и в других областях языковой деятельности. Многочисленные новые наименования местных пунктов, появившиеся после Октября, ярко отражают содержание своей эпохи. Октябрьская революция, Советы, свобода, Коммунистическая партия, Красная Армия, пролетариат, производство, значение вождей и идеологов пролетариата, борцы за освобождение трудящихся, значение выдающихся мыслителей, ученых и писателей, интернациональное единение трудящих-

ся, их солидарность, равноправие всех народов великого Союза, значение коммунистической молодежи, идущей на смену старшему поколению, значение советской печати («Правда»), социалистическая стройка, гигантский размах ее, смычка города и деревни, освоение далекой Арктики — на все это откликается современная топонимия. Не менее значительна и самая форма новых названий: во многих случаях ясно обнаруживается стремление придать форме повышенное значение, что находится в связи с общим повышенным настроением и энтузиазмом эпохи.

Сообщаем несколько примеров.

1) *Октябрьский* р. п.[32] (Д. В. К., Сахал., Моск.), *Октябрьское* с.

Красный. Сложные имена с основой ***Красно-***: *Красноармейск*, *Красногвардейск*, *Красногорск*, *Красноград*, *Краснодар*, *Красноznаменское*, *Краснокорельское*, *Красномаякское*, *Краснооктябрь*, *Краснооктябрьское*, *Краснопартизанское*, *Красноуральск*, *Краснофлотск* и др.

Сочетания с определением ***Красный***. Такие названия весьма многочисленны: *Красный Боевик*, *Красная Заря*, *Красная Звезда*, *Красная Зорька*, *Красная Каменка*, *Красная Нива*, *Красная Похра*, *Красный Похра*, *Красный Текстильщик*…

2) *Советск*, г. вместо слободы *Кукарки* б. Вят. губ., *Советский* р. п. (Д. В. К.), *Советская Гавань* (Д. В. К.), *Совет-Квадже* (Аз.-Черном. к.), *Канаш* (т. е. Совет, чуваш., вместо *Шахраны*).

3) *Свобода*, р. п. (Воронеж. обл.), *Свободный*, г. (Д. В. К.), *Фрайдорф*, с. (Крым. АССР).

4) *Большевик* (в разных местах), *Большевистское*.

5) *Красноармейск*, *Красногвардейск*, *Краснофлотск*.

6) *Пролетарий*, р. п. (Ленингр. обл.), *Пролетарский*, р. п. (Моск.), *Пролетарский Завод*, ф.-з. (УССР, Донецк), *Красные Ткачи*, р. п. (Яросл. обл.), *Красный Текстильщик*, р. п. (Сарат.), *Текстильщик*, р. п. (Моск.), *Угольный*, р. п. (Свердл.), *Рабочеостровск*, р. п. (Карельск. АССР), *Шахты*, г. (УССР).

7) *Марксштадт*, *Карла Маркса*, руд. п. (УССР), *Энгельс*, *Ленинград* (вместо *Петроград*), *Ленинск*, *Ленинское* (несколько), *Ленин-*

[32] *Р. п.* — рабочий поселок, *г.* — город, *м.* — местечко, *п. г. т.* — поселок городского типа, *руд. п.* — рудничный поселок, *с.* — сельская местность, *ф. з.* — фабрично-заводской поселок. Списки местных названий см. в изд.: «Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июня 1934 г.», М., 1934; «СССР. Административно-территориальное деление Союзных республик на 1 октября 1938 г.», М., 1938; «Алфавитный список почтовых предприятий Союза ССР», 1, 2, М., 1935.

ская Шахта, руд. п. (УССР), *Ленинакан*, г. (вместо *Александрополь*), *Ильич*, р. п. (Южно-Казахст. обл.), *Ильялы*, п. г. т. (Туркм. ССР), *Ульяновск* (вместо Симбирск), *Свердловск* (вместо *Екатеринбург*), *Калинин* (вместо *Тверь*), *Калининдорф* (в районе Одессы), *Калининабад* (вместо *Калаимирзабай*), *Киров* (вместо *Вятка*), *Кировск* (вместо *Хибиногорск*), *Кирово*, *Кировка*, *Кировабад* (вместо *Ганджа — Елизаветполь*), *Куйбышев*, г. (вместо *Самара*), *Каинск*, *Спасск* (в Татар. АССР), *Орджоникидзе*, *Дзержинск*, г. (Горьков. обл., БССР), п. г. т. (УССР), *Пошехонье-Володарск*, г., *Володарск*, г., *Володарское*, с. (Караганд. обл.), *Ногинск* (Моск.), *Урицк*, г. (Ленингр.), с. (Курск. обл.), *Урицкий*, р. п. (Западн. обл.), *Фрунзе*, г. (Киргиз. АССР), *Фрунзовка*, м.

8) *Парижская Коммуна*, руд. п. (УССР), *Память Парижской Коммуны* (Горьков. обл.).

9) *Памяти 13 борцов*, р. п. (Вост. Сиб.), *Артемовск*, г. (вместо *Бахмут* — имени тов. Артема), *Артемовский*, р. п. (Аз.-Черном., Коми-Перм. нац. окр., Вост. Сиб.), *Артем*, р. п. (Д. В. К.), *Чапаевск*, г. (Ср.-Волж.), *Халтурин*, г. (Горьков. обл.).

10) *Пугачев*, г. (вместо *Николаевск*), *Пугачевск*, г. (Саратов.).

11) *Кропоткин*, г. (Аз.-Черном. к.), *Пушкин*, г. (вместо *Детское Село — Царское Село*), *Некрасово*, с. (Яросл. обл.), *Лев Толстой* (Воронеж. обл.), *Горький* (вместо *Нижний Новгород*), *Беднодемьяновск*, г. (вместо *Спасск* — имени Демьяна Бедного), *Мичуринск*, г. (вместо *Козлов*), *Серафимович* (вместо *Усть-Медведицкая станица*).

12) *Коминтерн*, руд. п. (УССР), *Коминтерновское*, с. (вместо *Антоно-Кодинцево*), *Первомайск*, г. (вместо *Ольвиополь*), *Первомайка*, руд. п. (*УССР*), *Первомайский Рудник*, р. п. (Зап. Сиб.).

13) *Комсомольск-на-Амуре*, г., *Комсомольск*, р. п. (Иван. обл.), *Комсомолабад* (вместо *Помбачи*).

14) *Правдинск*, р. п. (Горьков.), *Правда*, пункт по Северн. ж. д.

15) *Волховстрой*, *Свирьстрой*, *Днепрострой*, *Хибиногорск*, *Магнитогорск*, *Гидроторф* (Горьков.), *Гигант* (Аз.-Черном. к.), *Бокситогорск* (в 30 *км* от Тихвина), *Лесозаводск* (Д. В. К.).

16) *Смычка*, р. п. (Моск. обл.), *Колхозный*, район (Челяб. обл.), *Колхозное*, с. (Казахст.), *Колхозбад* (Тадж. ССР).

17) *Полярное*, с. (вместо с. *Александровское*). В мае 1937 г. на Северном полюсе, на дрейфующей льдине, основана «Полярная станция», которая произвела ценнейшие наблюдения, бюллетени которых печатались в советских и заграничных изданиях.

18) Октябрьская революция, советский строй эпохи диктатуры рабочего класса обеспечили свободу развития национальностей

Союза и усиленное строительство в области культуры, национальной по форме [и] социалистической в своем содержании. Это пробуждение к политической, общественной и культурной жизни народов СССР отражается на разных сторонах их языков, в том числе и на топонимии. Отбрасываются имена местных пунктов, связанные в прошлом с русификаторской политикой царского правительства. Примеры были указаны выше. В областях отдельных народностей Союза топонимия подвергается изменениям в том же направлении, какое отмечено на русских примерах. Отбрасываются имена, противоречащие идеологическому содержанию эпохи. Например: *Ак-Мечеть* (Белая мечеть) заменяется *Кзыл-Орда* (Красная Орда, Казахст.), *Бай-Магомет* откинут; вместо него — *Беренчи Аул* (Первый Аул) и многие другие. Та идеологическая направленность, которой проникнуты новые названия мест в русских и украинских областях, характеризует собою новую топонимию в областях и других национальностей Союза.

Нерусские и неукраинские названия городов, раньше передававшиеся в русской среде неточно в звуковом отношении, теперь получают более близкий к подлиннику звуковой вид: *Ашхабад* (раньше *Асхабад*), *Батуми* (раньше *Батум*), *Сухуми* (раньше *Сухум*), *Ереван* (раньше *Еривань*), *Тбилиси* (раньше *Тифлис*).

Итак, процессы в отношении топонимии в нерусских областях Союза отражают собою о б щ е е содержание современной эпохи, в частности процесс национального возрождения в потоке социалистического строительства. Этот процесс противоположен тому, что переживает топонимия после империалистической войны[33] за границей. Там господствующие классы буржуазии изгоняют из инонациональных областей топографические имена на местном языке, заменяя их именами на языке господствующей национальности; не признается равноправие других народов в областях, захваченных после войны. Так в многострадальной Македонии, так во Фракии, так в Албании. Сербские империалисты и шовинисты отняли у болгар Македонии их имя, требуя от них, чтобы они называли себя сербами. Отняли и самое имя страны «Македония», заменяя это название, идущее из глубокой древности, именем «Южна Сербия» или «Вардарска Бановина». В болгарско-македонские топографические имена, близкие по корню и суффиксам к сербским, они вносят типические черты сербского языка. Так, суффикс ***-ец*** передается ими по-

[33] Имеется в виду первая империалистическая война 1914—1918 гг. — *Примеч. сост.*

средством ***-ац*** (*Лисац* вместо подлинного *Лисец*, *Буковац* вместо *Буковец*…), суффикс ***-ен*** посредством ***-ан*** (*Ресан* вместо *Ресен*…): в сербском языке находится гласный ***а*** вместо давнего ***ь***, а в Македонии, как и в Болгарии, гласный ***е*** в таких случаях. Греки грецизируют болгарские и турецкие топографические имена в южной Македонии и во Фракии. Огречиванию подвергались все негреческие имена в этих областях. Так, в небольшой южной полосе Македонии, отошедшей к Греции, переиначено 840 названий. Например: *Ашиклар* > Leventochōri, *Баш-кьой* > Kefalochōri, *Буковик* > Oxya, *Вещица* > Anghelochōri, *Дъмбени* > Dhendhrochoriō и др.

Теперь отметим словообразовательные элементы новой топонимии. Она пользуется следующими средствами.

1) Посредством сочетания двух слов: *Пошехонье-Володарск*, *Петровск-Забайкальский*, *Советская Гавань*; сочетания с эпитетом *Красный*: *Красный Октябрь*, *Красные Ткачи*…

2) Посредством сложения двух основ.

а) Первая основа оканчивается на ***-о***, ***-е***: *Магнитогорск*, *Хибиногорск*, *Красноград*, *Первомайск*, *Днепропетровск*, *Рабочеостровск*, *Нефтегорск*.

б) Вторая основа ***-град*** присоединяется к имени (фамилии) лица: *Ленинград*.

в) Вторая часть ***-строй*** присоединяется к названию места строительства: *Волховстрой*, *Свирьстрой*, *Балхашстрой*.

При скоплении согласных первая основа оканчивается на ***-о***: *Днепрострой*.

г) Вторая часть ***-гор-*** (***-гора-***), ***-завод-*** с суффиксом ***-ск***: *Хибиногорск*, *Магнитогорск*, *Бокситогорск*, *Лесозаводск*.

3) Имя собственное лица (фамилия, имя) или (реже) имя места без осложнения суффиксами:

а) *Артем*, *Горький*, *Ильич*, *Калинин*, *Киров*, *Кропоткин*, *Орджоникидзе*, *Серго*, *Фрунзе*, *Энгельс*.

б) Прежние имена мест, рек: *Запорожье* (вместо *Александровск*), *Истра* (вместо *Воскресенск*).

4) Без осложнения топонимическими суффиксами.

а) Нарицательные имена: *Большевик*, *Коминтерн*, *Пролетарий*, *Свобода*, *Ткачи*, *Шахты*…

б) Форма прилагательного: *Свободный*, *Угольный*.

5) Образования посредством суффиксов.

а) Суффикс ***-ск*** наиболее теперь продуктивный: *Боровск*, *Дзержинск*, *Кировск*, *Ключевск*, *Копейск*, *Красногорск*, *Новосибирск*, *Прикумск*, *Свердловск*, *Советск*, *Ульяновск*…

б) ***-инск***: *Правдинск*, р. п. (Горьков.), *Новоуткинск*, р. п., *Староуткинск*, р. п.

Образования с суффиксом ***-ск***, ***-инск*** заменили собой в ряде случаев прежние названия на ***-ский*** или другие имена прилагательные. Такая замена находится в связи с изменением называемого пункта в город, в рабочий поселок: *Нара Фоминская* > *Наро-Фоминск*, г. (Моск.); *Первоуральский*, р. п. > *Первоуральск*, г.; *Боровое*, с. > *Боровск*, р. п.; *Теплый Ключ*, с. > *Ключевск*; *Новая Утка*, с. > *Новоуткинск*, р. п.; *Старая Утка* > *Староуткинск*, р. п.; *Копи*, р. п. > *Копейск*, г.

Вместе с тем суффикс ***-ск*** сообщает этим образованиям повышенное значение по сравнению с прежними названиями. Например: прежний рабочий поселок *Терновский* остался тем же в административном отношении, но название его изменено: *Терновск*. Нужно было сообщить названию этого пункта повышенное значение в связи с возросшим значением рабочего населения. Сравните еще *Петровск-Забайкальский* вместо *Петровский Завод*, *Советск*, г., вместо *Кукарка*.

В зависимости от административного значения пункта поселения находится образование формы мужского рода, вместо прежнего названия в форме женского рода, в таком случае: *Чусовой* вместо *Чусовая*. Теперь это — город, а не рабочий поселок, как раньше. Теперь основное значение имеют элементы города, а не река Чусовая, именем которой был назван поселок.

в) Суффикс ***-ский*** (***-ская***, ***-ское***), ***-енский***: *Октябрьский*, р. п.; *Пролетарское*, с.; *Ленинское*, с.; *Свободненский* (район, центр — г. *Свободный*).

г) Окончание ***-о***: с. *Куйбышево*, г. *Кирово*.

д) ***-ка***: *Кировка*, *Фрунзевка* (вместо *Захаровка*), *Магнитка* — рабочее название *Магнитогорска*.

е) ***-ия***: полуофициальные названия для областей, республик: *Башкирия*, *Киргизия*, *Мордовия*, *Татария*, *Чувашия*, *Якутия*.

Сопоставляя современные топонимические формы с феодально-крепостническими, наблюдаем глубокое их различие, утрату старого, появление нового. О различиях в значении основ в названиях давнего времени и современной эпохи — в значении, отражающем идеологическое содержание своего времени, говорилось выше. Здесь отметим различие в отношении пользования языковыми средствами для образования топонимической формы.

Сложные образования. Типичны для давнего времени были официально-церковные названия и немногие бытовые, которые по-

яснялись сочетанием слов, куда входило «что на…», «что в…», или с пропуском «что»: «*Спас*, *что на Острову*»; «*Ильинское на Муравлищах*» (см. выше). Характерны были также для официального языка двойные названия с «тож» позади второго названия. Такие описательные передачи названий пунктов давно устарели и отжили свой век. Современные сложные названия состоят из сочетания с прилагательным, по большей части являющимся эпитетом революционности, современности: *Красный*. Были сочетания с прилагательным *красный* и в старое время: *Красный Стан*, *Красная Горка*. Но они имели значение топографическое или бытовое: «чистый», «красивый», «обращенный к югу», «на солнечную сторону».

Другой эпитет современности, применяемый в названиях заводов, фабрик, колхозов, — *новый*, в его революционном содержании. Этот эпитет употребляется и в названиях населенных пунктов.

В начале 20-х годов в Городецком районе Горьковской обл. (б. Нижегор. край), между деревнями Новое Салогузово и Юг, образовался поселок из переселенцев с Юга. Название для этого поселка взято не традиционное *Нова деревня*, как, например, называется в обиходе *Новое Салогузово*, в противоположность *Старому Салогузову — Старой деревне* (*Стара деревня*), а иное, новое и по содержанию и по форме: *Новая Жизнь* (а не *Нова жизнь*, как было бы в связи с традиционными формами); этим названием указывается не столько вновь образовавшийся поселок, сколько новая жизнь его; а для передачи этого содержания требуется и новая форма. С окончанием ***-ая*** (*Новая*) это название произносится всеми.

Немногими годами раньше выселенцы из Старого Салогузова образовали поселок, соприкасающийся с Новым Салогузовым. Название этому поселку дано в обиходе такое: *Притыкина* — в связи с глаголом «притыкать», «приткнуться». Такое название появилось тогда, когда эта деревня в своей жизни не была еще глубоко охвачена революционным содержанием. (Замечания об этой местности сделаны в работе «О языке современной деревни».) *Притыкина* — это последнее применение прежней топонимики (из более давних примеров ср. *Притыкино* в Дм., Руз.).

Топонимические образования феодального времени не вызывались стремлением сообщить названиям повышенный тон, сделать его наиболее выразительным и экспрессивным. Ландшафтные, преимущественно народные названия, картинны только в нашем восприятии. В населении же того времени такими именами стремились не к картинности, а к собственной ориентации относительно ближайшего ландшафта.

Образность в прежней топонимии обнаруживалась весьма редко. Редкие случаи ее были характерны для того времени: вражек *Волчий Хвост* (Колом. у., XVI век), урочище *Козий Горб* (около Можайска, XVI век), деревня *Песьи Кости* (Колом. у., XVI век), деревня *Шибий Колпачок* или *Малые Вражки* (Моск.), *Ивановы Портки* — перелесок между двумя оврагами вроде штанов, в Переясл.-Зал. крае, *Ивановы Штаны* — луг близ Сольбы в Переясл.-Зал. крае.

Стремление сообщить топонимическому названию особую выразительность, сделать его эмоциональным обнаруживается поздно, в XVIII—XIX веках — обнаруживается в среде придворной и помещичье-буржуазной. В XVIII и XIX веках в среде господствующих классов и правительственной верхушки это стремление выражается в элементах «высокого стиля» того времени — в применении церковнославянизмов и иноязычных элементов. В помещичьей среде проявляется в отношении топонимии сентиментальное творчество на крепостнической основе. Свои усадьбы они называют *Отрада*, *Рай*, *Воздыхаловка*, *Кинь-Горе*, *Мыс Доброй Надежды*, *Монплезир* и т. п. Эти названия с помещичьих усадеб переходили и на убогие, черные избенки крестьян.

Содержание и формы послеоктябрьской топонимии продиктованы современной эпохой. Основная черта топонимии, как и других языковых явлений советской эпохи, — экспрессивность ее, стилевая повышенность. Она отражается не только в значении слов, но и в других языковых элементах. Так, весьма продуктивен суффикс ***-ск***, ***-ский***. О повышающем стиль значении этого суффикса в наше время замечания уже были сделаны. То же значение имеет ***-град***, ***-горск***: *Ленинград*, *Магнитогорск*…[34]

В феодальное время наиболее продуктивными были суффиксы ***-ов***, ***-ин***, указывавшие чаще всего на принадлежность пункта владельцу или определявшие связь с одним из жителей этого пункта. Эти суффиксы утратили свое значение для топонимии. Теперь на иную связь указывает топонимия — на связь идеологическую с революционными явлениями, с производством, с вождями и идеологами пролетариата, с борцами за освобождение трудящихся, с мыслителями и писателями. И связь эта выражается другими средствами. Весьма часто для этого служит форма имени (имя, фамилия лица,

[34] Вторая часть названия ***-град*** не имеет здесь полновесного значения основы: это — формальная часть в топонимическом названии, часть, повышающая значение имени. Этой части соответствует в других назначениях суффикс ***-ск***, а не ***-слав***, ***-дар*** XVIII века.

название явления), без осложнения топонимическим суффиксом: *Ильич*, *Артем*, *Киров*, *Куйбышев*, *Кропоткин*…

В феодальное время употреблялась также форма именительного падежа, без осложнения топонимическим суффиксом. Это были не имена собственные лиц, а имена церковные и чаще всего имена ландшафтного значения: близкими липками, осинками, дубцами, горкой, болотом определялось положение феодального села и деревни. Вместо феодальной ограниченности теперь выступает широта кругозора, сознание широких и глубоких общественных и международных связей. Об этом свидетельствует современная топонимия.

Прежний суффикс ***-ка*** … в немногих случаях представлен и в современной топонимии, иногда как рабочий вариант общеупотребительной формы: *Магнитогорск — Магнитка*.

Уже в феодальную эпоху утратил свою актуальность суффикс ***-jь*** (*Ярославль*).

Уже тогда не часто пользовались в топонимии именами со значением «потомки», а затем — «близкие люди, принадлежавшие какому-нибудь лицу» (суффиксы ***-овцы***, ***-инцы***, ***-цы***, ***-ичи***, ***-ята***).

Утратили свое значение в топонимии и суффиксы ***-ана*** (***-аны***), ***-ь*** (мягкость согласного), ***-нь*** (*Чащь*, *Вехровлянь*), ***-на*** (*Дубна*), ***-ец***, ***-ица*** в отношении места (*Дубовец*, *Каменица*), специфически топонимические суффиксы ***-ье*** (*Староселье*, *Милованье*), ***-во*** (*Селищево*, *Валищево*), окончания ***-о*** (***-иво***, ***-ино***), ***-ое*** (лес *Мутилово*, *Воронино*, пустошь *Аннино*, деревня *Высокое*).

Не нужны указания топонимии, ориентирующие в местоположении пункта, не нужны и языковые средства, служившие для этой цели: а) суффиксы ***-овик***, ***-ник*** (*Дубовик*, *Березник*); б) префиксы (*Заболотье*, *Подлипки*).

Не соответствуют идеологическому содержанию современной эпохи названия с уменьшительным суффиксом ***-ок*** (*Бережок*).

Утратили свое значение топонимические феодально-деревенские суффиксы ***-иха***, ***-ня***, ***-уха***, ***-уша*** (*Бабаиха*, *Жеребчиха*, *Чепчиха*, *Алешня*, *Дубечня*, *Теплуха*, *Высокуша*) и формы множественного числа типа *Матренки*, *Михали*, *Жеребцы*. Такие прозаически-бытовые языковые элементы не соответствуют по своему тону содержанию современной колхозной деревни, смыкающейся с городом.

Невозможны стали топонимические образования на ***-щина*** (*Полевщина*, *Куровщина*): теперь этот суффикс сообщает имени отрицательное значение: *собесовщина*, *кустарщина*, *уравниловщина* и т. п.

Утратил свою актуальность и прежний продуктивный топонимический суффикс ***-ище***. На развалинах прошлого (образования с суф-

фиксом ***-ище***: *Городище*) теперь строят мощные фабрики, заводы и производственные комбинаты. Для современной эпохи актуален не ***-ище***, а ***-строй***: *Волховстрой*, *Балхашстрой*…

Примечание

В журнале «Zeitschrift für slavische Philologie», XI, указано несколько местных имен из Новгородской области — имен с отражением мифологических элементов: *Волосово*, *Ярилово*, *Упирево* и др. (с. 35). Но эти примеры не показательны: они образованы от личных имен: *Волос*, *Ярило*, *Упирь*…

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

С е м е й с к и е*

* 1-е изд. — Иркутск: Гос. Иркут. ун-т, 1920.

Вспомни нищету мою и гонение мое.
Я вспоминаю горечь и желчь мою, —
стеснена во мне душа моя…
(Иеремия, Плач $III_{19—21}$).

I

Весною 1919 г. Советом Государственного Иркутского Университета и Средне-Сибирским Отделением Института исследования Сибири я был командирован с научною целью в Забайкалье. Своей задачей я поставил ознакомиться с языком и укладом жизни старообрядцев, так называемых семейских Верхнеудинского уезда. Имея в виду условия и обстоятельства переживаемого времени, в особенности в Забайкалье, я должен был по возможности принять меры к более или менее безопасному странствованию по местности, где еще недавно происходили полные ужаса экзекуции карательных отрядов. Сочувственно к моей командировке отнеслась Верхнеудинская Земская Управа, очень облегчившая мои разъезды по селам уезда. Свидетельствую гг. членам Управы мою глубокую благодарность.

Три дня (27—29 мая), проведенные мною в Верхнеудинске, этом городе песку и пыли, были заняты подготовкой к отъезду и предварительному ознакомлению с настроением деревни. Сведения, полученные мною, были неутешительны: как в городе, так и в селах настроение было напряженное: столкновения «семеновцев» с американцами, привоз бурятского «царя» и его министров, разговоры о разных «конфликтах» сгущали городскую атмосферу. К тому же с запада сведения доходили скудные: иркутские газеты не допускались к обращению в Верхнеудинске. Только из-под полы я доставал у старика-газетчика «Свободный Край»; «Наше Дело» совсем не получалось им. «Не рискованно ли мое путешествие по уезду?» — осведомился я у и. о. начальника милиции. — «Относительно всех местностей определенного ответа я дать не могу. Во всяком случае чины милиции будут осведомлены о Вашей поездке и окажут Вам свое содействие». В воскресенье, 1 июня, утром я отправился в путь. В огромной колымаге, наподобие той, в какой кочуют цыгане со всем своим скарбом, я потянулся на юг. «Трактовая» или, вернее, узкая песочная дорога между нависшим ельником, о сучья которого цеплялась моя колымага, шла среди песчаных холмов, поросших де-

ревьями. Недалеко в стороне расстилался дым от лесного пожара. В с. Саянтуй, Вахмистерово тож, находящемся в 16 верстах от Верхнеудинска, я сменил лошадей и направился в старообрядческое село Тарбагатай или, по местному произношению, Тарбата́й. Большая часть пути туда идет мимо голых высоких гор, отчасти приспособленных под пашню. Только справа среди зеленых берегов блистает на солнце Селенга. Солнце пекло, а ветер поднимал столбы пыли, застилавшие мою убогую на этот раз тележку. Мой возница, мужик лет сорока, по случаю праздника немного хвативший «ханчи» и луком закусивший, уселся со мной рядом и охотно поделился горестями жизни своего села. Тяжело жить: неурожай, дороговизна, неурядицы. Главное в его рассказе было сообщение о карательном отряде. Вот такого-то и такого-то, совсем не причастных ни к какому злодеянию, поведут в баню, разденут и хлещут плетьми с завязанным в них свинцом, — хлещут до полусмерти. Иногда можно было откупиться деньгами. А иногда и деньги брали и секли. Грабили не только деньги, но и имущество, не исключая и женских нарядов. О бурных наездах карателей, действовавших именем полковника Семенова, о их разнузданной вольности мне рассказывали в каждом селе. Дело доходило до того, что девушки и молодые замужние бабы прятались при посещении села блюстителями порядка. Кошмарны сообщения об этих «судных» днях — так кошмарны, что я стал стараться, наконец, не заводить разговора на эту тему. И без того много печального пришлось наблюдать на своем пути.

К вечеру 1-го июня я добрался до с. Тарбагатая, расположенного на речках Куйтуне и Тарбагатайке, сливающихся у этого села. Глядя на длинный ряд изб и их обитателей, вспомнил слова «Дедушки»-декабриста:

Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет
Тесом там избы-то крыты,
Ну, уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока, —
Только ты им не мешай
«Где ж та деревня?» — Далеко.
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь за Байкалом…
(Некрасов).

Да, и теперь тут избы тесом покрыты и народ здоровый, «хрушкой», как говорят сибиряки. Но насчет сытости и прочего дело обстоит не так: есть заболевания *голодным* тифом, и «рекруты» не те: жалуются на побеги мобилизованных; да и трезвость шатается, на подати ропщет народ, суд творит присланная милиция…

Тарбагатай (Тарбатай) было первое село, с которого я начал свое ознакомление с семейскими. Затем мною были посещены старообрядческие села: Куналей, Мухоршибир, Новый Заган, Хонхолой, Никольское, Харауз. Встречался и беседовал со старообрядцами из Десятникова, Шаралдая (Шарандая, Шеролдая), Бичуры, с Гашея, — где в последний год самовольно поселилось много семейских выходцев из соседних сел. Проехать на Хилок и на Чикой, где в нескольких селах также живут семейские[1], оказалось затруднительно: пришлось бы ехать в сопровождении милиции, так как, по ее сведениям, в Заганском хребте, через который лежал путь, забились банды разбойников.

Посещенные мною села семейских расположены в долинах между отрогами гор. Две или три очень длинные улицы, с домами, соединенными один с другим заборами («заплотами»), протянулись неподалеку от небольшой речонки. Узенькие переулочки («правулки») пересекают их. Таким проулком мимо двора и гумна можно выйти к речке или за село — к горе, в поле, на выпас. Долина, где расположились семейские, представляет довольно болотистую почву: идешь по улице, а дорожная насыпь зыблется, эластично углубляется («зыбун»). По канавкам стекает выдавливаемая сизо-мутная жижица. В нескольких селах находятся настоящие болота — калтус. Такова низкая часть Мухоршибири, где живут православные, или «сибиряки», по терминологии старообрядцев[2]. В последние годы там в некоторых местах выступило в особенности много воды, так что пришлось снести постройки с насиженных мест и оставить гумна и огороды. Плохо обстоит дело и в Н. Загане. Когда подъезжаешь к этой деревне со стороны Мухоршибири, то видишь раскинувшееся топкое болото, а за ним протянувшуюся деревню. Заганцам селиться уже некуда стало: с двух сторон болота, с третьей засевное поле; а продолжение долины занимает Старый Заган, вплотную примкнувший к Новому Загану. В Ст. Загане население православное. Ис-

[1] См. у П. А. Р о в и н с к о г о: Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского отделения Русского географического общества. Т. 3. № 3. С. 123—124.

[2] По этой терминологии, православная церковь — сибирская церковь и т. п.

пользовать для построек поле нельзя: засевная площадь и без того невелика — по две с небольшим десятины на душу[3]. А нужда в постройке большая: за годы войны дело строительства прекратилось; между тем полюбовный раздел во многих домах хотелось бы произвести. Выбрав то или иное место, все мужики данной семьи заняты устроением дома для очередного выделения — старшего сына или брата. «Так уж у нас повелось».

Не все села вязнут в болотах. Иные семейские задыхаются в песчаной пыли. Таково село Тарбагатай. Ни клочка травки не видно на главной и старой улице этого села. Другие две улицы находятся в более низкой части, вдоль небольшой речки.

Избы семейских — высокие деревянные постройки. Если подойти снаружи, чуть рукой достанешь до окошка. Рамы и карнизы во многих избах украшены резьбой и раскрашены. Хорошие дома строят российские плотники. Раньше они заняты были постройкой церквей. Теперь же спрос невелик по церковной части. Бедноватые села, как, например, Харауз, похвалиться постройками не могут: по большей части избы там низковаты и подслеповаты. Внутри избы семейского чисто, опрятно. Пол вымыт и слегка посыпан песком, а иногда застлан самотканой материей. В переднем углу прибиты полки, на которых расставлены иконы старого письма и медные восьмиконечные кресты в киотах. Тут же или на угловом столике стоит кадильница, лежат свечи, висят лестовки (четки); на столике положены «подручники», употребляемые при земных поклонах. В другом углу большая русская печь, иногда раскрашенная каким-нибудь узором, преимущественно синими или зелеными цветами и петухами. В стороне от печи — полати. Стены чисто вымыты. В некоторых домах по стенам развешаны лубочные картинки. У хороших хозяек на стене красуются «карманы» — длинные вышитые полосы темной материи; часть такой полосы образует мешочек, карман. Вдоль стен поставлены лавки. На окошках стоят банки с цветами. В углу приютилась «самопрядка», похожая, хотя и не вполне совпадающая с прялкой («пряхой», какую я знаю по Орловской губ.). Самопрядка у семейских гораздо ниже, чем у орловских крестьян. Конструкция же в общем одинакова. В богатых домах имеется еще более чистая изба — горница; сенями она соединяется с общей избою. В каждом се-

[3] По данным Забайкальского областного статистического комитета, душевой надел при переверстке выразится еще меньшей цифрой: 1184 дес. на 1069 муж. душ. См. в «Памятной книжке Забайкальской области на 1914 год». Чита, 1914. С. 446.

ле имеется «земская квартира» («хватера») для лиц, проезжающих по делам службы, для «начальников» (синоним «чиновников»). В некоторых селах земские квартиры представляют собою удобные, спокойные, чистые квартиры. Таковы квартиры в Куналее, в Н. Загане, в Никольском. Любопытна обстановка этих квартир. Тут есть стулья, деревянный диван, зеркало. Стены обязательно украшены большим количеством лубочных картин. Вот, например, картинное собрание куналейской квартиры. От икон непосредственно идут картины: «Избрание Михаила Федоровича на царство»; «Уродилася я, как в поле былинка»; «Машина моему горю причина» (изображает сцены расставания и одиночества покинутой девушки); под этим лубком «Варвара великомученица» и «Архистратиг Михаил»; далее идут картины со сценами из великой европейской войны, — картины страшные, залитые красной и желтой краской (кровью и огнем); среди этих картин помещен образ великомуч. Екатерины; недалеко налеплена «Счастливая минута» (он и она в подвенечных костюмах наедине) и много других. Такой же состав картин и в других квартирах. В новозаганской квартире подбор картин несколько иной: развешаны виды Иркутска и Владивостока, портреты офицеров (хозяин был на военной службе в Иркутске), «Сестра Беатриса»; неподалеку от нее пожилая кокотка с полуобнаженным бюстом и гитарой, «Похождения шута Балакирева» и нек. др. На столике стоит будильник и «гармафончик»; имеется и альбом для открытых писем, с большим количеством открыток, в том числе и амурных («Bujnost rozkoszna» и др.). В каждом доме имеется самовар. Чай пить семейские теперь любят. Уже утратила свое значение их поговорка «Кто чай пьет, тот от Бога отчаен». Несколько десятилетий тому назад семейские старики и старухи блюли это изречение. Вероятно, некоторые строгие старики и теперь еще воздерживаются от чая. Ведь это изречение находилось в связи с тем, чему учили их справщики и книжники. «Аще кто дерзнетъ пити чай, той отчается симъ отъ Господа Бога, да будетъ данъ трима анаѳема». Сделана ссылка на «Книгу Іоанна Назарея архіепископа антіохійскаго, глава 20, л. 70». Так поучается в старообрядческом сборнике, бывшем в Забайкалье, а теперь находящемся в б-ке Ирк. дух. семинарии, XLV, 1797, л. 86)[4].

Двор у семейских с различными надворными постройками разделен на две (обычно) или на три части. За двором находится гумно,

[4] Вследствие типографских затруднений в передаче текста рукописей опущены надстрочные значки и раскрыты титла.

часть которого занимает «ладонь» (ток): тут хлеб молотят машинами или «молотилами». За гумном идет огород. На широких грядах с толстым пластом навоза («назьму») в четыре ряда сделаны углубления («лунки»), а в них посажены огурцы, капуста, брюква («брукова»). Зеленеет на грядах также картофель («бульба»), бутун, чеснок, морковь. Много труда кладут женщины у семейских на свои огороды, по разу или по два раза в день они поливают огородные гряды. А воду приходится таскать во многих местах из-под горы или из колодцев. В некоторых местах, где позволили географические условия, проведены канавы. Так, в Тарбагатае две канавы орошают огороды. Одну канаву, в нижней части села, провести легко было. Зато немало труда положили тарбагатайцы на проведение канавы в верхней части села, позади главной улицы. Большая заслуга в этом отношении принадлежит дяде Ивану, настоявшему провести в прошлом году канаву на протяжении верст шести. От этой канавы проведены рукава в отдельные огороды. Иногда дядя Иван закрывает главную канаву у ее устья, и поток устремляется по самой улице для освежения, «для воздуху». Дядя Иван — старик лет в 70 с лишним, высокий, с длинной седой бородой, с коротко остриженными волосами на голове. Зимой и летом он ходит в одном и том же костюме: без шапки, в короткой курмушке, в ичигах, с палкою в руке. Все его помышления в прошлом и в этом году были устремлены на канаву. Спит и видит он ее. Иногда вскочит ночью и спросонья кричит: «Ай, канава, канава прорвалась!». — «Што ты, ведь ты в избе», — проворчит старуха, и дядя Иван успокоится и заснет. За заботливость, которую дядя Иван выражает и делом и еще больше словом, громкой руганью за непослушание, его прозвали в селе комиссаром. В Тарбагатае проведены канавы и по «сенокосу»: водой ее поливают траву.

Около огорода обыкновенно находится баня. Баня топится почерному; но имеются бани и с трубами.

В каждом селе, около казенных (с гласным *е* после *з*, а не *ё*) амбаров, находятся общественные сушила для просушки хлеба. Это покатые помосты на четырех невысоких столбах: 2 столба по 2½ арш., другие по 2 арш. Покат сделан на юг. Имеются и частные сушила.

Села семейских по количеству домохозяев представляют собою большие русские села с главной улицей, протянувшейся в некоторых селах на несколько верст. Вот цифры домохозяев и населения к началу 1919 г. В Тарбагатае 539 дворов; из них 14 единоверческих, 60 православных («сибирских»), 465 старообрядческих. Число населения 3391. В Пестереве старообрядцев всего 60 человек

(всего здесь жителей 1279). В Куналее 860 домохозяев; из них 3 нестарообрядческих. Общее число жителей 4808. В Десятниковой 396 дворов; из них старообрядческих 26. Число населения 2096. В Надеиной 290 домохозяев при 1606 человек населения; из них старообрядцев-поповцев 1196, беспоповцев 218, «сибиряков» 193. В Куйтуне 768 домохозяев при 4572 жителях; старообрядческих 618 дворов при 3708 человек (из них белокринийцев 30 дворов и дворов 5 беспоповцев). В Старой и Новой Бряни 570 дворов при 4385 жителях. Старообрядческих дворов 415 (в Н. Бряни 378, в Ст. Бряни 37). В Бурнашевке 183 домохозяина при 1068 человек населения; старообрядцам принадлежат 80 дворов. В Нижне-Талецком жителей 654 человека, из коих 359 старообрядцев. В Нижней Жириме 240 домохозяев; из них 40 принадлежат беспоповцам-поморцам, столько же беспоповцам вообще, 115 поповцам. Всего здесь старообрядцев 1118 человек. В Верхней Жириме 106 дворов, из коих 18 нестарообрядческих. Всего населения здесь 632 человека. В Мухоршибири 360 домохозяев; из них старообрядческих 180. Общее количество населения 2409 человек. В Н. Загане 342 двора при 2350 жителях; нестарообрядческих дворов здесь 10. В Шеролдае 470 домохозяев, из которых 70 нестарообрядческих. Число душ мужск. п. 1530, женских несколько больше. В Гашее 104 двора; из них 2 нестарообр. Население 577 человек. В Бичуре 1113 домохозяев и около 7000 человек населения. В Харашибири 380 дворов, из которых старообрядцам принадлежат 7; число жителей 2586. В Хонхолое 696 домохозяев при 4287 человек населения, 170 дворов принадлежат православным. Старообрядцев беспоповцев дворов 300; прочие — поповцы, в числе которых имеются необщинники и общинники (дворов 50, имеют свою церковь). В Никольском 640 дворов, из которых только 6 нестарообрядческих. Всего населения здесь ок. 4200 человек. Поповцы здесь делятся на общинников (большинство; имеют большую церковь, священника) и необщинников (имеют свою часовню). В Хараузе 370 домохозяев, из них дома 3 нестарообрядческих. Всего населения здесь 1052 человека муж. п. и приблизительно столько же женского. Цифровыми данными на 1919 г. для других сел я не располагаю. По официальным данным, опубликованным в «Обзоре Забайк. области» за 1908, 1909, 1910, 1914 гг., общее количество старообрядческого населения, или, на официальном языке, раскольников, определяется такими цифрами. В 1909 г. во всей Забайкальской области старообрядцев было 54587 человек (27678 муж. и 26909 жен.); из них 94,9% находилось в Верхнеудинском уезде (51820). По сравнению с 1908 г. население увеличилось на 1913. В

1910 г. во всей Забайкальской области числилось 74557 старообрядцев (38025 мужчин и 36532 жен.); из них в Верхнеудинском уезде 95,7% (71327). Что-то очень велик выходит прирост населения в течение одного года: на 19970 человек! Процент прироста старообрядческого населения очень внушительный. Проследим несколько цифровых данных для одного села Бичуры. По архивным данным (Урлуцкого и Бичурского архивов), в 1808 г.[5] в Бичуре было 610 душ об. п. (м. 300, ж. 310). На следующий год показана цифра бичурского населения 652. В 1825 г. Бичура имела 614 м. и 584 ж.; из них старообрядцев 530 м. и 539 ж. (всего 1069). В 1830 г. старообрядцев 619 м. и 657 ж. (правосл. 104 м. и 50 ж.). В 1860 г. — 1178 м. и 1258 ж. (всего 2436). Правосл. — 172 м., 102 ж.; единоверцев — 25 м., 30 ж. Итак, с 1808 г. до 1830 г. старообрядческое население в Бичуре увеличилось вдвое (610, 1276). За следущие 30 лет наросло населения еще вдвое. За последние 58 лет, к 1919 г., бичурское население увеличилось больше, чем в $2^1/_2$ раза. За 110 лет с 1808 г. до 1919 г. население там возросло до 7000 человек, т. е. увеличилось в 11,3 раза. Домов в Бичуре в 1825 г. показано 150; к этому надо присоединить домов 30 нестарообрядческих. К 1919 г. там было 1113 домохозяев.

Мы располагаем сведениями о количестве дворов (семейств) старообрядцев, относящимися еще к более раннему времени, к первым годам их жизни в Забайкалье. Именно П. С. Паллас, путешествуя по Сибири, объездил и Забайкалье (в апреле — июне 1772 г.). Он побывал и в селах, где лет шесть тому назад, по его сведениям, поселились «польские колонисты», т. е. предки наших семейских, пришедшие из Польши, и записал количество их дворов в той или иной деревне. Так, в Тарбагатае было тогда 10 дворов (теперь 479), в Хонхолое 28 (теперь 526), в Куйтуне 50 (теперь 618). Всего в Тарбагатайском округии, куда входили между прочим села Бурнашевка, Пестерева, Куйтун, Куналей, Брянь, число «новопоселенных колонистов» Паллас определяет цифрой 466[6].

Семейские — народ рослый, здоровый, красивый. Нередки старики и старухи 80—90 лет. Но молодое поколение уже мельчает. По цвету кожи и волос отметим следующее. Наряду с великорусским светлым типом встречаются и смуглолицые, с большими карими глазами. «Смотри, какие мы чумазые», — заметил мне один старик в

[5] Цифровые данные архивов извлечены из цитир. статьи П. А. Ровинского, с. 125—132.

[6] P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Ruszischen Reichs. Theil 3. St. Ptb., 1776. S. 160, 165, 168, 257, 258.

Тарбагатае. «Верно, повелось так от хохлов, когда деды наши в Польше жили»[7]. Брадобритие как душегубительный грех строжайше воспрещается. Вернувшиеся с военной службы епитимией и покаянием обязаны очистить свой грех невольной мерзости брадобрития. Воспрещается подходить к кресту и к иконам, пока не изгладятся следы богомерзкого скобления, — следы «блудолюбиваго образа прелести, душегубительныя помраченныя ереси, иже остругати браду» (от Потребника печати Иосифа патриарха, л. 443). До сих пор еще блюдутся настойчивые и суровые осуждения этой римской папской ереси (см. ниже).

К о с т ю м женщины сохраняется издавна. Вот «обряд» замужней женщины. На голове *кичка*, сшитая из стеганой материи; имеет вид шляпы без полей, более высокой спереди и несколько понижающейся к затылку. Передняя часть кички снизу имеет нешироκую полосу, вышитую бисером. Но носят кички и без бисера. Молодухи вместо бисерной полоски оторачивают кичку снизу кучерями (*кучери*), — каймой из закругленных гусиных перышек. По затылку спущен *назатыльник*, шитый позументом. (Надевается в праздничные дни, и то не всеми.) Кичка покрыта шалью так, что два конца перевязываются спереди на кичке и прячутся книзу; два другие конца спускаются книзу, покрывая шею (см. прилож. снимки). Пожилые женщины перевязывают покрытую кичку свернутым платком: накладывают под подбородок, а концы завязывают на голове. В праздничные дни, в торжественных случаях, надевают *кокошник*. Он имеет вид широкой туфли, шитой золотом или позументом. Он надевается на кичку и по бокам покрывается платком (шалью). Кокошник старообрядческой женщины на Чикое отличается от вышеописанного более высоким и угловатым покроем (см. на снимке). Теперь кокошник надевают редко. Я не видел ни одной женщины в кокошнике. С видом и устройством его я познакомился, только рассматривая женский «обряд», хранящийся в сундуках. Раньше обязательно, а теперь редко к венчанию молодая приготовляла кокошник; поп в церкви освящал его, возлагая на престол. Цветная (обычно не узорами) рубашка с глухим воротником. Цвет рубашки разный: синий, красный, желтый. Цвет ее не совпадает с цветом сарафана. Рукава доходят до кисти руки. По плечам и около локтя могут быть нешироκие нашивки. *Сарафан* цветной, яркого цвета, с большими резки-

[7] Цифровые данные антропологических измерений см. в брошюре Ю. Т а л ь к о - Г р ы н ц е в и ч а: К антропологии великороссовъ. Томск, 1898. К сожалению, количество субъектов, им обмеренных, незначительно.

ми цветными узорами (обычно в виде пионов и т. п. крупных цветов). Внизу сарафана нашита цветная полоска, резко отличающаяся по цвету от сарафана. Могут быть и две полоски, но по цвету разные: вот лиловатый сарафан; по нему две полоски: красная и повыше малиновая. Сарафан опоясывается самотканым поясом. Узор пестрый, с геометрическими фигурами. Соткан пояс великолепно. Такие же пояса носят и парни. Сбоку подвязан вышитый *карман*. Впрочем, теперь его носят редко. Фартук («запон») цветной (иного цвета по сравнению с цветом рубашки и сарафана) покрывает переднюю часть сарафана и доходит до половины грудей. Шнуром он держится на шее, а на талии он скрепляется также шнуром или тесьмой. Бусы украшают грудь. Шнурок с крестом надет также поверх рубахи. Крест всегда запрятан под фартук. На ногах сапоги с широкими подборами. Смотря по погоде, надевают *курмушку* или *халатик*. Курмушка, или *курма*, — короткая одежда вроде жакета с клиньями. Шьется из плиса, халатик доходит до колен. Он набрасывается на плечи, надет «нараспашку». Когда же идти в церковь, полагается надеть его на рукава. В теплую погоду вместо халатика покрываются длинным платком: двумя концами он стягивается под подбородком, а всею прочею частью (не сложенной вдвое) спускается с головы назад. На пальцах носят кольца. У старух (немногих) я видел на руке медный браслет («брушлет»). По объяснению одной старушки, браслеты носят будто бы для облегчения рук при жатве (с. Никольское).

Девушкам кички носить, конечно, не полагается. Вместо нее они носят головные повязки, иногда с жемчужными привесками. Такой убор отмечает Ю. Д. Талько-Грынцевич на юге[8]. Головную повязку с *рясами* указывал в 70-х гг. и П. А. Ровинский. Но я такой повязки в посещенных мною селах не встречал. Я заметил лишь, что девушки надевают головную повязку, когда они идут в церковь (с. Никольское). Ни одной девушки и девочки без повязки я не видел в церкви. Повязка представляет следующее: картон, вырезанный в форме серповидного кокошника, обертывается платком (шалью), концы которого перевязываются на затылке и спускаются книзу). «Она при бумашки», говорят о девушке с такой повязкой. Грудь у девушки в изобилии украшена бусами (см. снимок).

Рубаха *мужчины* обычная великорусская. В рубахах стариков заметил следующее отличие: воротника почти нет; он заменен узень-

[8] Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. Протокол Троицкосавско-кяхтинского Отделения Приамур. отдела Русского географического Общества. № 2 (1894). С. 28.

кой полоской. Обычно рубаха и штаны шьются из покупной материи, но носят рубахи и из самотканого холста, окрашенного в синюю краску. Из такого же холста шьют и штаны. Покрой штанов: очень широкие, с напуском. Молодежь уже шьет узкие штаны. На ногах обычно *ичиги*, иногда сапоги. На голове носят небольшую валяную шляпу. Встречаются молодые мужики и ребята с серьгой в левом ухе. На рубаху, смотря по погоде, надевают поддевку или курму (курмушку). Поддевка короткая, не доходящая до колен. Курма, или курмушка, имеет такой же покрой, как у баб. На юге, в глухих местах, молодежь носит куртики со стоячим воротником, с вышитыми разноцветным шелком лацканами. Поддевка, курма и куртик сшиты из плиса. Молодежь не строго держится старого покроя платья: носит пиджаки, картузы. Когда идут в церковь или в моленную, надевают обязательно *халат*. В халате стоят в церкви и старики, и парни, и ребятишки.

Исключительное занятие семейского — *земледелие*. В обработке поля он чрезвычайно трудолюбив. Нет ни одной полоски удобной земли, которую он тщательно не приспособил бы для посева, хотя и не всегда получает вознаграждение за свои труды вследствие неблагоприятных климатических условий. Пашню — пар — семейский обязательно троит; двоит редко. «Два раза вспашешь — 2 хлеба возьмешь. Три раза вспашешь — 3 хлеба возьмешь». Пашут не только мужчины, но и бабы и девки: «работники дорогѝ».

Трудолюбие семейских и результаты его были отмечаемы с самых первых лет их поселения в Забайкалье. В 1772 г. Паллас обращает особое внимание на «большой труд и прилежание» и на «чрезвычайный успех» «польских колонистов». Он же описывает и некоторые стороны хозяйственной жизни забайкальских старообрядцев (см. ниже). В 20-е гг. прошлого столетия с. Тарбагатай посетил А. Мартос и в своих «Письмах о восточной Сибири» (М., 1827, с. 115) отмечает у семейских «страсть к землепашеству», «неутомимое прилежание, деятельность». Такие же отзывы о них оставили и декабристы, проходившие через старообрядческие села в Петровский завод. «Все у них [у тарбагатайских старообрядцев] соответствовало одно другому: от дома до плуга, от шапки до сапога, от коня до овцы — все показывало довольство, порядок, трудолюбие». Так отзывался о них декабрист А. Е. Розен[9]. Так же характеризуются семейские и в последующее время. «Крепкий физически и нравственно, семейский мужественно ведетъ борьбу с природой: разрубает леса, осушает бо-

[9] Записки барона А. Е. Розена // Отечественные Записки. 1876. № 4. С. 412.

лота и обращает их в плодородные нивы и тучные луга; по общему отзыву, *семейским* главным образом весь верхнеудинский округ обязан благосостоянием». Так писал в 1871 г. П. А. Ровинский[10]. Большое культурное значение семейских для Забайкалья отмечает и официальный отзыв о них: «Особенно важное значение для края имело появление в Забайкалье на жительство раскольников старообрядцев, известных под названием “семейских”, поселившихся в Верхнеудинском округе». Так говорится о семейских в «Приложении к Всеподданейшему отчету военного губернатора Забайкальской области»[11].

Как живет старообрядческое население? Какие болести и чаяния его?

Прежде всего в каждом селе от каждого собеседника я слышал неизбежную жалобу на недостаток земли. От старика и старухи до парнишки все в один голос вопили: земли мало, земли дайте, хлеба недостает, сена не хватает. И эти вопли не жадность семейских. С землей обстоит у них дело не благополучно. Посевная площадь недостаточна. На душу приходится от 2—2⅓ до 5 (редко) десятин. Есть и такие села, где душевой надел удобной пахотной земли меньше 2 десятин. Так, например, в Билютом (Окино Ключевской вол.), по официальным данным 1914 г., пахотной земли 711 десятин, число мужских душ 452. В Урлуке 4289 десятин при 3203 муж. душ. Сравните в «Списке населенных мест в Забайкальской области», находящемся в «Памятной книжке Забайкальской области на 1914 г.» (Чита, 1914). К тому же то холод повредит урожаю, то град выбьет, то «кобылка» поест. В с. Тарбагатае и Куналее уже два года как нет урожая. А в с. Хараузе ежегодно, кажется, недостает своего хлеба. Кормятся хлебом, привозимым из южных сел с Хилка, главным образом из Бичуры. В последнее время на деньги там не хотят продавать хлеб: обменивают на женские наряды. Недостаток надельной земли заставляет крестьян арендовать землю у бурят. Почти каждый домохозяин снимает по мере своих сил то или иное количество земли у бурят. Арендная плата в этом году 80—120 р. за десятину. Бывают и иные условия: крестьянин обязывается вспахать и засеять своими семенами бурятскую землю, сжать и обмолотить, а зерно и солому разделить пополам с владельцем земли («сеит с половини»). Но не каждому крестьянину буряты сдают землю. Некоторым они отказывают по каким-нибудь соображениям… «Любит, штобы кла-

[10] Известия Сибирского отделения Русского географического общества. Т. 3. № 3. С. 122—123.

[11] Обзор Забайкальской области за 1881 г. С. 3.

нялись ему. Заламаетца, а ты просишь ево: талаша, дай землицы». «Они — наши помешшыки», — обычно говорят тамошние крестьяне и выражают весьма энергичные претензии завладеть частью бурятской земли. Несколько лет тому назад была назначена особая комиссия, которой произведен был осмотр бурятской земли и намечены были участки для передачи крестьянам. При большевиках эти участки были утверждены за крестьянами. Но в настоящее время эта земля остается пока объектом претензий крестьян. «Хлопочим, но наша сила у тук нейдёть». Пока семейские ожидают законного общего передела земли, не хотят «итить на силок, нахратом брать». Но это терпение непрочно. При переживаемом безвременьи эти претензии могут повести к печальным результатам. Не претендует на бурятскую землю только население Харауза, — и то потому, что эта земля далеко от них. Но у хараузцев в течение сорока лет идет спор с крестьянами соседнего с. Никольского из-за покосной площади. Ответ на свои жалобы хараузцы получали от властей следующий: «Право на спорную площадь покоса принадлежит вам; — жалуйтесь». А жаловавшимся никольцам те же власти говорили: «Вы фактически пользуетесь этой площадью и продолжайте пользоваться». Хараузцы показывали мне много документов, оправдывающих их претензии. В областном земельном комитете обещали решить этот вопрос к концу июля. В случае отказа в удовлетворении жалобы хараузцев последние не прочь прибегнуть к оружию и «нагрудки лезть». Не благополучно обстоит дело с сенокосами и выпасом и в других селах. В особенности тяжело приходится заганцам. У них есть небольшой участок под покос. До 1 июня ст. ст. скот пасется там. Но с 1 июня покос запирают, и скоту пастись совершенно негде. Остается только болото у села, куда рискуют залезать одни свиньи.

Молодой скот семейские сдают на пастбище бурятам за известное вознаграждение. Получают скот обратно не без урона. Отдавать молодой скот на летнюю кормежку бурятам издавна практикуется там. Так делали уже в 70-е гг. XVIII в.: указание на это имеется у Палласа (III, 168).

Чтобы поправить свои дела по хозяйству, семейские ходят на з а р а б о т к и на железнодорожные станции или на прииска (на Олекму, на Зею). Много уходит на заработки из сел Харауза, Никольского, Хонхолоя, Тарбагатая, Мухоршибири и некоторых других. По приискам давно уже ходят. В 1882 г., например, ушло из Мухоршибири 780 человек[12]. На приисках теряют нередко здоровье

[12] Сибирь. 1882. № 5.

и жизнь. Те, кто не забалуется на чужой стороне, возвращаются домой с деньжонками. Удается не только поправить дела по хозяйству, но и скопить небольшой «капитул». — «Ну, и раздул кадила», — говорят о разбогатевшем.

Затруднительное положение у себя на родине принуждает семейских искать более свободных земель и переселяться. Тянутся на Амур. На Троицу из Мухоршибири направилось туда 10 семей.

Другое обстоятельство, угнетающее семейских, — это современная неурядица. Будет ли порядок? — опять неизменный вопрос, задававшийся мне на каждом шагу мужиками. «Видно, нам не дожить до порядку!» — меланхолично замечали, вздыхая, старики. Неурядицей вызвано и ненадежное настроение мобилизованных. Семейские, как, по-видимому, и прочие тамошние крестьяне, не понимают значения борьбы с большевиками. «Бог весть, зашто народ убивают! Партии борютца, а народ пошто мешают?» — Это замечание не раз приходилось слышать в деревне. «Будь порядок, мы солдат дадим. Как можно без войсков? Никак нельзя. А таперь парней взяли, а там их смущают, — говóрют: вы не идите за Кульчука, и тащут на другую сторону. Иные на свою сторону манют. А наши парни глупые, — мы народ темный, — боятца: возьметь верх другая “партия” и будет наказыват солдат, — вотъ бегут и бегут. Нас стариков наказывают, а мы што с парнями поделаем: оны нам на глаза не показываются».

Очень беспокоят семейских недоразумения в среде наших союзников. Первый большой вопрос, предложенный мне в Тарбагатае, был такой: «А как нашшэт войны Америки с Японией?» — Какой войны? — переспрашиваю я. «А в Удинским на Березовке уж окопы вырыты». Этот вопрос мне задавали в каждом селе. С первого разу меня считали в селе, куда я приезжал, за американца и относились благожелательно. «Маланья! пошто сход собирают?» — кричит одна баба другой (в Хонхолое). «Американец приехал, подписы брать, на чьей мы стороне», — отвечает та. «Американец», т. е. я, сидел около одной из этих баб и мирно беседовал об огороде. «А зачем японцы недавно приезжали и планы снимали?» — осведомляются у меня в Хараузе собравшиеся в волости старики.

И еще постоянные жалобы сельских обывателей: подати не по силам. 40—42 рубля с души земских налогов; кроме того волостные подати, а тут еще у некоторых подоходный налог: 100—300 рублей на домохозяина. Где нам взять такие деньги? Эвон дядя Хома, — один, сын в солдатах, у самого ноги болят, а подоходный налог плати — 100 рублей. Хорошо, если можно хлеба продать. А

мы его сами покупаем (в Тарбагатае, Куналее, Хараузе). Нынче правительство не народное. — Почему? — А зачем оно против народу. — Чем? — Податями. Следовало далее перечисление податных тягот.

Местные представители власти, чины милиции отчасти способствуют успокоению, но только отчасти. Из положительных сторон ее деятельности надо указать на энергичное преследование разбойнических шаек. Это сознают и крестьяне. Но не меньше и жалоб на милицию. Она заводит кумовство с преступными элементами, потворствует им, не отзывается на обиды, чинимые ими, пьянствует. «Какой это начальник! Вчера стоял под березкой и грабил, а таперь милиция», — во всеуслышание раздавалось по селу. Вообще в такой аттестации милиции в селах не стеснялись, и громче всех выражалось недовольство со стороны «женского полку». В селе Никольском рассказывали, как отыскивали оружие у одного богатого мужика: избили до полусмерти, в рот навоз («назём») забивали; довели до того, что бедняга разумом повредился. А пьянство до того доходит, что один милиционер арестовывает другого; бывает, что младший сажает под арест старшего. Единственное сдерживающее начало для сельской милиции — уездный начальник, страх перед которым кое в чем останавливает блюстителей порядка.

Отношение к «большевизне» сочувственное. Эти села только слышали программные речи большевиков и видели их бегущими после своего падения. По местам с благодарностью вспоминают, что большевики разрешили воспользоваться крестьянам спорной бурятской землей. Вернувшиеся военнопленные своими рассказами о голодающих деревнях Европейской России несколько поколебали надежды на большевицкое благополучие.

Вот некоторые факты для представления о политическом «умонастроении» семейских. Но из этих фактов невозможно сделать определенного заключения о политических тенденциях семейских. Могу лишь еще заметить, что их весьма беспокоит отсутствие главы государства — отсутствие «хозяина». Кого бы они желали видеть «хозяином», президента или монарха? Этот вопрос, боясь быть заподозренным, я избегал предлагать. Но нередко в разговоре со стариками для меня представлялось, что этот вопрос они решили бы таким образом: хорошо бы, если бы там, где-то вверху, сидел царь, — стал бы порядок в государстве, а поближе к нам, к народу, правителями были бы большевики или вроде них. В Тарбагатае мне передавал старик, как один старообрядец, ученый человек, дивно начитанный, говорил, что в Учредительном Собрании будут выбирать хо-

зяина земли русской по писанию; а писание укажет-де, что должен быть царь.

Семейский — трудолюбивый земледелец. Все, что выходит из традиционных рамок обрабатывания земли, мало привлекает его внимание, если не затрагивает его жизненных интересов. «Мы народ глупый, темный, необразованный, — знаешь — семейшына», и т. п. выражениями аттестуют себя семейские. — Нет, говоришь им, — народ вы не глупый, сметливый, но, что правда, — народ темный. Ш к о л ь н о е д е л о в селах семейских стоит на крайне низкой ступени. Можно сказать, школы у них нет. Грамотного человека в селе нелегко найти. Если найдешь, то окажется, что грамоте он обучился на военной службе. В 7 волостях, посещенных мною, я не встретил ни одного грамотного председателя. В огромном селе Куналее при моем приезде не было секретаря (писаря). Уже с неделю как ушел. За это время набралось много казенных пакетов в волости. Может быть, там были и срочные дела. Кто их знает. Нового секретаря, который прочитал бы эти пакеты, не подыскали еще.

Единственным местным источником мудрости является у с т а в ш ы к (уставщик) или с п р а в ш ы к. Он обучает кое-кого из ребят церковнославянской грамоте, чтобы они могли, лет через пять обученья, прочитать на «клыросе» часы, шестопсалмие или кануны. К обучению же гражданской грамоте уставщики относятся недоброжелательно и тормозят дело народного образования. Они решительно восстают против открытия школ, угрожая отлучением от общины. «Не буду хоронить, не пущу в церковь, в молитвенный дом», — грозно заявляет уставщик своему послушному темному стаду. В минувшем году был съезд уставщиков, и на этом съезде было постановлено ими: «Школ не открывать». Забыто или обойдено изречение из слов Иоанна Златоустого, которое имеется в их старообрядческих сборниках: «Сладостен убо цветник и рай; много же стадостнее книжное прочитание и разум». Уставщики — страшное зло в семейских обществах. Эти мракобесы губят тело и душу простого человека, — губят произволом своей церковной власти. Сами они, бредя по церковным книгам, совершенно не разумея самого простого текста и наивно толкуя его, мнят себя непогрешимым кладезем премудрости. Вот образец глубины и чистоты этого кладезя. Один из передовых молодых старообрядцев, желая показать всю глупость и надутость своего уставщика, не желавшего приглашать учителя для ребят, вызвал его на грамматический спор. Тот принес свои непогрешимые книги. И в этих книгах встретилось название падежа — родительный — и числа — множественное. «Что это та-

кое?» — спрашивает молодой старообрядец. «Это, — грубо кричит во все горло уставщик, — это по нашему Сусой, а если Сисой, то это будет значить родительный». Зимою по старообрядческим селам Верхнеудинского у. проезжал земский школьный инструктор, сам старообрядец. Все его усилия, все увещевания на основе святоотеческих писаний остались напрасны. Тот уставщик сорвал сход, другой терроризировал стариков, запугав их муками ада, а там этот инструктор возбудил к себе подозрение как отступник, служащий в земстве. «Служу в земстве» — одного этого было достаточно для того, чтобы тон разговора сейчас же изменился в худшую сторону. А в огромном селе Бичуре речь инструктора прерывалась шумными криками: «Не надо нам этого! Жили мы и без школы, да целы были». Отрицательное отношение к школе вызывается не только внушением мракобесия уставщиков, но и подозрительностью семейских, развившейся на основе горьких опытов прошлого в их жизни, — их боязнью, как бы не попасться в ловушку. «Мы боимся, — говорили н.-жиримские старообрядцы инструктору, — что нас обманут и насильно потом принудят к тому, что нам не нравится». Школы в некоторых селах существуют. Но посещаемость их весьма незначительна, и немногие учащиеся принадлежат не к старообрядцам. Изредка встречаются в школах и дети последних. Состояние школ, которыми могли бы располагать старообрядцы, чрезвычайно тяжелое. Население относится к ним безучастно. Вот огромное село Бичура. Для здешних старообрядцев имеются две школы. Но обе они влачат жалкое существование, в особенности одна из них. «Во время моего посещения (в феврале), — сообщает инструктор, — в этой школе было только 8 человек учащихся, дров не было ни одного полена и печь была совсем нетопленой. Учительница занималась с детьми в шубке, в платке и в валенках. Дети все были тоже одеты. К концу урока руки у детей совсем закоченели и они не могли ими писать».

Как ни давят уставщики, все же некоторые стремятся научить своих детей и, минуя школу, отдают их частным, убогим учителям. Так, например, в селе Надеине. В этом селе имеется земская школа, где обучение, разумеется, бесплатно. И все же в школе всего 6 человек. Между тем, у домашних учителей за особую плату обучается около 40 детей и подростков.

Некоторые общества не высказывались решительно против школы. Они только хотели бы, чтобы школа была в их духе, чтобы посредством школы не навязывалось чуждое укладу жизни старообрядца. Любопытно познакомиться с характером ответов, данных ин-

структору на поставленные им вопросы на сходе в с. Шеролдай. *Вопр.* Какую цель ставите школе? *Отв.* Главным образом воспитательную; но не отрицаем и образовательной. *Вопр.* Значение личности учителя в деле воспитания? *Отв.* Учитель — все; нехороший человек не может быть учителем. *Вопр.* Допускаете ли возможность присылки или выписки учителя со стороны. *Отв.* Пока нет. А дальше будет видно. *Вопр.* Курсы для учителей. *Отв.* Сами по себе такие курсы желательны. Но вопрос, кто их будет устраивать. Из ответа села Н.-Жиримы. Школа должна научить детей читать и писать русской гражданкой, читать по-церковнославянски, считать устно, письменно и на счетах, любить Бога и Его святой закон. Учителем желают иметь образованного старообрядца. По вопросу о средствах для содержания школы высказались за собственные средства: если прибегнуть к земству, то оно будет тогда и заведовать школой.

Перед моим приездом в с. Харауз тамошний сход благодаря усилиям одного молодого старообрядца составил приговор об открытии в этом селе земской школы. При этой школе предположено два учителя: один, назначенный земством, будет обучать общеобразовательным предметам, другой — старообрядец, выбранный миром, будет преподавать церковнославянское чтение и Закон Божий. Дом для школы отводит один из крестьян. Содержание школы отнесено на счет земства. Собиралось обсудить вопрос о школе и хонхолойское общество. Находясь в Мухоршибири, я получил из Хонхолойской волости срочно пакет с приглашением приехать на сход, 9 июня, «для обсуждения давно назревшего вопроса об открытии училища среди старообрядцев и пр.». Но мой путь лежал к югу. Когда, спустя неделю, я доехал до этого села и осведомился о школьном вопросе, то оказалось, что этот вопрос остался открытым неизвестно до каких пор.

До отъезда к семейским я долго беседовал с инструктором-старообрядцем, с глубокою скорбью рассказывавшим мне о темноте своего народа, и, казалось, конца он не видел тому мраку и гнили, которые заволокли его собратий. Познакомившись с ними на месте, я не вынес впечатления безысходности. Недовольство, пока скрытое, по поводу запретов, налагаемых уставщиками и стариками, широко распространяется среди молодого поколения, — среди мужиков и парней. В особенности велико значение в этом отношении, оказанное военной службой и войною. В каждой беседе наряду с жалобами на земельные затруднения, на неурядицы шли жалобы на собственную темноту. — Да кто же в этом-то виноват? Учились бы! — «Да все старики виновати, — грех, — гово́рють». «Старики училишша не

дають». «Старики училишша не примають». «Отцы-матеря винова-ти». «Справщыки училишша нам не дають, у церкву пускать не бу-дут». «Без училишша мы как безъ глаз». Вот выражения, какие я слышал от молодых мужиков и парней. Последнее выражение при-надлежит 15-летнему парню Антамону. «Да нет, будет уж: без шко-лы не обойдешься. А то что: идешь по городу видишь — написано и ничего не понимаешь. Идешь, как скотина. А когда в солдатах были. Ведь страм-то какой: что не старообрядец, то неграмотный. Смеют-ся! Письмо нужно написать, — проси других. Получишь письмо — заставляй читать другого. А в письме може, прописано: жена убежа-ла. Беда, паря!» Так рассуждают молодые крестьяне. Школа нужна. Темнота связала по рукам и по ногам. Выражалось и решительное пожелание к скорейшему открытию школы. Все это я наблюдал в постоянных собеседованиях в каждом селе. Земство должно скорее прийти на помощь молодому поколению старообрядцев и, учитывая особенности их быта и настроения, открыть хорошие образовател-ные школы и курсы. Ждать, пока инициатива выйдет от общества, напрасно: надо опять-таки не забывать жизненный уклад старооб-рядца: старики и уставщики приговоров об открытии школ состав-лять не будут, а молодое поколение выразить гласно своего протеста не сможет, да и не посмеет. Во что бы то ни стало нужно обуздать мракобесие уставщиков: они губят народную жизнь.

Уставщики восстают не только против образования, но и п р о-т и в м е д и ц и н ы. От всех болезней там лечат знахарки. Обратить-ся к врачу — большой грех, по Писанию. Там сказано: «О врачахъ. Лучше есть в нездравіи пребывати, нежели ради премѣненія немощи въ нечестія впасти. Аще бо і уврачюетъ бѣсъ, бол’ми повреди(тъ), нежели пол’зова». Так говорится в одном старообрядческом руко-писном сборнике, бывшем в Забайкалье, а теперь хранящемся в Ир-кутской духовной семинарии (XLV, 1798). Оспу прививать, конечно, воспрещено[13]. Года четыре тому назад в старообрядческих селах свирепствовала эпидемия оспы. Много молодых жизней унесла она. В Куналее умерло за один год 700 ребят, в Куйтуне — 800! В каждом селе вы на каждом шагу встретите лица, испещренные ос-пой. Не мало слепых и одноглазых от той же болезни. Тиф, скарла-

[13] Так повсюду у старообрядцев. «Не прищеплюют воспы» и старообряд-цы румынской Добружди. «Поверите вы: есть которые уже по 300 и 400 фран-ков аменду платили. У острог по второму разу идуть». «Мы, белокри-ницкие, подчиняемся, приняли и воспу, завели и книги» (метрическия). (В. Г. Короленко. Очерки и рассказы. Кн. 4. С. 226—234. «Над лиманом»).

тина также бушуют там. Во время моей поездки было много больных тифом. В Тарбагатае имеется больница. И надо заметить, что вопреки ругани и анафемствованию уставщиков больными старообрядцами она посещается. Тайком прививают и оспу. Для избежания греха *записи* в больничную книгу некоторые записываются не под своей фамилией. В том селе я жил у старика, внук которого болел тифом. Старичок-врач посещал больного. Пасмурно принимал его хозяин. «Каждый раз, когда уйдет доктор, я молю Бога простить меня за мое прегрешение, за то, что я дерзнул усумниться в его всемогуществе».

Солнце печет немилосердно. На огороде рыться слишком жарко стало. Иду к колодцу. Он не глубокий. По бокам покрыт льдом. Баба несет ведра с водой пополам со льдом. — Лед-то зачем? — «А мы его в чашку кладем и ребятишкам даем. Они сосут и не плачуть». Отойдя несколько шагов, встретил мужика: идет к уставщику: пригласить на похороны своей младшей девочки. «Горлушком маялась и померла».

Уставщики не уступят добровольно своей власти. Если у старообрядцев-поповцев, т. е. приемлющих священника «по их воле», кто либо заведет речь о поисках попа, то уставщик и его подголоски-старики загорланят: «Ищи если тебе хочется. А нам попа не нужно».

В вопросе «како веруеши?» семейские в разброде. Нет ни одного села, в котором старообрядцы были бы одного толка. Большинство принадлежит к поповцам. Поповцы делятся на о б щ и н н и к о в, зарегистрировавшихся как община по закону 1906 г., и н е о б щ и н н и к о в (большинство). Общинников много в с. Никольском. Эти поповцы, руководимые своим умным уставщиком, признали общину и нашли себе батюшку, престарелого старообрядческого священника-беженца из Самарской губ. Первый раз никольские общинники слышали светлую заутреню. Слезами обливались от радости. Другим поповцам такого религиозного подъема испытывать не приходится: вечерню, часы, кануны отправляет уставщик. Он же может совершать и некоторые требы: крещение (не миропомазание), похороны. Венчания у них тоже нет: «у нас блудно сходютца». Лишь спустя несколько лет навернется откуда-нибудь батюшка, наложит епитимию на сошедшихся и повенчает. Молодые сходятся иногда воровски без согласия старших. Спустя некоторое время молодые приходят к родным невесты, бухают в ноги с повинной, — происходят «простины», сопровождаемые гулянкой. К помощи священника от общинников-поповцев поповцы-необщинники ни в коем случае не прибегнут: одни других считают заблудшими еретиками.

Имеется небольшое число семейских, принадлежащих к белокриницкой епархии (в с. Куйтун).

Б е с п о п о в ц ы нескольких толков. Старые беспоповцы и новые, бывшие раньше поповцами; но затем они отказались принимать беглых попов. Прежние беспоповцы, беспоповцы-поморцы, не сообщаются с позднейшими беспоповцами (с. В. Жирима).

Имеются еще *темноверцы*, самые заскорузлые фанатики: как на исчадие ада смотрит темноверец на человека не своего толка. «Темноверцы у церкви без свечей; их могилы особь» (Куналей).

В Хонхолое мне указывали еще на *песочников*, употребляющих при крещении песок вместо воды.

В каждом селе поповцы и беспоповцы имеют свои молитвенные дома. В Никольском у поповцев-общинников большая церковь, а у необщинников — часовня. Во время остановки в Мухоршибири я был за вечерней в пятницу перед Троицей, т. е. накануне родительской субботы, в молитвенном доме у поповцев. За вечерней поминали родителей. Небольшое помещение разделено на две части. В задней части стоят женщины, в передней — мужчины. В передней же части по бокам помещаются левый и правый «клыросы». Посредине передней части, поближе к амвону, — аналой, перед которым стоит уставщик. К восточной стене ведет небольшое возвышение вроде амвона. Стена уставлена иконами старого письма. К аналою уставщика подходит длинный стол, уставленный «канунами», — банками меда с пшеничкой; на каждой банке прилеплена горящая свеча. Чтение и возгласы уставщика сопровождались пением то одного, то другого «клыроса». В определенных частях вечерни происходило чтение на «клыросе». Читали мальчики. Иногда чтец был бойкий: «читаить быдто рубить». А иногда чтец ошибался. В таком случае следовала поправка со стороны мужчин. Чтец: «иже»… — «егоже», — вслух хором замечают ему мужчины. Чтец: «свобо́ди»… — «свободи́»… — слышится хоровое замечание. «Повтори!» — иногда раздавалось со стороны молящихся. Произношение при пении очень открытое: вм. *и* слышится почти что *е*: «Господе помелуй..»; «ал ле луе ја…». Из ударений: ударение на предлоге: «во́ имя, на́ небеси, во́ вѣки, о́ бозѣ»… (Так и в старопечатных книгах и рукописях). Каждый приходящий, сотворив широко-размашистое крестное знамение (двуперстно), делал земной поклон на восток, на юг и на север и земной поклон назад, перед молящимися, отвечавшими ему поклоном головы, и затем становился на свое место. У каждого имеется подручник (подрушник) — небольшая подушечка, которую подкладывают под руки при земных поклонах. В руках у молящихся *лестовки* — четки

из кожи (обычно) или из бисера (реже). Молящиеся должны перебирать пальцами сборки лестовок и шептать молитвы. Среди обычных сборок выделяется несколько больших сборок: когда дойдут пальцы до определенных больших сборок, должно читать положенные молитвы.

Отстояв вечерню, я вышел на паперть. «Глянитца тебе наша служба?» — спрашивает меня одна баба, выходя из моленной. — Если бы женский полк поменьше болтал за службой, было бы лучше. — «Помяни родителев», — обращается ко мне другая баба, подавая крашеное в луковичном отваре яйцо. — Спаси Христос, помяну. — За ней с тем же подношением еще баба и еще, и моя шапка сразу наполнилась крашеными яйцами. Бережно ступая по уличному зыбуну, направился я на свою квартиру, сопровождаемый довольными взглядами встречных семейских.

В Никольском я был у общинников во всенощной 15 июня, в большом светлом храме. Молили Илью-пророка о дожде. Всенощную служил священник. Богослужение было старинное, уставное. Слабовато справлялись с своим делом «клыросы». Некоторые певчие уж особенно старались о своем громогласии в значительный ущерб благозвучию. Чтение для молящихся маловразумительное. На другой день была обедня. У необщинников богослужения не было; но в день молебствия (16) и они не работали. После обедни началось обливанье: молодежь обливала каждого встречного. — «Обливаютца — дожжа ворожуть». Щадили лишь меня да прятавшихся за моей спиной. Дождя давно не было. Всходы были добрые, но засуха уже стала вредить им. Необходим был дождик. Ночью к душевному успокоению крестьян дождик собрался.

Невежественные руководители старообрядцев, их отцы и наставники, как страшного греха, боятся отступления от мельчайших преданий старины. Вся жизнь должна зиждиться на святоотеческих книгах. Ведь там сказано: «Аще кто убавит или прибавит к тому, яже написахом, да будет проклят». Такие заклинания в изобилии находятся в старообрядческих книгах. Не располагая достаточным количеством святоотеческих книг, смешивая книги канонические и неканонические, базируя часто на последних, и главное, не понимая их, давая тексту, чаще бессвязно выхваченному отрывку, грубое и не соответствующее смыслу данного текста толкование, эти «пастыри» в гордом сознании своей праведности шлют анафему всем, кто уклонится в чем-нибудь от их требований, — уклонится хотя бы в том направлении, чтобы приблизиться к преданию своих предков, затемненному невежественностью уставщиков. Один здравый старообрядец поднял голос за то, чтобы вести метрические записи. Ведь

это не грех. Нас в наказание лишили русские власти права вести метрические книги. «Восстановим это наше старое право!» Да будет проклят, кто поведет метрические записи: это будет походить на никонианскую церковь! Ересь! — Такова была резолюция на предложение «заблудшегося» старообрядца. Незадолго до моего приезда к семейским ребят со всего уезда возили в Верхнеудинск для определения по внешнему виду возраста их. Злостные в своем невежестве, уставщики нашли формулы для оправдания ряда пороков своей паствы. За куренье табаку — проклятие (по Писанию; ср. ниже). Но самая отвратительная матершинная ругань, которая постоянно на устах и старого и малого (даже 8-летних ребят), у них находит такое оправдание: «Грех, что идет в уста, а не то, что с уст». И это изуверское изречение они променяли на наставление и указание своих отеческих писаний: «О сквернословцѣхъ и о срамословцѣхъ. Лучше есть гной отъ уст твоихъ плевати, нежели словеса скаредная износити и смрадная»… и т. д. (в забайк. старообр. сборнике Ирк. дух. сем., XLV, 1798). П. А. Ровинский, наблюдая жизнь семейских, писал о их уставщиках: «Можно помириться с жизнью с самыми простыми людьми, но жить постоянно с книжниками и фарисеями невозможно. Это все ханжи и лицемеры, в них нет ни на волос правды, от них не услышите слова живого, а все самые бесплодные измышления и словоизлития»[14]. Эти слова человека, свободного от всяких клерикальных тенденций, а только скорбящего при виде мертвящего гнета уставщиков, повторяю и я.

Печальную картину представляет нравственное состояние старообрядческого общества. В особенности пошатнулось молодое поколение. Заплесневелые формулы их стариков перестали удовлетворять молодежь. Не порывая окончательно связей с бытовым укладом жизни отцов и дедов, она, хотя и бессознательно, ищет обновления, жаждет новой, свежей струи в душной атмосфере, испорченной уставщическими испарениями. Ищет и не находит. Огромную роль в этом переломе играет пребывание в других краях, в другом мире. Выход молодежь нашла бы — в школе, в образовании. Этого нет, и молодежь пьянствует, развратничает, хулиганствует. Не говорим уже о куренье. Курильщиков немалое количество есть в каждом селе. Уставщики в моленную их не пускают, старухи плачут по погибшим, а они все-таки курят, — «курють, подлецы, крадчи, а то и в открытку». Есть даже такие, — усомнились в «леригии»:

[14] Известия сибирского отделения Русского географического общества. Т. 4. № 3. С. 120.

«Креста ругають!» — жаловались мне. Немало найдется и среди пожилых, которые не отстанут от буйной молодежи. «Какой таперь народ, — одна распублика!.. Чижало жить смирному человеку у нонишним народе. Швецкый [светский] закон держут, а не духовный». Скверная ругань, как карканье ворон, стоит над селом. Ругаются все: и мужики, и бабы, и ребята. Разврат не находит себе решительного осуждения. Пьянство оглушило всех. «Самогонку пьют, шибко пьют!» Пьянствуют не только мужики и парни, но и бабы и бахвалятся этим. И 10-летних ребят я встречал пьяными (в Мухоршибири, «десятские»). И помину нет о том, о чем писали старообрядческие книжники в Забайкалье: «блудникъ, піяница, лѣнивый на единой колеснице». «Толма бо ненавидитъ богъ піанаго, яко мы пса гнушаемся мертва смердяща» (Сборн. Ирк. дух. сем., XLV, 1798). Грабежи, поджоги и убийства — последствие нравственной распущенности старообрядческого общества. Там лошадей угнали, там плужки украли, а там спалили, — приходилось слышать то в одном, то в другом селе. В Куналее при мне происходило вскрытие пяти тел убитых. Между ними был один военнопленный, незадолго до смерти вернувшийся из плена. Мужик был скромный, работящий. Кто его убил, неизвестно. Народ обвиняет полюбовника его жены. В том же селе у меня просидел часов до 10½ вечера председатель волостной управы. С большой боязнью он отправился домой: как бы на улице не убили. «По ночам не сплю. Боюсь поджога», — жаловался он мне. Раз уже сожгли его постройки. В Никольском во время моего пребывания там было нападение ночью на одного мужика, спавшего у себя на дворе. Удалось спастись бегством. Выстрелы не задели его. Тогда же происходили похороны одного крестьянина, убитого на мельнице крестьянином из соседнего села Харауза. В Мухоршибири подхожу к одному строющемуся дому: три раза сжигали постройки этого мужика. По наведенным мною справкам, мужик был хороший, смирный, работящий. «Злобу гонють на человека», — со вздохом говорили мне. На 3-й день Троицы приезжает ко мне в Н. Заган молодой мужик из соседнего села Шеролдая. Плача, жалуется на разбойничество. На Троицу во время пьянства несколько мужиков передралось. Он как свидетель показал милиции все так, как происходило. Милиция виновных в буйстве оставила в покое. А между тем один из буянов угрожает свидетелю пожаром и смертью… «Сказню тебе!» Вчера он с ножом турил за маткой свидетеля. Милиция обещала разобрать дело не ранее, как через неделю. «А неделю-то как же я буду жить? Помоги Бога ради!»

В прошлом году по селам Забайкалья повили себе гнезда разбойнические шайки, грабившиея и убивавшие по глухим дорогам За-

байкалья. Теперь там стихло. Пугают лишь переездом из Мухоршибири к Бичуре, через Заганский хребет. Мне рассказывали об одном из таких «удалых молодцов», о казненном разбойнике из с. Шеролдая Кривцове. Ему было всего 22 года; но он успел загубить несколько жизней. Первое убийство он совершил 15-летним парнем: задушил свою тетку за 300 рублей. Своею жизнью он был доволен: «Хорошо пожил», — хвалился он перед смертью. Идя на виселицу, он выпросил дозволения пропеть: «За тюремной стеной умирал арестант молодой».

Наш очерк современной жизни семейских закончим гулянками на Троицу и на масленицу.

Утро Троицы я провел в Мухоршибири. Отстояв обедню в «сибирской», т. е. православной, церкви, я отправился в Н. Заган, находящийся в верстах пяти от Мухоршибири. До обеда все чинно были: спали, отдыхали, мирно беседовали, сидя в «за́стини». За селом собрались девушки и парни, — песни поют, венки завивают. Песни поются старинные, а иногда раздается и частушка. «Забрехали по собачьему», — ворчат старики, услыхав частушку. После обеда по селу началось катанье. В небольшой двуколке набито штук по пять баб, раскрасневшихся от жары и выпитой водки и самогонки. Лошадью управляет мужик. Лошадь идет медленно. Восседающие, грузно колеблясь из стороны в сторону, непременно оглашают село пением, иногда согласным, иногда вразброд. Среди катавшихся были бабы молодые и довольно пожилые. Помахивая платками, они ревели песни с необыкновенным усердием. Четыре года горевали; теперь справляют праздник по-старинному, как полагается. Время от времени по улице проходят группы молодых баб, разнаряженных в свои яркие костюмы: взявшись за руки, они медленно идут, оглашая село заунывным пением. Зайдя в избу, они подкрепляются яишней (яичницей) и хмельным. Но увидишь и молодых баб, не катающихся, не разгуливающих с песнями и не жарящих яишню: они сиротливо сидятъ у избы: мужья из плена не вернулись. «Все яйца просидели, а их все нету. Другова мужа надо куплять, да вот Митька (мальчик трех лет) гово́рить: — “Подожди батьку”, — хотя он и не видел еще своего батьку». Гулянье во всю было… «Рыпаем Вашство, рыпаем», — покрикивал мне почтенный Измаил Исаакич Оглы, татарин, родившийся и выросший в Н. Загане (отец его пришел сюда с Кавказа). А Арлам (Варлаам) М. от всей души предлагал мне выпить с ним самогонки. Два дня продолжалось гулянье. Рев последних катавшихся я слышал во вторник утром часов в шесть. В этот день было унылое, пасмурное настроение в селе. «Быдто надселись, ревемши».

Так же шумно проводят семейские и масленицу. Катанья, выпивка, закуска. Парни девушек катают, а они парней в гости зазывают, — слюбляются. Ни «бесстудия», ни «бесчиния», ни «проклятого дела» не видят семейские в этих увеселениях, от которых раньше их отучали книжники, писавшие: «Зри о безстудіи и о безчиніи. Конъное рыстанія, по улицамъ катанія въ праздничныя дни и во вся мисоеды, а наипаче въ самые дни прощенныи на сырной недѣли множайшія діавольская замышленія творятъ… юноши такожды во прощенныи дни осѣдлаютъ имъ конѣи и ездѣютъ по улицамъ, собѣрутся гурбою. Се творятъ по обычаю татарскому…» (рукоп. старообрядч. сб. Ирк. дух. сем., XLV, 1797).

II

В каждой старообрядческой общине имеется несколько человек, обученных церковнославянскому чтению и письму. В результате многолетнего обучения молодой старообрядец осиливает церковнославянскую грамоту, преподаную ему начетчиком при помощи старинного русского способа. «Подобаетъ оубо вамъ, о оучителіе, вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей оучити божественымъ писменемъ. Первое оубо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ: потомъ же часовнику и псалтыри, и прочимъ божественнымъ книгамъ». Так прописано в предисловии к старинной грамматике, переплетенном в одном старообрядческом забайкальском сборнике (Ирк. дух. сем., XLV, 1822). Тут же предупредительно замечено: «А и самимъ бы вамъ знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дéбело и тóностно и гдѣ с пригибеніем оустъ и гдѣ с раздвиженіем и гдѣ просто. Паче же ять [ѣ] с естемъ [е] разнити, еже бы нерещи в мѣсто пѣнія пеніе… и прочая таковая. Сіе бо вельми зазóрно і оукорно». Начетчик по мере своего разумения старается, чтобы учащиеся твердо держались в произношении написания книжного. Но в отношении фонетики они бессильны отучить своих учеников от особенностей их произношения. В книжном пригибении и раздвижении уст начетчики сами плохо осведомлены. В говоре семейских вм. мягкого *с* представлено мягкое *ш* (шепелявое мягкое *с*, см. ниже о говоре), а вм. мягкого *з* мягкое *ж* (шепелявое мягкое *з*). Таким же образом произносятся и церковнославянские слова, например, в церкви: *ш'ила* вм. *сила*, *ж'емля* вм. *земля* и т. п. На церковнославянском чтении отражается также аканье и яканье — черты живого говора семейских. Но по отношению к постановке ударения — к постанов-

ке в согласии с старописьменными и старопечатными книгами — начетчики и старики-грамотеи следят неукоснительно. Они вслух поправят чтеца в церкви, произнесшего слово с ударением не на том слоге, на каком требуется старокнижной традицией. Допустить ошибку в ударении — значит отступить от православного святоотеческого предания. Они блюдут наставление старинных русских церковно-славянских грамматик, указывавших на греховность искажения ударения. «Верьхняя сила [постановка надстрочных знаков] знати и оученикомъ своимъ сказывати имена и силу ихъ. А о семъ найпаче молитъ васъ наше худоумiе господiю нашу и братiю, еже бы вамъ всякимъ зѣлнымъ потщанiемъ наказати оучениковъ, и в началѣ часовника перваго стиха: царю небесныи оутѣшителю душе истинныи и прочая, а не говорити, и не оучити в мѣсто дýше душé, яко же не искоусніи слову оучат и говорятъ, зѣло сiе и вельми богу въ троицѣ славимому бранно, яко в мѣсто духа святаго глаголютъ доушю, и невѣмы каку; страшно бо есть братiе неточiю сiе рещи, но и помыслити» (из той же грам⟨матики⟩).

Старообрядческие грамотеи поддерживают старую книжную традицию. В последние годы семейские запаслись печатными московскими старообрядческими изданиями. Но среди начетчиков обращаются и более старые издания и рукописные книги. На этих книгах и рукописях училось много поколений старообрядческих грамотеев, с этими книгами они уходили в изгнание, за эти святоотеческие писания они шли в ссылку, на страдание и на смерть. Основные мысли и положения древлеправославных книг через грамотных людей усваивались и прочими представителями старообрядческой общины. В обсуждении тех или иных положений старообрядства принимали участие не только начетчики, но и люди некнижные. См., например, в беседах архим. Михаила с забайкальскими старообрядцами[15]. Беседы относятся к 80-м гг. XIX в.

В настоящее время многие предписания книжные утратили остроту их значения. Кроме, может быть, отдельных лиц, незаметно уже строгого следования всем правилам, преподававшимся книжными людьми. Так, например, во всех старообрядческих наставительных сборниках, просмотренных мною, строго воспрещается иметь общение с еретиками, к которым относились и «никонианцы». Нельзя было пить, есть с ними из одной посуды. Вот целое «Сказанiе отъ священныхъ правилъ и отъ оучителей церковныхъ, яко

[15] Беседы с старообрядцами начальника забайкальской противораскольнической миссии архим. Михаила. СПб., 1887. С. 60 след.

не[по]добаетъ к еретикомъ и схизматикомъ пріобщенія имѣти в молитвословіи, в яденіи, в питіи и любви» (старообр. забайк. сборн. Ирк. дух. сем., XLV, 1822, л. 40 об.—46; то же в сборнике Троицк. монаст., 33 об.—41). «Зри, православным, за едино точію общеніе в яденіи толико пола[га]ет осужденіе… Послушайте православніи и съ еретиками не смѣшиваитеся да не сведени будете в вѣчныя муки с ними» (старообр. сборн. Ирк. дух. сем., XLV, 1806, л. 20, 22). Те, кто «съ еретиками сообъщенія имѣютъ въ яденіи и питіи, въ дружбахъ — ересь» (старообр. забайк. сборн. Ирк. дух. сем., XLV, 1797, л. 104). — Семейские выполняли это требование еще в 70-е гг. прошлого века и даже позднее. Теперь этой нетерпимости уже незаметно, или, по крайней мере, она в глаза мне не била. Везде я находил радушный прием и сердечное угощение. Мало того, теперь и с карымой заодно не прочь выпить араки. Между тем, в других местностях старообрядец еще блюдет во всей возмутительной полноте это «святоотеческое» предписание. Вспомните рассказ В. Г. Короленка, как угощал благодарный беспоповец в Добрудже, липован, извозчика Луку и социалиста Катриана, помогших спасти липовану воз и лошадь. «Он наливает себе стакан, говорит: “Господи благослови” и быстро опрокидывает в рот. Потом подносит Луке и Катриану. Они выпивают. Липован наливает по другому стакану. — А сам? — спрашивает у него Лука, выпив после Катриана. — Не догадался вишь… Теперича нельзя мне: посудину вы опоганили. — Он кидает стакан в кусты…»[16].

Каков запас книжного богатства забайкальских старообрядцев? Чем питались и питаются старообрядческие книжники Забайкалья в течение их жизни в Сибири? Мне не удалось познакомиться с книжными собраниями начетчиков. Трудно сойтись с этими людьми, привыкшими только запугивать своих темных односельчан. Я боялся, что мою попытку поближе подойти к ним они скомпрометируют в глазах прочих старообрядцев, а добрым отношением ко мне последних я дорожил и дорожу. Но я имел возможность обследовать старообрядческие рукописи, находящиеся в селенгинском Троицком монастыре. Туда они попали, будучи отобраны у забайкальских старообрядцев священником Курышевым. В Троицком монастыре находился «Начальник противораскольнической миссии в Забайкалье». Кроме рукописей Троицкого монастыря, я познакомился с ста-

[16] *В. Г. Короленко.* Очерки и рассказы. Кн. 4. С. 342. См. также беспоповскую компанию липован, пришедшую в трактир каждый с отдельным стаканом. Там же. С. 406.

рообрядческими рукописями, хранящимися в библиотеке Иркутской духовной семинарии, куда они попали как конфискованные у забайкальских старообрядцев. На некоторых из этих рукописей находится сургучная печать: «Нерчинской заводской полиции печ.» Между прочим, такая печать красуется на рукописной псалтыри (XLV, 3813) и на канонике (XLV, 3814). И эти книги оказались опасными для спокойствия государства. Попадали в библиотеку Иркутской духовной семинарии книги от забайкальских старообрядцев и другим путем. В 60-е гг. прошлого столетия они жаловались С. В. Максимову: «В Иркутске хвастают что там де у архиерея наших старопечатных книг на десяти возах не свезешь [излишняя гипербола! — *А. С.*]: все наворовали от нас семинаристы и поотобрали попы и всякий, кому и не надо»[17].

Одни из рукописей принесены были в Забайкалье из Европейской России, другие были написаны в новом месте жительства, в Забайкалье.

1) Вот книжечка в малую осьмушку «*Беседословие*», написанная красивым полууставом (XIX в., хранится в Троицком Селенгинском монастыре), с заглавием в изящно исполненной рамке[18]. «Бесѣдословіе, избрано из разума священнаго писанія и отъ богословскихъ истолкованныхъ умствъ. О миробытіи и о случáехъ послѣдняго врѣмени, и обыскательное любомудріе о вѣре. Въ пользу сыновóмъ сіона». Написана она в Забайкалье. Известен и автор ее. «Сіе Бѣседословіе грѣшнымъ Іоанномъ изъ тюменскихъ мѣщанъ бывшимъ Легостаевымъ за Байкаломъ моря; Аминь» (запись на л. 137). К «забайкальцам» он нередко обращается, как к читателям, слушателям и друзьям, приютившим его. О себе Иоанн Легостаев говорит, что он, «аще и многогрѣшенъ, но прáвою вѣрою во Христа Ісуса [іса] былъ и есть и будетъ христіянинъ, и есть оныя исповѣдникъ, прелести древлезавистника титина [дьявола] раз'яснитель и обличитель» (л. 2). В течение 30 лет он испытывал гонения и страдания за правую веру, защиту ее и за обличения прелестей антихриста (л. 31). Он обличает не только «горестное падение» великой российской церкви, но и единоверцев, а также беглопоповцев. Сам он, по-видимому, принадлежал к одному из толков беспоповщины. На л. 129—131 он рассказывает забайкальцам о своих деяниях и разглагольствованиях о вере. В Тюмени в духовном правлении он три-

[17] *С. В. Максимов*. Сибирь и каторга. 4-е изд. Т. 2. С. 263.

[18] Фабричный штемпель на бумаге: «Высочайше утв. компании Угличской фабрики».

дневно разглагольствовал, о чем обширный на нескольких листах доклад был послан в Синод. В Казани свой «подвигъ страданія поновилъ». Состязался там со арихпастырями в Канцистории. «За твѣрдое в вѣрѣ стоянія военнаго званія себя освободилъ. Еже архипастыри в комиссію военнаго суда о мнѣ отнесли, что я, называя ихъ еретиками, отступниками, злыми вождями, сосудами антихристовыми. Къ тому присовокупили, но на основаніи текста священнаго писанія, еже въ кафермаціи военнаго Губернатора и в выпискѣ по одобренію архипастырѣй поясняется, глаголютъ, что Иван Легостаевъ в вѣрѣ не притесняемъ, исполняетъ свои христіянскія обряды по своему вѣроисповѣданію и наши архипастыри все его книжныя доказательства при́няли врезонъ, утвѣрдили и сказали: Вѣримъ, Вѣримъ, Правда, Правда. Ей благодарю Казанскихъ архипастырей Деректора академіи, архимандрита, Кафедральнаго Протопопа Вихтора Петровича с прочими, еже на мѣня порочьно, но ко мнѣ похвально изрекоша и не мнѣ хвала, но древлецерковному богопросвѣщенному благочестію и спасителеву имени. Слава аминь».

2) Вот засаленная тетрадочка, усердно читавшаяся семейскими, написанная, вероятно, в начале XIX в., со стихом о Иосифе прекрасном. Писал «войска донскаго, пети избянской станицы, бывшей казакъ, Порфирей Романовъ, сынъ буровъ». То же лицо написало большой сборник разного содержания («*Цветник*»), наход. в библиотеке Иркутской духовной семинарии, XLV, 1822. «Спотрудижеся всѣмъ вѣцѣ собрати и ставити сію книжицу многогрѣшныи и непотрѣбныи рабъ божіи порфирій романовъ, сынъ буровъ» (запись в конце книги). На кожаном переплете печать нерчинской заводской полиции. Петр Буров списал и обширный *Каноник* (Ирк. дух. сем., XLV, 3814). На переплете сургучный след нерчинской полиции. Несомненно, все указанные книги Бурова написаны им в Забайкалье.

3) Вот еще «святая богодохновенная книга собранна отъ многихъ различныхъ отъ божественныхъ отеческихъ книгъ, отъ святыхъ писаніихъ, отъ старопечатныхъ сведетельствованныхъ. А составлинна сія книга Давыдомъ старцемъ». ркп. in f., размером 131 лист. Написана полууставом в конце XVII в. Принадлежит библиотеке Иркутской духовной семинарии, XLV, 1797. Тут подобрано много статей резко полемического характера. Имеется несколько рисунков с изображением и перечислением ересей. Вот змей седьмоглавый, а на нем жена-блудодейница; в руках у ней сосуд со всякой нечистью, сиречь еретики и раскольники. Над зверем перечислены ереси. Или вот еще изображение: церковь истинная православная и церковь никонианских учеников. Посредине вдоль листа приклеена полоска, а

под ней вращается полукружие с перечисленными ересями. Как этот «круг» покрывает церковь православную, так человек ересьми раздирает веру христианскую, разрушает и оскверняет (см. приложенные снимки). Прочие изображения представляют собою рамку в виде церкви «православной» или какой-нибудь «еретической», а в средине рамки прописаны ереси. В сборнике находятся статьи, обличающие богоотступничество еретиков не только в Европе, но и *в Сибири*. В главе 29-й показано «отъ святаго божественнаго писанія о людехъ, глаголимыя благословѣнныи, і еще ихъ называютъ *тавринцы* и называютъ *козлы*, а въ *сибиръской сторонѣ называютъ мураши*. А святое божественное писанія таковыхъ называетъ законоприступники і отъ вѣры христовыи и соборныя апостольскія церквы отпадшіи и отъ святыхъ соборовъ отъ святыхъ отецъ приклинаеми и къ еретикомъ причитаеми». Их ересь: имеют попов явных, миропомазание берут от архиереев росейских. Попы на клятву благословение дают, подати платят, в нечестивое воинство отдатчиков собирают, с вероотступниками у себя в доме пьют и едят. Таковы богоотступничества *мурашей*. Выписки для обличения их занимают 14 страниц (л. 100—106). В написании этой книги постоянно отражаются черты говора старца Давыда: *а* вм. неударенного *о*; *и, я* вм. неударенного *е* (*е* и *ѣ*). Форма глагола наст. вр. ед. и мн. оканчивалась на мягкое *т* (*ть*); если пишется *-тъ*, то это по требованию книжной и орфографической традиции; списатель иногда путался в употреблении на письме *ть* и *тъ*, ставя *тъ* не только в передаче формы 3 л. ед. и мн., но и в передаче неопределен. (инфинитива): «никтоже можетъ нипродатъ никупитъ нипрожитъ гдѣ…» (93 об.), «ититъ» (125), *г* произносился как согласный длительный; в конце — *х*, что отразилось в путании *г* и *х*: о друзѣгъ (65), слугагъ (69). Форма личного местоим. родит.-вин. на *-е*: *мене*, *тебе*, *себе*: «держатъ у себѣ» (25 об.) и др. Все это черты говора *семейских* (подробнее см. в главе о языке).

Обличительную книгу с такими же изображениями, как в сборнике старца Давыда, видел Ю. Д. Талько-Грынцевич у одного семейского начетчика[19].

4. «Сія книга, нарицаемая цвѣтникъ, избранная изъ церковныхъ книгъ, напечатася въ типографіи виленской въ лѣто 7308 е, списана Петромъ Овчинниковымъ въ 1880 года» (зап. на 117 л.). Овчинников — распространенная фамилия у семейских. В говоре Петра Овчинникова было длительное *г*, в конце слова перешедшее в *х*. Отсю-

[19] Семейские (старообрядцы) в Забайкальи. С. 17.

да путаница в написании *г* и *х* в средине: *книха* (несколько раз). Этот обширный сборник (в четверку на 384 листах) содержит «Воспоминаніе преславнаго чудеси святаго архистартига Михаила, еже есть былъ въ Хонехъ», «О чудесѣхъ святаго великомученика Мины», «Сказаніе о явленіи ангела господня въ пустынѣ преподобному Макарію египтянину» и слова из Пролога. После записи на л. 117 следуют слова Ипполита папы римского о скончании мира (118—145 и др.), сказания жития (из Патерика, из Четьи-минеи, из Великого зерцала), страсти Христовы и сон Богородицы. Состав цветника П. Бурова совсем иной: там преимущественно статьи апологетические, но имеются и вообще назидательные; включены каноны. Сборник Овчинникова находится теперь в Троицком монастыре.

5) Большой рукописный сборник (в четверку на 308 листах, нового полуустава, XIX в.) библиотеки Ирк. дух. семинарии, XLV, 1814. Весь занят статьями о пришествии антихриста. «О случаехъ послѣдняго времене, Тити[нъ] потрясетъ вельми; 666-е число о антихристѣ». Таково заглавие этого сборника. Он состоит из трех частей: «в первой чясти о антихристи, во второй чясти о соборнѣйших отступленіихъ, въ третіей чясти о смущеніи и недоумѣніи и разгласіи в вѣрных простаго народа отъ вины главныхъ отменъ» (конец предисловия). В последней части весьма резкие обличения Петра I как антихриста, как «первѣйшаго раздорника, отступника божія», как «прескверната онаго адскаго пса» и т. д. Мы не знаем места написания этой книги. Но можем утверждать, что она была в обращении у старообрядцев Забайкалья. Кроме места теперешнего ее нахождения на это указывают черты языка позднейшей записи на переплете и письма, вложенного в этот сборник. «На верхняй» (зап.); в письме: «неоставти, обижаитись, братицъ Арсентій Степановичъ, а тветникъ обратна пришлити, будитъ денигъ, письмы ретка шлемъ. — Тимофей Археревъ самъ писалъ». Он рекомендует своим родным обратиться «к Серовымъ они мнения поморскаго».

6) В библиотеке Иркутской духовной семинарии (XLV, 1784) находится большой рукописный сборник красивого полуустава (нового), в четверку на 278 листах. Он заключает в себе *олонецкие* или *поморские ответы* (л. 1—218). «Божіею помощію и заступленіемъ пречистыя богородицы и всѣхъ святыхъ всепустынное общетрудное совѣтоотвѣтное извѣщеніе наше, егда довершихомъ и тогда е рукоприкладываніемъ достовѣрствовахомъ. Лѣта отъ мирозданія 7231-го (от Р. Х. 1723), мѣсяца іюня 21 дня» (зап. на 214 л.). Здесь в 106 ответах, то сжатых, то подробных, указаны отступления великороссийской церкви от преданий св. отцов, от древлего благочестия и

апология своего старообрядства. Тон и стиль ответов умеренный, солидный, дипломатический, без крикливого задора других старообрядческих писаний. Обращаясь к иером. Неофиту, присланному к олонецким старообрядцам на Петровские заводы, старцы пишут в «Предисловии»: «По указу всепресвѣтлѣйшаго императорскаго величества. Велено намъ с тобою учинить тихое и кроткое разглагольство о произшедшемъ несогласіи, и ты о ономъ несогласіи вопросовъ сто шесть прислалъ еси. Мы же на оны отвѣтное разглагольство написахомъ с древлецерковными свидѣтельствы, свобождающе сими и тебе и себе и прочія слышатели отъ излишнихъ трудовъ» (11). Раньше ответов старцы изъявляют, «яко мы не въ своихъ, но в древлепреданныхъ церковныхъ уставѣхъ пребываемъ» (8 об.), «того ради древлеправославныя церкве уставы соблюдаемъ, да вѣчное спасеніе душямъ своимъ получимъ… якоже святіи в тѣхъ древлеправославныхъ уставѣхъ, знаменующеся двѣма перстома, богу угодиша, тако и мы знаменаемся двѣма перстома, в тѣхъ же святоотеческихъ уставѣхъ желаемъ и молимся угодити богу. Яко же они по древлецерковнымъ святымъ книгамъ спасеніе получиша, тако и мы по тѣмъ святымъ книгамъ просимъ отъ господа милости спасеніе получити… Но ежели нынѣ церкви великороссіистѣй не пріобщаемся, и того ради отъ васъ осуждаемся, яко расколотворцы, но, понеже мы в древлеправославныя церкве преданіяхъ, раскола какова несотворихомъ… и съ намѣреніемъ спасительнолюбительным в древлецерковных уставѣхъ пребываемъ, сего ради нѣсмы расколотворцы. А и пріобщенія нынѣшнія россійскія церкве опасаемся… новинъ отъ никоновыхъ временъ нововнесенныхъ опасающеся… съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковная содержанія согласитися ужасаемся, о чемъ во отвѣтѣхъ пространнѣе засвидѣтельствуется» (9 об.—10). К ответам приложена «Краткая исторія о отвѣтѣхъ» (218 об.—230). В этой истории рассказывается, при каких обстоятельствах писались ответы, как происходили разглагольства в апр. 1722 г. — сент. 1723 г. в Олонецком уезде. Листы 231 об.—260 заняты историей осады и взятия Соловецкой обители (взята была в январе 1676 г. после 7 лет с лишним осады ее). В соответствующих местах имеются прекрасные изображения благословляющей руки, а в конце книги изображения креста. На семинарском экземпляре на последнем листе запись: «Написася сія святая и богодохновенная книга, глаголемая отвѣты олонецкія, въ лѣта отъ Адама 7269-го [от Р. Х. 1761] мѣсяца декабря въ 20-го дни». Но бумага и почерк этой рукописи, кажется, более позднего времени. Экземпляр этот принадлежал *Петру Шумилову* (пометки). Имеется пометка с фамилией *Бон-*

дырев. Где списана эта книга, мы не знаем, но на пребывание ее в Забайкалье мы указание имеем. В Троицком монастыре имеется книжечка в прекрасном кожаном переплете, с золотым обрезом, в 8-ку, содержащая в себе «исторію о отвѣтѣхъ». Полуустав письма ее тот же, что и «Олонецких ответов» семинарского экземпляра. Без сомнения, не только этим, но и другими экземплярами «олонецких (или «поморских») ответов» располагали забайкалькие старообрядцы. Эта книга — основоположная у старообрядцев. Ссылки на нее испещряют каждое старообрядческое писание. В 1884 г. «Поморские ответы» были напечатаны «в Мануиловском Никольском монастыре». В это издание ни «Исторія о отвѣтѣхъ», ни «История об осаде Соловецкой обители» не вошли. О других изданиях «Ответовъ» см. в статье В. Г. Дружинина: «Подлинная рукопись Поморских Ответов и ее издание» (ИОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 1. С. 53—77).

7) В Троицком монастыре находится тетрадка довольно позднего написания (2-й половины XIX столетия), отобранная у старообряцев той местности (Верхнеудинского у.). На тетрадке пометка, вероятно, лица, отобравшего ее: «Раскольническая поэзия». Она содержит в себе апокрифическую «Беседу трех святителей», разговор мальчика с философом, проникнутый старообрядческой тенденцией — отрицательным отношением к «свецкому» знанию; духовный стих о вероотступничестве на Руси; повесть «О хмельном питии»; различные сентенции; неизменное «От книги Кириловы лист 234 прение философа Панагиота со Азимитом» — о брадобритии римского папы и духовенства, — именно, при каких обстоятельствах возникла эта скверная ересь (cherchez la femme!).

Кроме таких книг, сборников, цветников семейские располагали книгами богослужебными — псалтырями, часовниками, канониками. И до сих пор у них имеются эти книги в рукописном виде. Часть из этих книг попала в Троицкий монастырь и в Иркутскую духовную семинарию.

Я отметил несколько рукописных книг, написанных или только бывших в обращении у забайкальских старообрядцев (семейских). Вместе с тем я отметил общий характер содержания каждой из них. Такого же в общем содержания у забайкальцев были и другие книги. Ссылки на них будут сделаны ниже. Темы всех этих писаний (кроме богослужебных), «богодохновенных книг» одинаковы: пришествие антихриста и слуг его, последние дни мира; гибель человечества в ересях; ереси душегубительные и обличения их; призывы к соблюдению древлего православия; исторические справки возникновения раскола в великороссийском государстве; страдания за правую веру

не признавших никоновских нововведений; духовно-назидательные стихи, повести и изречения. Статьи ad hoc приспособлены из Священного Писания, имеющего отдаленное или только внешнее отношение к трактуемым вопросам, из писаний святоотеческих, например из слов Иоанна Златоуста, из книг Никона Черногорца, из старых славяно-русских сборников, — Маргарита, Измарагда, Андриатиса, из Кормчей, Патерика, из Катехизиса большого («печати святѣйшаго Филарета патріарха»), из «Кирилловой книги», весьма ценимой старообрядцами (см. ниже), из «поморских ответов», из книги «святаго Іосифа преподобн. волоцкаго», из «книги Зинар», из «Стоглавника», из «книги Баронія» («Деяния церковные», ценимой и до сих пор; напечатана старообрядцами в Москве, в 1913 г.), из ранних старообрядческих «челобитных», например «соловецких чудотворцев», из «собрания новаго страдальца отца нашего Аввакума протопопа», от книг Максима Грека, от седмитолкового апокалипсиса, из «книги о вере», из книги «Алфа и Омега» и других «старопечатных, старописьменных и харатейных». Из этих книг взяты отдельные статьи, изречения или на основании их составлены собственные произведения. В сборниках забайкальских старообрядцев нередко делаются ссылки на книги западнорусского и польского происхождения, — в сборниках Ирк. дух. сем. XLV, 1797 и XLV, 1798: «Апокалипсисъ польскаго наръчія напечатано», «Книга діалогизмъ, изданная в Кіевопечерской лавре, року 1604 (?)» [20], Потребник Петра Могилы (1644; ошибка: следует 1646), «Синопсисъ въ лѣто отъ созданія мира 7188» и др. (из сборн. 1798).

Главная тема старообрядческих сборников, на которую подобрано и составлено огромное количество статей и отдельных изречений, — это давняя тема о *пришествии антихриста*. Почти во всех небогослужебных книгах, просмотренных мною, встречаются разглагольствания о последних днях мира, о знамениях и слугах антихриста. Главным источником, откуда черпались свидетельства пришествия антихристова и признаки слуг его, — это толковый апокалипсис. Эта книга была и есть любимой у старообрядческих

[20] «Діалогисм дховныи си ест двоесловіе… в Кіево-Печерской чудотворной Лаври… Варлаамом Голенковскимъ тоеяжде стыя лаври намѣстникомъ, трудолюбиво издадеся. Року отъ Рождества Хва. 1714». На оборотной стороне герб Иоасафа Кроковского и четверостишие к нему. — Экземпляр Ирк. дух. сем., VIII, 1374. Имеется 2 экз. «Диалогизм», изданный в Москве в 1706 г. (Ирк. дух. сем., VIII, 1796, — 2 экз.), иного содержания по сравнению с киевским.

книжников. Один экземпляр *из Забайкалья* попал к библиотекарю Иркутской Городской библиотеки Н. Ст. Романову. Список конца XVII или XVIII в., в лист, на 126 листах, с 74 рисованными листами. Рисунки в красках, хорошо выполненные. «Книга Апокалипсисъ имѣетъ словъ 24, а главъ 72, стиховъ 311. Святаго Андрея архіепископа кесаріи каппадокіискія Сказаніе апокалипсіи святаго апостола Иоанна богослова евангелиста сокровенныхъ преди откровеніе». Любили пользоваться старообрядческие книжники и словом «Блаженнаго Ипполита папы римскаго и мученика, слово в недѣлю мясопустную, о скончаніи мира и о антихристѣхъ и о второмъ пришествіи господа нашего і[су]са христа». В сборниках помещалось это слово целиком (например, в сборн. Иркутск. дух. сем., XLV, 1822, л. 90—126; в сборн. Троицкого монастыря, переписанном П. Овчинниковым, на л. 118—145) или в извлечениях[21]. Но чаще всего делаются заимствования из так называемой «Кирилловой книги». Цитаты и статьи из нее испещряют каждый старообрядческий сборник[22]. Эта книга, как «богодохновенная», глубоко чтилась старообрядцами. «Сей богословецъ святой Кирилъ паче прочихъ объяснилъ, како ложнаго ученія блюстися и яко антихристова печать, то есть еже отъ своихъ единовѣрныхъ отступити и гоненіе на нихъ воздвигнути», — говорится в старообрядческом сборнике Ирк. дух. сем., XLV, 1806 (59 об.). Заметим, что этот «богословец» был Стефан Зизаний. Одно из беззаконных греховных деяний никонианцев, — это отрицательное отношение к «Кирилловой книге». Среди 20 пунктов своих несогласий с никонианской церковью поморец под 14-м пунктом приводит следующее «свидѣте[ль]ство отъ божественнаго писанія»: «Книгу, имѣнуемую Кирилову, не благочестне злословяще всюду порицаютъ ее книгою ложною и вѣроятія недостойною, содержащіяжесь въ ней божественныя словеса отъ пророческих и апостольских писаніи о православнѣй нашей вѣрѣ и о превысочайшей богословіи оглаголуют быти прелестію и обманом простым людям, и яко бы сіи плевелы, то есть божія глаголы и божественныя догматы посѣялъ Зизаніи»… (Ирк. дух. сем., XLV, 1822, л. 76). Все признаки апокалипсического антихриста объявляются на римской церкви, а затем на последовавшей за Римом великороссийской церкви. Ангел связал сатану и заключил его в бездну

[21] Цитируют слово папы Ипполита и липоване — старообрядцы в румынской Добрудже. Ср. в «Очерках и рассказах» В. Г. Короленка, кн. 4, с. 235.

[22] Печатана и в наше время, в 1895 г. в Москве в единоверческой типографии.

на 1000 лет (Апокалипсис, гл. 20). 1000 лет прошло. Но сатана еще не развязан. Он пустил от себя только дух нечистый на Христову церковь, стал прельщать православных христиан. Дух сатанинский объял собою Рим: «И тако по тысящи лѣтехъ Рымъ отпадѣ со всѣми западными странами, прельщенны быша отъ таковаго пущеннаго отъ ничистаго духа, прельщенны во лжю, въ проклятыя въ ереси… и подъклонилися звѣрю седмиглавому, который изъ моря вышилъ пестрыи» (Ирк. дух. сем., XLV, 1797, л. 26 об. То же в сбор. XLV, 1814). Вышел из моря зверь седмиглавый и десятирогий с 10-ю венцами на рогах, а на головах имена хульные (Апокалипсис, гл. 13)… «По ересямъ называется звѣрь, а седми таинахъ [таинствах] называется седмиглавымъ, и роговъ десять — царей из разныхъ царьствъ совокупятся въ едину волю, въ едину вѣру къ седмиглавому звѣрю, сирѣчь к рымскому царству, къ папѣ, къ великому еретику, а что на розехъ его десят вѣнцовъ, то значют царьскія персони; а на главахъ его имена хулна, сиречь все духовныя таинъствы творимое еретиками, сей седмиглавый звѣрь есть видимый человѣкъ еретикъ папа рымскій и прочіи власти великіи еретическія оболщенныи отъ діявола»… (LXV, 1797, л. 26 об.—27; см. изображение змея седмиглавого). И будут великий еретик папа и иже с ним гнать православных христиан ко своему нечестию, к проклятым ересям. Перед пришествием антихриста по всей вселенной распространится еретическое нечестие, лживое проповедание, «рымское евангеліе», а отеческие святые предания оставят, и все святое божественное писание еретиками ненавидимо и хулимо будет. И даст антихрист слугам своим начертание имени своего, «на деснѣй руцѣ ихъ или на челѣхъ ихъ» имя зверино — число 666. Начертание или печать антихриста трегубая: 1) образ повелительный, царский антихристов начертанный, 2) деньги, 3) триперстное сложение, сиречь ересь проклятая щепоть; замыкает в себе эта печать число имени его 666 (XLV, 1797, л. 30 об.—31). Когда по 7-м Вселенском соборе отпал Рим со всеми западными странами от благочестия и истинной веры, то от Рима прочие все царства восприяли «рымскія проклятыя ереси… и зато рымское царство всѣмъ царствамъ мати погибели и папа рымскій надо всѣми еретиками еретикъ есть» (XLV, 1797, л. 32; LXV, 1814, л. 45, 54—55, 48). Семь царей, по Апокалипсису, падут во власть антихристу, будут слугами римского престола; трех царей сам антихрист покорит войною и после них будет 11-м царем. Было пять патриархов: в Риме, Иерусалиме, Антиохии, Александрии, Цареграде. Сии пять патриархов были истинноблагочестивые. Но по 1000 лет отпал римский патриарх от соборной апостольской церкви

и стал слугою и предтечей антихристовым, четыре других вселенских патриарха согласились посвятить пятым патриархом в великороссийском государстве вместо отпадшего папы римского. Но прошло несколько лет, в разных временах, и сии четыре патриарха, иерусалимский, антиохийский, александрийский и цареградский, также пали в нечестие, присоединились к пятому отпадшему патриарху, к папе римскому и к римским проклятым ересям, и сотворились еретики великие, слуги и предотечи антихристовы. Оставался только один благочестивый патриарх в великороссийском государствии. Потом и шестой патриарх отпал от благочестия, — отпал вместе с великороссийским государством и присоединился к римским ересям и стал слугой и предотечей антихристовым. От шестого патриарха, от Никона, великое царствие российское подклонилося к той жене-любодейнице, что сидит на звере седмиглавом (XLV, 1797, л. 33—34). «О злый Никонѣ, душегубный пагубниче. Не ты ли конь и всадникъ самого сатаны. Не ты ли поспѣшникъ аньтихристовъ. Не ты ли оугодникъ діяволовъ. Не ты ли бесѣдовалъ съ самѣмъ сатаною. Не ты ли погубилъ оу нас всю вѣру христіянскую… О звѣрю проклятый. О лукавый ширмеръ позаратай, шурмуишъ воинъства, биешъ ти голени церковныя… О блудница вавилонская, блудница всескверная беззаконная» и т. д. и т. д. («Отъ посланія священномученика протопопа Аввакума и страдальца», сб. Троицк. мон.). Приидет и седьмой патриарх и назовется царем и святителем (XLV, 1797, л. 34). Папа римский, взявший себе власть духовную и мирскую, предотеча антихриста по писанию, якоже пишет Иоанн Златоустый. «Отъ того времѣни настала власть антихристовыхъ предатечь. Такожде и въ вторым новым въ Рымѣ великом въ царьствіи въ росъсейскомъ, въ царьскомъ градѣ Петеръбургъ… сталъ царь и патріархъ. Се бысть пре [при] царѣ Петрѣ первымъ имъператорѣ» (Там же, л. 35 об. и в XLV, 1814, л. 278 об.). Когда содержал старый Рим благочестие, были патриархи и цари. Цари патриархам покорялися. Впал старый Рим в ереси, — появился папа и царь вкупе. Так и в новом Риме, в российском государстве, при благочестии были патриархи и цари, «но патріархъ болій царя сном духовнымъ и царь покорялсы ему». Отпало Российское государство к Риму — не стало патриарха, «тогда царь воспріялъ себѣ имъператорскій титулъ отъ папы рымъскаго, а патріарховъ отминилъ… въ рымском царьствіи царьствуетъ папа духовный вкупи патріархъ и царь, а въ великоросейскомъ царьствіи царьствуетъ имъператоръство вкупи царь и патріархъ едино имя названо имъператоръ, и тако отъ тѣхъ врѣмѣнъ явно въ великоросейском царьствіи настала власть антихристовых слугъ и предо-

течивъ» (Там же, л. 36 об. и др. XLV, 1814, л. 284). Никон и Петр, принявшие лживое римское учение, времена изменили, переставили и украли. «Разумѣйте, мужіе братія, яко Никонъ патріархъ врѣмена премѣни, восемь лѣтъ у Христа Бога убавилъ, рекше укралъ — нынѣ в лѣточислѣніи отъ Рождества Христова не щитаются. А первый императоръ новый годъ измѣни: не сентября, на генваря 1-го празднуется» (Беседословие, л. 62). Да и мирское имя Никона и титул Петра — это печать антихриста, число звериное 666. «Внегда онъ [Никон] в бѣлцахъ нарицашеся Никита, погречески же глаголется Никитіосъ, в немже званіи состоится 666. Подобнѣ и во оном императорѣ, во властельскомъ его имени, тоже знаменаетъ быти 666: ибо егда оныи Петръ здѣ, в россійскомъ государствѣ, опровергъ вся древнія обычаи, вмѣсто же онѣхъ возобновивъ еллинскія и римскія отверженныя обычаи; тако и вмѣсто царскаго званія прія имѣноватися поримскіи “императоръ”, обаче на римскомъ языкѣ сіе императорское имя глаголется безъ мыслетей, якоже о том в букваряхъ троязычныхъ показуетъ, и пишется сице: “іператоръ”, еже значитъ 666. Въ немъ преисподній теітанъ засяде и озвѣрися» (XLV, 1814, л. 272)[23]. На верных рабов божиих воздвигли гонение лютое и, духом лукавым побуждаемые, стали хуловать их раскольниками, с 1667 г. и при ономъ «титинѣ», «иператорѣ».

Началось шатание на Руси еще до Никона. В 1595 лето Малая Русь приступила к римскому костелу и его ересям и заручную грамоту папе дала. Но, когда исполнилось 1666 лет, тогда заколебался самый великий столп в вере христианской, — заколебался и пал: пал «Никонъ патріархъ и нача собирати многія ереси и развращенныя пути надохненіемъ сатанинъским и совѣтіемъ Арсеньтіемъ, рымъским еретиком греческимъ черницѣмъ; зри въ челобитнои соловѣцких чудотворцовъ… и повелѣ печатати книги со многими ересьми». Ввели и много других беззаконных новшеств. Вечную пагубу, великое смущение и мятеж, а церкви великое озлобление и беды произвели в российской земле еретик Арсений, прельстивший Никона, Никон, прельстивший царя Алексея Михайловича, и царь. Раскольникам, принявшим римские сатанинские нововводства Никона, несть надежды на спасение: «таковыхъ всѣхъ еретиковъ святое писаніе вѣчному проклятію придаетъ, трижди анаѳеме предани» (XLV, 1797, л. 66 об.).

[23] О антихристовых деяниях Петра I вообще писалось много старообрядцами. См. указания у А. Н. П ы п и н а: История русской литературы. Т. 3. С. 341—342.

Что касается тех *ересей*, в которые пала римская и последовавшая за ней великороссийская церкви, то обличением их и защите древлего благочестия много места уделяется в старообрядческих сборниках. Обширное произведение олонецких старцев-староверцев, их 106 ответов, с большими подробностями выясняют и обосновывают свое расхождение с никоновскими «нововнесениями». В других писаниях эти основные положения старообрядства повторяются, развиваются в том или ином направлении, снабжаются дополнительными доводами, — а также добавляются и другие обличительные пункты, дипломатично обойденные олонецкими старцами или позднее вызванные обстоятельствами в жизни старообрядцев. В сборнике Дух. сем., XLV, 1797 приложено несколько рисунков с изображениями церкви еретиков и перечислением ересей душегубительных. Вот на л. 67 изображена «церковь великоросъсейскихъ никоніянскихъ людей великихъ раскольниковъ и отступниковъ отъ благочестія». Рамка с горизонтальными линиями, по бокам по 3 окна. Вверху 5 куполов. На каждом куполе крест с перекладиной посредине и на концах; это — «ришотки и крыжи римъскихъ еретиков, отвѣржены отъ святыя христовыи церкви». Внизу 3 ступеньки ведут к церковным дверям. Направо жертвенник с 5-ю (а не с 7-ю) просфорами. В рамке перечислены ереси. «1 ересь, аллилуія четвирятъ» (— не подобает аллилуйя трегубить, но следует дважды глаголати «аллилуия», а в третий «слава тебе боже»; об этом очень много говорили олонецкие старцы). «2 ересь. о одѣждахъ» (— не строить нелепых одежд, сиречь иноземских или еретических; аще не послушают, да отлучатся и причастия им не давать, кто бы это ни был: царь, князь, воин; аще и смертью будут угрожать, да не убоимся: лучше умереть, чем закон господень и предания святых отец преступит[ь], Там же, л. 71—72). «3 ересь. непостящихся среду и пятокъ во весь годъ». «4. отъ падѣнія ни брегутъ праздниковъ господнихъ и святыхъ. 5 ересь. колѣнонипоклонницы. 6 ересь. въ крещеніи обливаютъ» («такожде творятъ въ великоросъсейскомъ царьствіи, въ малоросіи въ той же ереси вси прибывают: въмѣсто крещенія лжицыю воду на главу возлѣваютъ». Там же, л. 76 об.; о том же говорится в XLV, 1798 и в XLV, 1822). «7 ересь. о бритобритіи» (подробнее см. ниже). «8 ересь. власовъ на глове нипостриженія. 9 ересь. о продажи и куповаиіи дара духа святаго» («сирѣчь берутъ и даютъ за таины церковныя, архіереи берутъ, а людіи даютъ». Там же, л. 80). «10 ересь. о триперстномъ сложеніи сирѣчь о щепотѣ» (— весьма длинная апология двуперстия в «олонецких ответах»; в указанном выше экземпляре на полях многочисленные и безукоризненно выполнен-

ные изображения кисти руки с двуперстным знамением). «11 ересь іисъ (следует «ісъ»: см. в 49-м олонецком ответе статью 13-ю, посвященную «имени ісовѣ». Рассуждает об этом написании и книга Давыда: «сія ересь проповѣдуетъ иного царя, сирѣчь антихриста. Три буквы ісъ проповѣдуетъ св. Троицу, а іисъ — 4 буквы, 2 по 2, проповѣдуетъ 2 рога, 2 рога проповѣдуютъ 2 власти антихриста: царя и святителя», 74 об.). «12 ересь. чай. 13 ересь. табакъ. 14 ересь. малаксова»[24] («благословляти щелчкомъ», 50). «Отъ падѣнія премѣненія крестовъ и множества примѣненія отеческимъ преданіямъ отъ своихъ суетныхъ умышленіевъ. Для воспріятія таковыхъ ересѣй и для премѣненія отеческаго приданія *старопечатныхъ книгъ*, зато таковыя вси называются отъ святаго писанія отступницы, отпадшия, ничистивыи раскольницы и еретицы, прокляты трижды». И еще ересь в иконописании. «Нынѣ еретицы умыслили бутъто зъ живыя писать; да и много у нихъ измѣненія во иконахъ: власы расчесаны и ризы измѣнены, и сложенія перстъ въмѣсто христова знаменія малаксову преданію раскоряку пишутъ щелчкомъ и подъпись измѣнили ісу, пишутъ іисъ порымскому, и много измѣненія во иконахъ. Неподобаетъ православному много и глядеть ни токмо кланятся такимъ неподобнымъ образомъ» (— 89. Ссылка на «челобитную соловецких чудотворцев»). В семинарском сборнике XLV, 1822 помещены «Разъговоры, послѣдовавшія въ 1700-мъ году между двумя старообрядцами. 1-й былъ попувлянъ, а 2-й поморецъ. Первый вопросилъ втораго: для чего вы другъ любезный отдѣлилис отъ великороссійской церкви. И на что второй отвѣчал: покорнейша прошу выслушать свидете[ль]ство отъ божественаго писанія в сих 20-ти пунктах» (л. 72—76). 1—2) Еретическое написание имени «Ісуса» двумя слогами и оскорбление писавших одним слогом. 3) Книги старопечатные и старописьменные опорочены. 4) Хула на изображение Богоматери («уподобляютъ русской бабицѣ»). 5) Хула на крест из трех древ. 6), 7) «двухперстное сложеніе перстовъ порицаютъ вельми злоглаголательно». 8) Обливание при крещении. 9) Отвержены древние антиминсы. 10) Св. мужей Стоглаваго собора возыменовали плевелосеятелями. 11) Стефана Зизания переименовали эфиопом и учеником диавола. 12) Не признают мощей св. мучеников, обличавших на

[24] Ср. в «Скрижали» (Москва, 1656), статью: «Ніколаа сценнаго, малакса, протопопа науплійскаго, о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки сценника, внегда блвити ему хртоименитыя люди». В начале находится изображение благословляющей руки (с. 818—821 ненумеров.). Экземпл. Ирк. дух. сем., XLV, 1816.

судище поганых царей нечестивых. 13) «Константина Панагіата, греческаго учителя, ревностное обличеніе латынских ересей сравнивают с неумством бражниковъ и людей кабацкихъ». 14) Злословят «Книгу Кириллову». 15) Афанасиевы ответы на вопросы князя Антиоха называютъ подложными. 16) Отметаютъ достоверную и чудотворную повесть о Трояне царе и о Фалконилле девице, по смерти спасшихся. 17) «Какое-то в молитвах своих призывают великое имя паче имени пресвятыя Троицы» (!). 18) Порочат одежду иноческую. 19) Пение староцерковное порицают дурным и мужицким. 20) Оправдывают власоращение, париконошение, брадобритие, табакопитие. Все эти положения-ереси подробно освещаются и опровергаются от писания во всех старообрядческих сборниках. См., например, изложение этих и некоторых других пунктов в 38 статьях 50-го ответа олонецких старцев (л. 112 об.—147). Наряду с вопросами, относящимися к жизни церкви и к христианскому уставу, трактуются в той же плоскости и вопросы: о чае, о табаке, об одежде, о брадобритии (или «бритобритіи»). Последнему пункту, «богомерзкой латынской ереси», уделяется много места. «Сія ересь сотворена и вышла отъ проклятого великаго отъ еретика папы рымскаго отъ Петра Гугниваго: наученіимъ отъ блуднаго бѣса ради любодѣянія за женъское за потпупія остригъ браду свою» (XLV, 1797, л. 38 об.). Это тот самый, что повелел «въ ворганы и тинпаны и въ мусикіи въ церкви играти». Он же повелел «без покаянія прощать грѣхи и не беречься всякой скверности и со псами изъ однихъ блюдъ ѣсть» (Там же, 66). Любили рассказать и о том, при каких обстоятельствах стал папа, а за ним все латинское духовенство брить бороды. Об этом интимные подробности передавал философ Панагиот (недаром в порицании его старообрядцы видят душегубительную ересь). «Отъ книги Кириловы, листъ 234. Преніе филлософа Панагіота ко Азимиту философу, отъ божественнаго [!] писанія, отъ философіи, отъ риторики и отъ витіи… — Последи же философъ Панагіотъ ко Азимиту рече: чесо папы ваши и вси церковницы стригутъ брады, рцы ми. Азимитъ. Пріиде агглъ нощію къ папѣ и рече ему: Аще хощеши быти, яко агглъ, остризи браду, понеже аггли безъ брадъ предстоятъ престолу божію. Панагіотъ: нѣсть тако, но солгалъ еси. Слыши Азимите азъ ти исповѣмъ истину». Истина заключалась в том, что женщина, взаимности которой добивался папа, поставила требование: «аще хощеши да пріиду къ тебѣ на ложе, то остризи браду свою». Папа бороду остриг, но женщина насмеялась над ним. Папа, желая прикрыть свой позор, сказалъ духовенству, что голуби, которых он приучилъ к себе на плечо, передали ему волю Божию остричь бороду.

Пусть и прочие духовники последуют ему. «Тояже вы и до днесь держитеся прелести, понеже жена посрамила есть васъ, и бріете бради своя подпупія ради женскаго», — заканчивает свою истину философ Панагиот (из сборн. Троицк. мон.; см. выше под № 7, л. 15—15 об. находится и в других сборн., например в XLV, 1797, л. 78—79).

В бездну греховную вринул великороссийскую церковь богоотступник Никон. Еще больше ересей развилось на Руси при Петре первом. Он назвал себя императором, именем звериным, объединил в себе власть царскую и патриаршескую, — тоже по-сатанински; он ввел гибельную печать антихриста — двуглавого орла, знаменующую две власти антихриста (XLV, 1797, 60 об., 90 об.). При благочестивых царях гербом был крест, а еретиков проклинали и от римского и австрийского («астрицкаго») царства убегали и не принимали их начертания двуглавого орла. «А когда Росея, руской народъ отпали отъ благочестія и въпали вовъ ничестія, въ проклятыя въ ереси, въ лѣто 1667, и по отпаденіи чрез колико время насталъ въ руской земли царь ничестивыи, отпадшій Петръ Алексеивичъ и сей царь приклонилса вовъ едино мыслія къ Рыму и Острицкому инператору, къ рымъскому католическому закону и възя ихъ обычая гербъ двуглаваго начертаннаго орла… и сей царь Петръ Алексеивичь въвелъ вовъ Росею чистоту въ воинстви, сирѣчь штатъ, а во штати три погибѣли душевыя: первое — ересь щепотъ, вторая ересь — богомерское бритобритія, третія ересь — нимѣцкое платія и въ семъ во проклятомъ в штату весь народъ росейской земли души ихъ въ погибилъ идутъ» (XLV, 1797, л. 92 об.). Петр I знаменует собою двурожного зверя: первый рог — его отец Алексей Михайлович, «он же Никону-дьяволу в нарушеніи благовѣрія помощникомъ учинился», а второй рог — сам Петр. Сей Петр все остатки благочестия до конца испразднил. Он в короткое время все языческие обычаи поганских вер возобновил: это показуют самый вид и действия его: брадобритие, ношение одежд и проч. А по описи народной разделил народ на чины, размежевал землю и реки и всякие усадьбы и завещал каждому наблюдать за своей частью, — другому не давать, и этим создал враг междуусобную брань, свару и бой в людях. Раздоры начались и в купле, и в продаже от введения чинов и уставов. По уставам латынским немецких стран он заставил людей пещися о богатстве и о тщетной славе. А это все значит: непрестанно «со оною дщерію вавилонскою совокупляяся блудити и ис чаши ея мерзостію сребролюбіемъ грѣха упиватися». А народная перепись Петра — послушайте пророческое слово св. Ипполита: «на кійждо градъ пошлетъ и взаконенія по всѣмъ странамъ с бѣсы же и с чювст-

венными человѣки». Петр антихрист, «подкидышъ дьяволовъ» (XLV, 1814, лл. 248—251, 253 об.).

П о в и н о в а т ь с я в л а с т я м придержащим должно по писанию. Но, учат некоторые из книжников, не все их приказания следует выполнять: нельзя губить свою душу, выполняя богопротивное повеление властителя. И Иосиф Волоколамский пишет, «еже подобаетъ повиноватися властем, кромѣ еже повредитися благочестію» (из отдельного рукоп. старообрядческ. листка).

Противно святой церкви, говорят некоторые, отдавать сынов своих в нечестивое в о и н с т в о и деньги по душам собирать на п о д а т и (см. выше).

Мысль о близости дня судного, о наличности всех знамений пришествия антихриста не покидает старообрядца и в XIX веке. В семинар. сборнике XLV, 1798 сделан в конце одной страницы перечень государей «отъ римскаго поколенія», от Екатерины I до Павла, Александра, Костянтина, Николая, Михаила. «Толико Россія отрину турецкаго владѣнія, щитая отъ Азова, Крым, Герсон, Адестъ уже владычаствует; узревый Ездра гордыи времена і се кончина сут беззаконія его исполниша» (ср. передачу Херсона посредством «Герсон», по-видимому, в языке писавшаго *г* произносился не взрывно, а длительно, т. е. так же, как у семейских в конце вм. *г* произносилось не *к*, а *х*, отсюда путаница в передаче такого *г* и *х* посредством одного знака). А Иван Легостаев восклицает за Байкалом-морем: «Нынѣ что [въ Россіи] есть? не антихристъ ли изыде изъ Ерусалима или отъ Рима и в Россію пришелъ есть (Беседословие, 25 об.). Вся вселенная во отступлѣніи есть (Там же, 29). И да вѣси, христолюбіе, яко вся христіанская царства пріидоша в конецъ и снидошася во едино царство государя нашего по пророческимъ книгамъ… Зритѣ мужіе и братіе, время нынѣ плачевное и толико скорное, должны другъ о другѣ соболѣзновати и оплакивати» (Там же, 30—31).

В старообрядческих сборниках сообщаются нередко сведения из п р о ш л о г о ревнителей древлего благочестия. Эти сведения касаются исключительно темы страданий, перенесенных от гонителей, — великороссийских властей, духовных и светских. Рассказывая о гонении на неприемлющих никоновских нововнесений, списатель вспоминает гонения на христиан и в первые века христианства: как там, так и здесь гонители — неверные идолопоклонники, богоотступники. Трогательно и витиевато рассказана история об осаде и разорении Соловецкой обители. Семь с лишним лет выдерживала осаду богоспасаемая киновия. Измена одного из братии отдала ее на

разорение лютому воеводе Мещеринову. Много пострадало, было замучено до смерти «преподобныхъ старецъ». Во второй части истории сообщены подвиги страдальцев за древлее благочестие по разорении соловецкой киновии. Так, диякон и еклисиарх соловецкий Игнатий — «сей единъ отъ соловецкія киновіи изыде и со многими ко Господу взыде. Въ Палеостровстѣмъ монастыри со двѣма тысящьма и седми стами собравшихся за древнее отецъ благочестіе отъ присланныхъ войновъ сожженъ». «Германъ смиреномудрый и крѣпкій… таже со многими собравшимися яко с тысящію и пятьми стами в вышереченнѣмъ монастыри отъ воиновъ пріѣхавшихъ огнепаленіемъ отъ здѣшнихъ в будущая преселивыйся добрѣ». Много и других отцов и истинных христиан отдало жизнь за древлецерковные законы и за обличение новин приложение к «олонецким ответам», семинар. ркп. XLV, 1814, 256—256 об.

Гонения на непризнавших новин Никона не прекращались и в последующие десятилетия. Хула, изгнание, пытки, темничные заключения, усекновения, сожжения выпали на долю стоявших за непременность древлего благочестия. При втором носителе звериного числа 666, при императоре Петре I, гонения на «староверцев» со всей остротой напомнили им опять о пришествии антихриста, о последних днях мира. Горячие обличения Петра заключает в себе семинар. сб. XLV, 1814 (ср. выше). Все деяния Петра — деяния антихристовы, по Писанию. Сказано в Писании, что антихрист некоторое время будет терпимо относиться к истинным христианам и дарует тем «льстецъ малыя снѣди, печати ради своея скверныя». И Петр даровал эту малую снедь. Он допустил на короткое время свободное исповедание старообрядцами своей веры, свободное разглагольство с их противниками. Но не долго продолжалось это время, «яко малу нѣкую снѣдь почавкали». Указом 1716 г. февраля 8-го дня по общей переписи старообрядцы должны были платить двойной оклад[25], но в делах веры оставались свободны. Указом 1722 г. сентября 24 дня эта свобода у них отнималась: воспрещалась свободная проповедь, а их книги названы раскольническими и должны быть отобраны (сообщен и указ этот, «духоборца глаголъ», л. 272—273). Назвав эти книги раскольническими, «прескверный онъ адскій несъ вѣсь соборъ святыхъ съ самѣмъ Господѣмъ охулова». Народная опись — печать антихристова для печатания народного: ибо последователи древлецерковные, желая вписаться в оный *раскольнический* оклад, должны прийти к чувственным бесам императора и, кланяясь, просить о на-

[25] В Тобольской губ. старообрядца называют *двоедан*.

чертании себя в оклад раскольников, «и тако симъ подобіемъ пріяша печать антихристову, сирѣчь раскольниками ся нарекоша, и тѣмъ его обоготвориша, а себя же въ отступники вложиша». Но ревнители правой веры твердо помнили писание: «зане Господь Богъ чрезъ ангела своего, утверждая люди своя, глаголя: не пріимати антихриста онаго в царя себе, сирѣчь въ покореніе ко оному императору (!) во опись его не вдаватися» (л. 279—280, 289), — и полилась кровь страстотерпцев, пролитая сим зверем. «Глаголютъ нѣцыи, яко отъ онаго лѣта 722 до Екатерины третія описи оно ихъ старовѣрческое ученіе острѣе виннаго шинкарства и денижнаго мастерства отъ него, антихриста, надзираемо содѣяся»: отыскивали потаенных раскольников, древние книги и оные на огне сжигали, непрестанно к щепоти привлекали и насильно еретически причащали» (л. 274 об. — 275, 289). Стойкие ревнители и отцы благочестия не покорялись титину и обличали его беззакония. Они не подклонились под печать антихристову, не начертались раскольниками. А он, лютый мучитель, «таковымъ горла оловомъ заливая, инѣмъ же уста кляпами забивая» (294 об.), гнал под свою печать. Много в то жестокое время правоверных христиан смертию живот свой запечатлело, «и яко же о сибирскихъ страдальцѣхъ исторія показуетъ», настало последнее время; «блаженъ иже Христа ради съ радостію тогда мученіе пріимѣтъ» (л. 300).

Заблудшиеся еретики старопечатные книги опорочили, назвали их «старогадками и старопачканными» (3-й пункт «Разговора» в сб. XLV. 1822). «Как говорил Никон, адов пес, так и сделал: “Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому”» (Житие Аввакума). В олонецких (поморских) ответах подробно перечисляются отступления в тексте новопечатных книг (в рукоп. экз. на л. 173—177). Обличая «еретическую блудню» (прот. Аввакум), защитники древлего благочестия православного «обкладывались» писанием старописьменным и старопечатным, неискаженным. Составлялись списки книг, в особенности чтимых старообрядцами. Такой список, хотя и далеко не полный, находится в сборнике XLV, 1798 «О книгахъ благочестивыхъ». Перечислены следующие книги: Стоглав, книга святого Кирилла Иерусалимского («заложена 7121 лѣта, совершена же 7152»), «книга о вѣрѣ въ лѣто 7156, кормчая въ лѣто 7161, въ первое лѣто царя Алексѣя Михайловича напечатанъ служебникъ» (в том служебнике при конце приложено поучение «еже православным християном брад не брити»), «въ лѣто 7137 напечатанъ въ Москвѣ потребникъ, грамматика напечатана въ Вилне 7103 лѣта, четія минея макаріевская». В перечне сделаны ссылки на «Розыск» Димитрия

Ростовского и на «Пращицу» Питирима[26]. Оттуда и указаны эти книги, для укорения вероятно противников. Конечно, этот опыт старообрядческой библиографии крайне не полный. В каждом старообрядческом писании сделаны заимствования и ссылки на очень длинный ряд книг старописьменных, харатейных и старопечатных. В позднейших своих писаниях старообрядцы не стеснялись пользоваться соответствующими данными и из книг русских югозападных писателей (ср. выше).

Кроме тем, посвященных расколу, в письменности старообрядцев вообще и забайкальцев в частности представлены статьи и религиозно-нравственного, духовно-назидательного содержания. Материал для этих статей черпается исключительно из памятников славяно-русской письменности. Тут находятся выписки из «Златаго бисера многоцѣннаго» о чтении книжном, о зависти и ненависти, из книги «Измарагд» о житии, о творящих пиры-банкеты, о поганских обычаях, о незабытной памяти и др., из книги митроп. Даниила «О еже како жити по уставу святыхъ отецъ», разные наставительные статьи из «Андриатиса» о наказании развращенных и о хульниках и др., из «Златоструя»: о добродетели и о злобе, о рассуждении и неразумении, о любви и о дружестве («внимай любезное чадо и милыя любезныя друзи»), о попах, не учащих людей, о сквернословии, как в церкви стоять, как посреди мира спастись и др. Брались статьи из Патерика, из Толковой псалтыри, из Зерцала великого, например «како не терпитъ врагъ діяволъ идѣже союзъ любве и сего творити безсиленъ творити человѣки, паче же бабами», из Кормчей, например о браках, из разных соборников. Имеются выдержки из книг более позднего времени, — из «Феатрона», из «книги Барония» и др. — Таков в общем состав духовно назидательных статей, находящихся в старообрядческом, по всей вероятности, забайкальском сборнике Дух. сем. XLV, 1798. На те же темы и из тех же сочинений подобраны статьи и в других сборниках. Религиозно-назидательной же цели служили давние славяно-русские апокрифы

[26] Розыскъ о Расколнической брынской Вѣрѣ, о Оученіи ихъ, о Дѣлахъ ихъ и из'явленіе. Въ Москвѣ, 1755. Глава 8-я в 1-й части «О книгахъ же старыхъ и о книгахъ новыхъ» (Пользуемся экземпляром Ирк. дух. сем., XLV, 1786. Там находится 5 экз. этой книги. На одном имеются позднейшие рукописанные заметки). Пращица противо вопросовъ расколническихъ. В Москве, 1752. В разных местах этой огромной книги указываются старопечатные (и новопечатанные) книги (пользуемся экземпляром Ирк. дух. сем., XLV, 1721. Имеется 5 экз.).

и их переделки. Иногда на апокрифы старообрядческий книжник ссылался при доказательстве того или иного положения относительно «древлего православия» или для обличения какой-нибудь «римской бляди». Для него и писание отца церкви, и каноническая и неканоническая книга, апокриф имели одинаковое значение. Отголоски апокрифических сказаний во взглядах старообрядцев, в частности семейских, можно наблюдать и в настоящее время. Вот тетрадка (XIX в.) Троицкого монастыря, отобранная у старообрядца. Она вся занята апокрифами и повестями. Тут находится «Беседа трех святителей», дающая огромное количество сведений читателю на самые глубинные вопросы. Например: «Вопрос. Сколько лѣт Богородица поживѣ. Отвѣт. Седмьдесятъ два лѣта. Вопрос. Кто Богородицу крести. Отвѣтъ. Петръ апостолъ. Вопросъ. Кто діяканъ отмѣтникъ, пѣвецъ блудникъ. Отвѣтъ. Діаконъ отмѣтникъ Петръ апостолъ, пѣвецъ блудникъ царь Давидъ. Вопрос. Что у Бога нѣтъ. Отвѣт. Неправды. Вопросъ. Что небесная высота, а земная широта и морская глубина. Отвѣт. Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. Вопрос. Отъ чего солнце сотворено. Отвѣтъ. Отъ свѣтлыя ризы своя господни и отъ огня. Вопрос. Отъ чего аггли сотворены. Отъ духа святаго и отъ огня» и много других вопросов и ответов. Далее следует разговор мальчика с философом, проникнутый отрицательным отношением к «свецкому знанию». Философа во всех пунктах «разговора» побивает мальчик. Например: «Малчикъ спросилъ: кто ученнѣе всѣхъ въ свѣтѣ. Отвѣтъ. Книжникъ: кто много читалъ книгъ и знаетъ свѣцкое житіе. Малчикъ: неправда: а кто читалъ одну книгу и довольно знаетъ себя. Книжникъ сказалъ: изрядно; слушай, дружокъ, когда ты столь свѣдомъ о Богѣ, то скажи мнѣ, что Богъ дѣлалъ до сотворенія мира. Малчикъ: готовилъ адъ, чтоб его наполнить тѣми, кто о семъ безполезно любопытствуетъ» и т. д. В той же тетрадке читатель мог узнать «О хъмѣлномъ питіи, отъ чего уставися горелное вино душепагубное. Братіе, послушайте сего благовѣстія и разумѣйте, что хмѣлное питіе отъ бѣса сотворено на пагубу душам православным христіяномъ и на вѣчную муку». Следовало повествование, как сатана, чтобы противодействовать распространению христианства, послал на землю пьяного беса, а этот бес нарвал на горе травы (на полях замечено: «хмѣлю»), коей была прельщена Ноева жена, и показал одному человеку, как варить хмельное питье. Сварил человек хмельное питие и отослал царю. Царю понравилось оно и через него распространилось в народе. «И разнесе то піяное питіе въ Цыцарію и в Литву и по всѣмъ царствамъ и странам. Потомъ на кончину вѣка сего и к намъ пріиде в рускую страну на погибель душамъ христіянскимъ

и на вѣчную муку. И потомъ пріиде в рускую страну злая брань матерная на осквернѣніе земли и воздуху и всей твари. И затѣмъ пріиде в рускую страну антихристово питіе сухая табáка, въ нейже наипаче человѣцы повредишася… Святіи отцы отрекоша с таковыми ни ясти, ни пити, ни вкупѣ богу молитися, яко отъ врага укрѣплены занеже то первая пѣчать антихристова и знаменіе пришествію его».

Из сборника Дух. сем., XLV, 1798 книжник мог дать ответ своей братии на такие вопросы: «Что есть небо. Отвѣт. Престолъ божій. Вопрос. Что есть солнце. Отвѣт. Огнь небесный, сила содержателна всѣхъ свѣтилъ» и др. Тут же: «Вопрос. Что есть вѣра» и др. В том же сборнике помещены занимательные и вместе с тем пророческие 12 снов царя Мамира и их протолкование. Эти «сны» отвечали старообрядческим ожиданиям пришествия антихриста и взглядам на окружающее как на мерзость запустения, реченную пророком. 2-й сон: «Видѣхъ тѣло наго страшно стояща. И отвѣща философъ ко царю: Будетъ время зло велми; тогда людіе облекутся во одежди необычныя и чюжія, и жены возлюбят одежды нелѣпыя, нагія и блудническія на прельщеніе малоумным. И тогда мало начнутъ добра творити: вси уклонятся в прелесть мира сего». 10-й сон: «Видѣхъ гору велми высоку, а ней лежит камен велми красенъ, гора развалилася, а камен разсыпался. И рече философ ко царю: То будут в нѣкоей стране царьство православное и многія люди отъ православныя вѣры отпадут и царьство то раздѣлится и пакі уставится на мало время, и тогда скоро будетъ скончаніе миру». К концу мира относятся и 2 последние сна. В конце в скобках составитель сборника заметил: «зри в книзѣ мефодія патарьскаго сія нужды и бѣды [перед кончиною мира] вси описаны». В том же сборнике имеются «Написанія Аѳонасія мниха іерусалимскаго к Панкови о древѣ разумнѣмъ добру и злу (Кормчая старопис., л. 566)» и «того же Афанасіа о наузѣх і о стрѣлѣ громнѣи».

Любили почитать старообрядцы и «Страсти Христовы». Это апокрифическое произведение имеется например, в сборнике, переписанном П. Овчинниковым (наход. в Троицком мон.). В библиотеке Иркутской духовной семинарии (XLV, 1817) имеется печатное издание: «напечатася въ типографіи супрясльской, въ лѣто **зтге**» (— **г** по опечатке вм., вероятно, **к**, т. е. от Р. Хр. в 1817 г.). Книга принадлежала раньше «раскольнику Артемію Трифанову» (пометка. В той же библиотеке находится и рукописный (XVIII в. или нач. XIX в.) экземпляр «Страстей» (XLV, 1824). Того же времени рукописный экземпляр «Страстей» принадлежит библиотекарю Иркутской городской библиотеки Н. С. Романову. Были ли эти 2 экземпляра в употреблении у семейских, мы не знаем. Заметим еще, что в экземпляре

Н. С. Романова за «страстями» помещена *Лѣтопись Великаго Устюга* (18 стр.); а из В. Устюга и вообще из той области шла в Сибирь основная колонизационная волна, как об этом свидетельствуют данные диалектологические и исторические[27]. Поучительны и *мытарства*, пройденные душой Феодоры. Путь мытарств — напоминание живущим о греховности их жизни и об исправлении ее. А сколько греховных терний растет в грешном мире! И все греховное, содеянное человеком в земной жизни, предстанет перед его душой на том свете. Вот, к примеру, «пятое на десять мытарство: всяка ересь иже вѣруютъ въ стрѣчу и в чехъ, и в полазъ, и во птичій грай, и в ворожбу, и басни баютъ, и в гусли гудутъ» и т. д. (приложение к старообрядческому рукоп. чину погребения. Ирк. дух. сем., XLV, 1802).

К религиозно-назидательной книжности старообрядцев очень близки по своему содержанию *духовные стихи*. Они отличаются от религиозно-нравственных статей только своею формой. Духовные стихи у забайкальских старообрядцев, как и у других их собратий, распеваются не только лицами, знающими грамоту, но и неграмотными, наизусть заучившими стихи со слов других. Распеваются они старыми и молодыми, мужчинами и женщинами. Расхваливали мне одну бабочку в Тарбагатае: шибко жалостно стихи поет, в особенности когда ей «воточки» поднесут. Многие к ней ходили учиться стихам. Что касается содержания духовных стихов семейских, то оно общее с содержанием стихов, распеваемых старообрядцами и на Помории, и в Стародубе, и Ветке. Одни стихи посвящены расколу в русской церкви, отражают настроение гонимых старообрядцев, их жалобы и вопли, — чем полны были их «житія», челобитныя, послания. В тетрадке Троицкого монастыря (где «Беседа трех святителей») находится стих «О озлобленіи каѳоликовъ». Рассказано о гибели на Руси древлего благочестия, о победе змия седмиглавого, зверя десятирогого, испустившего свой яд в кафолический красный вертоград. Мрак объял землю русскую; солнце скрыло свои лучи, луна и звезды померкли, и бездны все содрогнулись. Изменились злобно все древние святые предания. Все пастыри в еретичестве потонули, а верные из отечества изгоняются, — царит там вавилонская

[27] Среди устюжан в Сибири были и хорошие переписчики книг. Один из таких переписчиков исполнил для криволуцкого разночинца (Киренского у. Ирк. губ.) сборник поучений, в 168 л. в восьмушку. «Сія стая Бгодухновенная и нравоучителная книга криволуцкой волости разночинца Петра Иванова сна Кузакова, писалъ сію книгу города Устюга великаго Василеи Григорьев Новоселцовъ, а писана 1756 г. Апрѣля 13». — Из собрания М. П. Овчинникова в Иркутске.

любодейница и поит всех из чаши мерзости (ср. изображения в ркп. XLV, 1797). Вместе с тем слышится глубокая скорбь и надрывающий душу плач изгнанного, покинутого человека, бродящего в мраке без наставника и учителя. Исход скорби в одном — в удалении от мира. «Ты пари, душе, в чащи темныя от мирских сует удаленныя!».

По грехом нашим на нашу страну
попусти Господь такову беду:
облак темный всюду осени,
небо и воздух мраком потемни;
солнце в небеси скры своя лучи,
и луна в нощи светлость потемни,
но звезды вся потемниша зрак,
и дневный свет преложися в мрак.
Тогда тварь вся ужаснушася,
но и звезды [вм. бездны] вся содрогнушася,
егда адский зверь разрешишася,
от заклеп твердых искочи нагло.
О, коль яростно испусти свой яд
в кафалический красныи вертоград.
Зело злобно тогда враг [возреве], —
кафалический род мучить повеле:
святых пастырей въскоре истреби, —
увы жалости! огнем попали,
и [четы] иноков уловляхуся,
злым казнением умерщвляхуся;
всюду вернии пожинаеми.
Тогда вернии горце плакаху,
зело жалостне к Богу взываху:
время лютости, Боже сохрани [сократи],
от мучительства злаго защити;
аще не твоя помощь сохранит,
и избранных всех адский змий прельстит.
Ох увы, увы, лютых тех времен!
Ох увы, увы, скорбных оных дней!
Како лютый зверь нас погуби,
вся древеса вскоре попали.
Аще помянем благочестие,
пресветлое правоверие,
егда процветал крин церковный,
тогда зело облистал чин священный, —
то не можем быть без рыдания
и без скорбнаго воздыхания.
Охъ, увы, увы, древнее правоверие!
Кто лучи твоя тако вскоре сскры [потемни],

кто блистания тако измени?
Десятирожныи зверь сие погуби,
седмоглавны змий тако учини,
весь церковныи чин зверски прекрати,
вся предания злобно истреби,
церкви божия искоренишася,
тайнодействия вся лишишася,
но и пастыри попленишася,
жалом новшества умертвишася.
Зело горестно о сем плачемся.
Увы бедне[ые], вси сокрушаемся,
что пастыри посмердишася,
в еретичестве потопишася.
Оле бедности, нам без пастырей!
Оле лютости, без учителей.
По своеи воли вси скитаемся,
от зверей лютых уязвляемся
всюду верьнии утесняеми,
от отечества изгоняеми.
За грехи наши днесь родимся,
в таковы беды попустимся.
Почто в юности мы не умрохом?
Избежали бы лютых сих времен.
И мы горце вси всегда плачемся,
прелюбезне [преболезно] вси сокрушаемся.
Вавилонская любодеица
и прескверная чародеица
под прикрытием малы сладости
и предотеча вр[л?]ивает всем чашу мерзости.
И мы, слабии, тем прельщаемся,
сластолюбием уловляемся.
Увядает днесь благочестие,
процветает все нечестие,
лжеучители почитаются,
на кафе́драх вси возвышаются,
верных собори истребляются,
сонмы мерзости умножаеми.
Вся пророчества совершаются.
И чего еще хощем ожидать,
посреди мира долго пребывать?
Уже жизнь сия скончавается,
и день судны приближается.
О, ужаснись, душе, суда страшнаго
и пришествия всеужаснаго!
Окрылись, душе, крылы твердости,

растерзай, душе, мрежу прелести.
Ты пари, душе, в чащи темныя,
от мирских сует удаленныя.
Постигай тамо верных мал собор,
укрывающи[хся] посреде холмов.
не страшись, душе, страха тленнаго.
Убойся ты огня вечнаго.
Изливай, душе, реки слезныя,
простирай к Богу молбы многия,
крепко всегда уповай,
во веки его прославляй.
Аминь.

Этот стих совпадает, за незначительными отклонениями, со стихом, находящимся в тетрадке (XIX в.), приобретенной Вс. И. Срезневским в Заонежском крае (хран. в рукоп. отд. б-ки Академии Наук, № 21. 8. 3). Рукопись приобретена им из рук лица, принадлежащего к числу бегунов, или странников. Много выдержек из нее напечатано в издании В. Бонч-Бруевича: «Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола» (Вып. 1, СПб., 1908). Этот стих поется не одними бегунами, но вообще старообрядцами; поэтому нельзя пользоваться им, как и другими, напечатанными Вс. И. Срезневским, чтобы «съ одной стороны характеризовать міровоззрѣніе и идеалы бѣгуновъ, съ другой ихъ отношеніе къ православію и старообрядчеству» («Материалы», 229). В тех же словах «воспоминание преболезненное об озлоблении кафоликов» передают и старообрядцы Ярославской губ.: ср. текст, напечатанный в «Живой Старине» 1906 г., вып. 1, с. 49—51. Отклонения представлены немногими словами. То же «из рукописи поморцев» напечатано было В. Варенцовым в «Сборнике рус. духовных стихов» (СПб., 1860, 179—183). И на западе России, на Ветке, также известен стих о погибели благочестия на Руси (Напечатан в «Живой Старине» 1907 г., вып. 3, с. 145—146). При этом надо заметить, что такого совпадения, какое обнаруживается в вышеуказанных четырех записях, ветковская псальма не представляет. Некоторые стихи тожественны, но не все. В ветковском варианте реальнее представлена гибель православия, чем в неопределенных восклицаниях и сравнениях первых указанных записей. Кроме того, в ветковской псальме указан составитель ее: «Бахксизм при нарушении веры, от отступника Никона, бывшаго патриарха. Сия псальма составлена преосвященным Анфимом епископом, который бежалъ за р. Дунай с донскими казаками, сиречь некрасовцами».

Событиям начала раскола посвящен «Стих соловецких чудотворцев», находящийся в рукописи (XIX в.), доставленной в 1871 г.

П. А. Ровинскому одним крестьянином из с. Тарбагатая (Известия Сибирского отдела русского географического общества. Т. 4. № 2. С. 105—106). В этом стихе вспоминается поход и осада Соловецкой обители. Обстоятельства осады и взятие обители, представленные в стихе, не соответствуют тому, как это передано в «Истории». Точнее представлены события в другом варианте этого стиха, найденном в Ветке (напеч. в «Живой Старине» 1907 г., вып. 3, с. 147—148). Вот стих из тарбагатайской тетрадки:

Что во славном было царстве
во московском государстве,
перебор был боляром,
пересмотр воеводам.
Из боляр — боляр выбирали,
в воеводы посадили.
Что еще выбирали воеводу
Петра сына Алексеича,
еще роду не простова
господина Салтыкова.
Посылали воеводу
к соловецким чудотворцам,
монастырь их разорити,
стару веру раздрушити,
старыя книги изодрати
и всех старцев прирубити,
в синее море пометати.
Что возговорит воевода:
«Что не льзя, сударь, зорити
невозможно и подумать
на святое его место».
Что возговорит государь
царь Алексий Михайлович:
«Ты, доброй же воевода,
я велю тебя сказнити,
руки-ноги отрубити,
буйную голову отпилити».
«Погоди, сударь, казнити.
Прикажи речь говорити.
Дай же, сударь, силы много,
стрельцов, бойцов и солдатов».
Что садился воевода
он великий во стружечки.
Потянули буйные ветры
со полуденной страны.
Приносило воеводу

к монастырю тому святому,
ко игумену честному
и ко храмому ко святому.
Что стреляет воевода
во соборную божию церковь.
Уронил он, воевода,
Богоматерь со престола.
И все старцы испужались,
по стенам пометались,
во едино место собирались,
во едино слово говорили:
«И мы головы положим,
мы по старому послужим,
вечно Богу слуги будем
и с Ним во царствии пребудем».
Во московском было царстве,
отворились царския двери,
воскричали, возопили:
«Уже есть ли у нас караулы!
Посылали б поскорее,
монастырь бы не зорили,
а старцев не рубили,
и веру не рушили».
Что возговорит игумен:
«Вы духовныя мои дети!
Уже вы стойте, не сдавайтесь,
за Христа Бога умирайте.
Аминь.

Слово в слово (кроме 3—4 слов) совпадает этот стих со стихом в тетрадке одной женщины д. Устья Печорского у. (напеч. Н. Онучковым в «Живой Старине» 1907 г., вып. 3, с. 80—81). Ср. и в «Беломорских былинах» Маркова (с. 470). Небольшие отклонения представляет и стих, напечатанный Бессоновым по рукописи из Коломны («Калеки перехожие». М., 1861. С. 679—680).

Не Салтыков, а Мещеринов разгромил соловецкую киновию. В ветковском варианте Салтыков отказался, а лютый Мещеринов поехал. Конец был иной. В ветковском варианте все рассказано согласно с «Историей». «И киновіи жилища опустошишася, кѣліи испразднишася, болница праздна возлежащихъ являшеся. Пусты святыя церкви молящихся киновіатъ, пустъ монастырь своихъ жителей показася. Исполнишася окрестныя обители на отоцѣ, наполнишася луды и морьстіи брези тѣлесъ мертвыхъ висящихъ и на земли лежащихъ; земля отока и каменіе обагрися неповинною кровію препо-

добныхъ» («История», л. 247 рукописи XLV, 1784). «Воевода киновію взя генваря въ 29, в первый час мясопустныя суботы и вся жители елико иноческаго елико мирскаго чина и убіенныхъ тѣлесами и неповинною кровію святое окропи мѣсто» (Там же, 248). У старообрядцев имеется изображение осады и разгрома Соловецкой обители: с одной стороны обитель, с другой три пушки по ней палят; перед пушками три солдата стоят; солдаты одеты в форму более позднего времени; на возвышении на перекладине висят монахи, повешенные за шею, за туловище, за ноги; посредине стоит воевода; в стороне тела убитых монахов; в отдалении скачут посланцы с пакетами. См. это изображение, например, в старообрядческой хрестоматии «Старая вера» (М., 1914. С. 113).

В других духовных стихах отражается настроение старообрядца, его отношение к миру соблазна и пустых треволнений, памятование вечных мучений. Сообщаемые ниже духовные стихи, хотя являются излюбленными у старообрядцев, но не составляют исключительно их достояния: те же стихи распевались и распеваются и нестарообрядцами. Вот стих об *Иосафате царевиче индийском*. Главный мотив этого стиха — бегство от мира прелести, от «покоев светлых и чертогов, славы и чести премноги», — бегство на лоно прекрасной матери-пустыни. Этот стих поется повсюду у старообрядцев. У забайкальских старообрядцев могу отметить 2 типа стиха: 1-й в рукописи первой половины XIX в., переписанной П. Буровым (Дух. сем., XLV, 1822, см. выше); 2-й — в записи 1901 г., сделанной Н. П. Протасовым в с. Окино-Ключи (Верхнеудинского у.) от старообрядца Лазаря Судомойкина. Запись эта находится в большой тетради записей народных песен, сделанных Протасовым в Забайкальской области. Тетрадь принадлежит Иркутской архивной комиссии[28]. Из сборника Бурова:

Стих Иосафа царевича в пустыню вход

Боже отче всемогущей,
боже сыне присносущный,
боже душе параклите,
многозарный миру свете
В триех лицех пребывая,
существо си тожде зная!
К тебе грешный притекаю,

[28] За возможность воспользоваться этой рукописью благодарю глубокоуважаемого председателя Комиссии Мих. Павл. Овчинникова. Из той же рукописи нами сообщены ниже стихи — «Плач Адама», «Страшный суд» и «Борис и Глеб».

многия слезы проливаю;
благоволи мя прияти,
еже тебе работати,
да не леже [донележе] даси жити
выну твой раб хощу быти,
да мя сей мир не прельщает,
любви к тебе не лишает.
Иду внутрь тя обитати,
ты ми буди, яко мати.
Питаеши древес плоды
и былными дивии роды.
В лесы темны ис полаты [-ей]
светлых иду обитати.
Из града гряду во пустыню,
любя зело в ней густыню,
да ту един обитаю,
едину ти работáю.
Ты ми изволь помощь дати,
во пустыни обитати.
тесным путем идти чтуся,
да в пространстве водворюся.
Царский венец мне ничтоже
тебе ради Христе Боже.
Сладки чаши оставляю,
токмо твоих вод желаю.
того хощу аз искати,
скорби, нужды зло страдати.
Во уметы вся вменяю,
тебе, Христе, подражаю.
нищь и убог хощу быти
да с тобою могу жити.
Кроме тебе мне ничтоже
лет творити благо, Боже.
ты сей путь сам направи,
да живу ти, сам настави.
Дивных зверей аз боюся,
но на Христа надеюся,
на ньже весма уповаю,
всего ему мя вручаю,
яко имать укротити
и подаст ми мирно жити.
Тех ми паче умни звери,
иже суть злы без меры[29],

[29] Ср. рифму — зве*ри* | безме*ры*, указывающую на близость *ри* и *ры*.

ибо душу убивают,
егда ону в грех прельщают.
О[т] тех мне спаситель
Христос будет защититель
То есть ми требе,
что нам Бог хранит в небе.
Светла небо, в нем же сладость,
бесконечна и вся радость.
Мира славу, сребро, злато,
цену имам яко блато.
Желаю же аз Варлама,
дабы жити купно нама,
да им аз наставлюся,
живу Богу и спасуся
всегда и ныне и присно и во веки.
(л. 74—75 сборника).

Тот же тип стиха находится в тетрадке из с. Тарбагатая (Известия Сибирского отделения Русского географического общества. Т. 4. № 3. С. 131—132) и в тетради заонежского бегуна (Библиотека Академии наук, № 21, 8, 3; см. в «Материалах» Бонч-Бруевича, вып. 1, с. 234—235). То же записано от старообрядцев Ярославской губ. (Живая Старина. 1906. Вып. 1. С. 55—56). Тот же стих напечатан Бессоновым («Калеки перехожие». С. 259—268) по рукописям, по печатному изданию «Истории, или повести, о преп. о. Варлааме… и о Иоасафе» (М., 1681) и по устным записям. О рукописях с этим стихом см. в труде В. Н. Перетца «Историко-литературные исследования». Различия во всех этих записях незначительны: они сводятся к некоторой перестановке стихов и немногим словам и формальным окончаниям. «Молитва святого Иосафа царевича Великий Индии, в пустыню входяща» взята в старообрядческую хрестоматию «Старая вера» (М., 1914, с. 292—293).

Запись 1901 г. в с. Окино-Ключи Верхнеуд. у.

О прекрасная мати-пустыня,
приими мя во свою частыню.
Яко мати свое чадо,
научи мя на все благо!
Любимая моя мати,
потщися мя восприяти,
во тихое пристанище,
безмолвное недро свое.
Всем сердцем желаю тя,
и в день и в нощь поминаю тя.

На царския палаты
не хощу я взирати,
зане тамо богатство
не будет мя искупляти;
а ризы же и чертоги,
аще и светлы, но тленны.
А честь моя и слава же,
вся земная и суэтная
вся эта я оставляю
и душу им не прельщаю.
Покоев светлых и чертогов
славы же и чести премноги
бегаю, аки от змия.
Пустыня моя, приими мя!
Отвращуся сего света,
пребуду в тебе все лета.
О, прекрасная пустыня,
в любовь свою приими мя.
Не страши мя своим страхом,
да не в радость будет врагом.
Егда пойду в твои лузи
зрети различныя цветы,
дивен бо прекрасный сад,
и жити в нем всегда я рад.
Оставляю я мир прелести
и буду, аки зверь дикий,
один в пустыни обитати,
день и нощь созерцати,
сего света прелести, —
душу хощут в ад свести,
вринути в пропасть темную,
во огненны муки вечныя.
Всегда мя враг прельщает,
своя сети поставляет.
О, прекрасная пустыне,
от всех суетных изми мя!

Тот же тип стиха находится в поморском сборнике первой половины XIX в. (рукоп. отд. Библиотеки Академии наук № 33. 15. 217; см. в «Материалах» Б.-Бруевича, I, 232—233). В таком же виде этот стих передавался и передается и в других местах: ср. тексты, изданные Бессоновым («Калеки перехожие». С. 240—249) по устным записям и по рукописям. Ранний вариант этого стиха был помещен в печатном изд. «Истории о житии св. преп. Варлаама и Иоасафа» (типогр. Кутеинская, 1637; у Бессонова с. 249—250). О типах стихов о

Варлааме и Иоасафе и генезисе их см. в статье А. П. Кадлубского «К истории русских духовных стихов о преп. Варлааме и Иоасафе» (Рус. фил. вест. 1915. № 2).

Зависть и ненасытность человеческая — «очи наши — ямы, руки наши — грабли» — ничтожество жития временного — «тела наши будут червям на съедение, кости наши будут земле на предание», — вопли грешной души, памятующей о страшном дне судном — таковы мотивы и настроение, отразившиеся в стихах «Плач Адама» и в особенности «Страшный суд». — «О болезнь! О рыдания! О печаль! Горе живущим на земли человеком!».

Плач Адама

Восплакался Адам, перед раем стоя.
О раю мой, раю, прекрасный мой раю!
Мене ради, раю, сотворен бысть.
Евы ради, раю, заключен бысть.
Ева согрешила, Богу согрубила.
Весь род наш от раю святаго,
Свой ум помрачивши, во тьму погрузила.
Увы грешному, увы беззаконному!
Уже аз лишихся райския пищи.
Адам вопияше Богу со слезами:
«Боже милостив, помилуй мя согрешившаго».
А Ева Адаму в то время глаголет:
«Адам, Адам, ты мой господине!
Не велено нам в прекрасном раю быти,
ни что же вкушати от райския пищи.
Сослал нас Господь на рудную землю,
повелел нам Господь трудами кормиться,
правдою жити, зла не творити.
Господь породился, во Иордане крестился,
Адам свободился, весь род обновился.
Вы, братия моя, прибегнем к церкви,
услышим мы, братия Божие писание,
накажет нас Господь за грехи наша,
что мы впали в превечную муку.
Воззрим мы, братия, на вечные гробы.
Гробы вы, наша гробы, — превечныя домы.
Житие временное, слава суетная.
Богатства други, убожества слезы!
На сем вольном свете много зависти:
очи наши — ямы, руки наши — грабли:
что очи увидят, то руки заграбят.

Не можем мы ныне ничем себя наполнить:
как Бог даст нам много, нам кажется мало.
Как, братия, помрем, мы все позабудем.
Взяти нам с собою ничто невозможно.
Только возьмем мы саван да срачичу[-цу].
Единыя руце приложим ко сердцу.
Богатство наше кому-то останется,
души наши пойдут по своим делом.
Тела наши будут червям на съеденье,
кости наши будут земли на предание.
Тогда не пособят имения наша.
Разве нам пособит милостыня наша, —
что нищим давали от своих трудов.
Покинем гордость, возлюбим кротость,
покоим нищих, накормим алчных,
проводим мы мертвых до божия церкви:
уже наша с ними последняя дружба.
Родителей своих должно поминати,
а нас Господь Бог всех помянет.
За всех потрудимся, на веки спасемся.
Тем мы себе купим небесное царство.
Спросил Христос Петра и Павла:
«А кто у рая плачет, кто возрыдает?»
— Адам, стоя, плачет, а Ева рыдает. —

(с. Бичура, от старообрядца Петрова;
зап. Протасова).

Тот же стих с немногими и незначительными словарно формальными отличиями издан В. Варенцовым («Сборник рус. дух. стихов», 40—44) и Буслаевым («Историч. христоматия». М., 1861, 1547—1549, по рукоп. конца XVIII в. Румянц. музея). В неполном виде этот стих записан у ярославских старообрядцев Я. Ильинским (Живая старина. 1906. Вып. 1. С. 41).

Страшный суд

Ин век тебе, душе, ожидает:
Почто не готовишися, душе моя?
Земная и временная возлюбих, —
вечных благ лишаюсь горько.
Воздыханья не имею, как мытарь,
и слез покаяния, как блудница.
Вопию ти, Владыко, помилуй мя!
И не отрини мя от лица своего.
Покайся, покайся, душе окаянная!

Почто забываеши свою кончину?
А забывши свою кончину,
не страшишься смертнаго часа.
Приидет бо велий плачь и беда, —
Ужасно рыдание будет тогда…
Горе, горе тебе, душе окаянная!
Како пити имаши смертную чашу,
когда руце и нози отнимутся,
а глава твоя потеряет разум?
Тогда плачь и рыдание предстоящим.
И никто тебе помощи не подаст.
Несть печаль, якова зде бывает,
якоже приидет тогда печаль та,
тогда вси греси твои предстанут ти
ко страшному Христову судищу.
Скорбь и болезнь, душе, ожидает тя,
Како судищу предстанешь страшному?
День той страшен есть, о душе,
его же присно святии бояхуся.
День Господень близь и скор зело.
Суд его скор и горек будет.
Потрясутся тогда небо и земля,
егда приидет судия судити вся
Горе тебе, горе тебе, душе моя!
Како предстанеши страшному суду?
Кий ответ даси Царю славы,
егда, рыдая, со грешники станеши?
О болезнь, о рыдания, о печаль,
Егда осужденна ты, душе, будеши!
Како отыдеши в муки вечныя,
в муки страшныя, лютыя, ужасныя.
Како разлучишися от святых всех
и ввержена будеши в огнь геенский?
Тамо тьма преглубокая и злосмрадная.
Никогда же не узришь ты света,
тамо плач и рыдание непрестанное.
Тамо стенание зело многое будет.
Горе живущим на земли человеком.
Конец приближается всем нам.
Тамо час един будет горше зело,
нежели сто лет жития света сего.
Тамо день един будет ти, душе моя,
Паче тысящи лет жития сего.
Горе мне, горе мне, душе окаянная!
Како во тьме будеши пребывати?

О Царице небесная! О Владычице!
Буди ми тамо благая помощнице.
(с. Окино-Ключи, от беспоповца Лазаря
Судомойкина; зап. Протасова).

Совсем иного содержания стих о страшном суде, о душе грешной ср. в сборнике Варенцова (с. 142—174) и в «Христоматии» Буслаева (1549—1553).

Наконец, имеются и такие стихи, в которых переданы библейские события: стихи о потопе, об Иосифе Прекрасном.

Потоп страшен умножался,
Народ воде испужался:
Гнев идет! Гнев идет! и т. д.

(Известия Сибирского отделения Русского географического общества. Т. 4. № 3. С. 13. Такой же стих в сборнике Варенцова (с. 200—201), записанный у поповцев в Саратове.

Стих об Иосифе Прекрасном мне известен в четырех забайкальских записях. Две записи сделаны в первой половине XIX в. старообрядцем Порфирием Буровым (находятся в его тетрадке и в сборнике «Цветник». Ирк. дух. сем., XLV, 1822, л. 68—75). Обе записи совпадают буквально. 3-я запись сделана в 1901 г. Протасовым в с. Бичура со слов «раскольника Вас. Мих. Петрова». Эта запись отличается от записи Бурова весьма незначительно. Отличия касаются передачи некоторых форм и в немногих случаях самого изложения. Начало 4-й записи из тетрадки тарбагатайского старообрядца напечатано в «Известиях Сибирского отделения Русского географического общества». Т. 3. № 3. С. 124.

Стих Иосифа прекрасного

Кому повем печаль мою,
кого призову ко рыданию?
Токмо тебе, владыко мой,
известна тебе печаль моя,
моему творцу создателю
и всех благих подателю.
Буду просить я милости
от всея своея от крепости…
(и т. д. до плача у гроба матери:)
Видев я гроб своей матере,
падши на нем, стал плакати,
токи струями явилися,
перси слезами мочилися:

О, увиждь, мати, Иосифа,
востань скора ты из гроба,
буди твой гроб тебе и мне,
умру ныне я горце зде,
призывал много Иакова, —
не услышал он моего гласа.
Зову ныне тебе, мати,
держут мене супостаты,
помози, мати, лишенному,
твоему сыну любезному.
Рахиль, Рахиль, не слышишь ли,
сердечный плач ты приимешь ли…
(и т. д.; из сборника Бурова).

В записи Протасова плач Иосифа у могилы Рахили длиннее, вполне совпадая со стихом в издании Безсонова, под № 41.

Событиям из старой русской истории посвящен стих о Борисе и Глебе (со слов окино-ключевского старообрядца Судомойкина в зап. Протасова).

Восточнаго державствия
словенскаго Кіева-града } эти две строки — 2 раза
Великій князь Володимиръ }
имел у себя три сына:
старейшаго Святополка,
меньших же Бориса и Глеба.
Разделяет он матушку Русь
сыном своим на три части:
Святополку Чернигов град…
и т. д., как в стихе, изданном Бессоновым
под № 147 (с. 651—652).

III

Ударенные гласные передаются в тексте посредством жирного шрифта. Неслоговое *у* передается посредством w. Для передачи мягкого согласного служит знак согласного с’ или с’*.

* В настоящем издании мягкость согласных передается только знаком ’. Перед гласными переднего ряда (и, е, е^{и}, и^{е}) А. Н. Селищев не указывает палатализованности согласных (например, тилега, а не т’ил’ега; ре^{и}б’аты, а не р’е^{и}б’аты и т. д.). — *Примеч. сост.*

Говор семейских относится к великорусским *акающим* говорам. Гласные *о*, *а* в неударном слоге совпали в о д н о м гласном. В слоге, непосредственно предшествующем ударенному, постоянно произносится *а* обычного образования: важ**у**, огар**о**ди, самапр'**а**тка, у вала-ст**е**, парав**а**ja… Тот же гласный находится и в других неударных слогах: абуj**а**ла, сампр'**а**тка, хараш**и**, варажы**т**'. Но во 2-м предударном слоге может быть не обыкновенного образования гласный *а*: в этом слоге нередко представлен гласный *а* ослабленного образования (передаем посредством â) с переходом к типу гласных ъ (*а*^{ъ} или совсем как ъ, — гласному, хорошо известному южновеликорусским говорам) — пâмахч**и**, мâлат'**у**, пакъсник**и**… Употребление того или иного образования гласного во втором предударном слоге не проведено последовательно ни в одном семейском селе. Чаще â или ъ я отмечал в с.с. Хараузе и Никольском.

В заударном слоге вм. неударенных *о*, *а* находится гласный *а* или *â*, *а*^{ъ}, ъ (не в конечном открытом слоге, где всегда *а*): 1) прaw**у**лак, м**о**рак, дис'**а**так, пам'**е**сишна, жыв'от'. 2) кл**ы**рâс, т'ал'**о**нâк, ст**о**рâну, см'**и**рнâму; за**и**мъчки, кат**о**мъчку, j**е**дут', н**а**-пъл'а, п**у**жъла, д**о**бръwa, м**у**тнъja, бр**а**wâj, расс**а**ды, д**е**ла^{ъ}ит'а… Иногда представлен гласный, очень близкий к *ы* или вполне сопадающий с ним: т'**о**плыja (им. ед.), к**у**шыjт'а, Игн**а**тывым. В последнем примере *ы* (в *ты*-) могло быть в связи с *ы* в след. слоге, как обычным окончанием формы прилаг. и местоим. местного пад. — *ы* более заднее, близкое к образованию ъ, в — м**у**тырна. Такое же *ы* отмечено и в ряде других случаев: б**е**-лыjата, авс**е**нъшныja… В передаче категории форм прилаг. и местоим. им. муж. ед. я часто колебался в употреблении знака *ы* или ъ: т'**о**мнъj, з'ал'**о**нъj, сын забр**е**тъj, прâхал**о**днъj, ас**е**ннъj, зд**е**шнъj, каз**е**ннъj (с *зе*, не с *з'о*), см**е**рнъj, бр**а**wъj, **и**ставъj, **э**тъj. Иногда вместо такого ъ произносился гласный *ы* обычного образования. Но в тех же говорах существует и иное образование гласного в этой категории: он имеет пониженное образование, приближающееся к гласному ослабленному *а*: каз**е**нн^{а}j и каз**е**ннâj, зараз'**о**нъ^{а}j, р**о**днâj.

Те же гласные находятся и после задненебных согласных: ж**э**нскъj полк, заг**а**нскъj, ус'**а**къj, **и**хъj, шв**е**цкъj зак**о**н держут' а ни дух**о**wнъj. Но говорят и с гласным переднего ряда (и, е^{и}) после *к*, *г* (ср. ниже).

Под удар. эта формальная категория прилаг. и местоим. имеет **о**j: аржан**о**j, св'**о**кар сл'ап**о**j — т'**о**мнъj, наw**о**j рас, тоj рас.

Гласные *е* (вм. *е* и *ѣ*) и *'а* (*а* после мягкого согл.) в неударенном слоге совпали в одном гласном. Этот гласный неодинаков во всех случаях. По гласному в слоге, непосредственно предшествующем ударенному слогу, говоры семейских относятся к южновеликорус-

ским говорам с диссимилятивным яканьем: перед слогом с удар. *а* в слоге непосредственно предшествующем находится *и* вм. *е* и *’а*; перед слогом с прочими ударенными гласными произносится *’а*. Отклонение наблюдается перед удар. *е* (вм. *е*) и *о*: произносят в неуд. слоге не только *’а*, но и *и*. Последовательно и в формах местоим. личного: мин**е**, тиб**е**, сиб**е**. Тип диссимилятивного яканья последовательно проведен по многим селам, например в Н. Загане, Никольском, Хараузе. В других селах наблюдается отклонение, хотя и непоследовательное, от этого типа, — в Мухоршибири, Куналее, Тарбагатае, Десятникове. Н. Заган: див**а**ха, тир’**а**иш, хрис’j**а**ны (и с *е*: хрес’j**а**ны — крестьяне), симj**а**, уприг**а**т’, зимл’**а**, диржа**т**’, усвид**а**т’, мижа, висн**а** (*а* перед **а** ни разу не слыхал), — з’амл**и**, л’ар**и**гију (религію), нат’ар**е**т’, р’ав**е**мшы, в’ас’н**е**, кола Н’ав**е**, т’ал**е**га, с’астр**ы**, п’арст**ы**, б’ар**у**т’, р’ат**у**јут’, н’аб**у**ду, н’амн**о**га, д’awч**о**нка, т’ал’**о**нак, з’ал’**о**нъј, з’ал’**о**нку с**е**ит’, у с’ар’**о**тках, чатэри, часн**о**к, б’ар’**о**ш. Совершенно так же обстоит дело со слогом, непосредственно предшествующим ударенному, в говоре с.с. Никольского, Хонхолоя, Хараузa. Тот же тип яканья представлен и говором Мухоршибири, но с значительной примесью иканья, позднейшим наслоением (ср. ниже): врид’**а**т’, тил’**а**т, риб’**а**т, симнатцыт’, питнатцыт’, висн**а** — ве^{и}сн**а**, д’ар**е**wн’а, т’ар**е**т’, б’аг**и**т’, в’ад’**о**т’, т’ал’**о**нъчик, б’аг**у**т’ (об иканье перед удар. *и, е, о, у, ы* см. ниже). Говор с.с. Куналея, Тарбагатая, Десятникова представляет тип диссимилятивного яканья, смешанный с ассимилятивным. Куналей: тил**а** и т’ал**а** (в говоре одного и того же лица), б’ад**а**, запр’аг**а**јут’, пат’ар’**а**л — патир’**а**л — пате^{и}р’**а**л, мижа — ме^{и}ж**а**, тил’**а**ты, дис’**а**так, пабиж**а**л, нил’з’**а**, две^{и}н**а**тцат^{и}, хре^{и}с’j**а**ны. Перед прочими ударенными гласными проведено употребление гласного *а*, за немногими уклонениями у молодого поколения в сторону иканья или еканья (непоследовательно): т’ак’**о**т’, с’астр’**о**нка, с чар’**о**мухај, м’ашк**о**w, с’ал**о**, у с’ал**е**, н’аб**у**дим, д’ат**е**j. Тарбагатай: б’ад**а**, д’ал**а**, з’амл’**а**, пл’ам’**а**ш, н’ан**а**да (и в Хараузе отмечено: н’а х**о**ш — н’а н**а**да), кон’ п’аг**а**въј, д’аржа**т**’, учар**а**. Вместо неудар. *а* иногда произносили гласный переднего ряда широкого образования: ‘ä: стр’ял’**а**т’, з’ämл’**а**, т’ял’**а**т. Употребляются и сочетания с $е^{и}$ или *и* вм. неуд. *а*: ре^{и}б’**а**ты, на маих паме^{и}т’**а**х… Перед другими удар. гласными находится ‘*а* или нередко выступает ‘ä: з’амл**и**, наб’агит’, jaw**o**, с’в’ат**о**чки, гн’ад**о**j, чар’**о**муха, л’ап’**о**шки, р’ак**у**, с р’ак**е**, на в’är’х**у**, н’äхт**о** (в знач. «никто»), з’ä-л’**о**нъј, т’äк’**о**т. Десятниково: в том же состоянии, как в Тарбагатае: р’аб’**а**там, приб’ажала; земл’**а**; л’аж**ы**т’, н’ас**у**т, т’äк**о**’т.

Гласный *’а* въ предударном слоге чаще всего произносится перед ударен. глас. **и**, **у**, **ы**, **е**, **о**. Но в каждом селе приходилось отмечать

вместо *’а* гласные иного образования, — ближе к переднему ряду или совсем передвинувшиеся в передний ряд: *’ä*, *е*. Часты такие гласные в предударном слоге в с.с. Мухоришибири, Тарб., Десятн. — шшып’ätк**o**j, т’ал**е**га — т’äл**е**га, б’ар’**о**ш — б’äр’**о**ш — бер’**о**ш, вед**и**, перст**ы**… (Н. Заган), с’än**o**w, бер’**о**ш (Хонх.), сел**о**, сел**е**, сел**а**, зäмл**и** при зе[и]мл’а, жän**а**, дис’ät**и**на (Мухш.).

По всей семейщине при яканье можно наблюдать и сочетания с и к а н ь е м. Только в немногих сочетаниях вм. предударного *е* представлен гласный *и* последовательно. 1) В формах род. ед. личных местоим.: мин**е**, тиб**е**, сиб**е**. С тем же гласным употребляются и формы дательн. и местного. 2) В передаче наречия *еще*: ишо. Это наречие передается с *и* и в тех южновеликорусских говорах, в которых в прочих сочетаниях перед слогом с удар. *о* имеется *‘а* вм. *е* (с’ал**о**, в’асл**о**, пам’ал**о**…). Отметим и то, что во всех северновеликорусских говорах «старожилого» населения Сибири также представлено это сочетание с *и* и с одним *ш*: ишо. Так и в метрополии сибирских «старожилов»: в Вологодской, Архангельской, Пермской губ. 3) Перед *е* и *о* в таких словах, как: читв**е**р’х, васкрис**е**н’н’а, вазнис**е**н’н’а, Ниф’**о**т. В речи одного глубокой старости дедушки отмечено: типерича. В речи других обычно — тап**е**р’. Во всех этих сочетаниях *и* вм. *е* представляет давнюю черту южновеликорусского говора семейских. Перед ударенным *е* раньше, вероятно, *и* употреблялось чаще, последовательнее. Остатки прежнего иканья в этих случаях представляет форма сабир**е**сси (Кун.), ср. здесь *е* (*ре*), а не *‘о*, как обычно говорят теперь семейские. М. б., прежнее звуковое сочетание (с *и*) представляет передача местоимения: ий**е** (Кун.), ий**о** при jaj**о**. Как в передаче формы этого местоимения, так и в прочих случаях иканье проведено непоследовательно не только в группе говорящих, но и в говоре одного и того же лица. Иканье в этих случаях — явление наносное в семейщине, за исключением сочетаний с *и* перед удар. *е*: среди последних могут быть и остатки давнего типа изменения неуд. *е* в *и*, затем вытесненные неударенным *а*. Манера иканья проникала к семейским от лиц, побывавших за границею семейщины, — служивших в солдатах, живших в городе, на приисках, на станциях. Среди книжных людей иканье находило себе распространение и в XVIII в., как указывает сборник старца Давыда (см. ниже). Таким же путем проникает иканье и в другие южновеликорусские говоры[30]. Для семейских имеется и другой путь распростра-

[30] Укажу на одну такую область, хорошо известную мне по непосредственным наблюдениям, — на южную часть Ливенского у. Орловской губ.

нения у них иканья: от соседей-«сибиряков», т. е. нестарообрядцев. Говор этого населения в той области и к а ю щ и й. Икают и те «сибиряки», которые живут с семейскими в одних селах, например в Мухоршибири, и те, которые занимают соседние села. Говор с.с. Саянтуй, Бар, Харашибир — икающий. В дальнейшем изложении будет отмечено, как сильно было влияние говоров сибирского старожилого населения на говор семейских. Иканье я наблюдал чаще в Мухоршибири, чем в других семейских селах. Мухш.: дисит**и**на, тил**е**га, дир**е**wн'а, зил'**о**нка, чир'**о**муха, сил**о**, бир'от-[т'], ш'вит**о**т'ш'ки (цветочки), бир**у**т (от якавшей бабы), дид**ы**, разjисн**и**л, вид**и**… К иканью больше склонны лица молодого поколения.

После отвердевших согл. *ц, ж, ш* перед удар. слогом с *а* находится *а*: цан**а**, цапн'**а**к, жан**а** (но в Мухш. у икавшаго мужика — жän**а**), шашн**а**тцат'; в последнем сочетании отмечено ы: шышнатцат' (Кун., Тарб.). Во 2-м предударном слоге вм. *е*, ‘*а* произносят обычно *и*. Реже отмечал закрытое $e^{и}$. — читэр**о**х (но — чат**э**ри), чир'аз-р**е**чку, биз-рук**и** (но — б'аз рук), биз'-иj**о**; плоха бис-тарик**а** б'аз др**у**шки, дишав**о**j, тиwн**а**та, паритав**а**т', дир'ав**е**н'ка, риб'ат**и**шки, Питраw**а**дни, свикраw**а**т', се^{и}ме^{и}н**а**, не^{и}был**о**, ти^{е}мнав**е**рцы. В Тарбагатае отмечено *'ä*: б'äз-бат'к**а**, а для Десятникова — *'а*: на б'ар'аг**у** (ср. непоследовательно проведенный здесь тип яканья).

В слогах заударных гласные *е*, *'а* также подверглись изменению. Результат изменения этих гласных неодинаков во всех случаях. Он различен в зависимости от закрытости слога (т. е. от обстоятельств утраты в следующем слоге некогда бывшего редуцированного гласного) или открытости его (т. е. перед слогом с гласным полного образования). Результат фонетического изменения гласных ‘*е*, ‘*а* в заударных с у ф ф и к с а л ь н ы х слогах весьма значительно видоизменен фактором морфическим — влиянием родственных форм. В заударных открытых и закрытых слогах, кроме конечного слога, замена проведена последовательно: это гласные *и* или закрытое $e^{и}$. Неполнота образования заударных гласных отражается и на этих гласных, хотя и не проведена последовательно. — л**е**де^{и}ник, л**е**де^{и}нику, w**о**се^{и}ни, w**о**син'у, ж**э**риба (но — ж**э**р'äп), в**ы**мирина, м**а**лин'киj, з**а**wтришниму, рад**и**тил'ow, па нашыму, з н**а**шыwа сил**а**, з**и**мньjа дарога (***ь*** — редуциров. *и* или $e^{и}$). В з а к р ы т о м к о н е ч н о м слоге гласный неодинаков во всех образованиях: в одних случаях представлен узкий гласный, *и* или $e^{и}$, в других — широкий, *'ä*. Неполнота

Слыша там икающего мужичка или парня, безошибочно можете утверждать, что он потерся среди лиц городского, мещанского класса.

образования изредка отражается и на этом слоге, с гласным *’ä*: д**е**сит’, w**о**сим и w**о**се^{и}м или w**о**сеи^{е}м (с более или менее закрытым *е*), дене^{и}х, шw**о**ре^{и}н’, wн**у**чик (в последнем, может быть, — *чик* от образований с давним суф. *-чик*). В глагольных формах проведено послндовательно *и*, может быть, не без участия фактора морфического — влияния форм с основою наст. вр. и инф. на *-и*: б**у**диш, б**у**дим, зн**а**ит’, заjм**у**имс’а, купл’**а**им, с**е**ит’, пас**е**ил… *’ä* в закрытом конечном слоге: п**а**р’än’ с’астр**и**н’äц, жэр’äп (но — жэриба), бр**а**т’т’äw (братьев). После *ш* (*ж*) в конечном слоге то же, что и вм. *о*, *а*: wараб**и**шак (воробьишек). В окончании формы им. ед. муж. прилагат. и местоим. перед *j* представлен результат фонетического изменения великорусского гласного *е* в этом слоге: произносится или гласный *е*^{и}, *и*^{е}, или *и*, иногда с редукцией: сер**е**дни^{е}j, мал**о**дин’ке^{и}j, тр**е**т’т’иj, в**о**н’киj (-е^{и}j), шыранд**а**jскьj, великиj, куjт**у**нскиj, хар**а**ускиj.

В конечном о т к р ы т о м слоге замена неудар. *е* (*е*, *ѣ*) представлена очень непоследовательно вследствие значительного взаимодействия различных родственных форм и формальных категорий. Вне этого воздействия остались два ряда форм: форма именит. сред. ед. на *’е* → *’а* и формы наст. вр. и повелит. накл. на *-те* → *та*: адн**о** п**о**л’а, друг**о**jа п**о**л’а, п**о**л’ца, пл**а**т’т’а, васкрисен’н’а (-н’а), вазнис**е**н’н’а, усп**е**н’а, купан’н’а; в Мухорш. в этой категории сочетаний отмечено и *’ä*: васкрис**е**н’ä, с’вид**а**н’ä; *-т’а*: прос**и**т’а, нос**и**т’а, паш**ы**т’а, даj**е**дит’а, запр**и**т’а, пуж**а**jт’а, пасид**и**т’а; в Мухорш. у икавших субъектов ф. 2 л. мн. оканчивалась на *-ти* или *-те*^{и}, *-ти*^{е}: в**о**дити^{е}, дад**и**ти^{е}, пр**о**сити… У тех же лиц заметно и другое отклонение: склонность произносить форму 3 ед. и мн. с твердым *т* (хотя и не исключительно) при своем традиционном семейском *т’*. В прежней глагольной форме *може*[*т*] *а* вм. *е* в конечном открытом слоге после *ж*: м**о**жа = может быть.

В конечном открытом слоге других форм вм. *е* (из *ѣ*) находится гласный *’а* (*’ä*), *е*^{и}, *и*. Появление гласного *и* в падежных формах имен существ. обязано формам с давним оконч. *i* (после мягких согл.). Форма род. ед. основ на *-а* имеет оконч. *’а* или *’ä*: с-суб**о**т’а (-’ä), ад дар**о**г’а (-’ä), з’-з**и**м’а, с Паск’ä но и — с л**и**ствини, ад-дароги и др. Форма дат. и местн. п. тех же основ оканчивается на: *’а* (*’ä*), *е*, *е*^{и}, *и* на н’ад**е**л’а (-’ä), на ж**о**п’ä, w бут**ы**лк’ä, на п**а**ск’ä, на лит**о**wке, w д’ар**е**wне^{и}; но часто и *и*: на т’ал**е**ги, на п**е**ч’ки, на служби, на за**и**мки, на Б’ар’аз**о**wки, на п**а**ски, па **у**лицы, к м**е**л’ницы. То же колебание в окончании ф. местн. пад. ед. имен м. ср.: часто слышал окончание *ä* или *е*, или окончание *и*. При этом обращает на себя внимание, что в передаче географических названий обычно употребляются формы с

оконч. *’ä*, *е* (*е*[и]). у Заг**а**н’ä, на Гашэjä (*j* — в знач. неслогового *и*), у Чик**о**jе, у Шырâнд**а**jе (или -jе[и]), у Ханхал**о**jе; б’ар**е**зник’ä, на wстр**и**цкам хфр**о**нти[е], и — на хр**о**нт’ä, у м**и**р’ä, w агар**о**ди, у п**о**гриби, на пак**о**си, w как**и**м м**е**сти, но наречие — wм**е**ст’а (в Кун.). В н а р е ч и я х на *-е* и *-ѣ* такое разнообразие в окончании: *’а* (*’ä*, *’е*, *и*, *’а* (*’ä*) может не только представлять фонетическую замену неудар. *е* (*ѣ*), но и быть вызванным влиянием наречий на *-а*. Окончание *’а* (*’ä*) распространилось весьма значительно, перейдя и на некоторые сочетания, не имевшие раньше *е* или *ѣ* — w**о**wс’а (-’ä) или yw**о**wс’а (-’ä), з**а**wтр’а (-ä), б**о**л’а, д**а**л’а — б**о**л’а, но и — б**о**ле, акр**о**м’ä, wм**е**ст’а, -’*а* и в ас**о**б’а при асоп’, и в союзе ал’а (вм. али). скол’ка (тол’ка) при — ск**о**л’к’а (т**о**л’к’а), но и — ск**о**л’ке[и], ск**о**л’ки (т**о**л’ки), najп**а**че[и], п**о**сли при — пасл’**а**, б**о**л’шы, пaw**у**жы, — но — н**и**жа, п**у**шша.

В старообрядческом сборнике б-ки Ирк. дух. сем. (XLV, 1797, см. выше), написанном старцем Давыдом в конце XVIII в., по всей вероятности в Забайкалье, почти на каждой строчке отражается результат изменения неудар. *о*, *а* и *е*, *‘а*, свойственный говору писавшего. Вм. неудар. *о*, *а* он говорил в предударном слоге *а*: пап**о**въ, оу арл**а**, ам**е**га, о атдп**а**дъших люд**я**хъ, предат**е**чи; *а* и в *ча*, *ша* вм. *че*, *ше*: чатыри, шапт**а**ніем, шаст**а**я, кр**е**пакъ, от Н**и**кана ни стала (не стало), **и**спавидь, л**е**насть. В заударном слоге иногда произносился гласный, напоминавший *ы* (т. е. *а*[ъ] или ъ): бр**и**твыми, пр**а**вилыми и др. — Употребление на письме *о* или *а* в передаче неудар. слогов сильно затрудняло писавшего: часто вм. этимологического *а* он писал *о*, — обычное явление в письме акающих лиц, не окрепших в орфографии: «ложное еретическая вѣра повсюду распространилося и властъ еретическая всѣхъ обладила» (28) и др. Вм. неудар. *е*, *’а* в предударном слоге встречается *я* и чаще *и*: побяд**и**т, посляд**и**; риб**я**ты, ни-пр**а**вда, мижа, риш**о**тки, во своим биз**у**міи, мич**у**, на миж**и**, отмин**и**лъ, лиж**и**тъ, от пит**и** (от пяти); жин**е**, ничистат**ы**. В заударных слогах также двойственность, но с перевесом иканья: — с**и**линъ, П**а**вилъ, об**ы**чаимъ, об**ы**чаивъ, гон**и**тиливъ, предат**е**чивъ, м**е**сицъ, в**ы**шил; но и — предат**е**чавъ. Форма глагола 2 л. мн. произносилась с конечным гласным *а*: дав**а**итя, прод**а**етя и куп**у**етя, подав**а**итя… С конечным *а* и формы им. ед. ср.: нич**е**стія, бритобр**и**тія и др.

Слово *ведро* известно говору семейских в двух вариантах относительно *е*: фонетическом (*ведры*) и нефонетическом (*в’одры*). С *е* (не с *’о*) произносится заимствованное слово — каз**е**ннъj; каз**е**нныи анбары, каз**е**ннаja зимл’**а** (повсюду); но — каз’**о**нка — (кладовая). Представлено *е* в слове — см**е**рнъj — (Ник.; в других случаях слышал — см**и**рнъj).

Гласные в сочетании с согласными. Фонетического процесса изменения *а* в *ä*, *е* в зависимости от предшествующего, а также и от следующего мягкого согласного не было пережито семейщиной. Правда, в о т д е л ь н ы х случаях встречаются сочетания с *е* вм. *а*, но эти сочетания не свои, а перенятые от «сибиряков». Так, очень часто, почти обычно, *е* в наречии *ан**е**м*’. В таком только виде я слышал это наречие в Тарбагатае, где сибирский налет значительнее, чем в других селах, лег на язык семейских. В Куналее при частом *ан**е**м*’ проскальзывало и свое старое *ан*’***а**м*’; *ан*’***а**м*’ у стариков, а иногда и у прочих лиц — в Хонхолое и Хараузе. Ср. сохранение *а*, например, в j**а**рица, j**а**jцы, j**а**мина, ж**а**р’ут^{и}, j**а**и**и**шн’у и др. Изменения *je* — (с неслог. *и*) перед мягким согласным не отмечено. Повсюду jec’^{ть} или jec’ = est. Но в разговоре с бабой в Мухорш., произносившей *г* взрывное и твердое *т* в 3 л. наст. вр., слышал je^{и}c’.

С гласным *и* по всей семейщине передается глагол *есть* (инф. и 3 ед. на *т*’): jис’$^{т'}$ или jис’ (*j* — *и* неслог.), cjис[$^{т'}$]. Возможно полагать, что *и* в этом образовании опять не свое, а взято от своих сибирских соседей, у которых непременно *и* в этом случае (так на востоке и на западе Сибири), *и* или *и*^{е} отмечено и в сочетании слис’! с’ли^{е}с’! = слезь (Н. Заг.), *и* вм. *е* (*ѣ*) в семейщине, как и во многих других южновеликорусских говорах (при jec’т’), находится в замене ведь: вит’, ит’; у семейских — ит’. На изменение *ѣ* в *и* в этом сочетании оказывала влияние не только мягкость следовавшего согласного, но и н е у д а р е н н о с т ь этого сочетания в предложении.

Лабиализация. Гласный *о* (*о* и ’*о* вм. *е* перед твердым согл.) семейскими произносится под ударением с значительной лабиализацией: в первой части образования гласного ясно выступает образование для *у*, затем переходящее к *о*: ^{у}*о*. — паск^{у}**о**тина, дар^{у}**о**га, хар^{у}**о**ш, хараш^{у}**о**, т’^{у}**о**тка, гуwн^{у}**о**, синак^{у}**о**с, мужук^{у}**о**w, заw^{у}**о**ду, мн^{у}**о**га, «безъ прогуномъ» = без прогонов, — записал хозяин земской квартиры в Хараузе (ср. здесь же *ом* для ow или a^{е}w говора). Такое образование ударенного **о** я наблюдал в с.с. Хонх., Ник., Хараузе. В Ник. ребятишки, играя в бабки, покрикивают: «ко^{у}р**у**л’, ко^{у}рул’**а** б’от’ (бьет)». Но это, по-видимому, передача польского слова крул’ (król).

В неудар. положении в семейщине отражается на гласном лабиализующее действие губных неслоговых звуков. Но лабиализация в этом положении проведена в семейщине непоследовательно: произносятся гласные и без следов лабиализации. В предударном положении отметим: Бугар**о**дица — в обычной речи и в пении: прис’витаjа Бугародица спаси нас! (Ник.), абмув**а**jут’ (Заг.). Значительное действие лабиализации я наблюдал в говоре никольской пожилой женщи-

ны Анны Микитишны (см. ее портрет с мальчиком): пулн**о**ч’, бу-г**у**л’ник (в говоре других — багул’ник, баг**у**л), папоw ни ^{у}баж**а**ит’. «Вуб**о**р» (р. Обор), «ивана богусл**о**ва» — в сборнике старца Давыда. В этом слове *богу-*, вероятно, не представляет фонетического изменения *бого-*. В заударном положении: три w**у**пӯда = 3 уповода. В форме род. мн. — *ow* или *о^{у}w*, *’ow*, *’öw* (*-ö* — близко к переднему ряду) или *yw* или даже с утратой конечного *w* после *у*. — пам**е**шшыко^{у}w, радит**и**л’ow, 5 к**о**н’ow, к**о**н’yw, к**о**н’у (последнее в Тарб.). Но в тех же селах говорят и: 5 т**е**лаw (отмечено в Кун.). бр**а**т’т’äw (Заг.), свид**е**тилew (Шеролдай). Кроме того, — мал’ч**и**шка^{о}м (Тарб.), **а**лба^{о} (Ник.).

Вм. *и* в неудар. слоге после *ж*, *ч* произносят ‘*у*: мужук**и**, ч’ужал**о**, ч’уж**о**лъj (и — ч’ужал**о**, чиж**о**лъj; то и другое отмечено в Н. Заг.). — ч’ужал**о** жыт’ смирнаму ч*и*лавеку (Н. Заг.). Сочетания — ч’уловек — я ни разу не слыхал. Как видно, для *чи* → *чу* благоприятствующее обстоятельство представлял следовавший за этим сочетанием *ж*.

Спорадически *и* → *у* (переднего ряда) присутствует после губного согл. в неудар. слоге: уп’ув**а**jут’ (выпивают).

Гласный *и* при сильной эмфазе или при пении имеет широкое образование, подходя к гласному *е*, а в пении почти совпадает с ним: иди^{е}! (Мухорш.). Господе помелуj, ал’л’^{и}еллуи-jа.

По всей семейщине последовательно употребляется предлог и приставка *з* (*с*) вм. *из*: з г**о**раду, з д**о**му, з Масквы, з Ырк**у**цка, з j**а**шшыка wз’ас’$^{т’}$, з б**а**нку wз’ал, з л**е**су, квас с мук**и**, з w**у**ха с’ар’**о**шки, з н**а**шыва сукн**а**, з **ы**хнъва, з з**и**м’а (переспрашиваю: с каких пор?) — из зим**ы**, с карм**а**ну, с пл**е**ну, с **У**рлука (у?), здох, штоп ты здох! зламал сах**у**, ст**о**п’ут’ (истопят), струг**а**тца (изругаться).

Изменение *и* в неслоговое *и*: њабразованныи (Кун.).

Нач. *а* (вм. неудар. *о*) в слове *огород* иногда отсутств.: гар**о**т (например, в речи старухи в Н. Заг.). На-гор**о**ди была (Хар.). Но обычно — агар**о**т, w (или yw) агар**о**ди. Отсутствие *а* вызвано влиянием сочетаний с *на*: на городи ← на-агароди, на-гарот ← на-агарот. Отсутствует *а* в сочетании — ни-днэj (ни одной). Иногда отсутствует или произносится с неполным образованием заудар. *а* в предлоге *кола*: кол Ыстоки (около Истоки; Истока — ручей, образующийся из ключей, около Н. Загана), кол^{а} **и**збы (Н. Заг.).

Из замен давних сочетаний редуцированных *ъ*, *ь* с плавными отметим следующее. В заменах сочетаний *tьrt сохраняется прежняя общерусская мягкость плавного перед задненеб. (*х*), губным (*в*): вер’х, на-в**е**р’х, св**е**р’ху, на в’ар’х**у** (повсюду, читв**е**р’х, спер’в**а**). Но — в**е**рвы = веревки. В глагольных формах и именных образованиях от них *-держ-* и *-дорж-*. Данные семейщины свидетельствуют,

что второй звуковой вариант проник к семейским от «сибиряков»: у последних, как и на сев.-востоке Европейской России, этот глагол имеет сочетание *-ор-*. Обычным сочетанием у семейских является *-держ-*: дирж**а**т’ (д’аржа**т**’ — Тарб.), д**е**ржыш и др. В таком виде эти сочетания употребляются в речи стариков и старух; *-дорж-* я наблюдал в говоре нестарых мужиков; при этом в говоре некоторых из них были и другие наносные «сибирские» черты, не свойственные говору старшего поколения (например, *а* вм. *ае* в глаг. фор., твердое *т* в 3 ед. и мн. наст.): зад**о**ржывалас’ вада (Хар.), д**о**ржыт и — пад’-д’**о**ршка (Н. Заг.); даржы (Тарб.), д**о**ржыт при держ**а**т’ (Хонх.). В замене *trьt перед гласным полного образования отметим сочетание с утратой плавного: кстит’ (крестить; Н. Заг.). Из замен сочетаний *гь, *lь в начальном слоге перед гласным полного образования: ирват’, ирваныи, ирв’**о**м, ирва (рва), аржаноj. Из речи н.-заганского парня Арлама, отличного объекта: произнеся форму род. ед. *рожы*, он замялся и поправился: «иржы», ржан**а** жнив’а (Тарб.), ил’н**у**, ил’л’**у**т’ (льют; Н. Заг.). В тот же ряд сочетаний перешло и — л’од: ил’дом, ат-ыл’д**а**.

Неслоговое у и билабиальное ***w***[31]. В семейщине в широком употреблении неслоговое *у* или губно-губное ***w***. Условия нахождения неслогов. *у* или ***w*** таковы. 1) В предлоге, где он чередуется с гласным *у* или с *у**w***. 2) В тех формах местоимения ***w**ьs’ъ («весь») и глаг. ***w**ъzęti, в которых по утрате *ь*, *ъ* в первом слоге неслоговое *у* оказалось перед — *с*, *з.* 3) В начале слова: a) перед согласным; b) перед гласным заднего ряда. 4) В средине слова: a) перед гласным заднего ряда; b) перед соглас. 5) В конечном закрытом слоге; в этом положении отмечено и безголосое **w**. 6) Вместо начального *у* в первом неудар. слоге. Примеры. 1) у с’але или **w** с’але, у (**w**) тым л’асу, у гости пришла, **w** аднем, **w** читвер’х, **w** палавина-ден’, **w** цэркви, **w**мест’а, у**w**а с’н**е**, у**w**-агар**о**ди… 2) В этих случаях неслоговое *у* чередуется, независимо от каких-либо условий, со слоговым *у*: **w**с’о или ус’о, ус**е**, **w**о**w**с’а (-ä), у **w**сем Хараузи. Как во многих других южновеликор. говорах, развилась манера употреблять у**w** (ув) перед начальным ударенным гласным: увес’ (весь), у**w**о**w**с’а; ср. *у**w*** в предлоге; **w**з’ас’[т], уз’ас’[т’], уз’амшы, **w**з’ал, уз’ал; а**w**с — в заимствованном слове — а**w**сенъшнъja. В формах с прежним ъ сильным: **w**аз’м**и**. По аналогии с *а* (из *о* ← ъ сильного) произносится wашej (вшей. Хонх.). 3) В начальном слоге перед согл. вм. некогда бывшего сочетания *wъ-* или *wь-* (с утраченными ъ, ь): лес, wлес (влез), унук, wнук,

[31] Неслоговое *у* и билабиальное *w* передаются посредством w или **w**.

учар**а**, wтар**о**ja. Но aw- в слове: **ə**w**т**орник (ср. и а**w**сенъшнъja). Перед *р*, *л*: **w**рем'а (в одном письме заганца: уремя), **w**лас (Влас). Перед гласн.: **w**ад**а**, **w**ос, **w**от, **w**оску, wон'ка, w**о**тâчка, wарабишки; в Н. Заг. и — гараб**е**j (*г* — длительное). 4) dwa, dawат', трawa, падwода, зawоду, шw**о**рен', гwос', наw**о**j рас, кawo, jawo, чawo, та**w**о, ма**w**о, в неуд.: кар**о**wа, три п**о**ста**w**а, марко**w**а, к**о**w**а**л', ат**а**w**а**, бр**а**w**а**, бра**w**ъj, здар**о**w**а**, атт**ы**ды**w**а; оконч. род.-вин. ед. -***w****а*: добръ**w**а, наш**ы**w**а**, П'атро**w**скъ**w**а. В заударном положении *w* перед *а* иногда имеет неполное образование и близко к утрате; а перед *у* и после гласного ***w*** утрачено: д**е**ушки, кар**о**ушка; но после согл.: у цэрк**w**у. Перед согл.: д**ew**ка, д**иw**на, л**aw**ка, тр**aw**ка, пап**ow**цы, л**е**ста**w**ка, спр**aw**шык, з**aw**тр'а, Кис'ал'**ow**ка, ра**w**н**о**, да**w**н**о**, та**w**р**о**, у д'аре**w**ни, тарг**ow**л'а. 5) дам**ow**, гад**ow**, м'ашк**ow**, дурак**ow**, аз'**о**ра**w**, дро**w**, мар-к**ow**. В Тарбаг. от некоторых лиц слышалъ *ф* в конце слова: слиф, кароф, галоф. Также от одного парня в Мухоршибири: лупкоф. Припомним и другие отклонения в говоре семейских этих сел от обычных черт семейщины. Для объяснения появления губно-зубн. согл. в конце слова укажем, что в говоре «сибиряков», живущих в этих селах, представлено именно *ф* (*в*). 6) Вм. нач. неуд. *у* семейщина имеет неслог. *у* или билабиальное *w*: **w**же, **w** нас, **w** мин**е**, **w**дарит', **w**гадали, **w**крал, к**о**ни **w**гнали, ни **w**знали **w**б'jут' (**w**б'ут'), **w**ражaj (последнее сочетание отмечено в Хонхолое; в Мухорш. и Тарб. это слово передается со вторичным гласным *а*: **w**аражaj). С *у* произносится новое, заимствованное слово — управа: у **w**упр**а**вы (Хар.). Если за начальным неудар. *у* находилось ***w***, старое или нового происхождения, то в таком сочетании *у* представлено слоговым: у**w**ал, у**w**ajди, у**w**ашол (уйти, ушел); ср. с этим у**w**о — вм. **w**о- (**w**а-) в предлоге, а также у**w**о- в начальном слоге вм. **w**о-. Представлено *у* в форме — **w**узда — по аналогии с фф. с удар. на первом слоге.

Начальное ***wы***- под ударением сохраняется в семейщине: wымирина, вым'а (в Ник. *ы* в этом сочетании с значительной подвижкой вперед), выпуск. Но в неудар. нач. слоге ***wы***- изменилось: *ы* под влиянием предшествовавшего *w* (неслог. *у* или билаб. **w**) лабиализовался; в Н. Загане я отметил — wыд**е**лъват' — с лабиализованным *ы*, близким к *у*. Но обычно представлен результат пережитой полной *у*-вой лабиализации: ***wы*** → *у*. Так и в Н. Загане, так и в других селах: удajут' (выдают), ухад**и**т' (выходить), уган'**а**л (выгонял), упригат' (выпрягать), упивajут' (выпивают). После гласного возможно *w*: ни-wдajут' (не выдают). Такой же процесс лабиализации неударенного гласного в начальном слоге отразился и в совсем позднее время — во время жизни в Сибири: он отразился на заимст-

вованном от «сибиряков» слове *варнак*: урнак (каторжанин, вообще бранное слово о нехорошем человеке).

Утрачено *в* (***w***) в слабоударенном сочетании *ведь*: ит’.

Перед нач. удар лабиализован. глас. находится вторичное *w*: wулица, wум, wутрам, wугал’, wуха, wужынат’, wокны, wоспа, **w**oсе^{и}ни, wосим, wос’ка (Оська), wос’. Река Обор передается как **w**убор (отмечено в Ник.). Но как передача чужого названия этот пример не доказателен. По аналогии с формами, имеющими *w**y***-, ***wo***-, могут произноситься с *w* и родственные формы с неударенными *у*, *о*: wузд**а**, wана, wаны (редко в Н. Заг., в Тарб.), обычно же — ана, аны или ане, как и — атец, ав’**о**с, атwорка (форточка), асн**а**тцыт’ («18»). В этом положении даже старое *w* вм. *в* отсутствует: Арлам (Варлаам). Вторичное w находится перед лабиализованным гласным и в средине слова после гласного: на-w**у**лицы, праw**у**лак, паw**у**жы, п**а**wут.

мн. Сочетание *мн* в семейщине заменилось посредством *wн*: wн**о**га, гуwн**о**, г**у**wна, тиwнат**а**. В Мухорш. отметил *мн* с неполным губным затвором: гумно. Там же *мн* вм. *wн*: дамно.

Задненебные согласные. Семейщине тех сел, где предударное иканье не распространяется на счет яканья, где нет *а* вм. *ае* в глаг. фф. наст. вр., где нет *т* вм. *т*’ в фф. 3 ед. и мн. наст. вр., — там известен ей задненебный длительный *г*, а не взрывной: гара, многа, карагот и др. Так в Н. Загане, в Хонх., Ник., Хараузе, Куналее. В Ник. наблюдал длительный *г*, близкий к *h*, а *ho*, близкое к wo: дараh**o**j и дараwoj (старик не шепелявит, говорит ч’, не ч’^{и}: ср. ниже). В Хар. также слышал *г*, близкое к *h*. В конце слова *х*: рох, сапох, денех, ст’ах, астрох, плух, снех. Иначе обстоит дело в Тарбагатае (и Десятникове) и в Мухоршибири. В конце слова и здесь говорят последовательно *х*. В прочих же положениях известен *г* взрывной. Но такого образования задненебный согл. имеют не все представители этих сел. Наиболее распространено употребление взрывного *г* в Тарб. (и Десятникове; здесь много и других несемейских черт говора). Не так значительно употребление взрывного *г* в Мухорш.: здесь нередки лица, говору которых известен *г* длительный. Вот мужик 43 лет. Он икает, шепелявит в произношении мягких *с*, *з* (см. ниже): д**о**ржит и будит’ д*а*ржат’, *т* твердое в окончании формы 3 ед. и мн. наст. вр. В его говоре *г* — взрывной. А вот и молодая баба, она д*о*рж*и**т***, шепелявит, зна*т*, бега*т*, у ней мягкое ч’ имеет значительный свистящий элемент (см. ниже). Она тоже произносит *г* взрывной. Рядом с ней две бабы — молодая и старая: каждая из них зна*и**т***’, б’аги*т*’, у них *г* длительный. Для объяснения взрывного *г* в го-

воре семейских отметим, что у тамошних «сибиряков», как и у прочего старожилого населения Сибири, *г* — в з р ы в н о й.

С длительным *г* в Н. Загане слышал — гарабej, но и — wараб**и**шки.

В различном виде представлена замена *г* в наречиях *тогда*, *когда*. Перед *д* в одном и том же селе произносят *г* (отмечен и взрывной *г*), *w*, *j* (неслоговое *i*): кагд**ы**, тагд**ы** (-**а**), кawд**ы** (-**а**), кайд**а**, тайда. Ср. и нар. — нагд**ы**. В таком же звуковом виде эти наречия свойственны и говорам Сибири (еще вариант: с *л*: колды). Может быть, своим, а не перенятым со стороны сочетанием для этих наречий является *тада*, *када* (от старухи в Н. Заг.). Различ. звуковой вид имеет передача наречия *где*. 1) Представлен вариант без задненебного согл.: *де?* (Мухорш.), *де-нибут*’ (Кун.). 2) Варианты с начальным гласным *и* (редуцированным), ъ^{a}, *â*, *а*: иде (с редуц. ъ; Н. Заг.), ъ^{a}де или âде (Мухорш.), аде (в разных селах). В Н. Заг. и такой вариант: агде. Начальные гласные в передаче этого наречия не представляют фонетической замены *г* в начальном слоге перед *д*, а восходят к гласным, входившим издавна в состав местоименных форм: *i*, *а* (**о*), *а* могло перейти к этому наречию позднее, от союза *а*. Относительно редуциров. *и* можно полагать и то, что он представляет собою фонетическую замену мягкого длительного *г*’ перед *д*’*е*.

к → *х* в п р е д л о г е. Фонетически этот переход совершился перед *т*, *к* в связи с общим изменением этих соглас. в указан. положении: хто, кохти, м’ахка…, а также — х т**о**му, а затем и — х Мирону, х нам, х в’асн**е** (Н. Заг., Мухорш., Хар.).

хр — по всей семейщине в образовании — хре^{и}с’jаны, хрис’jаны (крестьяне). В Н. Загане у одного лица отметил *кр*: — крес’jаны; с *кр* — то же лицо произносило и — Крест**а** (Христа) — с *кр* — от *крест*.

к, г, х перед *е, и*; *к* в этом положении пережил значительную подвижку вперед, к области мягкого *т*’. По всей семейщине *к*’ произносится как заднепалатальный т’ (т’$^{к’}$) или имеет образование ближе к переднепалатальному *т*’: рук’$^{т’}$ и и рут’и, р**е**к’$^{т’}$и и р**е**т’и, к’ич’ка, с Паст’ä (-’а), ск’ин’ или ст’ин, т’$^{к’}$ирпичи, капejк$^{т’}$и, Т’ир’уха, т’ит**а**, (кета), Т’итaj, Марк’$^{т’}$елка, «Мартелъ» — на одной домовой дощечке в Н. Загане; w нас па аднэj пajт’и (пайке). В оконч. мн. с суф. *ск*: *-ст’ии*. Так, кажется, последовательно в Н. Заг.: заганс’т’ии, шыранд**а**jс’т’ии, шыбирс’т’ии; в ед. — -ск’ij — -скьj (*ь* — редуц. *i*).

Сочетание длительного *г* с *и* (*е*) представляет собою сочетание средненебного длит. *г*’ + *и* (*е*); или же вм. такого *г* находится близкое к нему образование *j*: маг’**и**лы, сапаг’**и**, на т’ал**е**г’и… маj**и**лк’и (*j* близко к неслогов. *i*; Ник., Хар.). В говоре тех же лиц, которые говорят *г* взрывным, *г*’ представляет звонкую параллель к *к*’ (к’$^{т’}$):

д**е**н’г’$^{д’}$и, сажг’$^{д’}$**о**т, сапаг’$^{д’}$**и**, Маг’$^{д’}$**и**л’о**w** (Мухорш., Тарб.). Образование *х*’ отмечено в Ник. с легким длительным шипящим палат. элементом: сх’$^{т’}$**и**тит’.

Мягкое *т*’ по месту образования совпадает с к’ (к’$^{т’}$): к’ина (тина), к’ес’ (тесть), к’еста, к’$^{т’}$есна (примеры из Н. Заг. и Хонх.). В Хараузе отметил *д*’ → *г*’: г’ен’ (день), г’еве^{и}т’. В говоре семейских, переселившихся далеко на север, в с. Мохоркала, представлена та же подвижка в судьбе *т*’.

Подвижка вперед в образовании *к, г, х* в зависимости от предшествующих *j*, *н*, *л*’, *р*’, *с*’, *з*’, *т*’, *ч*’ семейщине неизвестна: хаз’ajка, Ван’ка, -у, Сен’ка, н’ан’ка, пун’ка, нас**у**л’ка, Л**а**зар’ка, суч’ка, на в’ар’ху. Только в Мухорш. от девочки, бежавшей с ведеркой, услыхал «на реч’$^{ц’}$к’у». В том же селе одно и то же лицо говорило — мален’ка и мален’к’а. Здесь *к*’ вм. *к* не фонетическое явление, а по сходству с наречиями на ’*а*. Такого же происхождения и — скол’к’а, -ä (см. выше).

хв, *ф*. В передаче прежних сочет. с *хв*, а также *ф* в заимствованных словах семейщина представляет *хф* — с *ф*, близким к безголосому неслоговому *у* (билабиальное глухое **w**), и *х*: хфос, хфароба, захфарала, прихват’**у**, пахф**а**лка, сарахфан, хфарт, хф**у**рманка и х**у**рман (название повозки), Грахфина, гармахфончик, Нихф’от; *хф* и въ — хват**е**ра; хунт, хорма, Хам**а**, Ух**а** (в Тарб. от старика с нечистым семейским говором), хлот, хронт; в Мухорш. и — на хфронт’и^{е}. Семейские говорят — тр**а**пит’, натр**а**пит’ — (случаться, выпадать), т. е. говорят, как на западе и юго-западе русской языковой области в Европе; но в Н. Загане отметил и с *ф* билабиальным: тр**а**филос’.

Согласные *ш*, *ж* в говоре семейских тверды.

с’, *з*’. Мягкие согл. *с*, *з* относятся к ряду *палатальных* согласных. Дорсально образованные, они представляют в акустическом отношении шипящий элемент и совпадают с польскими палатальными *ś*, *ź*. Эти шепелявые *с*’, *з*’ распространены по всей известной мне семейщине; они произносятся и стариками и молодежью. Но к этому необходимо добавить следующее. В каждом селе по произношению шепелявых *с*’, *з*’ есть различие между молодым поколением и старшими. Молодежь будто с каким-то особенным смаком употребляет шепелявые *с*’, *з*’. Я не встретил ни одного парня и молодого мужика, ни одной девушки и молодухи, которые не шепелявили бы. Иное представляет говор стариков и старух. Шепелявят и они. Вот дядя Иван в Тарбагатае, мощный старик лет 75; вот дедушка Хфилип лет 80 в Н. Загане; вот древний старик (забыл его имя) и его старуха в Никольском; вот старушка в Хараузе няньчится с внуком Микулкой

и многие другие мои почтен. собеседники в этих и проч. селах; — все они ш е п е л я в я т; но шипящий элемент у них слабее, чем в произношении молодежи, иногда совсем слабый. «Почти не шепелявит», — нередко заносил я в этих случаях в свои записки. Имея в виду данные говоров Сибири, полагаем, что шепелявость в произношении *с*’, *з*’ семейские развили только здесь, в Забайкалье, а не принесли с собой из Европы, — развили постепенно, в среде поколений трех. Молодежь, кажется, поголовно овладела палатально-дорсальными *с*’, *з*’. К настоящему времени во всех областях востока и севера Сибири в говорах «старожилого» населения распространены шепелявые *с*’, *з*’. Они произносятся на низовьях Оби, в Туруханском крае, в приангарских селениях по Илиму, Лене, Киренге, в Забайкалье, на Колыме, на Анадыри, у Охотского моря. Разумеется, шепелявят и ближайшие соседи семейских — «сибиряки», живущие с ними в соседних или в одних и тех же селах. (Обозрение говоров Сибири по доступным мне материалам сделано мною в отдельной работе, остающейся пока в рукописи.) Широкой волной процесса шепелявенья была охвачена и семейщина: с’ила, с’алу, с’ем, пис’мо, с’л’апоj, с’нех, калас’ница, пус’тит’, дас’видан’а, с’ера, с лис’вини, ус’пен’а, jес’[т’], жыс’[т’], шэс’[т’], з’има, з’амли, куз’ма’, сказ’н’у.

Волна шепелявенья отражается кое-где по семейщине и на твердых *с*, *з*. В Н. Загане я вел длинные беседы с одним старообрядцем лет 37-и. В его говоренье последовательно были представлены шепелявые мягкие *с*’, *з*’, но также и твердые *с*, *з* имели шипящий элемент. Не могу точно описать их физиологии; но в акустическом отношении это были согласные твердые *с*, *з* с шипящим элементом во второй части: с^{ш}, з^{ж} : с^{ш}ам, с^{ш}ол’, с^{ш}тал, з^{ж}наиш, рас^{ш} и т. д. Других субъектов с таким произношением я не встретил. Только в Никольском у одного старика заметил некоторую шепелявость в произношении твердого *с*. Отмечу еще в отдельном случае *ш* твердое вм. *с* в слове *светский*: швецкъj закон держут’, а ни духо**w**нъj. Так жаловался мне один старик в Н. Загане. Его говор знает очень слабые шепелявые *с*’, *з*’: шпекул’ант — с обычной русской передачей *сп* — в заимствованных словах (шпирт…). Возможно, что со временем в семейщине привьется и эта манера — шепелявое произношение твердых *с*, *з* и смешение их с *ш*, *ж*. Этот процесс широко охватил русские говоры восточной Сибири и некоторых местностей западной. Он отражается в Туринской волости Тобольск., в Обдорске, в Туруханске по Ангаре, Лене, Киренге, в Баргузинском округе, отчасти на Индигирке, на Колыме, в Охотске, по Онону. Например: пасн’а, наси, сл’ачча (шляться), зер’ло, зарко, жаливат, жалог, шазг-

ли, нижавоj; по*с*ол *ш*ам по *ш*танам, а *ш*обаку о*ш*тавил, во*ш* караулит’ (так дразнят баргузинцев их соседи, не имеющие в своем говоре мены *ж—з*, *ш—с*). В говоре анадырского села Маркова (верст 1000 с лишним к востоку от Н.-Колымска) совсем отсутствуют *ш*, *ж*: сыпко, сыски, кол’ос (колешь), саман, зар, к**о**за (кожа)…

ц, цв’, ч. Прежний согласный *ц* семейские произносят твердо. Обнаруживается тенденция к ослаблению затворного элемента: *ц* → ᵀс. В сочетании *цв’* взрывной элемент (в *ц*) ослаблен или совсем утрачен, а длительный, под влиянием следующего *в’*, является мягким: *цв* → ᵀ*с’в’* или *с’в’*; при этом *с’* произносится таким же образом, как всякое другое мягкое *с* (шепеляво): ᵀсв’аточ’ки (Кун.), с’в’ат**о**ч’ки, св’атки (Тарб., Ник.), чир’омуха, ᵀ’свит’от, ш’виточ’ки (парень в Мухорш.).

Согласный *ч* по всей семейщине является м я г к и м согласным. Но образование его неодинаково у всех говорящих. И в этом отношении раскол у семейских: старики, деды — отцы и молодежь. Нередко и пожилые отцы разделяют манеру молодежи. При этом манера молодого поколения значительнее там, где и в других отношениях произошло уклонение от говора дедов. Сравнительно с шепелявеньем мягких *с’*, *з’* манера молодого поколения в произношении *ч* слабее по своему распространению среди говорящих. В произношении лиц старшего поколения (хотя и не всех) *ч* представляет аффрикату с мягким взрывным *т’*, и мягким длительным *ш*: *т’ш’*. Мягкость образования нередко очень значительна; но все же длительный элемент относится к ряду мягких *ш’*. Такое образование *ч’* я наблюдал в Никольском у стариков, старух, нестарых мужиков, шепелявивших и нешепелявивших, и чаще в Хараузе. В Хонхолое встретил старушку, живущую здесь после замужества лет сорок; родом она из Харауза; сохраняет *ч’* и не шепелявит. Но и в этих селах, как и в прочих, многие произносят иначе *ч’*: в их произношении это мягкий слитный согласный, длительный элемент которого подходит ближе к ряду мягких *с’* (обозначаем условно ч’ᶣ), иногда совсем совпадает с *с’* (обозначаем условно ц’).

В говоре лиц, произносящих *ч’ᶣ*, непременно представлены шепелявые *с’*, *з’*. Такое *ч’ᶣ* известно по всем селам семейских. В Мухорш., в Куналее, Тарбаг. при *ч’ᶣ* произносят и *ц’* — ч’ᶣо̄о гавориш, wот ц’о̄о ц’о̄? ч’ᶣич’ᶣаснаjа врем’а, ноч’ᶣу крич’ᶣит д’awч’ᶣонка… (Мухорш.). ч’ᶣатэри, карowа прац’ин’**а**ит (*ц’* или *ц’ᶣ*), ч’ᶣич’ᶣас, ц’орт (Кун.). В Тарбаг. в говоре одних и тех же лиц *ч’* и *ч’ᶣ*. В нижней части села — *ц’* (в этой части *а* вм. *ае* в глаг. фф., *т* твердый в оконч. ф. 3 ед. и мн. наст.). Женщина из Десятникова говорит *ц’*:

дац’ка, ц’ао, луц’ц’и, поц’та приб’ажала. Говоры тамошнего «сибирского», нестарообрядческого населения имеют *ч’*$^{ц’}$ или *ц’* (например в с. Саянтуй). По отношению к прочим русским говорам Сибири отметим, что *ц’* вм. *ч’* говорят во многих областях ее, — именно там, где произошло смешение *т*, *ж* с *с*, *з* и где находятся шепелявые *с’*, *з’*. Имея в виду эту связь языковых явлений, следует полагать что и передвижка в ряде согласных *с*, *з*, *с’*, *з’*, *ш*, *ж* и в *ч* (*ц’*) произошла здесь, в Сибири, под воздействием иноязычного элемента. Но, конечно, среди великорусских говоров Сибири с *ц* вм. *ч’* есть и такие, которые принесли из европейской России эту черту (*ц’* вм. *ч’*). И для говора семейских полагаем, что *ч’*$^{ц’}$, *ц’* также развилось здесь, в Забайкалье. Об этом свидетельствуют факты современного языкового состояния семейских и «сибиряков». Нелишне заметить и следующее. Забайкальские старообрядцы находились раньше в ближайшем отношении со старообрядцами румынской Добруджи — с липованами округа Тульчи: те и другие жили раньше в одном месте, в Стародубье и на Ветке. И до сих пор как живущие за Байкалом-морем, так и живущие у Черного моря сохраняют еще много общих черт в своих говорах. Говору добруджанских старообрядцев *ч’*$^{ц’}$ неизвестно, *ч* у них также претерпел изменение, но изменение в другом направлении — к отвердению: значыт’.

чк, *нч*, *чн*. В сочетании *чк* взрывной элемент в *ч* ослаблен: *чк* → $^{т’}$*ш’к*, или даже совсем утрачен: *ш’к*. Также *нч* → *н*$^{т’}$*ш’* или *нш’*. в’ар**о**ваш’ку, $^{т’}$с’в’ато$^{т’}$ш’ки, рет$^{т’}$ш’ка (Кун.), за**и**мъ$^{т’}$ш’ки, ш’вито$^{т’}$ш’ки (Мухорш.), лан$^{т’}$ш’ак (Мухорш., Н. Заг.). Вм. *чн* представлено обычное русское *шн*: рушн**и**к, падр**у**шник, м**о**шна, памесишна жыв’от’. Сочетаний с *сн* вм. *шн*, какие представлены в отдельных словах по всей Сибири (молосной, пшенисной гасник), у семейских не отмечено.

л, *р*. Семейщине известно *w* вм. *л* в конце слова и в средине слова перед согл. Но *w* такого происхождения употребляется совсем непоследовательно: в говоре одного и того же лица можно слышать *л* и *w*. Чаще *л* → *w* при благоприятных условиях: после лабиализованного гласного. На вопрос о том, здесь ли, в Сибири, развивается в семейщине этот процесс или уже с *w* вм. *л* их предки пришли сюда, мы не можем дать определенного ответа. Заметим лишь, что в говоре лиц глубокой старости я не мог заметить употребление *w* ← *л*. И любопытно, что в говоре н.-заганского мужика, употреблявшего последовательно не только шепелявые *с’*, *з’*, но и шепелявые *с*^{ш}, *з*^{ж} вм. твердых *с*, *з* (см. выше), также последовательно проведено *w* вм. *л*. Вполне возможно, что и эта манера — сибирского происхождения.

(В отдельных великорусских говорах Сибири она отражается.) Н. Заг.: dowгaja, dowx, dawб**и**т’, towк, стукотowк, пawгода, пришow, ходиw, сказaw. Иногда произнос. *л* с широко опущенными боками языка — переход к *w*: Ник.: д**о**wга, д**о**wжан, раздуw, даw. Хар.: ушow, минуw, приходил, просил и др. В одном слове представлено *л* вм. *в* (*w*): трел**о**га, треложыт’ (Н. Заг.). Так и в говоре «сибиряков».

В отдельных случаях вм. мягкого *р* семейские произносят *р*, близкое к твердому или совсем совпадающее с твердым *р*. Примеры такого произношения наблюдал во всех селах. Здесь и твердое *р* имеет особое образование: оно более раскатисто и более задне, чем обычное великорусское *р*. Н. Заг.: гавар**у**, гаварат, сматру, тры, грэх, брэшыт’, па румки, брычка (в Ник.: бричка), у пер**о**т, прама, пры- (приставка), сер**о**тка. Во всех этих примерах отмечен не обыкновенный твердый *р*, а близкий к нему, с некоторой долей мягкости: пирамена, тр**а**пар, трапару (р — твердый). Может быть, иного значения отвердение *р* в в**е**рвы… В Кун. и — в’ароваш’ку, *ри* в — крилц**о**. Ник.: папер**о**к, w пер**о**т, читэрох, благадару, гав**о**риш, Варка (*р*, близкое к тверд.), р͡репа — значительно выраженное, раскатистый *р*. Сюда, может быть, относится *р* — у т’урм**е** (в Мухорш. — у т’ур’ме). Хонх.: сибираки (с средней твердостью *р*). «Как?» — сибир’аки, берош (тоже средней тверд. *р*), у сир**о**тку (твердый *р*). Тарб.: атапрош, трох, Пис’т’ар**о**wa (*р* — средней тверд.). Хар.: репа, w перот (средней тверд. *р*). гавар**у**, -ат (твердый *р*). Может быть, иного происхождения *ру* в брукwa. Мухорш.: курин’н’а с’липата (*р* средней твердости). Если принять во внимание, что семейские переселились в Сибирь из «Польши», как еще до сих пор они сообщают, то может казаться, что твердое *р* — это результат влияния говоров белорусов, с которыми предки семейских встречались до отхода в Сибирь. Но такое объяснение неприемлемо по следующим обстоятельствам. В фонетике семейских нет ничего такого, которое их предки усвоили бы от белорусов. Юго-западное влияние было, но оно отразилось на некоторых явлениях морфологии и в лексике. Манера особого произношения *р* и отвердения *р*’ развивается здесь, в восточной Сибири, — развивается в связи с таким же явлением, переживаемым прочими русскими говорами. Отметим следующий факт фонетики русских говоров восточной Сибири: особо раскатистое *р* и отвердение *р*’ наблюдают и в самом Иркутске, не только в мещанском говоре, но и среди интеллигенции (наперот, парытца, тры, гавару, берош, славар… — средней твердости *р* или совсем твердое *р*), и в окрестностях Ирк., и в Забайк. (в Селенгинск, Верхнеуд., в Акшинскомъ у.у.). Далеко на северо-востоке отражается та же черта — и отража-

ется там последовательно. В 80 верстах от Ледовитого океана приютилось по р. Индигирке Русское Устье: здесь последовательно *р*’ → *р*: до мора, моро, мору, сар (царь), сара, сарыца, запратала, тапер, говорат… То же и дальше к востоку, на Колыме: подрад, рэзко, врэш, говору, врэма, не додружка — до своего брушка, издрэжет… И еще дальше на восток, на Анадыре, в с. Маркове: цар, зора, горацка, дрыссот, товарысса, парат.

-tje. — По утрате редуцированного гласного, бывшего после согласного и перед *j* (или неслоговым *i*) оказавшееся сочет. «согл + *j* (или неслог. *i*) + гласн.» подверглось по говорам русского языка дальнейшему изменению. Это изменение состояло в тесной ассимиляции согласного и *j*: вм. сочетания «согл. + *j*» развивался мягкий согласный с более длительной артикуляцией, чем соответствующий мягкий согласный в обычном образовании. Этот процесс был шире и переживался последовательнее сочетаниями *н*, *т*, *д*, *л* + *j* + гл. Не чужды этому процессу были сочетания и с другими согласными. Все славянские языки пережили стадию ассимиляции согл. с *j* перед глас. Южная и западная славянщина пережила и дальнейшую стадию: упрощение артикуляции этого мягкого (палат.) согласного: он становился обычным для данного языка мягким согласным, без особого, более длительного образования. На востоке славянщины, в русском языке, также были пережиты разные стадии этого процесса в судьбе сочетаний «согл. + *j* + гл.». Процесс развития «двойного» мягкого соглас. был общераспространенным на юге и на западе; в малор. и белор. наречиях. По областям этих наречий «двойной» мягкий согласный заменялся обычным мягким согласным. Но невозможно в этом процессе изменения сочетаний «согл. + *j* + гл.» видеть черту, свойственную только этим русским говорам. Тот же процесс действовал (конечно, независимо от малор. и белор.) и в других русских диалектических областях — в отдельных говорах великорусского наречия. И в говорах Сибири он в большом распространении. Например, в Енисейском у. (названнё, у застолля, с похмелля, селенницо), в Нижнеудинском у Иркут. г. (виселле, божжа мать…), по Ангаре в Иркутске (трет’т’а — и по аналогии — треттий, Усол’л’е, плат’т’е, ноч’ч’у), в Селенгинском у. (свин’н’а, весел’ле, ноч’ч’у). На Колыме и дальнейшая стадия: *н*’ ← *нн*’: терпеня нету! Пережит он и говором семейских. В настоящее время дело в этом отношении обстоит таким образом. «Двойные» мягкие согласные представлены вм. *н*, *т*, *д*, *л*, *ч* + *j* перед гл. Мягкий «двойной» *н* заменяется иногда обычным мягким *н*. Эта замена непоследовательно проведена. Она чаще обнаруживается в небрежном говоренье:

свин’н’а и свин’а, дран’н’**о**, купан’н’а, курин’н’а, баран’н’а, баран’$^{н'}$и сукны, батвин’н’а, васкрисен’а, вознисен’н’а, -н’а, успен’$^{н'}$а, -н’а, рачен’ä, **w**с’о жард’д’о — мн. жард’**а**, палавод’д’а, пит’т’о, трет’т’**а**к, трет’т’а, а по аналогии и — трет’т’ij, брат’т’а, прут’т’а, плат’т’а, сват’т’а. Сочетание «*ж* + *j* + гл.» также заменяется посредством более длительного мягкого *ж*, — обычно вне ударения; под ударением же представлен и *j* (неслог. *i*), хотя и здесь *ж*’ имеет более длительное образование, чем обычное *ж*’: руж’$^{ж'}$jо, р**у**ж’ж’а (Ник.), а также и с обычным *ж*: бож’а. В сочетаниях губных согл. с *j* + гл. нет однообразия у говорящих. 1) Представлено сочетание «губ. + *j*»; губной чаще является мягким, но отмечал и твердость его: п’jу, п’jут’, сим’jа, с’ам’joj, с’ам’jе, зимав’jо; симjа, убjу, пjут’. 2) В тех же говорах наблюдается и следующая стадия: ассимиляция *j* с предшествующим согласным; произносится мягкий губной с более длительной артикуляцией (без *j*); но эта длительность не производит акустического впечатления «двойной» мягкой согласной: п’$^{п'}$ (п’$^{п'}$у). Вм. такого согласного произносится и обычный мягкий губ. согл.: п’у, wб’ут’, б’от’, п’анъj, жнив’а, варабишки; *лj* + гл.: ил’л’ут’ (льют), с**о**л’л’у, у патпол’л’а, с пахмел’л’а; *чj* + гл.: кр’уч’ч’а, ноч’ч’у.

Из явлений ассимиляции и диссимиляции. *ж* — *з*: з**о**скаjа (жесткая; Хонх.), залеза, залезнъj (повсюду), *ш* — *е*: шашник (сошник; Ник.) и сашник (Хар.); повсюду — шашнатцат’ (шышнатцат’ — Тарб. Кун.), шаштоj. *н* — *м*: нима. Но возможно, что в таком виде это наречие приобретено от «сибиряков»: по всей Сибири старожилное население имеет это наречие с *н* (нимо). *дд* — *нд*: андаj (Ник.) при обычном аддат’. *б* — *г*: гумага (повсюду в Сибири); *г* сменил собою *б* под влиянием *г* в — грамота тка.

Взаимная перемена последовательности артикуляций *р*, *л*: л’ар**и**гиjа. То же и в речи Ивана Легостаева из Тюмени: лер**и**гіи (в его рукоп. «Беседословие», см. выше).

т между *с* — *р*: строк, стразу, стругатца (изругаться).

Начало слова. Перед гласными *о*, *у* представлен *w* (см. выше). Образования с местоименной основой е редко не представлены с *j* (или с неслог. *i*): ева (эва), евана, за jетэм. — «Как?» — за этэм (Н. Заг.); обычно же с *j*: jетат, jета, jетых, jета wот барскии пашни пашли (Кун.), jели, jез’ли, jежли, jесли.

Конец слова. Губные согласные в конце слова тверды: сем, wосим, с’теп, цеп, жер’äп (с твердым губ. проникло и перед глас.: жериба (Тарб.), руп, один книжный хараузец, при стремлении к произношению «рубл’», говорит «рубел’»), крow (кровь), глып (Ник.), астаw! (Ник.). Но в наречии в знач. «отдельно» — асоп’ при —

ас**о**б’а (Кун., Хонх.). В конечном сочетании *ст* утрачен взрывной элемент, а в *с’т’* тоже утрачен или еще присутствует в виде слабого образования для взрыва: мос, рос, 25 в’орс, хфос, п’орс, rwос’, кос’, тес’ — тес’$^{т’}$, жыс’ жыс’$^{т’}$, старас’ абуjала, шес’, шерс’, дас’ (даст), wпас’, атвес’, wз’ас’ — wз’ас’$^{т’}$, jес’$^{т’}$ — jес’ (est). В конечном сочетании *хт* также утрачена взрывная артикуляция: трах (но — на трахту), кантрах.

В образовании форм имени относительно о с н о в ы отметим следующее: *мох*: с гласным *о* эта основа проведена и по другим падежным формам: моху… С постоянными *-ен-ик* является: леденик, леденику… С суф. -з’н’-[а] представлено образование дарагав**и**з’н’а, бал’шавиз’н’а. Передвижка основы с г л у х и м согласным вм. звонкого от образований с суффиксом, начинавшимся глухим согласным, в формы, не имевшие такого суффикса: во*т*очка. Так у всех сибиряков, на востоке и на западе, *т* под влиянием форм *вотка*. Так же появились *т* вм. *д* в: л**о**точка, — *ш* вм. *ж* в: лошечка, *прij**о**мыш*, в род. — *а*. Это формы для муж. р. Для жен.: *прij**о**мыша*, *-ы*… (Ник.).

В ф о р м а х сущ. муж. Форма род. ед. почти последовательно оканчивается на *-у*: формы на *-а* встречаются очень редко: к**о**ла д**о**му, з дому, кола гораду, кола л**е**денику, кола лесу, да Б**а**ру, да ветру, з банку, с карману, с плену, ил’ну, с П’атрowскъwа заwоду, н**а**з’му свер’ху Тугнуjу, ат-суjузу, с Урлука, з Ыркуцка, з jашшыка, ат-ыл’д**а**. От ст**а**раго рыму — и в сборн. Давыда старца (XLV, 1797). Форма род. ед. для ден’ оканчивается на *-и*: с jаг**о**р’jиwа-дни; да Питраw**а**-дни. Дат. на *у*: дн’у. Форма местн. ед. м. и ср. оканчивается на *-у* под ударением и на *-е* под удар. и вне ударения (*е*, *’ä*, *’а*, *и*): уw адним дам**у**, w каким гад**у**, w пл’ан**у**, у пагр’аб**у**, у п**о**гриби, у м**и**р’ä (-’а), на-стр**и**цкам хронт’ä, у с’ал**е**, на тем конц**е**, w Ханхал**о**jе, у каким мести, у бр’ухи (см. выше). В названиях географических на *-ск* форма местн. имеет не именное окончание, а окончание фф. прилагат. и местоимений: w Ыркуцким, Микол’ским, П’атрowским…

Форма имен мн. муж. обычно на *-ы*: сыны, хрес’jаны, бур’аты, хаз’аивы; на *-а*: дам**а**, ваз**а**..; на *’ä* из *е* или *а*: цыг**а**н’ä (Н. Заг.). Формами множ. для «канапел’» служат канапл**и** и канапл’**о**. Форма имен. мн. для сред. р. при неударенности последнего слога оканчивается на *-ы*; как в муж. р.: с**у**кны, тил’аты; wокны, д**ы**шлы. В форме род. мн. широко распространено оконч. *ов* (*ow*): дуракоw, дамоw, вазоw, брат’äw, радитил’ow, свидетелеw, кон’ow, аз’**о**раw, с’аноw, 5 телаw, ср’ац твоw, пал’ow (полей). Но для имен на *-ты* (риб’аты, тил’аты) форма род. мн.: риб’ат, тил’ат… На *-ов* (ow?) в муж. и ср. оканчивалась ф. род. мн. и в говоре старца Давыда: друг**о**въ, от предотечавъ,

святителивъ, гонителивъ, приданiивъ, слуг**о**въ, мѣстовъ (Сборн. XLV, 1797). Род. мн.: камар**е**j. Им. и вин. к**о**ни, род. кон’ow, дат. к**о**ним, тв. к**о**ними [местн. к**о**них?]. В сочетании с «2» форма муж. и ср. оканчивается на *а*: два д**о**ма, два пал’ц**а** (им. ед. — п**о**л’ца). Но при «раз» окончания *а* не имеется; это слово стало неизменным: рас, а то и: два рас. То же и по говорам «сибиряков»: два рас, три рас (в Тобольской губ.). Ср. ни рас ни была. В сборн. старца Давыда: р**о**га два; но — два годы споловиную (XLV, 1797).

Окончание формы род. ед. жен. р. различно. К распределению окончаний по каким-нибудь категориям семейщина еще не пришла. Употребляется прежнее окончание *ы* в удар. и внеудар. (*и* после *к*, *г*, *х*): са свад’бы, с палавины, гары, паскотины, н**о**вины, вады, с тој стран**ы**, у с’астры сидела, у св’акрухи, kwac с муки, к**о**л ыстоки, сера с л**и**ствини, кола бани, у т’**о**шшы, ат з’амл**и**. Кроме этих окончаний в тех же селах представлены и другие: *ѣ* (*е* под удар., и *’ä*, *’а* вне удар.). Это окончание в большом употреблении, но не в формах с прежним мягким согласным в основе, а с твердым: ат тэj ст’ане, да с**а**мај гр’ад**е**, 25 пуд**о**w муке (Ник.), кола Н’аве, ат с’астр**е**, кола избе (Н. Заг.), нижа гар**е** (Кун.), са старан**е** (Хар.), с р’ак**е** (Тарб.). Ударенное *е* распространилось и на прежние основы на *-ь* (из *i*): с валаст**е**, да валаст**е** (Н. Заг., Хар.), с тэj пад**е** (Хар.) — с П**а**ск’ä, с палав**и**н’а, дар**о**г’ä (-’а), с суб**о**т’а (-д), з’з**и**м’а. «С каких пор?» — Из’-зим**ы** (Мухорш.). В сборн. старца Давыда: отъ зл**о**и жен**е**. Форма дат.-местн. ед. ж. р. имеет также разные окончания: *ы* (*и* после *к*, *г*, *х*) под удар. и вне ударения, *и* вне ударения, не только в прежних основах с мягким согласным, но и с твердым; *ѣ* под ударением (*е*) и вне ударения (*’а*, *’ä*, *е*). Не можем сказать с уверенностью, то же ли окончание отражается в неударном *и*: к с’астр**ы**, па какој-небут’ цан**ы** (Н. Заг.), дај сират**ы**, гов**о**рит’ старшын**ы** (Хар., Шеролдай), на чужэj старан**ы**, у нужд**ы** и г**о**р’у (Хар.), у Бичуры, аб-малат’бы думал (Ник.), на службы (Ник.), на служби (Тарб.), дал Грахф**и**ны Карпухинај, у wупр**а**вы (Хар.), к т’ошшы (Мухорш.), **w** церкви, к мел’ницы, к жане, **w** з’амле (Н. Заг., Ник.), на тэj старан**е** (Хонх.), на п**а**ск’а (-’ä) и на п**а**ски, на н’ад**е**л’а (-’ä), **w** бут**ы**лк’ä, на жоп’ä, на лито**w**ке, **w** д’арewне[и] (см. выше). В говоре старца Давыда также неодинаковое окончание имели формы дат.-местн. ед. ж.: въ рѣк**и**, земл**и**, ко своей пог**а**ныи вѣри, ко своей вѣры, въ молитви ис**у**совыи, въ вод**ѣ**.

Ряд форм с прежней основой на *-ь* (из *i*) стал употребляться в форме местн. п. с ударенным окончанием *е*: на степ**е**, у валаст**е**, пут**е**, на пад**е**, **w** грез**е**, **w** груд**е**, на Бр’ан**е**, у част**е** жыв’от’; ср. и наречие — назад**е**. Не перевелись в семейщине и прежние, традиционные фор-

мы на *-и*: к в**о**ласти, у воласти, на степи или п**о** степи. Возможно полагать, что с окончанием *е* указанные формы (на степ**е**…) вошли в семейщину под воздействием говоров «сибиряков»: в великорусских говорах Сибири во всех районах старого заселения в широком употреблении фф. на **-***е* в прежних основах на *-ь* (*і*). Ср. и звуковой вид в других частях этих форм: гр*е*зе, с *е* вм. ’*а*, как в говорах Сибири. Впрочем, не лишено возможности и иное положение: формы с окончанием *е* при формах со старым окончанием *и* появились в речи предков семейских еще до поселения их в Сибири. В языковом отношении забайкальские старообрядцы находятся в ближайшем отношении к старообрядцам Подонья и Добруджи; а в речи тех и других имеются формы на **-***е*: на степ**е**.

В семейщине «полдень» передается сочетанием — палав**и**на-ден’: пришол палав**и**на-ден’. В этом сочетании «половина» или сохраняет еще самостоятельное значение (например: у палав**и**ну-ден’ — Ник.) или уже утратило его, тесно примкнув к «ден’» (**w** читвер’х **w** палав**и**на-ден’; Н. Заг.).

Говор с. Десятникова и в отношении фф. склонения удалился от прочей семейщины: там ф. дат. и тв. мн. одинакова, на *-м*: рукам, нагам, де**w**ки с р’аб’атам. Так передаются эти падежные отношения во многих говорах Сибири.

М е с т о и м е н и я. Форма род.-вин. ед. личных местоимений на *-е*: мин**е**, тиб**е**, сиб**е**. Только тарбагатайцы в числе прочих заимствований от своих соседей-«сибиряков» взяли и формы этого местоимения на -’*а*: мин’**а**, тиб’**а**, сиб’**а**. В Хараузе беседовал с одним грамотеем, который путался в употреблении — сибе — и — сиб’а: не только — дли сиб’а, но и — при сиб’а. Формы на *-е* отражаются и в сборн. старца Давыда: называли себѣ, оу себѣ… Форма дат.: мин**е**, тиб**е**, сиб**е**. Так и в Тарб. То же и в — галасит’ аб мин**е** (Мухорш.) и др. Смешение форм дат. и тв. во множ. отсутствует. Только один раз обратились ко мне мужики в Н. Загане: с нам пасидит’а!

Форма имен. муж. в двояком виде: **w**он и јон. Более частое **w**он сменяет собою, по всей вероятности, јон: последнее слышал от баб и стариков. Жен. р. ана. Род.-вин. ја**w**о, јајо (и — ијо); в Куналее отметил и — ије: ије нинајд’ош. Дат. јаму, јеј. Тв. и местн. јом, за јом, с јом, у јом; только в Ник. при — за јом и др. отметил и — с јим. Ж. р. јеј. Именит. множ. аны и ане; аны — в говоре лиц, менее подвергшихся влиянию со стороны. Одна пожилая женщина в Ник., которая обычно говорила *аны*, раз сказала с *е*, но по тесной связи с *аны н* остался твердым: *анэ*. За то, что семейщине раньше было свойственно *аны*, могут сказать и их близкие сородичи в румынской Добрудже, в

Тульч. окр., где также эта форма имеет вид *аны*. Различие категории рода не отражается в форме *аны*; *аны* говорил и старец Давыд (сборн. XLV, 1797). Форма дат. одинакова с твор: им'**а**, за им'а, с им'а. На *-м'**а*** оканчивается форма дат.-твор. для этого и других местоим. в великорусск. говорах сибиряков. Как видно, в сочетаниях форм этого местоимения с предлогами *н* отсутствует. Так и в сборн. XLV, 1797: изъ ихъ, на ихъ…

moj (тот) — повсюду. Так и в сборн. XLV, 1797: той кто… Так и в говоре тульчинских старообрядцев: той суд, на той берег, той лежить, а етой бежить… Твор. и местн. ед. имеют одну форму: *тым*, с тым, у тым канцу; при такой форме существует для местн. и форма с *е* с твердым или мягким *т*: у тэм писме (Н. Заг), у тем мести (Тарб.), на тем канце (Мухорш.). Жен. ед. *maja*. Ср. ед. *moja* (тоја места…). Так и у липован Добруджи. Винит. ед. жен. *myjy*: на т**у**ју улицу, т**у**ју ц**е**ну; и — на т**у**ја сторану (Н. Заг.), и — на *myj* (Хонх.). У липован Добруджи: на тую же площадь, тую пограбил. Родит.-дат.-местн. ж. тэј: ат-тэј, па тэј, на тэј, у тэј улицы у бал'шэј. Ср. тот же гласный под ударением в соответствующих формах прилагат. В Хонхолое и Мухоршибири при указанных формах отмечено и с гласным *о*: с тој стараны, на тој улицы. Имен. множ. *тыи*. В Нов. Загане при *тыи* употребляется и форма с гласным *е*; предшествующий *т* является твердым или мягким: тэи, теи (одни и те же лица). Род.-местн. *тых*. В Н. Загане и — *тэх*. Там же и: до сех пор. Дат. *тым*. Тв. *тыми*. Такое же образование в ряде форм представляет и форма для местоимения «этот». Имен. ед.: јетат, этъј (Н. Заг.), этој (?Ник.), јета. тв. за **э**тэм (Н. Заг.), **w**от тетым камн'ӓм чикну! (Хар.). Форма местн. в Тарбаг., как у сибиряков: **w** етим. В Хонх. — **w** јетам даму (старуха). Множ. *јеты*, *јетыи*. Так и у липован Добруджи. Род. местн. *јетых*.

ча**w**о, ч'ао, ч'о͡о, ч'о̂ для род. и вин. Ср. и в Добрудже: чаво пытаешь?

чиј**а**, чиј**у** (Ник., Тарб.).

маје**ј**. Употребляются и формы с *о*: мајој, свајој, брата мај**о**ва (Н. Заг.), ма**w**о брат**а**на (Ник.), сва**w**о (Н. Заг.), брату свам**у**, па твам**у** (по твоему; Н. Заг.), **w** сва**и**м агороди (Н. Заг.); *им* оканчивает форму местн. ед. для этого и для другихъ местоимений в говорах «сибиряков»: у **w**сем Хараузи (Хар.), **w**с'ој (Мухорш., Н. Заг.).

ихнъј, -аја (Н. Заг., Ник.). **и**хъј, -аја (Хар.). В жен. р. и **и**ха: иха жыс', иха мижа. Такое же образ. представляют и великор. говоры Сиб. (ихој, ихноj, иха, ихна), на какэј **w**у**л**ицы (Хар.), какэј, такэј (Кун.). **w** каким мести (Хар., Кун., Хонх.), таких — ыми, адн**о** пол'**а**, друг**о**ја пол'а (Мухорш.), аднэј — род.-дат.-местн. (Н. Заг., Кун.,

Хар.), ни днэj кражы (Н. Заг.), **w** аднем (Н. Заг., Ханх., Кун., Тарб., Мухорш.), **w** адним (Мухорш., Н. Заг.). адны (Ник.), адне (Мухорш.), адных (Ник.).

обе (Кун., Хар., Н. Заг.), аб**о**и (Ник., Хар.), различия категорий рода не отражается.

другэj (Ник., Хонх.), **w** другим (Н. Заг.).

нäхт**о** = никто (Тарб.), па какоj-небут' цан**ы** (Н. Заг.).

двуми. В сборн. старца Давыда: двум**и** глав**а**ми; трема перст**а**ми.

П р и л а г а т е л ь н ы е. В отношении о с н о в: зараз'-он: зараз'**о**нъj (Ник.); просо: пр**о**сываjа крупа (пшено. Хонх.). кур-ин-jа: курин'н'а слипата (Мухорш.); брет (вм. брит-: сынъ забретъj; Н. Заг.); т в е р д ы й согл. в основах: позноj, -аjа, здешнъj, асеннъj, переднаjа, прежнаjа. В таком же образовании с твердым согл. эти прилагательные представляют великор. говоры Сибири (отмечено — поздоj).

О к о н ч а н и я. Семейщине свойственны нестяженные сочетания: краснаjа пагода, плах**о**jа лета, краснаjа лета… Но в Тарб. часто, в Куналее и Мухорш. реже употребляются и формы со стяженными окончаниями, несомненно перенятыми от «сибиряков». Только -в'ошна, в'**о**шны, -у: в'ошну пахали — не только в Мухорш., но и в Н. Загане; в Хараузе и Никольском — в'ошнуjу пахат'. Окончание род.-дат.-местн. ед. ж. под ударением *-ej* с предшествующим т в е р д ы м согласным: у бал'шэj цэркви, на чужэj стараны, худэj… Окончание местн. ед. муж. и ср. *-им*, *-ым*, как и в великор. говорах Сибири: у земским, Игнатывым, на прастым, у нонишним. То же окончание было и в говоре старца Давыда: во вторымъ мѣсте, на кислымъ хлѣбѣ, на которымъ, во отпаденiи своимъ (сборн. XLV, 1797). Окончание имен. множ. обычно *-ыи*, *-ии*: худыи, сл'апыи, чижолыи, дарагiи; jета **w**от б**а**рскии пашни пашли. В Ник. отмечены окончания *-ыи*, *-ыjа*. В сборн. старца Давыда: м**а**лыи риб**я**ты.

Р о д. j**е**тат пис'м**о**, адин пис'мо, другоj пис'мо (в речи баб; Н. Заг.), адин сущ**ы**ла продал**и** (Хар.), зал**е**за как**а**jа (а не — как**о**jа) jес'т'? (Хонх.).

Изредка встречаются ч л е н н ы е формы имен существ. на *-ът*, *-та*, *-ти*.

Г л а г о л. О с н о в ы. С основами инфинитивов на *е*: гавар**е**т' (гавар**е**ли…), кричет' (кричела…), раст**е**т', стуч**е**т'. Так и в великор. говорах Сибири. Основа на *-и*: гонит'-: гон**и**т' к**о**ни, стр**е**лит' (выстрелит). Основа на *-jа*: купл'*а*т'. Основа наст. вр. перенесена в основу инфинитива: забр**е**т' (забрели, забрет…), бл'ув**а**т' (блув**а**л…), с'ас'[т'], с'ал… (Хонх., Тарб.). Это заимствование общераспространенного в Сибири образования; держится и свое: *сел*. Обобщение со-

глас. *к*, *г* в основах наст. вр. на *е* — *о*: т’ак’от’, тк’от’, жг’от’. Но — можут’. Обобщение вида основы с гласным тематическим *и* в језди-: је**з**диит’, јездијут’. В основу наст. вр. перенесена основа инф.: п’ајут’. В употреблении образования с основой *име*: имет (берет) ср. и основы в зајмуимс’а — и др. В основах наст. вр. на *-и* форма 1 ед. имеет основу с тем же согласным перед окончанием, какой является в прочих формах: малат’**у**, плат’**у**, **w**скип’ат’**у**, прихфат’**у**, суд’**у**, пасад’**у**, кас’**у** и к**о**с’у и кащ**у** (от лица, говорившего малат’**у**), карм’**у**, куп’**у**, сп’у.

О к о н ч а н и е 3 ед. и мн. наст. вр. *-т*’. Такое же окончание имели эти формы и в говоре старца Давыда (сборн. XLV, 1797). Но в с.с. Тарбагатае и Мухоршибири среди прочих наносных явлений отражается и черта сибирско-великорусских говоров — твердое *т*, хотя и эта черта свойственна речи не всех старообрядцев указанных сел. В говоре лиц, употребляющих формы на *-т*, представлены и другие северновеликорусские особенности: в соответствии *-ает*’, *-еет*’ непременно будет сказано *-ат*, *-ет*: знат, дават, умет. При этом в говоре одного и того же лица встречаются иногда подряд формы с *т* и *т*’: *знат* и *знаит*’ и т. п. Изредка попадаются формы на *-т* в говоре отдельных лиц и в других селах. Форма без *т*’: *можа* («может быть»). Гласный перед *-т*’, как и в других формах, проведен ‘*о* вм. *е*: жив’от’, н’ас’от’. Но в Н. Загане от одной бабы слышал: жывет’, в Куналее: сабир**е**сси. Имея в виду последние примеры и общий характер семейщины, до ее пропитывания чертами сибирско-великорусских говоров, — семейщины как говора южно-великорусского, с вероятностью можно полагать, что ’*о* вм. *е* получилось в связи с таким же гласным в великорусских говорах Сибири. Гласный в ф. 3 мн. в неударенном конечном слоге *-у*: гав**о**р’ут’, в**о**з’ут’, сх**о**д’утца, в**и**д’ут’… Так и в сборн. старца Давыда.

В Тарбаг. в употреблении инфинитивы на *-чи* с предшествующим согласным основы перенесенным от основы наст. вр. (*к*, *г*); берекч**и**, стерекч**и**, памакч**и**. Такое образ. инфинитива широко распространено по великорусским говорам Сибири — с запада до далеких окраин сев.-востока: текч**и**, лекч**и**, берекч**и**, запрекч**и**, бекч**и**, жекч**и**, стрикч**и**, помокч**и**, волокч**и**, пекч**и** и др. Ср. также согласный *к*, а не *х*, в этих сочетаниях, употребляемых тарбагатайскими страообрядцами. Ясно, что и в этой черте тарбагатайские семейские пошли за «сибиряками». В Куналее также отмечено такое образование инфинитива, но со своим согласным перед *-чи*: памахч**и**. В Тарбагатае представлены инфинитивы на *-ти*, которым распространено прежнее сочетание инфинитивной формы на *ч*: памачт**и**, слечт**и**. Встречаются инфинитивы на *-сти*: припаст**и**, зап**а**сти (Мухорш.). Но обычно *с’т*’ →

с’: атвес’, **w**пас’ (Н. Заг., Кун.). Несомненно, от «сибиряков» позаимствовали семейские инфинитив **w**з’ас’[т’], отмеченный во всех селах. Но в Ник. и Тарб. отметил и прежний: **w**з’ат’. Для объяснения **w**з’ас’[т’] укажем, что по всем великорусским говорам Сибири сохранено в форме инфинитива сочетание *-с’ти* или *с*’[*т*’]: с’асти, кл**а**сти, јис’, поп**а**сти, кл’асти… В великорусских говорах Сибири это *-сти* или *с*’[*т*’], как инфинитивное окончание, вытеснило собою старое окончание *-ти* после гласного корня: вз’асти или вз’ас’[т’], достасти, добысти, убисти, дасти, брасти и др. Во всех селах семейских говорят јис’[т’] (есть). Как гласный *и* свидетельствует, этот инфинитив взят от «сибиряков».

По всей семейщине употребляются неизменяемые формы п р и ч а с т и й (деепричастий) в значении сказуемого: она была уст**а**мшы, јон испужамшы, јета ус’о был**о** закипемшы (покрыто льдом), н’авеска адбимшы (отбилась; Хонх.), атец ум’оршы, нашата канава засрамшы (засорилась; Тарбагатай), хлѣб **w**з’амшы, кон’ атцэда уз’амшы, пришо**т**чи с плену (пришел из плена), брат уехатчи. Эти причастные формы употребляются и как наречия: кур’ут кр**а**тчи, в**о**спу прививала кратчи, што натселис’ р’ав**е**мшы? В семейщине встречается нередко в качестве наречия и такое образование: патхад’**а**ва или — патхад’**а**шша в знач. «хорошо», «как следует». Последнее образование употребляется в разных местностях и у «сибиряков»: потход’ашшо или потход’а. «Как у вас? — Потход’ашшо (или — потход’а). Также повсеместно, от Западной Сибири до Анадыри, в ходу и наречие *кратчи*. Впрочем, у семейских это образование могло быть принесено их дедами из Европы: у их сородичей на Ветке и в Добрудже также известно оно. И причастие, в значении сказуемого, употребительное и в говорах нестарообрядцев, представляет собою европейское наследство. Как наречие употребляется згад’**а**: н’амнога згад’а.

В глаголах на *-ся* представлено в конце *с’а* и *си*. В сборнике старца Давыда встречается и *сы*: здѣлалсы, ост**а**лсы, наоуч**а**лсыбы, оужасн**у**лсы.

Н а р е ч и я, с о ю з ы, ч а с т и ц ы: кагда, -ы, тагда, -ы, кајда, тајда, кавда, тавда, када, тада (см. выше), тажн**о** (тогда, потом), ап’ат’ и апет’, лан**и**, лан**и**с’, **у**тре, за**w**тр’а, **w**чар**а**, **w**чар**а**с’ка, с**е**дни, нон’ча и нын’ча, напр**о**к (на тот год), позда, тапер’, тапер’а, таперича; реже: т’ӓпер’, типерича (между прочим от древнего старика), де, аде, иде, де-нибут’ (см. выше), назаде, позаде (позади), назат’ (назад), т**у**така, т**а**мака, нима (см. выше), кола, аткэл’ или аткел’ и аткыл’, аткул’, аткэдыва, аттэл’, аттэл’ва, аттыл’, аттэда, атт**ы**дыва, атцел’, атцеда, пакэл’, куды, суды, скрос’, асоп’ и ас**о**б’а, акром’а,

скол’, -л’ка, -л’ки, -л’к’а или скока, стол’, тол’ки, -’а, тока, ишо, пашто и пошта (почему), такм’а, втун’, пачес’ (почти), диwна, шыпка (очень), брawа (агурцы растут’ брawа и т. п.), пушша, најпаче, awс’ака-проста, нахратам (нахрапом), на-хфарт (на-хфарт итит’ — наудачу идти), аднака (вероятно), бытта (без особого значения; например: јета бытта бат’ка мој — и т. п.), ал’а и ал’ (или), ал’ба (или), хуш (хотя), јежели, јежли, јесли, јели, језели, јез’ли, къли (къли w гости — пагасти w нас), эва и эвана (указат.: вон, вон там), ну! (в знач. утвердительном: «да!»). Баба на улице колотит девчонку. Девчонка вопиет: Ај-waj, н’абуду! (Хонх.). Частица -ка: тама-ка, тута-ка, нету-ка, пајду-ка… На многих из этих наречий, союзов и частиц также отражается влияние сибирско-великорусских говоров: апет’, напрок, тажно, назаде, назат’, нима, пачем, за-вс’ака, проста, на хфарт, аднака, бытта, ну! (да!), частица *-ка*.

Из семейского с и н т а к с и с а можем отметить только немногое. Форма вин. мн. *кони* употребляется в значении дополнения: нашы кони wгнат’, кони wгнали, пастi кони, пускат’ кони, ни видал маих кони? па кони в’алит’ итит’. При сочетании с «2» обычная великорусская форма на ***-а***: два кон’а. Но: п’ат’ кони, многа кони. Ср. и в говорах Сибири: у ково *кони* нет (Нижнеудинск. уезд).

Форма *скатa* употребляется в значении прямого дополнения: кармит’ ската, wз’ат’ [wз’ас’т’] ската. Так и в говорах Сибири (на востоке).

Местоимение кawo- имеет значение «кого» и «чего» («что»), кawo зделаиш? д’адин’ка, кawo н’ас’ош? кawo работат’? кawo w мине јес’ (что у меня есть?), wон н’а знаит’ кawo мы јадим; каво ты делаш — и в говорах Сибири.

В сборнике старца Давыда (XLV, 1797) при передаче дополнения с предлогом предлог употребляется перед именем и перед относящимся к существительному прилагательным и местоимением: къ рымскому къ заблуждѣнію, къ проклятымъ ихъ къ ересямъ и къ поганымъ ихъ обычаимъ, отидетъ со всеми со своими со служащими со лугами и придотечими, прибылъ во благочестіи, во христовои въ вѣри, выстиннымъ въ пути и др.

Ударение. С у щ е с т в. тучa, чишшa (чаща), дачкa (дочка), парa, 2 пары (пара лошадей, 2 пары; так и у сибиряков), думa (дума, мысль), ван’кa (вонь), санки (и у сибиряков), пакасникu, на гару, платину прудит’. В сборнике старца Давыда: слуги, три перста.

П р и л а г а т. дишавој (на этом слоге ударение и у сибиряков), атец роднај, мат’ раднаја, наwој, наwој рас (о в этом слове и у сибиряков).

М е с т о и м. т**о**му.

Г л а г о л. гав**о**риш, -т’, гав**о**р’ут’, гав**о**рили; пр**у**дит’, работ**а**т’, р**о**бит’, пал**о**жыт’ (на *-ло-* ударение и у сибиряков), пакаст**и**т’ (на *-ти-* и у сибиряков), пав**е**рнит’, пасл**и**, прип**а**сла, -ли, **w**з’ал**и**, прадал**и**, жыл**и**, был**о**, был**и**. В трех последних случаях ударение на последнем слоге отмечено и в великорусских говорах Сибири. Но ударение в указанных формах (в частности в был**о**, были) представлено было и в говоре старца Давыда. С ударением на последнем слоге эти формы употребляются и старообрядцами Добруджи. В говоре старца Давыда ударение на последнем слоге имела и форма 2 л. наст. для некоторых глаголов: творите (2 раза на одной стран., 3-ей).

Лексика. ***а***: **а**л’ба (или), ал**а**мус (высохшие места в поле), арг**а**л’ник (растение вроде «шипишки», — что растет по «аргалу», т. е. по сухому навозу, кизяку). ***б***: бич (кнут), б**о**л’ки (нарывы), батв**и**н’н’а (квас из поджаренных отрубей), бр**а**въј (хороший) — бр**а**въј сарахфан; бр**а**ва (хорошо), бр**а**тка! (обращение к брату), брех**а**т’ (врать), брихн’**а**, бр**и**чка, бр**у**ква (брюква), б**у**л’ба (картофель), бур**у**н (теленок на 2-й год), бут**у**н (озимый лук). ***в***: вервы (веревки), в**е**ршна (верховой, едущий верхом), в**и**нник (виновный), ван’к**а** (вонь), в**о**н’киј (вонючий). ***г***: гл’**а**нитца (нравится), гнат’ злобу (злобствовать), гноj (навоз), гнус (насекомые), ганошит’, -с’а (готовить, -ся), гарабеj (воробей), итит’ на гарл**о** (идти напролом), на грутк**и** лес’т’ (силою идти), галупк**и** гуркуjут’, гух**а**j (свинья). ***д***: дастат’ начал’ника, див**а**ха (девушка), дум**а** (мысль, дума). ***ж***: жопа (кроме обычного значения имеет значение вообще з а д а ч.-н.; старушка указывая мне на обгорелую заднюю часть избы, говорит: «эвона, жопа абгарела»), журав**е**ц (журавль у колодца). ***з***: заб**и**т’, забит’ да смерти, забил бы иjо и бросил, загад**а**т’ (позвать, оповестить, заказать) — загадат’ на схот, загадат падводу, закипит’ ил’дом (затянется льдом), jета ус’о был**о** закип**е**мши (покрыто льдом), з**а**пан (фартук), запл**о**т (забор), зарит’ (разорять), з**а**стин’, сел у застин’ (в тень), з’ал’онка или атава, зимав’jо. ***и***: **и**ставъј (настоящий), **и**чиги (вид сапогов). ***j***: j**а**вку дават’ (показание давать), jаловка (яловая земля), jем**а**н (козел). ***к***: каз’**о**нка (кладовая), казнит’ с преф. *с-*: сказнит’, тибе сказн’**у**, к**а**лтус (увал с болотом), капеjки (вообще деньги, так и у алтайских «поляков» — старообрядцев), кард**о**н или jетап (арестантская), кар**а**ндус (тарантас), клат’ (скирд), карag**о**т в**о**д’ут’, к**о**вал’, каласник, каласница (сарай для колоса, соломы), кургашки (ягнята), вин**о** кур’ут’, курм**а** (одежа, см. выше), к**у**чери (см. выше). ***л***: лебед**а** — либид**а**, л**е**деник (ледник, куда кладут покойников, подлежащих осмотру, вскрытию), лемех, лит**о**вка (коса), лад**о**н’ (ток), ланч**а**к

(годовалый жеребенок). ***м***: мат'угом стругатца (по-матерному изругаться), малат**и**ла (цеп), м**о**рак, марак**а** х**о**д'ут' (дождевые облака ходят), мыт — по-нашыму дрисн'а, м**у**тырна (затруднительно). ***н***: наз'ом, хлеп стаит' у народах, итит' натурај (силой), нав**о**j (иной), нас**у**л'ка (деревянный четырехугольник на морде у теленка, чтобы не сосал коровы), халат нарастап**а**шку, настругат' (подговорить, натравить), нашшэт (насчет). ***о***: **о**бжа или аглобл'а (по местностям; первое, например, в Куналее, а второе — в Тарбагатае), абиждат' (обижать), абр'ат (наряд), дочка д'ат'ми апсадилас', арала (соха с одним сошником), атв**о**рка (форточка), ваткрытку к**у**р'ут' (открыто курят). ***п***: пад**у**шка (падина), на маих пам'ат'**а**х, паут, перс[т], перст**ы**, пил'насти (заботы), пихт**а**р' (пихтовые деревья), пл'атен', песни п'ајут' — р'ав**у**т', подм**о**рнаја зимл'а (чернач, сильно высыхающая почва), пабир**у**шка (нищий), павеки (подволока), пам**а**чка (дождем), пас**е**л' (выселок), паск**о**тина, пасекли паскотину (подрубили поскотину), 25 пас**у**дин хлеба, пат**у**жнаја вада (сильная вода), пат**у**га ат-ыл'да, пахфалка, пр'асла, приг**о**н (скотный двор), примал**о**тнъj хлеп, л'от преит' (тает), правалав**о**дит' (провозиться), карова прапала (издохла), пр**о**сываја крупа (пшено), простој (пустой, незанятый), прахалоднъj (прохладный), карова прачин'аит' (починает). ***р***: рач**е**н'е, р'авут' песни, ритав**а**т', р'атујт'а, атец думал сына атритав**а**т' у бур'ата, паритав**а**т' (помочь), раг**а**лы — долгаја т'алега, халат нарастап**а**шку, р**ы**пат' (куражиться). ***с***: с'астр**и**нец, сејанки (ночвы), сес'[т'] на жопу (приподняться из лежачего положения), сид**е**т' самаг**о**нку (гнать самогонку), итит' на-сил**о**к (силою), син'**а**вицы (синяки), слых (слух), см'ар**о**тнаја јаму пригат**о**вили, с**о**пка (оголенный крутой холм), ст'ах (шест), карова ст**е**л'на, стин' (тень), стукатолк (стук), сусл**о**н (куча в 10 снопов), да сут**е**рпу (пока можно терпеть). ***т***: тавр**о** (печать со знаком, которой метят лошадь), тал**и**на (тальник), твар**и**т' (делать), талм**а**чит' (о ребенке, начинающем говорить), т'ан**и**гус (подъем в гору), трет'т'**а**к (жеребенок на 3-й год), трапит', трафит', трафилас', наша сила у тук нејд'от', турит' (гнаться), д'авч'онка захфарала, тур**у**сит', кричит', туесок, тын. ***у***: **w****у**пуут (упов**о**д), урн**а**к (варнак), усвид**а**т', усв'ал (увядать, увял). ***ф, х***: хфурманка, хурман (вид повозки), хм**а**рит' — а дажжа нету, **w****у**трам хм**а**рна был**о**, нахр**а**там брат' (нахрапом брать), хфарт (удача), на-хфарт ит**и**т', хр**у**шкъj (крупный). ***ц***: цапн'**а**к (ведро у колодца для черпанья). ***ч***: чај чајлонскъj, чич**а**снаја врем'а (настоящее время). ***щ***: шшып'атк**о**j (красивый).

И в словарном составе отражаются два диалектических пласта: 1) южновеликорусский, с некоторой примесью заимствований, сде-

ланных на юго-западе[32], и 2) сибирский, северновеликорусский. 1) Например: брехат’, бул’ба, гарабej, забит’, кучери, гноj (навоз), плетен’, патужнъj, ритават’, трапит’, хмарна, нахратам и некоторые другие. (Об ал’ба, пил’насти… см. ниже). 2) В словарном отношении говоры Сибири обобщаются с говорами сев.-востока европейской России: Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Пермской, Вятской губ. Кроме того, в течение жизни в Сибири они развили несколько своих образований и заимствовали ряд слов от других языков Сибири. Семейские позаимствовали от «сибиряков» и многое в отношении словаря. Например: бутун, ганошыт’, -с’а, гнус, диваха, заплот, ичиги, калтус, карандус, литовка, паут, падморнаja зимл’а, сопка, стин’, т’анигус, туесок, упуут (уповод), шыпишка, хфарт и др. В Забайкалье же позаимствовали семейские ряд б у р я т с к и х или м о н г о л о - б у р я т с к и х слов. Это позаимствование сделано было непосредственно от бурят вследствие своих связей с ними с первых же лет поселения в Забайкалье. Но некоторые из этих слов могли перейти к семейским и при посредстве «сибиряков»: арг**а**л, арг**а**л’ник (бур. **а**ргhал), бур**у**н (бур. буру; халхасско-монг. біру), гух**а**j (бур. гахаi, гахä — с долгим ä), jем**а**н (бур. jаман, халх.-монг. іман), кург**а**шки (хори-бур. хар’игhан, халх.-монг. и селенг. хуріг или хуригhа), курм**а** (халх.-монг. и южномонг.: курме, курем, хурме, хурем, хори-бур.: хурмо, -е — с *у* ближе к среднему или переднему ряду). Одинаково с «сибиряками» семейские зовут бурята «братцким», а бурятку «брачохой» (брач**о**ха), в почтительно-дружественном обращении к буряту они называют его «тал**а**», «тал**а**ша» (бур. th**а**ла — приятель).

Заимствования из языка о б щ е р у с с к о г о, «образованных» классов: астр**и**цкъj — брат убит на стрицкам хронт’ä, згарнизав**а**лис’

[32] Такого же происхождения словарные заимствования находятся и в языке старообрядцев-«поляков» на Алтае, в Владимирской и Риддерской волостях Змеиногорского округа: т р е б а, х и б а, п о д и в и т ь с я (посмотреть) и др. Также одна заимствованная песенка с чертами языка тех, от кого она была перенята, указывает на юго-запад европейской России:

Сидел москаль на прилавочке
Призащурив очи —
Так и видно, что он, бедный,
Вареников хоче.
Хотел бедный москалек,
Стал женку пытати:
Хозяюшка, голубушка,
Свари мне ин-то, чу…
— Что, чего тебе зварити?..
Пошел москаль з хаты,
С голоду сердитый
Подбегает ко ученью,
Стали его бити.
Биют, биютъ москалюку
Вину вспоминают…

(Записки Западносибирского отдела Русского географического общества. Кн. 26. С. 28, 56—57).

(сорганизовались), л’ар**и**гија (религия), лебиз**а**цыја и билиз**а**цыја (мобилизация), жэнскъj полк, расп**у**блика — пар’атку нету, адна распублика; **w** нас пашла такаја распублика! (у липован Добруджи более подходящее турецкое слово — калабалык), сур’j**о**с, стали сур’jозничат’ (ссориться), начал’ства шшад**и**т’ (чтить, уважать).

Ответить на вопрос, с какими русскими говорами семейщина издавна составляла одно языковое целое, затруднительно вследствие многих диалектических настроений, отразившихся на семейщине не только здесь, в Сибири, но и там, в Европе. Легче определить ту область, где некоторое время жили предки семейских до переселения в Сибирь. Эта область — северная часть Черниговской губ. — Стародубье или соседний край Могилевской губ. — Ветка. Те старообрядцы, которые живут и по сие время там, представляют в своем говоре все главные черты, одинаковые с говором забайкальских старообрядцев, если отвлечь от говора последних сибирские наслоения. Вот несколько черт говора старообрядцев, живущих на Ветке[33]. 1) Аканье и яканье такое же, как у забайкальцев. 2) Длительный согласный *г* или *h*; с таким же *г* «карагод». 3) Употребление совершенно в тех же условиях, как у забайкальцев, неслогового *у*, чередующегося иногда со слоговым *у*. 4) *хв* (*хф*?): хвороба… 5) *о* → *у*: богуродица, гусподь, винувата. 6) В формах имен: дат. ед. жен. на *-ы* с ударением (коз**ы**); родит. муж. на *-у* (с дому, удоль карагоду, хмелю). 7) В формах местоимений и прилагат.: для местного муж. ед. окончание *-ым*, *-им* (въ високимъ терему); оконч. *-во* (*-ва*) для род.-вин. ед. м. и ср. (ево, тваво, сваво…); мине, тибе, сибе; сложные формы «этый» (этъj), [тъj]; с гласным *и* местоим. «чія». 8) В глагольных основах: *плю*вать, *езди*ють, кричеть: «В Маши сердце не стерпело, громкимъ голосом кричала» (ср. рифму в произношении: *ела*: стерпела — кричала). 9) Окончание *т*’ в 3 ед. и мн. наст. вр. 10) Причастные формы в значении сказуемого («самовар закипевши»). 11) Предлог *с* (*з*) вм. *из* («с дому»). 12) Ударение: работ**а**ть. 13) Из словаря: матка, батька, бравъj («дявчоночку бравую, белую, румяную»).

Как на семейщине отразилось влияние Сибири, так и на говоры оставшихся их собратий на Ветке и в Стародубье продолжали воздействовать говоры тамошних давних поселенцев — носителей белорусского наречия, смешанного с малорусским и слабее с южнове-

[33] Пользуемся замечаниями и записями, сообщенными И. С. Абрамовым в «Живой Старине» 1907 г., вып. 3. К сожалению, эти замечания очень скудны, в записи малоудовлетворительны.

ликорусским[34]. Ср. из словаря ветковских старообрядцев: жинка, коханочка, личши (лучше), було, чи (чи жива твая семья?), попытайте (спросите). Лексические данные семейских свидетельствуют также, что предки этих старообрядцев жили в Западном крае, где был силен культурный элемент п о л ь с к и й, отразившийся на лексике тамошних русских (белорусов). Кое-что из этих заимствований переняли и предки семейских. Словарь семейских сохраняет воспоминание об этом. Ср. такие слова, употребляемые и в настоящее время семейскими: ал'ба (или), пил'насти, передачу польского król в игре: ко^{у}рул', ко^{у}рул'**а**; забит', загад**а**т' (заказывать, созывать), *з* вм. *из*. Может быть, по-западному семейские называют кузнеца «ковал'». Впрочем, то же слово (и с ударением на первом слоге) употребляется и на севере России, например, в Кадниковском у. Вологод. губ.[35] С запада, вероятно, вынесли семейские «бричку» («брычку»), «хфурманку» и там же научились называть сумрачную погоду «хмарной», дождевые облака — «хмарой» (имеется и сев.-великорусское название — «марака»).

По вопросу о том, из какой области предки семейских переселились в область Польши или к рубежу ее, укажем прежде всего на ближайшее отношение говора семейских к говору старообрядцев-липован, живущих в румынской Добрудже в округе Тульчи. О выходе своих предков из «Польши» и эти старообрядцы, как и забайкальцы, еще помнят[36]. Предки и семейских и липован принадлежали к одной диалектической группе — *южновеликорусской*. В местах нового жительства в последующее время они восприняли ряд черт других русских диалектов: семейские от сибиряков — сев.-великоруссов или средневеликоруссов, а липоване от малоруссов (например: твердое *ч*, *ыр* в «кырчма», как на южной окраине Галиции; шукаем, чутете, г**а**рман — ток). Кроме указанного наслоения, в говорах этих разобщенных старообрядцев отразилось влияние иноязычное, не славянское: в Забайкалье монголо-бурятское (ср. вышеуказанные слова), в Добрудже 1) румынское и 2) турецкое; ср., например, слова, вошедшие в речь липован: 1) аменд (штраф), амендуит (3 ед.), либер (свободный), перчептор (сборщик податей), прехфект; 2) бакшиш (взятка), дескире — пашпорт по-ихнему [по-турецкому], ех-

[34] Об этих говорах см. в: ИОРЯС. 1910. Т. 15. Кн. 1 и материалы в «Жив. Старине», 1901 г., XI, вып. 2—4 («Литвино-белорусы Черниг. г.» М. Н. Косич), а также записи в «Варшав. университетских известиях», 1914 г., IX.

[35] Живая Старина. 13. Вып. 1—2. С. 199.

[36] «Мы давно из Расеи выбежали, из Стародубья. Дедушка мой, покойник, еще жив был». В. Г. Короленко. Очерки и рассказы. Кн. 4. С. 258.

вендий (господин), каймакан (вм. «каймакам» — уездный начальник), калабалык (беспорядок): «у нас такой калабалык пойдет — не дай Бог» (у семейских, как и у «сибиряков», для этого служит «распублика»); марафет (милость). Ряд общих черт в говорах семейских и липован в звуках и формах отмечен выше, при описании говора семейских. Ср. следующие явления: 1) Одинаковые замены неударенных *а, о, е*. 2) Неслоговое *у*, чередующееся с слоговым *у*, употребляется в тех же условиях, как у семейских; неслоговое *у* и вм. начального неударенного *у*. 3) *хв* вм. *ф* (ехвендий, прехвект). 4) *у* в окончании родит. ед. (п**е**лену, Дунаю, аменду); *-ов* в оконч. формы родит. мн. (делов). 5) В формах местоимений: мине, тибе, себе (род. вин.), той, тую, етой (тот), ту, этот, етые (им. мн.), етыми; оны. 6) В глаголах *стрелил*; з**а***ймую*тся; *т*’ в ф. 3 ед. и мн. (волокеть, спить, хотять, сманють, пытають); -’*ут*’ в неудар. слоге формы 3 мн. (сманють). 7) Наречия: идѣ, игдѣ; умирали дюже, *шыбко*; скачут(ь) по степе двое *вершно*; откуль, откеда, скольки, стольки; коло (коло Калаорману). 8) Лексика и ударение: батька, брешите (врете), хмара, астрицкіе, был**о** и др.

Липоване Добруджи помнят и о том, что предки некоторых из них переселились в Добруджу с Дона. До сих пор еще держится там, хотя и не сильный, «некрасовский корень». Меры Петра Великого по отношению к старообрядцам взволновали и донских казаков. К тому же экономические тяготы этого времени также беспокоили донцов[37]. И «тихий» Дон возмутился. Под предводительством Некрасова часть восставших казаков ушла в 1708 г. на Кубань и отдалась в крымское подданство. Позднее, по взятии русскими Анапы, некрасовцы переселились в Турцию, к устью Дуная.

С Доном были связи и у семейских до переселения в Сибирь и после водворения в Забайкалье. В конце XVII и в начале XVIII столетия в Стародубье и около Ветки, откуда вышли «деды» семейских, жило много старообрядцев — выходцев с Дона. Имеется, напр., указание, что в начале XVIII в. около Ветки находилась слобода из 65

[37] Настроение донского казачества таким образом выражено было в послании Кондратия Булавина к старшинам кубанских казаков: «А если царь наш не станет жаловать, как жаловал отцовъ наших и дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснение чинить и мы войском от него отложимся… и потому мы от своего Государя отложимся, что нашу веру христианскую в Московском царстве перевел, а у нас ныне отнимает бороды и усы, также и тайные уды у жен и детей насильно бреют» (Русская Старина, 1870. Июль. 7).

старообрядческих дворов донских казаков[38]. Когда старообрядцы поселились в Забайкалье, среди них действовал книжный человек Петр Буров, «бывший казак Пятиизбянской станицы» (II-го Донского округа, на правом берегу Дона): см. выше с. 522. Эти связи не ограничивались только общностью «древлего православия»: они простирались и на общность д и а л е к т и ч е с к у ю. В говорах старообрядцев Забакалья и Добруджи представлены те же южновеликорусские черты, что и в говорах населения вдоль тихого Дона, в его верхнем и среднем бассейнах (в нижнем уже значительно отражается элемент малорусский, а отчасти и иноязычный, — греческий). 1) Длительный согласный *г* или *h* вм. взрывного *г*; длительный задненебный согл. и в слове горобе**ц**ъ. 2) То же аканье и яканье. 3) Употребление в одинаковых условиях неслогового *у*, в том числе и вм. неударенного начального *у*. 4) *-ка, -ку* после мягкого согласного, при редком *-к'а*, *-к'у*. 5) *хв* (*хф*?), *х*. 6) Обобщение основ с *о* вм. ъ (роту…). 7) Окончание *е* в ф. род. ед. ж. р. (при *ы*?): у сестре у Анне. *е* в формах: на степе, по грязе, в грязе. У низовых казаков *степ* и *дроб*(*п*) в местн. пад. передаются и с оконч. *у*: на степу, на дробу. Так и в Добрудже: на степу, на степе. С таким же гласным (*е*) и наречия: сзад**е**, позад**е**. Окончание *-ав*, *-ев* в ф. род. мн. не только мужск. и ср., но и женск. (кошков, игрушков, бутылков). 8) Окончание местоим. и прилагат. в ф. род. п. м. и ср. р. — *-во* (*-ва*). Формы местоимений: мене, тебе, себе — род. и вин. (но в дат.: табе, сабе), яво, яё или её; в винит. и ею, маво, тваво, сваво, оны. 9) *-ыи*, *-ии* оканчивают форму им. мн. прилагательных. 10) Глагольные основы и окончания: *езди*-ють, *пе*кёшь, *ходю*, *крутю*, *просю*, *чистю*; *-ют*' в неуд. окончании: неуд. окончание 2 л. мн. *-тя* (пуститя), *ся* и *си* в глаголах на *-ся*. 11) Причастные формы на *-мши* в знач. сказуемых (наемшись, напимшись). 12) В наречиях: и*ш*о (с одним *ш*, при *ишшо*), *не-* в — где-нибудь-, куда-небудь; иде, сколь*ки*, столь*ки*. 13) В ударении: гов**о**-ришь. 14) Те же словарные заимствования: хмара, хмарить, коваль. К сожалению, скудные материалы по говорам Донской области (в «Сборн. Отд. рус. яз. и слов. имп. Академии наук», т. 68) лишают возможности отметить ряд других важных параллелей.

Представители «древлего православия» в Забайкалье, на Дону, в Добрудже жили раньше, до «никонианских нововводств», в местностях, близких одна к другой, входили в состав одной этнической и диалектической группы — ю ж н о в е л и к о р у с с к о й, — в области

[38] *М. И. Лилеев*. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII в. Киев, 1895. С. 266.

к югу от Москвы, в пределах нынешних Тульской, Орловской, Калужской, южной части Рязанской губерний. Сравните диалектологический материал из этих местностей с данными говоров семейских и донских старообрядцев в отношении звукового и формального состава, а также лексики. В течение времени часть этого населения передвинулась на свободные земли в Подонье.

Если название забайкальских старообрядцев: «с е м е й с к и е» — принесли деды их из Европы и не представляет изменения другого названия, то оно может указывать на местопроисхождение носителей этого имени: из местности, имевшей отношение к С е м и (Сейму; ср., например, курские названия Сейма: Сем, на Сям**и**, за Семъю…). Географические названия от «Семи» находятся не только в областях по близости к Семи (например, с. Засемье Тимск. у. Курской г.), но и в стороне от Посемья. Такова слоб. Семейка на правом берегу Дона (в Острогожском у. Воронеж. г.). Но такое происхождение своего названия семейские забыли и толкуют его происходящим от слова «с е м ь я»: «сибиряки» жили в о д и н о ч к у, а их деды пришли с с е м ь я м и, а потому и прозвались с е м е й с к и м и. Так объясняют теперь забайкальские старообрядцы свое название. Такое же толкование предлагал в свое время П. А. Ровинский[39]. Затруднительно согласиться с таким толкованием: ожидалось бы прилагат. «семейные»: суффикс же *-ск* определяет в данном случае отношение к м е с т н о с т и, выраженной посредством основы. Но если действительно от «семьи» повелось название старообрядцев, пришедших в Забайкалье, то полагаем следующее. Сначал они прозваны были здесь «с е м е й н ы м и». Могу сослаться на указание от 20-х гг. прошлого столетия, принадлежащее А. Мартосу, если он только верно передал название старообрядцев. «Старообрядцы пришли сюда семьями, водворены семьями и потому сохранили доселе имя “*семейных*”»[40]. В течение времени название «семейные» заменилось названием «семейские», с суф. *-ск*, чтобы выразить не семейность их (ею и «сибиряки» обзавелись), а географическое определение, по аналогии с другими географическими названиями с *-ск-*. Так можно объяснить возникновение названия «семейские» вм. «семейные». И такая замена, если она действительно имела место, произошла уже до 1830 года. Декабрист бар. А. Е. Розен, побывавший вместе с другими декабристами в этом году в старообрядческих селах, сообщает

[39] Известия Восточносибирского отдела Русского географического общества. 1872. Т. 3. №. 3. С. 125.

[40] Письма о восточной Сибири Алексея Мартоса. М., 1827. С. 115.

между прочим в своих записках следующее: «Здесь [в с. Тарбагатае] и на протяжении пятидесяти верст кругом живут все *семейские*»[41]. Несколько ниже Розен объясняет происхождение этого названия: «им позволено было… переселиться в Сибирь с женами и детьми, отчего и получили наименование Семейных или Семейских». Из сообщения Розена не явствует, чтобы старообрядцев там называли «семейными»: это слово употреблено в записках в качестве пояснения к слову местному: «семейские». А это обстоятельство вызывает сомнение в достоверности указания Мартоса: по всей вероятности, он употребил общерусское прилагательное (семейные) вм. местного названия «семейские» — употребил в силу указанной этимологии[42].

IV

В предшествующем очерке было указано на связь забайкальских старообрядцев с ветковскими и стародубскими. Об этой связи свидетельствуют и данные языка, и традиция, и черты быта, и письменность забайкальских старообрядцев. О языке говорилось выше. О своем переселении из «Польши» до сих пор помнят семейские: только забыли, из каких именно областей ее. По месту выселения они назывались раньше «поляками». Так называл их Паллас (см. ниже). Под этим же именем они были известны и позднее. «Туземцы называют их “поляками”», — писал декабрист Якушкин[43]. Их сородичи на Алтае в Змеиногорском и Бийском окр., под именем «поляков» известны до сих пор[44]. Полнее память о месте своего исхода сохранялась в начале прошлого столетия. А. Мартос, побывавший в

[41] Курсив записок. Отечеств. Записки, 1876. № 4. С. 410—411.

[42] Впрочем, и в европейской России встречается прилагат. «семейский» вм. «семейный». Так в с. Радомле Московского у. (Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. 68. С. 151).

[43] Русский Архив. 1870. № 8—9, 1614.

[44] Об этих старообрядцах см. в статьях *М. Швецовой*: «Поляки» Змеиногорского округа (Записки Западносибирского отдела Русского географического общества. Кн. 26, Омск, 1899); *Г. Д. Гребенщикова*: «Река Уба и Убинские люди» (Алтайскій сборник. Т. 11. Барнаул, 1912); *А. Новоселова*: «Отчет о поездке на Алтай» (Известия Западносибирского отдела Русского географического общества. 1913. Вып. 2); *его же*: «Умирающая старина» (Записки Семипалатинского подотдела Западносибирского отдела Русского географического общества. Вып. 10); *С. Чудновского*: «Раскольники на Алтае» (Сев. Вестник. 1880. С. 71—72).

Тарбагатае, сообщал со слов старообрядцев, что они — «жители Стародуба, Добрянки, Гомеля»[45]. Декабристам тоже указывали эти старообрядцы на Гомель, а также на Дорогобуж (Смолен. г.) как на области, откуда шло переселение в Сибирь[46]. Бытовыми явлениями, своим костюмом, своими постройками, чертами своего характера семейские также ближайшие сородичи стародубских и ветковских старообрядцев[47]. В сохранении традиционного костюма забайкальцы оказались тверже своих сородичей на западе — в Черниговской и Могилевской губ. В последних местностях в большом ходу мещанский, городской костюм: см. замечания и снимок в IX-м т. «России» (с. 203—205). На этом снимке женщины в таком костюме, который в Забайкалье еще не осмеливаются надеть; у мужчин такой же костюм, как и в Забайкалье. Парчовые кокошники, богатые сарафаны бархатные с золотым шитьем, повойники, меховые накидки («жерелки») и другие старинные одеяния нашли себе приют в сундуках.

Своим трудолюбием, рачительностью ветковец (стародубец) и семейский — родные братья. Нелишне отметить и такую деталь в характере старообрядцев на западе, на Ветке. «Среди населения Черниговской губ. сложилось мнение о старообрядцах (может быть, на основании прошлого) как об опасных, не знающих пощады соседях)»[48]. То же самое говорили и говорят о семейских. Признаюсь, меня прямо-таки терроризовали перед отъездом к семейским неблагоприятными отзывами о них, сообщавшимися мне разными лицами, имевшими отношение к этим старообрядцам. А заботливые чины милиции в одном селе не советовали мне входить в избы другого села, куда я направлялся; даже днем по улице этого села будто бы боятся посторонние проезжать, а берут направление в сторону от этого опасного места. Несомненно, поводы для такой аттестации имелись. Но повторяю, я находил самый радушный прием у семейских. Подозрительность, замкнутость семейских заменялась откровенной беседой, как скоро они узнавали, что никакой цели, направленной к угнетению их, у меня не было. И еще, хотя и незначительная, параллель: вопреки писанию, сильная склонность к удручающей ругани. «Необычайно свирепую ругань, не употребляемую в печати», слышал И. С. Абрамов на Ветке. Не менее свирепо сквернословят и в Забайкалье.

---

[45] Письма, с. 114.

[46] Записки бар. Розена, с. 411.

[47] О Ветке см. сообщения *И. С. Абрамова*: «Старообрядцы на Ветке». (Живая Старина. 1907. Вып. 3). О других старообрядцах на западе см. некоторые сведения в IX т. «России» под ред. Семенова, с. 203—207.

[48] Абрамов. Старообрядцы на Ветке… С. 134.

Рукописные и печатные книги забайкальских старообрядцев также указывают на связь последних с западом. Некоторые забайкальские рукописи обнаруживают, что их составители пользовались текстами западнорусских писателей, — текстами с значительными чертами польского языка. Из печатных книг в Забайкалье имелись такие, какие были напечатаны, «друкованы», в области Польши и юго-западной России. Вот, например, старообрядческий забайкальский рукописный сборник (Ирк. дух. сем., XLV, 1806) со статьями о последних днях мира, о пришествии антихриста, о страшном суде: «Выписано изо многихъ разныхъ книгъ». Тут между прочим сообщено: «*повапленныя* ризы никому же на пол'зу будутъ, на *цестахъ* плачъ и в домѣхъ плачъ… *цеста* бо путь нарицается» (л. 9). Из сборника старца Давыда (Ирк. дух. сем., XLV, 1797): «*пятно* антихристово по полской речи пятно, а по рускому печать, которое слуг**и** его на руцѣ правой и на челѣ своемъ будутъ имѣти». Вот еще старообрядческий сборник (Ирк. дух. сем., XLV, 1798). Составитель включил в свою рукопись прямо без изменения большой важности и глубины отрывок «от книги Стефана Зизанія, друкованой в' Вильнѣ в' четверть листа, на осмый артико**у**лъ б**ы**знанъ вѣры, и о антихристѣ. Сумма всѣхъ знаковъ антихристовыхъ тотъ есть р**о**зум, хто маетъ, нехай зрахоуе личбоу звѣря, а бо вѣмъ личба человѣка и личба его есть 666… еще и третіяго смока оуказоует, мовячи, и видѣле мы изъ оустъ смоковых, изъ усть звѣряа» и т. д. В той же рукописи обличаются «банкеты». В речи старика-татарина в Н. Загане, родившегося и выросшего в этом селе среди семейских, я отметил глагол «банкетовать». Ссылки на книги юго-западных писателей встречаются во многих сборниках забайкальских старообрядцев: на требник Петра Могилы, на книги Лазаря Барановича, на «апокалипсис польского наречия», на Киевский «диалогизм» и др. В числе книг принесенных с запада, были и западно-русские рукописи. Таков большой сборник (без заглав. листа и начала) XVIII в. о к р е с т е (из рукоп. Троицкого монастыря). Этот экземпляр кончается XI-й главой 3-ей книги (л. 176). Перед каждой главой имеется по нескольку рифмованных стихов. Стихи имеются и в средине глав. Вся книга содержит беседу, которой Христос поучает Ставрофелю о кресте, его видах и крестоношениях, о значении их, и размышления. Язык сборника представляет в себе отражения говора малорусского, имеющего *і* вм. *ѣ*, *и* вм. *ы*, *и*: ср. следующие рифмы с *ѣ* и *и*, с *ы* и *и*.

Да здравствуеши тѣломъ вся хощешъ нос*и*ти.
Но ч[ес]ть, часть д[у]ши болшу, разсуждай имѣти (л. 32 об.).

Аще кто хощет истый оученикъ мой бы*ти*,
Отвергся себе, кре[с]т свой да изволитъ нос*и*ти (л. 52 об.).

Книги в и л е н с к о й печати не только читаются, но и переписываются в Забайкалье. Ср. Ц в е т н и к, переписанный П. Овчинниковым (см. выше).

Когда поселились старообрядцы в Забайкалье? По сообщению иркутского летописца, в декабре 1756 г. они добрались до Иркутска. «Сего [1756] года пришли в Иркутск польские старообрядцы для поселения за байкалом. Их сопровождал подполковник Иванов»[49]. «В декабре месяце, — записано в другой летописи, — в разные числа приведены в Иркутск переведенцы [польские?] и за ними подполковник Иван Иванов, кои из Иркутска и отправлены в Нерчинск в январе и феврале месяцах 1757 года, подполковник отбыл в Тобольск»[50]. Иным годом, более ранним, определяет приход семейских в Забайкалье декабрист Розен. В с. Десятникове, по пути из Читы в Петровский завод, 1830 г. декабристы встретили «110-летнего бодрого старца, который прибыл сюда в числе первых Семейских изгнанников в царствование имп. Анны Ивановны в 1733 г. [?]; ему было тогда 30 лет отроду; он хорошо помнил обстоятельства дальнего переселения и первоначальнаго устройства» (Зап. бар. Розена, 413). Но в этих цифрах есть противоречие: если переселение было в 1733 г., то сообщавшему было тогда лет 12; а если ему было тогда около 30 лет, то переселение происходило позднее. Вернее, что старик припозабыл год переселения (если это не добавление Розена), а не свой возраст, и следовательно, это переселение относилось к 50-м гг. XVIII в. С этой датой согласуется и Иркутская летопись. Были переселения старообрядцев и в последующие годы: в 1768 и в 1780[51]. В 1765 году было издано распоряжение об отсылке в Сибирь недобровольно возвращающихся из Польши и Литвы беглецов[52]. Часть высланных старообрядцев была поселена на Алтае. О пути, пройденном «польскими» старообрядцами до Забайкалья, Мартос, со слов, вероятно, старообрядцев, сообщил, что «они следовали водою из Калуги до Верхотурья и продолжали идти далее сухим путем. В Тобольске сформировали из них два пехотных полка: Том-

[49] Иркутская летопись / С предисловием, добавлениями и примеч. И. И. Серебренникова. Иркутск, 1911. С. 75.

[50] Там же. С. 396.

[51] *С. В. Максимов.* Сибирь и каторга. Ч. II, 263.

[52] *И. В. Щеглов.* Хронологический перечень важнейших данных из жизни Сибири. Иркутск, 1883.

ский и Селенгинской; остальных затем разделили надвое: одна часть поселена по Иртышу, другая за Байкалом»[53]. Об этом пути помнили забайкальцы еще в 60-х гг. прошлого столетия. С их слов С. В. Максимов записал следующий рассказ. «Народ собирали в Калуге, где на берегу Оки за городом стояли нарочно выстроенные амбары (бараки). В бараках этих много перемерло народу. По Оке в Волгу везли на судах до Казани. В Казани много взяли в рекруты: целый полк потом был сформирован из семейских в Тобольске. За Байкал пришли уже малыми частями». Перечислено несколько фамилий первых поселенцев, существующих и поныне, но с увеличившимся раз в 25 количеством членов их[54]. О водворении семейских, в частности тарбагатайцев, в Забайкалье декабристы узнали следующее: «Прибыв за Байкал в Верхнеудинск, явились там комиссару, который от начальства своего имел повеление поселить их отдельно в пустопорожней местности. Комиссар повел их, в конце великого поста, в дремучий лес по течению речки Тарбагатай, позволил им самим выбрать место и обстроиться, как угодно, дав им четыре года льготы от платежа подушных податей. Каково было удивление этого чиновника, когда посетил их через два года и увидел красиво выстроенную деревню, огороды и пашни в таком мѣсте, где за два года был непроходимый лес»[55]. С. В. Максимову семейские так рассказывали о поселении в Забайкалье. «Казна дедам нашим не помогала. Привел их на место (на р. Иро) чиновник. Стали его спрашивать: где жить? — указал в горах… Стали пытать: Чем жить? Чиновник сказал: “А вот станете лес рубить, полетят щепки, щепы эти и ешьте!” Поблагодарили его, стали лес рубить. На другой год исподволь друг около друга начинали кое-чем займоваться, запасаться нужным. На восемь дворов одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили и повеселели. Приехал знакомый чиновник и руками развел: “Вы-де еще не подохли? Жаль, очень жаль, а вас-чу! затем и послали, чтобы вы все переколели”»[56]. Некоторые сведения о поселении старообрядцев в Забайкалье «по памяти населения» собраны «Комиссией для исследования землевладения и землепользования в Забайк. области» (Материалы, вып. 6, СПб., 1898, с. 18—21).

Выселение старообрядцев из Ветки и из близких к ней местностей было недобровольное. Ср. только что приведенный рассказ, из

[53] *С. Мартос.* Письма о восточной Сибири. М., 1827. С. 115.
[54] *С. В. Максимов.* Сибирь и каторга. Ч. I. С. 353—354.
[55] Записки бар. Розена, с. 411.
[56] *С. В. Максимов.* Сибирь и каторга. Ч. I. С. 353.

которого видно, что народная традиция виновников переселения указывает в начальстве: оно гнало старообрядцев на мор в Забайкалье. (Не верно только определение цели изгнания: уморить оно могло бы и в другом месте, не столь отдаленном!) Для добровольного исхода из Ветки, славной и богатой в то время, не было никаких оснований. В конце XVII и в первой половине XVIII в. Стародубье, а затем Ветка представляли духовный центр старообрядства, метрополию его. «Гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества течаху во оная на Вѣткѣ пославляемая мѣста»[57]. Сюда же и позднее стекались для поучения и молитвы старообрядцы со всех сторон России. Экономическое состояние Стародубья и Ветки было на очень высокой ступени[58]. Но с 30-х гг. XVIII в. Ветка подвергается разгрому со стороны русских властей, желавших задушить цветущее сосредоточие старообрядчества и выгнать ревнителей «древлего благочестия» в Россию. Известны выгонки 1735 и 1764 гг.

Дождалися мы жестокой зимы:
Выслали всех без всякой вины, —

вспоминает духовный стих о разорении старообрядческого Лаврентьева монастыря близ Гомеля[59]. В одну из таких выгонок попали и предки алтайских и забайкальских старообрядцев.

О первых годах жизни старообрядцев в Забайкалье мы располагаем некоторыми сведениями, сообщенными П. С. Палласом[60]. С апреля до июня 1772 г. он объезжал с натуралистической целью Забайкалье. В своей поездке он побывал и в тех местностях, где незадолго перед тем водворились старообрядцы. Он называет их «поляками», «польскими колонистами». Так называет он и их собратий на Алтае. Конечно, и сам Паллас нисколько не сомневался в том, что они русские. Название же «поляки» употреблялось по прежнему месту их жительства. Так, о «поляках» деревни Шеманаиха на р. Убе он заме-

[57] *А. Щапов.* Российский раскол старообрядства. Казань, 1859. 324.

[58] См. в исследовании *М. И. Лилеева* «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVII вв.». Киев, 1895, а также в замечаниях *В. С. Иконникова* в Киевских «Университ. Известиях», 1897, № 4.

[59] Живая Старина. 1907. Вып. 2. 119.

[60] *P. S. Pallas.* Reise durch vershiedene Provinzen des Ruszischen Reichs. Dritter Theil, Vom Jahr 1772 und 1773. St. Petb., 1776. — На разных страницах с 164 до 276. Русским переводом (СПб. 1788) пользоваться невозможно, вследствие крайне неудовлетворительного качества его. В особенности безобразно искажены географ. названия.

чает: «Теперешние жители — это из Польши присланные колонисты, которые русского происхождения, языка и старогреческой религии [altgriechiescher Religion] и отцы которых жили в Подолии и в других пограничных польских провинциях». Он дает чрезвычайно лестный отзыв об этих колонистах[61]. У Палласа мы находим очень важные сведения о местах, заселенных «поляками» в Забайкалье, о численности дворов их в том или ином поселке, о хозяйстве и ревностном трудолюбии их. Местности, где находились тогда старообрядцы, те же, где они, весьма размножившись, трудятся и в наши дни. В деревне Хилоцкой, или Харитонове (Chilotskaja oder Charitonowa derewna), у Хилка было ок. 30 дворов, из которых две трети принадлежали старообрядцам. Вверх по Хилку и по впадающим в него небольшим речкам были деревни Паркина, Баленгинская, Катангарская, Диптуйская, Кукунская, Кайдабаевская, Нарын-Шибир, или Катаевская, Белоплотовская, Малстинская, Сохотоевская, Сардалмская, Песчанская, Уксулуцкая, Котюрская, Хоплорская, Буйская, Красноярская слобода, Бичурская, Еланская, Мангиртуйская, Сибилдуйская и Хабаровская. По Тунгую (Tungnui) и по другим речкам новая слобода Мухоршибир и деревни Кокуйская, Шаралдаевская (Scharaldaefskaja), Заганская, Харашибирская, Бурдюковская и Никольское село. Во всех этих поселениях считалось 450 человек тамошних мужиков и 350 человек новопоселенных колонистов. В Тарбагатае имелось ок. 40 дворов, из которых 10 принадлежали польским колонистам. К Тарбагатаю причислялись деревни Бурнашевка и Михалевка по Тарбагатаю (Тарбагантею), Пестерева, Султуринская и Куйтунская по Куйтуну, Гайтуринская, Кабалина, Зуевска[я], Красноярова, Захарова, Каленова, Рещикова, Сотникова — все по Селенге, Рупшевка и Иволгинская на Иволге, Барская, Кунайлейская, Бренская, Хободольская, три деревни Убукунские и Енгашинская на речках с такими же названиями. Число жителей во всей этой округе состояло из 309 мужиков и 466 новопоселенных колонистов. В Куйтуне было дворов 30 старожилов и 44 польских колонистов. Никольское было заселено по большей части польскими колонистами. Недалеко от Никольского расположилась дер. Бурдюковская, «которой ныне при новом населении дают название Хонхолой по ручью, над которым она находится. Она ныне состоит, за исключением четырех старых семей, называемых Бурдюковскими (Burdjukofskoi) и задолго здесь поселившихся, из 28, по большей части трудолюбивых и сведущих в хлебопашестве, поль-

[61] Ib., II (1771 г., июль), S. 516—517.

ских выселенцев». В дер. Харашибир, кроме старожилов, было ок. 50 душ «новых колонистов» («польских»?); «из них некоторые еще не построились». В Мухоршибири — 10 дворов старожилов. Тут же имелось и 15 дворов присланных «русских колонистов», по 3 человека в каждом («поляки»?). В Шарандае (Scharandaj) — 7 старых дворов и 12 сюда пришедших польских эмигрантов. В слободе по р. Чикою — Урлукской с принадлежащими к ней деревнями состояло 244 человека старожилов и 493 колониста. В Байхарской слободе и в ее деревнях — 226 старожилов и 123 новых поселян. Какое количество из этих «колонистов» приходилось на долю «поляков», неизвестно. Также неизвестно количество «поляков» и в следующих цифровых данных относительно всего населения в 8 слободах «Селенгинской страны»: 2520 старожилов и 1534 колониста.

В с. Никольском старообрядцы успели построить к этому времени церковь. Была и в Тарбагатае церковь, но неизвестно чья — старожилов или «поляков»[62]. Во главе волости стоял «выборный» или старшина (ein Wybornoi oder Aelteste), которого выбирают все деревни сроком на один год. Говоря о «польских колонистах», Паллас подчеркивает их необыкновенное трудолюбие и неутомимую борьбу с природой в обработке земли и приспособлении ее для посева. Семена для посева некоторые из них (в дер. Хилоцкой прибывшие сюда лет 6) получают от «старыхъ жителей Иркутской губ. по 2 пуда на каждую десятину ежегодно». Сеют здесь ярицу, разводят по местам и арбузы (Хилоцкая). Эти колонисты успели обзавестись уже изрядным количеством скота. Жалуются только, что сена недостает, вследствие северной части Селенгинской области, как например, в Куйтуне, лишает возможности сеять коноплю, гречиху, горох, просо, хотя «трудолюбивые поляки все это сначала сеяли и к новому посеву каждый раз вновь закупали. Теперь им розданы гречишные семена, на разведение которых они все силы употребляют». Поляки расчищают леса под пашню. Пашут они плугом, а не русскою сохою. Некоторые части этого плуга — стоячий или наклонный сошник, служащий для подрезывания кореньев, «введен еще прежними русскими мужиками, в польских лесистых местах поселившимися». Поляки пытались удобрять навозом здешние гористые места для посева; но ничего не вышло: весь посев сгорел. «Поляки» по прежнему

[62] Если это была церковь во имя Зосимы и Савватия, то она принадлежала не старообрядцам, а православным. Она была построена в 1744 г.; см. в статье: Исторические заметки о забайкальских церквах // Иркутск. епарх. ведом. 1874. № 37. С. 410.

своему обычаю молодых ягнят обертывают холстом и зашивают; по утрам смачивают ягненка теплою водою и постепенно отпускают холст. Так подолжается в течение 2—4 недель. Когда шерсть довольно подросла и завилась, обертку снимают, а ягненка убивают.

В отношении условий земледельческой жизни в Забайкалье уже Паллас указывал на то, что площадь, благоприятная для хлебопашества, здесь незначительна. Леса, бесплодные горы, сырые долины, осенью застланные туманом, а весною долго покрытые льдом, песчаные местности занимают большую часть территории Селенгинской (Верхнеудинской) области. К тому же рано наступающие холода и часто бывающие засухи губят урожай и на плодородных местностях. «Так что, кроме кочующих народов, каковы бурята и тунгусы, никакому другому тут жить нельзя». Но и этим кочующим народам, занимавшим лучшие плодородные места, вдоль реки стало тесно вследствие их размножения. А потому, советовал Паллас, «надобно бы, по приведении здешнего хлебопашества в совершенство, некоторую часть здешних народов перевести в другия к хлебопашеству неподходящие местности, как-то на песчаные и солончаковые степи Иртышские, и в особенности по Барабе».

Прошло 50 лет после путешествия Палласа. В течение этого времени семейские, благодаря своей энергии и неутомимому труду, обзавелись хорошими, богатыми домами и отлично обработанными пашнями. Торговые дела с Верхнеудинском, Петровским заводом, Кяхтой также значительно способствовали экономическому благосостоянию семейских. Патриархальность уклада семейной жизни, некоторая самостоятельность в административном и церковном отношениях — все это придавало особый, привлекательный оттенок их жизни, и далеко за пределы их местности распространилась молва о «щастливом состоянии сих переселенцев» (Мартос). В 20-х гг. Мартос, в 1827 и в 1830 гг. декабристы, в 1861 г. С. В. Максимов, в 1871 г. П. А. Ровинский с чрезвычайной похвалой отзывались о семейских, о их трудолюбии, энергии, здоровом укладе жизни (кроме бесплодных разглагольствований и лицемерия их книжников), о превосходстве над более давними русскими поселенцами — «сибиряками».

Сообщения Мартоса о Тарбагатае очень панегеричны и возбуждают сомнение в их соответствии действительности. Вот описание внутренности дома: изящная мебель красного дерева; полы покрыты коврами; большие зеркала в нарядных рамах; часы с музыкой. Все политические и литературные журналы и газеты хозяин квартиры — старообрядец Федот Иванов Заиграев «исправно» получал. Он рас-

полагал собранием географических карт, недавно изданных в С.-Петербурге, говорил, что «любит литературу и сельские работы» (110—116). Заиграев не представлял собою обычного старообрядца. Это торговый человек, выдвинувшийся среди своих собратий, обставивший себя по-городскому, имевший не только отеческие писания, но и столичные светские издания. Обрисовка обстановки дома Заиграева, данная Мартосом, согласуется с сообщением и декабристов Якушкина и Розена. «Ночью в Тарбагатае офицер разбудил меня, снял с меня цепи и вывел из комнаты тайком; потом сказал, что я увижусь с Муравьевым, и повел меня к Заиграеву, о котором упоминают многие из путешественников, описывавших Забайкальский край. Заиграев был не глупый и очень зажиточный крестьянин. У него в гостиной была мебель красного дерева, в углу стояли английские столовые часы, и на столе, когда мы вошли, лежали Московские газеты»[63]. Это было в конце 1827 года. «Европейский» прием, оказанный Заиграевым декабристам в 1830 г., отмечает и бар. Розен. В это время Заиграев жил уже не в Тарбагатае, а в соседнем селе. «Хозяин наш, Федот Иванович Заиграев, принял нас по-европейски. Он нажил себе большое состояние подрядами в Тарбагатае, но неприятности с начальством заставили его переселиться в соседнюю деревню, где онъ отказался от торговых оборотов»[64].

В 20-х гг. в Тарбагатае было уже 2 церкви: св. Зосимы и Саввация[65] и Николая чудотворца. Эта последняя названа Мартосом старообрядческой. (Позднее она была отчислена властями к единоверцам. Богатая была церковь, как передавали мне. Она находится на верхней, старой улице села.)

Из декабристов бар. А. Е. Розен оставил в своих записках весьма интересные сообщения о семейских. При переходе из Читы в Петровский завод (в конце августа — в сентябре 1830 г.) декабристы останавливались в 3 селах старообрядцев. (Названы Тарбагатай и Десятниково.) Тарбагатай — большое богатое село, с просторными домами; дома в несколько горниц, с большими окнами, с тесовыми крышами, с крытыми крыльцами. «Во дворе, под навесом стояли все кованные телеги, сбруя была сыромятная, кони были дюжие и сы-

[63] Из записок декабриста Якушкина // Русский Архив. 1870. № 8—9. С. 1587—1588.

[64] Записки бар. Розена // Отечественные записки. 1876. № 4. С. 413.

[65] Нестарообрядческая («сибирская»), построена в 1744 г., см.: Исторические заметки о забайкальских церквах // Иркут. епарх. ведом. 1878. № 37. С. 410.

тые, а люди, люди! Ну, право, все молодец к молодцу; красавицы не хуже донских — рослые, белолицые, румяные. День был воскресный; мужчины расхаживали в синих суконных кафтанах, женщины — в душегрейках шелковых с собольими воротниками, в кокошниках, из коих один лучше другого. Короче сказать, все у них соответствовало одно другому: от дома до плуга, от шапки до сапога, от коня до овцы — все показывало довольство, порядок, тудолюбие». «Они не употребляют ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарств, все это почитают за грех; они не прививают оспы, но, видно, вера их крепка — ни одного не встретил между ними рябого[66]; они — богомольны, прилежно читают священное писание и строго соблюдают обряды свои»[67]. Семейские «народ сильный и здоровый. Они поддерживают «свою крепость, свое здоровье постоянным трудом и здоровою пищею. В мясоед каждый день имеют говядину или свинину, в пост — рыбу». Семейские не испытывают бедности: многие из них очень зажиточны. «Не только в доме и в амбарах видны довольство и обилие, но и в сундуках хранятся капиталы. Между поселянами несколько хозяев нажили до ста тысяч рублей подрядами и доставками хлеба, зерном и мукою, торговлею с китайцами; по высокой цене продают им отборную пшеницу, черные мерлушки, шкурки черных ягнят и овец». В обработке полей семейские представляют образец для своих соседей — сибиряков. «Поля и обработка полей представляют совершенство, между тем как в недальнем от них расстоянии, селения и пашни старожилов обнаруживают крайнюю бедность и разорение». Семейские располагают некоторой свободой в общественном отношении; особого гнета правительственной администрации они не испытывают. «Весь наружный вид этих людей превосходный; они блаженствуют, имеют свое общинное правление, выбирают своих старост; на мирской сходке раскладывают все подати и повинности земские, никогда не остаются в долгу, рекрут ставят исправно. Между ними нет сословий с особенными преимуществами; они имеют дело только с исправником и заседателем, с которыми умеют ладить». То же довольство семейских наблюдали декабристы и в Десятникове. Там они встретили 110-летнего бодрого старца, помнившего обстоятельства переселения в Забайкалье. «Старец жил в доме своего младшего четвертого сына, которому было уже за семьдесят лет. Прадед, хотя уже давно сам не работал, но имел привычку носить всегда топор за поясом и рано утром сам

[66] Теперь иначе обстоит дело: ср. выше.

[67] Записки бар. Розена // Отечественные записки. 1876. № 4. С. 411—412.

будил внуков на работу. Он повел меня к трем старшим сыновьям своим, и с простительным тщеславием показал мне, где для каждого из них он выстроил особенный большой дом, с дворами и амбарами, для каждого двора по водяной мельнице[68]… По богатству и довольству поселян мне представлялось, что вижу трудолюбивых русских в Америке, а не в Сибири; жители управляются сами собою; сами открыли сбыт своим произведениям и будут блаженствовать, пока люди бестолковые не станут вмешиваться в их дела, забывая, что устроенная община, сама управляющаяся в продолжении столетия, лучше всех посторонних понимает действительную выгоду свою»[69].

[68] И до сих пор держится эта традиция всею семьею заблаговременно построить дом или 2—3 дома и снабдить всем нужным в хозяйстве для очередного выделения; ср. выше.

[69] Записки бар. Розена // Отечественные записки. 1876. № 4. С. 411—414. Раньше эти записки были напечатаны в Лейпциге в 1869 году: «Aus den memorien eines Russischen Dekabristen». Выдержки появились на русском языке в «Биржевых Ведомостях», 1869. № 269 и 274. На этих записках основаны IX, X, XI главы поэмы Некрасова: «Дедушка», напечатанной в «Отеч. Записках» 1870 г., № 9 (сент). Та картина Тарбагатая, которую рисует дедушка-декабрист, та характеристика тарбагатайских старообрядцев и даже сентенции, которые представлены в поэме, совпадают, иногда дословно с записками Розена. Сравните, например, следующие стихи:

Чудо я Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел
Едутъ туда комиссары.
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит
Мельницу выстроят скоро;
Уж запаслись мужики
Зверемъ из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали —
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли (IX).

Ср. сообщенный выше рассказ о поселении старообрядцев в Тарбагатае и о посещении их комиссаром.

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Все принялось, раздобрело!..
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители бодры всегда, —
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка,
Из соболей воротник! (X).
Дети до возраста в неге
Конь — хоть сейчас на завод, —
В кованой прочной телеге
Сотню пудов увезетъ…
Сыты там кони-то, сыты,

В таком же тоне отзывались о семейских и другие декабристы, Якушин, Беляев. «Когда мы приблизились к Тарбагатаю, перед нами развернулся чудесный вид: все покатости гор, лежащие на юге, были обработаны с таким тщанием, что нельзя было довольно налюбоваться на них… жители староверческого этого селения вышли к нам навстречу в праздничных своих нарядах. Мужики были в синих кафтанах и женщины в шелковых сарафанах и кокошниках, шитых золотом. Это были уже не Сибиряки, а похожие на подмосковных и Ярославских поселян. За Байкалом считают около 20000 староверов, и туземцы называют их поляками… В 1830 г., когда мы проходили Тарбагатай, там считалось более 270 ревизских душ. Вообще забайкальские, большею частью, народ грамотный [!], трезвый, работящий и живущий в большом довольстве»[70]. О богатстве семейских и образцовой обработке полей вспоминал и А. П. Беляев. «Тарбагатайские староверы были отличные пахари. Земледелие было у них в самом цветущем состоянии, а как их местность вообще гористая, то все склоны гор были возделаны с большим тщанием, что нас очень удивляло и радовало». Беляев сообщал также о том, «что многие из людей богаты, выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили в религиозные разговоры с многими из наших, которые хорошо знали церковную историю»[71]. Но сомнительно, чтобы «многие» семейские выписывали газеты и журналы. Не явилось ли это сообщение в результате обобщения Федота Заиграева с прочими семейскими[72]?

Каждый там сыто живет,
Тесом там избы крыты,
Ну, уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут
Подати платят до срока, —
Только ты имъ не мешай.
«Где ж та деревня?» — Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь за Байкалом… (XI).

[70] Из записок декабриста Якушкина // Русский Архив. 1870. № 8—9. 1613—1614.

[71] Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская Старина. 1881. Т. 30. С. 819—820.

[72] Из других описаний, касающихся семейских, укажем следующие. *П. А. Ровинский.* Этнографические исследования в забайкальской области // Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О. 1872. Т. 3. № 3; Т. 4, № 2—3 под загл.: Материалы для этнографии Забайкалья. Это лучшая статья, посвященная этнографии семейских. *Н. П. Ушаровъ.* Заметки о забайкальских старообрядцах // Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876. С. 313—333. Статья заключает в себе сведения о церковно-религиозной жизни семейских. Рассказы *Мишла.*

Сравнивая состояние семейских до половины прошлого столетия с состоянием их в настоящее время, наблюдаем, что их жизненный уклад в общем остался прежним: они стараются блюсти предания своих дедов во всех отношениях, — в отношениях церкви, семьи, общества. По-прежнему семейские неутомимо трудятся в обрабатывании земли и в ведении хозяйства. Но на многих сторонах жизни забайкальских старообрядцев отражаются и изменения. Нет того экономического благосостояния, какое приводило в восторг декабристов. Давно уже исчезла та самостоятельность в общественном управлении, какой располагали некогда старообрядцы в Забайкалье. Забыты или обойдены многие правила, что утверждались их книгами старопечатными и старописьменными. Есть и хорошие и дурные стороны в удалении от преданий старообрядческого «жития праведнаго». Хорошее — в желании приобщиться к знанию «свецкому», так пугавшему их отцов и книжников. Дурное — в понижении нравственного уровня, в распущенности как реакции против той затхлой атмосферы, которая стала уж слишком гнести при влиянии новой жизни. «Зайдите, господин, к нам, поговорите с нами, — вы видите, какая жизнь наша», — задушевно просил меня один парень в Н. Загане. В кровавом пламени, пылающем по великой отчизне нашей, гинет и многое из родного наследства старины глубокой. И жутко и тяжко в зареве этого пламени людям древнего благочестия.

— «Кому повем печаль мою»?!…

[М. И. Орфанова]. «В дали. (Из прошлого)». М., 1883. Очерк 5-й: «У семейских и на Кяхте», — незначителен по содержанию. Извлечения были помещены в «Русском Курьере», 1882, № 208, и в «Сибири», 1882, № 37. *Ю. Д. Талько-Грынцевич.* 1) «Семейские в Забайкалье», 2) «К антропологии великороссов» цитированы выше (см. с. 501—502), 3) «К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкальи». Труды Троицо-Кяхтинского Отд. Приамур. Отдела Русского географического общества. Т. 6. Вып. 1. 1903. Сообщено несколько цифровых данных, относящихся и к женщинам семейским. *Г. М. Осокин*. На границе Монголии. СПб., 1906. В 5-й главе имеются сведения о семейских. Азиатская Россия. Изд. Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия. Т. I. СПб., 1914. Несколько строчек о забайкальских старообрядцах. На снимке между с. 180—181 можно видеть к и ч к и семейских женщин.

К снимкам

За содействие в изготовлении клише и в литографии выражаю глубокую благодарность Дионисию Ив. Каленскому и Георгию А. Захарову.

№ 1—5, 7—9 сняты в с. Никольском. № 6 — снимок семейского с Чикоя, взят из книги Г. М. Осокина «На границе Монголии». К сожалению, не вышло клише со снимка двух молодых женщин с Чикоя, наряженных в свои высокие угловатые кички: выцветший отпечаток этого снимка я достал в с. Никольском у г. Бутыриной; негатив же пропал у ней. № 10 представляет собою снимок из рукописного Апокалипсиса, принадлежащего библиотекарю Иркутской городской б-ки Н. Ст. Романову; см. выше с. 26 [имеется в виду издание 1920 г. — *О. Н.*]. Апокалипсис с многочисленными рисунками, хорошо исполненными различными красками. Образец письма этого Апокалипсиса см. на снимке № 11. Снимок № 12 представляет предисловие и заглавие Олонецких (Поморских) ответов по рукописному экземпляру Ирк. дух. семинарии, XLV, 1784, см. выше с. 23—24. № 13-й и 14-й — снимки из рукописного сборника старца Давыда, б-ки Ирк. дух. сем., XLV, 1797; см. выше с. 22—23.

По поводу последних снимков из рукописи старца Давыда и им подобных заметим, что и противная сторона, казалось бы, более просвещенная, также прибегала к уродливым иллюстрированным обличениям старообрядцев. Сравните рисунок, гравированный на большом листе, приложенный к книге: «Обличение неправды раскольнической. Сочинения Ѳеофилакта архиеп. Тверскаго». 1745. В Москве. Пользуюсь экземпляром Иркутской дух. семинарии, XLV, $5^{1}/_{15}$, 1840. Экземп. без заглав. листа. В конце книги приложено изображение «Разных толков раскольников российских, обретающихся по разным местам. А именно, от лета 1666-го». Внизу растянулся змей двуглавый. Из одной пасти выросло древо. На крупных листьях древа прописаны «толки» раскольнические. «Змий изблева свою горесть и испусти всезлобное ветвие». За деревом видны домики; по другую сторону — человек с длинной бородой, с посохом, с четками. От этого древа вкусил Каин, Озиа-царь, еретики Арий и Несторий, такожде и российские раскольники. В стихотворении, которым снабжено это изображение, имеется между прочим такой призыв:

Жилища лживых в сей лжи учителей,
Суемудренных пребезумных скотов,
Блюстися требе всем црковным чадом…

С трудом верится, что это иллюстрированное стихотворение — плод представителя высшей иерархии.

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ИЗ АРХИВА

А. М. Селищев — ученик Ливенского реального училища Орловской губернии. Фото на открытке. Начало 1900-х гг. (РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 1)

А. М. Селищев — студент Императорского Казанского университета. Казань, 1910. (РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 3)

А. М. Селищев (в центре полулежит на полу со стаканом чая в руках) в группе знакомых. Казань, [1910 г.].
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 4)

А. М. Селищев.
Фото на открытке.
На обороте запись:
Селищев Грековой
(далее два слова
неразборчивы).
Казань, 1915—1916 гг.
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1.
№ 179. Л. 6)

А. М. Селищев —
приват-доцент
Казанского университета.
Фото на открытке.
Казань, 1916.
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1.
№ 179. Л. 7)

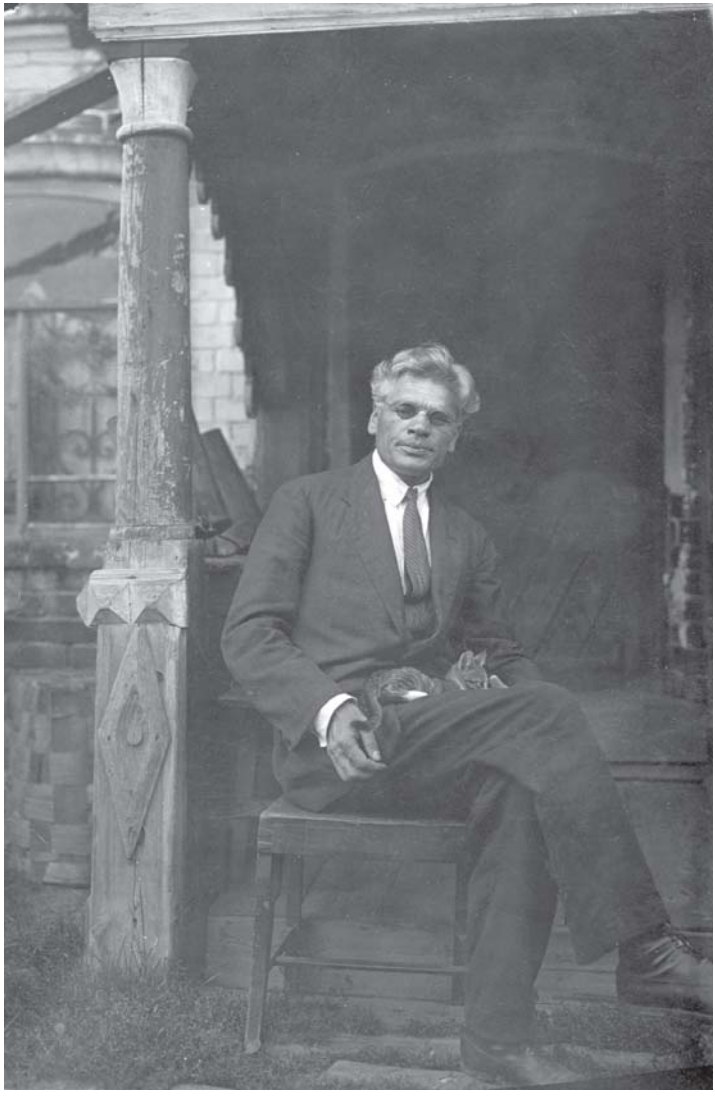
А. М. Селищев. Фото начала 1920-х гг.
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 11)

Рисунки и наброски отдыхающих в санатории «Узкое» (1923 г.) художника-графика М. Я. Доброва. Второй слева — С. Т. Морозов, на переднем плане — М. Г. Флеер; крайний справа — А. М. Селищев (РГАЛИ. Ф. 2232. Оп. 1. № 74. Л. 19)

А. М. Селищев. Фото на открытке. Москва, 1928—1929 гг.
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 12)

А. М. Селищев на отдыхе (в Городце?) [1938 г.]
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 14)

А. М. Селищев (в центре — сидит на мешке с зерном)
с группой колхозников (в Городце?). Фото 25 августа 1938 г.
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 13)



А. М. Селищев на отдыхе (под Москвой?). Конец 1930-х гг.
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. № 179. Л. 19)

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Слово и. Глава к.

Ѿ народѣ безчисленом иже имутъ сохрѣтом
цртвовати ѿ языкъ. Сущее. чз

Иосихъ видѣхъ и се народъ многъ. егоже
и зчести никогоже мотъ. ѿ всякаго ꙗ
зыка и колѣна и людїи и племенъ сто
ящїе пред ирѣтоломъ. и пред агнцемъ облече
ны ризы бѣлыя. и финицы в рукахъ ихъ
и возопиша гласомъ велїимъ. глющe спсенїе сѣ
дящаго на прѣтолѣ бга нашего ꙗгнца.

11

Господину присланному оучителю ієромонаху неѡ
фиту. мѵра здравїя спасенїя. и смиреномудраго пра
ваго и милосердаго разсужденїя. всеоусердно желаемъ
и покорно кланяемся.

Еже оубо всепресвѣтлѣйшее императорское ве
личество повелѣ. Еже стѣйшїи правительству
ющїи синодъ присуди. Еже съ заводовъ посла
нныи оуказъ обьяви. ꙗко имѣти тебѣ сна
ми, о произшедшемъ несогласїи. тихое кроткое
и безъѡпасное разглагольство. ꙗко принужде
нїя нетворити насилна. в произволнѣй вѣрѣ. сїе все
благодатное императорское милосердїе сїе прекроткое

Жителѣйна
вопросы. и єромонаха.
неофита:

12

Сiи крыжи и престолки от держины латынских еретиков
О церкви римской
глава Н
Ересь · Хлебы опресноки
Ересь · табак
Ересь · Аллилуия четверят

Ересь Ученикиблазнъ
Ересь Колѣнопоклонницы
Ученикъ есть Сына Христовым церкви Соѣретникам Сокращенiя имѣютъ
Сошѣщники Соѣретнiсами
Ересь Власовъ
Ересь Богомерская
Ересь Прiпрестное
Ересь Iнсъ Нам Благое
Ересь Иисусiанъ
Ересь Армянская
Ересь Армянская
Iисъ Хсъ
Сiе же написанiе
Сiе же написанiе
Ересь
Ересь

Афанасий Матвеевич Селищев

ТРУДЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Том 1

Язык и общество

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовил В. Гусев
Корректоры Е. Зоткина, О. Трефилова

Подписано в печать 30.09.2003. Формат 60□90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. п. л. 39,5. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ **http://www.lrc-press.ru**
http://www.lrc-mik.narod.ru

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).